296522
K552

Исторический 264/8

ЦЕСАРЕВИЧЪ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

(1754—1796)

ИСТОРИЧЕСКО

ИЗ

ИЗ

296522

1339.

Пр. 2010

1887

Была у меня

и

V

Д/110

1927

Son Altesse Imperiale

PAUL PETROVITCH,

GRAND DUC

de Russie, &c.&c.&c.

Dedié a Son Altesse Imperiale

MADAME LA GRANDE DUCHESSE,

Par Son tres Humble et tres Obeisant Serviteur

Gub.l Scorodoumoff

Published as the Act directs 22d April 1781

9(47) К-552
Пр. 1955 г.
9(с)14.
К-552.

ЦЕСАРЕВИЧЪ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

(1754—1796)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ДМИТРІЯ КОБЕКО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

БИБЛІОТЕКА
Шифр 9/47/К552
Инв. № 22026.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 28.
1887

1353

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее сочиненіе мое, вышедшее первымъ изданіемъ въ 1882 году и вторымъ въ 1883 году, удостоенное Академіею Наукъ меньшей Уваровской преміи и переведенное на нѣмецкій языкъ, вызвало рецензіи профессоровъ Брикнера («Allgemeine Zeitung» 1883, №№ 264 и 265), Иконникова («Записки Академіи Наукъ», Т. LI) и Корсакова («Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія» 1883 г.).

Въ третьемъ изданіи я воспользовался нѣкоторыми указаніями этихъ рецензій и дополнилъ его свѣдѣніями, явившимися въ новѣйшихъ сборникахъ историческихъ документовъ. Сверхъ того, я снабдилъ его алфавитнымъ указателемъ личныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ.

Д. К.

„Si j'étais dans le cas d'avoir besoin d'un parti, alors j'aurais pu me taire sur des désordres, pour ménager certaines personnes; mais étant ce que je suis, je ne peux avoir ni parti, ni intérêt, que celui de l'Etat, et il est dur de voir, avec mon caractère, que les choses vont de travers et surtout que la négligence et des vues personnelles en sont la cause;—j'aime mieux être haï en faisant bien, qu'aimé en faisant mal."

Изъ письма Цесаревича Павла Петровича къ К. И. Сакену, 4-го февраля 1777 г.

I.

Преобразовательная дѣятельность Императора Петра Великаго встрѣтила сочувствіе въ малой лишь части русскаго общества. Большинство русскихъ людей того времени не раздѣляло мыслей и взглядовъ государя. На сторонѣ его противниковъ стали первая его супруга и его сынъ и наслѣдникъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ. Послѣ смерти царевича, Императоръ, желая избрать себѣ наслѣдникомъ достойнѣйшаго, издалъ, 5-го февраля 1722 года, постановленіе, въ силу котораго „было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному паки отмѣнить“.

Смерть Петра Великаго послѣдовала ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ назначить себѣ преемника, и изданный имъ законъ, открывая поле личному усмотрѣнію царствующаго государя и вліяніямъ и интригамъ его окружавшихъ, сдѣлался одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ переворотовъ, которыми такъ обильна русская исторія въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Однимъ изъ такихъ переворотовъ возведена была на престолъ, 25 ноября 1741 года, дочь Петра Великаго, Императрица Елизавета. Предмѣстникъ ея, малолѣтній Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родители, принцъ брауншвейгскій Антонъ Ульрихъ и его супруга, принцесса Анна Леопольдовна, сосланы были въ заточеніе.

Кромѣ этихъ членовъ брауншвейгской фамиліи, представителей, по женской линіи, потомства царя Іоанна Алексѣевича, единственнымъ въ то время представителемъ потомства Петра Великаго, также по женской линіи, былъ племянникъ Императрицы Елизаветы, герцогъ голштейнъ-готторпскій Карлъ-Петръ-Ульрихъ, сынъ старшей дочери Петра Великаго, цесаревны Анны, отъ брака ея съ герцогомъ Карломъ Фридрихомъ. Призванный Елизаветою Петровною въ Россію, онъ принялъ православіе съ именемъ Петра Ѳедоровича, объявленъ былъ наслѣдникомъ престола и, по желанію Императрицы, вступилъ, 21-го августа 1745 года, въ бракъ съ принцессою ангальтъ-цербстскою, Софіею-Августою-Фридерикою, нареченною Екатериною Алексѣевною.

20 сентября 1754 года родился у нихъ первенецъ-сынъ Павелъ.

„Всемогущему Господу Богу благодареніе“, гласилъ манифестъ Императрицы Елизаветы Петровны 7-го октября 1754 г. „Наша вселюбезнѣйшая племянница, великая княгиня Екатерина Алексѣевна, отъ имѣвшаго бремени благополучное разрѣшеніе получила и даровалъ Богъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ первороднаго сына, а намъ внука Павла Петровича, что учинилось минувшаго сентября въ 20-й день“.

„Лишь только сына моего спеленали, разсказываетъ сама Екатерина [1]), Императрица Елизавета потребовала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла, немедленно послѣ чего она приказала повивальной бабкѣ взять ребенка и слѣдовать за нею. Я осталась на одрѣ болѣзни...

„На шестой день (25-го сентября) происходили крестины моего сына. Онъ едва было не умеръ отъ молочницы. Я могла узнавать о немъ только украдкою: вопросы о немъ были бы истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости Императрицы, что было бы принято очень дурно. Впрочемъ, Елизавета Петровна взяла его въ свои покои, спѣшила къ нему, лишь только онъ начиналъ кричать и буквально душила его

[1]) Catherine II, 216, 221, 224, 233.

своимъ ухаживаніемъ. Онъ помѣщенъ былъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, спеленатый фланелью, въ колыбели, обитой лисьимъ чернобурымъ мѣхомъ; покрывали его стегапымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго настилали розоваго цвѣта бархатное одѣяло, подбитое мѣхомъ; я сама видѣла его нѣсколько разъ такъ уложеннымъ; потъ выступалъ у него на личикѣ и па всемъ тѣлѣ. Отъ этого произошло то, что когда онъ выросъ, онъ простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, онъ окруженъ былъ огромнымъ числомъ старухъ, которыя, благодаря ихъ неразумнымъ и безтолковымъ хлопотамъ, причиняли ему, вмѣсто добра, и физическое и нравственное зло.

„Въ самый день крестинъ Павла Петровича, Императрица, по окончаніи обряда, пришла въ мою комнату и принесла мнѣ, на золотомъ блюдѣ, указъ Кабинету о доставленіи мнѣ 100,000 рублей.

„По прошествіи сорока дней, Императрица, во второй разъ, пришла ко мнѣ, для молитвы. Я встала съ постели, чтобы ее привѣтствовать, но она нашла меня столь слабою и похудѣвшею, что приказала мнѣ сидѣть во время чтенія молитвы ея духовникомъ. Сына моего внесли въ мою комнату. Тутъ я увидѣла его въ первый разъ отъ рожденія. Я нашла его очень хорошенькимъ; видъ его немного меня порадовалъ, но, тотчасъ по окончаніи молитвы, Императрица удалилась и приказала унести его за собою.

„Послѣ Пасхи слѣдующаго (1755) года, я, вмѣстѣ съ супругомъ, отправились въ Ораніенбаумъ. Передъ отъѣздомъ Императрица дозволила взглянуть мнѣ на сына, въ третій разъ послѣ его рожденія. Чтобы дойти до него, нужно было пройти всѣ покои Государыни; я нашла его, какъ уже говорено было, въ удушливой жарѣ“.

О рожденіи Павла увѣдомлены были нѣкоторые иностранные родственные дворы. Съ этою цѣлію посланы были: въ Вѣну — камергеръ баронъ Сиверсъ, въ Цербстъ — капитанъ Хрущовъ и въ Стокгольмъ — камергеръ великаго князя-родителя — Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, вслѣдъ затѣмъ

назначенный 6-го декабря 1754 года посланникомъ, первоначально въ Гамбургъ, а потомъ въ Парижъ [1]).

Около года длилось торжествованіе дня рожденія Павла. Кромѣ баловъ и маскарадовъ при дворѣ, большая часть вельможъ давали маскарады, которые Императрица почтила своимъ присутствіемъ. Между прочимъ, у фаворита И. И. Шувалова былъ костюмированный балъ, продолжавшійся 48 часовъ, и на которомъ маски смѣнялись. Тогда же была у него иллюминація, которою всѣ восхищались [2]).

Празднества эти не были обычными только формальностями. Екатерина Алексѣевна, вышедшая замужъ очень молодою за слабаго здоровьемъ великаго князя Петра Ѳедоровича, въ теченіе девяти лѣтъ супружества не имѣла дѣтей, и рожденіе ея первенца, Павла Петровича, привѣтствовано было не только какъ радость семьи царской, но и какъ залогъ утвержденія наслѣдственности престола, подвергавшейся въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія столь частымъ колебаніямъ.

Рожденіе Павла воспѣлъ Ломоносовъ. Онъ высказываетъ новорожденному желаніе сравниться въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ; ему предстояло, по мнѣнію Ломоносова, освобождать святыя мѣста, вокругъ которыхъ „облекъ драконъ ужасный“ и перешагнуть чрезъ стѣны, отдѣляющія отъ Россіи Китай. Затѣмъ, Ломоносовъ обращается къ Богу, крѣпкому Вседержителю, съ мольбою:

Ты подалъ отрасль намъ едину;
Умножа благодать послѣ,
И впредь съ Петромъ Екатерину
Рожденіемъ возвесели.

И Богъ внялъ мольбѣ Ломоносова. 9-го декабря 1757 года Екатерина разрѣшилась отъ бремени дочерью. Мать просила Императрицу дозволить назвать новорожденную Ея именемъ [3]), но Елизавета Петровна рѣшила дать ей имя Анны, въ честь старшей своей сестры, герцогини голштинской, матери вели-

[1]) Барановъ, III, № 10473, 10474 и 10485.
[2]) А. к. В., V, 18, и Записки Штелина въ Ч. О. И. и Д., III, 92.
[3]) Catherine II, 304.

каго князя Петра Ѳедоровича. На шестой день Императрица окрестила ребенка и дала указъ Кабинету о выдачѣ Екатеринѣ 60,000 рублей. Столько же послала она и великому князю, что̀ не мало увеличило его радость. Послѣ крестинъ начались празднества. „Говорятъ, прибавляетъ Екатерина, что въ числѣ ихъ были и очень блистательныя, но я не видѣла ни одного; я оставалась въ постелѣ совсѣмъ исхудалая; вокругъ меня не было ни души, потому что едва лишь разрѣшилась я отъ бремени, не только Императрица, какъ и въ первый разъ, взяла ребенка къ себѣ, но подъ предлогомъ, что мнѣ необходимо спокойствіе, меня покинули всѣ какъ несчастную бѣдняжку; никто не ступалъ ногою въ мою комнату, никто меня не посѣщалъ, никто даже не освѣдомлялся о моемъ здоровьѣ“...

Черезъ годъ и три мѣсяца (7 марта 1759 г.) великая княжна скончалась.

Четырехлѣтній Павелъ Петровичъ очень любилъ сестру-младенца и горько плакалъ узнавъ о ея смерти.

Нѣкоторыя подробности о первыхъ годахъ Павла сохранились въ его воспоминаніяхъ [1]). Изъ нихъ видно, что онъ началъ ходить, будучи года и одного мѣсяца. Случалось, что онъ ложился спать или очень рано, часовъ въ 8 вечера, или же часу въ первомъ ночи, по прихотямъ. Случалось также, что и ночью ему давали кушать, когда попросить изволитъ. Не смотря на то, что онъ окруженъ былъ толпою женщинъ, надзоръ за нимъ былъ слабъ. „Одинъ разъ онъ изъ колыбели выпалъ, такъ что никто того не слыхалъ. Пробудились по утру—Павла нѣтъ въ колыбели; посмотрѣли—онъ лежитъ на полу и очень крѣпко опочиваетъ“ [2]).

При Елизаветѣ Петровнѣ, Павелъ Петровичъ постоянно находился въ ея покояхъ. Елизавета хаживала къ нему ежедневно, въ иной день раза по два и по три, иногда ночью. Когда же онъ подросъ, то посѣщенія эти почти прекратились.

[1]) Записаны съ его словъ, Порошинымъ и напечатаны г. Афанасьевымъ въ Арх. истор. и прак. свѣдѣній. 1862, IV, 32 и г. Семевскимъ (по другому Куракинскому списку), въ Р. В., 1886, VIII, 421.

[2]) Порошинъ, 158, 246, 347.

„Причиною сего было то, что мамы такъ его напугали, что Павелъ трясся, какъ скоро ее увидитъ.“ [1]).

Посѣщенія Павла родителями были до того рѣдки, что въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ того времени даже отмѣчалось, когда Екатерина навѣщала сына. Екатерина сама разсказываетъ [2]), что когда, послѣ разныхъ пережитыхъ ею горестей, она выразила вице-канцлеру, графу Воронцову, желаніе возвратиться на родину и онъ заговорилъ ей о ея дѣтяхъ, Екатерина возразила, что она ихъ не видитъ и не можетъ ихъ видѣть безъ особаго разрѣшенія Императрицы; что она не сомнѣвается въ томъ, что Императрица очень о нихъ заботится, но такъ какъ она лишена наслажденія видѣться съ ними, то для нея безразлично, быть ли отъ нихъ въ разстояніи ста шаговъ или ста верстъ.

Въ концѣ царствованія Елизаветы, Екатерина получила дозволеніе видѣть своего сына разъ въ недѣлю [3]).

Состоявшіе при Павлѣ лица обязаны были постоянно доносить о его здоровьѣ; такъ врачъ Кондоиди писалъ, между прочимъ, 25-го мая 1755 г., что „Великій князь опочивалъ сладко и покойно и пробудился веселъ. Кушать изволилъ иной день больше, иной меньше, молочной кашицы и слѣдственно, благословеніемъ Всемогущаго, въ вожделѣнномъ находится здравіи“ [4]).

Кромѣ разныхъ няпекъ, мамокъ и мальчиковъ, состояли при Павлѣ Петровичѣ Алексѣй Григорьевичъ Жеребцовъ, графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій и затѣмъ, съ 1758 года, Ѳедоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, отозванный отъ должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ и назначенный, 19-го октября того года, церемоніймейстеромъ [5]). При нихъ начали учить Павла Петровича грамотѣ, ариѳметикѣ и заповѣдямъ.

---

[1]) P. B. 1866, VIII, 445.

[2]) Catherine II, 348.

[3]) Daschkow, I, 28.

[4]) Нѣкоторыя изъ донесеній Кондоиди, Жеребцова и Панина напечатаны г. Есиповымъ въ Истор. Вѣстникѣ 1881, IV, 934 и Семевскимъ въ Архивѣ ист. и прак. свѣдѣній, 1861.

[5]) Умеръ въ 1761 г.

Бехтѣевъ же ввелъ, при воспитаніи Павла, слѣдующій, нѣсколько странный пріемъ: о великомъ князѣ нарочно печатали вѣдомости и давали ему для прочтенія. Тамъ обыкновенно подъ артикуломъ „изъ Петербурга“ обо всѣхъ Его Высочества поступкахъ и погрѣшностяхъ упоминалось; увѣряли его, что сіи вѣдомости разсылаются по всей Европѣ [1]).

При Бехтѣевѣ же явился и первый, спеціально для Павла составленный, учебникъ. Это было: Краткое понятіе о физикѣ, для употребленія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго князя Павла Петровича. Въ С.-Петербургѣ 1760. 12^0. стр. 63.

Въ книжкѣ этой помѣщены краткія статьи о физикѣ вообще, о свѣтѣ, о небѣ и о тѣлахъ небесныхъ, о земномъ шарѣ, о патуральной исторіи и создателѣ натуры и, сверхъ того, отдѣльное „сокращеніе нравоучительной науки“.

Въ томъ же году напечатанъ былъ, спеціально для Павла Петровича, особый календарь съ картами Россійской имперіи [2]).

29-го іюня 1760 г. Елизавета Петровна назначила генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера Никиту Ивановича Панина оберъ-гофмейстеромъ при Павлѣ.

Женскій персоналъ, окружавшій Павла, былъ недоволенъ назначеніемъ Панина. „Какъ у Государыни Панинъ обѣдалъ, подослалъ Павелъ Петровичъ подсмотрѣть его: сказали, что парикъ съ узлами и старикъ—а Панину въ это время было только 42 года—угрюмый. Другой разъ, увидя въ Петергофѣ, что старикъ идетъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми бархатными, Павелъ Петровичъ заключилъ, что это Панинъ и неописанно струсилъ, для того, что уже разсказано было, что какъ скоро онъ опредѣлится, то не будетъ допускать женщинъ и всѣ веселости отнимутъ“. Павелъ встрѣтилъ своего оберъ-гофмейстера слезами [3]).

1-го августа того же 1760 г. въ оперномъ домѣ представлена была французская трагедія Митридатъ, съ балетомъ,

[1]) Двѣ такія вѣдомости напечатаны въ Р. А. 1869, I, 68.
[2]) Губерти, Матеріалы для русской библіографіи. Москва. 1878. II, № 103.
[3]) Р. В. 1866, VIII, 438.

въ присутствіи Елизаветы Петровны и Павла Петровича, который, какъ отмѣчено въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, отъ рожденія въ первый случай изволилъ присутствовать въ оперномъ домѣ.

Наконецъ 30-го сентября того же года, когда Павлу минуло 6 лѣтъ, онъ въ первый разъ присутствовалъ на парадномъ обѣдѣ во дворцѣ. Засимъ его начали считать уже достаточно взрослымъ для того, чтобы приглашать иностранныхъ посланниковъ представляться ему на отдѣльныхъ аудіенціяхъ.

Елизавета Петровна не забыла Павла и на смертномъ своемъ одрѣ. Умирая, она просила своего наслѣдника, великаго князя Петра Ѳедоровича, доказать свою къ ней признательность любовью къ собственному его сыну, нѣжно любимому ею Павлу. Къ сожалѣнію Императоръ Петръ III, въ теченіе своего шестимѣсячнаго царствованія, не имѣлъ времени, да по своимъ личнымъ качествамъ, не имѣлъ и средствъ заботиться о воспитаніи Цесаревича Павла [1]). Біографъ его, Гельбигъ, разсказываетъ, что Петръ III проявлялъ къ Павлу много нѣжности. Однажды онъ навѣстилъ его, поцѣловалъ и сказалъ окружавшимъ его съ внутреннею добросердечностію: „Изъ него выйдетъ добрый малый. На первое время онъ можетъ оставаться подъ прежнимъ присмотромъ, но скоро я устрою его иначе и озабочусь его лучшимъ военнымъ воспитаніемъ, вмѣсто теперешняго женственнаго“ [2]).

Напротивъ того, австрійскій посланникъ Мерси д'Аржанто свидѣтельствуетъ, что Петръ III, со времени вступленія на престолъ, не обращалъ вниманія на Павла, къ которому всегда обнаруживалъ всѣмъ въ глаза бросающееся нерасположеніе [3]). Отношенія эти характерно выражаются въ слѣдующемъ фактѣ:

---

[1]) Титулъ Цесаревича присвоенъ былъ Павлу формою церковнаго возношенія при вступленіи на престолъ Петра III.—П. С. З. № 11394. 27-го декабря 1761.

[2]) Helbig, Biographie Peter des Dritten. Tübingen, 1808—1809. II, 75, тоже говоритъ и Штелинъ въ Ч. О. И. и Д., III, 102.

[3]) С. Р. И. О., XVIII, 83. Ср. донесеніе французскаго посланника Бретеля, Cour, 191.

20-го сентября 1755 г. назначено было производить Павлу по 30,000 р. въ годъ [1]). Денегъ этихъ къ началу царствованія Петра III накопилось 120,000 р., а 4-го января 1762 г. генералъ-прокуроръ Глѣбовъ объявилъ Высочайшее повелѣніе сумму эту взнесть немедленно въ комнату Его Величества [2]).

Впрочемъ, Петръ III принималъ, кажется, участіе въ выборѣ лицъ, приставленныхъ къ Павлу. Большинство ихъ служило, до назначенія къ Павлу, въ кадетскомъ корпусѣ, главнымъ начальникомъ котораго былъ, еще въ бытность свою наслѣдникомъ, Петръ III.

Оберъ-гофмейстеръ Павла, Панинъ, часто выражалъ желаніе, чтобы Государь обратилъ вниманіе на успѣхи ученія его питомца своимъ личнымъ присутствіемъ на экзаменѣ, но Петръ III извинялся подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ ничего не понимаетъ въ этихъ вещахъ. Наконецъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ двухъ его дядей, принцевъ голштинскихъ, онъ рѣшился удовлетворить желаніе Панина. Когда испытаніе кончилось, Государь сказалъ громко своимъ дядямъ: „Господа, говоря между нами, я думаю, что этотъ плутишка знаетъ эти предметы лучше насъ“. Затѣмъ, въ знакъ одобренія, онъ пожаловалъ его капраломъ гвардіи; Панинъ возражалъ противъ этой награды, убѣжденный, что она вскружитъ голову великому князю и дастъ ему поводъ думать, что онъ уже взрослый человѣкъ, и Императоръ согласился отмѣнить свое распоряженіе [3]).

Хотя Петръ III не только оставилъ Панина при Павлѣ, но и пожаловалъ его 6-го апрѣля 1762 г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ [4]), а 2-го мая орденомъ Андрея, но довѣрія къ нему не имѣлъ. При Панинѣ постоянно находился, для наблюденія за нимъ, одинъ изъ флигель-адъютантовъ Петра III [5]).

---

[1]) П. С. З., № 10468.

[2]) Рукопись въ Гос. Арх. II, 80.

[3]) Daschkow, 42.

[4]) О подробностяхъ этого пожалованія см. Daschkow, 43.

[5]) Разсказъ Панина, записанный Ассебургомъ. По предположенію г. Бар-

Екатеринѣ также въ это время не было возможности заниматься Павломъ. Положеніе ея въ царствованіе Петра III было тяжело и ей угрожали опасности. Въ обстоятельномъ манифестѣ о вступленіи своемъ на престолъ [1]), Екатерина сама свидѣтельствуетъ, что Петръ III не восхотѣлъ объявить Павла Петровича наслѣдникомъ и что въ его царствованіе она видѣла себя съ сыномъ въ гоненіи и почти крайнемъ отдѣленіи отъ Императорскаго дома.

Кромѣ того, Екатерина должна была скрывать рожденіе Алексѣя Григорьевича, впослѣдствіи графа Бобринскаго. „Извѣстно мнѣ, писала Бобринскому Екатерина [2]) въ 1781 г., когда онъ уже оканчивалъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и шла рѣчь объ обезпеченіи его состоянія и объ устройствѣ его будущности, что мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязньми и сильными непріятелями, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго своего сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе, воспослѣдовавшее 11 апрѣля 1762 г.“

Ребенокъ отданъ былъ на попеченіе гардеробъ-мейстера Шкурина и тайна его рожденія была сохранена.

Екатерина II вступила на престолъ (28-го іюня 1762 г.), когда ее сыну, Павлу, было безъ малаго восемь лѣтъ. Всѣ ея историки превознесли хвалами труды и заботы ея о воспитаніи внуковъ. Любопытно поэтому съ нѣкоторою подробностью остановиться на томъ, что сдѣлано было ею для воспитанія сына.

„По моему мнѣнію,—говоритъ она въ одной изъ своихъ замѣтокъ, писанной еще въ бытность ея великой княгиней [3]),—

тенева (Р. А. 1879, III, 365 и 367) это былъ Порошинъ, но предположеніе это болѣе чѣмъ сомнительно. При Павлѣ состояли три флигель-адъютанта Петра III—князь Н. С. Барятинскій, Перфильевъ и Порошинъ, пожалованные въ это званіе въ одинъ и тотъ же день, 31-го декабря 1761 г. (Барановъ, № 11928); но Порошинъ назначенъ кавалеромъ при Павлѣ только 28-го іюня 1762 (предисл. къ запискамъ, стр. XVI), т. е. только въ день воцаренія Екатерины.

[1]) Манифестъ 6 іюня 1762.

[2]) Р. А. 1876. IX, 13.

[3]) С. Р. И. О., VII, 97.

при воспитаніи царственнаго сына должны быть приняты два начала. Они состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ (bienfaisant) и вселить въ немъ любовь къ правдѣ. Это сдѣлаетъ его любезнымъ въ глазахъ Бога и людей."

Немедленно по воцареніи Екатерина сдѣлала для воспитанія Павла шагъ, который хотя и не увѣнчался успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе стяжалъ ей громкія хвалы энциклопедистовъ. Воспитателемъ къ Павлу Петровичу пригласила она, чрезъ посредство посланника нашего въ Парижѣ С. В. Салтыкова, извѣстнаго Даламбера [1]).

Трудно сказать, могъ ли бы Даламберъ быть пригоденъ къ дѣлу воспитанія наслѣдника русскаго престола. Самъ онъ, повидимому, не очень серьезно смотрѣлъ на сдѣланное ему предложеніе и шутливо писалъ Вольтеру: „Savez-vous qu'on m'a proposé, à moi, qui n'ai pas l'honneur d'être jésuite, l'éducation du Grand Duc de Russie. Mais je suis trop sujet aux hémorrhoïdes et elles sont trop dangereuses en ce pays là" [2]).

Отказъ свой отъ этого приглашенія Даламберъ сообщилъ Одару, служившему при кабинетѣ Екатерины. Это дало поводъ самой Императрицѣ написать Даламберу письмо,—тотчасъ же повсюду оглашенное,—въ которомъ она, между прочимъ, утверждала, что воспитаніе сына такъ близко ея сердцу и Даламберъ такъ ей нуженъ, что, быть можетъ, она слишкомъ настаиваетъ на своемъ предложеніи и приглашаетъ его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями. Не смотря однако и на это письмо и на всѣ выгодныя условія, Даламберъ рѣшительно отказался отъ предложенной ему чести.

Впрочемъ, ближайшая цѣль, которую, приглашая Даламбера, имѣла въ виду Екатерина, была ею достигнута. Французская Академія занесла въ свои протоколы предложеніе, сдѣланное ея члену, Вольтеръ патетически поздравилъ своего друга и газеты разнесли по всему свѣту вѣсть объ этомъ просвѣщенномъ дѣйствіи Екатерины. Первый шагъ на пути

[1]) d'Alembert. Mémoires. Paris, 1805. I, 34. Подробности см. въ моей статьѣ: Екатерина II и Даламберъ. Истор. Вѣст. 1884, № 4.

[2]) Письмо это въ сочиненіяхъ Вольтера, изд. Beuchot, № 3670.

къ популярности былъ сдѣланъ ею удачно, а что вызовъ Даламбера не былъ ни искреннимъ, ни серьёзнымъ дѣломъ, видно изъ того, что получивъ его отказъ, Екатерина на этомъ успокоилась и не продолжала искать своему сыну другаго воспитателя. Въ Парижскомъ литературномъ кругѣ распущенъ былъ слухъ, что Екатерина намѣревалась обратиться съ подобнымъ же предложеніемъ или къ Дидро, или къ Мармонтелю, или къ Сорену (Saurin), но въ дѣйствительности она оставила Павла на рукахъ Панина. Чрезъ много лѣтъ (20 іюля 1793 г.), говоря о воспитаніи старшаго своего внука, Великаго Князя Александра Павловича, Екатерина сказала статсъ-секретарю своему Храповицкому: „Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ. Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ“.

Тѣмъ не менѣе Екатерина приняла мѣры къ тому, чтобы знать все, что дѣлается и говорится около Павла. Она приставила къ нему двухъ кавалеровъ и двухъ камердинеровъ не столько съ цѣлію быть у него въ услугахъ, сколько для того, чтобы передавать все, что тамъ происходитъ[1]). Оставивъ сына подъ надзоромъ Панина, Екатерина и не вмѣшивалась вовсе въ дѣло его воспитанія. Павелъ имѣлъ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ мать навѣщала его очень рѣдко. Во время своихъ довольно частыхъ отлучекъ она, въ перепискѣ съ Панинымъ, ограничивалась лишь обычными освѣдомленіями о здоровьѣ сына, никогда не требуя извѣстій о ходѣ его учебныхъ занятій.

4-го іюля 1762 г. Екатерина пожаловала Павла полковникомъ въ Лейбъ-Кираспрскій полкъ, которому и велѣно было именоваться Кираспрскимъ Наслѣдниковымъ полкомъ, а 20-го декабря 1762 г. данъ былъ слѣдующій указъ сенату: „ревностное и неутомимое попеченіе наше о пользѣ государственной и о принадлежащемъ къ ней, между инымъ, цвѣтущемъ состояніи флота нашего, желая купно съ достойнымъ въ томъ

[1]) Депеша саксонскаго резидента Сакена 5-го іюня 1764 г.— Herrmann, V, 566.

подражаніемъ блаженныя и безсмертныя памяти дѣду нашему, Государю Императору Петру Великому, вперить еще при нѣжныхъ младенческихъ лѣтахъ во вселюбезнѣйшаго сына и наслѣдника нашего, Цесаревича и великаго князя Павла Петровича, Всемилостивѣйше опредѣляемъ мы Е. И. Высочество въ наши генералъ-адмиралы“ [1]).

Кромѣ того, Павлу предоставлено было право, какъ герцогу голштинскому, жаловать орденъ св. Анны, учрежденный его дѣдомъ, герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, или, точнѣе говоря, на него возложена была обязанность подписывать грамоты на этотъ орденъ тѣмъ лицамъ, которымъ онъ назначался Екатериною.

Наконецъ, 10-го іюля 1762 г., Екатерина назначила ему содержаніе по 120,000 руб. въ годъ, и въ 1763 году подарила ему Каменный Островъ.

[1]) П. С. З. № 11729 или С. П. Вѣд. 1763 г. № 3. См. статью: „Назначеніе Наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича, генералъ-адмираломъ и происходившія по этому случаю торжества“ въ Мор. Сб. 1854, III, 296.

II.

Дворъ Цесаревича Павла Петровича состоялъ, въ началѣ царствованія Екатерины, изъ слѣдующихъ лицъ:

Оберъ-гофмейстеръ Н. П. Панинъ.

Информаторъ Тимоѳей Ивановичъ Остервальдъ.

При Его Высочествѣ:

Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій.

Степанъ Васильевичъ Перфильевъ.

Карлъ Ивановичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.

Семенъ Андреевичъ Порошинъ.

Петръ Ивановичъ Пастуховъ, субъ-информаторъ.

Изъ числа этихъ лицъ учителями Павла были: Остервальдъ—исторіи, географіи и языковъ русскаго и нѣмецкаго и Порошинъ — ариѳметики и геометріи. Законъ Божій преподавалъ ему архимандритъ Платонъ, а физику и астрономію—Францъ Ивановичъ Эпинусъ.

Затѣмъ идетъ рядъ учителей искусствъ. Андрей Ангилеевичъ Грековъ училъ его рисованію, Гильфердингъ и Гранже—танцованію, Тедъ и Тремамундо—фехтованію, Манфредини—музыкѣ, актеръ Бомонъ—декламаціи.

Должность библіотекаря занималъ Франсуа.

Врачами при немъ состояли Крузе и Фусадье [1]).

---

[1]) Сверхъ того въ комнаты Павла Петровича назначались по два камеръ-пажа и по четыре пажа. Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи Паж. корпуса. Кіевъ, 1876, 31.

Не безполезно ознакомиться съ главнѣйшими изъ этихъ лицъ.

Панинъ (1718 – 1783) началъ службу въ конной гвардіи, гдѣ въ 1740 г. изъ вахмистровъ произведенъ въ корнеты; въ 1743 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ; въ 1747 г. назначенъ посланникомъ въ Данію; въ 1748 г. переведенъ въ Швецію и въ 1760 г. опредѣленъ, какъ уже сказано, оберъ-гофмейстеромъ Павла.

Еще въ царствованіе Елизаветы Петровны канцлеръ графъ Воронцовъ и И. И. Шуваловъ неоднократно предлагали Панину должность вице-канцлера, но онъ отъ того твердо и непоколебимо отказывался, желая быть только при Павлѣ Петровичѣ. Тѣмъ не менѣе, при Императрицѣ Екатеринѣ Панину поручено было, въ 1763 году, управленіе иностранною коллегіею [1]). Поэтому онъ не могъ уже всецѣло посвящать себя дѣлу воспитанія великаго князя; занятія по новой должности, а затѣмъ заботы объ упроченіи своего положенія, среди придворныхъ интригъ, отнимали у него не мало времени. Должность оберъ-гофмейстера при Павлѣ, о правахъ котораго онъ заявлялъ при восшествіи на престолъ Екатерины, давала ему такое значеніе, что враждебная ему партія пыталась, прежде всего, удалить его отъ этой должности.

Но если соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ столь важныхъ обязанностей, какъ министра иностранныхъ дѣлъ и воспитателя наслѣдника престола, дѣйствительно очень трудно, то оно въ особенности было тягостно для Панина потому, что, какъ замѣтилъ даже Бантышъ-Каменскій, Панина упрекали въ лѣности, которая, прибавляетъ снисходительный къ русскимъ достопамятнымъ людямъ біографъ, должно полагать, происходила отъ полнокровнаго сложенія.

Всѣ иностранные дипломаты, бывшіе въ Россіи при Екатеринѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что Панинъ былъ человѣкомъ умнымъ, честнымъ и неподкупнымъ, но что при этомъ онъ былъ лѣнивъ и медлителенъ. Сверхъ того, можно привести много указаній на то, что онъ любилъ хорошій

[1]) Указъ 27 октября 1763 г. въ С. Р. И. О., LI, 67.

столъ и хорошенькихъ женщинъ и вообще былъ склоненъ къ удовольствіямъ.

Не смотря однако на эти слабости, Панинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и лучшихъ государственныхъ людей того времени. Онъ съумѣлъ пріобрѣсти любовь великаго князя, которая впослѣдствіи перешла въ тѣсную дружбу.

При вступленіи въ должность оберъ-гофмейстера, Н. И. Панинъ представилъ свое мнѣніе о воспитаніи великаго князя [1]). По этому плану воспитаніе Павла Петровича должно было дѣлиться на два періода: въ первомъ періодѣ, до четырнадцатилѣтняго его возраста, предположено было преподавать ему законъ Божій, ариѳметику, исторію и языки русскій, французскій и нѣмецкій, причемъ „въ началѣ всѣ обученія не прямою наукою, но больше наставленіями должны быть производимы“.

На основаніи этого мнѣнія дана была Панину Елизаветою Петровною особая инструкція [2]), въ которой признано было излишнимъ распространяться подробнымъ оглавленіемъ наукъ и знаній вообще. Панину предоставлено было самому опредѣлить, которыя изъ наукъ Павлу пристойны и нужны въ разсужденіе его рожденія и званія. Панину же разрѣшено было установить и порядокъ, въ которомъ эти науки должны были преподаваться.

Остервальдъ воспитывался въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1741 году и по экзамену 1749 г., въ бытность его капраломъ, имѣлъ слѣдующій аттестатъ [3]):

„Тушуетъ ландшафты и картуши, разумѣетъ французскаго автора, переводитъ хорошо съ нѣмецкаго на французскій языкъ, сочиняетъ французскія письма, разумѣетъ и говоритъ хорошо по россійски, переводитъ съ нѣмецкаго на россійскій языкъ, учится исторіи универсальной и географіи по геман-

[1]) Напечатанъ въ Р. С. 1882, XI.
[2]) Р. А. 1881, III, 20.
[3]) Именной списокъ находящимся въ Сухопутномъ корпусѣ кадетамъ. Спб. 1761, 269.

скимъ картамъ и исторіи спеціальной новѣйшихъ временъ; танцуетъ менуеты и другіе танцы, окончилъ геометрію съ фортификаціею регулярною, учится иррегулярной; учился гражданскому праву по наставленіямъ юстиніановымъ; сочиняетъ хорошія нѣмецкія письма; правоученіе и натуральное право окончилъ; фехтуетъ въ контру; ѣздитъ верхомъ по солдатски".

Мы привели этотъ аттестатъ съ цѣлью показать, какія разносторонніе знанія давалъ въ то время кадетскій корпусъ своимъ ученикамъ. Училище это давало своимъ питомцамъ отнюдь не узко-спеціальное военное образованіе; напротивъ того, изъ корпуса выходили молодые люди со свѣдѣніями въ иностранныхъ языкахъ, словесныхъ наукахъ и математикѣ. Извѣстно, какъ много замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей прошлаго столѣтія не только на военномъ, но и на гражданскомъ поприщѣ, а также на поприщѣ наукъ и литературы вышущено изъ кадетскаго корпуса, который, до учрежденія московскаго университета, былъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи.

Еще въ бытность свою въ корпусѣ, Остервальдъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность. Вмѣстѣ съ товарищами своими, Бекетовымъ, Мелиссино, Разумовскимъ и Свистуновымъ, онъ принималъ участіе въ театральныхъ представленіяхъ, бывшихъ зародышемъ правильнаго русскаго театра въ Петербургѣ.

По окончаніи курса въ корпусѣ, Остервальдъ остался при немъ на службѣ и 12-го февраля 1760 г. произведенъ въ подполковники. Въ томъ же году онъ опредѣленъ былъ информаторомъ къ Павлу Петровичу и въ этой должности оставался до его вступленія въ бракъ.

Положеніе свое при дворѣ Остервальдъ упрочилъ женитьбою, 19-го апрѣля 1767 года, на фрейлинѣ Аннѣ Павловнѣ Зассъ. Супруги имѣли, кажется, примѣръ нѣмецкой аккуратности и умѣренности. Въ составленномъ Екатериною шутливомъ описаніи рода смерти, отъ которой должны умереть нѣкоторые изъ ея приближенныхъ, опредѣлена была смерть

Остервальду — отъ воздержанія, а его женѣ — отъ голода [1]). Жена Остервальда отличалась, сверхъ того, набожностью, почему и прозвана была Екатериною „лютеранскою проповѣдью“ [2]).

По словамъ Гельбига, Остервальдъ былъ хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, но самаго дюжиннаго ума и не имѣлъ ни свѣдѣній, ни характера, нужныхъ воспитателю Наслѣдника престола.

Порошинъ (1741 — 1769) родился въ Кунгурѣ, гдѣ отецъ его былъ начальникомъ горныхъ заводовъ. Подобно Остервальду, Порошинъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и при этомъ же корпусѣ началъ, съ ноября 1758 г., службу. 31-го декабря 1761 г., будучи поручикомъ, назначенъ флигель-адъютантомъ Императора Петра III, съ чиномъ и двойнымъ жалованьемъ дѣйствительнаго подполковника и отправленъ былъ въ Кенигсбергъ для сопровожденія въ Россію дяди Петра III, голштинскаго принца Георгія. Затѣмъ 28-го іюня 1762 г. опредѣленъ кавалеромъ при Павлѣ Петровичѣ.

Порошинъ былъ человѣкомъ образованнымъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, основательно изучилъ математику и уважалъ словесность и вообще науку. Въ литературѣ онъ извѣстенъ статьями, напечатанными въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“; онъ же перевелъ съ французскаго первыя двѣ части сочиненія Прево д'Ескиля „Англійскій философъ“ и нѣсколько другихъ книгъ.

Въ журналѣ „Праздное время“ помѣщено нѣсколько стихотвореній Порошина. Розыскать ихъ довольно трудно, но какъ образчикъ его музы приведемъ четырехстишіе, написанное имъ по просьбѣ Павла Петровича:

„Я смыслъ и остроту всему предпочитаю,
На свѣтѣ прелестей нѣтъ больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту съ красой соединя“.

Порошинъ былъ симпатичною личностью. Онъ горячо лю-

[1]) С. Р. И. О., X, 320.

[2]) Письмо Екатерины къ графу Стакельбергу въ Р. С. 1871. III, 314. Подлинные анекдоты Екатерины Великой. Москва, 1806, 166.

билъ родину и старался вселить въ своемъ воспитанникѣ чувство уваженія къ Россіи и къ русскимъ. Страстно привязанный къ Павлу, онъ не отходилъ отъ него ни на минуту и бесѣды его были поучительны. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать Порошину, состоитъ въ чрезмѣрной добротѣ его къ Павлу. Повѣренный дѣтскихъ сердечныхъ тайнъ Павла, Порошинъ въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, доводилъ свою доброту до слабости.

Дневникъ, который Порошинъ велъ съ 1-го сентября 1764 по январь 1766 г., составляетъ драгоцѣнный и притомъ единственный матеріалъ для ознакомленія съ отроческими годами Павла Петровича [1]).

Князь Барятинскій и Сакенъ не имѣли кажется участія въ воспитаніи Павла и состояли при немъ въ качествѣ придворныхъ. До этого назначенія Барятинскій былъ флигель-адъютантомъ Петра III, а Сакенъ — переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [2]). О первомъ изъ нихъ Павелъ Петровичъ жаловался Порошину, говоря, что Барятинскій завсегда ему досаждаетъ, твердя, что надобно ложиться позже, вставать позже, не пропускать ни одной комедіи и убираться въ пять буколь...

Перфильевъ состоялъ на службѣ съ 29-го сентября 1756 года, первоначально при кадетскомъ корпусѣ и 31-го декабря 1761 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ Петра III. Къ Павлу назначенъ онъ уже въ царствованіе Екатерины II [3]). По окончаніи воспитанія Павла онъ былъ петербургскимъ губернаторомъ и пользовался извѣстностью большаго хлѣбосола.

---

[1]) Дневникъ его изданъ въ С.-Петербургѣ въ 1844 г. Дополненіемъ къ нему служатъ: а) „сто три дня изъ дѣтской жизни Императора Павла“, въ Р. А. 1869, I и б) статьи Афанасьева и Семевскаго, указанныя выше. Для біографіи Порошина могутъ служить пособіемъ письма его къ графу Гр. Орлову и Миллеру (Р. А. 1867 и 1869, I) и патентъ, данный ему Павломъ Петровичемъ (Р. А. 1874, XI). Статьи г. Юрлова въ Симбир. губ. вѣд. 1866, №№ 90 и 100 не имѣютъ значенія. Дневникъ Порошина вновь изданъ въ прилож. къ Р. С. 1881.

[2]) Назначенъ состоящимъ при Павлѣ, 9-го іюля 1761 г., въ чинѣ титуляр наго совѣтника. Барановъ, III, № 11,832.

[3]) Письма Екатерины къ А. В. Олсуфьеву. Москва, 1863, 110.

Въ качествѣ таковаго онъ и воспѣтъ Державинымъ въ знаменитой его одѣ на смерть князя Мещерскаго [1]).

Эпинусъ (1724—1802), бывшій профессоръ астрономіи Берлинской академіи, перешелъ въ 1756 году въ Петербургъ членомъ академіи и профессоромъ высшей математики и физики, въ области которой извѣстенъ нѣкоторыми открытіями. Кромѣ многихъ спеціальныхъ трудовъ, онъ издалъ учебное сочиненіе Крафта: „Hrn G. W. Krafft's Kurze Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geographie, nebst dem Gebrauch der Erd-Kugeln und Land-Charten, zum Nutzen der russischen studirenden Jugend. Zweite mit Anmerkungen vermehrte Ausgabe von Aepinus (1760)", появившееся и въ русскомъ переводѣ въ 1764 году. Впослѣдствіи онъ былъ инспекторомъ классовъ въ кадетскомъ корпусѣ [2]), преподавателемъ въ морскомъ корпусѣ, служилъ въ иностранной коллегіи „при особливой должности" [3]) и, вмѣстѣ съ Пастуховымъ, назначенъ былъ членомъ коммиссіи, учрежденной 7 сентября 1782 г., для введенія въ Россіи народныхъ училищъ [4]). Въ 1783 г. онъ, вмѣстѣ съ Остервальдомъ, обозрѣвалъ Петропавловское училище, для преобразованія его въ высшую нормальную школу [5]). Эти занятія отвлекли его отъ науки. Эпинусъ пересталъ посѣщать академическія собранія и хотя онъ и сдѣлался извѣстнымъ нѣкоторыми трудами и открытіями, но, казалось, стыдился принадлежать къ ученой республикѣ и желалъ, чтобы могли быть забыты его дѣйствительныя заслуги, которыя должны быть цѣнимы гораздо выше, чѣмъ всѣ внѣшнія отличія [6]).

[1]) Въ составленномъ Екатериною описаніи рода смерти ея приближенныхъ, о которомъ мы только что говорили, Перфильевъ долженъ былъ умереть отъ несваренія желудка.

[2]) Шлецеръ, Автобіографія. Сб. отд. рус. яз. и слов. И. А. Н., Спб., 1875, XIII, 181.

[3]) Занимался, кажется, шифрами.

[4]) Дѣятельность его въ этой должности объяснена у Шлецера: Staats-Anzeigen, Göttingen. 1783—1785, XI, 257; XVII, 3; XXV, 82; XXVIII, 521 и XXXIV, 408.

[5]) Донесеніе ихъ 17-го августа 1783 г. Императрицѣ, въ рукописи въ государственномъ архивѣ (XVII, 77).

[6]) Bernoulli, Reisen in den Jahren 1777—78. Leipzig, 1780, IV, 20.

Андрей Ангилеевичъ Грековъ, бывшій учителемъ при гимназіи академіи наукъ, опредѣленъ преподавателемъ рисованія къ Павлу въ 1761 году [1]). Какъ художникъ, онъ ничѣмъ себя не заявилъ, и состоялъ при Павлѣ, кажется, не столько въ качествѣ учителя, сколько въ роли шутника. Онъ срисовывалъ Павлу картинки, разсказывалъ побасенки и т. д., такъ что однажды Панинъ, удаливъ великаго князя, въ наказаніе, въ спальню, именно приказалъ, чтобы Грекова тамъ не было, для того, что когда Его Высочество въ опочивальнѣ, то для забавъ своихъ и для игры по большей части его призываетъ. Порошинъ подробно разсказываетъ о праздникѣ, устроенномъ Павломъ въ своихъ комнатахъ, по случаю пожалованія Грекову чина ассессора [2]).

Остальные учителя искусствъ, ничтожные иностранцы, конечно не имѣли никакого значенія при воспитаніи Павла.

Въ заключеніе переходимъ къ учителю богословія Платону. Если, въ ряду наставниковъ Павла, мы ставимъ его послѣднимъ, то слѣдуемъ при этомъ хронологическому порядку выбора преподавателей; законоучитель былъ назначенъ къ Павлу тогда уже, когда всѣ прочіе преподаватели начали съ нимъ свои занятія [3]).

Отсутствіе при Павлѣ законоучителя было, кажется, замѣчено въ обществѣ. Сохранилась записка, писанная митрополитомъ ростовскимъ, Арсеніемъ Мацеевичемъ, въ 1763 году къ графу Бестужеву-Рюмину о томъ, что „пора бы, кажется, великому князю учителя о законѣ пріискать“. Способнымъ для этого признавался Іосифова Волоколамскаго монастыря архимандритъ Адріанъ [4]). Было и другое предположеніе — назначить законоучителемъ Павлу троицкаго архимандрита Гавріила, впослѣдствіи митрополита петербургскаго [5]).

---

[1]) Пекарскій, II. 603; Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб., 1845 г. 463, 075; Ровинскій, Русскіе граверы. Москва, 1870, 84.

[2]) Порошинъ, 236 и 494.

[3]) До назначенія особаго законоучителя, составленъ былъ для Павла краткій катехизисъ. Напечатанъ въ Р. А. 1881. I, 22.

[4]) С. Р. И. О., VII, 270.

[5]) Снегиревъ, II, 21.

Между тѣмъ Екатерина, въ бытность свою въ Троицкой Лаврѣ въ октябрѣ 1762 и въ маѣ 1763 гг., лично узнала іеромонаха Платона, въ то время ректора семинаріи. Послѣ вторичнаго посѣщенія Лавры Императрицею, Платону приказано было явиться въ Москву.

„Пріѣхавъ въ Москву, разсказываетъ Платонъ [1]), въ тотъ же день Платонъ ко двору явился, гдѣ ему сказано, чтобы остаться при столѣ. За столомъ Императрица съ нимъ благоволительно разговаривала и разные вопросы задавала, а паче Панинъ разными предложеніями его испытывалъ; особливо, какъ примѣтно было, хотѣлъ узнать не суевѣренъ ли Платонъ [2]). Причемъ въ первый разъ за столомъ и будущаго своего воспитанника, великаго князя, видѣть Платонъ имѣлъ честь. Послѣ стола Панинъ объявилъ Платону, что Ея Императорское Величество опредѣляетъ его къ Наслѣднику въ учители богословія, причемъ просилъ Платона, чтобы онъ на другой день пріѣхалъ къ столу великаго князя и съ нимъ бы познакомился. Почему онъ и былъ при столѣ и съ великимъ княземъ и другими нѣсколько познакомился и простился благополучно".

Въ Петербургъ Платонъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ августа 1763 г. и началъ свою дѣятельность, въ присутствіи Екатерины, словомъ на освященіе собора въ Сергіевской пустынѣ.

„Живучи и при дворѣ не оставилъ Платонъ своей любви къ уединенію; рѣдко когда выѣзжалъ, и то болѣе къ духовнымъ. Но вмѣсто того, всегда почти у него собраніе было иностранныхъ людей, ибо онъ съ ними обращаться и разговаривать особенную всегда охоту имѣлъ. Собирались они всегда къ нему на обѣдъ, или по вечерамъ. И отъ такого обращенія онъ много пользовался, ибо изъ нихъ многіе были люди ученые и свѣтъ знающіе. Почему многихъ вещей зна-

[1]) Снегиревъ, II, 22 и слѣд.

[2]) Ср. въ мнѣніи Панина о воспитаніи Цесаревича, о которомъ сказано будетъ ниже, слова: „избранный наставникъ (закона Божія) долженъ быть чуждъ всякаго предубѣренія и суевѣрства, вещь, свойственная однимъ ложнымъ законамъ" и т. д.

ніе, кое чрезъ науки получить нельзя, отъ нихъ пріобрѣлъ. А при томъ, какъ онъ возымѣлъ охоту учиться французскому языку, то обращеніе съ людьми, сей языкъ знающими, много ему помогало. Почему онъ и успѣлъ въ томъ языкѣ, нѣсколько могъ разговаривать, а читать и разумѣть французскія книги удобно могъ".

Положеніе Платона при дворѣ было трудное. Екатерина тщательно исполняла обряды церкви, но, спрашиваетъ ея современникъ, кн. Щербатовъ, имѣетъ ли она вѣру къ закону Божію? „Но есть, отвѣчаетъ онъ, упоена безразсмысленнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, законъ христіанскій (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но оное многажды въ бесѣдахъ ея открывается... и можно сказать, что въ царствованіе ея и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала" [1]). Точно также и король прусскій, Фридрихъ II, который очень хорошо зналъ все, что дѣлается при русскомъ дворѣ, выразился про Екатерину: „Elle n'a aucune religion, mais elle contrefait la dévote" [2]).

Платонъ, конечно, зналъ это не хуже князя Щербатова и Фридриха II. Онъ зналъ, что при дворѣ Екатерины было не мало лицъ, не только совершенно равнодушныхъ къ религіи, но и готовыхъ при случаѣ неуважительно отнестись о ней. Такія выходки позволялъ себѣ за обѣдами у Павла Петровича камергеръ графъ А. С. Строгановъ [3]).

Сверхъ должности законоучителя Павла Петровича, Платонъ носилъ званіе придворнаго проповѣдника, и Екатерина приходила въ умиленіе отъ его проповѣдей. „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ,—хочетъ онъ, чтобы мы плакали, — мы плачемъ" сказала она однажды по окончаніи его слова. Громкая слава о его сочиненіяхъ распространялась по всей Европѣ; о его учебникѣ богословія знали въ Берлинѣ, при дворѣ Великаго Фридриха, а слово

[1]) О поврежденіи нравовъ, 94.
[2]) Cour, 220.
[3]) Порошинъ, 22 октября и 26 ноября 1764 г.

его въ день празднованія Чесменской битвы расхваливалъ самъ Вольтеръ. Но эти суетныя похвалы не могли примирить Платона съ увлеченіемъ придворнаго общества модными современными идеями и нравами, и будучи всегда другомъ истиннаго просвѣщенія, онъ не могъ не замѣтить, что „по истинѣ новопроникшія философическія начала, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всеприлѣжной предосторожности“ [1]).

По переѣздѣ въ Петербургъ, Платону отведено было помѣщеніе во дворцѣ, что, по его признанію, „не очень ему нравилось, ибо привыкши жить въ монастырскомъ уединеніи, тутъ окруженъ былъ мірскими всякаго состоянія и пола людьми, въ томъ же дворцѣ живущими. Поэтому Платонъ весьма обрадованъ былъ назначеніемъ его въ 1766 г. архимандритомъ Троицкой Лавры, ибо это назначеніе дало ему возможность уединиться на Троицкое подворье, тогда какъ, живучи въ придворныхъ покояхъ, нѣсколько съ утѣсненіемъ и между людьми свѣтскими и въ поѣздѣ придворномъ всегдашнее находя затрудненіе, не безъ скуки иногда было ему“ [2]).

Естественно, что величавый образъ Платона и его строгая жизнь должны были производить сильное впечатлѣніе на Павла Петровича.

Вліяніе Платона на его царственнаго ученика было благотворно. Платонъ былъ членомъ небольшаго его общества, часто обѣдалъ у него; вслѣдствіе этого отношенія великаго князя къ своему законоучителю и духовнику были не только въ извѣстныхъ случаяхъ духовныя, а въ другихъ оффиціальныя, но постоянно и внѣ духовно-служебныхъ обязанностей имѣли характеръ задушевный. Павелъ Петровичъ съ дѣтства былъ очень религіозенъ и такимъ, благодаря Платону, остался на всю жизнь. Поэтому только злою, но совершенно несправедливою, является оцѣнка дѣятельности Платона, какъ законоучителя Павла Петровича, сдѣланная княземъ Зубовымъ.

[1]) Письмо Платона къ графу Остерману. Снегиревъ, I, 143.
[2]) Снегиревъ, II, 25.

Когда Платонъ, будучи уже митрополитомъ московскимъ, окончивъ священнодѣйствіе коронованія Александра I, сказалъ Зубову:

„Мы сподобились видѣть ангела въ коронѣ и порфирѣ,— поберегите его“.—„Не опасайтесь, отвѣчалъ Зубовъ, не вашъ ученикъ“ [1]).

Переходимъ къ занятіямъ Павла Петровича.

Распредѣленіе дня было слѣдующее: Павелъ вставалъ въ семь часовъ утра и даже ранѣе; обѣдъ былъ въ началѣ втораго часа; ужинъ въ половинѣ девятаго. Учебныя занятія происходили какъ до обѣда, такъ и послѣ, а по окончаніи вечернихъ уроковъ Павелъ очень часто бывалъ въ театрѣ, или на куртагѣ, или въ маскарадѣ.

Относительно хода преподаванія сохранились слѣдующія свѣдѣнія:

„Что касается преподаванія закона Божія, разсказываетъ Платонъ [2]), то положено было ученіе великому князю преподавать три раза въ недѣлю, по часу, а по воскресеньямъ и праздникамъ предъ обѣднею читать священное писаніе съ объясненіемъ, сколько время дозволитъ. И такъ, призвавъ Бога на помощь, началъ ученіе Платонъ съ великимъ княземъ 30-го августа 1763 г., сказавъ рѣчь, въ коей, объяснивъ пользу сего ученія, увѣщевалъ высокаго ученика, чтобъ прилагалъ къ тому великое вниманіе и прилежаніе. Великій князь былъ горячаго нрава, понятенъ, но развлекателенъ. Разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила. Однако высокій воспитанникъ, по счастію, всегда былъ къ набожности расположенъ и разсужденіе ли, или разговоръ относительно Бога и вѣры, были ему всегда пріятны. Сіе, по примѣчанію, ему было внѣдрено со млекомъ покойною Императрицею Елизаветою Петровною, которая его горячо любила,

[1]) Р. С., VI, 676.
[2]) Снегиревъ, II, 23.

и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но при этомъ великій князь былъ особо склоненъ и къ военной наукѣ и часто переходилъ съ одного предмета на другой, не имѣя терпѣливаго къ одной вещи вниманія, и наружностію всякою въ глаза бросающеюся болѣе прельщался, нежели углублялся во внутренность".

„Платонъ проходилъ свою должность съ надлежащимъ тщаніемъ, не упуская никогда назначеннаго дня и часа, хотя сіи дни и часы нерѣдко по разнымъ случаямъ такъ проходили. Но ободряло его то, что онъ отъ высокаго воспитанника имѣлъ счастіе любимымъ быть. А порядокъ ученія тотъ точно былъ слѣдованъ, какой имъ изданъ въ напечатанномъ богословіи" [1]).

Въ концѣ этой книги помѣщено благодарственное письмо Павла къ Платону (написанное впрочемъ Порошинымъ) [2]). Въ письмѣ этомъ указывается любопытная сторона преподаванія Платона: онъ поставлялъ за правило показывать всегда согласованіе уставовъ и событій, заключающихся въ святомъ писаніи, съ естественнымъ разумомъ и утверждать оныя доводами здраваго человѣческаго разсужденія.

Кромѣ русскаго языка, Павелъ учился языкамъ французскому, нѣмецкому и немного итальянскому и латинскому [3]). Преподавателемъ послѣдняго былъ Платонъ.

Относительно другихъ предметовъ, сколько можно судить по дневнику Порошина, не было составлено ни правильныхъ и послѣдовательныхъ программъ преподаванія, ни даже точнаго распредѣленія занятій между преподавателями. Произошелъ споръ между Эпинусомъ и Порошинымъ о преподаваніи математики [4]), гдѣ логическая послѣдовательность ученія со-

[1]) Этотъ учебникъ изданъ былъ подъ заглавіемъ: „Православное ученіе или сокращенная христіанская Богословія для употребленія Е. И. Высочества, сочиненная іеромонахомъ Платономъ 1765 г." (Спб., при И. А. И. 4°, стр. 173).

[2]) Порошинъ, 147.

[3]) Нѣкоторыя изъ письменныхъ упражненій и учебныхъ тетрадей Павла Петровича сохранились до настоящаго времени. Содержаніе ихъ приведено въ Р. С. 1874, IX, 674 и въ Р. А. 1869, I, 67.

[4]) Порошинъ, 208, 212, 294.

ставляетъ необходимое условіе успѣха. „Послѣ того, какъ объ этомъ много говорено было, приказалъ Панинъ, говоритъ Порошинъ, чтобы я къ Эпинусу съѣздилъ и навсегда бы съ нимъ постановилъ, какимъ порядкомъ впредь у насъ пойдетъ Его Высочества математическое ученіе. Ѣздилъ я къ Эпинусу, былъ у него часа съ два, и постановилъ слѣдующій порядокъ. По окончаніи ариѳметики буду я предлагать великому князю геометрію теоретическую и практическую, потомъ фортификацію и артиллерію и начальныя основанія механики и идростатики, наконецъ генеральныя правила о тактикѣ. Господинъ Эпинусъ нынѣ проходить будетъ съ великимъ княземъ физику, независимо отъ математики; какъ же скоро отъ меня свѣдаетъ, что Его Высочество довольно уже твердъ въ геометріи, то начнетъ съ нимъ математическую часть физики, пространную механику, правила оптики и астрономіи, основываясь на моей геометріи. При семъ Эпинусъ покажетъ Его Высочеству и алгебру. Сіе пересказалъ я Н. П. Панину и онъ, весьма похваля, апробовать изволилъ все сіе расположеніе“.

Порошинъ добросовѣстно принялся за дѣло. Онъ, согласно этому распредѣленію, приступилъ къ составленію для Павла особаго курса тѣхъ наукъ, преподаваніе коихъ выпало на его долю [1]).

Между тѣмъ преподаваніе физики Эпинусомъ началось въ то время, когда Павелъ занимался еще только начальной ариѳметикою.

„Что до меня касается, замѣчаетъ Порошинъ, я никогда того мнѣнія не былъ, чтобы физику предлагать въ молодыхъ весьма лѣтахъ; если предлагать ее основательно, то основанія ея и доводы, утверждены будучи на правилахъ математическихъ, малолѣтнему ученику, ихъ еще не изучившему, кромѣ скуки ничего причинить не могутъ; если же предлагать вершками и цвѣтками, то учащееся дитя, не усматривая важности дѣла, превратитъ всю такую науку себѣ въ

[1]) Письмо Порошина къ графу Г. Орлову, Р. А. 1867, 197.

игрушки и на прочія важныя и необходимо нужныя ученія не иначе какъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣть будетъ...“

Это замѣчаніе и оправдалось надъ Павломъ. „Въ физикѣ казалось, что болѣе играніе было, нежели вниманіе“, замѣтилъ однажды Порошинъ [1]).

Одновременно съ ариѳметикой и физикой, преподавалась Павлу и астрономія. Тутъ Порошинъ предложилъ, между прочимъ, что не худо бы было, чтобъ Его Высочество прочелъ сочиненіе Фонтенеля о множествѣ міровъ, такъ какъ извѣстно сколь въ пріятномъ видѣ представляетъ Фонтенель наитруднѣйшія вещи. Панинъ весьма апробовалъ это.

Такимъ образомъ Панинъ, въ дѣлѣ ученія Павла, ограничивался тѣмъ, что одобрялъ то, что предлагали другіе. Самостоятельныя его мѣры въ этомъ отношеніи выразились только въ томъ, что онъ приказалъ, чтобы Павелъ „изъ славныхъ французскихъ авторовъ нѣкоторыя мѣста наизустъ выучивалъ, гдѣ заключаются хорошія сентенціи“, и чтобы онъ, „выучилъ нѣсколько сценъ изъ какой-нибудь французской трагедіи и декламировать научился“ [2]).

Повидимому, въ дѣлѣ воспитанія Панинъ служилъ только отголоскомъ той идеи, что нужно учить дѣтей играючи, главнѣйшимъ проводникомъ которой въ Россіи былъ въ то время И. И. Бецкій. Самъ Бецкій, имѣвшій впослѣдствіи большое значеніе при воспитаніи Бобринскаго, не принималъ участія въ дѣлѣ воспитанія Павла, и только изрѣдка являлся къ нему съ разными учебными игрушечными пособіями. То онъ приносилъ токарный станокъ и самъ показывалъ его употребленіе, то шелковичныхъ червей, то какихъ-то „капуциновъ на бумагѣ“ и т. д. Наконецъ онъ сопровождалъ великаго князя въ Смольный монастырь и въ академію художествъ, которая 25 іюня 1765 г. признала Павла почетнымъ любителемъ художествъ.

Другимъ лицомъ, снабжавшимъ великаго князя учебны-

[1]) Порошинъ, 42.
[2]) Порошинъ, 113 и 396.

ми пособіями, былъ англійскій пасторъ въ Петербургѣ и членъ академіи наукъ Дюмарескъ. Онъ подносилъ Павлу складныя ландкарты, хронологическія карты и книги.

Эти два лица, люди образованные, могли еще оказать содѣйствіе ученію Павла, но въ ходъ его ученія вмѣшивались и другія лица, изъ числа придворныхъ, обѣдавшихъ у Наслѣдника. Порошинъ приводитъ нѣсколько тому примѣровъ, изъ которыхъ мы укажемъ одинъ, показывающій уваженіе Павла Петровича къ своимъ преподавателямъ. Гофмаршалъ князь Голицынъ сказалъ Его Высочеству, что ему надобно бы прежде дробей учить тройныя правила, но великій князь изволилъ отвѣтить ему: „знать, что ненадобно, когда мнѣ инымъ образомъ показывали и тому человѣку (ссылаясь на Порошина) больше вашего сіятельства въ этомъ случаѣ извѣстно, что прежде надобно показать и что послѣ. Есть русская пословица, прибавляетъ нѣсколько обидѣвшійся Порошинъ: зналъ бы сверчокъ свой шестокъ; я никогда не вступлю въ споръ, сколько свѣчъ надобно въ которую компату и которое блюдо надобно поставить на краю стола, которое о срединѣ".

Повѣрки хода преподаванія и усвоенныхъ Павломъ Петровичемъ познаній не производилось. Только однажды въ присутствіи Екатерины и двора сдѣланъ былъ ему экзаменъ изъ закона Божія. Послѣ того, Панинъ поговорилъ, что надобно бы и во всѣхъ ученіяхъ Его Высочеству сдѣлать экзаменъ, но кажется, что это предположеніе приведено въ исполненіе не было.

III.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ дѣтства былъ слабаго сложенія и постоянно недомогалъ. Въ августѣ 1762 г. составлено было докторомъ Крузе, повидимому для консультаціи, описаніе его болѣзненныхъ припадковъ [1]). Въ это именно время, въ бытность его въ Москвѣ, онъ подвергся серьезной и опасной болѣзни, воспрепятствовавшей ему присутствовать при коронаціи Императрицы Екатерины [2]). Въ память избавленія отъ этой болѣзни основана Павловская больница въ Москвѣ [3]), выбита медаль и сочиненъ прологъ „Непостижимость судьбы". Болѣзнь эта сохранялась въ памяти мальчика и оставила слѣды въ его организмѣ. Въ 1764—1766 годахъ онъ часто болѣлъ, страдая золотухою [4]).

Природное слабое здоровье Павла Петровича не было укрѣплено его воспитаніемъ. Мы привели выше отзывъ Екатерины о томъ, какъ съ нимъ обходились первое время послѣ его рожденія. Свидѣтельство это вполнѣ подтверждается бывшимъ его докторомъ Фусадье въ запискѣ о здоровьѣ Павла, составленной въ октябрѣ 1768 г., предъ привитіемъ ему оспы [5]). Самый день воцаренія Екатерины, когда Павла

[1]) С. Р. И. О., VII, 97. Послѣ того отрывки этой записки, въ переводѣ, напечатаны г. Есиповымъ въ Истор. Вѣстникѣ, 1881, IV, 935.

[2]) Daschkow, 122 и К. Ф. Ж., 101.

[3]) Указъ 11-го іюня 1763 г. П. С. З. № 11855.

[4]) Порошинъ, 12, 22, 153, 156, 279, 541.

[5]) Записка эта въ рукописи Госуд. Архива.

Петровича внезапно разбудили и полуодѣтаго перевезли, окруженнаго войскомъ, изъ лѣтняго дворца въ зимній, куда прибыла Императрица, сильно и болѣзненно на него подѣйствовалъ [1]). Въ послѣдующее за тѣмъ время Павелъ Петровичъ рѣдко бывалъ на воздухѣ. Панинъ не имѣлъ досуга часто сопровождать Павла Петровича при его выѣздахъ, но никогда не желалъ отпускать его безъ себя и малѣйшій вѣтеръ или непогода служили поводомъ къ отмѣнѣ предположенныхъ прогулокъ.

Не смотря однако на слабое здоровье, Павелъ Петровичъ былъ рѣзвъ и живъ. Для характеристики его приведемъ нѣсколько отзывовъ о немъ Порошина.

„У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спѣшить во всемъ: спѣшитъ вставать, спѣшитъ кушать, спѣшитъ опочивать ложиться. Передъ обѣдомъ за часъ еще времени или болѣе до того, какъ за столъ обыкновенно у насъ садятся, засылаетъ тайно къ Панину гоффурьера, чтобы спросить, не прикажетъ ли за кушаньемъ послать и всѣ хитрости употребляетъ, чтобъ хотя нѣсколько минутъ выгадать, чтобъ за столъ сѣсть пораньше. Объ ужинѣ такія же заботы. Послѣ ужина камердинерамъ повторительные наказы, чтобъ какъ возможно они скорѣе ужинали, съ тѣмъ намѣреніемъ, что какъ камердинеры отужинаютъ скорѣе, такъ авось и опочивать положатъ нѣсколько пораньше. Ложась заботится, чтобъ по утру не проспать долго. И это всякій день почти бываетъ.

„Его Высочество имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ такимъ людямъ свойственный, которые болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и терпѣнію. Все хочется, чтобы дѣлалось по нашему. А нельзя сказать, чтобы всѣ до одного желанія наши таковы были, на которыя бы благоразуміе и объ общей пользѣ попеченіе всегда соглашаться дозволяли.

„Его Высочество, будучи весьма живаго сложенія и имѣя нечеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ

[1]) Донесеніе французскаго посланника Сабатье. Cour, 252 и Schumacher, Geschichte der Thronentsetzung Peter des Dritten. Hamburg. 1858. 29.

человѣка, который ему поправится, но какъ никакія усильныя движенія долго продолжаться не могутъ, если побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣлъ счастіе полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче Его Высочеству вдругъ весьма поправиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость.

„Часто на Его Высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь человѣка, такого человѣка послѣ видя, Его Высочество склоненъ къ нему является; когда же напротивъ того говорятъ о немъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ Его Высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто бы въ разговорѣ мимоходомъ, то такого великій князь, послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется.

„Его Высочество все себѣ можетъ такъ ясно и живо представить, какъ бы то уже предъ нимъ дѣйствительно происходило"...

Эти черты характера Павелъ сохранилъ на всю жизнь. Порошинъ, безспорно, подмѣтилъ ихъ вѣрно. Нетвердость и измѣнчивость Павловой привязанности Порошинъ испыталъ на себѣ и до того изучилъ свойства своего воспитанника, что однажды, въ неудовольствіи на него, сказалъ ему слѣдующія, замѣчательныя слова:

— „Avec les meilleures intentions du monde, vous vous ferez haïr, Monseigneur" [1]).

Другой наставникъ Павла, Эпинусъ, говаривалъ про него:

— „Голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завернется, и тутъ конецъ и уму, и разсудку" [2]).

Свое физически нѣжное сложеніе Павелъ Петровичъ на-

[1]) Р. А. 1869, I, 15.
[2]) Р. А. 1871, VI, 290.

слѣдовалъ отъ своего родителя. Великій князь Петръ Ѳедоровичъ былъ также очень слабъ здоровьемъ и его наставникъ, извѣстный академикъ Штелинъ, неоднократно упоминаетъ въ своихъ запискахъ о его частыхъ болѣзненныхъ припадкахъ [1]).

Нѣкоторыми сторонами своего характера Павелъ Петровичъ былъ также обязанъ своему родителю, который былъ чрезвычайно быстръ въ своихъ рѣшеніяхъ, весьма горячъ и съ трудомъ сдерживалъ свои порывы. Точно также и Павелъ Петровичъ уже съ дѣтства отличался живостью и стремительностью. Ограничиваясь здѣсь краткимъ лишь указаніемъ на это сходство въ характерахъ отца и сына [2]), мы будемъ имѣть случай выяснить впослѣдствіи и другія стороны характера Павла Петровича, общія ему съ его родителемъ, и показать, въ какомъ направленіи и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ онѣ развились и окрѣпли.

Съ другой стороны, отъ матери наслѣдовалъ Павелъ Петровичъ наблюдательность, нѣкоторую насмѣшливость и остроуміе. Изъ дневника Порошина можно привести много примѣровъ находчивыхъ отвѣтовъ и мѣткихъ замѣчаній одиннадцатилѣтняго Павла Петровича.

Павелъ росъ совершенно одинокимъ, безъ товарищей-сверстниковъ. Изрѣдка приглашали къ нему, для участія въ танцахъ, нѣсколькихъ мальчиковъ изъ семействъ придворныхъ, изъ числа коихъ Павелъ болѣе прочихъ отличалъ графа Н. П. Шереметева, графа А. К. Разумовскаго, графа Матюшкина, Вадковскаго и Н. С. Мордвинова [3]). Чаще другихъ бывалъ при немъ племянникъ Панина, князь А. Б. Куракинъ.

Напротивъ того, за обѣдами у Павла бывало всегда много гостей—П. И. Панинъ, графъ А. С. Строгановъ, графы Чернышевы, голштинскій министръ Сальдернъ и другіе.

Разговоры, которые эти лица вели въ присутствіи Павла Петровича, представляютъ странную смѣсь серьезнаго съ крайне легкомысленнымъ. Они живо характеризуютъ эпоху.

[1]) Ч. О. И. и Д., 1866, IV, 108.
[2]) Ср. донесеніе саксонскаго резидента Сакена. Herrmann, V, 566.
[3]) Воспоминанія о графѣ Н. С. Мордвиновѣ. Спб. 1873, 8.

Съ одной стороны, въ бесѣдахъ этихъ лицъ — государственныхъ дѣятелей того времени—обсуживались политическіе интересы Россіи, оцѣнивалось ея прошлое, предлагались мѣры для улучшеній и преобразованій. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ охватившаго тогда высшее русское общество пристрастія къ Франціи, перенесшаго въ Россію чуждыхъ ей петиметровъ, кокетокъ и вольтеріанцовъ, разговоры эти часто переходили въ анекдоты и шутки, быть можетъ, простительные для людей взрослыхъ, но неумѣстные въ присутствіи царственнаго отрока. Распущенность нравовъ отражалась въ распущенности разговоровъ, въ которыхъ разсказы о прекрасномъ полѣ занимали видное мѣсто и которые Порошинъ тщательно сохранилъ въ своемъ дневникѣ [1]).

Наконецъ, воспитательными средствами при обученіи Павла Петровича служили чтеніе и театръ.

При чтеніи не производилось выбора книгъ, и Павлу Петровичу позволяли читать все, что попадалось подъ руку. Покупались для него, большею частію, комедіи и великое множество оперъ, такъ что Павелъ могъ вдоволь разучивать и распѣвать французскіе куплеты. Панинъ разсуждалъ о комическихъ операхъ, что „надобно бы ихъ поболѣе печатать и продавать, чтобъ зрителямъ было вдвое больше отъ того удовольствія, потому что вся красота ихъ состоитъ въ шуткахъ и замысловатыхъ пѣсенкахъ, въ которыя, вовсе не читавши прежде, во время представленія вслушаться трудно“.

Книги выбирались до того неудачно, что иногда самъ Павелъ Петровичъ просилъ прекратить чтеніе. Такъ, случилось, когда Порошинъ читалъ ему письмо Барневельта, „который любовницею своею приведенъ былъ на то, чтобъ убить своего благодѣтеля“; то же повторилось и при чтеніи Жилблаза, когда дошли до приключеній конетабля съ Бланкою.

---

[1]) Подробныя выдержки изъ дневника Порошина о бесѣдахъ въ обществѣ Павла Петровича сгруппированы у Лебедева, „Графы Панины“. Мы находимъ излишнимъ приводить ихъ и вообще не видимъ надобности дѣлать подробныхъ заимствованій изъ дневника Порошина, такъ какъ дневникъ этотъ извѣстенъ, конечно, большинству нашихъ читателей.

Само собою разумѣется, что на первомъ планѣ стояло чтеніе Вольтера.

Въ это время Вольтеръ только-что началъ переписку съ Екатериною и былъ при русскомъ дворѣ въ большомъ почетѣ. Екатерина, между прочимъ, заставила статсъ-секретаря С. М. Козьмина переводить при себѣ на русскій языкъ: „Discours aux Welches“ въ сказкахъ, изданныхъ Вольтеромъ подъ псевдонимомъ Guillaume Vadé, и, спросивъ Павла, читалъ ли онъ эту книгу, совѣтовала прочесть, что́, конечно, и было исполнено.

За русскою литературою Павелъ, благодаря Порошину, слѣдилъ постоянно. Въ числѣ его гостей встрѣчаемъ мы, въ описываемое время, двухъ писателей — Елагина и Сумарокова. Послѣдній, впрочемъ, приглашался кажется для забавы общества своими выходками, и Павелъ Петровичъ иногда его поддразнивалъ.

Напротивъ того, Ломоносовъ, воспѣвшій рожденіе Павла Петровича громкою одою, не бывалъ въ его обществѣ, хотя вдали отъ двора, этотъ истинно-русскій человѣкъ думалъ, вѣроятно, о воспитаніи Наслѣдника и посвятилъ ему свою Грамматику и свой Краткій Россійскій Лѣтописецъ. Между тѣмъ, Павелъ, очевидно, повторяя чужія слова, называлъ его дуракомъ и имѣлъ неосторожность произнести этотъ отзывъ, когда ему сказали о смерти Ломоносова. За то, въ другой разъ, когда Порошинъ читалъ ему отрывки изъ пятой оды Ломоносова, Павелъ, подъ вліяніемъ духа времени, не нашелъ лучшей похвалы, какъ сказать: „ужесть какъ хорошо; это нашъ Вольтеръ“.

Театральныя представленія были при дворѣ Екатерины въ большой модѣ и считались Императрицею однимъ изъ педагогическихъ средствъ. Кромѣ театровъ, представленія давались учениками кадетскаго корпуса и ученицами Смольнаго института въ стѣнахъ этихъ заведеній. Екатерина, конечно, понимала, что не всѣ пьесы пригодны для игры смоляпокъ и предложила Вольтеру приспособить, если такъ можно выразиться, для употребленія на ихъ сценѣ, нѣкоторыя пьесы

Корнеля и Расина. Къ сожалѣнію, эту заботливость не распространила она на собственнаго сына. Онъ, какъ мы видѣли, началъ рано посѣщать театръ, причемъ не обращалось вниманія на выборъ пьесъ, при представленіи которыхъ онъ могъ бы присутствовать.

На придворномъ театрѣ обыкновенно давались: комедія, балетъ и затѣмъ комическая опера или „маленькая пьеса“. Достаточно прочесть только названія нѣкоторыхъ пьесъ, при представленіи которыхъ присутствовалъ Павелъ, чтобы убѣдиться, что пьесы эти не могли ни содѣйствовать развитію эстетическаго его чувства, ни служить проводниками нравственныхъ началъ. То были: la coquette punie, la coquette fixée, l'été des coquettes, le faune jaloux, la jalousie villageoise, le coureur galant, les folies amoureuses, la fête de l'amour, la seconde surprise de l'amour, l'effet de l'amour, le jeu de l'amour et du hasard, le rendez-vous, l'époux par supercherie, l'amant auteur et valet, и т. д.

Павелъ принималъ лично участіе въ театральныхъ представленіяхъ. Въ 1764 г. былъ спектакль во дворцѣ, состоявшій изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ. Играли Семиру Сумарокова, послѣ чего слѣдовалъ балетъ Галатея и Ацисъ, въ которомъ десятилѣтній Павелъ явился на сценѣ „въ видѣ брачнаго бога Гименея“ [1]). Послѣ того онъ еще нѣсколько разъ участвовалъ въ балетахъ и театральныхъ представленіяхъ, но серьезныя пьесы не допускались, такъ какъ Панинъ замѣтилъ, что Государыня трагедій не изволитъ жаловать и чтобъ для того Его Высочеству вмѣсто трагической роли выбрать какую-либо роль изъ комедій.

Замѣчательно, что Павелъ, прерывавшій иногда чтеніе, явно для него неумѣстное, тяготился также и театромъ, ибо „Его Высочество театральныя позорища не весьма изволилъ жаловать, частію отъ того, что иногда долго продолжались и онъ принужденъ былъ сидѣть все на одномъ мѣстѣ, что живости его почти несносно, частію же и въ самыхъ позори-

[1]) Араповъ, Лѣтопись русскаго театра. Спб., 1861, 80.

щахъ, по собственному Его Высочества увѣренію, не изволилъ онъ находить большаго веселья и удовольствія".

Между тѣмъ Панинъ, въ мнѣніи своемъ о воспитаніи Павла Петровича, упомянулъ, „что воспитатель его долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами ничего такого, что хотя мало бы могло развратить тѣ душевныя способности, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ". Равнымъ образомъ, и въ данной ему инструкціи, въ виду того, „что примѣры больше всего утверждаютъ склонности и обычаи въ человѣкѣ, рекомендуется ему дать собою образъ мужа добронравнаго, честнаго и добродѣтельнаго и наблюдать, чтобъ никто въ присутствіи Павла не дерзалъ противно тому поступать, не только что дѣломъ, но ниже словами. А если бы кто-либо въ томъ забылся или же особливо сталъ непристойными шутками и тому подобными забавами ему угождать, таковыхъ, сверхъ собственнаго примѣра, Панинъ долженъ былъ остеречь, а иногда и не обинуясь, безъ всякаго лицепріятія, отговорить".

Едва ли нѣкоторые разговоры, выборъ книгъ и театральныхъ пьесъ могли соотвѣтствовать этому доброму намѣренію.

Скажемъ болѣе: самъ Панинъ не могъ служить примѣромъ чистоты нравовъ

Графъ Строгановъ, подчиненный Панину, какъ членъ иностранной коллегіи и постоянный гость у Павла, жилъ не въ ладахъ съ своею женою, рожденною графинею Воронцовою. Несогласія ихъ дошли до того, что супруги, послѣ возвращенія графини изъ заграничнаго путешествія, въ февралѣ 1765 г., разъѣхались. Въ обществѣ Павла Петровича часто разсуждали объ этомъ и шутили много о пріятностяхъ графини Строгановой, о которыхъ говорилъ мужъ, что другимъ раздаются, а ему ничего не достается.

Часть пріятностей графини Строгановой досталась и на долю Панина.

Въ концѣ 1765 г. Панинъ влюбился въ графиню Строганову. Въ началѣ не предполагали, что эта страсть Панина повлечетъ серьезныя послѣдствія и думали, что, по всѣмъ вѣ-

роятіямъ, она будетъ непродолжительна; но, напротивъ того, страсть эта достигла значительныхъ размѣровъ. Для Панина вредныя послѣдствія этихъ отношеній состояли въ томъ, что по его небрежности и разсѣянности всѣ дѣла остановились или подвигались съ бо́льшею еще, чѣмъ прежде, медленностію; самъ же онъ началъ терять уваженіе общества, которому трудно было простить человѣку его лѣтъ, положенія и опытности эту нескрываемую и юношескую страсть. Враги его воспользовались этимъ для того, чтобы выставить на видъ неприличіе и дурной примѣръ такой слабости въ министрѣ и воспитателѣ Наслѣдника. Имъ представился въ эту минуту прекрасный случай положить начало паденію Панина; но такъ какъ почти невозможно было разомъ свергнуть человѣка, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Императрицы, и всѣми уважаемаго, то для удаленія его придуманъ былъ планъ дѣйствій, прикрытый личиною дружбы. Какъ бы не замѣчая истинной причины его невнимательности къ великому князю, враги Панина приписывали ее тѣмъ безчисленнымъ занятіямъ, которыя по необходимости причиняли ему обѣ важныя, возложенныя на него должности. По словамъ ихъ, должности эти такого свойства, что одному человѣку почти нѣтъ возможности исполнять одну изъ нихъ безъ ущерба для другой, а какъ малѣйшее пренебреженіе къ той или другой могло оказаться весьма гибельнымъ, то, какъ лучшій исходъ изъ этого положенія, предложено было назначеніе Панина канцлеромъ, и опредѣленіе къ великому князю другого лица, для котораго это составило бы единственное занятіе. Для замѣщенія должности оберъ-гофмейстера при Павлѣ Петровичѣ указывали на И. П. Шувалова [1]).

Къ счастію, въ началѣ 1768 года отношенія Панина къ графинѣ Строгановой были прерваны.

Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ былъ ребенкомъ воспріимчивымъ, и всѣ только-что разсказанныя обстоятельства не могли остаться безъ вліянія на него. При сильно развитомъ

[1]) Донесеніе англійскаго посланника Макартнея, 4 апрѣля 1766. С. Р. И. О., XII, 256 и 328.

его воображенiи, въ немъ рано пробудились безотчетныя чувства и смутныя желанiя. Порошинъ замѣтилъ, что разговоръ Павла Петровича утверждалъ всегдашнее его мнѣнiе о чувствительности его сердца и подавалъ поводъ думать, что „онъ не будетъ современемъ лѣнивымъ или непослушнымъ въ странахъ цитерскихъ“.

Въ другой разъ зашелъ разговоръ, что Его Высочеству уже двѣнадцатый годъ. „Шутя говорили, что приспѣло время Государю великому князю жениться. Краснѣлъ онъ, и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ изволилъ сказать:—какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да то бѣда, что я очень рѣзвъ, намедни слышалъ я, что такихъ рогъ не видитъ и не чувствуетъ тотъ, кто ихъ носитъ. Смѣялись много о сей Его Высочества заботливости“.

Замѣчательно, что сама Екатерина потворствовала пробуждающимся чувствамъ сына. Однажды, когда она была въ Смольномъ монастырѣ, изволила спрашивать шутя у великаго князя, не хочетъ ли онъ тутъ же жить съ дѣвушками. Въ другой разъ, въ театрѣ, между прочимъ, Ея Величество изволила спрашивать у великаго князя, которая изъ актрисъ ему лучше всѣхъ нравится? Его Высочество про молоденькую мамзель Кадишъ сказать изволилъ. Потомъ Государыня спросить изволила, изъ фрейлинъ кто ему лучше всѣхъ нравится? На сiе Государь Цесаревичъ отвѣтствовалъ, что ему всѣ равны. Ея Величество смѣючись говорить изволила, чтобы онъ хотя на ухо о томъ сказалъ, но Его Высочество тожъ отвѣтствовать изволилъ, что́ и прежде, а между тѣмъ поглядывалъ на Порошина, однако сего Ея Величество примѣтить не изволила.

Фаворитъ Екатерины, графъ Г. Г. Орловъ, также способствовалъ преждевременному развитiю Павла Петровича. Онъ предложилъ ему посѣтить фрейлинъ, жившихъ въ то время во дворцѣ. Цесаревичу хотѣлось туда идти, однако, въ присутствiи Ея Величества не зналъ что́ отвѣтствовать. Госу-

дарыня сомнѣніе рѣшила: изволила сказать, чтобы Его Высочество шелъ туда. Никогда повелѣніе съ такою охотою исполняемо не было, какъ сіе. За Государемъ были Панинъ и графъ Орловъ. У всѣхъ фрейлинъ по комнатамъ ходили. Возвратясь къ себѣ, изволилъ Его Высочество съ особливымъ восхищеніемъ разсказывать о своемъ походѣ и кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать:—отгадай, гдѣ я былъ сегодня? Послѣ разсказовъ, вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе поваливался. Подзывая Порошина, говорилъ, что онъ видѣлъ свою любезную, и что она часъ отъ часу болѣе его плѣняетъ. Потомъ читали Dictionnaire encyclopédique. Его Высочество сыскалъ тамъ слово „amour“ и читалъ на него изъясненіе.

Отъ нѣжныхъ мыслей одиннадцатилѣтній Павелъ Петровичъ перешелъ,—употребимъ модный того времени терминъ,—къ „маханію“. Предметомъ его увлеченія была фрейлина Чоглокова.

Вѣра Николаевна Чоглокова осталась, послѣ смерти отца, Николая Наумовича Чоглокова († 1754 г.) и матери, Марьи Симоновны, рожденной графини Гендриковой († 1756 г.) круглою сиротою. Взятая послѣ этого ко двору, вмѣстѣ съ старшею сестрою, Елизаветою, она воспитывалась при дворѣ и пожалована была фрейлиной [1]).

Нижеприведенныя выдержки изъ дневника Порошина, которому нельзя не поставить въ вину его излишней снисходительности, даютъ понятіе о первой любви Павла Петровича, о его волненіяхъ и мечтахъ, о его отроческой ревности. На основаніи этихъ выписокъ можетъ быть нарисована сочувственная и граціозная картинка дѣтской привязанности Павла Петровича.

2 сентября 1765 г. Спрашивалъ Панинъ у Его Высочества, въ кого онъ нынѣ влюбленъ? Признавался Его Высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого, того не сказывалъ. Наконецъ, говорилъ Панинъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ,

[1]) Въ 1769 г. В. Н. Чоглокова вышла замужъ за графа А. С. Миниха. Ср. въ П. С. З. № 13343 указъ 3 сентября 1769 г.

ему сказалъ, давно ли онъ влюбленъ? На сіе отвѣчалъ Его Высочество, что въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ годъ будетъ.

15 сентября. Передъ обѣдомъ, отведши меня, Цесаревичъ изволилъ мнѣ говорить, что онъ теперь въ чрезвычайной радости по той причинѣ, что какъ поѣхали изъ лѣтняго дворца и онъ сѣлъ въ карету противъ Ея Величества, то взоры его съ милыми ему взорами нѣсколько разъ весьма согласно встрѣтились.

7 октября. Въ маскарадѣ очень много танцовалъ Его Высочество и былъ веселъ. Примѣтилъ я, что нѣкоторую ручонку и пожимать онъ изволилъ.

10 октября. Возвратясь изъ комедіи, Его Высочество разными аллегоріями вооружался на князя Куракина за то, что онъ вчерась во время куртагу былъ въ гостяхъ у нашей милой. Она не была на куртагѣ, затѣмъ что болѣла губка.

13 октября. Изволилъ у меня спросить Его Высочество, такъ ли я свою любезную люблю, какъ онъ свою любитъ, и какъ я сказалъ, что, конечно, не меньше, то Государь Цесаревичъ изволилъ говорить, что наши любови въ пропорціи геометрической, и изволилъ написать сію пропорцію:

$$P : W = S : A.$$ [1]).

14 октября. Его Высочество очень много танцовать изволилъ; особливо часто танцовалъ со вторымъ членчикомъ вчерашней геометрической пропорціи, разговаривалъ съ нимъ и махалъ весьма всѣмъ примѣтно. Признаться надобно, что сегодня она особливо хороша была и приступы Его Высочества не отбивала суровостью.

18 октября. Его Высочество изволилъ играть въ цинкъ и въ окно маханіе происходило. Комната, гдѣ сія игра была, стоитъ окошками на дворъ и противъ самыхъ тѣхъ окошекъ, гдѣ живутъ фрейлины. Оттуда онѣ выглядываютъ и съ Государемъ Цесаревичемъ перемигиваются, особливо модная наша особа. Вотъ для сей-то причины Его Высочество и

[1]) Павелъ, Вѣра, Семенъ, Анна.

ходить играть въ цинкъ... Какъ десертъ подали, то Его Высочество изволилъ положить къ себѣ въ карманъ бергамотъ, чтобъ сегодня въ комедіи отдать его своей любезной... Въ комедіи Его Высочество предпріятіе сіе исполнилъ и бергамотъ отдалъ...

20 октября. Все утро Его Высочество разными аллегоріями проговорилъ со мною о своей любезной и восхищался, вспоминая о ея прелестяхъ... Потомъ спрашивалъ меня, можно ли ему будетъ на любезной своей жениться? И говорилъ, что онъ чрезвычайно-бы радъ былъ, если-бъ это могло сдѣлаться... Панинъ шутилъ надъ великимъ княземъ какъ онъ прежде влюбленъ былъ въ княжну М. В. Хованскую, а нынѣ и играть комедіи „la fête d'amour" съ нею не хочетъ. Говорилъ Панинъ что c'est le dépit amoureux... Пошли потомъ въ комедію. По просьбѣ великаго князя дозволилъ Панинъ, чтобъ и графъ Шереметевъ шолъ съ нами въ ложу. Его Высочество во время комедіи съ нимъ только и со мною проговорить изволилъ. Особливо шутили мы, что великаго князя любезная очень часто въ лорнетъ на него поглядывала. А мы и безъ лорнета не спуская глазъ туда смотрѣли, такъ что и Ея Величество изъ своей ложи примѣтить то изволила. Какъ пришли къ Ея Величеству въ ложу, то изволила она шутя говорить великому князю, что завтра маскарада не будетъ, вѣдая уже видно про наши похожденія.

21 октября. Пошли мы на маскарадъ... Танцовалъ Его Высочество много, особливо со своей любезной и говорилъ съ нею довольно. Съ начала маскарада пошло было не очень мирно: милая наша маска убѣжала прочь, par esprit de jalousie (показалось ей, будто большая ея сестра Елизавета Николаевна въ моду входитъ) и тѣмъ Его Высочеству причинила скучныя мысли, но напослѣдокъ возстановленъ миръ, и начались, какъ я выше сказалъ, съ нею танцы и разговоры. По возвращеніи изъ маскарада изволилъ сказывать Его Высочество мнѣ одному за повѣренность, что какъ въ польскомъ танцуя шенъ, подалъ онъ руку своей любезной, то сказалъ ей: теперь, если бы пристойно было, то я по-

цѣловалъ бы вашу руку. Она, потупя глаза, отвѣтствовала на это, „что было бы уже слишкомъ“. Потомъ сказала она Государю Цесаревичу: посмотрите какъ на васъ пристально смотритъ Бомонтша (первая актриса въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ, которая также была въ маскарадѣ). Его Высочество съ страстнымъ движеніемъ отвѣчалъ ей только: а я на васъ смотрю. Вотъ какова натура! Кажется никто не училъ этому.

28 октября. Пошли мы въ маскарадъ. Его Высочество очень много танцовать изволилъ, особливо съ своей любезной, также и разговаривалъ много... Съ начала маскарада Государь Цесаревичъ на любезную свою очень холодно поглядывалъ и разговаривать изволилъ съ другими, но потомъ какъ я ему шутя сказалъ, что постоянство въ числѣ добродѣтелей, а непостоянство порокъ, то сцена перемѣнилась.

29 октября. Его Высочество за чаемъ изволилъ разговаривать со мною, между прочимъ, какіе у него были разговоры съ Вѣрою Николаевною. Онъ называлъ ее вчера червонной десяткой, подавая тѣмъ знать, что она многимъ отдаетъ свое сердце. Она говорила, что одно только имѣетъ и слѣдовательно дать его не можетъ болѣе какъ одному. Государь Цесаревичъ спрашивалъ у нея, отдано ли же это сердце кому или нѣтъ? И какъ она сказала, что отдано, то еще изволилъ спрашивать, далеко ли оно теперь? Она сказала, что недалеко. Его Высочество изволилъ спрашивать, что если бы онъ кругомъ нея обошолъ, то нашолъ ли бы ея сердце? Говорила она, что оно такъ къ нему близко, что и обойтить нельзя и пр. Такъ то, знай нашихъ: въ какія мы вошли нѣжныя аллегоріи! Между тѣмъ Его Высочество изволилъ мнѣ признаваться, что если бы вчерашняго напоминанія ему отъ меня не было, то можетъ быть вчера съ любезною разрывъ послѣдовалъ, такъ какъ прошлаго года, будучи крайне влюбленъ въ Анну Родіоновну [1]), вдругъ почувствовалъ къ ней холодность.

[1]) Фрейлина Ведель.

1 ноября. Ввечеру Его Высочество изволилъ ходить на половину къ Государынѣ и сѣсть играть въ берланъ. Играли съ нимъ дежурныя фрейлины В. Н. Чоглокова и Е. И. Штакельбергъ... Съ Вѣрою Николаевною порѣзвливаться изволилъ Государь Цесаревичъ; цѣлую десятку червонную они въ клочки разорвали.

4 ноября. Пошли мы на маскарадъ. Танцовать изволилъ Его Высочество много... Помутилося только наше веселіе однимъ нечаяннымъ приключеніемъ. Государь Цесаревичъ, танцуя въ мѣщанскомъ залѣ съ своей возлюбленной, сказалъ ей, чтобы она шла въ галерею, что онъ тотчасъ туда самъ изволитъ быть и танцовать съ ней польскій; но вмѣсто того какъ она ушла, то заиграли въ мѣщанскомъ маскарадѣ польскій, и Его Высочество противъ воли своей принужденъ былъ пойти танцовать съ дочерью Г. Н. Теплова, отъ чего и время нѣсколько продлилось, прежде нежели онъ въ галерею могъ возвратиться. О семъ великое негодованіе было и пришедъ въ галерею, Государь Цесаревичъ крайне былъ невеселъ, такъ что и контрдансъ, который изволилъ танцовать тутъ съ Вѣрушкой, совершенно неудовольствіе его не могъ успокоить. Примѣтилъ безпокойство его Панинъ и Государь Цесаревичъ принужденъ былъ ему открыться, какая тому причина. Смѣялся тому Панинъ и говорилъ, чтобъ онъ успокоился, большой опасности въ дѣлѣ еще нѣтъ. Не все однако же сказалъ Его Высочество Панину. Сему безпокойству не только вышеупомянутая чувствительность была причиною, но еще и ревность. Послѣ я отъ Государя Цесаревича свѣдалъ, что ему показалось, будто любезная его къ нему холодна и любитъ камеръ-пажа графа Девіера, съ которымъ она на маскарадѣ ласково разговаривала.

24 ноября. Изволилъ Его Высочество пойти къ Государынѣ и тамъ кушать. Дежурныя фрейлины были В. Н. Чоглокова и А. А. Полянская и сидѣли за столомъ въ виду Его Высочества. Ея Императорское Величество изволила шутить надъ Государемъ Цесаревичемъ, что онъ туда поглядываетъ, и что за столомъ ему не скучно.

11 декабря. Разсказывалъ мнѣ Государь Цесаревичъ какъ ему было весело, когда изволилъ быть на дачѣ у оберъ-маршала Сиверса: тамъ была любезная его Вѣра Николаевна. Изволилъ сказывать, что много танцовалъ съ нею и разговаривалъ. „Говорилъ-де я ей то, что тебѣ много разъ говаривалъ, т. е., что я всегда хотѣлъ бы быть вмѣстѣ съ нею". Какъ она сказала, что ей очень хочется поцѣловать у него руку, онъ отвѣтствовалъ, что ему еще больше хочется поцѣловать у нея руку. Какъ назадъ ѣхали, то она ѣхала въ салазкахъ предъ Его Высочествомъ. Тутъ, оборачиваясь, другъ другу поцѣлуи бросали. Великій князь говорилъ ей: „je crois, que nous n'aurons pas de sitôt une journée aussi favorable et elle répondait par un „assurément, Monseigneur". Его Высочество также говорилъ, что можетъ быть ей милѣе было-бъ, если-бъ на его мѣстѣ сидѣлъ Девіеръ. На то отвѣчала она, что напрасно Его Высочество въ ней сомнѣвается, что она Девіера ненавидитъ и пр.

3 января 1766 г. На вечеръ изволилъ Государь Цесаревичъ поѣхать къ графу Г. Г. Орлову. За ужиномъ сидѣли по билетамъ. Его Высочеству сидѣть досталось съ В. Н. Чоглоковой, его возлюбленной, или, лучше сказать, такъ сдѣлано было, что досталось. Государь Цесаревичъ крайне былъ доволенъ: маленькое его сердце упоено было любовною страстью...

Порошинъ не досказалъ отроческаго романа своего воспитанника. Въ началѣ 1766 г. онъ прекратилъ свой дневникъ.

IV.

Порошинъ, прекративъ свой дневникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишился и должности при Павлѣ Петровичѣ.

Причины удаленія его отъ двора не вполнѣ ясны. Самъ онъ неопредѣленно говоритъ о нихъ, упоминая только, „что невѣжество и зависть вооружились“ противъ него и что при этомъ имѣли мѣсто и „бабьи интрижки“. Окончательнымъ, или, по крайней мѣрѣ, гласнымъ поводомъ его отставки было какое-то столкновеніе его съ фрейлиною графинею А. П. Шереметевою [1]).

По обычаю того времени, Порошинъ обратился къ заступничеству фаворита, графа Г. Г. Орлова, но и это не помогло. 15-го апрѣля 1766 года онъ покинулъ Петербургъ; въ 1768 г. назначенъ командиромъ старооскольскаго полка и умеръ 12-го сентября 1769 г. на походѣ въ Турцію.

Удаленіе Порошина близко совпало съ окончаніемъ перваго періода воспитанія Павла Петровича, и мы находимъ небезполезнымъ привести мнѣніе объ этомъ князя П. А. Вяземскаго [2]). Извѣстный писатель, принадлежащій къ высшему

---

[1]) Фонвизинъ, 386, писалъ, что Порошинъ удаленъ отъ двора за дерзости, оказанныя имъ графинѣ Шереметевой. Тоже самое подтверждаетъ и академикъ Таубертъ въ письмѣ къ Миллеру, говоря что „Poroschin ist wegen eines donquichotischen Streiches, welchen er in Ansehung einer jungen Comtesse Scheremeteff begangen, vom grossfürstlichen Hofe removirt worden“. Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, I, 395, прим. Ср. Соловьевъ, XXVI, прим. 146.

[2]) Вяземскій, VII, 70.

и придворному обществу, другъ Жуковскаго, бывшаго также воспитателемъ Наслѣдника, князь Вяземскій можетъ быть признанъ авторитетнымъ въ этомъ дѣлѣ судьею. Вотъ слова его:

„Павелъ Петровичъ былъ воспитанъ въ средѣ общественной и умственной, быть можетъ, немного не по возрасту для него, но во всякомъ случаѣ въ средѣ, способной развить его умъ, просвѣтить его душу и дать ему серьезное практическое и вполнѣ національное направленіе, знакомившей его съ лучшими людьми страны, ставившей въ соприкосновеніе со всѣми дарованіями и выдающимися талантами эпохи,—однимъ словомъ, въ средѣ, способной привязать его ко всѣмъ нравственнымъ силамъ страны, въ которой онъ будетъ нѣкогда государемъ. Разговоры, которые велись у него за столомъ и въ его присутствіи, быть можетъ, неумѣстные и черезчуръ странные, были, однако, вообще поучительны и привлекательны Они отличались большою свободою ума и откровенностью мнѣній, что должно было возбуждать и укрѣплять сужденія молодаго великаго князя и пріучать его выслушивать и уважать правду. Это общество—нужно принять это особенно во вниманіе—не состояло изъ недовольныхъ и лицъ оппозиціи: напротивъ того, оно состояло изъ людей, горячо преданныхъ своей Государынѣ и своей землѣ. Поэтому-то и позволяли они себѣ свободно выражаться, не боясь компрометировать себя, ни дѣйствовать предательски, когда порицали то, что имъ казалось достойнымъ осужденія и противнымъ истиннымъ пользамъ родины, которую они любили прежде всего“.

„Изъ записокъ Порошина, прибавляетъ князь Вяземскій. можно вывести еще одинъ важный урокъ, убѣждающій, какъ во всѣ времена трудно благородному и добросовѣстному человѣку удержаться на придворной почвѣ; для этого недостаточно располагать довѣріемъ и покровительствомъ высшей власти. Второстепенныя, но всесильныя вліянія, незримыя и неуловимыя, господствуютъ въ этихъ возвышенныхъ сферахъ, ведутъ глухую борьбу противъ оказываемаго довѣрія и покровительства и кончаютъ очень часто, чтобы не сказать всегда, по-

бѣдою и подкопомъ подъ положеніе честнаго человѣка. Порошинъ былъ несомнѣнно таковымъ: онъ всѣмъ сердцемъ любилъ свои обязанности, понималъ ихъ святость, считалъ порученіе ему данное священнодѣйствіемъ: питалъ къ воспитаннику своему обожаніе, но не слѣпое и низкое, а высокоблагородное, и что же? мы, однако, замѣчаемъ, что отчаяніе и грусть проникаютъ въ его душу и приводятъ его къ удаленію отъ занимаемаго имъ мѣста. Было бы очень смѣло вывести заключеніе, когда возможно одно лишь предположеніе, но нельзя не пожалѣть, что этотъ благородный человѣкъ не остался во главѣ воспитанія великаго князя до самаго конца. Хотѣлось бы вѣрить, что благотворное вліяніе его выказалось бы впослѣдствіи, когда юноша сталъ Императоромъ“ [1]).

Дѣйствительно, можно съ достовѣрностью предположить, что съ увольненіемъ Порошина, дѣло воспитанія Павла Петровича потеряло многое. Мы уже видѣли, что Павелъ велъ образъ жизни, не вполнѣ соотвѣтствовавшій ему, какъ отроку и ученику. Но информаторъ его, Остервальдъ, находилъ нужнымъ дать еще болѣе мѣста развлеченіямъ, говоря, что „надобно, чтобы на половинѣ великаго князя всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала и онъ бы къ обхожденію привыкалъ“ [2]). Порошинъ не соглашался съ этимъ взглядомъ, какъ и съ нѣкоторыми другими мнѣніями Остервальда о воспитаніи, и это разномысліе двухъ наставниковъ, быть можетъ, не осталось также безъ вліянія на удаленіе перваго изъ нихъ, къ которому, въ послѣднее время, охладѣлъ и нѣжно любившій его Цесаревичъ.

Тѣмъ не менѣе Екатерина, повидимому, осталась довольна попечительствомъ Панина надъ ея сыномъ. По крайней мѣрѣ въ указѣ о пожалованіи Панину графскаго достоинства (22 сентября 1767 г.) сказано, что онъ доказалъ ревность и усердіе, между прочимъ, и чрезъ попеченіе свое о воспитаніи Цесаревича Павла Петровича.

[1]) Другіе взгляды на воспитаніе Павла Петровича, основанные также на изученіи записокъ Порошина, см. у Лебедева, 35, и у Соловьева, XXVI, 237.

[2]) Порошинъ, 190.

Слѣдующій затѣмъ годъ (съ февраля 1767 по февраль 1768 г.) Павелъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ въ то время Екатерина, совершивъ предварительно путешествіе по Волгѣ [1]), слѣдила за занятіями депутатовъ въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Въ бытность свою въ Москвѣ Павелъ Петровичъ принялъ участіе въ одномъ изъ явленій внѣшней нашей политики.

Для объясненія этого, мы должны вернуться нѣсколько назадъ.

При объявленіи, 7-го ноября 1742 года, племянника императрицы Елизаветы Петровны, герцога шлезвигъ-голштинскаго Карла-Петра-Ульриха, впослѣдствіи императора Петра III, наслѣдникомъ россійскаго престола, онъ сохранилъ свои права на голштинское герцогство. Петръ Ѳедоровичъ привезъ съ собою въ Россію привязанность къ Голштиніи, ненависть къ Даніи и страстное желаніе возвратить отъ нея Шлезвигъ, въ 1713 году отторгнутый Даніею отъ Голштиніи. Въ 1745 году Петръ Ѳедоровичъ, въ качествѣ герцога голштинскаго, былъ признанъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе, изъ Петербурга, своимъ наслѣдственнымъ герцогствомъ.

Переговоры, веденные въ царствованіе Елизаветы Петровны между Россіею и Даніею по голштинскому вопросу, причемъ возбуждено уже было предположеніе объ обмѣнѣ Голштиніи на Ольденбургъ, не привели ни къ какому результату.

Вступивъ на престолъ, Петръ III немедленно занялся разрѣшеніемъ этого вопроса. Хотя для разсмотрѣнія его назначено было уполномоченнымъ отъ Даніи, Россіи (посланнику въ Копенгагенѣ барону Корфу) и Голштиніи (тайному совѣтнику Сальдерну), собраться въ Берлинѣ и вести переговоры при посредничествѣ короля прусскаго, но прежде чѣмъ эти конференціи открылись, Петръ III рѣшился оружіемъ добиться возвращенія Шлезвига. Уже назначенъ былъ день его отъѣзда

[1]) Первоначально предположено было, чтобы Павелъ Петровичъ сопровождалъ Екатерину въ этомъ путешествіи. Порошинъ, 497.

въ армію, собранную противъ Даніи, когда 28-го іюня 1762 года вступила на престолъ Екатерина [1]).

Екатерина немедленно отмѣнила воинскія приготовленія своего супруга и вслѣдъ затѣмъ рѣшено было возобновить переговоры по голштинскому вопросу, такъ какъ права Петра III, какъ герцога голштинскаго, перешли къ Павлу Петровичу. Администраторомъ Голштиніи Екатерина назначила двоюроднаго дѣда Павла Петровича, принца Георгія, находившагося въ то время въ Петербургѣ съ двумя его сыновьями, принцами Августомъ и Петромъ. Голштинское войско Петра III было отправлено на родину [2]).

Переговоры между Россіею и Даніею по голштинскому дѣлу оживились, когда въ 1765 году датскимъ посланникомъ при Екатеринѣ назначенъ былъ Ассебургъ.

Окружавшіе Павла Петровича лица старались отдалить его отъ мысли, что онъ германскій герцогъ. Такъ, когда получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти римскаго императора Франца-Стефана, „то долго говорили, между прочимъ, Его Высочеству, что сія кончина ему, какъ принцу нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна: каковъ-то милостивъ къ нему будетъ новый цесарь и проч. Онъ изволилъ все отвѣчать: что вы ко мнѣ пристали! Какой я нѣмецкій принцъ! Я великій князь россійскій!“ [3]).

Панинъ смотрѣлъ на голштинскій вопросъ съ той точки зрѣнія, что русскій Императоръ не долженъ имѣть владѣній внѣ предѣловъ своей имперіи и что необходимо было заблаговременно распорядиться тѣми изъ нихъ, которыя принадлежали Павлу Петровичу, по праву наслѣдія, въ Германіи. Но малолѣтство Павла оставляло въ умѣ Панина нѣкоторое сомнѣніе. Какъ воспитатель Павла, онъ могъ опасаться упрека въ умаленіи его наслѣдія. Поэтому Панинъ началъ подготовлять своего воспитанника къ одобренію своего предположенія

[1]) Отношенія Россіи къ Даніи и Голштиніи и политика Петра III по этому вопросу изложены у Щебальскаго: Политическая система Петра III. Москва, 1870.

[2]) Соловьевъ, XXV, 203.

[3]) Порошинъ, 387.

и разсуждалъ съ нимъ о его выгодахъ и невыгодахъ не какъ наставникъ, а какъ другъ и довѣренное лицо. Панинъ ничего не скрывалъ отъ Павла; онъ не хотѣлъ ни застигнуть его врасплохъ, ни накинуть на его глаза повязку; онъ желалъ, чтобы Павелъ видѣлъ вещи ясно и могъ со временемъ сказать ему, что утверждаетъ трактатъ объ обмѣнѣ Голштиніи съ полнымъ убѣжденіемъ въ пользѣ, какая отъ него произойдетъ и вполнѣ оправдаетъ его въ томъ, что онъ склонилъ его на это дѣло. Панинъ находилъ подобный образъ дѣйствій нужнымъ еще и потому, что хотя пользовался довѣріемъ великаго князя, но не могъ быть увѣреннымъ, чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ срокъ, назначенный для осуществленія предварительнаго договора, кто-либо другой не замѣнилъ его въ довѣріи Павла и не вызвалъ въ немъ предубѣжденія противъ сдѣлки, которая, уничтожая старую вражду, уничтожала и старыя притязанія, а вслѣдствіе обмѣна владѣній, всегда могла имѣть какъ-бы невыгодную для русскаго императора сторону [1]).

Поэтому Панинъ призналъ нужнымъ потребовать отъ Даніи вознагражденія, отмѣны для русскихъ судовъ зундскихъ пошлинъ и переговоры объ этомъ нѣсколько затянули дѣло. Наконецъ Россія отступила отъ своего требованія и 22-го апрѣля 1767 года подписанъ былъ въ Копенгагенѣ, Философовымъ со стороны Россіи и Сальдерномъ со стороны Голштиніи, предварительный временной договоръ, коимъ Императрица Екатерина, именемъ Павла Петровича, отказывалась отъ правъ на Шлезвигъ и уступала Даніи Голштинію въ обмѣнъ на графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ [2]).

Екатерина тогда еще не возвратилась изъ путешествія по Волгѣ и донесеніе, посланное изъ Москвы въ дорогу, было собственноручно написано главнымъ лицомъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, — герцогомъ голштинскимъ Павломъ [3]).

[1]) Донесенія Ассебурга, 6-го декабря 1765 г. и 29-го іюля 1766 г. въ его: Denkwürdigkeiten, 119 и 126. Мнѣніе Панина изложено у Соловьева, XXVII, 219.

[2]) Martens, I, 126. Въ П. С. З. этотъ трактатъ не помѣщенъ.

[3]) Asseburg, 131, 174.

Не входя въ оцѣнку, была ли эта негоціяція выгодна для Россіи, замѣтимъ только, что датскіе государственные люди считали ее очень выгодною для Даніи. Они не полагали, чтобы Россія рѣшилась уступить свою опорную точку въ Германіи и прекрасный Кильскій портъ [1]). Не даромъ датскій дворъ тратилъ деньги на подарки Сальдерну.

Замѣчательно, что сама Екатерина, въ бытность ея великою княгинею, отсовѣтовала своему супругу произвести обмѣнъ Голштиніи на Ольденбургъ, приводя въ основаніе своего мнѣнія причины [2]), которыя, кажется, сохраняли свою силу и въ 1767 году. Поэтому, хотя договоръ объ уступкѣ Голштиніи былъ заключенъ ею въ качествѣ опекунши сына, она отказывалась отъ участія въ этой сдѣлкѣ, ею же ратификованной, утверждая, что она „не въ состояніи была отдавать то, что ей не принадлежало“ [3]). Очевидно, что, заключая этотъ договоръ, не ожидая совершеннолѣтія Павла Петровича, она руководилась исключительно желаніемъ лишить его, и въ этомъ случаѣ, самостоятельности.

Между тѣмъ здоровье Павла Петровича по прежнему не отличалось крѣпостью. Въ бытность его въ 1767 году въ Москвѣ онъ вновь подвергся довольно серьезной болѣзни [4]). Поэтому необходимо было принять мѣры предосторожности при привитіи Павлу Петровичу оспы, на что рѣшилась Екатерина, пожелавшая и сама подвергнуться этой операціи, въ то время считавшейся далеко небезопасною. Для привитія имъ оспы приглашенъ былъ знаменитый англійскій врачъ Димсдаль.

Димсдаль нашелъ, что не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства физическаго развитія Павла Петровича въ его дѣтствѣ, онъ былъ прекрасно сложенъ, бодръ, силенъ и безъ

---

[1]) Correspondance entre le C-e Bernstorf et le duc de Choiseul. Copenhague, 1871, 241; Roger, Struensee et la cour de Copenhague. Mémoires de Reverdil. Paris, 1858, 444; Secretan, Mémoires de Falkenskiold. Paris. 1826, 102.

[2]) Catherine, 159—160.

[3]) Письма къ г-жѣ Бьелке. С. Р. И. О., X, 179 и 280.

[4]) С. Р. И. О., X, 220, 248, 249.

всякаго природнаго недуга. Ознакомившись съ запискою доктора Фусадье о здоровьѣ Павла, Димсдаль представилъ мнѣніе о мѣрахъ, которыя слѣдовало соблюсти при привитіи Павлу Петровичу оспы, которая и привита была ему 1-го ноября 1768 г. [1]).

Незадолго лишь передъ этимъ (въ маѣ 1768 г.) умерла отъ оспы невѣста графа Панина, графиня А. П. Шереметева. На время ея болѣзни Павелъ былъ разлученъ съ своимъ воспитателемъ и жилъ въ Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ, которая обѣщала Панину, что „сына своего ни вѣсть какъ пяньчить станетъ“ [2]). Онъ принялъ самое теплое участіе въ горѣ своего воспитателя [3]).

Въ сентябрѣ 1768 г. Павлу Петровичу минуло 14 лѣтъ и наступилъ тотъ возрастъ, когда, по воспитательному плану Панина, полезно было учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, т. е. къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства. Въ числѣ наставниковъ этихъ предметовъ приглашенъ былъ къ Павлу Петровичу Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Тепловъ состоялъ въ это время у собственныхъ Ея Величества дѣлъ и у принятія челобитенъ. Онъ былъ человѣкъ образованный, учился за границею, сопровождалъ туда же графа К. Г. Разумовскаго и былъ послѣдовательно переводчикомъ, адъюнктомъ и ассессоромъ академической канцеляріи. Онъ оставилъ нѣсколько сочиненій, изъ коихъ, въ педагогическомъ отношеніи, любопытно его „Наставленіе сыну“.

Къ сожалѣнію, его нравственныя качества были далеко ниже его ума. Человѣкъ онъ былъ угодливый, пронырливый

[1]) С. Р. И. О., II, 314 и 321. Ср. статью барона Бюлера. Два эпизода въ Рус. Вѣстникѣ. 1870, I, II, III и письма барона Черкасова въ Р. А. 1882, I, 407.

[2]) С. Р. И. О, X, 292. Изъ К. Ф. Ж. видно, что Цесаревичъ пріѣхалъ въ Царское Село 6 мая.

[3]) См. два письма его къ гр. Панину въ Ч. О. И. и Д. 1863, II.

и интриганъ. Всѣмъ обязанный гетману графу Разумовскому, онъ отвернулся отъ него, лишь только значеніе его стало падать и, по содѣйствію къ возведенію на престолъ Екатерины, сблизился съ Орловыми [1]).

Гельбигъ разсказываетъ, что Тепловъ принялся за дѣло преподаванія Павлу Петровичу съ предвзятымъ злымъ намѣреніемъ (mit studirter Bosheit). Онъ долженъ былъ преподать великому князю основательныя познанія въ политическихъ и государственныхъ наукахъ, а приносилъ ему огромныя кипы процессовъ, производившихся въ сенатѣ. Это наводило на Павла Петровича скуку; онъ не хотѣлъ и слышать объ этихъ занятіяхъ. Такимъ образомъ достигнута была цѣль: Павелъ не только ничего не вынесъ изъ этого преподаванія, но получилъ отвращеніе къ подобнаго рода занятіямъ [2]).

Кромѣ лицъ, состоявшихъ при Павлѣ Петровичѣ, и о которыхъ мы уже говорили, въ это время приняли участіе въ преподаваніи ему Левекъ, Николаи и Лафермьеръ.

Приглашеніе этихъ лицъ показываетъ, что образованію Павла Петровича старались придать литературное направленіе. Черезъ нихъ великій князь не только ознакомился и освоился съ французскою литературою, имѣвшею въ то время преобладающее въ Европѣ значеніе, но и пріобрѣлъ любовь къ чтенію: онъ читалъ много и вполнѣ основательно, дѣлая выписки и извлеченія изъ прочитанныхъ имъ книгъ.

Левекомъ, директоромъ Павловской больницы въ Москвѣ, извѣстнымъ своею исторіею Россіи, составлено было для Павла и, какъ говорятъ, по указанію Екатерины, сочиненіе Yu le Grand et Confucius, histoire chinoise. Soisson. 1769, 4^0, 701 pag.

Хотя оба лица, жизнеописанія коихъ изложены въ книгѣ— Императоръ Ю и Конфуцій, вовсе не были современниками, но Левекъ нашелъ возможнымъ сопоставить ихъ дѣянія, ссылаясь при этомъ на примѣръ автора Кироподіи. Сочиненіе это не только не поучительно, но изложено необыкновенно

[1]) Васильчиковъ, I, 310, 317—318.

[2]) Helbig, 316. Тоже подтверждаетъ и французскій посланникъ Корберонъ. Cour, 253.

тяжело и поражаетъ даже одною странностью—сравненіемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Китая съ Россіею.

Генрихъ Людвигъ Николаи [1]) (1737—1820) родился въ Страсбургѣ и по окончаніи курса въ тамошнемъ университетѣ отправился въ Парижъ, гдѣ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ Лафермьеромъ посѣщалъ общество дѣвицы Lespinasse, постоянными гостями которой были Даламберъ и Дидро. Тутъ же познакомился онъ съ княземъ Д. М. Голицынымъ. Назначенный въ маѣ 1761 года посломъ въ Вѣну, князь Голицынъ желалъ имѣть при себѣ, въ качествѣ секретаря, молодаго человѣка, который соединялъ бы съ хорошимъ происхожденіемъ общее научное образованіе и знаніе языковъ. Онъ остановился на Николаи, который принялъ его предложеніе. Пробывъ въ Вѣнѣ два года, Николаи въ 1763 году возвратился на родину, гдѣ остался недолго и совершилъ путешествіе по Франціи. Вновь вернувшись въ Страсбургъ, Николаи сдѣлался профессоромъ въ тамошнемъ университетѣ, куда поступили сыновья гетмана графа К. Г. Разумовскаго. Въ 1766 году Разумовскій пригласилъ Николаи воспитателемъ къ старшему своему сыну Алексѣю, съ которымъ Николаи путешествовалъ по Италіи, Франціи и Англіи и пріѣхалъ въ Россію въ 1769 г.

Еще въ бытность свою за границею, Николаи получилъ отъ графа Панина, вѣроятно при посредствѣ гетмана графа Разумовскаго и своего друга Лафермьера, уже ранѣе пріѣхавшаго въ Петербургъ съ канцлеромъ Воронцовымъ и занимавшаго должность библіотекаря при Павлѣ [2]), предложеніе принять участіе при его воспитаніи. Изъ его трудовъ для великаго князя сохранилось написанное въ 1772 году обозрѣніе политическаго состоянія Европы.

Николаи былъ плодовитымъ нѣмецкимъ писателемъ. Собраніе его басенъ, разсказовъ, посланій и т. п. занимаетъ нѣсколько томовъ. Въ числѣ его стихотвореній встрѣчается посланіе къ Павлу, — любопытное потому, что новое изданіе

[1]) Gerschau, Aus dem Leben des Freiherrn H. L. v. Nicolay, 1834
[2]) А. К. В. XVI, 108 и XIX, 237.

его было запрещено страсбургскою цензурою подъ предлогомъ встрѣчающихся тамъ будто-бы сомнительныхъ мѣстъ [1]).

Францъ Германъ Лафермьеръ (1737—1796) съ своей стороны извѣстенъ нѣсколько во французской литературѣ. Онъ издалъ собраніе своихъ басенъ, а затѣмъ занимался сочиненіемъ драматическихъ пьесъ для домашняго театра Цесаревича.

Съ перемѣнами въ личномъ составѣ преподавателей Павла Петровича, произошло измѣненіе и въ его обществѣ. Изъ прежнихъ почти ежедневныхъ его гостей, Петръ Ивановичъ Панинъ принялъ въ 1769 году участіе въ турецкой войнѣ, а затѣмъ, оставивъ службу, поселился въ Москвѣ: графъ И. Г. Чернышевъ уѣхалъ въ 1767 г. посломъ въ Лондонъ, гдѣ пробылъ до 1770 года, Сальдернъ—посланникомъ въ Копенгагенъ, а потомъ въ Варшаву. Вскорѣ ихъ замѣнили молодые люди, участники дѣтскихъ игръ Павла Петровича, князь А. Б. Куракинъ и графъ А. К. Разумовскій. Оба они кончили свое образованіе за границею: первый въ Лейденскомъ, а второй въ Страсбургскомъ университетѣ, и оба сдѣлались близкими къ Цесаревичу людьми.

При воспитаніи Павла Петровича оставлены были въ сторонѣ военныя науки и занятія. Въ дѣтствѣ онъ всякій день училъ ружью своихъ лакеевъ, но, по назначенію Панина, раза два только училъ ружьемъ и потомъ никогда [2]). Этотъ пробѣлъ могъ быть послѣдствіемъ политическихъ соображеній, какъ полагаетъ профессоръ С. М. Соловьевъ, или происходилъ изъ личныхъ взглядовъ Панина на милитаризмъ [3]).

Изъ дневника Порошина видно, что собесѣдники Павла Петровича очень неблаговолили военному формализму и выправкѣ. Въ маневрахъ и ученіяхъ Павелъ принималъ участіе только однажды (18—28 іюня 1765) въ Красносельскомъ лагерѣ, пребываніе въ которомъ кончилось его нездоровьемъ.

[1]) Nicolay, Vermischte Gedichte. Berlin, 1792, II. 61.
[2]) P. B. 1866, VIII, 438.
[3]) Соловьевъ, XXVI, 243. Ср. замѣчанія объ этомъ князя Вяземскаго. VII. 71.

Даже описаніе маневровъ Фридриха II въ знаменитомъ лагерѣ въ Бреславлѣ, составленное полковникомъ (впослѣдствіи фельдмаршаломъ) Каменскимъ и представленное имъ Павлу, не было, кажется, одобрено его приближенными [1]).

Понятно, что Павелъ Петровичъ не могъ въ дѣтствѣ проявлять влеченія къ военной службѣ и въ особенности къ мелочамъ солдатскаго быта. Лишь впослѣдствіи, наслѣдованная отъ отца страсть къ военному ремеслу, увлеченіе Фридрихомъ II и совершенное устраненіе отъ дѣлъ государственныхъ, обратили Павла Петровича въ противуположную сторону.

Наставникомъ Цесаревича по морской части былъ директоръ морскаго корпуса, Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Великій князь принималъ живое участіе во всемъ, касающемся Морскаго кадетскаго корпуса. Обо всѣхъ экзаменахъ, переводахъ, выпускахъ, однимъ словомъ, о всякомъ, сколько-нибудь важномъ происшествіи въ корпусѣ, докладывали ему и испрашивали его разрѣшенія. Посѣщая корпусъ, Цесаревичъ бывалъ въ классахъ, слушалъ преподаваніе и обращалъ особенное вниманіе на морскую тактику и корабельную архитектуру. Нерѣдко великій князь опредѣлялъ въ корпусъ сыновей бѣдныхъ дворянъ и, до поступленія ихъ въ комплектные воспитанники, вносилъ на содержаніе ихъ сумму изъ своего генералъ-адмиральскаго жалованья. Каждую субботу и воскресенье, кромѣ лѣтняго времени, къ великому князю являлся изъ Кронштадта, на ординарцы, кадетскій офицеръ [2]).

Конечно, въ описываемое нами время, Павелъ Петровичъ не могъ принимать участія въ управленіи морскою частью, и дѣятельность его, какъ генералъ-адмирала, ограничивалась тѣмъ, что онъ подписывалъ офицерскіе патенты и принималъ по праздникамъ почетные рапорты флагмановъ, но онъ интересовался флотомъ и морскимъ дѣломъ. Поэтому онъ съ удо-

[1]) Р. А. 1873, VIII, 1522.

[2]) Веселаго, Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса. Спб., 1852, 142 и 155.

вольствіемъ узналъ о назначеніи въ 1769 году вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи близкаго ему человѣка, графа И. Г. Чернышева. Поздравляя его съ этимъ назначеніемъ, Павелъ Петровичъ писалъ ему, что „это повышеніе сдѣлало ему крайнее удовольствіе, зная усердіе его къ поправленію флота и имѣя въ немъ себѣ такого помощника".

Характеристикою воспитанія Павла Петровича, съ придворной точки зрѣнія, могутъ служить два привѣтствія, сказанныя ему на извѣстномъ маскарадѣ, данномъ въ ноябрѣ 1770 г., во время пребыванія въ Петербургѣ принца прусскаго Генриха. Въ первомъ изъ этихъ привѣтствій Павлу рекомендовалось продолжать также, какъ онъ началъ; во второмъ, — идти по стопамъ Екатерины.

Принцъ Генрихъ, братъ короля Фридриха II, прибылъ въ Петербургъ съ цѣлію начать переговоры о дѣлахъ Польши, окончившіяся первымъ ея раздѣломъ. Онъ очень понравился Екатеринѣ и въ честь его праздникъ смѣнялся праздникомъ. Въ числѣ этихъ увеселеній маскарадъ 28 ноября, программа и описаніе котораго составлены были самою Императрицею, отличался особымъ великолѣпіемъ. Избранные ученики кадетскаго корпуса и ученицы Смольнаго института изображали Аполлона, четыре времени года и двѣнадцать мѣсяцевъ: они произносили привѣтствія и представляли подарки нѣкоторымъ изъ приглашенныхъ лицъ. Обратясь къ Павлу Петровичу, Аполлонъ сказалъ ему: „Uranie est restée là-haut à lire dans les astres Vos grandes destinées; V. A. I. les remplira: Elle n'a qu'à continuer dans Sa carrière; les succès présents nous le promettent", Затѣмъ мѣсяцъ январь привѣтствовалъ Цесаревича слѣдующими словами: „Le premier mois de l'année, depuis que celui de septembre a perdu en Russie son ancienneté, n'est abondant qu'en neiges, qu'en glaçons. Que pourrait-il Vous offrir? Il faut cependant Vous plaire. Rien ne saurait être plus digne de Vous être présenté que l'image de cette Déesse bienfaisante du Nord; grande également soit que les portes du temple de Janus, dont je porte le nom, se trouvent ouvertes ou fermées. La durée de Sa gloire se perpé-

tuera aussi longtemps que ce diamant existera. C'est à V. A. I. qu'avec justice le Destin le remet, à Vous, qui un jour marcherez sur Ses traces". При этомъ Павлу Петровичу представленъ былъ перстень съ портретомъ Императрицы [1]).

Но не одними увеселеніями занимался принцъ Генрихъ въ теченіе четырехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ. Онъ успѣлъ сблизиться съ Павломъ Петровичемъ и съ этого времени утвердилась въ молодомъ великомъ князѣ любовь къ Пруссіи, которой, подобно своему родителю, онъ не измѣнялъ никогда.

[1]) Description d'une mascarade donnée à P-g lors du séjour du Prince Henry de Prusse, въ прил. къ К. Ф. Ж. 1771.

V.

Въ самый день своей коронаціи, Императоръ Павелъ Петровичъ обнародовалъ актъ о престолонаслѣдіи. Этимъ дѣломъ государственной мудрости положилъ онъ конецъ неопредѣленности, которая существовала въ Россіи, въ продолженіе XVIII вѣка, относительно важнѣйшаго момента государственной жизни, такъ какъ, въ силу указа Петра Великаго 5 февраля 1722 года, „было всегда въ волѣ правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному паки отмѣнить".

Къ изданію этого акта Павелъ Петровичъ побужденъ былъ основаннымъ на личномъ наблюденіи глубокимъ убѣжденіемъ во вредѣ, который приносило отсутствіе точнаго закона о престолонаслѣдіи.

Мысль о возведеніи его на престолъ, явившаяся впервые еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, не заглохла и время отъ времени пробивалась наружу.

Первая мысль объ этомъ принадлежала канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину. Онъ предполагалъ, въ случаѣ смерти Императрицы Елизаветы, устранивъ великаго князя Петра Ѳедоровича, возвести на престолъ Павла Петровича и образовать регентство, назначивъ Екатерину правительницею [1]). Замыселъ этотъ не удался.

[1]) Catherine II, 315.

„Послѣднихъ мыслей Императрицы Елизаветы Петровны о наслѣдствѣ, разсказываетъ Екатерина [1]), точно сказать не можно, ибо твердыхъ не было. То несомнительно, что она не любила Петра III, почитала его за неспособнаго къ правленію, знала, что онъ русскихъ не любилъ и съ трепетомъ смотрѣла на смертный часъ и на то, что послѣ ея происходить можетъ, но какъ она во всемъ имѣла рѣшимость весьма медлительную, особливо въ послѣдніе годы ея жизни, то догадываться можно, что и въ пунктѣ наслѣдства мысли болѣе колебались, нежели что-либо опредѣлительное было въ ея мысли. Фаворитъ же И. И. Шуваловъ, бывъ окруженъ великимъ числомъ молодыхъ людей, отчасти не любя же отъ сердца и еще болѣе отъ легкомыслія ему свойственнаго, бывъ убѣжденъ воплемъ множества людей, кои не любили и опасались Петра III, за нѣсколько времени до кончины Елизаветы, мыслилъ и клалъ на мѣрѣ перемѣнить наслѣдство, въ чемъ адресовался къ Н. И. Панину, спроса, что онъ о томъ думаетъ и какъ бы то дѣлать, говоря, что мысли иныя клонятся, отказавъ и выславъ изъ Россія великаго князя Петра Ѳедоровича съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ Цесаревича Павла Петровича, которому былъ тогда седьмой годъ; что другіе хотятъ лишь выслать отца, а оставить мать съ сыномъ и что всѣ въ томъ единодушно думаютъ, что великій князь Петръ Ѳедоровичъ неспособенъ и что кромѣ бѣдства, покоряяся ему, Россія не имѣетъ ожидать. На сіе Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способы къ междоусобной погибели, что въ одномъ критическомъ часу того перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ слѣдствій не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Панинъ о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ при томъ, что больной Императрицѣ, если бы представили, чтобъ мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Богу, фавориты не приступили...“

Нашлись другіе фавориты, которые приступили къ дѣлу

[1]) Р. А. 1863, № 7,567. Соловьевъ. XXV, 98.

въ слѣдующемъ же году. При восшествіи на престолъ Екатерины, Панинъ, какъ сама она свидѣтельствуетъ [1]), желалъ, чтобъ переворотъ совершился въ пользу Павла Петровича, но на это никогда не хотѣли согласиться Орловы.

Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ предположеній, мы привели о нихъ только собственныя слова Екатерины: ей хорошо извѣстно было, что часть русскаго общества желала видѣть на простолѣ сына, а не мать.

И при Екатеринѣ не замерла мысль о возведеніи Павла Петровича на престолъ; время отъ времени проявлялась она то въ заговорахъ отдѣльныхъ лицъ, то въ толкахъ и пересудахъ народныхъ [2]). Мысль эта постоянно тревожила Екатерину и возбуждала въ ней недовѣріе къ сыну, ни въ чемъ неповинному.

Во время пребыванія Екатерины въ Москвѣ, послѣ коронаціи, въ 1763 г., возбуждено было Бестужевымъ-Рюминымъ предположеніе о вступленіи ея въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ сама Екатерина [3]). Въ числѣ противниковъ этой мысли былъ Н. И. Панинъ. Предположеніе это не осуществилось, но съ этого времени начинается вражда Орловыхъ съ Панинымъ.

Что касается воспитанія Павла Петровича, то вліяніе на это дѣло графа Г. Г. Орлова было вредно. Онъ началъ съ того, что сталъ ухаживать за Павломъ, прерывалъ его занятія, входилъ во всѣ его дѣтскія забавы и сдѣлался въ нѣкоторомъ смыслѣ его любимцемъ [4]). Мы уже видѣли, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые поощряли одиннадцатилѣтняго Павла въ дѣтской его привязанности къ В. Н. Чогло-

---

[1]) Письмо Екатерины къ Станиславу Понятовскому, 2 августа 1762.

[2]) Такъ, въ 1768 году, адъютантъ Опочининъ, выдавая себя за сына Елизаветы, составилъ заговоръ въ пользу Павла. Р. А. 1868, 274. Такъ, ссыльный полякъ Беньовскій, произведшій въ 1771 г. бунтъ въ Камчаткѣ, наименовалъ собранныхъ имъ сообщниковъ „собранною компаніею для имени Его Императорскаго Величества Павла Петровича“. Р. А. 1865, 422.

[3]) Письмо къ Суворову. С. Р. П. О., VII, 293. Подробный разсказъ объ этомъ см. у Васильчикова, I, 304—307, и Соловьева, XXVI, 258 и 261.

[4]) Донесеніе Букингама 28-го сентября 1764. Cour, 249.

ковой и что, вѣроятно, по его же указанію, былъ приглашенъ къ обученію Павла Петровича Тепловъ. Быть можетъ, при этомъ Орловъ руководился мыслію обратить преимущественное вниманіе Екатерины на Бобринскаго, къ которому онъ питалъ родительское расположеніе. Но если за Бобринскимъ стоялъ Орловъ, то за Павломъ стоялъ Панинъ и коллизіею интересовъ двухъ отроковъ можно отчасти объяснить постоянное соперничество Панина и Орловыхъ, продолжавшееся до самаго вступленія Павла Петровича въ бракъ. Всѣ думали, какъ свидѣтельствовала сама Екатерина, что если Павелъ Петровичъ не на рукахъ у Панина, такъ онъ пропалъ.

Мы уже говорили, что новорожденный Бобринскій былъ отданъ на воспитаніе Шкурина. По воцареніи Екатерины, Шкуринъ былъ взысканъ ея милостями: 6-го августа 1762 г. ему и его женѣ пожаловано было 1027 душъ „для незабвенной памяти нашего къ нему благоволенія“, а 28-го іюля 1763 г. Шкуринъ „за особливую, долговременную при насъ службу и отличную къ намъ вѣрность“, пожалованъ изъ бригадировъ въ дѣйствительные камергеры и ему поручено главное надзираніе за всѣми собственными казенными (т. е. кладовыми) Императрицы [1]). Въ первые годы своего царствованія Екатерина посѣщала иногда домъ преданнаго ей человѣка [2]).

Шкуринъ съумѣлъ привязать къ себѣ ввѣреннаго его надзору мальчика. Уже 20-ти-лѣтнимъ юношею, Бобринскій, получивъ извѣстіе о его смерти, записалъ въ свой дневникъ (11 февраля 1782 г.): „я узналъ, что умеръ В. Г. Шкуринъ. Это меня очень огорчило. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ и я обязанъ всей его семьѣ. Ночью я не могъ заснуть: мнѣ все представлялся покойный; я цѣлый часъ плакалъ“ [3]).

До поступленія въ кадетскій корпусъ Бобринскій находился, кажется, за границею, воспитываясь или въ Лейпцигѣ

[1]) С. Р. И. О., VII, 133, 301.
[2]) К. Ф. Ж., 10 августа 1764.
[3]) Р. А., 1877, X, 131.

или въ Галльскомъ педагогіумѣ. Послѣ этого онъ учился въ кадетскомъ корпусѣ и находился подъ попечительствомъ Бецкаго, одного изъ самыхъ близкихъ къ Екатерины людей, считавшагося въ то время первымъ въ Россіи педагогомъ.

Между тѣмъ отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу были постоянно холодны. Еще десятилѣтнимъ отрокомъ Павелъ самъ признавался, что быть ему у Государыни скучно и принужденно и что принужденіе такое ему несносно [1]). „Императрица, доносилъ французскій посланникъ Сабатье-де-Кабръ 20-го апрѣля 1779 года [2]), которая жертвуетъ для приличія всѣмъ остальнымъ, не соблюдаетъ никакого въ отношеніи къ сыну. Для него—у нея всегда видъ и тонъ Государыни и она часто прибавляетъ къ этому сухость и обидное невниманіе, которыя возмущаютъ молодаго великаго князя. Она никогда не относилась къ нему какъ мать; передъ нею онъ всегда почтительный и покорный подданный. Замѣтно, что эта манера, неприличная и жестокая, происходитъ исключительно отъ ея сердца, а не отъ того, чтобы она желала дать ему строгое воспитаніе. Она оказываетъ сыну только тѣ внѣшніе знаки вниманія, которые вынуждаются необходимостію. Поэтому великій князь стоитъ передъ нею какъ передъ судьею; вездѣ въ прочихъ мѣстахъ онъ имѣетъ видъ совершенно развязный и нимало нестѣсненный. Онъ выражается любезно и свободно и старается нравиться всѣмъ приближеннымъ своимъ вниманіемъ, вѣжливостью и обязательностію разговора. Онъ безъ аффектаціи наблюдетъ все, что происходитъ на его глазахъ, но его упрекаютъ за любовь къ доносамъ и за то, что онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ, дабы узнать обо всемъ, что только можно“. Причину этого нерасположенія Екатерины къ сыну едва ли не слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, въ обстоятельствахъ ея не вполнѣ счастливаго супружества. Выданная замужъ за великаго князя Петра Ѳедоровича по политическимъ соображеніямъ, она не могла любить его и эта нелюбовь перешла и на его сына.

[1]) Порошинъ, 250.
[2]) Cour, 251.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что дѣятельность Петра III заслуживаетъ, кажется, нѣсколько болѣе тщательнаго и во всякомъ случаѣ менѣе односторонняго разсмотрѣнія, чѣмъ которому она подвергалась донынѣ. Конечно, онъ почти всю жизнь оставался ребенкомъ и умственно развитъ былъ очень слабо, но едва ли, однако, настолько, чтобы оправдать тѣ отзывы, которые давала о немъ впослѣдствіи Екатерина, и изъ которыхъ мы приведемъ лишь нѣкоторые.

Упомянувъ однажды, что императрица Марія Терезія находила мужа очень любезнымъ, Екатерина говорила, что, по совѣсти она не могла сказать того же о своемъ [1]). „Нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть мужемъ ребенка, писала она г-жѣ Бьелке въ 1767 году, я знаю чего это стоитъ и принадлежу къ числу тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что мужья, которые не любимы, всегда виноваты въ томъ сами, потому что по-истинѣ я бы очень любила моего мужа, еслибы къ тому представилась возможность и еслибы онъ былъ такъ добръ, чтобы пожелать этого". Въ другомъ письмѣ, къ той же дамѣ, намекая, очевидно, на Петра III, она говоритъ: „что имѣть дѣло съ разстроенною головою—ужасная вещь; я знаю, чего это стоитъ; я была въ такомъ положеніи" [2]).

Объясняя восшествіе свое на престолъ, Екатерина говоритъ [3]), что Петръ III не имѣлъ болѣе злаго врага чѣмъ въ себѣ самомъ; всѣ его поступки были запечатлѣны печатью безумія. Кромѣ того, все, что обыкновенно возбуждаетъ въ людяхъ жалость, вызывало въ немъ гнѣвъ. Онъ забавлялся тѣмъ, что билъ людей и животныхъ и не только былъ нечувствителенъ къ ихъ слезамъ и крикамъ, но они возбуждали въ немъ гнѣвъ, а когда онъ впадалъ въ него, то придирался ко всему, что его окружало. Его любимцы были очень несчастны; они не смѣли говорить другъ съ другомъ не возбуждая его недовѣрія, а лишь только оно начинало дѣйствовать, онъ билъ ихъ въ присутствіи всѣхъ. Тогдашній англій-

[1]) Письмо къ Гримму. С. Р. И. О., XXIII, 462.
[2]) Тамъ же, X, 164 и XIII, 238.
[3]) Замѣчанія на сочиненіе Денины. Храповицкій, 481.

скій посолъ Кейтъ сказалъ при одномъ изъ подобныхъ случаевъ: „знаете ли вы, что вашъ императоръ помѣшанный; его надобно связать; по крайней мѣрѣ не будучи таковымъ, нельзя дѣлать того, что онъ дѣлаетъ. Вступленіемъ своимъ на престолъ императрица Екатерина, по ея словамъ, спасла имперію, самую себя и своего сына отъ рукъ сумасшедшаго, почти бѣшенаго и который несомнѣнно сдѣлался бы таковымъ, если-бы онъ пролилъ или увидѣлъ пролитою одну каплю крови; въ то время въ этомъ не сомнѣвался никто изъ всѣхъ тѣхъ, которые его знали, даже самые довѣренныя его лица".

Почти то же повторяетъ Екатерина и въ письмѣ къ Фальконету по поводу сочиненія Рюльера о переворотѣ 1762 года, говоря, что при этомъ переворотѣ предстояло или погибнуть вмѣстѣ съ сумасшедшимъ или спастись съ толпою, желавшею отъ него избавиться; что во всемъ этомъ не было иныхъ происковъ, какъ дурное поведеніе одного лица, съ которымъ, при другомъ поведеніи, никогда бы ничего не случилось [1]).

Вообще Екатерина любила ссылаться на анормальность умственныхъ способностей мужа и однажды по поводу проявившагося слабоумія принца Петра голштинскаго, о чемъ мы будемъ говорить ниже, замѣтила, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ августѣйшій ольденбургскій домъ произвелъ уже трехъ умопомѣшанныхъ [2]).

Учебныя занятія Павла Петровича, о которыхъ мы говорили въ предшествовавшихъ главахъ, вновь прерваны были, лѣтомъ 1771 г., тяжкою его болѣзнію, принявшею опасный характеръ. Великій князь заболѣлъ горячкою. Екатерина хотя и старавшаяся успокоить себя тѣмъ, что эта болѣзнь— предвѣстница возмужалости ея сына, по пословицѣ, что и усъ не ростетъ безъ болѣзни, встревожилась ея опасными симптомами [3]). Она переѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ, гдѣ, несмотря на любовь свою къ загородной жизни, провела

---

[1]) С. Р. И. О., XVII, 44.

[2]) Письмо къ Бьелке, 1776 г.: ib. XXVII, 67.

[3]) Письма къ г-жѣ Бьелке, 30 іюля и 29 августа 1771. Р. С. И. О., XIII, 142 и 148.

два мѣсяца, почти ежедневно навѣщая сына. Къ счастію, Павелъ Петровичъ оправился отъ болѣзни и 28 августа отслужено было торжественное молебствіе въ благодарность за его исцѣленіе. Но слабость, оставленная этою болѣзнію въ организмѣ, продолжалась у Цесаревича довольно долго [1]).

По поводу его выздоровленія Фонвизинъ написалъ слово, а Майковъ оду. Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ много сходства и, конечно, оба автора были вполнѣ искренни. Болѣзнь великаго князя, принимая опасный оборотъ, вновь выдвигала страшный вопросъ о престолонаслѣдіи: „подумывали объявить, въ случаѣ несчастія, наслѣдникомъ престола Бобринскаго“ [2]).

Вѣроятно, мысль эта возникла не безъ участія графа Г. Г. Орлова, бывшаго тогда на высотѣ своего могущества, которое начало падать именно послѣ выздоровленія Павла Петровича, во время отлучки Орлова въ Москву (сентябрь—ноябрь 1771), для прекращенія чумы и въ особенности со времени его отъѣзда, въ апрѣлѣ 1772 года, для мирныхъ переговоровъ съ Турціею, на конгрессъ въ Фокшаны, въ чемъ видѣли уже попытку навсегда удалить его отъ двора [3]). Отъѣздъ Орлова [4]) произвелъ хорошее дѣйствіе въ томъ отношеніи, что Екатерина сдѣлалась ласковѣе къ сыну. Всѣ замѣтили, доносилъ прусскій посланникъ Сольмсъ, что эти особы начали жить гораздо согласнѣе, чѣмъ прежде, когда привязанность Императрицы къ фавориту брала верхъ надъ чувствами матери къ сыну. Екатерина стала чаще видаться съ Павломъ, короче узнала и полюбила окружавшее его общество. Павелъ, съ своей стороны, менѣе прежняго стѣснялся въ присутствіи матери. Онъ былъ очень тронутъ ея ласками и между ними установилась беззатѣйная непринужденность и взаимное довѣріе, что приводило всѣхъ въ восторгъ. Боюсь утверждать, прибавляетъ

[1]) Фонъ-Визинъ, 290. Донесенія Сольмса въ С. Р. И. О., XXXVII, 487—496. Письма Панина къ Румянцову. Р. А. 1882, III, 14—15.

[2]) Свидѣтельство кн. Ѳ. Н. Голицына. Р. А. 1874, I, 1328.

[3]) Helbig, 271.

[4]) Депеши Сольмса 3 августа и 4 сентября 1772 г. Барсуковъ, Р. А. 1873, II, 86—89.

Сольмсъ, чтобы со стороны Императрицы не было тутъ нѣкотораго притворства, но какова бы ни была ея цѣль, эта перемѣна отношеній къ сыну должна повредить графу Орлову, потому что при немъ Екатерина вела себя иначе.

Эту перемѣну отношеній къ сыну подтверждаетъ сама Екатерина [1]). „Никогда мы такъ не веселились, какъ въ эти девять недѣль, проведенныхъ въ Царскомъ Селѣ, съ моимъ сыномъ, который дѣлается хорошенькимъ мальчикомъ. Утромъ мы завтракали въ прелестной залѣ, расположенной близъ озера и расходились, нахохотавшись досыта. Послѣ этого каждый занимался своимъ дѣломъ; потомъ обѣдъ; въ шесть часовъ прогулка или спектакль, а вечеромъ подымался шумъ во вкусѣ всѣхъ шумилъ, которые меня окружаютъ и которыхъ здѣсь много. Сынъ мой не хочетъ отставать отъ меня ни на шагъ и я имѣю честь такъ хорошо его забавлять, что онъ иногда подмѣниваетъ билеты, чтобы сидѣть за столомъ рядомъ со мною. Я думаю мало можно найти примѣровъ такого согласія въ расположеніи духа".

Согласіе, существовавшее въ это время между Императрицею и великимъ княземъ [2]), всего вѣроятнѣе объясняется тѣмъ, что Екатерина убѣдилась, что Орловъ держалъ ее въ подчиненіи и употреблялъ во зло ея довѣріе, внушая ей ложныя понятія о ея сынѣ. Поэтому представлялась крайняя необходимость, для блага государства и для безопасности великаго князя, положить предѣлъ честолюбію временщика и скинуть съ себя наложенное имъ ярмо.

Это сближеніе между Екатериною и Павломъ Петровичемъ могло быть вызвано и желаніемъ Екатерины ближе ознакомиться съ его характеромъ, въ виду предстоявшаго вступленія его въ бракъ.

Екатерина давно уже думала о женитьбѣ великаго князя и еще въ 1768 году возникло предположеніе о порученіи Ассебургу, уѣзжавшему тогда изъ Россіи, пріискать ему невѣсту, но какъ Павелъ Петровичъ, казалось, былъ слабъ здо-

[1]) Письма къ г-жѣ Бьелке. С. Р. И. О., XIII, 260 и 266.
[2]) Депеша Сольмса 23 октября. Барсуковъ, 101.

ровьемъ, то опасались, что онъ мало расположенъ будетъ дать государству наслѣдниковъ. Довѣренныя ея лица занялись разсѣяніемъ этихъ опасеній. Они уговорили вдову Софью Степановну Чарторижскую испытать силу ея прелестей надъ сердцемъ великаго князя. Родился сынъ, котораго назвали Семеномъ Великимъ [1]).

Софья Степановна Чарторижская (1746 — 1803) была дочерью Степана Ѳедоровича Ушакова, бывшаго новгородскимъ, а потомъ петербургскимъ губернаторомъ и наконецъ сенаторомъ. Первый ея мужъ, Михаилъ Чарторижскій, принадлежалъ къ фамиліи, существовавшей съ XVII вѣка въ Польшѣ и Малороссіи и происходившей отъ побочной вѣтви князей Чарторижскихъ; онъ былъ флигель-адъютантомъ Петра III [2]). Послѣ его смерти и рожденія С. П. Великаго, Софья Степановна вышла, въ семидесятыхъ годахъ, замужъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго [3]), какъ кажется, нѣсколько противъ желанія его отца и семейства. Она была женщина свѣтская, большая щеголиха, то, что въ прошедшемъ столѣтіи называлось une petite maîtresse. Мужъ ея, графъ Разумовскій, уволенный въ 1789 г. изъ военной службы съ чиномъ генералъ-поручика, назначенъ былъ 19 декабря 1796 года, вслѣдъ за воцареніемъ Павла Петровича, сенаторомъ и произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Семенъ Великій воспитывался первоначально въ комнатахъ Государыни, а когда ему минуло лѣтъ восемь, его помѣстили въ 1780 году въ петропавловскую школу, съ приказаніемъ дать ему наилучшее воспитаніе, а дабы онъ не догадался о причинѣ этого предпочтенія, выбрали ему въ товарищи дѣтей неважныхъ лицъ. Съ нимъ наравнѣ обучались Я. А. Дружининъ, сынъ придворнаго камердинера, Ѳ. М. Брискорнъ, сынъ придворнаго аптекаря, Х. П. Мил-

[1]) Castéra, II, 146.

[2]) Указъ 31 декабря 1761 г. Барановъ, № 11,929. Екатерина требовала отъ Елагина, 2 апрѣля 1773, свѣдѣній о семействѣ Чарторижскихъ. С. Р. И. О., XIII, 317.

[3]) Васильчиковъ, II, 148.

леръ, сынъ портнаго, Г. П. Вилламовъ, сынъ умершаго инспектора петропавловской школы и И. К. Вестманъ.

Когда онъ былъ еще въ школѣ, издана была, по распоряженію графа Ангальта [1]), книжка „Obidah, eine morgenländische Erzählung. Обидагъ, восточная повѣсть, съ нѣмецкаго на русскій языкъ переведенная Семеномъ Великимъ, прилежнымъ къ наукамъ юношею. Въ С.-Петербургѣ 1786". 8° стр. 15. Книжка эта не имѣетъ никакого значенія, но любопытна потому, что иностранные библіографы приписываютъ сочиненіе ея самой Екатеринѣ [2]).

По окончаніи наукъ въ петропавловской школѣ, С. П. Великій заявилъ желаніе служить во флотѣ, поступилъ въ морской кадетскій корпусъ и 5 марта 1789 года изъ сержантовъ измайловскаго полка, по знанію навигаціонныхъ наукъ, произведенъ въ мичманы [3]) и въ томъ же году въ лейтенанты.

Во время шведской войны С. П. Великій служилъ подъ начальствомъ капитана Тревенина и 28 іюня 1790 [4]) былъ присланъ къ Екатеринѣ курьеромъ съ корабля „Не тронь меня" съ донесеніемъ о морскомъ сраженіи 22-го іюня. Произведенный за это 29-го іюня въ капитанъ-лейтенанты, онъ въ числѣ другихъ офицеровъ посланъ былъ, для усовершенствованія, въ Англію и, служа въ англійскомъ флотѣ, умеръ на кораблѣ Вангардъ на Антильскихъ островахъ въ 1794 г. [5]).

Возвратимся, послѣ этого вводнаго эпизода, къ хронологической нити нашего разсказа. Орлову, во время его отсут-

---

[1]) Bacmeister, Russische Bibliothek. St. Pbg. 1772—1787, X, 317.

[2]) Quérard, La France littéraire. Paris, 1827, II, 82; Ebert, Allg. Bibl. Lex. 289. Содержаніе книжки разсказано у Щебальскаго: Драмат. соч. Екатерины II, Р. В., 1871, V.

[3]) Записки Греча. Р. А., 1871, 291 и III, 309; Весслаго, Очеркъ исторіи Мор. Кад. корп., списокъ воспитанниковъ. Спб., 32; Namens-Verzeichniss der Schüler der Hauptschule St. Petri. Petersburg, 1862, 137. А. Кн. Воронцова. XXIV, 250.

[4]) Храповицкій.

[5]) Описаніе архива морскаго министерства, III, 668, 674, 679 и 700. Въ запискахъ Греча не вѣрно.

ствія изъ Петербурга, повредило и другое обстоятельство: Екатерина приблизила къ себѣ камеръ-юнкера Васильчикова [1]).

Павелъ, ненавидѣвшій Орловыхъ, былъ доволенъ возвышеніемъ новаго фаворита, хотя и не могъ не смотрѣть на поведеніе въ этомъ отношеніи своей матери также, какъ и всѣ прочіе [2]). Ожидали, и кажется и самъ великій князь разсчитывалъ, что мать даруетъ ему при совершеннолѣтіи нѣкоторую независимость и что онъ будетъ имѣть болѣе самостоятельное положеніе. Случилось противное, и его оберъгофмейстеръ сохранилъ надъ нимъ прежнюю власть. Въ этотъ день, 20 сентября 1772 г., не было никакого производства, дабы никто не могъ быть хоть чѣмъ либо обязаннымъ Цесаревичу.

Графъ Орловъ, узнавъ о возвышеніи Васильчикова, покинулъ постъ уполномоченнаго на фокшанскомъ конгрессѣ и поспѣшилъ въ Петербургъ, но былъ остановленъ въ Гатчинѣ. Хотя въ концѣ того же года (23 декабря 1772 г.), Орловъ, осыпанный милостями и пожалованный княжескимъ достоинствомъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, но не надолго и въ первыхъ числахъ января 1773 г. отправился на житье въ Ревель.

Во время пребыванія Орлова въ Петербургѣ Павелъ Петровичъ выказалъ къ нему ненависть и отвращеніе, которыя проявились бы еще съ большею силою и съ большею рѣзкостью, еслибы Панинъ не позаботился его сдерживать [3]).

„Освѣдомись при случаѣ, или скажи при случаѣ князю (Орлову), писала Екатерина И. П. Елагину, что если то, что онъ слышалъ про отзывъ великаго князя объ немъ со стороны И. И. Бецкаго, до него дошло, то чтобы онъ зналъ, что я ставлю то за ложь, выдуманную для видовъ тѣхъ, кои

[1]) Имя это въ первый разъ встрѣчается въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, 6-го мая 1772, черезъ двѣ недѣли по отъѣздѣ графа Орлова.

[2]) Депеша англійскаго посланника Гунтинга 6 октября 1772. С. Р. И. О., XIX, 329.

[3]) Донесеніе французскаго посланника Дюрана, 19 февраля 1773. Cour, 271.

чрезъ то надѣются скорѣе достигнуть своихъ видовъ, въ коихъ я не обманута, а все сіе—пустошь, изъ перехитренной тонкости выдуманная, и меня не проведутъ“ [1]).

Хорошія отношенія Екатерины къ Павлу сохранялись по прежнему. Императрица продолжала ежедневно обѣдать съ сыномъ, удерживала его большую часть дня подлѣ себя и никогда не выѣзжала безъ него изъ дворца [2]). Но эти отношенія установились не на долго. Орловы были единственные люди, на которыхъ Екатерина, по ея мнѣнію, могла положиться [3]). Въ мартѣ 1773 г. Орловъ возвратился въ Петербургъ и въ маѣ Екатерина поручила ему вступить во всѣ прежнія должности [4]). Между нимъ и графомъ Панинымъ установился, наружно, извѣстный modus vivendi. Наилучшее согласіе повидимому царствуетъ теперь между приближенными великаго князя и княземъ Орловымъ, доносилъ англійскій посланникъ 21 мая 1773 г. [5]).

Но въ дѣйствительности, борьба Панина и Орлова не прекращалась. Значеніе Орлова сдѣлалось въ это время такъ велико, какъ никогда прежде [6]). Графъ З. Г. Чернышевъ, генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій, генералъ-полиціймейстеръ, оберъ-прокуроръ Зиновьевъ, сенаторъ Елагинъ и большая часть сенаторовъ, графъ Брюсъ, Сальдернъ, баронъ Черкасовъ и многіе другіе лица были на сторонѣ Орловыхъ, противниками графа Панина. Этотъ послѣдній имѣлъ на своей сторонѣ вице-канцлера князя Голицына, фельдмаршала князя Голицына, адмирала Мордвинова, г. п. Пассека и фаворита Васильчикова. Графъ К. Г. Разумовскій держалъ себя нейтрально и, притомъ, не имѣлъ особенно большаго значенія. Князь Бѣлосельскій и графъ А. П. Шуваловъ распускали паруса свои по вѣтру, хотя, впрочемъ, первый былъ душою и тѣломъ преданъ своимъ дядямъ Чернышевымъ, а слѣдова-

[1]) С. Р. И. О., XLII, 307.
[2]) Депеша Сольмса 29 января 1773. Барсуковъ, 108.
[3]) Донесеніе Гунинга, 16 января 1773. С. Р. И. О., XIX, 339.
[4]) С. Р. И. О., II, 294.
[5]) Cour, 272.
[6]) Донесеніе Сакена 3/14 іюля 1773. Herrmann, V, 710.

тельно и Орлову. Нарышкины также придерживались болѣе семейства Орловыхъ, равно какъ и Бецкій, который постоянно сохранялъ свое значеніе при Екатеринѣ. Великій князь оставался вѣренъ графу Панину и не хотѣлъ примириться съ княземъ Орловымъ, о чемъ день и ночь работалъ Сальдернъ, который этимъ сдѣлался даже непріятенъ Павлу Петровичу. Обѣ партіи очень сильно интриговали одна противъ другой и вскорѣ одна изъ нихъ должна была пасть. Несчастный жребій выпалъ на этотъ разъ на долю графа Панина. Начали поговаривать о большихъ перемѣнахъ и повышеніяхъ, которыя должны были послѣдовать немедленно за бракосочетаніемъ великаго князя. Всѣ лица, окружавшіе Павла Петровича, должны были быть удалены отъ него. Комнаты, которыя до того времени графъ Панинъ занималъ во дворцѣ, должны были быть отъ него взяты и приготовлены для будущей великой княгини. Вліяніе Васильчикова не увеличилось; онъ не могъ ничего или почти ничего сдѣлать для своихъ друзей и не смѣлъ вмѣшиваться ни въ какія дѣла Напротивъ того, князь Орловъ имѣлъ рѣшающее слово какъ въ совѣтѣ, такъ и при дворѣ. Всѣ знаки милости и благоволенія Императрицы шли преимущественно чрезъ его руки.

„Мы въ очень плачевномъ состояніи, писалъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Панина, Фонвизинъ [1]). Всѣ интриги и всѣ струны настроены, чтобы графа Панина отдалить отъ великаго князя, даже до того, что подъ претекстомъ перестраивать покои во дворцѣ, велѣно ему опорожнить тѣ, гдѣ онъ жилъ. Князь Орловъ съ Чернышевымъ злодѣйствуютъ ужасно графу Панину, который мнѣ открылъ свое намѣреніе, буде его отлучатъ отъ великаго князя, то онъ ту же минуту пойдетъ въ отставку. Великій князь тужитъ очень, видя худое положеніе своего воспитателя, а слышно, что его отдаляютъ и даютъ на его мѣсто, иные говорятъ Елагина, иные Черкасова, иные графа Ѳедора Орлова. Развращенность здѣшнюю описывать излишне. Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ

[1]) Сочиненія, 402 и 403.

такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего... всеминутно происходятъ и все вертится надъ бѣднымъ Панинымъ. Брата своего онъ въ Петербургъ привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломили, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто бы ему былъ истинный другъ".

Братъ графа Н. И. Панина, Петръ Ивановичъ, принявшій участіе въ первой турецкой войнѣ, послѣ взятія имъ Бендеръ, вышелъ въ отставку и съ 1771 года поселился въ Москвѣ. Здѣсь нѣкоторыя его сужденія, дошедшія до Екатерины, не понравились и за нимъ учрежденъ былъ надзоръ.

Главнокомандующему въ Москвѣ, князю Волконскому, велѣно было послать въ деревню къ Панину надежнаго человѣка выслушать его дерзкія болтанья. Оказалось, „что Панинъ много и дерзко болтаетъ, но все оное состояло въ томъ, что все и всѣхъ критикуетъ, однако такого не было слышно, чтобъ клонилось къ какому бы дерзкому предпріятію. Примѣчено было даже, что съ нѣкотораго времени Панинъ гораздо утихъ и въ своемъ болтаньи нѣсколько скромнѣе сталъ" [1]).

Эта скромность Панина произошла отъ сдѣланнаго ему внушенія. „Что касается до дерзкаго вамъ извѣстнаго болтуна, писала Екатерина Волконскому 25 сентября 1773 года [2]), то я здѣсь кое-кому внушила, чтобы до него дошло, что если онъ не уймется, то я принуждена буду его унимать наконецъ. Но какъ богатствомъ я брата его осыпала выше его заслугъ на сихъ дняхъ, то я чаю, что и онъ его уйметъ же, а домъ мой очистится отъ каверзы".

Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ Екатерина введена была въ заблужденіе. „Болтовня" графа П. И. Панина не представляла, въ сущности, опасности. Онъ считалъ себя обиженнымъ и считался въ числѣ недовольныхъ, какъ это случалось и съ другими русскими сановниками того времени, и выра-

[1]) Донесеніе Волконскаго, О. В., I, 96—97.
[2]) Тамъ же.

жалъ это громко, но въ душѣ оставался преданнымъ своей землѣ, что и доказалъ, какъ увидимъ ниже, въ минуту Пугачевскаго бунта [1]).

Совершенно противно этому поступало другое лицо, вкравшееся въ это время въ довѣріе Екатерины, Сальдернъ. Поведеніе его служитъ доказательствомъ, какъ опасно участіе въ русскихъ дѣлахъ иностранцевъ, изъ числа коихъ многіе видѣли въ Россіи лишь средство къ наживѣ и къ отличіямъ, а въ душѣ презирали все русское.

Голштинецъ родомъ, Сальдернъ пріѣхалъ въ Россію еще при Елизаветѣ Петровнѣ и снискалъ расположеніе Петра III. При Екатеринѣ онъ былъ отправленъ въ 1766 году въ Копенгагенъ, о чемъ мы говорили выше. Возвратясь изъ Даніи въ 1768 году, Сальдернъ назначенъ былъ русскимъ посланникомъ въ Варшаву, гдѣ и пробылъ съ февраля 1771 по сентябрь 1772 года. Поведеніе тамъ Сальдерна, соединявшаго грубость голштинскаго мужика съ педантизмомъ нѣмецкаго профессора [2]), отличалось раздражительностью, запальчивостью и склонностью къ преувеличеніямъ и въ октябрѣ 1772 года онъ отозванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ незадолго передъ этимъ ($^{14}/_{25}$ іюля) подписанъ былъ договоръ о первомъ раздѣлѣ Польши [3]).

Поведеніе Сальдерна въ Польшѣ не заслужило одобренія Панина. Съ своей стороны и Сальдернъ былъ недоволенъ малымъ, по его мнѣнію, вниманіемъ Панина къ его трудамъ [4]). Отъ этого произошелъ ихъ разрывъ.

Въ Петербургѣ, въ 1772—1773 годахъ, Сальдернъ игралъ

---

[1]) Ср. объ этомъ замѣчанія Щебальскаго (Переписка Екатерины съ Панинымъ въ Р. В., 1863, VI), опровергающія разсужденія Лебедева въ брошюрѣ его: „Графы Панины“.

[2]) Rulhière, Histoire de l'anarchie de Pologne. Paris, 1807, II, 193.

[3]) Соловьевъ, Исторія паденія Польши. Москва, 1863, 114—144. Извлеченіе изъ его донесеній. — А. Г. С. І. (по указ.) Румянцевъ находилъ, что Сальдернъ въ Варшавѣ былъ „кругенекъ“ (М. О. И. и Д., 1865, II, 137). По отзыву Бибикова (Записки. Москва, 1865, 97), Сальдернъ былъ отозванъ изъ Варшавы за вспыльчивость и безпокойный нравъ.

[4]) См. письмо Сальдерна къ Фонвизину 13 іюля 1771, изъ Варшавы. Вяземскій, V, 225.

какую-то двойственную роль. Замѣтивъ, что онъ долженъ былъ подумывать о своемъ скоромъ удаленіи отъ дѣлъ, онъ желалъ обезпечить себѣ въ будущемъ мѣсто, гдѣ бы могъ покойно жить доходами значительнаго своего состоянія. Въ этихъ видахъ онъ вошелъ въ частныя сношенія съ датскимъ дворомъ, получалъ отъ него подарки и обѣщаніе получить еще большіе за содѣйствіе къ достиженію предположенной Даніею цѣли—окончательной уступки ей Голштиніи [1]). Сальдернъ представилъ Екатеринѣ, что ни ей, ни ея сыну не доставляетъ чести быть, до извѣстной степени, въ зависимости, вслѣдствіе владѣнія этою маленькою землею, отъ германской имперіи и притомъ далъ ей довольно ясно понять, что такъ какъ великій князь вступаетъ въ совершеннолѣтіе, то необходимо лишить его этого владѣнія, ибо, по словамъ Сальдерна, можно было опасаться, что Наслѣдникъ, въ качествѣ германскаго имперскаго князя, могъ бы держать себя въ нѣкоторой независимости отъ русской Императрицы и еслибы имѣлъ злой умыселъ, могъ бы даже увлечься до того, чтобы вступить въ союзъ во вредъ Императрицѣ. Екатерина нашла вѣскими эти соображенія Сальдерна [2]) и 21 мая 1773 года заключенъ былъ въ Царскомъ Селѣ окончательный съ Даніею трактатъ, подписанный со стороны Россіи Панинымъ и со стороны Голштиніи Сальдерномъ, коимъ, уступая Даніи Шлезвигъ и Голштинію, Павелъ Петровичъ пріобрѣталъ въ замѣнъ того графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Затѣмъ актомъ 14 іюля 1773 г., Павелъ передалъ ихъ коадъютору любскому Фридриху-Августу, представителю младшей линіи голштинскаго дома [3]).

Этимъ окончательно разрѣшенъ былъ голштинскій вопросъ по отношенію къ Россіи.

---

[1]) Helbig, 378 и письмо Сольмса къ Ассебургу 31 августа 1773 года. Asseburg, 430.

[2]) Herrmann, V, 678.

[3]) Martens, II, 173 и 189. Тамъ же помѣщены грамоты Павла жителямъ Голштиніи и Ольденбурга (стр. 187 и 197). Всѣ эти акты контрасигнированы Панинымъ и Сальдерномъ.

Поддерживая въ умѣ Екатерины ложныя опасенія противъ ея сына, Сальдернъ, съ другой стороны, пытался возстановить Павла Петровича противъ матери. Онъ составилъ планъ о дарованіи ему соучастія въ управленіи государствомъ. Разсказывали даже, что Павелъ, будто бы, выдалъ Сальдерну подписанное имъ полномочіе, дабы испросить у Екатерины согласіе на этотъ проектъ [1]).

Планъ свой Сальдернъ открылъ Панину, который съ негодованіемъ отвергъ его [2]) и послѣ объясненія его съ Павломъ Петровичемъ, интрига Сальдерна рушилась сама собою. Тогда-то Сальдернъ, по выраженію Фонвизина „перекинулся къ Орловымъ, но и тѣ подлость души его узнали“. Въ августѣ 1773 года онъ оставилъ Россію.

Панинъ имѣлъ неосторожность не донести Екатеринѣ о происках Сальдерна и она узнала о нихъ, уже послѣ его отъѣзда. Конечно, довѣріе, которымъ пользовался Сальдернъ, прекратилось, и 9 мая 1774 года [3]) Екатерина писала, что „никто лучше самого Сальдерна не можетъ знать, заслуживаетъ ли онъ того, что газеты распространили на его счетъ:— ссылаюсь въ этомъ случаѣ на его совѣсть“.

Между тѣмъ воспитаніе Павла Петровича приходило къ концу, а Ассебургъ исполнилъ данное ему порученіе о выборѣ великому князю невѣсты. Въ іюнѣ 1773 года пріѣхала въ Петербургъ Ландграфиня гессенъ-дармштадтская Каролина и 29 сентября Павелъ вступилъ въ бракъ съ дочерью ея принцессою Вильгельминою.

Всѣ окружавшіе его лица получили другія назначенія. Остервальдъ опредѣленъ былъ сенаторомъ, Пастуховъ — къ собственнымъ дѣламъ Императрицы, князь Барятинскій—по-

---

[1]) Депеша Гунтинга. С. Р. И. О., XIX, 399—402.

[2]) Asseburg, 431. Ср. письмо Фонвизина къ Обрѣзкову въ его сочиненіяхъ, 274.

[3]) С. Р. И. О., XIII, 406. Вслѣдъ за тѣмъ Сальдернъ оставилъ русскую службу и умеръ въ 1786 г. Asseburg, 422. Нѣкоторые намеки на дѣятельность Сальдерна встрѣчаются въ письмахъ Павла Петровича къ графу Андрею Разумовскому. Васильчиковъ, III, 7 и слѣд. Ср. письма Бибикова къ Фонвизину. Вяземскій, V, 344 и слѣд.

сланникомъ въ Парижъ, Перфильевъ—петербургскимъ губернаторомъ и Сакенъ—церемоніймейстеромъ.

Панинъ, осыпанный наградами, получилъ увольненіе отъ должности оберъ-гофмейстера при Павлѣ, причемъ Екатерина выразилась, что „нынѣ, когда приспѣла зрѣлость лѣтъ любезнѣйшаго сына моего и мы на двадцатомъ его году отъ рожденія, съ вами дожили до благополучнаго дня брака его, то, почитая, по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію, воспитаніе великаго князя само собою тѣмъ оконченнымъ, за долгъ ставлю вамъ при семъ случаѣ изъявить мое признаніе и благодарность за всѣ приложенные вами труды и попеченія о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ его природныхъ дарованій, о коихъ, по нѣжности матерней любви и пристрастію, не мнѣ пригоже судить“.

Но въ дѣйствительности Екатерина была довольна удаленіемъ графа Панина. „Домъ мой очищенъ, или почти-что очищенъ; всѣ жеманства происходили, какъ я предвидѣла, но однако же воля Господня совершилась, какъ я также предсказывала“, писала она 5 октября 1773 года [1]).

Съ своей стороны благодарный Павелъ Петровичъ не забылъ тѣхъ, которыми онъ былъ одолженъ. Въ составленномъ имъ, въ 1787 году, предъ отправленіемъ на шведскую войну, духовномъ завѣщаніи, перечисливъ оставшихся еще въ живыхъ бывшихъ своихъ кавалеровъ и наставниковъ и оставивъ каждому изъ нихъ что-либо на память, Павелъ Петровичъ вспомнилъ и о бывшемъ своемъ оберъ-гофмейстерѣ, уже покоившемся въ могилѣ, и возложилъ на старшаго своего сына и всѣхъ своихъ потомковъ наблюденіе долга его благодарности противу рода воспитателя его, покойнаго графа Н. П. Панина.

---

[1]) Письмо къ г-жѣ Бьелке. С. Р. И. О., XIII, 361.

VI.

Мы уже имѣли случай упомянуть, что съ 1765 по 1768 годъ датскимъ посланникомъ въ Россіи былъ Ассебургъ. Еще до этого времени, занимая тотъ же постъ въ Стокгольмѣ, онъ сблизился тамъ съ графомъ Панинымъ, а въ Россіи съумѣлъ снискать довѣріе Екатерины. Это обстоятельство, а равно и то, что по прежней своей дѣятельности Ассебургъ имѣлъ случай узнать второстепенные германскіе дворы, подали Екатеринѣ поводъ поручить ему, въ мартѣ 1768 года, при оставленіи имъ Россіи, ближе ознакомиться съ семействами этихъ государей, въ которыхъ находились принцессы, возрастомъ соотвѣтствовавшія возрасту Цесаревича Павла Петровича [1]).

Вниманіе Ассебурга остановилось на трехъ принцессахъ гессенъ-дармштадтскихъ, на принцессѣ Луизѣ саксенъ-готской и на принцессѣ Софіи Доротеѣ виртембергской.

Послѣдняя изъ этихъ принцессъ,—о которой мы будемъ говорить ниже,—преимущественно привлекала къ себѣ Екатерину, но въ то время была такъ еще молода, что выборъ на ней остановиться не могъ; принцесса Луиза саксенъ-гот-

---

[1]) Переговоры о выборѣ Павлу Петровичу невѣсты изложены въ статьѣ барона Бюлера: Два эпизода, Р. В. 1870 и 1871, въ Р. С. 1877, XIX и въ журналѣ Вѣкъ 1882 г. № 2 и 3, поэтому мы изложимъ ихъ вкратцѣ. Письма Екатерины къ ландграфини Каролинѣ гессенской, см. въ Р. А. 1878, IV.

ская отказалась отъ перемѣны вѣроисповѣданія и затѣмъ вниманіе Ассебурга сосредоточилось на дочеряхъ ландграфа гессенъ-дармштадскаго Людвига.

Ландграфъ Людвигъ, стяжавшій себѣ, благодаря крайнему своему милитаризму, репутацію лучшаго барабанщика всей священной римской имперіи [1]), былъ человѣкомъ ограниченнымъ и малозначущимъ. Напротивъ того, его жена, Генріетта Каролина, рожденная принцесса цвейбрюкенская, эта, по выраженію Фридриха II — femina sexu, ingenio vir, — была женщина высокаго ума и большаго значенія, соединявшая въ себѣ обширное образованіе съ честолюбіемъ и не даромъ заслужившая наименованіе Великой Ландграфини. Семейство ихъ состояло изъ трехъ сыновей и пяти дочерей. Двѣ старшія были уже замужемъ: Каролина за ландграфомъ гессенъ-гомбургскимъ и Фридрика—за племянникомъ и наслѣдникомъ Фридриха II, принцемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ. Изъ остальныхъ трехъ дочерей принцесса Амалія вышла замужъ за принца баденскаго, Вильгельмина — за великаго князя Павла Петровича и Луиза — за принца саксенъ-веймарскаго.

Принцесса Вильгельмина родилась 15 іюня 1755 года.

Первыя свѣдѣнія, полученныя Екатериною о принцессѣ Вильгельминѣ, были не вполнѣ въ ея пользу. „Ее мнѣ представляютъ, писала Екатерина [2]) Ассебургу, съ которымъ вела дѣятельную переписку, особенно со стороны доброты сердца, какъ совершенство природы, но, помимо того, что совершенства, насколько мнѣ извѣстно, въ этомъ мірѣ не существуетъ, говорятъ, что у нея опрометчивый умъ, склонный къ раздору. Это, въ соединеніи съ умомъ ея сударя-батюшки и съ большимъ числомъ сестеръ и братьевъ, частію уже пристроенныхъ, а частію еще ожидающихъ, чтобы ихъ пристроили, побуждаетъ меня въ этомъ отношеніи къ осторожности“.

Получивъ отъ Ассебурга портретъ принцессы Вильгель-

[1]) Vehse, V, 419.

[2]) Письмо къ Ассебургу, 17 мая 1771. Asseburg, 276.

мины, Екатерина писала ему[1]), что этотъ портретъ выгодно располагаетъ въ ея пользу и что надобно быть очень взыскательною, чтобы найти въ ея лицѣ какой-нибудь недостатокъ. Черты лица правильныя; я сравнила этотъ портретъ съ первымъ, присланнымъ ранѣе и опять прочитала описаніе тѣхъ особенностей, которыя, какъ вы находите, не уловилъ живописецъ. Изъ этого обзора я вывела заключеніе, что веселость и пріятность, всегдашняя спутница веселости, исчезли съ этого лица и, быть можетъ, замѣнились натянутостью отъ строгаго воспитанія и стѣсненнаго образа жизни. Это скоро измѣнилось бы, еслибы эта молодая особа была менѣе стѣснена и еслибы она знала, что напыщенный и слишкомъ угрюмый видъ плохое средство успѣть согласно видамъ или побужденіямъ ея честолюбія. Когда вы возвратитесь къ ней, я совѣтовала бы вамъ проронить, какъ бы неумышленно, въ разговорѣ съ нею, нѣсколько словъ о томъ, что при русскомъ дворѣ особенно цѣнятся веселость и привѣтливое и любезное обхожденіе; что я сама нрава веселаго и сынъ мой, также. Можетъ статься, что если ея главный двигатель—честолюбіе, она въ тотъ же вечеръ, или на другой день перемѣнится, ибо таковы молодые люди и такова даже половина рода человѣческаго. Мало по малу она отвыкнетъ отъ непріятныхъ и жеманныхъ манеръ, вами за нею замѣченныхъ. Все, что вы говорите о ея нравственности, все не во вредъ ей и изъ нея можетъ сложиться характеръ твердый и достойный. Но надобно доискаться откуда идутъ слухи о ея склонности къ раздорамъ? Постарайтесь дойти до ихъ источника и изслѣдуйте безъ всякаго предубѣжденія, заслуживаютъ ли эти подозрѣнія какого-либо вниманія“.

Екатерина сообщала свои наставленія и указанія Ассебургу или въ собственноручныхъ письмахъ, или чрезъ посредство графа Панина. Самъ Павелъ Петровичъ едва ли имѣлъ въ этомъ дѣлѣ голосъ; конечно, онъ не могъ не знать, что ему прочатъ невѣсту, такъ какъ о вступленіи его въ бракъ

[1]) 16 января 1772. Asseburg, 278.

слухи ходили въ Петербургѣ уже въ январѣ 1772 г.[1]), могъ любоваться портретами германскихъ принцессъ, высылаемыми Ассебургомъ, но свободнаго выбора едва ли былъ удостоенъ.

Старанія Ассебурга были облегчены Фридрихомъ II. Родственникъ ландграфини, король прусскій говоритъ въ своихъ запискахъ[2]), что только происками и интригами достигъ онъ того, что остановилъ выборъ Екатерины на принцессѣ дармштадтской, родной сестрѣ принцессы прусской. Дабы пользоваться значеніемъ въ Россіи, необходимо было помѣстить тамъ лицъ, которыя держали бы сторону Пруссіи. Слѣдовало надѣяться, что принцъ прусскій, вступивъ на престолъ, могъ пріобрѣсти отъ этого большія выгоды. Ассебургу, подданному короля, поручено было ознакомиться съ германскими дворами, въ семействахъ которыхъ были невѣсты. Король пробудилъ въ немъ патріотическое усердіе, указавъ ему, что принцесса дармштадтская есть именно та, которою онъ наиболѣе интересуется. Посланникъ такъ хорошо сослужилъ службу Его прусскому Величеству, что эта принцесса и была избрана въ супруги великому князю.

Лишь только въ маѣ 1772 года Фридрихъ узналъ, что одна изъ дочерей ландграфини считается въ числѣ тѣхъ, на которыхъ можетъ пасть выборъ; онъ немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы Ассебургъ дѣйствовалъ согласно его желаніямъ[3]). Фридриху помогалъ въ этомъ дѣлѣ и братъ его Генрихъ, побывавшій въ Петербургѣ и хорошо знавшій тамошнюю придворную сферу.

Усилія этихъ лицъ, горячо желавшихъ устроить, если можно такъ выразиться, это дѣло, облегчили выполненіе задачи Ассебурга, который оказался отличнымъ дипломатомъ: онъ въ одно и то же время дѣйствовалъ какъ человѣкъ усердный и преданный Екатеринѣ, показывалъ большую привязанность къ интересамъ прусскаго короля и, казалось, при-

[1]) A. k. B., III, 656.
[2]) Frédéric, VI, 57.
[3]) Walther, I, 29, 33.

нималъ къ сердцу интересы гессенъ-дармштадтской фамиліи [1]).

Наконецъ, въ октябрѣ 1772 года, Екатерина рѣшилась пригласить ландграфиню пріѣхать, съ тремя ея дочерьми, въ Петербургъ.

Предложеніе это нѣсколько затруднило ландграфиню. Прежде всего путешествіе требовало денежныхъ средствъ, а финансовое положеніе гессенъ-дармштадтскаго двора было не блестяще. Екатерина устранила это препятствіе, принявъ всѣ издержки переѣзда на счетъ русской казны [2]). Другое затрудненіе состояло въ томъ, что ландграфиня боялась толковъ публики на счетъ истинной цѣли ея поѣздки, въ особенности въ случаѣ неудачнаго ея исхода. Фридрихъ II и тутъ пришелъ къ ней на помощь. Поѣздка ея въ Берлинъ могла казаться вполнѣ естественною,—ландграфиня ѣхала повидаться съ своею дочерью, принцессою прусскою,—а тамъ, по его словамъ, можно бы было придумать предлогъ и для поѣздки въ Петербургъ. Чтобы успокоить ландграфиню, Фридрихъ предписалъ своему посланнику въ Петербургѣ, Сольмсу, добиться, чтобы въ Петербургѣ распущенъ былъ слухъ, будто выборъ уже сдѣланъ былъ Павломъ Петровичемъ и что сестры невѣсты сопровождаютъ ее единственно потому, что мать не желала оставить ихъ однѣхъ въ Дармштадтѣ [3]).

Формальное приглашеніе Екатерины сдѣлано было ландграфинѣ въ письмѣ 28 апрѣля 1773 г. Флотилія изъ трехъ судовъ, Св. Маркъ (капитанъ Крузъ), Соколъ (лейтенантъ Шубинъ) и Быстрый (капитанъ-лейтенантъ графъ Андрей Разумовскій) отправлена была въ Любекъ. На фрегатѣ Св. Маркъ находился генералъ-маіоръ Ребиндеръ, которому поручено было Екатериною сопровождать гессенъ-дармштадтскихъ гостей во время морскаго переѣзда до Ревеля, гдѣ ихъ долженъ былъ принять, отъ имени Екатерины, камергеръ баронъ

[1]) Письмо ландграфини къ Фридриху. Walther, I, 42.
[2]) На этотъ предметъ отправлено было ландграфинѣ 80 т. гульденовъ.
[3]) Walther, I, 386.

Черкасовъ. Ландграфиня вступила на фрегатъ 29-го мая 1773 года.

Изъ числа лицъ, высланныхъ навстрѣчу ландграфинѣ, особенное значеніе имѣлъ командиръ судна Быстрый, графъ Разумовскій.

Онъ родился 22 октября 1752 года и съ дѣтства сдѣлался извѣстенъ Павлу Петровичу. Воспитывался онъ первопачально въ Петербургѣ у Шлецера, затѣмъ въ Страсбургскомъ университетѣ и въ 1768 году поступилъ на службу въ англійскій флотъ. По возвращеніи въ Россію онъ сблизился съ Павломъ Петровичемъ, который относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ.

Хотя состоя въ эскадрѣ капитана Круза, Разумовскій и имѣлъ въ своемъ командованіи отдѣльное судно, но находился, вмѣстѣ съ ландграфинею и ея дочерьми, на фрегатѣ Св. Маркъ, съ котораго сошелъ лишь вблизи острова Мона. Здѣсь началось его знакомство съ принцессою Вильгельминою. Онъ произвелъ на ландграфиню пріятное впечатлѣніе, понравился ея дочерямъ и всей ея свитѣ [1]).

6 іюня 1773 г. ландграфиня прибыла въ Ревель, но судно Быстрый, на которомъ находились вещи ея и ея свиты, запоздало, за противнымъ вѣтромъ.

Между тѣмъ еще до прибытія эскадры въ Ревель вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, графъ И. Г. Чернышевъ прислалъ графу Разумовскому разрѣшеніе, сложить съ себя, по прибытіи въ Ревель, командованіе судномъ Быстрый и отправиться въ Петербургъ сухимъ путемъ. Это разрѣшеніе встревожило барона Черкасова, на котораго Екатериною возложенъ былъ пріемъ ландграфини въ Ревелѣ и онъ немедленно донесъ объ этомъ Екатеринѣ, спрашивая, долженъ ли онъ позволить Разумовскому совершить путешествіе въ свитѣ принцессъ, еслибы онъ о томъ сталъ просить, или еслибы ландграфиня этого пожелала. На это Екатерина дала ему знать, что если графъ Разумовскій будетъ просить позволенія прибыть въ Петербургъ въ свитѣ принцессъ, то Черкасовъ

[1]) Walther, I, 391 и 399, 389 и 414. Asseburg, 254.

долженъ былъ отозваться, что не имѣетъ на этотъ счетъ приказаній отъ Екатерины, что она сама составила списки лицъ свиты и числа лошадей, которыя должны быть имъ отпущены, и что все, что онъ можетъ сдѣлать, это позволить Разумовскому взять лошадей, назначенныхъ для свиты ландграфини, когда она и ея свита уже уѣдутъ. Если же бы ландграфиня стала говорить ему объ этомъ, или поручила бы кому-нибудь съ нимъ о томъ переговорить, то Черкасовъ долженъ былъ сказать ей тоже, что Екатерина составила сама всѣ списки и что онъ ей это не совѣтуетъ.

Получивъ это наставленіе, Черкасовъ всетаки чего-то опасался и просилъ Екатерину, для того, чтобы графъ Разумовскій не поставилъ его какъ-нибудь неожиданно въ затрудненіе, приказать графу Чернышеву выслать ему въ Ревель предписаніе адмиралтействъ-коллегіи, немедленно по прибытіи туда ѣхать въ Царское Село. Можно будетъ его послѣ увѣрить, инсинуировалъ Черкасовъ, что причиною этого приказанія было нетерпѣніе имѣть чрезъ него извѣстіе о принцессахъ и о ихъ морскомъ переѣздѣ.

Эти тревоги Черкасова были напрасны. Судно Быстрый прибыло въ Ревель, когда ландграфиня уже выѣхала оттуда [1]).

По вступленіи Павла Петровича въ бракъ, Разумовскій, этотъ aimable roué, человѣкъ утонченно-безнравственный, вкрался къ нему въ довѣріе, и сдѣлавшись самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ, нагло обманулъ его и своею близостью съ его супругою причинилъ ему много горя.

Екатерина чрезвычайно настаивала въ инструкціяхъ Ребиндеру и Черкасову [2]) на томъ, чтобы они убѣдили ландграфиню имѣть къ ней полное довѣріе и откровенность и не слушать ничьихъ иныхъ совѣтовъ. Узнавъ изъ перлюстраціи, что въ письмѣ къ своему посланнику въ Петербургѣ Сольмсу, Фридрихъ предписалъ ему не скрывать отъ ландграфини ни-

---

[1]) Бюлеръ, 109, 118, 172, 182, 198.

[2]) Инструкція Ребиндеру, пунктъ 12 и 13. Инструкція Черкасову, секретный пунктъ, С. Р. И. О., XIII, 322 и 331 и III, 303. О назначеніи Ребиндера см. письмо Екатерины къ графу Чернышеву въ Р. А., 1871, 1343.

чего такого, что могло бы послужить къ руководству ея при дворѣ ей незнакомомъ, дабы она могла соразмѣрять свои поступки, Екатерина въ этомъ вполнѣ естественномъ желаніи короля, усмотрѣла, что всѣ хотятъ руководить этою женщиною [1]). Перлюстрація доставила ей и частное письмо Ассебурга къ Панину, въ которомъ Ассебургъ увѣрялъ, что вслѣдствіи его стараній, ландграфиня такъ хорошо настроена, что не будетъ слушать ничьихъ совѣтовъ, кромѣ совѣтовъ Панина, и что она будетъ слушаться его и повиноваться ему во всемъ [2]). Не имѣя предъ глазами самого письма Ассебурга, трудно рѣшить, было ли это серьезнымъ съ его стороны утвержденіемъ или простою любезностью Панину; но если и признать за этимъ письмомъ полное серьезное значеніе, то оно можетъ доказывать только, что Ассебургъ думалъ, что интересы Павла Петровича очень близки Панину, въ чемъ и не ошибался. Павелъ Петровичъ составилъ себѣ планъ своего образа дѣйствій по пріѣздѣ ландграфини и ея дочерей. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, дабы постараться сблизиться, насколько возможно, съ ландграфинею и заслужить ея довѣріе, съ цѣлію обезпечить ее насколько можно отъ вліяній и интригъ, которыя могли бы быть противу нея и имѣть какъ бы ограду и поддержку въ случаѣ, еслибы пожелали противодѣйствовать его намѣреніямъ. Планъ этотъ былъ одобренъ графомъ Панинымъ, которому Цесаревичъ сообщалъ въ это время все, что ему казалось неяснымъ или сомнительнымъ [3]).

Ландграфиня отправилась въ Россію въ полной увѣренности, что счастіе ея дочери будетъ обезпечено замужествомъ съ Павломъ Петровичемъ. Великій князь съумѣлъ заслужить лестные о себѣ отзывы. „Въ него легко влюбиться любой дѣвицѣ, говорилъ Сольмсъ Ассебургу. Хотя онъ невысокаго роста, но очень красивъ лицомъ; весьма правильно сложенъ;

---

[1]) Баронъ Бюлеръ, 169.

[2]) Письмо Екатерины къ Черкасову, 21 мая 1773 г. Баронъ Бюлеръ, 153.

[3]) Письмо Павла Петровича къ графу А. К. Разумовскому. Васильчиковъ, III, 16—17.

разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ и веселаго права. Подъ этою прекрасною наружностью скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны; и вообще свѣдуща о дурномъ лишь насколько это нужно, чтобы вооружиться рѣшимостью самому избѣгать его и не одобрять его въ другихъ. Однимъ словомъ, невозможно довольно сказать въ похвалу великому князю. Еслибы я сказалъ еще что-либо, то самъ сталъ бы подозрѣвать себя въ низкомъ ласкательствѣ".

Столь же благопріятенъ отзывъ о Павлѣ Петровичѣ принца Генриха [1]), который между прочимъ указывалъ и на качества, которыя желательно бы видѣть въ его супругѣ. Съ Павломъ Петровичемъ будетъ счастлива, говоритъ Генрихъ, жена снисходительная, которая выкажетъ ему полное довѣріе, не будетъ постоянно требовательною, будетъ содѣйствовать удовольствіямъ общества, въ особенности когда Цесаревичъ будетъ болѣе свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ; напротивъ того, жена, которая послѣдуетъ пути противуположному, заслужитъ его равнодушія...

Для того, чтобы будущая супруга Павла Петровича могла знать, что отъ нея потребуется въ Россіи, Екатерина выразила свои мысли объ этомъ въ особой запискѣ, приложенной къ инструкціи ея барону Черкасову. Не лишнимъ кажется намъ привести нѣсколько выдержекъ изъ этой записки:

„Принцесса должна не только чуждаться, но никогда не слушать тѣхъ, которые злобными своими навѣтами пожелали бы разстроить согласіе императорскаго семейства. Принцессѣ, которой суждено скрѣпить его узы, вмѣняется въ обязанность изобличать передъ императрицею и великимъ княземъ, ея супругомъ, тѣхъ, которые по нескромности или ни-

[1]) Письмо къ ландграфинѣ 27 мая 1773. Walther, I, 143. Равнымъ образомъ и Ассебургъ, Denkwürdigkeiten, 174, рисуетъ Павла Петровича въ самомъ привлекательномъ видѣ.

зости, дерзнули бы мыслить внушить ей чувства, противныя долгу привязанности къ Императрицѣ и къ великому князю супругу.

„Принцесса должна быть въ полной увѣренности, что она найдетъ при дворѣ всякаго рода развлеченія и забавы. Она, однако же, никогда не должна забывать занимаемаго ею при немъ положенія, и, находясь на балахъ, прогулкахъ и при разговорахъ, должна помнить, что короткость обхожденія можетъ повлечь за собою недостатокъ почтительности, даже подобающаго ей уваженія, слѣдствіемъ чего нерѣдко бываетъ и презрѣніе.

„Принцесса должна избѣгать всякихъ навѣтовъ, могущихъ быть со стороны министровъ иностранныхъ дворовъ.

„Хотя при положеніи, которое должна занять принцесса, все вокругъ нея будетъ казаться ей изобиліемъ, она однако же должна быть тѣхъ мыслей, что истинныя основы богатства—порядокъ и распорядительность. Вслѣдствіе этого, управленіе частными ея доходами должно быть ведено съ благоразуміемъ, безъ излишней расточительности, но съ тѣмъ вмѣстѣ такъ, чтобы соблюдаемая ею бережливость не была замѣтна. При случаѣ—быть щедрою, никогда не расточительною, всегда осторожною, чтобы не дѣлать долговъ...“

Мы увидимъ ниже, насколько принцесса Вильгельмина воспользовалась этими совѣтами.

6-го іюня 1773 года фрегатъ Св. Маркъ бросилъ якорь на Ревельскомъ рейдѣ. На пристани ожидалъ ландграфиню баронъ Черкасовъ, посланный Екатериною для ея встрѣчи и сопровожденія до Царскаго Села. Отдохнувъ дней пять послѣ необычнаго для нея морскаго переѣзда, ландграфиня покинула Ревель и 15-го іюня прибыла въ Гатчину.

Князь Г. Г. Орловъ, владѣлецъ Гатчины, явился къ ней навстрѣчу въ Кипень и пригласилъ ее къ обѣду, предваривъ ее, что она встрѣтитъ за столомъ одну даму.

То была Екатерина, которая, желая избавить ландграфиню отъ оффиціальнаго пріема, выѣхала съ небольшою свитою, запросто, познакомиться съ нею и съ ея дочерьми.

Отобѣдавъ въ Гатчинѣ, Екатерина съ своими гостями отправилась въ Царское Село. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ Павелъ Петровичъ, который приготовлялся къ этому свиданію беззаботно, но съ нѣкоторымъ тайнымъ чувствомъ смущенія и застѣнчивости [1]). Тогда-то ландграфиня, по собственнымъ ея словамъ, испытала смущеніе, большее даже, чѣмъ ея дочери [2]).

Въ восьмимѣстномъ фаетонѣ, Екатерина, Павелъ, ландграфиня съ дочерьми, графъ Панинъ и графиня Брюсъ прибыли въ Царское Село, гдѣ ихъ ожидали придворные чины и множество любопытствующихъ зрителей. Вечеромъ комнаты и галереи дворца были иллюминованы.

Въ тотъ же день назначены были состоять при ландграфинѣ камеръ-юнкеры М. Г. Спиридовъ и графъ С. П. Румянцевъ и фрейлины А. А. Полянская и А. С. Протасова.

Выборъ Павла Петровича сдѣланъ былъ очень скоро. 18 іюня Екатерина обратилась къ ландграфинѣ, прося отъ имени сына руки ея дочери, принцессы Вильгельмины. Мать и дочь выразили согласіе и нарочный посланъ былъ къ отцу принцессы, дабы получить его разрѣшеніе на бракъ его дочери.

Павелъ Петровичъ произвелъ на ландграфиню пріятное впечатлѣніе. Онъ, по ея словамъ, былъ небольшаго роста, но не имѣлъ слабаго вида, былъ любезенъ, чрезвычайно вѣжливъ, разговорчивъ и казался веселымъ. Поближе узнавъ его, ландграфиня убѣдилась, что совершенно невозможно было слѣдовать указанію Ассебурга, который совѣтовалъ ей стать съ Павломъ Петровичемъ на серьезную ногу. Она позволяла себѣ, въ разговорахъ съ великимъ княземъ, шутя называть его „ein Kindskopf“.

Екатерина, по словамъ ландграфини, имѣла даръ внушать, съ первой минуты, довѣріе; она показалась ей очаровательной женщиной; умѣла стать на уровень каждаго (se

---

[1]) Васильчиковъ, III, 19.

[2]) Walther, I, 56, 145, 401; II, 272. Письмо Екатерины къ г-жѣ Бьелке. С. Р. И. О., XIII, 346.

mettre à la portée de chacun) и по природѣ была очень весела, что поддерживало ее въ трудныя минуты жизни. Екатерина была всегда очень довольна, когда ея окружающіе были веселы и въ хорошемъ расположеніи духа; имѣла видъ болѣе моложавый и менѣе серьезный, чѣмъ на портретахъ, благородную осанку, прекрасный голосъ, естественность и ничего жеманнаго или принужденнаго. Ландграфиня была очень польщена довѣріемъ, съ которымъ къ ней отнеслась Екатерина.

Съ своей стороны и ландграфиня произвела на Екатерину не менѣе благопріятное впечатлѣніе. Она нашла въ ландграфинѣ душу мужественную и твердую, умъ возвышенный и образованный. Екатерина признавала ее женщиною съ большими достоинствами и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающею уваженія; разговоръ ея былъ занимателенъ и „она вовсе не сплетница“ [1]).

Пробывъ нѣкоторое время въ Царскомъ Селѣ, дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, откуда, 10 августа, прибылъ въ Петербургъ.

Царскосельскіе сады очень понравились ландграфинѣ, но сырой и свѣжій воздухъ Петергофа оказалъ на нее дурное вліяніе. Она, ея дочери и вся свита переболѣли.

Екатерина, и во время пребыванія гессенъ-дармштадтскихъ гостей, не измѣнила своего обычнаго распредѣленія дня.

Уже въ семь часовъ утра она дѣлала свою любимую прогулку въ саду; послѣ 8 часовъ пила кофе въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ или залъ около столь извѣстнаго царскосельскаго озера, гдѣ собирались и всѣ приближенные и въ 9 часовъ удалялась для занятій. Послѣ полудня всѣ собирались въ столовой, куда приходила и Екатерина и въ часъ садились за обѣдъ. Затѣмъ общество вновь сходилось въ 6 часовъ,—при хорошей погодѣ гуляли или забавлялись самыми разнообразными играми. День оканчивался ужиномъ въ 10 часовъ вечера. Концерты, спектакли и даже соколиная охота

[1]) Письма Екатерины къ Вольтеру 15 (26) апрѣля, къ г-жѣ Бьелке 7-го іюня, С. Р. И. О., XIII, 348 и къ кн. Волконскому 25 сентября, О. В., I, 96.

разнообразили удовольствія. Публичные маскарады, данные въ Петергофѣ 29 іюня и 14 іюля, были очень многолюдны. Не забыты были и военныя зрѣлища: путешественницамъ показали смотръ войскъ красносельскаго лагеря, примѣрное взятіе крѣпости на Выборгской сторонѣ, кончившееся прекраснымъ фейерверкомъ, и спускъ корабля. Въ Петербургѣ ландграфиня осматривала петропавловскій соборъ, академіи наукъ и художествъ, шпалерную мануфактуру и любимое учрежденіе Екатерины, смольный монастырь.

Личный составъ двора понравился ландграфинѣ. Она въ особенности отмѣтила изысканную вѣжливость, которая при немъ царствовала, и массу брилліантовъ, которыми были украшены какъ дамы, такъ и мужчины. Изъ придворныхъ дамъ упоминаетъ она о графинѣ Брюсъ, о женѣ графа И. Г. Чернышева, о женѣ князя Ивана Барятинскаго, рожденной принцессѣ Голштейнъ-Бекъ и о женѣ его брата Ѳедора, какъ о красивыхъ женщинахъ. Жена камергера Балка, рожденная графиня Шереметева, имѣла прекрасную наружность, которая привела бы въ отчаяніе всѣхъ женщинъ à prétention. Старая графиня Румянцова (мать графини Брюсъ), не покидавшая, не смотря на преклонные годы, двора, была превосходнѣйшая женщина въ свѣтѣ, а ея невѣстка, жена фельдмаршала, особенно полюбилась ландграфинѣ. Она была, по ея словамъ, женщина, вполнѣ преданная своимъ семейнымъ обязанностямъ, обожаемая родпею и прекрасно воспитавшая трехъ своихъ сыновей. Наконецъ вниманіе ландграфини обратила на себя бывшая въ то время въ Петербургѣ польская графиня Борхъ.

Изъ мужчинъ упоминаетъ она о князѣ Григоріи и о графѣ Алексѣѣ Орловыхъ, которымъ очень шелъ кавалергардскій уборъ. Между всѣми пятью братьями Орловыми царствовало полнѣйшее согласіе. Ближайшее общество ландграфини составляли два графа Румянцевы, графъ Миних, внукъ фельдмаршала, Спиридовъ, графъ Андрей Разумовскій, Бибиковъ и князь Юсуповъ, потомокъ Чингисхана и Тамерлана, красивый молодой человѣкъ, но сохранившій въ своей физіономіи нѣчто татарское.

27 іюня ландграфинѣ и ея дочерямъ пожалованъ былъ Екатерининскій орденъ, а принцесса Вильгельмина была щедро одарена брилліантами. Она начала учиться русскому языку и архіепископъ Платонъ приступилъ къ наставленію ея въ истинахъ православія. „Хотя по нѣкоторымъ двора интригамъ, разсказываетъ Платонъ, онъ отводимъ былъ, чтобъ ему не быть учителемъ у принцессы, но и нехотя принуждены были къ тому его опредѣлить. Ибо мать принцессы, какъ она сама Платону сказывала, требовала отъ Императрицы, чтобы ея дочери никто учителемъ опредѣленъ не былъ, кромѣ Платона, ибо, какъ она же ему сказывала, что она читала на нѣмецкомъ языкѣ сочиненную имъ богословію, которая ей очень понравилась, да и принцъ-де Генрихъ, въ проѣздъ ея черезъ Пруссію, его же въ учители ея дочери рекомендовалъ. И такъ и сію должность надлежало ему принять на себя; и хотя онъ отъ нея отрицался, но уже къ тому преклоненъ просьбою. Объяснялъ и истолковалъ Платонъ новой принцессѣ ученія нашея православныя вѣры, и нашелъ ее къ тому благорасположенною. Ибо бывъ воспитана съ просвѣщеніемъ и довольнымъ знаніемъ христіанскаго закона, не находила препятствіемъ, малыя нѣкоторыя различія, стать членомъ нашей церкви“.

Принцесса Вильгельмина приняла имя Наталіи Алексѣевны, въ день ея миропомазанія, 15 августа, причемъ ландграфиня не присутствовала [1]), а на слѣдующій день было торжественно отпраздновано обрученіе ея съ Павломъ Петровичемъ. „Пріуготовивъ новую святую отрасль — продолжаемъ разсказъ Платона — ко всему тому, что принадлежало къ обряду присоединенія ея къ святой нашей церкви, Платонъ, по совершеніи обряда, причастилъ ее Святыхъ Христовыхъ Тайнъ и провозгласилъ пристойное на сей случай слово, а потомъ былъ ея и духовникомъ. Ибо хотя Императрица сего, по нѣкоторымъ придворнымъ соображеніямъ, и не желала, но великая княгиня не пожелала ни у кого исповѣдаться, кромѣ Платона; даже отозвалась, что она скорѣе безъ исповѣди останется,

[1]) Walther, I. 62.

нежели чтобъ кому другому, кромѣ его, поручила свою совѣсть. Да и подлинно, столь къ Платону была благосклонна, что не иначе съ нимъ обходилась, какъ съ своимъ искреннимъ другомъ, и казалось, что она, кромѣ своего супруга, его всѣмъ предпочитала“ [1]).

Если еще можно простить Вольтеру и Фридриху II ихъ глумленіе надъ переходомъ принцессы Вильгельмины въ православіе, надъ ея „натализаціею“, какъ называлъ послѣдній таинство миропомазанія, то странною, неестественною нотою звучатъ отзывы, которые сообщала имъ объ этомъ Екатерина.

Напротивъ того, отецъ принцессы Вильгельмины, строгій лютеранинъ, смотрѣлъ на вопросъ о перемѣнѣ ею вѣроисповѣданія очень серьезно. Для переговоровъ, какъ по этому вопросу, такъ и для подписанія брачнаго договора, онъ прислалъ въ Петербургъ особаго уполномоченнаго, Мозера.

Мозеръ нѣсколько опоздалъ пріѣздомъ и былъ принятъ Екатериною только 25 августа, послѣ уже обрученія Павла Петровича.

Повидимому Ассебургъ, при первоначальныхъ переговорахъ въ Дармштадтѣ, позволялъ себѣ намекать, что будущая русская великая княгиня могла бы сохранить свое вѣроисповѣданіе. Оказалось совершенно противное. Екатерина, при первомъ же разговорѣ съ ландграфинею, заявила, что безусловно необходимо, чтобы ея дочь приняла православіе. По словамъ Екатерины, русскій народъ никогда не имѣлъ бы ни довѣрія, ни привязанности къ великой княгинѣ, еслибы она торжественно не выразила своего перехода въ православіе. Ландграфиня высказала надежду, что при этомъ не потребуется, какъ у католиковъ, отреченія; Екатерина въ этомъ отношеніи ее успокоила, но повторила еще разъ, что положеніе въ Россіи ея дочери и дѣтей, могущихъ произойти отъ ея брака, безусловно требуетъ, чтобы она была православною. Ландграфиня передала весь этотъ разговоръ принцессѣ Вильгельминѣ, рекомендуя ей обсудить и обдумать предстоявшій ей шагъ и посовѣтоваться съ своею совѣстью, дабы не стра-

[1]) Снегиревъ, II. 32.

шиться ея угрызеній. Ландграфиня клялась, что, съ своей стороны, она не сказала ей ни слова въ пользу поставленнаго ей условія.

Вообще, всѣ предложенія, которыя привезъ въ Петербургъ Мозеръ, были крайне непріятны ландграфинѣ. Ея мужъ желалъ быть русскимъ фельдмаршаломъ; это званіе ему и обѣщали, но лишь подъ условіемъ оставленія австрійской службы [1]). Другое желаніе ландграфа было очень странно. Боясь медіатизаціи владѣній имперскихъ князей, со стороны двухъ великихъ германскихъ державъ, ландграфъ желалъ получить отъ Россіи одну изъ остзейскихъ ея провинцій или часть какой-либо изъ этихъ провинцій, съ правомъ содержать тамъ полкъ въ четыре тысячи человѣкъ, но оказалось, что „wegen Land und Leute“ отъ Екатерины ничего нельзя было добиться. Ландграфиня сдѣлала нѣкоторыя попытки для удовлетворенія этого желанія мужа, но отказъ былъ самый рѣшительный и положительный. Съ своей стороны и Мозеръ велъ объ этомъ переговоры съ осторожностью, стараясь не раскрывать тѣхъ требованій, которыя могли бы выставить въ невыгодномъ свѣтѣ будущаго тестя великаго князя, и ни въ чемъ не успѣлъ; онъ даже заболѣлъ съ горя, видя, что его путешествіе было безполезно, и почти впалъ въ ипохондрію, опасаясь гнѣва ландграфа.

Повидимому, ландграфъ ожидалъ большихъ выгодъ отъ брака своей дочери, по крайней мѣрѣ денежныхъ, но происходившая тогда турецкая война требовала значительныхъ расходовъ и надежды его не осуществились [2]).

Между тѣмъ Павелъ Петровичъ болѣе и болѣе увлекался своею невѣстою и торопилъ приготовленія къ свадьбѣ [3]). Для присутствованія при бракосочетаніи пріѣхали въ Петербургъ братъ невѣсты, принцъ Людвигъ, и принцы Августъ и Петръ

---

[1]) Назначенъ онъ былъ фельдмаршаломъ только 3 марта 1774 г. Карабановъ въ Ч. М. О. И. и Д., 1860, кн. 1-я.

[2]) О расходахъ на свадьбу см. А. Г. С., т. I, ч. 1, стр. 1.

[3]) Фонъ-Визинъ, 403. Walther, I, 58, 61, 407, 450 и въ особенности 434; II, 272.

голштейнъ-готторпскіе. Съ принцомъ Людвигомъ пріѣхалъ и пресловутый баронъ Мельхіоръ Гриммъ.

Но среди всѣхъ свадебныхъ увеселеній и торжествъ, борьба придворныхъ партій шла своимъ чередомъ. Даже ландграфиня подмѣтила, что придворное общество занималось пересудами.

Панинъ, по словамъ ландграфини, радовался успѣху своихъ проектовъ относительно брака Павла Петровича; онъ постоянно сопровождалъ Цесаревича при посѣщеніи имъ его невѣсты и не спускалъ глазъ съ своего воспитанника, который былъ къ нему очень привязанъ. И тѣмъ не менѣе въ самый день бракосочетанія великаго князя, Панинъ, какъ мы сказали выше, получилъ увольненіе отъ должности его оберъ-гофмейстера.

Несмотря на юность и веселый отъ природы нравъ, Цесаревичъ, готовясь къ новой для него жизни, какъ бы почувствовалъ свое одиночество. Какая-то тайная грусть закрадывалась въ сердце молодаго великаго князя. Онъ началъ вдумываться въ свое положеніе и углубляться въ самого себя. Дружба ваша,—писалъ онъ графу Андрею Разумовскому,—произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности, но вы ведете борьбу противу десятилѣтней привычки и побораете то, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренили во мнѣ. Теперь я поставилъ себѣ за правило жить какъ можно согласнѣе (cordialement) со всѣми. Прочь химеры, прочь тревожныя заботы! Поведеніе ровное и согласованное лишь съ обстоятельствами, которыя могутъ встрѣтиться, — вотъ мой планъ. Я сдерживаю, насколько могу, мою живость; ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать мой умъ и развивать мои мысли и черпаю понемногу изъ книгъ...“ [1]).

[1]) Письма 8 мая и 5 іюня 1773, Васильчиковъ, III, 6 и 17. Ср. письмо къ Бибикову 5 іюня 1772, Записки Бибикова. Москва, 1865, 93.

VII.

Бракосочетаніе Павла Петровича и Натальи Алексѣевны совершено было 29 сентября 1773 года.

Рядъ праздниковъ слѣдовалъ за этимъ днемъ.

Утро 30 сентября посвящено было поздравленіямъ. Затѣмъ парадный обѣдъ у Императрицы и вечеромъ балъ въ галереѣ.

1 октября, даны были народу жареные быки, выставленные на площади противъ Зимняго Дворца, на двухъ пирамидахъ, и пущено было, изъ нарочно сдѣланныхъ двухъ фонтановъ, виноградное вино. Затѣмъ обѣдъ у новобрачныхъ и вечеромъ куртагъ въ галереѣ.

2 октября, обѣдъ у ландграфини и вечеромъ собраніе у нея же.

4 октября, парадный спектакль въ придворномъ театрѣ: опера Психея и Купидонъ.

6 октября, придворный маскарадъ для дворянства.

8 октября, французская комедія на придворномъ театрѣ.

9 октября, русская комедія на томъ же театрѣ, а потомъ маскарадъ для дворянства и купечества.

10 октября, балъ при дворѣ.

11 октября, фейерверкъ [1]).

---

[1]) Описаніе торжества высокобракосочетанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Павла Петровича съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Наталіею Алексѣевною. Спб., 1773, 59 стр. 8°.

Вся русская литература того времени сочувственно отнеслась къ этому событію. Страницы тогдашнихъ журналовъ наполнились одами Владыкина, Державина, Княжнина, Майкова, Спичкарева, Сумарокова, Хераскова.

Ландграфиня осталась довольна какъ пребываніемъ въ Петербургѣ, такъ и торжествами, слѣдовавшими за бракосочетаніемъ. Разсказъ ея объ этомъ постараемся передать ея же словами.

Свадьба совершена была съ чрезвычайною пышностью и торжественностью. Невѣста была убрана къ вѣнцу статсъ-дамами; ландграфиня съ дочерьми явилась къ Екатеринѣ въ 11 часовъ; вслѣдъ затѣмъ процессія двинулась въ Казанскій соборъ. Войска были выстроены по обѣ стороны улицъ; балконы, окна наполнены были парядною публикою; за окно платилось до 60 р. Процессію открывалъ отрядъ конной гвардіи; затѣмъ ѣхали придворные чины, тайные совѣтники, члены совѣта и принцы гессенъ-дармштадтскій и голштейнъ-готторпскіе въ придворныхъ каретахъ; камеръ-юнкеры и камергеры гарцовали верхами передъ каретою Екатерины, запряженною восемью лошадьми; Императрица была одѣта въ русскомъ платьѣ изъ алаго атласа, вышитомъ жемчугами, въ мантіи, опушенной горностаемъ и по которой вышиты были императорскіе орлы; противу нея помѣстились Павелъ Петровичъ и Наталья Алексѣевна; на ремняхъ кареты пажи и по сторонамъ шесть гайдуковъ; князь Григорій и графъ Алексѣй Орловы сопровождали карету, командуя кавалергардскимъ конвоемъ. Затѣмъ слѣдовала карета ландграфини и ея дочерей; у дверецъ кареты ѣхали верхомъ два кавалера ея свиты, Ридезель и Шраутенбахъ; на ремняхъ кареты два пажа и сзади дежурный камеръпажъ верхомъ; по сторонамъ два гайдука. Оберъ-гофмейстерина графиня Воронцова, статсъ-дамы, фрейлины и дамы ландграфини, Штраутенбахъ, Вурмсеръ и фонъ Левенъ слѣдовали въ другихъ каретахъ. Всего было тридцать придворныхъ экипажей, въ шесть лошадей каждый. Во время молебствія произведена была салютаціонная пальба. Изъ собора кортежъ возвратился тѣмъ же порядкомъ; пло-

щади и улицы кишили народомъ. Въ четыре часа, послѣ того какъ Екатерина приняла поздравленія, сѣли за столъ; обѣдъ былъ въ тронной залѣ; Екатерина помѣстилась по срединѣ; великій князь и его супруга по сторонамъ; принцъ дармштадтскій и принцы голштинскіе подлѣ Натальи Алексѣевны, а ландграфиня и ея двѣ дочери на сторонѣ Павла Петровича; столы для приглашенныхъ разставлены были въ трехъ другихъ залахъ; здравія пили при пушечной пальбѣ. Немедленно послѣ обѣда перешли въ галерею, гдѣ открылся балъ. Наталья Алексѣевна, отягченная парчевымъ серебрянымъ платьемъ, усыпаннымъ брилліантами, имѣла видъ утомленный и протанцовала лишь нѣсколько менуетовъ. Въ девять часовъ Екатерина отвела ее въ назначенные ей покои; статсъ-дамы ее раздѣли; великій князь былъ въ парчевомъ серебряномъ халатѣ, подобномъ платью его жены, съ тѣмъ только отличіемъ, что это послѣднее было украшено кружевомъ. Это не было такъ смѣшно, какъ мнѣ думалось, прибавляетъ ландграфиня. Екатерина удалилась, но ландграфиня, графъ Панинъ и графиня Румянцова остались ужинать у новобрачныхъ. Великій князь былъ очень веселъ.

На слѣдующій день, едва лишь Павелъ Петровичъ покинулъ опочивальню, ландграфиня посѣтила новобрачныхъ. Павелъ Петровичъ расположился „ganz vertraulich“ на софѣ пить чай, посадивъ тещу между собою и женою.

Екатерина подарила Натальѣ Алексѣевнѣ, въ день свадьбы, брилліантовыя пряжки, а на слѣдующій день уборъ изъ изумрудовъ и брилліантовъ, а Павелъ Петровичъ, уборъ изъ рубиновъ и брилліантовъ, стоившій 25 т. руб. Ландграфинѣ подарены были перстень съ большимъ и прекраснымъ солитеромъ и эмалевая табакерка, съ портретомъ Екатерины, богато украшенная брилліантами; дочерямъ ея, Амаліи и Луизѣ, прекрасные брилліантовые уборы, которые имъ очень понравились. Сверхъ того ландграфиня получила 100 т. руб., а обѣ ея дочери по 50 т. руб. Всѣ лица ея свиты были также одарены: Ридезель и Шраутенбахъ получили по табакеркѣ и по 3 т. руб.; г-жа Шраутенбахъ табакерку и брилліантовую

сгретку и 3 т. руб.; г-жа Вурмсеръ брилліантовыя серьги и 2 т. р.; камеръ-юнгферы принцессъ по 1000 руб.

На всѣхъ праздникахъ какъ мужскіе, такъ и дамскіе уборы были очень пышны. Стеченіе публики на праздникахъ было громадно; въ маскарадѣ 9 октября было до 3,200 лицъ; двадцать одна зала наполнена приглашенными. Погода стояла все время превосходная и въ народѣ говорили, что ранняя весна и прекрасная осень того года означали Божіе благословеніе великой княгинѣ.

Бракомъ съ Натальею Алексѣевною, Павелъ Петровичъ вступилъ въ свойство съ прусскимъ королевскимъ домомъ. Въ самый день его бракосочетанія, Императрица пожаловала орденъ Екатерины принцессѣ прусской Фридерикѣ, сестрѣ Натальи Алексѣевны и для увѣдомленія объ этомъ и о совершеніи бракосочетанія отправила къ Фридриху полковника князя Долгорукова. Въ отвѣтъ на это Фридрихъ прислалъ въ Петербургъ полковника графа Герца [1]).

Наталья Алексѣевна со страхомъ ожидала минуту отъѣзда матери, но не раскаявалась въ рѣшимости своей вступить въ бракъ.

13 октября 1773 г. придворные чины откланялись ландграфинѣ; 14 октября, она и ея дочери простились съ Екатериною и 15 октября, во вторникъ, въ половинѣ одиннадцатаго утра, онѣ, съ ихъ свитою, покинули Петербургъ. „Для провожанія Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскіе Высочества быть не соизволили, а принцъ гессенъ-дармштадтскій проводилъ только до кареты“ [2]).

Наталья Алексѣевна простилась съ матерью на вѣки. Великая ландграфиня скончалась $^{19}/_{30}$ марта слѣдующаго 1774 года.

Принцъ Людвигъ остался въ Петербургѣ. Павелъ Петровичъ выразилъ желаніе, чтобы онъ вступилъ въ русскую службу; Екатерина на это согласилась и 6 октября 1773 года онъ былъ пожалованъ въ бригадиры. На слѣдующій же день

[1]) С. Р. И. О., XX. 327—336.
[2]) К. Ф. Ж., 1773.

принцъ явился ко двору въ русскомъ мундирѣ; эта поспѣшность, по замѣчанію ландграфини, не непонравилась.

Въ качествѣ волонтера, принцъ находился съ марта по августъ 1774 года въ дунайской арміи. Хотя поведеніе его тамъ было непохвально, — увѣряли что крѣпкіе напитки составляли главное его удовольствіе [1]), — тѣмъ не менѣе Екатерина, 25 декабря, собственноручно возложила на него Андреевскую ленту.

1775 годъ принцъ Людвигъ провелъ въ свитѣ Екатерины, въ Москвѣ. Здѣсь онъ попалъ въ очень дурное общество, едва не вступилъ въ какой-то неравный бракъ, имѣлъ столкновеніе съ Потемкинымъ и въ сентябрѣ уѣхалъ на родину [2]). Екатерина была имъ крайне недовольна и называла его непначе какъ enfant perdu, flandrin и pécore [3]). За границею принцъ позволялъ себѣ дерзкія сужденія и клеветы на Россію, причемъ не щадилъ и свою сестру.

Отдѣльнаго двора Павлу Петровичу, послѣ его брака, образовано не было, но за увольненіемъ Панина, состоять при немъ назначенъ былъ, въ ноябрѣ 1773 года, генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Салтыковъ родился въ 1736 году, началъ службу въ семеновскомъ полку, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ и съ 1763 по 1768 годъ начальствовалъ войсками въ Польшѣ. Послѣ того онъ принялъ участіе въ первой турецкой кампаніи, но въ 1770 году уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до 1773 года.

Сообщая Павлу Петровичу о назначеніи Салтыкова, Екатерина говорила [4]), „что ваши поступки очень невинны, я это знаю и убѣждена въ томъ, но вы очень молоды. Публика смотритъ на васъ во всѣ глаза, а она — судія строгій. Простонародіе во всѣхъ странахъ не умѣетъ дѣлать различія между молодымъ человѣкомъ и великимъ княземъ и поведеніе перваго слишкомъ часто служитъ къ помраченію чести вто-

[1]) Письма Екатерины къ Гримму, С. Р. И. О., XXIII, 8.
[2]) Ibid. 17, 22, 30, 35.
[3]) Письма къ г-жѣ Бьелке, С. Р. И. О., XXVII, 53 и 67.
[4]) Письмо Екатерины къ Павлу Петровичу, Р. А., 1864, IX, 934.

раго. Женитьбою окончилось ваше воспитаніе; невозможно было оставлять васъ долѣе въ положеніи ребенка и въ двадцать лѣтъ держать подъ опекою. Передъ публикою отвѣтственность теперь падаетъ на васъ одного; публика жадно слѣдить будетъ за вашими поступками. Эти люди все подсматриваютъ, все подвергаютъ критикѣ и не думайте, чтобы оказана была пощада какъ вамъ, такъ и мнѣ. Обо мнѣ скажутъ: она предоставила этого неопытнаго молодаго человѣка самому себѣ на его страхъ; она допустила къ нему молодыхъ людей и льстивыхъ царедворцевъ, которые вскружатъ ему голову и испортятъ его умъ и сердце. О васъ будутъ судить, смотря по благоразумію или неосмотрительности вашихъ поступковъ, но, повѣрьте мнѣ, это будетъ уже моимъ дѣломъ помочь вамъ и унять эту публику, льстивыхъ царедворцевъ и резоперовъ, которымъ хочется, чтобы вы, въ двадцать лѣтъ, были Катономъ и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы имъ сдѣлались. Обращайтесь ко мнѣ за совѣтомъ всякій разъ, когда найдете это нужнымъ: я буду говорить вамъ правду, со всею искренностью, къ какой только способна, и вы будете довольны, выслушавъ ее. Вдобавокъ и чтобы занятія ваши, въ угоду публикѣ, были значительнѣе, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одни для слушанія дѣлъ. Такимъ образомъ вы ознакомитесь съ ходомъ дѣлъ, съ законами страны и съ моими правительственными принципами“ [1]).

Въ инструкціи, данной Екатериною Салтыкову [2]), она совѣтовала ему стараться поправиться великому князю, оказывать ему возможную предупредительность, пріобрѣсти его довѣріе, обращать менѣе вниманія на невинныя шалости молодаго человѣка, дабы въ случаѣ надобности, когда придется дать болѣе важный совѣтъ, слово его имѣло большій вѣсъ и быть твердымъ въ обстоятельствахъ существенныхъ. Въ случаѣ нужды, Екатерина предоставила ему опираться на ея волю, дабы провести свое мнѣніе.

[1]) Екатерина выражала эту же мысль въ 1765 году. Порошинъ, 404.
[2]) Р. А., 1864, IX, 932.

Салтыковъ былъ назначенъ къ Павлу не для того только, чтобы увеличить представительность при его выходахъ, но и для того, чтобы держать въ порядкѣ штатъ, назначенный къ его услугамъ. Черезъ Салтыкова должны были представляться Цесаревичу иностранцы и другія лица; онъ завѣдывалъ столомъ и прислугою и долженъ былъ наблюдать за порядкомъ и приличіемъ, необходимымъ при дворѣ. Однимъ словомъ, не называясь гофмейстеромъ Павла Петровича, онъ въ сущности исполнялъ эту должность.

Одинъ изъ „льстивыхъ царедворцевъ“, который почему-то былъ недоволенъ назначеніемъ Салтыкова, намекнулъ великому князю, что Салтыковъ назначенъ къ нему для наблюденія за его поведеніемъ и дабы передавать о немъ кому слѣдуетъ. Съ свойственною ему живостью, Павелъ Петровичъ немедленно явился къ Екатеринѣ и не только пересказалъ ей этотъ слухъ, но и назвалъ лицо, отъ котораго онъ происходилъ—камергера графа Д. М. Матюшкина. Императрица приказала написать графу Матюшкину письмо, въ которомъ говорила, что въ предшествовавшія царствованія его поведеніе заслужило бы кнутъ, но какъ она приписываетъ его слова болѣе его простотѣ, нежели дурнымъ намѣреніямъ, то, и въ уваженіе его семьи, она не доводитъ дѣла до этой крайности, но желаетъ лишь, чтобы онъ рѣже являлся къ ней на глаза. Вслѣдствіе этого графъ Матюшкинъ оставилъ 7 января 1774 г. службу [1]).

Участія въ дѣлахъ управленія и за это время, какъ и прежде, Павелъ Петровичъ не имѣлъ [2]). Напротивъ того, Екатерина ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобы никто не осмѣливался даже обращаться къ нему съ какими-либо просьбами. Такъ, нѣкто Рубановскій, ходатайствовавшій о покровительствѣ Павла Петровича для опредѣленія къ должности, получилъ за это выговоръ отъ имени Екатерины [3]).

[1]) Депеша Гунтинга 17 декабря 1773 г. С. Р. И. О., XIX, 393. Бороздинъ. Опытъ родословія Матюшкиныхъ. Спбгъ., 1841, 12. Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, Спбгъ, 1878, I. 275 и 282.

[2]) См. письмо Екатерины въ С. Р. И. О., XLII, 355, № 343.

[3]) С. Р. И. О., XIII, 417.

Въ бытность въ Москвѣ, Павелъ Петровичъ имѣлъ случай впервые заняться кираспрскимъ своимъ полкомъ, возвратившимся изъ турецкаго похода [1]). Какъ генералъ-адмиралъ, онъ началъ принимать нѣсколько больше участія въ дѣлахъ адмиралтействъ-коллегіи и въ это уже время проявились въ немъ тѣ отличительныя черты, которыя впослѣдствіи легли въ основаніе всей его военной дѣятельности, — требовательность къ службѣ и уваженіе къ дисциплинѣ [2]).

Впрочемъ, были кажется причины, побуждавшія Екатерину воздерживаться отъ предоставленія Павлу Петровичу какой-либо части управленія и съ недовѣріемъ относиться къ окружавшимъ его лицамъ.

Въ началѣ слѣдующаго (1774) года Павелъ Петровичъ, опасаясь возвращенія въ Россію Сальдерна, долженъ былъ раскрыть Екатеринѣ его предложенія, о которыхъ мы говорили выше [3]), и около этого же времени ею получены были свѣдѣнія и о другихъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Павлу Петровичу, объ измѣненіи государственнаго управленія.

Обстоятельства этого послѣдняго дѣла извѣстны очень мало. По преданію, оно заключалось въ слѣдующемъ [4]).

Когда Павелъ Петровичъ вступилъ въ бракъ съ Натальею Алексѣевною, графы Н. и П. Панины, княгиня Е. Р. Дашкова, князь Н. В. Репнинъ, кто-то изъ архіереевъ и многіе изъ тогдашнихъ вельможъ и гвардейскихъ офицеровъ вступили

---

[1]) 19 августа 1775 г. полкъ этотъ, въ числѣ другихъ, участвовалъ на маневрахъ въ селѣ Коломенскомъ, подъ командою вице-полковника Бибикова (К. Ф. Ж.). О вербованіи людей для этого полка, см. два письма Павла Петровича къ графу Румянцеву 1776, Р. А. 1873, IV, 461.

[2]) Ср. предложенія коллегіи 22 октября 1774 г. о лейтенантѣ Полянскомъ (Р. А., 1871, I, 150), 23 іюля того же года о порученіи важныхъ форпостовъ престарѣлымъ и увѣчнымъ офицерамъ и о представленіи ему на разсмотрѣніе списковъ объ опредѣленіи и производствѣ офицеровъ (П. С. З., № 14, 170) и 21 ноября того же года о представленіи при дѣлаемыхъ подрядахъ о цѣнахъ вещей, заготовляемыхъ для морскихъ служителей (П. С. З., № 14, 215) и письма къ гр. И. Г. Чернышеву о лейтенантѣ Сукинѣ и поручикѣ Волковѣ, (Р. А., 1867, II, 199) и о разныхъ дѣлахъ. (Р. А. 1886, III, 305).

[3]) Донесеніе Гунтинга 14 февраля. С. Р. И. О., XIX, 401.

[4]) Записки Фонъ-Визина. Лейпцигъ, 1859, 50.

въ заговоръ съ цѣлію возвести на престолъ совершеннолѣтняго Павла Петровича.

Павелъ Петровичъ зналъ объ этомъ, согласился принять представленную Панинымъ конституцію, утвердилъ ее своею подписью и далъ присягу въ томъ, что, воцарившись, не нарушитъ этого коренного государственнаго закона. Душою этого предпріятія была Наталья Алексѣевна.

При графѣ Н. И. Панинѣ были довѣренными секретарями—Фонвизинъ, редакторъ конституціоннаго акта, и Бакунинъ, оба участники въ заговорѣ. Бакунинъ, изъ честолюбивыхъ, своекорыстныхъ видовъ, рѣшился быть предателемъ: онъ открылъ Орлову всѣ обстоятельства дѣла и всѣхъ участниковъ; это сдѣлалось извѣстнымъ и Екатеринѣ. Она призвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала его. Павелъ испугался и принесъ матери списокъ всѣхъ участниковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ даже на него, бросила бумагу въ огонь, сказавъ: „я не хочу знать, кто эти несчастные“. Она знала уже ихъ по доносу Бакунина.

Мы приводимъ здѣсь это преданіе, не придавая ему особаго значенія, потому что оно, кажется, смѣшиваетъ обстоятельства этого дѣла съ дѣломъ Сальдерна. Фонвизинъ едва ли могъ сочувствовать подобному дѣлу, потому что извѣстно, что въ запискѣ своей о правѣ государственномъ онъ, напротивъ того, проводитъ ту мысль, что Россія ничѣмъ такъ скоро не можетъ быть подвергнута конечному разрушенію, какъ если вдругъ, и не приготовя націю, дать ей преимущества, коими наслаждаются благоустроенные европейскіе народы. Что же касается Бакунина, то, дѣйствительно, Павелъ Петровичъ не взлюбилъ его и онъ послѣ этого никогда не могъ добиться позволенія явиться во дворецъ великаго князя, за то что когда-то продалъ и предалъ своего благодѣтеля, графа Панина [1]).

Но если Павелъ Петровичъ не принималъ активнаго участія во дѣлахъ управленія государственнаго, то онъ вдумы-

[1]) Депеша Сегюра 1786. Григоровичъ, С. Р. И. О., XXVI, 134.

вался въ положеніе Россіи, въ ея отношенія къ сосѣдямъ и въ ея внутреннее, преимущественно военное устройство.

Въ 1774 году, онъ представилъ Императрицѣ „Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ“ [1]). Нѣкоторыя мысли этого разсужденія Павелъ Петровичъ послѣдовательно и неуклонно развивалъ впослѣдствіи, и въ этой запискѣ впервые явилось предположеніе о содержаніи арміи отъ земли, осуществившееся гораздо позднѣе, въ военныхъ поселеніяхъ.

„Государство наше теперь, говоритъ Павелъ Петровичъ, въ такомъ положеніи, что необходимо надобенъ ему покой. Война, продолжавшаяся пять лѣтъ, польскія безпокойства—одинадцать лѣтъ, да къ тому же и оренбургскія замѣшательства, кои начало имѣютъ отъ неспокойствія яицкихъ казаковъ, уже нѣсколько лѣтъ предъ симъ начавшагося, довольныя суть причины къ помышленію о мирѣ, ибо все сіе изнуряетъ государство людьми, а чрезъ то и уменьшаетъ хлѣбопашество, опустошая земли. Хотя въ пашу пользу война сія была, но сколько мы претерпѣли въ то самое время недородами, язвой, которая, конечно, слѣдствіемъ войны была, безпокойствами внутренними, а больше того еще рекрутскими наборами. Теперь остается только желать долгаго мира, который доставилъ бы намъ совершенный покой, дабы возобновить тишину, привести вещи въ порядокъ и, наконецъ, наслаждаться совершеннымъ покоемъ. Къ достиженію сего, надобно начать возстановленіемъ внутренняго спокойствія, зависящаго отъ домашняго положенія каждаго. Когда сняты будутъ налоги, пресѣчены наряды съ земли, то каждый, не лишаясь имѣнія своего: отцы—дѣтей, а господа—тѣхъ, коихъ трудами живутъ, не будутъ имѣть причинъ негодованія, и тогда-то пресѣкутся главныя причины неудовольствія.

„Нашъ же народъ таковъ, что малѣйшее удовольствіе заставитъ его забыть годы неудовольствія и самое бѣдствіе.

[1]) Р. С. 1882, № 2 и 3, стр. 403 и 739.

„По сіе время мы, пользуясь послушаніемъ народа и естественнымъ его счастливымъ сложеніемъ, физическимъ и моральнымъ, все изъ цѣлаго кроили, не сберегая ничего; но пора помышлять о сохраненіи сего его драгоцѣннаго и рѣдкаго расположенія, для крайняго случая, гдѣ уже не пріуготовленіями, ни принятіемъ всѣхъ благоразумныхъ мѣръ учинить нечего. Теперь всегда всѣ послѣднимъ средствомъ дѣйствуемъ, не имѣя ничего въ запасѣ; и такъ, если какая неудача учинится, то уже почти нечѣмъ опую, въ томъ самомъ мѣстѣ, наградить, а надобно натягивать силы свои изъ другихъ мѣстъ, чѣмъ ослабляемъ то мѣсто, откуда занимаемъ оныя, и такъ дѣйствуемъ, не имѣя уже ничего въ запасѣ“.

Главныя основанія разсужденія Павла Петровича состоятъ въ слѣдующемъ:

1) По его мнѣнію слѣдовало отказаться отъ наступательныхъ войнъ и устроить всю военную систему Россіи для обороны. Съ этою цѣлью Павелъ Петровичъ предлагалъ прикрыть границы рядомъ крѣпостей, позади же ихъ расположилъ арміи, исключительно назначенныя для обороны границъ и которыя, комплектуясь изъ мѣстныхъ жителей, могли бы лучше знать непріятеля, противъ котораго имъ приходилось бы дѣйствовать, и храбрѣе сражаться, защищая свои дома.

2) Устроить такъ, чтобы защита не была въ тягость защищаемому, а напротивъ того, дѣйствительною оборопою, а земля подкрѣпленіемъ, и расположить оборонительныя силы по силѣ противулежащихъ земель. Съ этою цѣлію, вдоль границъ расположить четыре корпуса или арміи: противъ Швеціи, Пруссіи и Австріи, Турціи и въ Сибири. Остальные полки расположить на постоянныхъ квартирахъ по имперіи, наблюдая, чтобы каждая дивизія имѣла свою губернію, чтобъ какъ можно менѣе сталкивалась военная часть съ цивильною, и обѣ въ каждой губерніи текли ровнѣе и свободнѣе. Полки должны были довольствоваться отъ губерніи, въ которыхъ расположены.

3) По неравномѣрности народонаселенія въ губерніяхъ, занимать рекрутъ, при наборахъ, отъ ближайшихъ, такъ чтобы

брать по одному съ семидесяти человѣкъ. По укомплектованіи полковъ, сдѣлать ихъ осѣдлыми, по примѣру войскъ, поселенныхъ въ Слободской и Новороссійской губерніяхъ.

4) Когда полки будутъ поселены, замѣнять рекрутъ солдатскими дѣтьми, достигающими совершеннолѣтія; такимъ образомъ войско комплектовалось бы само собою, а земля служила бы ему только подкрѣпленіемъ.

5) Если Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія, Финляндія и Бѣлоруссія затруднилась бы давать людей въ полки, расположенные на ихъ содержаніи, то обязать ихъ платить за нихъ деньгами, во что рекрутъ обошелся по исчисленію, а на эти деньги вербовать вольныхъ людей у нихъ, а затѣмъ и изъ другихъ мѣстъ.

6) Дать войскамъ подробные штаты, уставы и инструкціи, и предписать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала и кончая рядовымъ, все то, что имъ дѣлать должно; тогда можно на нихъ взыскивать, если что-нибудь будетъ упущено, а не прежде, потому что надобно, чтобы каждый зналъ, что онъ долженъ дѣлать, чтобы можно было требовать отъ него отвѣта, для чего онъ упустилъ что-нибудь; теперь слышно безпрестанно, что у того полка или другаго какая часть лучше, а у того хуже, и что отъ того такой вредъ произошелъ и прочее, обвиняя притомъ всегда частнаго командира, а никто не помышляетъ о томъ, что не данъ способъ имъ быть всѣмъ хорошими, а чрезъ то не отнятъ быть дурными.

7) Лучшимъ для этого средствомъ должна быть строгая подчиненность, чтобы никто, отъ фельдмаршала до солдата, не могъ извиниться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ... Когда на все подобное будутъ испрашиваться высочайшія разрѣшенія, то чрезъ таковое ограниченіе, всѣ будутъ несравненно довольнѣе и охотнѣе къ службѣ, потому что не будутъ страдать и видѣть себя подчиненными прихотямъ и неистовствамъ частныхъ командировъ, которые всѣмъ симъ сквернятъ службу, и вмѣсто пріохочиванія, удаляютъ всѣхъ отъ ней".

Разсужденіе свое Павелъ Петровичъ заключилъ слѣдую-

щимъ образомъ: „показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно и какую военная часть, связь и пропорцію должна имѣть, въ разсужденіи всего государства, совершилъ намѣренія себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и какъ вѣрный сынъ отечества молчать не могъ“.

VIII.

Медовой мѣсяцъ Павла Петровича прошелъ счастливо. „Ваша дочь здорова, писала Екатерина ландграфинѣ 10 ноября 1773 года [1]): она по прежнему кротка и любезна, какою вы ее знаете. Мужъ обожаетъ ее, то и дѣло хвалитъ и рекомендуетъ ее; я слушаю и иногда покатываюсь со смѣху, потому что ей не нужно рекомендацій; ея рекомендація въ моемъ сердцѣ; я ее люблю, она того заслуживаетъ и я совершенно ею довольна. Да и нужно бы искать повода къ неудовольствіямъ и быть хуже какой-нибудь кумушки-сплетницы, чтобы не оставаться довольною великою княгинею, какъ я ею довольна. Однимъ словомъ, наше хозяйство идетъ очень мило. Дѣти наши, кажется, очень рады переѣзду со мною на дачу въ Царское Село [2]). Молодежь заставляетъ меня по вечерамъ играть и рѣзвиться, или, если угодно, я заставляю ихъ этимъ заниматься“.

„Великая княгиня здорова, писала она въ другомъ письмѣ [3]), мы болѣе и болѣе привязываемся другъ къ другу и очень хорошо уживаемся вмѣстѣ; ея характеръ мнѣ нравится и подходитъ къ моему“.

---

[1]) Walther, I, 140.

[2]) Екатерина и Павелъ съ супругою пробыли въ Царскомъ Селѣ съ 9 по 25 ноября 1773 года.

[3]) Walther, 342; 7 декабря 1773 г.

Такіе же отзывы Екатерина сообщала и другимъ лицамъ [1]).

„Сынъ мой обзавелся домомъ; онъ намѣренъ жить скромно (bourgeoisement), не покидаетъ ни на шагъ своей жены, и оба они служатъ примѣромъ наилучшей дружбы въ свѣтѣ. Великая княгиня золотая женщина: она надѣлена самыми солидными качествами; я ею очень довольна; мужъ ее обожаетъ и всѣ окружающіе ее любятъ".

Въ началѣ 1774 года Наталью Алексѣевну одновременно поразили два несчастія: смерть ея бабки, герцогини цвейбрюкенской и ея матери (19 марта). „Я, по полученіи вашего письма,—сообщала Екатерина графу Панину [2]),—великой княгинѣ сказывала о кончинѣ ея бабки, и она, хотя не рвется, какъ у насъ водится, но сердечно печальна: по признаюсь, что не знаю, какъ она снесетъ печаль кончины матери своей. Я сама столь тронута симъ приключеніемъ, что вамъ довольно сказать не могу".

Въ день миропомазанія Натальи Алексѣевны, 15 августа 1773 г., гофмейстериною къ ней назначена была графиня Екатерина Михайловна Румянцова, супруга фельдмаршала, въ тотъ же день пожалованная статсъ-дамою. Фрейлинами молодой великой княгини опредѣлены были княжна Авдотья Михайловна Бѣлосельская и Прасковья Ивановна Леонтьева.

На расходы великой княгини Натальи Алексѣевны отпускаено было по 50,000 рублей ежегодно [3]).

Мало свѣдѣній сохранилось о лицахъ, составлявшихъ въ это время общество Павла Петровича и Натальи Алексѣевны. Ея гофмейстерина, двѣ фрейлины, Н. И. Салтыковъ и его жена, графъ А. К. Разумовскій и князь А. Б. Куракинъ

[1]) Письма 6 октября 1773 и 9 февраля 1774 г. С. Р. И. О., XIII, 361 и 388. Приведемъ кстати и отзывы Екатерины о пріѣзжавшихъ въ Петербургъ сестрахъ Натальи Алексѣевны. „Si la princesse héréditaire de Bade (принцесса Амалія) est taxée de fierté, soyez assurée qu'on lui fait tort; c'est un mouton, et puis c'est tout. Mais la princesse Louise ne l'est pas; c'est celle de toutes ses soeurs qui a le plus d'esprit, mais elle est capricieuse et singulière". Письмо къ Бьелке 5 января 1775 г. С. Р. И. О., XXVII, 23.

[2]) Ч. М. О. И. и Д., 1863, II, 65 или С. Р. И. О., XLII, 373.

[3]) П. С. З., № 14,024.

были членами этого общества. Къ числу лицъ, сблизившихся въ это время съ Павломъ Петровичемъ и его супругою, можно прибавить графа А. П. Шувалова и его жену, рожденную Салтыкову [1]).

Общество это, слѣдуя духу времени, увлекалось французскою литературою и искусствомъ. Черезъ Шувалова, столь извѣстнаго своими французскими стихотвореніями и своею дружбою съ энциклопедистами, Павелъ Петровичъ выбралъ себѣ въ литературные корреспонденты въ Парижѣ извѣстнаго критика Лагарпа. Любопытно, что и въ этомъ выборѣ Павелъ Петровичъ поступилъ несогласно съ воззрѣніями Екатерины, которая вообще не любила Лагарпа и корреспондентомъ которой былъ Гриммъ. Точно также и Дидро, во время своего пребыванія въ Россіи, обласканный Екатериною, встрѣтилъ со стороны Павла Петровича холодный пріемъ.

Однимъ изъ занятій общества Цесаревича были спектакли. Такъ, напримѣръ, 3 ноября 1774 года въ комнатахъ Павла Петровича сдѣланъ былъ маленькій театръ, гдѣ представлена была французская „трагедія“, въ которой, кромѣ Павла Петровича и Натальи Алексѣевны, участвовали принцъ Людвигъ, княжна Бѣлосельская, графиня Д. П. Салтыкова, Нелединская, княгиня Голицына, графъ А. П. Шуваловъ, камеръ-юнкеры графы Шереметевъ и Разумовскій и князья Куракинъ и Гагаринъ.

Но время отъ времени выказывались у Павла Петровича проявленія раздражительности. Самый переѣздъ его въ Царское Село, о которомъ мы только что говорили, вызванъ былъ проявленіемъ его впечатлительности. Однажды подали ему за ужиномъ блюдо сосиссекъ—кушанье, которое онъ особенно любилъ. Онъ нашелъ въ немъ нѣсколько осколковъ стекла. Въ гнѣвѣ онъ тотчасъ всталъ изъ за стола, взялъ блюдо, отправился къ Екатеринѣ и въ запальчивости объявилъ, что онъ убѣждается въ томъ, что его хотѣли отравить. Екатерина была очень взволнована этимъ подозрѣніемъ

[1]) Записки кн. Голицына. Р. А., 1874, II, 1277.

и увезла Павла Петровича съ собою въ Царское Село, чтобы имѣть на свободѣ время узнать, было ли это у него лишь скоропроходящимъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ случайнымъ обстоятельствомъ, или это болѣе уже укоренившаяся въ немъ недовѣрчивость; въ то же время Екатерина желала имѣть болѣе частые и продолжительные случаи ближе узнать характеръ великой княгини [1]).

Впечатлительный Павелъ Петровичъ долго послѣ этого питалъ увѣренность, что ему грозитъ со временемъ отравленіе [2]).

Между тѣмъ при дворѣ Екатерины произошла новая перемѣна. За утратою графомъ Панинымъ прежняго его значенія, удаленъ былъ и покровительствуемый имъ фаворитъ Васильчиковъ. Онъ замѣненъ былъ Потемкинымъ.

Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ дунайской арміи въ январѣ 1774 года и вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ, вице-президентомъ военной коллегіи и членомъ совѣта.

„Здѣсь у двора примѣчательно только то, писалъ Фонъ-визинъ 20 марта 1774 г., [3]), что камергеръ Васильчиковъ высланъ изъ дворца, и генералъ-поручикъ Потемкинъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и въ преображенскій полкъ подполковникомъ: sapienti sat“. Впрочемъ, высланный изъ дворца Васильчиковъ былъ осыпанъ, по обыкновенію, щедрыми наградами [4]).

Потемкинъ, конечно, понималъ, что его положеніе не могло нравиться Орловымъ и поэтому поспѣшилъ сблизиться съ графомъ Панинымъ, надѣясь чрезъ это сдѣлать менѣе враждебнымъ своему возвышенію и Павла Петровича. Съ тѣхъ поръ какъ Потемкинъ вошелъ въ случай, Екатерина оказы-

---

[1]) Донесеніе Гунтинга, 22 ноября 1773, С. Р. И. О., XIX, 389.

[2]) „Er hat immer die Idee, dass er einmal vergiftet wird“. Письмо герцога Альбрехта саксенъ-тешенскаго, видѣвшаго Павла Петровича въ Брюсселѣ въ 1782 г. Wolf, Maria Christina, Erzherzogin von Oesterreich. Wien 1873, I. 200 и Р. А., 1876. № 5, 50.

[3]) Сочиненія, изд. Ефремова, 276.

[4]) С. Р. И. О., XIII, 397—398.

вала болѣе вниманія сыну и являла доказательства необычныхъ отличій графу Панину, который казался очень довольнымъ этимъ положеніемъ, потому что былъ доволенъ всѣмъ, что способствовало уменьшенію значенія Орловыхъ [1]).

Очевидно, что Екатерина желала дать понять сыну и бывшему его воспитателю, что лучшимъ средствомъ для того, чтобы быть въ хорошихъ съ нею отношеніяхъ, было бы сближеніе съ новымъ ея фаворитомъ. Наталья Алексѣевна присоединилась къ графу Панину, чтобы убѣдить супруга стать на сторону Потемкина. Вотъ что писалъ по этому поводу англійскій посланникъ Гунингъ 29 апрѣля 1774 г. [2]).

„Какія бы безпокойства ни испытывала Екатерина за послѣднее время, несомнѣнно, что поведеніе Павла Петровича не имѣетъ на это вліянія, и что въ настоящее время она имѣетъ полное основаніе быть имъ довольною. Недавно она выразилась, что обязана великой княгинѣ тѣмъ, что она возвратила ей сына, и что постоянная забота ея жизни будетъ состоять въ томъ, чтобы разсчитаться съ нею за это одолженіе. Дѣйствительно, она пользуется каждымъ случаемъ быть пріятною великой княгинѣ, которая, не смотря на то, что не такъ умна, какъ ея супругъ, пріобрѣла большое на него вліяніе. Въ настоящую минуту Павелъ Петровичъ находитъ себя счастливымъ только въ ея обществѣ, куда допускается одинъ лишь молодой графъ Андрей Разумовскій. Желаніе сдѣлаться популярнымъ, которое проявлялось въ поведеніи великаго князя, кажется, исчезло и замѣнилось другою крайностью: отсутствіемъ самаго простаго вниманія къ его окружающимъ. Въ положеніи, въ которомъ находится Павелъ Петровичъ, трудно опредѣлить его характеръ по его поступкамъ, и можно сказать, что до настоящаго времени у него не было характера: онъ легко воспринимаетъ впечатлѣнія, но они легко и забываются. Такимъ образомъ Екатерина могла, до извѣстной степени, внушать ему, чрезъ посредство лицъ,

[1]) Донесеніе Гунинга 18 марта 1774 г. С. Р. И. О., XIX, 408.
[2]) С. Р. И. О., XIX, 410. Ср. также, 376.

къ нему приставленныхъ, тѣ чувства, которыя она желала бы въ немъ видѣть".

Поведеніе Натальи Алексѣевны не было однако же такимъ, какого, по мнѣнію Фридриха II, устроившаго ея свадьбу, слѣдовало ожидать отъ лица ея происхожденія. Она пріѣхала въ Петербургъ во время интригъ и борьбы партій, когда дворъ взволнованъ былъ происками иностранныхъ министровъ. Посланники Франціи и Испаніи[1]) пустили въ ходъ все, чтобы посѣять несогласіе между Россіею, Австріею и Пруссіею, сблизившимися при первомъ раздѣлѣ Польши. Чтобы выполнить свои виды, они сочли нужнымъ образовать партію, которою могли бы располагать, и вообразили, что, разъ вовлекши великую княгиню въ свои интересы, остальная часть дѣла сдѣлалась бы нетрудною. Дабы достигнуть цѣли, они пріобрѣли состоявшаго при Павлѣ Петровичѣ графа Разумовскаго, который, поддавшись ихъ руководству, довелъ смѣлость до того, что сдѣлался фаворитомъ великой княгини, свободный доступъ къ которой ему открыло благоволеніе великаго князя[2]).

Между тѣмъ, кредитъ Потемкина все возвышался и, по мѣрѣ того, уменьшалось значеніе Павла Петровича. Политика Екатерины шла еще далѣе[3]): она старалась сдѣлать Павла Петровича недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, дабы его уединить, будучи увѣрена, что самъ по себѣ онъ не былъ способенъ ни возстать противу нея, ни оказать ей какое-либо противодѣйствіе. Екатерина сочла нужнымъ предварить его, что графъ Разумовскій злоупотребляетъ его благосклонностью для того, чтобы имѣть вліяніе на великую княгиню. Эта страшная повѣренность (odieuse confiance) причинила Павлу Петровичу огорченіе, которое онъ тщетно старался скрыть. Великая княгиня принудила его наконецъ объяснить ей причину его грусти и узнала ее для того только, чтобы, проплакавъ нѣсколько дней, убѣдить его въ злобности этого

[1]) Дюранъ и графъ Ласси.
[2]) Frédéric; VI, 119.
[3]) Донесеніе Дюрана 4 октября 1774. Васильчиковъ, III, 31.

слуха, клонившагося лишь къ тому, чтобы разсорить ее съ мужемъ.

„Я думаю, душа моя, писала Екатерина Потемкину, что если ослѣпленной великій князь инако не можетъ быть приведенъ въ резонъ на счетъ Разумовскаго, то не можетъ ли Панинъ уговорить его, чтобъ онъ Разумовскаго услалъ въ море, дабы слухи городскіе, ему противные, упали“ [1]).

Павелъ Петровичъ повѣрилъ увѣреніямъ своей супруги и ея слезамъ; полюбилъ ее еще болѣе, думая, что она нелюбима его матерью и усилилъ свое недовѣріе къ Екатеринѣ. Болѣе чѣмъ когда-либо началъ онъ рисоваться тѣмъ, что было всего болѣе чувствительно Екатеринѣ, своею популярностью, которая въ то время дѣйствительно была велика.

Имя Павла Петровича стало въ то время любезно темному русскому люду. Едва кончились праздники по случаю его бракосочетанія, какъ въ Петербургѣ разнеслась странная вѣсть [2]). На Яикѣ явилась незнаемая личность, именовавшая себя Императоромъ Петромъ III и призывавшая къ себѣ цесаревича Павла Петровича. Толпы народа стали подъ знамена самозванца Пугачева.

Послѣ первыхъ неудачъ, испытанныхъ войсками при встрѣчахъ съ шайками Пугачева, порядокъ началъ было возстановляться, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ Бибикова. Смерть Бибикова дала полную свободу мятежу, который, послѣ взятія Казани, разгорѣлся до того, что Екатерина подумывала даже отправиться въ Москву, дабы принять лично начальство надъ войскомъ.

Мысль эта выражена была Екатериною въ засѣданіи совѣта, которое такъ описываетъ графъ Н. И. Панинъ [3]). „Сего утра получили мы извѣстіе о разореніи Казани и что губернаторъ со всѣми своими командами запереся въ тамошнемъ кремлѣ. Мы тутъ въ собраніи нашего совѣта увидѣли

[1]) С. Р. И. О., XLII, 385.

[2]) Державинъ, VI, 462. Статья Апучина въ Рус. Вѣстн. 1883 г., № 8, стр, 440.

[3]) Письмо къ П. И. Панину 22 іюля 1774, С. Р. И. О., VI, 75.

Государыню крайне пораженною; она объявила свое намѣреніе оставить здѣшнюю столицу и самой ѣхать для спасенія Москвы и внутренности Имперіи, требуя и настоя съ великимъ жаромъ, чтобы каждый изъ насъ сказалъ ей о томъ свое мнѣніе. Безмолвіе между нами было великое. Я оное выдерживалъ и для того одного, что при всякомъ оттуда извѣстіи я всегда сказывалъ, что дѣло сіе бѣдственное и что не одними вооруженными руками оное поражено быть можетъ, а надобенъ человѣкъ съ головою; но какъ я тутъ увидѣлъ до самой крайности безмолвное духовъ порабощеніе, а къ тому же наконецъ и Государыня ко мнѣ одному обратилась и съ большимъ выпужденіемъ требовала, чтобы я ей сказалъ хорошо или дурно она сіе сдѣлаетъ, мой отвѣтъ былъ, что не только не хорошо, но и бѣдственно въ разсужденіи цѣлости всей Имперіи, что когда она такимъ образомъ займется безпосредственно волнованіемъ одной столь презрительной черни, тогда начнется неизбѣжно разрушеніе и погибель всей россійской монархіи, и что не можетъ быть истиннаго сынъ отечества, который бы хотѣлъ дожить до сего злоключительнаго пункта. Ея Величество тутъ съ чувствительнымъ движеніемъ доказывала, какую пользу произвесть можетъ ея повсюду присутствіе и весьма противъ меня подкрѣпляема была новымъ нашимъ фаворитомъ (Потемкинъ). Старый (князь Орловъ) съ презрительною индиферентностью все слушалъ, ничего не говорилъ и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ; окликанные дураки Разумовскій и Голицынъ твердымъ молчаніемъ отдѣлались. Скаредный Чернышевъ[1]) трепеталъ между фаворитами; въ полслова раза два вымолвилъ, что самой ей ѣхать вредно, и спѣшилъ записывать только имена тѣхъ полковъ, которымъ къ Москвѣ маршировать вновь повелѣно. Вице-канцлеръ одинъ по своей способности мои разсужденія открыто подкрѣплялъ. Забылъ было сказать о дуракѣ Вяземскомъ. Ему полюбились манифесты и казанскихъ дворянъ

[1]) Захаръ Григорьевичъ.

вооруженія, и потому представлялъ только, чтобъ и то и другое на Москвѣ сдѣлано было. Совѣтъ кончился тѣмъ, чтобъ обождать Румянцова курьера съ заключеніемъ мира".

Тогда Екатерина обратилась къ лицу, удалившемуся отъ двора, „къ первому врагу и персональному ей оскорбителю" [1]) графу П. И. Панину. 29 іюля 1774 года онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ приволжскихъ губерній и 14 сентября Пугачевъ былъ выданъ своими сообщниками.

Первоначально Пугачевъ распускалъ слухъ, что онъ имѣлъ въ виду возвести на престолъ Павла Петровича, „самъ же я, говорилъ онъ, царствовать уже не желаю" [2]). Исключивъ имя Екатерины изъ эктеньи, Пугачевъ говорилъ, „что когда де Богъ донесетъ меня въ Петербургъ, то зашлю ее въ монастырь, и пускай за грѣхи свои Богу молится. Сынъ мой человѣкъ еще молодой, такъ онъ меня и не знаетъ". А между тѣмъ, плакалъ передъ образомъ, говоря при томъ: „дай Богъ, чтобы я могъ дойти до Петербурга и сына своего увидѣть здорова" [3]). Измѣнникъ купецъ Долгополовъ, явившійся къ Пугачеву будто бы отъ имени Павла Петровича и съ подарками отъ него, „учинилъ тѣмъ невѣроятное прельщеніе въ народѣ". Толпа стала ожидать пріѣзда Наслѣдника [4]). Наконецъ, распространилась молва, что Павелъ Петровичъ ѣдетъ навстрѣчу Пугачеву и прибылъ въ Казань. Задержанный своими же единомышленниками, Пугачевъ угрожалъ связавшимъ его казакамъ местью великаго князя [5]).

Павелъ Петровичъ, къ имени котораго мятежники отнеслись съ уваженіемъ, смотрѣлъ на этотъ мятежъ очень строго [6]). Но одно уже то обстоятельство, что возстаніе направлено было противу Екатерины, а права ея сына признавались

[1]) Письмо Екатерины къ Потемкину, Лебедевъ, 116.

[2]) Пушкинъ, Исторія Пугачевскаго бунта, Спбгъ., 1834, I, 19; Записки Бибикова, Москва, 1865, 129.

[3]) Гротъ, Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, 1875, 129. Донесеніе Потемкина въ Р. С. II, 412. Записки Рунича, тамъ же, 229 и 412. Ср. Р. С. XVI, 487 II и 497 и XVII, 67.

[4]) Допросы Пугачеву. Ч. М. О. И. и Д. 1858, II, 22 и 26, 43 и 44.

[5]) Пушкинъ, Исторія Пугачевскаго бунта, II, 117 и I, 160.

[6]) Лебедевъ, 175.

бунтующею толпою, было для Екатерины непріятно. Поэтому, когда у мятежниковъ явилось выкраденное гдѣ-то голштинское знамя, то на это обстоятельство Екатерина обратила особенное вниманіе. Она велѣла самымъ тщательнымъ образомъ доискиваться, какимъ путемъ знамя это могло имъ достаться [1]).

Сообщая своему брату о мѣрахъ, принятыхъ имъ къ устройству порядка въ мѣстностяхъ, взволнованныхъ Пугачевымъ, графъ Петръ Панинъ писалъ [2]): „не знаю, какихъ еще вы ожидаете отъ меня внутреннихъ устройствъ? Мнѣ кажется, для которыхъ неустройствъ я отправился, то оныя всѣ въ свое прежнее теченіе приведены тѣмъ, что бунтовщичьи скопища, сколь они ни многочисленны были, всѣ безъ изъятія разбиты и низложены, бунтовщикъ пойманъ, возмущенное въ черни неповиновеніе законной власти приведено повсюду, конечно, въ то безмолвственное повиновеніе, что уже повсюду пріемлются по прежнему разсылаемые съ повелѣніями ободренные разсыльщики со всякимъ подобострастіемъ и послушаніемъ; канцелярское и ихъ служителей многоможіе, во мздоимствахъ и въ пригибаніи всѣхъ дѣлъ отъ истины къ случаямъ сильныхъ, воспріяло-жъ прежнюю свою силу и теченіе. Но чтобъ сіе брату вашему передѣлать, то надобно всему оному напередъ перемѣниться не въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ съ казначеями и управителями, но въ ихъ источникахъ, до которыхъ можно напередъ самому десять разъ шею сломить, не исправя въ томъ ничего“.

10 января 1775 г. казнь Пугачева положила конецъ дѣлу мятежа и 25 января Екатерина имѣла торжественный въѣздъ въ Москву, вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ и Натальею Алексѣевною, для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго съ Турціею мира.

Если вѣрить донесеніямъ иностранныхъ дипломатовъ, Екатерина встрѣтила въ Москвѣ холодный пріемъ, а популярность,

---

[1]) Письма къ князю Волконскому О. В. I. 124—135.
[2]) Письмо октября 1774. Р. А. 1876, II, 28.

которую великій князь старался выказать въ день вступленія кирасирскаго его полка въ Москву, когда онъ разговаривалъ съ народомъ, его окружившимъ, произвела видимое удовольствіе на народъ [1]). Во вниманіи, которое народъ оказывалъ Павлу Петровичу, какъ бы выражалась мысль, тогда бродившая, что императорская власть состоять должна въ мужескомъ родѣ [2]). Разсказываютъ, что графъ Разумовскій, пораженный этимъ сочувствіемъ при встрѣчѣ Павла Петровича, и желая вывѣдать его мысли, сказалъ ему: „вы видите какъ вы любимы, ваше высочество! Ахъ, если бы вы дерзнули...“ великій князь ничего не отвѣтилъ, но бросилъ на Разумовскаго взглядъ, который доказывалъ, что онъ умѣлъ быть почтительнымъ сыномъ [3]). Между тѣмъ Екатерина въ день своего рожденія 21 апрѣля подарила ему недорогіе часы, а Потемкину 50 т. руб., сумму, въ которой Павелъ Петровичъ имѣлъ настоятельную нужду и о выдачѣ которой просилъ. Этотъ отказъ сыну и предпочтеніе фавориту болѣе возстановляли Павла Петровича противу матери и противу Потемкина, который располагалъ всѣмъ въ то время, когда Цесаревичъ находился въ нуждѣ [4]). Лишь черезъ нѣсколько времени Екатерина, въ день именинъ Павла Петровича, 29 іюня, удовлетворила его просьбу, хотя и не вполнѣ, подаривъ ему только 20 т. руб. [5]).

Павелъ Петровичъ, впрочемъ, и не ожидалъ этой обиды, чтобы отъ души возненавидѣть фаворита, который даже пересталъ оказывать ему уваженіе, должное наслѣднику престола. Между великимъ княземъ и Потемкинымъ произошла открытая ссора, потому что послѣдній требовалъ, чтобы ему, а не

---

[1]) Cour, 291—292; депеши Гуннига, С. Р. И. О., XIX, 447—452. Во второй половинѣ 70-хъ годовъ была распространена въ народѣ апокрифическая рѣчь, говоренная его высочествомъ въ сенатѣ, направленная противъ правленія Екатерины. Ист. Вѣст. 1882, VII, 531.

[2]) Руничъ, 122.

[3]) Castéra, II, 201. Васильчиковъ, III, 30, считаетъ этотъ разсказъ ложнымъ. Это голословное утвержденіе противорѣчитъ его же словамъ, что въ бумагахъ Натальи Алексѣевны были впослѣдствіи найдены какіе-то политическіе проекты, писанные Разумовскимъ (тамъ же, 37).

[4]) Донесеніе Дюрана 8 мая 1775. Cour, 293.

[5]) Письма къ Олсуфьеву, Москва, 1863, 106.

Павлу Петровичу, представлялись рапорты о состояніи кираспрскаго полка [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ, послѣ осмотра полка, Потемкинъ представилъ о преданіи суду вице-полковника Елагина, за допущенные въ полку безпорядки [2]). Все это, естественно, раздражало великаго князя и его поведеніе въ то время во многихъ отношеніяхъ до того напоминало дѣйствія его отца, что внушало лицамъ, имѣвшимъ возможность судить о томъ, непріятныя опасенія относительно того, какимъ образомъ онъ со временемъ станетъ употреблять свою власть [3]).

Между тѣмъ и хорошія отношенія Екатерины къ ея невѣсткѣ уже во второй половинѣ 1774 года измѣнились къ худшему. Причина этой перемѣны лежала въ самомъ характерѣ этихъ двухъ особъ. Еще въ то время, когда Наталья Алексѣевна была на пути въ Россію, Ассебургъ, хорошо знавшій ее съ дѣтства, такъ обрисовалъ ея характеръ [4]):

„Принцесса Вильгельмина до сихъ поръ еще затрудняетъ каждаго, кто бы захотѣлъ разобрать истинные изгибы ея души, тѣмъ заученымъ и повелительнымъ выраженіемъ лица, которое рѣдко ее покидаетъ. Я часто приписывалъ это монотонности дармштадтскаго двора, необыкновенно однообразнаго, и остаюсь еще при мнѣніи, что принцесса будетъ веселѣе въ иной мѣстности, хотя не могу ручаться, чтобы скука отъ пребыванія въ Дармштадтѣ была единственнымъ или главнымъ побужденіемъ къ тому, что есть въ ея поведеніи несвойственнаго молодости. Удовольствія, танцы, наряды, общество подругъ, игры, наконецъ все, что обыкновенно пробуждаетъ живость страстей, не достигаетъ до нея. Среди всѣхъ этихъ удовольствій, принцесса остается сосредоточенною въ себѣ самой, и когда принимаетъ въ нихъ участіе, то даетъ понять, что дѣлаетъ это болѣе изъ угожденія другимъ, чѣмъ по вкусу.

[1]) Гунингъ, 27 марта 1775, С. Р. И. О., XIX, 451. О переводѣ принца дармштадтскаго изъ одной дивизіи въ другую, см. письмо Екатерины въ С. Р. И. О., XLII, 385.

[2]) С. Р. И. О., XXVII, 39.

[3]) Гунингъ, l. c.

[4]) Письмо къ графу Панину 23 апрѣля 1773 г. Баронъ Бюлеръ, 167.

Есть ли это нечувствительность или руководитъ ею въ этомъ случаѣ боязнь показаться ребенкомъ? Не знаю, что сказать и простодушно сознаюсь, что основныя черты этого характера для меня еще покрыты завѣсою. Никто на нее не жалуется; ей оказываютъ такое же довѣріе какъ ея сестрамъ; мать отличаетъ ее; наставники хвалятъ способности ея ума и обходительность права; она не выказываетъ капризовъ; она хотя холодна, но одинакова со всѣми, и ни одинъ изъ ея поступковъ не опровергнулъ еще моего мнѣнія, что сердце ея чисто, сдержанно и добродѣтельно, но что ее поработило честолюбіе. Съ тѣхъ поръ, какъ ей толкуютъ о путешествіи въ Петербургъ, она охотнѣе принимаетъ участіе въ разговорахъ, и видимо съ желаніемъ обогатить себя познаніями. Безъ сомнѣнія, она болѣе чѣмъ ея сестры интересуется этимъ путешествіемъ. Болѣе оживленные предметы, иная среда, иныя развлеченія, болѣе важныя обязанности, болѣе разнообразныя мысли дадутъ болѣе простора ея душѣ, которая нѣкоторымъ образомъ заспула отъ излишняго однообразія теперешнихъ ея занятій. При дворѣ, гдѣ она воспитана, одинъ день походитъ на другой, разговоры и даже увеселенія имѣютъ оттѣнокъ томленія и сухости; возможно и вѣроятно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на нравственное ея расположеніе, но простота двора и примѣръ сестры одни ли только подавили живость и веселость, которыя прежде выказывала принцесса? Нѣтъ ли сокровенныхъ страстей, которыя овладѣли ея разсудкомъ?.. Тысячу разъ ставилъ я себѣ этотъ вопросъ и всегда сознавался, что онѣ недосягаемы для моего глаза. Оканчиваю: насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у нея гордое, первическое, холодное, быть можетъ нѣсколько легкомысленное въ своихъ рѣшеніяхъ, но что еще вѣрнѣе,— открытое и послушное силѣ вѣрнаго сужденія и привлекательности благоразумнаго честолюбія. Ея нравъ и манеры пріобрѣли нѣкоторую небрежность; но они смягчатся, сдѣлаются пріятнѣе и ласковѣе, когда она будетъ жить съ людьми, которые особенно привлекутъ ея сердце. Ожидаю того же отъ направленія ея ума, нынѣ недѣятельнаго и привязаннаго къ

небольшему числу мѣстныхъ идей и невнимательнаго болѣе по привычкѣ, чѣмъ по естественной наклонности, серьезнаго и подчиненнаго нѣкоторымъ предубѣжденіямъ, но который въ иной мѣстности и при иныхъ обязанностяхъ долженъ будетъ пріобрѣсти болѣе обширности, прелести, вѣрности и прочности. Принцесса захочетъ нравиться. Она изъ всего молодаго дармштадтскаго семейства имѣетъ наиболѣе граціи и благородства въ манерахъ и въ характерѣ, точно также какъ она имѣетъ всего болѣе находчивости ума. Эти преимущества уравновѣшиваются недостаткомъ здоровья и красоты и большою неровностью и крутостью нрава".

Получивъ это донесеніе, Екатерина рѣшила, что принцесса Вильгельмина желала быть супругою ея сына, потому что „она всѣхъ честолюбивѣе; кто не интересуется и не веселится ничѣмъ, того заѣло честолюбіе; это неизмѣнная аксіома", сказала Екатерина [1]).

Но честолюбію Натальи Алексѣевны не было мѣста при честолюбіи Екатерины; онѣ не могли симпатизировать другъ другу и первоначальные добрые о ней отзывы Екатерины скоро замѣнились отзывами, въ которыхъ сквозило чувство нелюбви.

Наталья Алексѣевна жаловалась на свою болѣзненность; у ней опасались возникновенія чахотки [2]). „Да и какъ не быть болѣзненною, писала Екатерина Гримму [3]), у этой дамы вездѣ крайности; если мы дѣлаемъ прогулку пѣшкомъ—такъ въ двадцать верстъ; если танцуемъ — такъ двадцать контрдансовъ, столько же менуэтовъ, не считая алемандовъ; дабы избѣгнуть тепла въ комнатахъ—мы ихъ не отапливаемъ вовсе: если другіе натираютъ себѣ лицо льдомъ, у насъ все тѣло дѣлается сразу лицомъ; однимъ словомъ, золотая середина очень далека отъ насъ. Боясь злыхъ, мы не довѣряемъ никому на свѣтѣ, не слушаемъ ни добрыхъ, ни дурныхъ совѣтовъ; словомъ сказать, до сихъ поръ нѣтъ у

[1]) Баронъ Бюлеръ, 167.
[2]) Письмо къ Гримму, С. Р. И. О., XXIII, 16 и 24.
[3]) 12 декабря 1774, ib. 12 и слѣд.

насъ ни въ чемъ ни пріятности, ни осторожности, ни благоразумія, и Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится, потому что мы никого не слушаемъ и рѣшаемъ все собственнымъ умомъ. Послѣ болѣе чѣмъ полутора года, мы не знаемъ ни слова по русски; мы хотимъ, чтобы насъ учили, но мы ни минуты въ день старанія не посвящаемъ этому дѣлу; все у насъ вертится кубаремъ; мы не можемъ переносить то того, то другаго; мы въ долгахъ въ два раза противу того, что мы имѣемъ, а мы имѣемъ столько, сколько едва ли кто-нибудь имѣетъ въ Европѣ".

Въ бытность свою въ Москвѣ, Екатерина совершила (18 мая—6 іюня) поѣздку въ Троицкую Лавру и 27 августа 1775 года писала Гримму [1]): „какъ сказано такъ и сдѣлано. Вы желали, чтобы мое паломничество къ Троицѣ произвело чудо; чтобы небо совершило для молодой великой княгини то же, что нѣкогда сдѣлало оно для Сары и престарѣлой Елизаветы. Моленія ваши услышаны: великая княгиня беременна и здоровье ея, кажется укрѣпилось" [2]).

Беременность великой княгини ускорила возвращеніе двора въ Петербургъ. Павелъ Петровичъ и Наталья Алексѣевна выѣхали изъ Москвы въ Царское Село 7-го, а Екатерина 20 декабря 1776 года.

10 апрѣля 1776 года, въ Ѳомино воскресенье, Наталья Алексѣевна почувствовала приближеніе мукъ. Великій князь [3]) поутру въ четвертомъ часу пришелъ къ Императрицѣ и объявилъ, что великая княгиня мучится съ полуночи; но какъ муки были не сильныя, то мѣшкали будить Екатерину. Она встала, пошла къ великой княгинѣ, нашла ее въ порядочномъ состояніи, пробыла у ней до десяти часовъ утра, и видя, что она имѣетъ не прямыя еще муки, пошла одѣ-

[1]) С. Р. И. О., XXIII, 33.

[2]) Un an et demi après son mariage elle devint grosse, mais tout le monde se disait à l'oreille que ce n'était pas de son époux. Frédéric, VI, 120.

[3]) О. В., I, 141. Письмо Екатерины къ кн. Волконскому. Ср. письма къ Гримму, Брауну и Бѣлке. С. Р. И. О., XXVII, 79—81, къ Козьмину, тамъ же, XLII, 346 и къ Кашкину, Р. С. 1882, № 7, 24.

ваться, и вновь къ ней возвратилась въ 12 часовъ. Къ вечеру муки были такъ сильны, что всякую минуту ожидали ея разрѣшенія. И тутъ при ней, кромѣ Императрицы, великаго князя, графини Е. М. Румянцовой, самой лучшей въ городѣ бабки и ея камеръ-фрау, никого не было; лекарь же и докторъ ея были въ передней. Ночь вся прошла и боли были перемѣнныя со сномъ: Наталья Алексѣевна иногда вставала, иногда ложилась, какъ ей угодно было. Другой день всѣ проводили такимъ же образомъ, но уже призваны были врачи Крузе и Тоде. Ихъ совѣту слѣдовала бабка, но безъ успѣха оставалась благая надежда. Во вторникъ потребованы были доктора Рожерсонъ и Линдеманъ, ибо бабка нашла разрѣшеніе невозможнымъ. Въ среду Тоде допущенъ былъ, но ничто не могъ предуспѣть. Дитя уже было мертво, но врачи старались еще спасти жизнь матери. Въ четвергъ, принцъ прусскій Генрихъ, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ, предложилъ услуги своего доктора. Произошло новое совѣщаніе и врачи объявили, что усилія ихъ останутся тщетными. Близился смертный часъ молодой великой княгини. Со всепрощающимъ словомъ христіанскаго милосердія предсталъ предъ нею ея другъ, ея законоучитель, ея духовный отецъ, архіепископъ Платонъ. Предъ лицомъ служителя алтаря Божія, Наталья Алексѣевна отдала Богу душу [1]).

Въ тотъ же день Екатерина вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ и принцемъ Генрихомъ переѣхала въ Царское Село и на слѣдующій день послала оттуда приказаніе И. И. Бецкому, что кой часъ тѣло вынесутъ, онъ бы приказалъ выдрать обои изъ четырехъ комнатъ, т.-е. зеленые въ спальнѣ, полосатые въ кабинетѣ, штофные въ кабинетѣ и въ малиновой спальнѣ. Обои, стулья, канапеи и ковры отдать надлежитъ преосвященному Платону въ собственность, а альковы

[1]) Въ пятницу, 15 апрѣля 1776, въ 5 ч. по-полудни. О причинахъ смерти Натальи Алексѣевны, заключавшихся въ физическомъ ея недостаткѣ, см. С. Р. И. О., XXVII, 95 и Asseburg, 270. Этимъ опровергаются передаваемыя въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ слухи о неестественной ея кончинѣ. Ср. Wraxall, Historical memoirs of my own time. London, 1815, I, 194.

и перегородки деревянныя приказалъ бы ломать; ломать же должно скорѣе по причинѣ духа, а наипаче чуланы позади штофнаго кабинета, и то съ осторожностью для здоровыхъ людей, ибо вонь песносная уже при ней была... [1]).

Екатерина и Павелъ Петровичъ пробыли въ Царскомъ Селѣ до 26 апрѣля, когда Императрица пріѣхала въ Петербургъ для погребенія, въ Невской Лаврѣ, тѣла усопшей великой княгини, и въ тотъ же день возвратилась въ Царское Село. Цесаревичъ на похоронахъ не былъ.

На слѣдующій день, Екатерина, черезъ фельдмаршала князя Голицына, объявила графу Андрею Разумовскому повелѣніе ѣхать въ Ревель до дальнѣйшаго о немъ опредѣленія [2]).

Наталья Алексѣевна управляла мужемъ деспотически, не давая себѣ даже труда выказывать малѣйшей къ нему привязанности. Въ выборѣ членовъ своего общества, своихъ удовольствій и даже въ своемъ образѣ мыслей, онъ вполнѣ подчинился ей. Она не дозволяла ему пользоваться его умомъ; онъ былъ живъ и подвиженъ,—сдѣлался тяжелъ и апатиченъ. Съ своей стороны она была управляема графомъ Разумовскимъ, который, въ свою очередь, получалъ наставленія и большую часть доходовъ отъ посланниковъ бурбонскихъ дворовъ. Екатерина замѣтила это поведеніе невѣстки, дѣлала ей наставленія, но безуспѣшно. Великая княгиня была честолюбива и рѣшительна и еслибы смерть не прекратила ея дѣятельности, то между ею и Екатериною вѣроятно возникла бы борьба.

Таковы отзывы о Натальѣ Алексѣевнѣ англійскихъ дипломатовъ [3]), не лишенные кажется основанія.

Менѣе трехъ лѣтъ провела она въ Россіи. Перенесенная изъ скромнаго уголка Германіи въ столицу Сѣверной Семирамиды, молодая великая княгиня встрѣтила общество, нравы котораго далеко отходили отъ ею созданныхъ идеаловъ.

---

[1]) Р. А., 1878, VII, 279.

[2]) Р. А., 1878, VII, 280.

[3]) Coxe, 296; депеша англійскаго посланника Гарриса, 14 октября 1778. Harris, I, 182.

Она видѣла какъ Васильчиковъ, только-что замѣнившій Орлова, былъ замѣненъ Потемкинымъ, Потемкинъ Завадовскимъ. Съ грустію взирала она на своего супруга, пылкаго желаніемъ добра, но затмѣваемаго фаворитами и не имѣвшаго возможности завоевать себѣ подобающее ему мѣсто. Гордое сердце ея было уязвлено. Не имѣя подлѣ себя никого, кто бы могъ дать ей совѣтъ, разрѣшить ея сомнѣнія, укрѣпить ее въ минуты горя, встрѣчая въ своей свекрови недовѣріе и подозрительность, молодая женщина почувствовала разочарованіе. Страдальческою кончиною искупила она свое увлеченіе.

Одно лишь лицо почтило память Натальи Алексѣевны молитвою и слезами. То былъ архіепископъ Платонъ. „Къ сей сущей его печали, Императрица, примѣтивъ, по неотступному его при смерти умирающей княгини пребыванію, что-то для себя неугодное (о чемъ да не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ), и потому заключивъ въ себѣ что-то для Платона невыгодное, прежнее къ нему благоволеніе, примѣчательно, хотя не отмѣнила, но уменьшила, что и было послѣдствіемъ многихъ потомъ непріятныхъ для Платона приключеній“ [1]).

Мы уже упоминали, что брата великой княгини Натальи Алексѣевны принца Людвига сопровождалъ въ Петербургъ Гриммъ. Пробывъ нѣсколько времени при дворѣ Екатерины и пріобрѣтя званіе ея корреспондента, Гриммъ въ апрѣлѣ 1774 года уѣхалъ за границу вмѣстѣ съ порученными его попеченію младшими сыновьями фельдмаршала графа Румянцова—Николаемъ и Сергѣемъ. Совершивъ съ ними путешествіе по Германіи, Франціи и Италіи, Гриммъ привезъ ихъ въ Россію въ сентябрѣ 1776 года, и на этотъ разъ пробылъ въ Петербургѣ почти круглый годъ.

Въ это время Екатерина вновь обратила вниманіе на Бобринскаго. Въ 1776 году ему минуло 14 лѣтъ и нужно было серьезно подумать о его воспитаніи.

---

[1]) Записки Платона, Снегиревъ II, 37.

Причина долговременнаго пребыванія Гримма въ Петербургѣ въ 1776—1777 годахъ и заключалась въ томъ, что Екатерина предлагала ему взять на себя воспитаніе Бобринскаго. Хотя Гриммъ, въ своей автобіографіи, умалчиваетъ объ этомъ, но показаніе наше основывается на засвидѣтельствованіи тогдашняго французскаго посланника въ Петербургѣ, маркиза Жюнье [1]). Гриммъ, какъ нѣкогда пріятель его Даламберъ, отказался отъ предложенной ему Екатериною чести и Бобринскій остался на попеченіи И. И. Бецкаго.

[1]) Неизданныя депеши его въ архивѣ Р. И. О.

IX.

Еще не успѣло остыть тѣло усопшой великой княгини Натальи Алексѣевны, какъ Екатерина озаботилась избраніемъ Павлу Петровичу другой супруги [1]). Выборъ ея остановился на принцессѣ Софіи Доротеѣ виртембергской, которая еще съ 1767 года обращала на себя ея вниманіе.

Пребываніе въ Петербургѣ двоюроднаго дѣда принцессы, принца Генриха прусскаго [2]), облегчило дѣло сватовства.

Пріѣздъ принца въ Россію вызванъ былъ слѣдующимъ [3]):

Немедленно послѣ заключенія договора о первомъ раздѣлѣ Польши, въ Варшавѣ возникли недоразумѣнія относительно владѣній, которыя должны были быть переданы каждой изъ трехъ договаривавшихся сторонъ—Россіи, Австріи и Пруссіи. Поляки обвиняли Австрію и Пруссію въ томъ, что онѣ распространили границы своихъ пріобрѣтеній за предѣлы, которые были выговорены въ трактатѣ. Жалобы эти произвели впечатлѣніе на Императрицу Екатерину. Дабы предупредить послѣдствія, которыя могло имѣть ея неудовольствіе, Фридрихъ II рѣшился отправить въ Петербургъ своего брата Генриха. Принцъ пріѣхалъ при обстоятельствахъ тяжелыхъ. Едва опъ

---

[1]) Записка ея 15 апрѣля 1776. С. Р. И. О., XXVII, 78.

[2]) Бабка (по матери) принцессы Софіи Доротеи, была принцесса Доротея прусская, сестра принца Генриха и короля Фридриха II.

[3]) Frédéric, VI, 120.

былъ принятъ Екатериною, какъ Наталья Алексѣевна скончалась. Принцъ присутствовалъ при этомъ несчастномъ событіи, поддержалъ и укрѣпилъ, на сколько могъ, Павла Петровича и примирилъ мать съ сыномъ, несогласія и нелюбовь между которыми, значительно увеличившіяся со времени брака Павла Петровича, грозили въ будущемъ прискорбными послѣдствіями.

По просьбѣ Екатерины, принцъ Генрихъ, 16 апрѣля 1776 года, не другой день смерти Натальи Алексѣевны, писалъ своей племянницѣ, принцессѣ Фридерикѣ Доротеѣ Софіи виртембергской, приглашая ее прибыть въ Берлинъ съ двумя ея дочерьми, Софіею Доротеею и Фридерикою Елизаветою. Онъ предварялъ ее, что Павелъ Петровичъ пріѣдетъ туда же познакомиться съ Софіею Доротеею прежде чѣмъ просить ея руки.

Съ подобнаго же рода письмами принцъ Генрихъ обратился къ своимъ братьямъ, Фердинанду и королю Фридриху II.

Послѣдній, видя въ предположенномъ бракѣ выгодныя для себя стороны, энергически принялся за его осуществленіе.

Однимъ изъ препятствій къ заключенію этого брака было то, что Софія Доротея только что обручена была съ принцомъ Людвигомъ гессенъ-дармштадтскимъ, братомъ покойной Натальи Алексѣевны. [1]). Фридрихъ II, не спросивъ даже мнѣнія принцессы виртембергской, призвалъ къ себѣ принца Людвига, находившагося въ то время въ Берлинѣ и предложилъ ему отказаться отъ даннаго ему обѣщанія. Принцъ, этотъ глупый и долговязый юнопа, исполнилъ это предложеніе и затѣмъ отправился пасти гусей съ пенсіею изъ русской казны по 10,000 рублей въ годъ [2]).

Другое необходимое условіе вступленія Софіи Доротеи въ бракъ съ Павломъ Петровичемъ, переходъ ея въ православіе, также не встрѣтилъ затрудненій. Оказалось, что она не была еще конфирмована. Къ тому же принцъ Генрихъ утверждалъ, что нечего страниться перемѣны вѣроисповѣданія, потому

[1]) 26 марта 1776 г. см. С. Пб. Вѣдомости, 1776. № 34.

[2]) Выраженія Екатерины въ письмахъ къ Гримму, С. Р. И. О., XXIII. 12 и 50.

что все дѣло заключается почти въ одномъ названіи. Онъ переслалъ принцессѣ-матери, дабы успокоить ея сомнѣнія и утѣшить Софію Доротею, исповѣданіе вѣры, произнесенное покойною Натальею Алексѣевною, при ея муропомазаніи, и которое, по его мнѣнію, мало разнилось отъ лютеранскаго и совѣтывалъ избрать просвѣщеннаго пастора, который могъ бы объяснить молодой принцессѣ, что, будучи въ состояніи составить счастіе семьи, союзъ Пруссіи и Россіи, благоденствіе народовъ и частныхъ лицъ, она можетъ быть увѣренною, что подчинится для сего обрядамъ — значитъ служить Богу; убѣжденія же, которыя она хранитъ въ глубинѣ сердца и ея чувства, останутся при ней. Въ Россіи на этотъ счетъ вовсе не строги, прибавлялъ онъ, а архіепископъ Платонъ человѣкъ разумный и умѣренный, такъ что принцессѣ нечего питать предубѣжденія противу перемѣны, которая отъ нея требовалась.

Конечно, нашелся и просвѣщенный лютеранскій пасторъ, который разрѣшилъ сомнѣнія Софіи Доротеи и успокоилъ опасенія ея матери. Его сужденія и совѣты, данные Софіи Доротеѣ, доказали, что еслибы религія не была часто искажаема или ложнымъ энтузіазмомъ или нетерпимостью, то встрѣчалось бы болѣе истинныхъ христіанъ и личностей, менѣе предубѣжденныхъ противу истиннаго характера религіи. Убѣдясь этими доводами, Софія Доротея немедленно занялась изученіемъ православнаго символа вѣры [1]).

Фридрихъ II, съ своей стороны, выставлялъ принцессѣ виртембергской матери всѣ матеріальныя выгоды брака ея дочери; 40,000 рублей, назначенные Екатериною на поѣздку принцессы въ Берлинъ (и въ счетъ которыхъ Фридрихъ выдалъ ей 10,000 талеровъ) могли послужить добрымъ подспорьемъ ея финансамъ; приданое, которое должно было дать виртембергское герцогство, можно было положить себѣ въ карманъ, потому что невѣстѣ ничего не было нужно, кромѣ пары платьевъ; наконецъ можно было пристроить многочис-

[1]) Glaubensbekenntniss der Grossfürstin Maria Feodorowna, 1775, den 14 September. S. l. et a. 4°.

лепныхъ членовъ виртембергскаго семейства и выхлопотать приданое двумъ другимъ дочерямъ принцессы, что и обѣщала Екатерина.

Благополучно устранивъ встрѣтившіяся затрудненія, Фридрихъ II сталъ торопить пріѣздъ принцессы виртембергской въ Берлинъ, настоятельно требуя, чтобы она пріѣхала туда ранѣе Павла Петровича, такъ какъ Фридрихъ считалъ нужнымъ передать ей тысячи подробностей, которыя ей необходимо было знать, главнымъ образомъ, относительно ея дочери. Въ то же время онъ горячо рекомендовалъ молодую принцессу Екатеринѣ [1]).

Переговоры о предстоящемъ бракѣ рѣшено было, однако, хранить до времени въ тайнѣ. Принцесса виртембергская объявила, что она предполагаетъ только съѣздить въ Кассель, навѣстить свою сестру, принцессу гессенскую, а оттуда въ Берлинъ, повидаться съ другою сестрою, женою принца Фердинанда прусскаго. Павелъ Петровичъ говорилъ, что желая разсѣяться и прогуляться, онъ предпринимаетъ поѣздку въ Ригу.

Но видимо всѣ стороны интересовались скорымъ исходомъ дѣла. Курьеръ за курьеромъ мчались изъ Петербурга въ Берлинъ, изъ Берлина въ Монбельяръ и обратно и менѣе чѣмъ въ два мѣсяца дѣло было слажено.

Перечитывая переписку объ этомъ сватовствѣ [2]), нельзя не замѣтить, что лица, принимавшіе въ немъ участіе, не считали нужнымъ упоминать о мнѣніяхъ Павла Петровича и Софіи Доротеи. Они заранѣе рѣшили, что бракъ ихъ долженъ состояться. Екатерина, конечно, вела объ этомъ бесѣду съ сыномъ и вотъ въ какихъ словахъ передаетъ ее. Приводимъ ея слова въ подлинникѣ, боясь что въ переводѣ они утратятъ свою образность [3]). „Ayant vu le vaisseau renversé d'un côté, je n'ai pas perdu de temps; je l'ai jeté de l'autre et tout de suite j'ai mis les fers au feu pour réparer la perte, et par là j'ai réussi à dissiper la profonde dou-

[1]) Письмо 2 іюля 1776. С. Р. И. О., XX, 354.
[2]) С. Р. И. О., IX.
[3]) Письмо къ Гримму 29 іюля 1776. С. Р. И. О., XXII, 49.

leur qui nous accablait. J'ai commencé par proposer des voyages, des allées, des venues, et puis j'ai dit: mais les morts étant morts, il faut penser aux vivants; puisqu'on a cru être heureux, qu'on a perdu cette croyance, faut-il désespérer de la reprendre? Allons, cherchons, cette autre, mais qui? Oh, j'en ai en poche. Comment, déjà? Oui, oui et même un bijou; et ne voilà-t-il pas la curiosité en mouvement: qui est-ce? Mais comment? est-elle brune, blonde, petite, grande? — Douce, jolie, charmante, un bijou, un bijou. Un bijou est réjouissant; cela fait sourire; de fil en aiguille, on appelle pour troisième certain voyageur leste [1]), qui fait pester ceux qu'il laisse en arrière; arrivé depuis peu exactement pour consoler, pour distraire; le voilà établi, entremetteur, pourparleur; courrier expédié, courrier retourné, voyage arrangé, entrevue menagée; tout cela avec une célérité inouïe, et voilà que les coeurs serrés commencent à se dilater; les voilà tristes, mais occupés par nécessité d'arrangements de voyage indispensable pour la santé et pour la distraction. Donnez-nous en attendant un portrait, c'est fort innocent. — Un portrait? il y en a peu qui plaisent; une peinture ne fait aucun effet; le premier courrier en apporte; à quoi-bon cela? il pourrait faire une impression désagréable. Eh bien, il vaut mieux le laisser dans sa boîte; le voilà huit jours tout empaqueté là où on l'a mis à son arrivée, sur ma table à côté de mon écritoire. Mais est-il joli? Selon les goûts: moi je le trouve très du mien; enfin il fut regardé, et tout de suite empoché et puis regardé, et enfin il occupa et pressa les arrangements de voyage".

На сколько Екатерина была увѣрена въ успѣхѣ задуманнаго ею дѣла, видно изъ того, что уже 18 апрѣля она поручила фельдмаршалу графу Румянцеву, бывшему тогда въ Малороссіи, налегкѣ и наиноспѣшнѣйше пріѣхать въ Царское Село, имѣя особливую нужду сдѣлать его участникомъ въ вѣрномъ, нужномъ и пріятномъ дѣлѣ, о коемъ она не хотѣла ему объявить, какъ при свиданіи съ нимъ [2]).

[1]) Принцъ Генрихъ.

[2]) Сочиненія Императрицы Екатерины II. Спбгъ, 1850, III, 240.

Румянцевъ прибылъ въ Царское Село 28 мая и Екатерина объявила ему, что поручаетъ ему сопровождать Павла Петровича въ Берлинъ.

Впрочемъ, Павелъ Петровичъ не могъ противиться идеѣ втораго брака, потому что, какъ выразился графъ Н. И. Панинъ, открывшійся смертью Натальи Алексѣевны ея внутренній образъ жизни перемѣнилъ чувства супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ [1]). Дѣйствительно, Павелъ Петровичъ утѣшился скоро. Два мѣсяца, слѣдовавшіе за кончиною Натальи Алексѣевны (15 апрѣля—13 іюня), провелъ онъ вмѣстѣ съ Екатериною въ Царскомъ Селѣ. Жизнь ихъ тамъ нисколько не отличалась отъ прежней. Увеселительныя поѣздки въ Танцы, Гатчину и Петергофъ, крестины, свадьбы, представленія назначенныхъ въ кавалергардскій корпусъ офицеровъ и сержантовъ, концерты и спектакли возобновились немедленно послѣ похоронъ Натальи Алексѣевны.

Въ самый день этихъ похоронъ, 26 апрѣля, Екатерина посѣтила Смольный монастырь, а 30 апрѣля монастырь праздновалъ первый выпускъ своихъ питомицъ [2]). Изъ числа окончившихъ курсъ воспитанницъ, Екатерина взяла ко двору Алымову, Борщову, Левшину, Молчанову и Нелидову. Онѣ переѣхали въ Царское Село и начали примѣнять къ дѣлу познанія, пріобрѣтенныя ими въ теченіе двѣнадцатилѣтняго курса, подъ главнымъ руководствомъ И. И. Бецкаго. Познанія эти заключались въ умѣньи бѣгло говорить по французски, танцовать, пѣть и играть на театрѣ.

Въ переговорахъ о второмъ бракѣ Павла Петровича не принималъ никакого участія бывшій его воспитатель, графъ Н. И. Панинъ. Страдая, съ марта 1776 года, отъ водяной, онъ не покидалъ комнаты и находилъ, что участвовать въ этомъ дѣлѣ ему безвредно было невозможно [3]). Цесаревичъ не имѣлъ даже случая сообщить ему о своей поѣздкѣ въ Берлинъ, что

---

[1]) Неизданное письмо графа Панина къ князю Н. В. Репнину въ Архивѣ Р. И. О.

[2]) Описаніе этого торжества, см. въ Спб. Вѣдомостяхъ 1776, № 40—42.

[3]) То же письмо къ князю Репнину.

и объяснялъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ къ одному изъ бывшихъ своихъ кавалеровъ, тогда посланнику въ Копенгагенѣ, К. И. Сакену [1]):

„Про меня говорятъ, что я выказывалъ мало участія графу Панину во время его болѣзни, и не захотѣлъ довѣриться ему касательно моей поѣздки въ Берлинъ. Я на это отвѣчу, что въ то время, когда онъ заболѣлъ, я находился на дачѣ и самъ былъ боленъ лихорадкою. Такъ какъ я жилъ въ Царскомъ Селѣ, то и не могъ безъ большихъ затрудненій ѣздить въ городъ, что вы сами знаете не хуже меня, а какъ моя поѣздка хранилась въ тайнѣ, то я не могъ и говорить о ней съ кѣмъ бы то ни было, менѣе же всего съ графомъ Панинымъ, отъ котораго я находился въ 27 верстахъ".

Между тѣмъ изъ Берлина получены были извѣстія о согласіи принцессы виртембергской на бракъ ея дочери, и 13 іюня 1776 г. Павелъ Петровичъ, въ сопровожденіи графа Румянцева, Салтыкова, камергера Нарышкина, камеръ-юнкера князя Куракина, секретаря Николаи и хирурга Бека, отправился въ Берлинъ.

На слѣдующій день выѣхалъ изъ Царскаго Села принцъ Генрихъ, въ сопровожденіи Е. П. Кашкина, камергера Нелединскаго-Мелецкаго и камеръ-юнкера князя Долгорукова. Лица эти должны были остановиться въ Ригѣ и ожидать прибытія принцессы Софіи Доротеи.

Наконецъ, въ самый день пріѣзда Павла Петровича въ Берлинъ, Екатерина, вполнѣ уже увѣренная въ успѣхѣ дѣла, отправила навстрѣчу Софіи Доротеи, въ Мемель, графиню Румянцову, Алымову, Молчанову и П. И. Пастухова.

Дѣйствительная цѣль поѣздки графини Румянцовой также хранилась въ тайнѣ. Говорили, что графиня поѣхала осмотрѣть порученное ей мужемъ имѣніе [2]).

---

[1]) Письмо 4 февраля 1777, С. Р. И. О., XX, 411.
[2]) С. Р. И. О., XXVII, 87.

Къ стр. 135.

I.

1.
Фридрихъ-Вильгельмъ I
Король Прусскій.
(1688—1740).

II.

2.
Фридрихъ II
Король Прусскій.
(1712—1786).

3.
Софія Доротея Марія
(1719—1765)
въ замужествѣ за:
Фридрихомъ-Вильгельмомъ,
Маркграфомъ Бранденбургъ-Шведтскимъ *).
(1700—1771).

4.
Вильгельмъ
(1722—1758)
супруга:
Луиза-Амалія
Брауншвейгъ-Вольфенбютельская.
(1722—1780).

5.
Генрихъ.
(1726—1802).

6.
Фердинандъ
(1730—1813)
супруга:
Анна Елизавета Луиза,
дочь Фридриха Вильгельма
Бранденбургъ-Шведтскаго.
(1730—1820).
См. № 8.

III.

7.
Фридерика Софія Доротея
(1736—1798)
въ замужествѣ за:
Фридрихомъ Евгеніемъ
Принцомъ Виртенбергскимъ.
(1732—1797).

8.
Анна Елизавета Луиза
(1739—1820)
въ замужествѣ за:
Фердинандомъ
Принцомъ Прусскимъ.
(1730—1813).
См. № 6.

9.
Филиппина Августа Амалія
(1745—1800)
въ замужествѣ за:
Фридрихомъ II
Гессенъ-Кассельскимъ.
(1720—1781).

10.
Фридрихъ-Вильгельмъ II
Король Прусскій.
(1744—1797)
супруга:
Фридерика Луиза
Гессенъ-Дармштадская,
сестра **Великой Княгини**
Натальи Алексѣевны.
(1738—1820).

IV.

11.
Софья Доротея Августа Луиза
(1759—1828)
Великая Княгиня
Марія Ѳедоровна.

*) Ему наслѣдовалъ его братъ, Фридрихъ-Генрихъ (1709—1788) послѣдній Маркграфъ Бранденбургъ-Шведтскій.

X.

Принцесса Софія Доротея виртембергская была дочерью принца Фридриха Евгенія и его супруги, Фридерики Доротеи Софіи, дочери маркграфа бранденбургъ-шведтскаго. Маркграфъ женатъ былъ на сестрѣ короля прусскаго, и такимъ образомъ принцесса виртембергская мать приходилась племянницею, а юная принцесса Софія Доротея—двоюродною внучкою Фридриха Великаго [1]).

Принцъ Фридрихъ Евгеній состоялъ первоначально въ прусской военной службѣ и принималъ участіе въ семилѣтней войнѣ. Въ 1769 году возвратился онъ на родину и вступилъ, какъ глава младшей линіи виртембергскаго дома, въ управленіе княжествомъ Монбельяръ.

Семейство принца было многочисленно: у него было восемь сыновей и четыре дочери.

Старшая изъ его дочерей, Софія Доротея, родилась $^{14}/_{25}$ октября 1759 года въ Штетинѣ, мѣсторожденіи Императрицы Екатерины.

Въ счастьи и скромномъ довольствѣ проводило это семейство свои дни въ замкѣ Монбельяра. Принцесса-мать сама занималась воспитаніемъ дѣтей. Женщина свѣдущая и умная, она дала имъ отличное образованіе, подъ вліяніемъ только что распространявшихся идей Руссо [2]). Четверо старшихъ ея сыновей воспитывались въ Лозаннѣ.

---

[1]) См. прилагаемую таблицу № 1.

[2]) См. мою статью: Екатерина II и Руссо въ Ист. Вѣст. 1883, № 6.

Юная принцесса Софія Доротея рано обратила на себя вниманіе Императрицы Екатерины. Ассебургъ, которому, какъ мы уже говорили, поручено было ознакомиться съ молодыми германскими принцессами, изъ коихъ могъ бы быть сдѣланъ выборъ невѣсты Цесаревичу Павлу Петровичу, еще съ 1768 года неоднократно доносилъ Екатеринѣ, что принцесса Софія Доротея очень хороша собою и по своимъ лѣтамъ чрезвычайно развита, въ особенности физически [1]). Въ то же время онъ выставлялъ на видъ дѣтскую довѣрчивость (abandon) и совершенную откровенность ея характера и говорилъ о ней какъ объ юной особѣ, полной любезности и доброты. Молодые годы принцессы послужили тогда препятствіемъ ко вступленію ея въ бракъ [2]).

Конечно, въ то время и сама принцесса менѣе думала о бракѣ, чѣмъ о невинныхъ играхъ съ сестрами и подругами. Судьба послала ей съ дѣтства двухъ сверстницъ, добрыя отношенія съ которыми принцесса сохранила на всю жизнь.

То были баронесса Юліана Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, вышедшая замужъ за Бенкендорфа и переселившаяся впослѣдствіи въ Россію, и графиня Генріетта фонъ-Вальднеръ, въ замужствѣ баронесса Оберкирхъ. Въ своей дружеской перепискѣ принцесса Софія Доротея постоянно называетъ первую уменьшительнымъ именемъ Tille, а вторую—Lane. Это послѣднее прозваніе требуетъ объясненія.

На одномъ изъ маскарадовъ въ Монбельярѣ, графиня Вальднеръ явилась въ каталанскомъ костюмѣ и младшій братъ принцессы Софіи Доротеи, играя съ нею, называлъ ее Lane, Lane (два послѣдніе слога слова Catalane). Это прозваніе и сохранилось навсегда за графинею Вальднеръ.

Записки, оставленныя баронессою Оберкирхъ, будутъ еще долгое время служить однимъ изъ главныхъ пособій для тѣхъ,

---

[1]) Asseburg, 243 — 257. Екатерина имѣла даже мысль пригласить, въ 1771 г., принцессу въ Петербургъ и здѣсь довершить ея воспитаніе. Ib., 277. С. Р. И. О., XIII, 66, 85, 92, 108 и 139.

[2]) Во время первой свадьбы Павла Петровича, принцессѣ Софіи Доротеѣ не было еще и четырнадцати лѣтъ.

которые пожелаютъ ознакомиться съ характеромъ и жизнью принцессы Софіи Доротеи [1]).

Мало свѣдѣній сохранилось о годахъ юности принцессы Софіи Доротеи. Извѣстно только, что съ дѣтства интересовалась она Россіею, ея исторіею и географіею, личностью Петра Великаго и что воспитатель ея братьевъ, Мауклеръ, долженъ былъ часто удовлетворять любознательнымъ объ этомъ вопросамъ принцессы.

Принцесса была очень хороша собою и имѣла превосходное сердце. Хотя она была близорука, но глаза ея были прелестны и ихъ чудное выраженіе служило какъ бы отпечаткомъ ея чистой души. Она внушала любовь всѣмъ ее окружавшимъ и никто болѣе ея не заслуживалъ любви. Естественная, умная, но не желавшая блистать умомъ, чуждая всякаго кокетства, она въ особенности отличалась нѣжною кротостью и добротою [2]).

Среди тихой жизни въ Монбельярѣ и другомъ лѣтнемъ дворцѣ княжества, Этюпѣ, безмятежно протекали дни Софіи Доротеи.

Посѣтившій Монбельяръ принцъ Людвигъ гессенъ-дармштадскій плѣнился ея красотою и сдѣлалъ ей предложеніе. Софія Доротея была къ нему довольно равнодушна, но, тронутая его вниманіемъ, согласилась, послѣ долгихъ колебаній, на этотъ бракъ [3]).

Но лишь только дано было ея согласіе, какъ смерть великой княгини Натальи Алексѣевны все измѣнила. Извѣщая принцессу виртенбергскую-мать объ этомъ прискорбномъ событіи, Фридрихъ II просилъ для Павла Петровича руки Софіи Доротеи, увѣдомляя ее въ то же время, что принцъ гессенъ-дармштадтскій готовъ отказаться отъ своего предложенія. Принцъ письменно подтвердилъ этотъ отказъ [4]).

---

[1]) На основаніи этихъ записокъ составлена брошюра Шпитцлера, Marie Féodorowna avant son élèvation au trône de Russie. Halle, 1865.

[2]) Oberkirch, I, 39.

[3]) Oberkirch, I, 68.

[4]) С. Р. И. О., IX, 18. Ср. письмо Фридриха къ принцу Генриху 9 мая 1776. Oeuvres, XXV. 380.

Величественная будущность, открывавшаяся предъ принцессою Софіею Доротеею, не давала мѣста колебаніямъ. Предварительное согласіе и ея, и ея родителей дано было немедленно.

Софія Доротея, которой шелъ тогда семнадцатый годъ, съ дѣтскою радостью говорила о томъ, что ее ожидало и надѣялась быть вполнѣ счастливою; она называла себя очарованною принцессою (la plus enchantée des princesses de l'univers). Величіе Екатерины нѣсколько страшило ее. „Императрица, говорила она, наводитъ на меня робость; я покажусь ей совершенной простушкой (niaise), но,—прибавляла она не безъ увѣренности въ силѣ своихъ нравственныхъ качествъ,—лишь бы мнѣ удалось понравиться Императрицѣ и великому князю“ [1]). Начались приготовленія къ поѣздкѣ ея въ Берлинъ. Принцессу долженъ былъ сопровождать туда ея отецъ и два старшіе брата, такъ какъ ея мать желала пріѣхать въ Берлинъ лишь послѣ перваго свиданія ея дочери съ Павломъ Петровичемъ.

Но радость и свѣтлыя надежды принцессы Софіи Доротеи не побороли тяжелаго чувства разлуки съ роднымъ очагомъ, съ братьями, сестрами и всѣмъ, что ее окружало въ счастливые годы ея тихаго дѣтства. Послѣднія минуты прощанія вызвали слезы у всѣхъ присутствовавшихъ; въ обморокѣ внесли Софію Доротею въ карету.

1 іюля 1776 года принцесса пріѣхала въ Потсдамъ.

---

[1]) Oberkirch, I, 72.

XI.

Путешествія, даже царственныхъ особъ, требовали тогда много времени, и остановки для ночлеговъ считались необходимыми. Пріѣхавъ 20 іюня въ Ригу, Павелъ Петровичъ дожидался тамъ принца Генриха, который долженъ былъ проводить его въ Берлинъ. Они пробыли два дня въ этомъ городѣ. Послѣдній изъ курляндскихъ герцоговъ, Петръ, сынъ знаменитаго Бирона, пріѣхалъ въ Ригу навстрѣчу путешественникамъ, чтобы представиться имъ, прежде чѣмъ принять ихъ въ своемъ замкѣ въ Митавѣ, куда они прибыли 22 іюня. Оттуда принцъ Генрихъ отправился впередъ, чтобы на границѣ Пруссіи встрѣтить царственнаго гостя своего брата. При выѣздѣ изъ Полангена, къ Павлу Петровичу явился прусскій генералъ-лейтенантъ Лентулусъ, посланный къ нему изъ Берлина Фридрихомъ II съ порученіемъ сопровождать его въ пути. Приближаясь, 26 іюня, къ Мемелю, Павелъ Петровичъ вновь увидѣлъ друга своей матери, принца Генриха, окруженнаго почти царскою свитою.

Тогда-то, говоритъ Фридрихъ II въ своихъ запискахъ [1]), начался постоянный праздникъ отъ границъ Россіи до Берлина, гдѣ роскошь и вкусъ оспаривали другъ у друга участіе въ почестяхъ, отдаваемыхъ знаменитому иностранцу. Прусскій король льстилъ гордости своей союзницы почестями,

[1]) Oeuvres, VI, 120.

которыми онъ окружалъ ея сына. Почтальоны, партіями по двѣнадцати и по двадцати, въ праздничной формѣ играющіе въ рожки, шпалеры войскъ, почетные караулы, тріумфальныя арки съ разноязычными надписями и девизами, дожди букетовъ и вѣнковъ, спектакли и концерты, депутаціи молодыхъ дѣвушекъ, депутаціи представителей искусствъ и ремеслъ, поднесеніе медалей, привѣтствія и рѣчи въ прозѣ и въ стихахъ, между которыми замѣчены были стихотворенія г-жи Каршъ (die Karschin) тогдашней десятой германской музы, ничто не было забыто, всему этому отведено было мѣсто при встрѣчахъ Павла Петровича.

Среди праздниковъ и торжествъ, сопутствуемый восторгомъ народа, опьяненнаго славою своего короля-полководца, Павелъ Петровичъ достигъ, въ воскресенье, 10 іюля, столицы Пруссіи, въ которую онъ въѣхалъ въ парадной каретѣ, запряженной восемью лошадьми, имѣя по правую руку принца Генриха.

Громъ пушекъ, звукъ музыки и звонъ колоколовъ едва покрывали клики толпы и весь шумъ необычнаго для Берлина движенія. Послѣдняя тріумфальная арка возвышалась передъ мостомъ, украшеннымъ статуею великаго курфюрста; еще нѣсколько шаговъ, и Павелъ Петровичъ, къ закату дня, подъѣхалъ ко дворцу Фридриха.

Фридрихъ вышелъ навстрѣчу своего царственнаго гостя къ дверямъ своихъ апартаментовъ, гдѣ принцъ Генрихъ представилъ ему Павла Петровича. „Государь, сказалъ великій князь [1]), причины, которыя привели меня съ дальняго сѣвера къ этимъ счастливымъ странамъ, заключаются въ желаніи увѣрить Васъ въ дружбѣ, которая должна соединять Россію и Пруссію, и нетерпѣніе увидѣть принцессу, предназначенную для восшествія на престолъ россійскій. Принимая ее изъ рукъ вашихъ, я заявляю, что эта принцесса тѣмъ болѣе любима будетъ и мною и народомъ, надъ которымъ она будетъ царствовать. Наконецъ, достигъ я того, чего уже давно желалъ: я могу видѣть величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удив-

[1]) Castéra, II, 389.

леніе потомства!“ Король поспѣшилъ отвѣтить: „Я не заслуживаю похвалъ. Вы видите во мнѣ лишь бѣднаго, хвораго, сѣдовласаго старца [1]), но вѣрьте, что я считаю себя счастливымъ, принимая въ этихъ стѣнахъ достойнаго наслѣдника могущественнаго государства, единственнаго сына лучшаго моего друга, Великой Екатерины“. Потомъ, обратясь къ фельдмаршалу Румянцеву: „побѣдитель оттомановъ, сказалъ онъ, будьте моимъ гостемъ. Я нахожу въ васъ много сходства съ генераломъ моимъ Винтерфельдомъ“. „Государь, отвѣтилъ Румянцевъ, я былъ бы очень радъ походить, хотя и не совершенно, на генерала, который такъ прославился, служа Фридриху“. „Нѣтъ! воскликнулъ король, вы должны болѣе гордиться побѣдами, которые доведутъ ваше имя до отдаленнаго потомства“.

Черезъ минуту послѣ этого, за ужиномъ у королевы Елизаветы Христины, Павелъ Петровичъ и Софія Доротея, будущіе супруги, встрѣтились въ первый разъ. Они свидѣлись снова на другой день, за обѣдомъ у короля, и, какъ само собою разумѣется, виртембергскіе гости не были забыты среди визитовъ, которые великій князь поспѣшилъ сдѣлать всѣмъ членамъ королевскаго семейства. Какъ и слѣдовало ожидать, та, которую назначали ему въ супруги, полюбилась великому князю, очарованному ея красотою и граціею и который, сверхъ того, былъ восхищенъ почестями, окружавшими его во владѣніяхъ Фридриха и къ которымъ онъ не былъ пріученъ на родинѣ.

Радость его была велика; онъ въ тотъ вечеръ открылся въ своихъ чувствахъ принцу Генриху, который передалъ его признаніе отцу невѣсты, принцу Фридриху Евгенію. Такъ какъ и Павелъ Петровичъ, съ своей стороны, произвелъ на Софію Доротею пріятное впечатлѣніе, то 12 іюля принцъ Генрихъ, уполномоченный Екатериною, сдѣлалъ формальное предложеніе, предъявивъ письмо ея, писанное еще 11 іюня 1776 года. Это письмо сопровождалось четырьмя другими,

[1]) Фридриху (р. 14 января 1712) было въ это время шестьдесятъ четыре года.

на имя короля прусскаго, принцессы Софіи Доротеи и ея родителей [1]).

„Если сердце моего сына выскажется въ пользу принцессы Софіи Доротеи, въ чемъ я не сомнѣваюсь“, писала Екатерина Генриху, онъ долженъ былъ передать послѣднія письма по назначенію и подкрѣпить ихъ тѣмъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, которымъ Богъ его наградилъ. Екатерина прибавляла въ концѣ этого письма: „я не знаю дѣла, веденнаго какъ это: настоящее дѣло есть результатъ самой искренней дружбы и довѣрія. Принцесса будетъ ихъ залогомъ. При встрѣчахъ съ нею я всегда вспоминать буду, какъ это дѣло было начато, ведено и кончено между царственными домами Пруссіи и Россіи. Да увѣковѣчитъ оно связи, которыя насъ соединяютъ!“

Предложеніе Павла Петровича было принято. Принцъ Генрихъ могъ безъ замедленія принести ему удовлетворительный отвѣтъ и въ тотъ же день празднованъ былъ сговоръ Павла Петровича и Софіи Доротеи.

„Милый другъ мой, писала въ тотъ же день Софія Доротея баронессѣ Оберкирхъ, я довольна; я болѣе чѣмъ довольна. Никогда, милый другъ, не могла бы я быть болѣе счастлива. Нельзя быть любезнѣе великаго князя. Позволяю себѣ гордиться тѣмъ, что мой милый женихъ очень меня любитъ, что меня дѣлаетъ очень, очень счастливою“.

Въ тотъ же самый день Андреевскій орденъ, украшенный брилліантами, врученъ былъ, отъ имени Екатерины, принцу Фридриху Евгенію, а орденъ Св. Екатерины принцессѣ-невѣстѣ.

„Получивъ знаки этого ордена, писала ей Екатерина [2]), вы будете носить знаки любви и отечества. Вотъ что говоритъ вамъ черезъ меня Россія, простирающая къ вамъ руки. Отъ красоты души вашей и отъ доброты сердца ожидаетъ

[1]) Письма Екатерины: къ принцессѣ виртембергской-матери въ С. Р. И. О., IX, 34; къ ея дочери Софіи Доротеи съ посылкою Екатерининскаго ордена, XXVII, 83; къ Фридриху II, XX, 356 и къ принцу Генриху у Oberkirch. II, 75 и у Castera, II. 686.

[2]) С. Р. И. О. XXVII. 84.

она, что, мѣняя отечество, вы будете относиться съ чувствами самой живой и глубокой привязанности къ новому отечеству, которое васъ принимаетъ и по избранію, и по предпочтенію".

Адъютантъ Фридриха, полковникъ графъ Герцъ, былъ немедленно посланъ въ Петербургъ извѣстить Екатерину объ исполненіи ихъ общихъ желаній.

Заключеніе этого брака Фридрихъ считалъ большимъ успѣхомъ прусской политики. Въ Вѣнѣ не вѣрили тому, говорилъ онъ [1]), чтобы великій князь пріѣхалъ въ Берлинъ. Австрійскій канцлеръ, князь Кауницъ, довѣряя своей хитрости и своему пронырству, былъ увѣренъ, что какъ австрійскій дворъ первый возвратилъ Польшѣ нѣсколько участковъ земли, у нея отнятыхъ, то этою любезностью онъ, будто бы, безповоротно разсорилъ петербургскій и берлинскій кабинеты; но въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ торжествовать побѣду, онъ узналъ, что великій князь въ Берлинѣ, что онъ вступаетъ въ бракъ съ принцессою виртембергскою и что узы дружбы между Россіею и Пруссіею сдѣлались болѣе чѣмъ когда либо тѣсными.

13 іюля въ честь Павла Петровича происходило торжественное засѣданіе Берлинской академіи, тогда столь извѣстной, въ продолженіе котораго непремѣнный секретарь Формей произнесъ торжественную рѣчь. Потомъ снова начались увеселенія, обѣды, парадные спектакли, дневные и ночные праздники въ Шарлоттенбургѣ, Монбижу и Сапъ-Суси, смотры и маневры въ Потсдамѣ [2]) и т. д. и т. д. Каждый день одно удовольствіе смѣнялось другимъ до 24 іюля. Въ этотъ день,—это было воскресенье,—большой обѣдъ у королевы окончилъ блестящую двухнедѣльную серію празднествъ. Во время утренняго прощальнаго пріема въ великому князю явились весь главный штабъ короля, министры, дипломатическій корпусъ и высшее дворянство. Вечеромъ, послѣ концерта

[1]) Oeuvres, VI, 122.

[2]) На одномъ изъ этихъ маневровъ Фридрихъ повторилъ Кагульскую битву. Въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ находится большая картина, изображающая эти маневры.

и ужина у королевы, начали расходиться, и прелестная невѣста первая подала тому примѣръ. Она почтительно простилась съ королемъ, который вѣроятно не отпустилъ ее, не сказавъ ей нѣсколькихъ словъ о своихъ намѣреніяхъ и не давъ ей совѣтовъ относительно образа ея дѣйствій среди русскаго двора, гдѣ все должно было быть для нея ново, а можетъ быть и неожиданно. Софія Доротея простилась со всѣми остальными членами королевскаго семейства и послѣ ужина сѣла, вмѣстѣ съ принцемъ Фердинандомъ и своими родителями, въ карету, чтобы почевать на полдорогѣ отъ Рейнсберга, владѣлецъ котораго, принцъ Генрихъ, обогналъ ихъ, чтобы принять ихъ въ своемъ замкѣ. Счастливый Павелъ Петровичъ, который долженъ былъ увидѣться съ своею невѣстою въ Рейнсбергѣ, покинулъ Берлинъ на слѣдующее утро.

Рейнсбергъ, городокъ сѣверной части Бранденбурга, извѣстенъ въ исторіи Великаго Фридриха пребываніемъ въ немъ этого принца съ 1734 года до восшествія его на престолъ въ 1740 году. Въ замкѣ этого города, свободный отъ ига своего отца, Фридрихъ II жилъ, занимаясь искусствами и словесностью, окруженный литераторами, правда второстепенными, композиторами и художниками. Впослѣдствіи (1752) онъ подарилъ этотъ замокъ принцу Генриху.

Вечеромъ 26 іюля Павелъ Петровичъ и Софія Доротея снова встрѣтились въ этомъ замкѣ и праздники возобновились. Два дня провели здѣсь женихъ и невѣста, но Павелъ Петровичъ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы ускорить приготовленія къ свадьбѣ. Онъ уѣхалъ изъ Рейнсберга вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ, который проводилъ его до Шведта и совершилъ возвратный путь по прежнему, окруженный толпами народа, салютуемый пушечными залпами и колокольнымъ звономъ, привѣтствуемый, благословляемый и воспѣваемый, какъ ни одинъ нѣмецкій принцъ въ Германіи. 8 августа, онъ былъ въ Ригѣ и вечеромъ 14 августа вернулся въ Царское Село, счастливый и довольный, какъ онъ только и былъ счастливъ и доволенъ одинъ лишь разъ въ жизни.

Цесаревичъ въ слѣдующихъ словахъ характеризовалъ будущую свою супругу [1]):

„Я нашелъ невѣсту свою такову, какову только желать мысленно себѣ могъ: не дурна собою, велика, стройна, незастѣнчива, отвѣчаетъ умно и расторопно. Что же касается до сердца ея, то имѣетъ она его весьма чувствительное и нѣжное, что я видѣлъ изъ разныхъ сценъ между роднею и ею. Умъ солидный ея примѣтилъ и король самъ въ ней, ибо имѣлъ съ ней о должностяхъ ея разговоръ, послѣ котораго мнѣ о семъ отзывался; не пропускаетъ она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ея къ Вашему Величеству. Знанія наполнена и что меня весьма удивило, такъ разговоръ ея со мною о геометріи, отзываясь, что сія наука потребна, чтобъ пріучиться разсуждать основательно. Весьма проста въ обращеніи, любитъ быть дома и упражняться чтеніемъ и музыкою, жадничаетъ учиться по-русски, зная сколь сіе нужно и помня примѣръ предмѣстницы ея“.

Мы старались быть очень краткими въ разсказѣ о пребываніи Павла Петровича въ Берлинѣ. Оффиціальная сторона его путешествія была неоднократно описана [2]), да и перечисленіе праздниковъ, представленій и пріемовъ не имѣетъ особаго интереса.

Хотя и въ Берлинѣ Павелъ Петровичъ обратилъ на себя общее вниманіе своею вѣжливостью, но Фридрихъ II приводитъ [3]) мнѣніе, которое опытные люди произнесли тогда о характерѣ великаго князя. Онъ показался гордымъ, высоко-

---

[1]) Письма къ Императрицѣ Екатеринѣ С. Р. И. О., XXVII, 98, 106 и 109 въ прим.

[2]) См. а) Reckert, Wintergemälde. Berlin, 1777. 8°. б) I. K. H. Paul Petrowitz und I. K. H. der Prinz Heinrich auf der Reise von St.-Petersburg bis Berlin, im Jahr 1776. Riga, s. a. 4°. в) Oelrichs, Ausführliche Beschreibung der Reise des Grossfürsten Paul Petrowitz von St.-Petersburg an den K. P. Hof. Berlin, 1776. 8°. г) С. П. В. 1776, №№ 70—83, также №№ 49, 51, 56 59, 64 и 67. Статьи эти собраны были Вороблевскимъ въ брошюрѣ: Описаніе путешествія Е. И. В. Павла Петровича въ Берлинъ. Москва, 1776. 8°. См. также С. Р. И. О., XXVII и Thiébault, Mes souvenirs. Paris, 1804, III, 22 и слѣд. помѣщенное въ русскомъ переводѣ въ Р. С., XXIII, 484.

[3]) Oeuvres, VI, 122.

мѣрнымъ и рѣзкимъ [1]), что заставило тѣхъ, которые знали Россію, опасаться, что онъ не безъ труда удержится на престолѣ, будучи призванъ управлять народомъ жестокимъ, твердымъ и избалованнымъ мягкимъ управленіемъ нѣсколькихъ женщинъ.

Эти черты характера Павла Петровича, замѣченныя Фридрихомъ, проявились во время пребыванія его въ Ригѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ нашелъ въ военномъ вѣдомствѣ страшные безпорядки, которые, рано или поздно, привели бы къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ и о которыхъ онъ тогда же донесъ Екатеринѣ. Объясняя это, Цесаревичъ откровенно говорилъ, что „если бы мнѣ надобно было образовать себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о подобныхъ безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но будучи тѣмъ, что я есмь, для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ, мнѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое“ [2]).

Софія Доротея и ея родители остались въ Рейнсбергѣ до 1 августа, куда скоро вернулся и хозяинъ, очарованный своею внучкою и довольный результатомъ своихъ заботъ. Прощаніе его съ Софіею Доротеею было полно нѣжности; она обязана была ему положеніемъ, которое льстило ея воображенію и казалось обѣщало ей счастливую супружескую жизнь. Уже отъ Берлина публично встрѣчали ее какъ невѣсту великаго князя. Камергеръ Рекке назначенъ былъ состоять при ней и проводить ее до Митавы. Вечеромъ 1 августа, вмѣстѣ съ родителями, принцомъ Фердинандомъ и его женою, пріѣхала она въ замокъ Шведтъ, гдѣ жилъ тогда послѣдній представитель этого рода, ея дѣдъ маркграфъ бранденбургъ-шведтскій Фридрихъ Генрихъ. Онъ, въ свою очередь, ничѣмъ не пренебрегъ для того, чтобы выразить радость, которую доста-

[1]) Altier, haut et violent.
[2]) Письмо къ Сакену. С. Р. И. О., XX, 412.

вило ему свиданіе съ родственниками и блестящая будущность, ожидавшая принцессу.

Въ Мемелѣ, куда путешественники пріѣхали 17 августа, ихъ уже ожидала графиня Румянцева и русскій посланникъ, въ Митавѣ Симолинъ, которому поручено было Павломъ Петровичемъ проводить его невѣсту до Риги. До Мемеля виртембергскій принцъ и принцесса сопутствовали дочери: здѣсь должна была наступить минута разлуки. Мысль о ней отравила виртембергскому семейству послѣднія минуты прощальнаго вечера; всѣ легли спать съ тяжелою думою о томъ, что на слѣдующій день имъ уже не суждено будетъ увидѣться. Такъ рѣшила предусмотрительность нѣжной матери, которая щадила и свои силы и силы дочери. Софія Доротея еще почивала, когда ея родители оставили Мемель.

Герцогъ курляндскій послалъ въ Мемель, для привѣтствованія виртембергскаго семейства, фонъ Мирбаха и Клопмана, и самъ выѣхалъ на встрѣчу Софіи Доротеи въ Добленъ, чтобы представиться ей и затѣмъ вернулся въ Митаву, дабы торжественно встрѣтить ее у воротъ своей столицы. На верху парадной лѣстницы герцогскаго замка, Софія Доротея принята была вдовствующею герцогинею, вѣрною подругою Бирона, дѣлившею съ мужемъ и радости и горе его бурной жизни. Екатерина пригласила герцогиню прибыть въ Петербургъ для присутствованія при бракосочетаніи Павла Петровича [1]).

На слѣдующій день принцесса-невѣста присутствовала на торжественномъ собраніи основанной герцогомъ курляндскимъ Петровской академіи и затѣмъ, проведя сутки въ Ригѣ, отправилась далѣе.

Опуская другія подробности, замѣтимъ только, что Екатерина послала къ будущей своей невѣсткѣ, въ Мемель, бывшаго субъ-информатора при Павлѣ Петровичѣ, Пастухова, который служилъ ей переводчикомъ и долженъ былъ тогда же начать съ нею занятія русскимъ языкомъ, такъ какъ еще въ Берлинѣ она выучилась русской азбукѣ [2]). „Пастуховъ,

[1]) Письмо Екатерины. Oelrichs, 727.
[2]) С. Р. И. О., XXIII, 54, XXVII, 109.

писала Екатерина Гримму, отправился въ Мемель учить принцессу дорогою азбукѣ и исповѣданію. Убѣжденіе придетъ послѣ. Вы изъ этого видите, что мы осторожны и предусмотрительны и что обращеніе и исповѣданіе вѣры слѣдуютъ по почтѣ".

Павелъ Петровичъ выѣхалъ на встрѣчу своей невѣстѣ въ Ямбургъ и вмѣстѣ съ нею прибылъ въ Царское Село 31 августа [1]).

Цесаревичъ сіялъ радостью, и чрезъ нѣсколько часовъ сердце Софіи Доротеи, колебавшееся между надеждою и опасеніемъ, было успокоено.

Съ первой же встрѣчи она понравилась Екатеринѣ. „Sachez que ma princesse est arrivée hier au soir,—писала Екатерина Гримму 1 сентября 1776 г.,—que depuis ce moment elle prend d'emblée tous les coeurs, qu'elle est charmante; après cela, le moyen de vous parler de vos Laharpe et cohorte, de leurs prophéties et autres gaucheries; ma princesse n'est point gauche. J'aimerais bien un tableau de Mengs dans ma galerie; mais ma princesse m'occupe l'esprit. La Psyché de Siriel le mal nommé m'accomoderait encore, si dans ce moment ma princesse, aussi jolie que Psyché, ne me tournait la tête. Votre jeune homme [2]) ne savait ce qu'il faisait, lorsqu'il quittait ma princesse sans regret"...

Совершеніемъ бракосочетанія спѣшили. Со 2 сентября архіепископъ Платонъ началъ преподаваніе Софіи Доротеи православнаго закона; 8 сентября, во время обѣдни, онъ объяснялъ ей, по-французски, значеніе литургіи; 14 совершено было муропомазаніе, причемъ Софія Доротея наречена была Маріею Ѳедоровною; 15 обрученіе, а 26 сентября 1776 г. торжественно отпразднована была свадьба, въ присутствіи герцогини курляндской и всего двора, очарованнаго миловидностью и любезностью новой великой княгини.

---

[1]) Письма Екатерины къ Кашкину Р. С. 1882, № 7, 27.

[2]) Принцъ Людвигъ.

Мы не будемъ описывать этихъ торжествъ. Все произошло съ обычною при дворѣ Екатерины роскошью [1]).

Для сообщенія нѣкоторымъ иностраннымъ дворамъ извѣстія о бракосочетаніи Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны отправлены были камеръ-юнкеры Домашневъ въ Берлинъ, князь Александръ Куракинъ въ Стокгольмъ и графъ Николай Румянцевъ въ Вѣну; къ виртембергскому двору посланъ былъ капитанъ Рахмановъ [2]).

Молодая великая княгиня была счастлива и довольна. Въ концѣ этого (1776) года писала она подругѣ своего дѣтства, своей Lane. „Великій князь, очаровательнѣйшій изъ мужей, кланяется вамъ. Я очень рада, что вы его не знаете; вы не могли бы не полюбить его и я стала бы его ревновать. Дорогой мой мужъ, ангелъ; я люблю его до безумія“ [3]).

---

[1]) Описаніе всѣхъ торжествъ муропомазанія и бракосочетанія Маріи Ѳедоровны, церемоніалъ коихъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, который соблюдался при бракосочетаніи Натальи Алексѣевны, см. въ С. П. Вѣдомостяхъ 1776, № 73, 76, 77, 78 и 85. Вѣнцы при бракосочетаніи держали надъ Павломъ Петровичемъ князь Г. Г. Орловъ, надъ Маріею Ѳедоровною П. П. Бецкій.

[2]) Спб. Вѣд. 1776, № 79.

[3]) Oberkirch, I, 81.

XII.

Великая княгиня Марія Ѳедоровна прибыла въ Петербургъ въ самую блестящую эпоху царствованія Екатерины. Первый раздѣлъ Польши и первая война съ Турціею, ослабивъ обѣ эти державы, высоко подняли въ Европѣ значеніе Россіи. Имя Императрицы, покровительницы философіи, наукъ и искусствъ, не сходило съ языка Вольтера и литературныхъ его друзей, господствовавшихъ тогда въ области умственнаго движенія. Въ дѣлахъ управленія внутренняго, Екатерина, по усмиреніи пугачевскаго мятежа, вновь обратилась къ дѣятельности законодательной.

Но на блестящей картинѣ этого царствованія была темная сторона. То былъ фаворитизмъ, возведенный почти въ государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ Императрицѣ составляла какъ бы должность.

Во время пріѣзда Маріи Ѳедоровны въ Петербургъ, фаворитомъ Екатерины былъ, послѣ Орлова, Васильчикова и Потемкина, Завадовскій, смѣненный въ іюнѣ 1777 года Зоричемъ. Затѣмъ слѣдовали Корсаковъ, Ланской, Ермоловъ, Мамоновъ, Зубовъ. Нельзя не сознаться, что строго, но справедливо было замѣчаніе англійскаго посланника Гарриса, выраженное имъ въ началѣ 1778 года [1]). Внутренняя жизнь двора, говоритъ онъ, представляетъ зрѣлище распущенности

[1]) Донесеніе 16 мая 1778. Harris, I, 170. Въ русскомъ переводѣ отрывки изъ депешъ Гарриса помѣщены въ Р. А. 1866 и 1874.

и безпорядка, о которомъ невозможно и составить себѣ понятія. Годы не укрощаютъ страстей: онѣ съ лѣтами дѣлаются еще болѣе сильными и, всматриваясь ближе въ дѣло, я нахожу, что добрыя качества Екатерины были преувеличиваемы, а недостатки ея умаляемы.

Сотни тысячъ закрѣпощенныхъ крестьянъ и милліоны рублей, розданныхъ фаворитамъ деньгами и подарками, не составляли еще единственнаго зла ихъ существованія.

„Каждый любимецъ, по словамъ князя Щербатова, хотя и коротко ихъ время было, какимъ-нибудь порокомъ за взятые милліоны одолжилъ Россію (кромѣ Васильчикова, который ни худа, ни добра не сдѣлалъ). Зоричъ ввелъ въ обычай непомѣрно великую игру; Потемкинъ—властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и роскошь въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и, можно сказать, всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ былъ преисполненъ или преисполнялъ окружающихъ; Завадовскій ввелъ въ чины подлыхъ малороссіянъ; Корсаковъ пріумножилъ любострастіе въ женахъ; Ланской жестокость поставилъ быть въ чести; Ермоловъ не успѣлъ сдѣлать ничего; Мамоновъ ввелъ деспотизмъ въ раздаяніе чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ... Сама Императрица, продолжаетъ князь Щербатовъ, яко самолюбивая женщина, не только примѣрами своими, но и самымъ ободреніемъ пороковъ является, желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе... любострастна и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ, исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и не могущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, а наконецъ такъ перемѣнчива, что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ“.

Та слабость Екатерины, о которой упоминаетъ князь Щербатовъ, пристрастіе Екатерины къ лести, подтверждается всѣми современными свидѣтельствами. Самые сильные

враги Екатерины, говоритъ Гаррисъ [1]),—лесть и ея собственныя страсти; она никогда не остается глуха къ первой, какъ бы она ни была груба. Будучи невообразимо тщеславна, Екатерина охотно вѣрила всему, что казалось ей согласнымъ съ ея величіемъ и властью [2]). Фавориты Екатерины пользовались этою слабостью и Потемкинъ откровенно совѣтовалъ Гаррису ради Бога не стыдиться льстить Екатеринѣ;—это единственный путь къ ея благоволенію. „Она не проситъ ничего, кромѣ похвалъ и комплиментовъ; доставьте ей ихъ, а она взамѣнъ доставитъ вамъ всѣ силы своей имперіи“. Мы любимъ хвалу и въ ней не знаемъ излишествъ, выразился про Екатерину другой ея фаворитъ, Завадовскій [3]).

Болѣе осторожный, прусскій посланникъ графъ Герцъ говоритъ, что Екатерина, можетъ быть, сохранила слабость къ похваламъ и лести [4]). Наконецъ и Императоръ Іосифъ II находилъ, что въ сношеніяхъ съ Екатериною нечего бояться увеличивать дозу лести [5]).

Чистота души, невинность и непорочность юной Маріи Ѳедоровны, возложившей на себя брачныя узы съ самыми святыми намѣреніями, представляли рѣзкій контрастъ нравамъ общества, въ которое она вступала. Трудное положеніе возникало для нея изъ этой противоположности.

Опасности, которымъ Марія Ѳедоровна подвергалась съ первыхъ дней пріѣзда въ Россію, не укрылись отъ взгляда англійскаго посланника Гарриса.

Такъ какъ характеръ настоящей великой княгини совершенно противуположенъ нраву покойной, говоритъ онъ [6]), то и великій князь является теперь въ совершенно иномъ свѣтѣ. Марія Ѳедоровна кротка, привѣтлива и глубоко проникнута сознаніемъ супружескихъ обязанностей. Великій князь сдѣлался разговорчивъ, веселъ и умѣетъ себя держать. Постоян-

[1]) Депеша 2 февраля 1778 года. Harris, 150.
[2]) 20 марта 1778. Ib., 156.
[3]) 13 декабря 1780. Ib., 314. A. K. B., XXIV, 154.
[4]) Dohm, II, XXII.
[5]) Письмо къ Леопольду Тосканскому, Arneth, Joseph II, I, 2.
[6]) Депеша 3 октября 1778. Harris, 183.

пою снисходительностью и вниманіемъ она вполнѣ заслужила привязанность Павла Петровича, который очень ее любитъ. Въ настоящую минуту они вполнѣ счастливы другъ съ другомъ, но я опасаюсь, что счастіе ихъ не можетъ быть продолжительно среди двора, столь мало нравственнаго и столь странно составленнаго. Павелъ Петровичъ выказываетъ благосклонность и легкость отношеній, которыя иногда кажутся лестными той дамѣ, къ которой обращены, а Марія Ѳедоровна должна обладать необыкновенною долею твердости и добродѣтели, чтобы обойти тѣ многочисленныя искушенія, которыя встрѣтятся ей на ея пути. Она отличается самыми добродѣтельными качествами и благоразумнымъ поведеніемъ [1]).

Въ другомъ донесеніи Гаррисъ повторяетъ [2]), что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна жили въ полнѣйшемъ согласіи. Великій князь измѣнился къ лучшему и пошелъ гораздо далѣе, чѣмъ отъ него ожидали. Великая княгиня поступаетъ съ большимъ благоразуміемъ и осторожностью и вообще любима.

Всѣ другія донесенія иностранныхъ дипломатовъ подтверждаютъ это. Великая княгиня, свидѣтельствовалъ французскій посланникъ Веракъ [3]), занята исключительно заботами доставить счастіе своему супругу. Съ благородною и чрезвычайно пріятною осанкою соединяетъ она веселость, кротость и искусство всегда сказать что-либо обязательное лицамъ, къ которымъ обращается.

Но дабы избѣжать соблазна и опаспостей, разсѣянныхъ на пути Маріи Ѳедоровны, въ чемъ находила опору ея добродѣтель, въ комъ разумъ молодой великой княгини имѣлъ руководителя? Безъ сомнѣнія, переписка ея съ матерью, хотя въ этой перепискѣ она должна была соблюдать крайнюю осторожность, поддерживала и время отъ времени укрѣпляла ея природныя душевныя качества. Кромѣ того, сохранилось указаніе, что Марія Ѳедоровна пользовалась совѣтами короля Фридриха II. Великая княгиня, говоритъ Гаррисъ [4]), держитъ

[1]) 24 мая 1779. Harris, 202.
[2]) 1 мая 1778. Ib., 162.
[3]) Cour, 324.
[4]) 29 января 1779. Harris, 196.

себя съ бо́льшимъ благоразумiемъ и осторожностью, чѣмъ великій князь, и поведеніе свое вполнѣ направляетъ, какъ я полагаю, по письмамъ, которыя она получаетъ отъ прусскаго короля.

Но эти наставленія и совѣты были бы мало полезны, еслибы Марія Ѳедоровна въ самой себѣ не почерпала нравственной силы. Молодая великая княгиня была идеалисткою въ самомъ возвышенномъ смыслѣ этого слова. Кроткая, любящая, преданная исполненію долга, не только довольная малымъ, но умѣвшая въ обыденныхъ предметахъ и явленіяхъ находить всегда нѣчто привлекательное, быть можетъ нѣсколько сантиментальная, она соединяла въ себѣ тѣ черты характера германской женщины, которыя такъ увлекаютъ и трогаютъ читателя въ наиболѣе прочувствованныхъ страницахъ Шиллера и Гёте. Отсюда проистекало то обаяніе, которое Марія Ѳедоровна производила на всѣхъ ея знавшихъ и то нравственное вліяніе, которое она на нихъ имѣла.

Съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Россію, Марія Ѳедоровна обворожила всѣхъ [1]), въ томъ числѣ и Екатерину. „Я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, писала Екатерина 5 сентября 1776 г. [2]), въ буквальномъ смыслѣ слова пристрастилась. Она именно такова, какую желали: стройность нимфы; цвѣтъ лица—цвѣтъ лиліи, съ румянцемъ розы; прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ; высокій ростъ съ соразмѣрною полнотою, и при этомъ легкость поступи; кротость, доброта сердца и искренность выражаются на ея лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ и тотъ, кто ея не полюбитъ, будетъ не правъ, такъ какъ она создана для того и дѣлаетъ все, чтобы быть любимою. Однимъ словомъ, моя принцесса представляетъ собою все, чего я желала, и я довольна".

Не смотря, однако, на благоразуміе, доброту и высокія нравственныя качества, Марія Ѳедоровна не могла измѣнить отношеній Екатерины къ Павлу Петровичу. Отношенія эти, по прежнему, оставались холодны. Вскорѣ Екатерина измѣ-

[1]) Донесеніе англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Oakes, Cour. 296
[2]) С. Р. И. О., XXVII, 117.

пила свои отношенія и къ Маріи Ѳедоровнѣ. Уже на третій годъ пребыванія ея въ Россіи, прусскій посланникъ графъ Герцъ докладывалъ пріѣхавшему въ Петербургъ наслѣдному принцу прусскому, что Императрица, по общимъ отзывамъ, весьма ревниво, съ безпокойствомъ относится къ сыну и, можетъ быть, также и къ великой княгинѣ [1]).

Главная причина этого лежала въ прискорбномъ вліяніи фаворитовъ. Подобно тому, какъ въ дни юности Павла Петровича, Орловъ старался отдалять отъ него Екатерину, такъ и въ описываемое нами время Потемкинъ держалъ ее въ постоянномъ страхѣ отъ великаго князя. Чрезъ многочисленныхъ друзей и приверженцевъ, имъ пріобрѣтенныхъ, онъ старался убѣдить ее въ томъ, что одинъ только онъ можетъ во время открыть замыселъ съ этой стороны и оградить ее отъ него [2]).

Но кромѣ этой причины, которая постоянно препятствовала сближенію матери съ сыномъ, охлажденіе ихъ въ это время можно объяснить, съ одной стороны, рожденіемъ у Павла Петровича первенца сына — великаго князя Александра Павловича (12 декабря 1777 года), на котораго Екатерина перенесла всю свою родительскую любовь, а съ другой, перемѣною во внѣшней политикѣ Екатерины, которая, для удовлетворенія возникшихъ въ это время въ ея умѣ плановъ на востокѣ, нашла нужнымъ сблизиться съ Австріею и удалиться отъ Пруссіи. Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ, приверженецъ союза съ Пруссіею, остался вѣрнымъ этому началу и, кромѣ того, не раздѣлялъ и мнѣній своей матери о расширеніи предѣловъ имперіи.

Политика Павла Петровича, доносилъ въ 1778 году [3]) Гаррисъ, въ настоящее время совершенно прусская и если онъ не перемѣнится, то сдѣлается столь же страненъ своимъ пристрастіемъ къ прусскому королю, какъ и его отецъ. Ну-

[1]) Dohm, II, XXIV. Русскій переводъ записки Герца въ Древн. и Нов. Россіи, 1879, X.

[2]) Донесеніе Гарриса 24 мая 1779. Harris, 201.

[3]) 3 октября. Ib., 183.

тешествіе его въ Берлинъ, наставленія графа Панина и любовь великой княгини къ ея роднымъ поддерживаютъ въ немъ этотъ образъ мыслей. Хотя онъ живо чувствуетъ свое удаленіе отъ какихъ бы то ни было дѣлъ [1]) и иногда даже горько на это жалуется, но не имѣетъ достаточно рѣшимости сдѣлать себя хоть сколько-нибудь независимымъ. Онъ страшится послѣдствій всякаго смѣлаго шага. Тѣмъ не менѣе, не имѣя высокихъ достоинствъ, онъ обладаетъ достаточными способностями для управленія страною, если отрѣшится отъ непостоянства въ своихъ привязанностяхъ, и поборетъ застѣнчивость, которая, быть можетъ, есть лишь слѣдствіе его молодости и его положенія.

Охлажденіе между Императрицею и великимъ княземъ, продолжаетъ Гаррисъ [2]), увеличивается со дня на день. Она обращается съ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, можно сказать съ пренебреженіемъ; онъ же не даетъ себѣ труда скрывать свое неудовольствіе и, когда смѣетъ, выражаетъ его свободно и въ самыхъ рѣзкихъ словахъ. Впрочемъ, ему недостаетъ твердости и рѣшимости и никогда, развѣ только его къ тому вынудятъ, онъ не будетъ имѣть мужества стать во главѣ партіи. Съ великимъ княземъ и съ великою княгинею, Потемкинъ и его партія обращаются какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія. Цесаревичъ чувствуетъ это пренебреженіе и имѣетъ слабость высказывать это въ разговорахъ, хотя не властенъ сдѣлать ничего болѣе. Вслѣдствіе природной застѣнчивости и непостоянства права, которое не сглаживается съ лѣтами, онъ не можетъ оправдать опасеній, внушаемыхъ Потемкинымъ Императрицѣ [3]). Великая княгиня ведетъ себя замѣчательно хорошо и съ большимъ стараніемъ избѣгаетъ всего, что могло бы не нравиться или Екатеринѣ, или супругу и его двору.

---

[1]) По словамъ того же Гарриса (депеша 9 сентября 1779 г.) присутствіе Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны препятствовали Екатеринѣ входить, при разговорѣ съ Гаррисомъ, въ подробности. Harris, 219.

[2]) 31 декабря 1778. Cour, 321.

[3]) 29 января и 24 мая 1770 г. Ib., 196 и 202. Ср. донесеніе Сакена, Herrman, Ergänzungs-Band, 653.

Мы привели эти выписки изъ донесеній Гарриса, какъ потому, что они рисуютъ положеніе Цесаревича, такъ и въ доказательство того, что даже такому государственному человѣку, какъ Гаррисъ, трудно было понять истинное значеніе характера и образа дѣйствій Павла Петровича. Великій князь, дѣйствительно, никогда не былъ главою какой-либо партіи, но не потому вовсе, что былъ застѣнчивъ и нерѣшителенъ, а по чувству долга и по глубокому убѣжденію, что наслѣдникъ русскаго престола долженъ стоять выше всякихъ партій и имѣть въ виду одну только цѣль, благо государства.

Если отъ этихъ свидѣтельствъ иностранцевъ перейдемъ къ отзывамъ русскихъ людей, то найдемъ въ нихъ подтвержденіе только-что сказаннаго.

Мы уже упоминали, что на встрѣчу Маріи Ѳедоровнѣ отправлена была, вмѣстѣ съ другими лицами, Г. И. Алымова (въ замужествѣ Ржевская). Вотъ что разсказываетъ она въ своихъ запискахъ [1]): „Въ Мемелѣ представили насъ будущей великой княгинѣ. Меня поразила ея красота, молодость и простота въ обращеніи. Когда дошла до меня очередь, она, съ улыбкою обращаясь ко мнѣ, сказала, что великій князь особенно бранилъ меня. Во всю дорогу она оказывала мнѣ предпочтеніе; какъ казалось, она была предубѣждена противъ супруги фельдмаршала Румянцева и почти не обращала на нее вниманія. По пріѣздѣ въ Петербургъ и до самой свадьбы происходили представленія ко двору, давались праздники, балы и мнѣ почти не приходилось видѣть великую княгиню наединѣ. Это было самое пріятное время въ моей придворной жизни. Впослѣдствіи меня назначили компаньонкою къ великой княгинѣ; я должна была читать ей вслухъ, присутствовать при урокахъ, которые она брала, сопровождать ее всюду: ко двору Императрицы, въ концерты, на балы, въ собранія, въ церкви, на прогулки и т. д. У меня не было свободной минуты. Я отдыхала только во время своего туалета или въ тѣ дни, когда, подъ предлогомъ нездоровья, обѣ-

[1]) Р. А. 1871, I, 36 и сл. Записки Ржевской написаны по-французски но г. Бартеневымъ напечатаны въ русскомъ переводѣ.

дала у себя въ компатѣ или оставалась дома, чтобы только избавиться отъ докучливыхъ выѣздовъ.

„Одно время великая княгиня была расположена ко мнѣ, но это продолжалось не долго. Она постепенно стала охладѣвать, стала сдержанна, потомъ начала холодно обращаться со мною. Къ великому удивленію моему я узнала, что ревность была причиною этой перемѣны. Мнѣ твердили это со всѣхъ сторонъ. Но я знала, что не за что было упрекнуть меня; что, напротивъ, любезность моя доходила до того, что я жертвовала свободными минутами, стѣсняя себя, и потому петерпѣливо выносила нападки великой княгини. Когда же мнѣ объяснили въ чемъ дѣло, неудовольствіе мое смѣнилось состраданіемъ; я стала къ ней еще внимательнѣе и разувѣрила ее на мой счетъ, но къ мужу она оставалась по прежнему недовѣрчивою, передавала мнѣ свои горести, сомнѣнія, и мнѣ рѣдко удавалось успокоить ее. Сначала она необдуманно поддалась обиднымъ для меня подозрѣніямъ, жаловалась первому встрѣчному и обращала общее вниманіе на мое поведеніе, которое объясняла по своему. Но все это послужило въ мою пользу, выказавъ мою невинность. Видно, что она мало заслуживала мою любовь; но, по свойственной мнѣ чувствительности, я извиняла ея заблужденія и оказывала ей болѣе уваженія и признательности, нежели мужу ея, котораго я имѣла основаніе любить и уважать. Всегда любезный и почтительный, онъ старался самою нѣжною внимательностію вознаградить меня за непріятности, которыя мнѣ приходилось переносить изъ-за него. Чтобы не подтвердить ложныхъ слуховъ, онъ не измѣнялъ своего обращенія со мною. На него обижались, а онъ въ присутствіи жены и всѣхъ вообще только мною и занимался и былъ любезенъ до-нельзя. Когда я его предостерегала, онъ отвѣчалъ, что ему надоѣли всѣ сплетни, что онъ знать ихъ не хочетъ, и по прежнему былъ ко мнѣ внимателенъ. Это продолжалось до моего замужества [1]). Я надѣялась, что свадьба моя положитъ конецъ

[1]) Г. И. Алымова вступила въ бракъ съ камергеромъ Ржевскимъ 9-го іюня 1777 года. Краткую біографію Ржевскаго, см. въ Р. С. 1870, II, 79.

этому ухаживанію. Ничуть не бывало; оно еще усилилось. Великая княгиня присоединилась къ мужу; оба упрашивали меня принимать участіе во всѣхъ ихъ удовольствіяхъ. Между нами завязалась дружба, продолжавшаяся десять лѣтъ. Что могло быть для меня привлекательнаго въ дружбѣ, отнимавшей у меня время, которое я могла бы проводить въ семейномъ кругу и имѣвшей въ глазахъ свѣта видъ необыкновенной милости. Великій князь искренно любилъ меня и старался быть полезнымъ всѣмъ моимъ близкимъ. Довѣріе его было безгранично, равно и постоянство въ дружбѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ съ мужемъ, какъ на своихъ вѣрныхъ друзей. Сознавая, что мы жертвовали своими выгодами ради его, онъ былъ вполнѣ благодаренъ. Великая княгиня старалась превзойти мужа въ любезности къ намъ, но такъ какъ она дѣйствовала неискренно, у нея выходили противорѣчія на каждомъ шагу. Ревность въ ней боролась съ уваженіемъ, котораго я заслуживала. Своимъ обхожденіемъ она даже теряла право на благодарность съ моей стороны. На то, что Ихъ Высочества ѣзжали къ намъ, смотрѣли недоброжелательно. Живя весьма скромно, мы не могли доставить имъ ни малѣйшаго развлеченія. Имѣя возможность постоянно видѣть насъ у себя, они непремѣнно хотѣли бывать у насъ въ домѣ: пріѣзжали то завтракать, то обѣдать. Все это возбуждало толки. Дружба наша была самаго невиннаго свойства. Между тѣмъ, милость эта обходилась мнѣ весьма дорого, причиняя мнѣ много непріятностей. До сихъ поръ великая княгиня дѣйствовала лишь изъ подражанія мужу. Но великій князь не упускалъ случая доказать намъ свое уваженіе. Не любя шумныхъ удовольствій, онъ искалъ общества близкихъ ему людей и въ бесѣдѣ съ ними былъ откровененъ и довѣрчивъ. Я замѣчала въ немъ лишь хорошія свойства: чистоту намѣреній, прямоту, благородство души, великодушіе, весьма пріятный умъ и особенную способность убѣждать людей. Когда онъ хотѣлъ нравиться, нельзя было противиться его обаянію. Его некрасивая наружность и рѣзкія манеры въ обществѣ становились непримѣтными въ дружескомъ кругу.

Въ эту пору онъ былъ хорошимъ мужемъ, сыномъ и отцомъ. Необходимо было окружить его честными людьми: онъ легко поддавался вліянію лицъ, искавшихъ его довѣрія, и слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Будучи довѣрчивъ по природѣ, онъ сталъ подозрительнымъ вслѣдствіе обмановъ, которымъ подвергался".

Оставимъ на отвѣтственности Алымовой намеки на то, что Марія Ѳедоровна ревновала къ ней своего супруга. Если это и было такъ, то не доказываетъ ли это одну только горячую любовь Маріи Ѳедоровны къ мужу и понятное и законное желаніе ея всецѣло и исключительно владѣть его сердцемъ.

Другой современникъ, поступившій ко двору Екатерины камеръ-юнкеромъ въ сентябрѣ 1777 года, князь Ѳ. Н. Голицынъ разсказываетъ слѣдующее [1]): „По выздоровленіи Маріи Ѳедоровны (послѣ рожденія Александра Павловича) начались праздники. Я былъ взятъ въ кадриль Ихъ Императорскихъ Высочествъ, и тутъ имѣлъ счастіе узнать короче великаго князя и его супругу. Великій князь имѣлъ весьма острый и пылкій умъ съ хорошею памятью; сердце его было чувствительно, но въ первомъ движеніи онъ очень былъ горячъ. Обстоятельства ли, въ которыхъ онъ возрасталъ, другія ли причины поселили въ немъ большую недовѣрчивость и также частую перемѣну въ расположеніяхъ къ людямъ, его окружавшимъ. Сіи недостатки много способствовали повредить его свойства.

„Императрица не всегда обходилась съ нимъ какъ бы должно было, и онъ никакъ въ дѣлахъ не соучаствовалъ. Она вела его не такъ, какъ Наслѣдника; ему было только приказано ходить къ ней дважды въ недѣлю по утрамъ, чтобы слушать депеши, полученныя отъ нашихъ, при иностранныхъ дворахъ находящихся, министровъ. Впрочемъ, онъ не бывалъ ни въ совѣтѣ, ни въ сенатѣ. Почетный чинъ генералъ-адмирала былъ данъ ему единственно для наружности, управленіе же морскихъ силъ до него не принадлежало... Прискорбно

[1]) Р. А. 1874, I, 1281 и сл.

Marie Fœderowna de Wurtemberg Grande Duchesse de Russie en costume François, née le 25. oct.^bre 1759. Marié en 1776. à Paul Petrowitz Grand Duc de Russie vue à Paris en mai 1782

было всѣмъ видѣть сіе нескреннее обхожденіе и ни малѣйшей горячности и любви между сими двумя августѣйшими особами. Великій же князь къ родительницѣ своей всегда былъ почтителенъ и послушенъ. Когда объ этомъ размышляешь, не можешь довольно надивиться, развѣ только подвести ту одну причину, что восшествіе императрицы, переворотомъ содѣланное, оставило въ сердцѣ ея нѣкоторое безпокойство и непадежность на постоянную къ себѣ преданность вельможъ и народа. И такъ она за правило себѣ поставила сосредоточить всю власть въ единыя свои руки... Я никакъ не могу вѣрить, что мнѣ тогда сказывали, будто она иногда проговаривала: „послѣ меня хоть трава не рости“... Но государыня была не русская. Заключали тогда, что любимцы дѣлали преграду между родительницею и сыномъ и помѣшательство. Сіе, конечно, отчасти правда; но все бы, кажется, не могло воспрепятствовать императрицѣ ввести великаго князя въ дѣла государственныя и посадить его въ совѣтъ... Нѣжность и любовь между великимъ княземъ и его супругою были совершены. Невозможно, кажется, пребывать въ сожитіи согласнѣе, какъ они долгое время пребывали. Мы не могли на столь счастливое супружество довольно нарадоваться, и сіе имѣло великое вліяніе надъ петербургскою публикою и усугубило во всѣхъ усердіе и любовь къ ихъ будущему государю“.

XIII.

12 декабря 1777 года было днемъ радости и ликованія въ Петербургѣ. Великая княгиня Марія Ѳедоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени первенцомъ сыномъ Александромъ.

Общая радость при рожденіи Александра Павловича вполнѣ объясняется тѣмъ, что рожденіе его, обезпечивая законное престолонаслѣдіе, казалось, прекращало всякія по этому предмету опасенія.

Но радость Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны была омрачена. Екатерина оставила ихъ сына при себѣ.

Тотчасъ же послѣ его рожденія, Екатерина взяла ребенка на руки и послѣ того какъ его обмыли, понесла его въ другую комнату и передала на попеченіе генеральши Бенкендорфъ [1]). Его помѣстили въ назначенныхъ ему покояхъ [2]).

Увѣдомляя архіепископа Платона о рожденіи своего первенца, Павелъ Петровичъ говорилъ: „желаю, чтобы онъ усердіемъ къ Богу и отечеству своему походилъ на меня. При принятіи на себя бремени воспитанія его, первый мой предметъ будетъ въ него поселить сіе усердіе къ тому и другому".

Екатерина сняла съ родителей Александра Павловича это бремя. Она даже какъ будто боялась ихъ участія въ этомъ

---

[1]) Софья Ивановна Бенкендорфъ, рожденная Левенштернъ.

[2]) Р. А., 1521. Письмо Екатерины къ королю шведскому Густаву III.

дѣлѣ и однажды, когда Александру Павловичу не было еще двухъ лѣтъ, писала между прочимъ Гримму, что „on me l'avait (т. е. Александра) gâté pendant quatre jours que je ne l'avais pas vu, mais tout est réparé au contentement très-marqué de papa et maman (ah! ce n'est pas peu de chose) qui n'en peuvent pas venir à bout“ [1]).

Тоже повторилось и при рожденіи второго сына Маріи Ѳедоровны, Константина Павловича, 27 апрѣля 1779 года. Онъ также былъ взятъ Екатериною на ея личное попеченіе.

Не смотря на эти тяжелыя родительскому сердцу минуты, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна первые годы ихъ супружества проводили весело.

Въ лѣтнее время жили они на Каменномъ островѣ или въ Павловскѣ. Каменный островъ составлялъ прежде собственность канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, которой употребилъ на его украшеніе большія суммы, осушилъ его, проведя поперекъ острова рвы, выложенные камнемъ, и развелъ садъ. Послѣ ссылки Бестужева, Каменный островъ былъ взятъ въ казну, въ счетъ числившагося на немъ казеннаго долга [2]) и въ 1763 году подаренъ Екатериною Павлу Петровичу. Постройка дворца началась на острову въ 1765 году подъ надзоромъ обучавшагося во Франціи архитектора Баженова [3]), который съ того времени и сталъ извѣстенъ Цесаревичу.

Въ концѣ 1777 года, по случаѣ рожденія великаго князя Александра Павловича, Екатерина подарила Павлу участокъ земли въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села.

На этомъ участкѣ Павелъ Петровичъ приступилъ къ постройкѣ дворца, названнаго имъ первоначально Паулслустъ, и тѣмъ положилъ основаніе нынѣшнему Павловску.

Этотъ дворецъ слѣлался излюбленнымъ мѣстопребываніемъ Маріи Ѳедоровны. Она, очень любившая цвѣты,—а цвѣты любятъ, какъ извѣстно, только люди добрые,—сама занялась

[1]) 5 іюля 1779, С. Р. И. О., XXIII, 148.
[2]) Указъ 29 января 1762. П. С. З. № 11,421.
[3]) Порошинъ, 1 октября 1765.

разведеніемъ сада и устройствомъ обширнаго парка, въ которомъ воздвигла нѣсколько построекъ, напоминавшихъ ей годы ея счастливаго дѣтства. Домики Крикъ и Кракъ, хижина Пустынника, также какъ и названіе деревни Этюпъ перенесены на дальній сѣверъ изъ роднаго Маріи Ѳедоровнѣ Монбельярскаго парка.

Павловскъ имѣетъ уже свою исторію, неразрывно связанную съ именемъ Маріи Ѳедоровны, и подробное описаніе. Мы отсылаемъ нашихъ читателей къ этой любопытной книгѣ [1]).

Въ этихъ двухъ мѣстахъ группировался около Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны небольшой кружокъ преданныхъ имъ лицъ. То были графъ Панинъ, Салтыковъ, графъ Н. П. Румянцевъ, князь Куракинъ, Лафермьеръ, Николаи и нѣсколько позднѣе Вадковскій и Плещеевъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій, котораго Павелъ Петровичъ зналъ еще въ дѣтствѣ, пожалованный 28 іюня 1778 г. камеръ-юнкеромъ, тогда же опредѣленъ былъ къ Цесаревичу.

Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ поступилъ на службу мичманомъ въ 1764 г.; служилъ въ англійскомъ флотѣ, совершилъ путешествіе въ Америку, по возвращеніи откуда въ Англію отправился въ 1770 г. съ русскою эскадрою въ Архипелагъ. Тамъ, въ чинѣ лейтенанта, служилъ на кораблѣ „Ростиславъ“. на которомъ находился главнокомандующій графъ А. Г. Орловъ. Въ это время явился на русскій флотъ посланецъ египетскаго владѣльца Алибея, при возвращеніи котораго на родину Плещеевъ вызвался его сопровождать и совершилъ путешествіе въ Сирію и Іерусалимъ. Изъ этой поѣздки вернулся онъ ко флоту въ ноябрѣ 1772 года. Въ 1773 году отправленъ былъ, на суднѣ „Быстрый“, въ Любекъ, а въ 1775—1776 гг. состоялъ при константинопольскомъ посольствѣ князя Репнина. Какъ опытный морякъ, Плещеевъ назначенъ былъ состоять при Павлѣ Петровичѣ по званію генералъ-адмирала [2]).

[1]) Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. Составлено по порученію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Спбгъ, 1877. 8°.

[2]) Въ 1796 году Плещеевъ вступилъ въ бракъ съ фрейлиною Маріи Ѳедоровны, Веригиною.

Въ небольшомъ кружкѣ этомъ царила свѣтлая личность Маріи Ѳедоровны. При ней не было назначено особой гофмейстерины. Графиня Румянцева, сопровождавшая ее въ Петербургъ, вскорѣ послѣ ея бракосочетанія, оставила дворъ и удалилась въ Москву. Фрейлинами молодой великой княгини были первоначально Алымова и Молчанова, а затѣмъ съ августа 1777 г., Борщова и Нелидова. Но самою близкою и довѣренною ея особою была подруга ея дѣтства, баронесса Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, пріѣхавшая вслѣдъ за нею въ Россію и въ 1780 году вступившая въ бракъ съ подполковникомъ Христоформъ Ивановичемъ Бенкендорфомъ [1]), сыномъ воспитательницы великаго князя Александра Павловича.

Первое время по пріѣздѣ въ Россію, Марія Ѳедоровна продолжала изучать русскій языкъ подъ руководствомъ Пастухова; брала уроки музыки у Паезіэлло; Эпинусъ повторялъ съ нею курсы математики и физики; Плещеевъ составилъ для нея „Обозрѣніе Россійской Имперіи“ [2]).

Въ 1780 году пріѣхалъ въ Петербургъ Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ, извѣстный нѣмецкій писатель, другъ Лафатера, Клопштока и Гёте. Вскорѣ по прибытіи онъ назначенъ состоять при Цесаревичѣ, въ качествѣ лектора; сопровождалъ его въ заграничномъ путешествіи и затѣмъ долгое время служилъ по учебному вѣдомству [3]).

Чтецу великаго князя, Лафермьеру, было очень много занятій. Во время пребыванія молодыхъ супруговъ на дачѣ, большая часть дня посвящаема была чтенію. Павелъ Петровичъ владѣлъ обширною библіотекою, начало которой было положено еще въ 1764 году пріобрѣтеніемъ книгъ президента академіи наукъ, барона Корфа. Около 1785 года для библіотеки этой отданъ былъ особый домъ (гдѣ до того номѣ-

---

[1]) Бороздинъ, Опытъ родословія Бенкендорфовъ. Спбгъ, 1841. Кн. Долгоруковъ, Рос. Род. книга II, 252.

[2]) Издано въ II-гѣ въ 1786 году.

[3]) Rieger, Klinger. Darmstadt, 1880. 8°. Клингеръ женатъ былъ на Елизаветѣ Алексѣевой, дочери Г. Г. Орлова и сестрѣ жены Ѳ. Ѳ. Буксгевдена.

щались пажи) находившійся между Мойкою и Луговою (Міліонною) улицею [1]).

Предпочитая всему тихую супружескую жизнь, Павелъ Петровичъ не чуждался и общественныхъ развлеченій. При молодомъ дворѣ бывали часто балы, спектакли и праздники, которые Цесаревичъ старался разнообразить.

Уже давно замѣчено, что въ характерѣ Павла Петровича было что-то рыцарское. Съ дѣтства онъ полюбилъ мальтійскій орденъ [2]) и въ первые годы своей брачной жизни раза два въ недѣлю доставлялъ себѣ удовольствіе, устраивая нѣчто въ родѣ турнира. На этихъ турнирахъ Павелъ Петровичъ и нѣкоторые изъ придворныхъ кавалеровъ, въ особыхъ костюмахъ, верхомъ, исполняли разнаго рода эволюціи, воспроизводя забавы средневѣковыхъ рыцарей [3]).

Что мысль о мальтійскомъ орденѣ давно занимала воображеніе Павла Петровича, подтверждается и другимъ фактомъ.

Въ 1776 году русскій флотъ, покрывшій себя великою славою при Чесмѣ и въ Архипелагѣ, возвратился въ Кронштадтъ и 7 іюля Императрица дѣлала смотръ этому флоту, причемъ собственноручно возложила на адмирала Грейга орденъ Александра Невскаго. Павелъ Петровичъ, бывшій въ то время въ Берлинѣ, не присутствовалъ на этомъ смотру, но какъ генералъ-адмиралъ желалъ и съ своей стороны выразить нашимъ морякамъ свое благоволеніе. Съ этою цѣлью, 17 мая 1776 года, заложенъ былъ на Каменномъ островѣ инвалидный домъ для пятидесяти матросовъ, Петропавловская церковь, при которомъ освящена была 24 іюня 1778 г., въ присутствіи великаго князя и его супруги, у которыхъ по этому случаю былъ въ тотъ день большой обѣдъ въ каменноостровскомъ дворцѣ [4]). Вѣроятно 24 іюня было избрано для этого

[1]) Гр. Милорадовичъ, Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса, 35.

[2]) Порошинъ, 289.

[3]) Описаніе ихъ см. у Кокса, Voyage en Pologne, Russie, etc. Genève 1786, II, 16.

[4]) Спб. Вѣстникъ. 1778. I, 480. О назначеніи въ эту церковь священника, см. письмо Павла Петровича къ митрополиту Гавріилу отъ 31 августа 1777 г. Ч. М. О. И. и Д. 1860 г., кн. III, 140.

освященія какъ день празднованія рожденія Іоанна Іерусалимскаго, покровителя мальтійскаго ордена, въ честь котораго инвалидный домъ былъ основанъ великимъ княземъ. Крестъ ордена до сихъ поръ видѣнъ надъ входомъ этого дома.

Павелъ Петровичъ тѣмъ съ бо́льшею легкостью могъ предаваться мечтамъ о рыцарскихъ временахъ, что его воображеніе было развито чрезвычайно сильно. Предметы воображаемые онъ признавалъ какъ бы за дѣйствительно существующіе. Черта эта замѣчена была еще въ отроческомъ его возрастѣ. Съ теченіемъ времени эта наклонность Павла Петровича развивалась все болѣе и болѣе, ибо, не имѣя никакихъ строго опредѣленныхъ занятій, онъ невольно развивалъ свое воображеніе на счетъ положительнаго мышленія. Въ подтвержденіе этого приведемъ собственный разсказъ Павла Петровича о видѣніи ему Петра I.

Къ какому именно времени относится это видѣніе, опредѣлить можно только приблизительно. Великій князь разсказалъ его 10 іюля 1782 года въ Брюсселѣ, въ присутствіи баронессы Оберкирхъ, которая, записавъ его разсказъ, свидѣтельствуетъ, что Павелъ Петровичъ былъ искренно и глубоко убѣжденъ въ реальности представившагося ему видѣнія. Такъ какъ спутникомъ Цесаревича во время этого видѣнія былъ князь Куракинъ, вернувшійся изъ заграничнаго своего путешествія въ Петербургъ только въ 1772 году, то видѣніе Павла Петровича должно было имѣть мѣсто въ 1773—1781 годахъ [1]).

„Однажды вечеромъ, разсказывалъ Павелъ Петровичъ, или, пожалуй, уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали, чтобы освѣжиться, сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодная; это было въ лучшую пору нашей весны. Разговоръ нашъ шелъ не о религіи, и не о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ того былъ веселаго свойства и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками на счетъ встрѣч-

[1]) Oberkirch, I, 357 и P. A., 1869, III, 517.

ныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, который слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что можно было читать и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, я вдругъ увидѣлъ въ глубинѣ подъѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производили странный звукъ, точно будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я ощутилъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ и, обратясь къ Куракину, сказалъ:

— Судьба послала намъ страннаго спутника.

— Какого спутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, имъ производимому.

Куракинъ въ изумленіи раскрылъ глаза и возразилъ, что у меня съ лѣвой стороны никого нѣтъ.

— Какъ? Ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною.

— Вы идете возлѣ самой стѣны и физически невозможно, чтобы кто-нибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и ощупалъ камень. Но все-таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки его шаговъ, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и подъ его шляпой блеснули такіе блестящіе глаза, какихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили во мнѣ какое-то чарующее дѣйствіе.

— Ахъ, сказалъ я Куракину, я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проницало всѣ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзала въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и машинально отвѣчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще бо́льшимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать то же.

— Павелъ! бѣдный Павелъ! бѣдный князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего не слышу, отвѣчалъ тотъ; рѣшительно ничего.

Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца, кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ, и кто хочетъ, чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не долго останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благодарной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И если я прежде остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимость пойти, потому только, что пошелъ онъ. Онъ не говорилъ и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь направлялъ меня. Это продолжалось болѣе часа. Гдѣ мы шли, я не зналъ...

Наконецъ мы пришли къ большой площади, между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ сената. Онъ пошелъ прямо къ

одному какъ бы заранѣе отмѣченному мѣсту площади, гдѣ въ то время воздвигался монументъ Петру Великому; я конечно слѣдовалъ за нимъ, и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ, сказалъ онъ, ты еще увидишь меня опять здѣсь и кой-гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною...

XIV.

Путешествіе Павла Петровича, въ 1776 году, въ Берлинъ, усилившъ пристрастіе его къ Пруссіи, имѣло для него и другое значеніе. Оно усилило зародившуюся въ немъ страсть къ милитаризму.

Записка, составленная имъ въ 1774 году объ устройствѣ военныхъ силъ въ Россіи, осталась безъ практическихъ послѣдствій, но онъ продолжалъ обдумывать этотъ предметъ и изучать его.

Въ этомъ содѣйствовали ему два лица: князь Н. В. Репнинъ и графъ П. И. Панинъ [1]). Племянникъ Панинныхъ, князь Репнинъ, былъ однимъ изъ лучшихъ сподвижниковъ Екатерины. Дипломатъ, полководецъ и администраторъ, князь Репнинъ бо́льшую часть своей жизни провелъ вдали отъ двора и это служитъ объясненіемъ того, что имя его не такъ часто встрѣчается въ придворной исторіи Екатерины. Въ сентябрѣ 1776 года, окончивъ свое посольство въ Константинополѣ, князь Репнинъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Къ нему-то первоначально обратился Павелъ Петровичъ, и послѣ бесѣды съ нимъ, въ концѣ 1777 года, записалъ этотъ разговоръ слѣдующимъ образомъ:

„Смыслъ разговора между княземъ Репнинымъ и мною о

[1]) Кажется, что для Цесаревича составлена была и записка графа Румянцева о рекрутскихъ наборахъ. Р. А., 1871, 1425.

недостаткѣ людей въ нашей арміи и рекрутъ съ земли для комплектованія оной и о способахъ къ награжденію сего недостатка".

Затѣмъ предложены два вопроса:

1) „Состояніе, въ которомъ находится нынѣ армія въ разсужденіи государства и государство въ разсужденіи арміи?"

Отвѣтъ на это тотъ же, какъ и въ разсужденіи 1774 года, именно, что Россія истощена безпрерывными наборами, а силы государства израсходованы въ постоянныхъ войнахъ.

2) „Есть ли способъ къ поправленію сего недостатка и къ приведенію арміи въ надлежащую пропорцію въ разсужденіи земли?"

„Мы видѣли изъ предъидущаго артикула, отвѣчаетъ Павелъ Петровичъ, что армія людьми и наборомъ оныхъ въ тягость землѣ, а недостаточна къ оборонѣ оной, но не слѣдуетъ еще изъ сего, чтобъ не было у насъ способовъ къ содержанію таковой, какова намъ необходимо надобна. Для содержанія оной потребны люди и деньги; въ первыхъ мы нашли у себя недостатокъ, но если бы вторыхъ довольно было, не могли бы мы первое вторымъ наградить, искавъ и платя для того вольныхъ людей? Мы имѣемъ около 30.000,000 руб. дохода. Разочтемъ мы, куда они расходятся, и не сыщется ли какого-либо остатка для доставленія себѣ людей; безспорно, сей способъ будетъ больше стоить нынѣшняго, ибо вольный человѣкъ дороже, нежели свой; но станетъ ли прихода въ такомъ случаѣ на расходъ?

„Содержаніе внутреннее съ приточеніемъ къ тому двора и разныхъ другихъ положенныхъ издержекъ, простираться не можетъ до 15.000,000 р., затѣмъ остается также 15.000,000 р., изъ которыхъ идетъ кругъ (около) 10.000,000 на армію, флотъ и прочіе военные расходы; оставаться будетъ еще 5.000,000. Откладывая изъ сихъ по два каждый годъ на сторону, будетъ оставаться 3.000,000 для того употребленія, о которомъ теперь рѣчь. Деньги имѣя, остается подумать о способѣ, откуда имѣть вольныхъ людей. У насъ въ государствѣ ихъ такъ мало, что и говорить о семъ не о чемъ, но не можно ли бы было оныхъ

достать изъ другихъ земель? Для сего суть два способа: первый и самый легчайшій—Польша, которая снабжаетъ уже своими людьми и другія державы; но не лучшимъ его нахожу по свойству людей сей земли: они не лучшіе солдаты и по характеру націи ненадежны бываютъ. Второй же, наборъ въ Германіи. Домъ, отъ котораго я происхожу, по природѣ даетъ мнѣ равное право съ прочими германскими князьями. Правда, что земли, мнѣ принадлежащія, уступлены мною младшему колѣну нашей фамиліи, но черезъ то не потеряно достоинство князя имперіи, а еще меньше то, что я шефъ голштинскаго дома [1]). Все сіе подтверждено на сеймѣ имперскомъ и такъ можно бы мнѣ, воспользовавшись именемъ дома голштинскаго, наборъ въ вольныхъ имперскихъ городахъ дѣлать, какой надобенъ былъ".

Князь Репнинъ вызвался спросить объ этихъ предположеніяхъ мнѣніе графа П. И. Панина, прибавивъ къ исчисленнымъ вопросамъ еще новые, о магазинахъ и о расположеніи полковъ по имперіи [2]).

Отвѣтъ графа Панина на письмо князя Репнина понравился великому князю, и онъ самъ вступилъ въ переписку съ братомъ своего бывшаго воспитателя. Съ дѣтства привыкъ онъ смотрѣть на П. И. Панина съ уваженіемъ; съ лѣтами это еще болѣе усилилось, и въ настоящемъ случаѣ о степени довѣрія его къ Панину можно судить по началу письма его отъ 10 мая 1778 года [3]).

„Поступокъ мой въ разсужденіи васъ долженъ показаться вамъ удивительнымъ, ибо намѣреніе мое есть съ вами вступить въ разсужденіе, не предупредивъ васъ ничѣмъ, и притомъ о матеріи, о которой мы никогда не говорили. Должностіею свою нахожу открыться передъ вами, дабы вы знаніями своими просвѣтили въ ту минуту, въ которую все мракомъ

---

[1]) Трактатъ 2 іюля 1773 г. ст. XIV. Martens, II, 183 и 193.

[2]) Копіи съ этихъ записокъ въ архивѣ Русскаго Историческаго Общества.

[3]) Переписка Павла Петровича съ графомъ П. И. Панинымъ напечатана въ Р. С., 1882, № 2 и 3 и въ Р. А. 1882, I, 389.

покрывается, и подвигъ мой извиненъ можетъ быть единственно предметомъ предъ вами.

„Князь Репнинъ писалъ къ вамъ въ письмѣ своемъ о магазинахъ, о расположеніи полковъ по имперіи и о рекрутованіи ихъ и просилъ на то вашего мнѣнія: сіе все сдѣлалъ онъ отчасти по моимъ словамъ. Мнѣ сіе тѣмъ пріятнѣе было, что увидѣлъ симъ случаемъ, что мы одного мнѣнія и что если можно молодому человѣку быть самолюбиву, то признаюсь, что мое самолюбіе было тронуто, видѣвъ, что мои мысли сходны съ вашими“.

Въ письмѣ этомъ Павелъ Петровичъ развивалъ свои мысли о комплектованіи арміи вербовкою и помѣщеніемъ въ ряды войска солдатскихъ дѣтей, а также рекрутъ, съ особенною силою возставалъ противъ существовавшихъ злоупотребленій и въ искорененіи ихъ и въ строгой экономіи находилъ средство къ пополненію арміи наймомъ иностранцевъ, какъ еще прежде высказалъ онъ князю Репнину.

Совершенно справедливы сужденія Павла Петровича о тогдашнемъ расходованіи государственныхъ суммъ. „Первымъ способомъ (для увеличенія арміи) почитаю я деньги, которыхъ у насъ, конечно, больше, нежели людей; но, по несчастію употребляются они или на то, чтобъ доставить себѣ тѣ удовольствія, которыя самыя достать было бы можно, если бы располагали оныя согласно съ временемъ и съ обстоятельствами; или на то, чтобъ окружать себя людьми, кои, не довольствуясь милліонами, которые имъ даются, удвояютъ расходъ ихъ непорядочнымъ поведеніемъ и правленіемъ частей своихъ“.

Высказывая свои мысли, Павелъ Петровичъ просилъ Панина отвѣчать откровенно, не мепажируя его, и смотрѣть на пользу отечества; письмо свое онъ заключилъ слѣдующими словами:

„Извините меня, если пользовавшись первымъ случаемъ, который вы подали мнѣ открыться, столько индискретенъ былъ и написалъ двѣнадцать страницъ мыслей и гаданій моихъ; но зная васъ, уповалъ, что вы упустите мнѣ опое,

ради намѣренія, и притомъ, по вашему познанію вещей, отдѣлите то, что полезнымъ быть можетъ, отъ пустаго одного гаданія или отъ произведеннаго живостію воображенія".

Этотъ призывъ молодаго Цесаревича, жаждавшаго быть полезнымъ отечеству, остался безъ ожиданнаго отвѣта. Панинъ говорилъ уклончиво, хотя и радовался желанію наслѣдника престола заняться военною частью, и, разсмотрѣвъ съ большею подробностью полученное отъ Цесаревича письмо, особенно находилъ полезнымъ, чтобы вся военная сила была подъ личнымъ начальствомъ и подъ собственнымъ повелѣніемъ самого владѣющаго государя.

Тѣмъ не менѣе великій князь послалъ Панину 14 сентября и 11 октября два свои разсужденія и получилъ на нихъ отвѣты при письмѣ отъ 13 января 1779 года.

Послѣднее разсужденіе было, какъ писалъ Павелъ Петровичъ (11 октября), не иное что, какъ записка, представленная имъ императрицѣ въ 1774 году; но, по сличеніи двухъ записокъ, видно, что обстоятельства навели Павла Петровича на рядъ новыхъ мыслей, которыя онъ и прибавилъ своею рукою къ манускрипту.

Вотъ замѣчательныя мѣста изъ приписаннаго рукою Павла Петровича.

„Государство наше, будучи въ безпрестанныхъ движеніяхъ съ царствованія государя Петра I, зачинаетъ приходить въ нѣкоторую слабость, которую, какъ ее самую, такъ и ея слѣдствія, предупредить должно, дабы все зданіе или весь корпусъ не рушился, какъ ослабѣвшее отъ многихъ припадковъ тѣло.

„Спокойствіе внутреннее зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобъ каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобъ его собственныя, такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы; чѣмъ ихъ обуздать инымъ, намъ, какъ законами? Они общая узда, и такъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь опять воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утвер-

ждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его.

„Когда единожды законы утвердятся тѣмъ способомъ, которымъ и состояніе каждаго утверждается, такъ трудно будетъ приступить къ исполненію какого-бы то ни было предпріятія, ибо тогда не можетъ инаго быть въ необыкновенномъ теченіи вещей, какъ сходнаго съ благоразуміемъ.

„Между тѣмъ, ничто не мѣшаетъ приступить къ исполненію частнаго моего намѣренія о военной части, поелику сходно можетъ быть и допустятъ нынѣшнія обстоятельства. Здѣсь нахожу необходимымъ помянуть, говоря о положеніи внутреннемъ, о положеніи нынѣшней военной части. Чтобъ оное лучше можно было объяснить, покажу исторически, сколько сія часть терпѣла перемѣнъ со времени начала своего.

„Первое основаніе положено Петромъ Великимъ, сообразно съ тогдашнимъ и всей Европы положеніемъ; но учредилъ онъ войско не набранное, но все по наряду служащее и такъ вся тяжесть лежала на землѣ. Во время царствованія императрицы Екатерины I и императора Петра II вещи были на томъ же основаніи, но не мода тогда была о семъ помышлять; и такъ никого не съискалось, кто бы за симъ смотрѣлъ; сверхъ того, правиломъ политическимъ было принято: истребить мало-по-малу все войско, дабы, не навлекая себѣ ревности отъ прочихъ державъ, насъ оставили бы въ покоѣ.

„Всякому изъ сего видно, сколь порочно было сіе правило и сколь оно пахло тогдашнимъ непросвѣщеніемъ, слабостью духа и подъ симъ видомъ крывшимися подлыми дворскими интригами. Конечно, покой хорошъ, но не тотъ, который происходилъ отъ слабости или унынія, такъ какъ и предпріимчивость, которая бы происходила отъ безпокойствія духа.

„Императрица Анна, вступивъ на престолъ и будучи окружена людьми бодраго духа, нашлась принужденною взяться за сію упущенную часть. Люди, перемѣнившись, все инако пошло, вотъ эпоха вторая въ войскѣ нашемъ. Когда законовъ нѣтъ, то и узды нѣтъ, а когда ея нѣтъ, страсти дѣйствовали и, между прочимъ, ненависть персональная и

родъ мщенія, и такъ все, что ни было сдѣлано во второй сей эпохѣ, показавшись дурнымъ, было слѣпо перемѣнено, вмѣстѣ со вступленіемъ Императрицы Елизаветы.

„Не отнимая у нея хорошихъ качествъ, должно сказать, что царствованіе ея было не столь порядочно, какъ той, которая была предъ нею на престолѣ. Многія вещи потеряли силу и дѣйствіе ихъ ослабѣло. Страсть государя отворяетъ двери всѣмъ пользоваться: не видитъ уже своими глазами и не можетъ укорять другихъ, ибо чувствуетъ, что могутъ и его самого укорить. Послѣдніе годы не входила она ни во что, по причинѣ болѣзней своихъ, и дѣлали ея именемъ тѣ, кто хотѣлъ дѣло превращать по своимъ видамъ; отъ сего зачало все терять свою связь, вотъ четвертая эпоха.

„Здѣсь вступилъ покойный отецъ мой на престолъ и принялся заводить порядокъ, но стремительное его желаніе завести повое, помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ, и отъ ней дѣлалъ многія вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его, и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ? Пятой эпохи конецъ здѣсь должно положить.

„При вступленіи на престолъ нынѣ царствующей Императрицы, увидѣли нужду перемѣнить и поправить вещи по военной части. Нѣтъ вещи на свѣтѣ, которую не надлежало бы, чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ чемъ нибудь перемѣнить или исправить, дабы согласоваться со временемъ и обстоятельствами. Опасались, однако же, за то самое взяться, что причли въ вину одному, не перемѣнивъ сперва виду вещей, и такъ, самое тоже стали дѣлать, но не подъ тѣми именами, и, прикрывая нѣгдѣ единую наружность, дабы не показаться предъ свѣтомъ противорѣчущимися. Большая часть изъ сихъ перемѣнъ не самими государями нашими дѣланы: слѣдова-

тельно, поправляли тѣ же самые люди, которыхъ самихъ надлежало бы исправить. Прибавлю къ сему то, что партикулярный человѣкъ имѣетъ всегда соблюдать болѣе консидерацій, нежели государь или правительство; и такъ, поправленія дѣланныя не служили на всѣ части, а на тѣ, можетъ быть, которыя не относились до персонъ. Должно примѣтить, что такого рода поправленія, каковы дѣлаемы были коммисіею [1]), часто прикрываютъ страсти тѣхъ, кто оную составляютъ, или того, кто ею начальствуетъ; и такъ можно почитать большую часть дѣлъ таковыхъ исполненіемъ прихотей того или другаго, а не исправленіемъ недостатковъ сей части.

„Отъ сего и рождается всегда, что передѣланы бываютъ вещи, никакой важности въ себѣ не заключающія, пока тѣ, въ которыхъ наибольшее зло замыкается, остаются не только безъ поправленія, но и безъ малѣйшаго уваженія. Во время сего послѣдняго царствованія военная часть терпѣла еще перемѣну. Правда, что меньше она была тѣхъ, о которыхъ помянулъ выше; но отъ причинъ и отъ дѣйствій не вреднѣе ли сія была всѣхъ прочихъ? Большая часть людей видитъ сукъ въ глазу у другаго, пока не видитъ и бревна въ своемъ. Увидѣли правящіе военною частью недостатки, злоупотребленія, и захотѣли оное исправить, а можетъ быть и опорочить только то, что другими дѣлано было. Но, какъ часто бываетъ, что искавъ лучшаго, теряютъ сплошь хорошее, то при семъ случаѣ и стали порочить все, что сдѣлано ни было, пока (когда) надобно только было исправить злоупотребленія одни: опорочивъ же и развязавъ узлы держащіе цѣпь, умѣнія и не стало. Старое почти истребили, а новаго ничего не сдѣлали, и такъ, теперь никто уже и не знаетъ, что и какъ дѣлать; да къ тому прибавить должно, что и не мода теперь что либо наблюдать изъ предписаній, а исправнымъ быть—стыдъ и низкость духа. Отъ сего и идетъ все по прихотямъ каждаго, а часто прихоть состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не дѣлать

[1]) Намекъ на Военную Коммиссію, учрежденную въ началѣ царствованія императрицы Екатерины.

и угодить своимъ необузданнымъ страстямъ. Вотъ плачевное состояніе, до котораго у насъ военная часть дошла".

Затѣмъ, осудивъ измѣненіе во внѣшней политикѣ Россіи и удаленіе наше отъ Пруссіи, Павелъ Петровичъ настаивалъ на необходимости постояннаго и долговременнаго мира, для возобновленія силъ Россіи и предлагалъ уже извѣстный читателю способъ обороны границъ посредствомъ армій, которыя бы получали людей и все необходимое изъ ближайшихъ губерній, а для поддержанія армій полагалъ сформировать особое войско изъ иностранцевъ, подъ личнымъ начальствомъ Цесаревича, какъ наслѣдника русскаго престола и герцога голштинскаго.

Любопытенъ взглядъ Цесаревича на причины удаленія отъ службы дворянства. „Первую и главную причину почитаю я нынѣшнее неуваженіе службы военной, которое, присоединяясь къ тому, что у насъ ничего непоколебимаго нѣтъ (слѣдовательно и важность вещей всегда зависитъ отъ временнаго расположенія того, котораго воля служитъ закономъ), болѣе отвращаетъ, нежели привлекаетъ къ себѣ, а особливо отъ злоупотребленій, родившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Не скрою и того, что приписываю я, хотя не безпосредственно, отчасти и свободѣ, данной дворянству служить и не служить, недостатокъ нынѣшній дворянства на службѣ; ибо когда получило оно таковую свободу, то было еще оно, исключая нѣкоторое число, не довольно просвѣщено воспитаніемъ, чтобы видѣть цѣль и чувствовать прямую цѣну сдѣланной для него выгоды. Свобода, конечно, первое сокровище всякаго человѣка, но должна быть управляема прямымъ понятіемъ оной, которое не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ, но оное не можетъ быть инымъ управляемо (чтобъ служило къ добру) какъ фундаментальными законами; но какъ сего послѣдняго нѣтъ, слѣдовательно и воспитаніе порядочнаго быть не можетъ, а отъ того рождаются всякія неправыя понятія вещей, слѣдовательно и злоупотребленія, каковаго рода и въ семъ казусѣ находятся, а особливо, будучи прикрыты

неоспоримыми причинами неудовольствія отъ дурнаго управленія начальниковъ сей части... Я, конечно, удаленъ отъ той мысли, чтобъ потребить какіе нибудь способы принужденія для препятствія оставлять военную службу, но почитаю необходимымъ отнять всѣ способы къ таковому побѣгу изъ оной, во-1-хъ большимъ отношеніемъ всякаго военно-служащаго, во-2-хъ персональнымъ уваженіемъ государя къ сей службѣ, въ-3-хъ отнятіемъ средствъ у начальниковъ исполнять по прихотямъ своимъ, слѣдовательно развращать и портить службу и въ-4-хъ строгимъ взысканіемъ, чтобы служба исполнялась вездѣ равнымъ образомъ".

Панинъ, въ отвѣтѣ нѣсколько разъ высказываетъ радость, что владѣющій государь соизволяетъ всею безъ изъятія государственною обороною повелѣвать, собственною персоною, безъ всякаго посредства, и, конечно, нѣтъ ничего свойственнѣе, какъ хозяину мужскаго пола распоряжать собственно самому, и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость, какъ его собственной особы, такъ и государства, имъ обладаемаго, и тѣхъ всѣхъ доходовъ и пособій, коими сохраняется всеобщая безвредность.

Лучшимъ способомъ для превосходнаго состоянія войскъ, графъ Панинъ полагалъ: подчинить части хозяйственную и административную особому военному совѣту изъ опытнѣйшихъ генераловъ, состоящихъ при государѣ, непосредственно и лично начальствующемъ строевою частію; затѣмъ, всѣ вооруженныя силы имперіи раздѣлить на арміи, подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршаловъ, а арміи на дивизіи, подъ командою полныхъ генераловъ, знающихъ военное дѣло. Кромѣ военной коллегіи или военнаго совѣта, при государѣ должно быть главное начальствующее лицо изъ опытнѣйшихъ генераловъ съ военной репутаціей, или къ этому должно призвать наслѣдника престола. Лицо это обязано было испрашивать разрѣшенія у государя на всѣ, даже малѣйшія, измѣненія въ порядкѣ службы и личномъ составѣ войскъ. Въ арміи предполагалось ввести строгое единообразіе въ обмундированіи,

обученіи, образѣ обхожденія съ солдатами и офицерами, съ строжайшимъ взысканіемъ за всякое отступленіе.

Павелъ Петровичъ внимательно изучалъ мысли и предположенія графа Панина: на его рукописи сдѣлано Цесаревичемъ множество помѣтокъ.

XV.

1775—1783 годы были самымъ блестящимъ временемъ царствованія Императрицы Екатерины II. Вліяніе ея на европейскую политику было громадно и царственные гости одинъ за другимъ спѣшили въ Петербургъ искать ея дружбы и союза.

О двукратномъ пріѣздѣ въ Петербургъ принца прусскаго Генриха мы уже говорили выше.

Слѣдующимъ въ ряду этихъ путешественниковъ былъ двоюродный братъ Екатерины, шведскій король Густавъ III.

Вступивъ на престолъ въ 1771 году, король Густавъ, извѣстнымъ переворотомъ 8 августа 1772 года, уничтожилъ олигархію въ Стокгольмѣ и утвердилъ свою монархическую власть. Переворотъ этотъ непріятно поразилъ Екатерину: во внутренней слабости сосѣднихъ державъ она видѣла выгоды Россіи, и какъ не допускала усиленія королевской власти въ Польшѣ, точно также неблагосклонно смотрѣла и на утвержденіе ея въ Швеціи. Между тѣмъ, въ умѣ Густава III явилась мысль о присоединеніи къ Швеціи Норвегіи, въ то время принадлежавшей Даніи; отношенія Россіи къ Швеціи ухудшились еще и тѣмъ, что въ это время велись между Россіею и Даніею, какъ мы видѣли выше, переговоры объ уступкѣ Даніи правъ на Голштинію, за предоставленіе Ольденбурга младшей линіи голштинскаго дома, помимо той, которая занимала шведскій престолъ. Говорили, что Павелъ Петровичъ, принадлежа къ старшей линіи голштинскаго дома, могъ бы

предъявить права на шведскую корону предпочтительно предъ младшею линіею, царствовавшею въ Швеціи.

Тогда-то Густавъ III выразилъ желаніе свиданіемъ съ Екатериною прекратить возникшія между ними недоразумѣнія. Мысль эту поддерживалъ въ немъ король прусскій Фридрихъ II, но ему удалось осуществить ее только въ 1777 году.

Подъ именемъ графа Готландскаго, король Густавъ III прибылъ въ Петербургъ 5 іюня и пробылъ здѣсь ровно мѣсяцъ [1]).

На Павла Петровича Густавъ III не произвелъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія. Великій князь высказываетъ полное презрѣніе къ шведамъ, доносилъ англійскій посланникъ Гаррисъ [2]). Личными своими сношеніями съ Густавомъ, Павелъ Петровичъ также не былъ особенно доволенъ [3]).

Одно изъ свиданій своихъ съ королемъ шведскимъ такъ описываетъ Цесаревичъ Н. И. Панину:

„...Король сталъ мнѣ говорить про родство и связь съ нами, говоря, что онъ знаетъ, кто его хотѣлъ съ Россіею поссорить и кто его непріятель первый. Попрося его, чтобъ онъ мнѣ открылся, онъ мнѣ сказалъ, что то король прусскій и что онъ за вѣрно знаетъ, что иного не ищетъ, какъ чтобъ охватить шведскую Померанію. Я ему на сіе отвѣтствовалъ, что если и предполагать оному королю намѣреніе большихъ пріобрѣтеній, то конечно не съ сей стороны, по малости и дурнотѣ земли въ сравненіи другихъ земель, окружающихъ его. Онъ, замолчавъ, мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ хитрыя намѣренія сего государя и сколько онъ ненавидитъ его и что еслибы до войны дошло, то онъ конечно оную схватитъ. Здѣсь я ему примѣтилъ, что сіе будетъ со всякимъ и что еслибы онъ, король, съ нами воевалъ, то бы отнялъ у насъ Финляндію, еслибы удалось, а мы у него остатокъ оной.

Сказалъ я ему, что, можетъ быть, не ненависть, а нѣкоторая недовѣрка къ нему; ибо, какъ-де вы и сами мнѣ

[1]) Гротъ, Екатерина II и Густавъ III. Спбгъ, 1877.
[2]) 1 октября 1778 г.
[3]) Письмо къ К. И. Сакену 13 сентября 1777. С. Р. И. О., XX, 415.

отозвались, вы были въ конекціи съ Франціею. — Нѣтъ-де, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, — а онъ свои замыслы имѣетъ. На сіе я ему отвѣтствовалъ, что, не отнимая у него замысловъ его, я увѣренъ, что онъ злаго съ умысла не сдѣлаетъ и что можетъ быть я ошибаюсь по личной привязанности къ его дому и благодарности къ нему персональной, къ дому, какъ натуральному нашему союзнику, а къ персонѣ по одолженіямъ, которыя я ему имѣю. Тутъ онъ съ жаромъ мнѣ сказалъ и покраснѣвъ: „Какой можетъ быть натуральный сей союзъ, puisque sa puissance est factice et qu'au bout du compte il n'est issu que de margrave de Brandenbourg.“ — Je lui répondis à cela: „Et vous, sire, n'êtes vous pas issu d'une famille particulière de Vasa? Тутъ онъ замолчалъ, но спросилъ: Mais quelles sont ces obligations personnelles, que j'avais, sinon l'accueil qu'il m'a fait. Sire, lui répondis-je, l'intérêt particulier que le roi a toujours pris à moi et surtout lors de mes deux mariages. Les souverains et les princes sont hommes, sire. Malheur à ceux qui oublient les liaisons de sang et de reconnaissance qui les lient entre eux. Au bout du compte c'est mon parent, lui dis-je. — Et mon oncle, me dit-il, et je ne l'ai pas oublié [1]). Тутъ разговоръ, упавъ на другое, кончился. Я разсуждаю о семъ такъ, что хотѣлъ онъ меня пощупать и сентименты мои; но жаръ его завелъ далѣе, нежели онъ и самъ хотѣлъ, что показываетъ великую étourderie. А можетъ быть, не хотѣлъ ли и понаговорить и чрезъ то меня отъ сего союза отклонить. Но какъ-бы оно ни было, все сіе чести гостю не дѣлаетъ, даже и авантюрируясь въ такомъ разговорѣ, ибо онъ все начиналъ и заставлялъ меня непріятные и вынужденные отвѣты себѣ давать“.

Возвращаясь къ пребыванію Густава III въ Петербургѣ въ другомъ письмѣ къ Панину, Цесаревичъ продолжалъ: „онъ отъ насъ уѣхалъ въ половинѣ текущаго мѣсяца и уже прибылъ къ себѣ; но не думаю, чтобъ онъ въ насъ и политикѣ нашей сдѣлалъ что-либо, а увидѣлъ, что топъ французскій человѣка не дѣлаетъ и задобрить не всегда можетъ, а особенно,

[1]) Мать Густава III была сестра Фридриха II.

гдѣ дѣло прямое, а не одни jolis mots et belles phrases. Наша братья балуется отъ того самаго, что некому правды намъ говорить; но при случаѣ таковой визиты, какову онъ намъ сдѣлалъ, будучи ровный съ ровнымъ, правду скорѣе услышишь, а особливо какъ не впопадъ что сдѣлаешь, а исправленія надобно ожидать послѣ; ибо всегда все въ лучшее толковать должно“ [1]).

Съ своей стороны и Марія Ѳедоровна писала Панину что „le roi de Suéde n'a eu que l'intention de brouiller notre cour avec celle de Prusse. Il faut que je vous avoue que l'intention de cette majesté ne m'a pas fait grand plaisir; mais grâces au ciel j'espère que ses conseils ne feront pas grand effet“ [2]).

Любопытно, что приведенный разговоръ съ Густавомъ III, Павелъ Петровичъ сообщилъ Фридриху II, союзомъ съ которымъ онъ особенно дорожилъ [3]).

Слѣдующій затѣмъ гость былъ желаннымъ гостемъ великой княгини Маріи Ѳедоровны. То былъ старшій ея братъ, принцъ Фридрихъ, впослѣдствіи первый король виртембергскій, пріѣхавшій въ Петербургъ, вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ Голландомъ, 16 сентября 1779 года и пробывшій здѣсь до февраля 1780 года [4]).

Молодой принцъ понравился Екатеринѣ. Она не только не замѣтила въ немъ никакой жестокости, въ чемъ обвиняли его впослѣдствіи, но, напротивъ того, его поведеніе и его образъ мыслей заслужили одобреніе Екатерины, что она и засвидѣтельствовала Фридриху II, на службѣ котораго состоялъ тогда принцъ виртембергскій [5]).

Пребываніе принца въ Петербургѣ не имѣло, конечно, политическаго значенія; большую часть времени проводилъ онъ въ обществѣ своей сестры и ея супруга.

Вскорѣ по отъѣздѣ принца Фридриха, Императрица, въ

[1]) Письма 25 и 29 іюня 1777. Р. А., 1882, II, 384—386.

[2]) Письмо 24 іюня 1777, тамъ-же, 398.

[3]) Письма его къ Сакену, С. Р. И. О., XX, 414—415.

[4]) Stark, 70 и слѣд.

[5]) Письмо 2 февраля 1780. С. Р. И. О., XX, 390. 29-го января 1780 г. принцу пожалованъ былъ Андреевскій орденъ.

маѣ 1780 года, отправилась въ Могилевъ, для обозрѣнія пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерній. Здѣсь должно было произойти свиданіе ея съ римскимъ Императоромъ Іосифомъ II.

Въ это время въ политикѣ Екатерины совершился переломъ. Причиною его былъ неразрѣшенный до-нынѣ вопросъ, извѣстный подъ именемъ восточнаго.

Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ положилъ начало ослабленію Турціи и былъ первымъ шагомъ къ греческому проекту, носившемуся уже въ воображеніи Императрицы Екатерины. Но какъ нынѣ, такъ и тогда, невозможно было приступить къ его осуществленію безъ содѣйствія Австріи, или, наоборотъ, безъ борьбы съ нею: сближеніе же съ Австріею казалось въ то время дѣломъ труднымъ. Императрица Марія Терезія постоянно уклонялась отъ союза съ Екатериною; ея министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Кауницъ, принялъ за правило препятствовать расширенію предѣловъ Россіи къ югу, а графъ Панинъ, съ своей стороны, всегда старался поддерживать пріязнь Россіи и Пруссіи.

Неожиданное событіе должно было, повидимому, еще болѣе отдалить Австрію отъ Россіи.

Въ концѣ 1777 года умеръ курфюрстъ баварскій Максимиліанъ Іосифъ. Со смертію его пресѣкся домъ, царствовавшій въ Баваріи, которая и должна была перейти въ родъ курфюрста пфальцскаго Карла Теодора. Вѣнскій дворъ, желавшій присвоить себѣ Баварію и расширить такимъ образомъ предѣлы имперіи до Рейна, убѣдилъ Карла Теодора уступить свои права на Баварію Маріи Терезіи. Между тѣмъ, послѣ его смерти, баварскій престолъ долженъ былъ перейти къ его дальнему родственнику, герцогу цвейбрюкенскому. Послѣдній протестовалъ противъ заключеннаго Карломъ Теодоромъ условія и обратился къ защитѣ прусскаго короля Фридриха II.

Это обстоятельство привело къ войнѣ между двумя великими германскими державами. Онѣ прибѣгли къ посредничеству Франціи и Россіи. Императрица Екатерина, хотя и считала себя обязанною, въ силу трактата 1764 года, помо-

гать Пруссіи, но всѣми мѣрами старалась избѣжать войны. Начатые въ этомъ смыслѣ переговоры привели дѣло къ мирному исходу и вопросъ о баварскомъ наслѣдствѣ былъ окончательно разрѣшенъ Тешенскимъ договоромъ, подписаннымъ, 13 мая 1779 г., со стороны Россіи, княземъ Репнинымъ. Этотъ трактатъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ Екатерины въ пользу Пруссіи; съ этого момента ея симпатіи склоняются на сторону Австріи. Одна изъ причинъ ея неудовольствія на Фридриха II заключалась въ томъ, что онъ оказывалъ особенное вниманіе Павлу Петровичу [1]).

Первая мысль о свиданіи между Екатериною II и Іосифомъ II принадлежала сему послѣднему и онъ привелъ ее въ исполненіе не смотря на несочувствіе его матери, императрицы Маріи Терезіи, къ этому свиданію.

Встрѣча ихъ произошла въ маѣ 1780 года, въ Могилевѣ, куда Іосифъ II прибылъ подъ именемъ графа Фалькенштейна.

Казалось бы, что за этимъ свиданіемъ императору Іосифу II не было особой надобности пріѣзжать въ Петербургъ. Намѣреніе свое посѣтить русскую столицу онъ объяснялъ желаніемъ познакомиться съ Павломъ Петровичемъ и Маріею Ѳедоровною.

Увѣдомляя объ этомъ сына и невѣстку, Екатерина предупреждала ихъ, что разговоръ графа Фалькенштейна нисколько имъ не наскучитъ; онъ очень уменъ, они найдутъ, въ немъ человѣка весьма свѣдущаго и онъ сдѣлаетъ имъ менѣе скуки, нежели король шведскій. Личность графа Фалькенштейна, по ея словамъ, должна была быть поставлена непосредственно за личностью короля прусскаго, да и то потому только, что послѣдній имѣлъ уже за собою сорокалѣтнюю репутацію [2]).

Съ своей стороны и Іосифъ II еще въ Могилевѣ говорилъ Безбородкѣ относительно особы великаго князя, изъявляя свое желаніе и нетерпѣливость познакомиться съ нимъ,

[1]) Донесеніе Гарриса, 15 февраля 1780. Harris, I, 238.

[2]) С. Р. И. О., IX, 53, 59, 62. Ср. письма Іосифа къ матери 8, 14 и 28 іюня 1780 г. Arneth. III, 253, 259 и 264.

какъ съ современникомъ своимъ, который, по превосходнымъ дарованіямъ своимъ, будетъ служить украшеніемъ нынѣшнему вѣку. „Я люблю въ немъ“, промолвилъ онъ, „ту точность, съ которою, какъ всѣ меня увѣряютъ, отправляетъ всѣ дѣла, какія онъ на себѣ имѣетъ. Таковая точность есть вещь рѣдкая въ молодыхъ людяхъ, но она нужна и въ особахъ его состоянія тѣмъ полезнѣе, что безъ сомнѣнія въ свое время и сдѣланное удержитъ и недоконченное свершитъ“ [1]).

Пребываніе Іосифа II въ Петербургѣ интересуетъ насъ лишь по отношеніямъ его къ Павлу Петровичу. Приведемъ прежде всего извлеченія изъ писемъ императора къ его матери [2]).

„Великій князь гораздо болѣе достоинъ вниманія, чѣмъ думаютъ за границею; его супруга очень хороша собою и какъ бы создана для занимаемаго ею положенія; они живутъ въ полномъ согласіи: украшеніемъ этого брака служитъ два сына. Императрица много занимается послѣдними; имъ предоставлено столько свободы, сколько нужно для развитія ихъ умственныхъ способностей и для укрѣпленія ихъ здоровья.

„Великій князь и великая княгиня, которыхъ при полномъ согласіи и при дружбѣ, господствующими между ними, нужно считать какъ бы за одно лицо, чрезвычайно интересныя личности. Они остроумны, богаты познаніями и обнаруживаютъ (я не могу судить, вполнѣ ли искренно или только внѣшнимъ образомъ) самыя честныя, правдивыя и справедливыя чувства, предпочитая всему миръ и ставя выше всего благоденствіе человѣчества. Ихъ обращеніе съ императрицею,—это особенно замѣтно у великаго князя,—нѣсколько сдержано и принужденно: нѣтъ той сердечности, безъ которой я не могъ бы жить. Великая княгиня болѣе естественна, имѣетъ вліяніе на мужа, любитъ его и управляетъ всѣмъ домомъ. Она со временемъ будетъ, быть можетъ, играть большую роль. Оба оказываютъ мнѣ искреннюю дружбу, однако съ ними нужно быть осторожнымъ; слишкомъ близкія къ нимъ

---

[1]) A. к. В., XIII, 21.

[2]) Arneth, III. 266—280. Ср. статью проф. Брикнера: Путешествіе Екатерины II въ Могилевъ въ Р. В., 1881, № 8 и 9 и С. Р. И. О., I, 405.

отношенія были бы неудобны. Я уже имѣлъ случай испытать это и нужно избѣгать такихъ случаевъ. Такъ какъ Императрица вчера чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, я обѣдалъ у великаго князя, на дачѣ. Вечеромъ, какъ всегда, было театральное представленіе. Въ понедѣльникъ я оставался наединѣ съ Императрицею, а затѣмъ имѣлъ приглашеніе ужинать у великаго князя. Послѣ обѣда на дачѣ великаго князя, или лучше сказать великой княгини, они заставили меня участвовать въ закладкѣ храма, посвященнаго дружбѣ [1]). Я не могъ отказаться. Все это было сопровождаемо многими любезностями и увѣреніями въ вѣчной дружбѣ; при этомъ присутствовали: Панинъ, Потемкинъ и разныя другія лица.

„Великій князь сообщилъ мнѣ кое-что о неловкости своего положенія и говорилъ о другомъ сынѣ (fils naturel) Императрицы. Это свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ довѣріи; трудно, однако, угодить обѣимъ сторонамъ. Великій князь одаренъ многими качествами, которыя даютъ ему полное право на уваженіе; не легко, однако, быть вторымъ лицомъ при такой Государынѣ.

„Великій князь, какъ кажется, чувствуетъ себя очень хорошо со мною; великая княгиня также. Чѣмъ короче я знакомлюсь съ нею, тѣмъ болѣе я ее уважаю. Она отличается рѣдкимъ характеромъ и умомъ, къ тому же очень хороша собою и держитъ себя отлично. Если бы я десять лѣтъ тому назадъ могъ найти или вообразить себѣ подобную ей принцессу, я бы женился на ней безъ затрудненія; она соотвѣтствовала бы моему положенію; мнѣ кажется, что сказать болѣе нельзя“ [2]).

Таковы отзывы Іосифа II, который, по свидѣтельству англійскаго посланника Гарриса, имѣлъ успѣхъ и при маломъ

---

[1]) Храмъ дружбы въ Павловскѣ, существующій до-нынѣ. См. Павловскъ, 348.

[2]) Это же Іосифъ повторилъ и въ другомъ письмѣ къ матери, изъ Риги $^{2}/_{23}$ іюля 1780 г. Arneth, III, 290.

дворѣ, въ особенности у великой княгини [1]), но, кажется, успѣхъ этотъ былъ непроченъ.

По отъѣздѣ Іосифа II онъ, изъ Риги, благодарилъ, какъ Екатерину, такъ и Павла Петровича и Марію Ѳедоровну Отвѣтъ великаго князя показался ему особенно достойнымъ вниманія [2]). Не знаемъ, почему именно это нашелъ Іосифъ II. Письмо Павла Петровича въ общихъ выраженіяхъ говоритъ о томъ, что отъ полнаго согласія убѣжденій и чувствъ его и Іосифа можно ожидать хорошихъ результатовъ въ будущемъ и что такимъ согласіемъ можетъ обусловливаться счастіе всего міра; въ письмѣ же Маріи Ѳедоровны любопытенъ только намекъ на возможность путешествія ея и ея супруга въ Вѣну [3]).

Въ началѣ іюля 1780 года Іосифъ II оставилъ Петербургъ, а чрезъ три недѣли пріѣхалъ туда другой царственный гость „съ цѣлью испортить все то хорошее, что могло имъ быть сдѣлано“ [4]).

То былъ наслѣдный принцъ прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, племянникъ короля Фридриха II.

Встрѣчая принца въ Нарвѣ, прусскій посланникъ графъ Герцъ, въ числѣ прочихъ замѣчаній о русскомъ дворѣ, доложилъ ему, что будетъ очень трудно сохранить надлежащую середину, дабы понравиться Императрицѣ и поддержать дружбу, уже установившуюся между Павломъ Петровичемъ и Маріею Ѳедоровною съ одной стороны и принцемъ прусскимъ съ другой. Это было дѣломъ, по мнѣнію Герца, высокой мудрости и если что-нибудь могло еще содѣйствовать увеличенію дружбы и привязанности Ихъ Высочествъ,—то это увѣренія, которыя принцъ долженъ бы заявлять великой княгинѣ о своей привязанности къ ея братьямъ, принцамъ виртембергскимъ, и уваженіе и безграничное довѣріе его къ графу Панину.

---

[1]) Cour, 343.
[2]) Письмо къ матери изъ Ковно 27 іюля.
[3]) Arneth, III, 229.
[4]) Arneth, III, 259.

Къ сожалѣнію, принцъ Фридрихъ Вильгельмъ не съумѣлъ сохранить этой золотой середины между Екатериною и Павломъ Петровичемъ. Его пребываніемъ въ Петербургѣ Екатерина осталась недовольна. Впослѣдствіи она выразилась, что: il est fait pour être mené и что таковымъ замѣченъ онъ еще во время бытности въ Россіи [1]). Напротивъ того, съ Павломъ Петровичемъ принцъ поддержалъ и укрѣпилъ добрыя отношенія, установившіяся между ними еще во время пребыванія великаго князя въ Берлинѣ. Хотя англійскій посланникъ Гаррисъ утверждалъ, что принцъ прусскій не нашелъ и въ Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳедоровнѣ того радушія, какого ожидалъ [2]), но это показаніе врага прусской политики едва ли справедливо. Прусскій посланникъ графъ Герцъ свидѣтельствуетъ, что между принцемъ и великимъ княземъ установились дружескія, доходившія почти до искреннѣйшаго довѣрія, отношенія [3]). Сохранились свѣдѣнія, что Павелъ Петровичъ, узнавшій отъ Іосифа II о предположеніяхъ Екатерины занять для Россіи Константинополь, предоставляя Австріи, взамѣнъ того, Римъ, сообщилъ объ этомъ наслѣдному прусскому принцу и графу Герцу [4]). При прощаніи Павла Петровича съ принцомъ вновь была рѣчь о постоянствѣ союза между Россіею и Пруссіею и объ истинной дружбѣ между обоими дворами. Графъ Панинъ объяснялъ наслѣдникамъ прусскаго и русскаго престоловъ систему политики, которой оба государства должны бы, по его мнѣнію, держаться въ будущемъ. Онъ старался доказать, что союзъ между обоими государствами долженъ считаться вѣчнымъ и ненарушимымъ. Въ этомъ смыслѣ объяснились Павелъ Петровичъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ, въ минуту разставанія, въ присутствіи графа Панина.

Павелъ Петровичъ пребылъ навсегда неизмѣнно вѣрнымъ этому принципу. Между тѣмъ, Екатерина, послѣ свиданія

[1]) Храповицкій подъ 19 октября 1788 г.
[2]) 11 сентября 1780. Cour, 346.
[3]) Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches. Wien, 1859, VI, 266.
[4]) Dohm, 420 въ примѣч.

съ Іосифомъ II и послѣдовавшей, въ томъ же году, смерти Маріи Терезіи, все тѣснѣе и тѣснѣе сближалась съ Австріею, и это ихъ разномысліе не слѣдуетъ терять изъ виду при изученіи послѣдующихъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Павла Петровича. Оно тѣмъ болѣе важно, что имѣло вліяніе и на ослабленіе значенія графа Панина въ дѣлахъ иностранной политики.

XVI.

Императоръ Іосифъ II не считалъ однако вліяніе свое въ Петербургѣ упроченнымъ, покуда не имѣлъ на своей сторонѣ великаго князя Павла Петровича и въ особенности его супруги, которая, по его наблюденіямъ, имѣла большое вліяніе на волю и на желанія своего мужа [1]). Обезпечить себѣ ихъ расположеніе Іосифъ II разсчитывалъ посредствомъ родственной связи.

Въ бытность его въ Петербургѣ, зашла у него однажды рѣчь съ Павломъ Петровичемъ и Маріею Ѳедоровною, между прочимъ, о супружеской жизни. Одна изъ сестеръ великой княгини, Фридерика, выходила въ это время замужъ за принца Петра голштинскаго. Разговаривая объ этомъ, Іосифъ II обратилъ вниманіе на то, что у него были племянники, изъ которыхъ одинъ, эрцгерцогъ Францъ, сынъ герцога Леопольда тосканскаго, былъ почти ровесникъ принцессы Елизаветы, младшей сестры великой княгини Маріи Ѳедоровны. Разговоръ естественно перешелъ къ обсужденію этой мысли, но Іосифъ II ограничился на первый разъ заявленіемъ, что, со временемъ, дѣло это могло бы уладиться [2]).

Кажется, что предположеніе свое объ этомъ брачномъ союзѣ Іосифъ II тогда же сообщилъ и Императрицѣ Екатеринѣ.

---

[1]) Arneth. Joseph II, I. 323.
[2]) Ib., 324.

Между тѣмъ, принцесса Елизавета въ то же время обратила на себя вниманіе короля прусскаго, Фридриха II, который также занялся планами объ устройствѣ ея будущности, предложивъ ей въ женихи наслѣднаго принца датскаго, сына короля Христіана VII.

Екатерина сообщила объ этомъ Іосифу II [1]) и тѣмъ положила основаніе оффиціальнымъ переговорамъ о предположенномъ бракѣ. Братъ Іосифа, Леопольдъ тосканскій, выразилъ полное на него согласіе и Екатерина, вслѣдствіе этого, могла обратиться къ родителямъ молодой принцессы, предлагая имъ этотъ бракъ [2]).

Написавъ принцу виртембергскому въ пользу свадьбы, ею предлагаемой, Екатерина пригласила къ себѣ Павла Петровича и Марію Ѳедоровну, продиктовала имъ письма, которыя желала, чтобы они послали, заставила ихъ при себѣ запечатать эти письма и затѣмъ включила ихъ въ свой пакетъ, отправленный въ Монбельяръ. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна глубоко почувствовали произволъ и недовѣріе, заключавшіеся въ этомъ поступкѣ [3]). Оно тѣмъ болѣе было имъ непріятно, что они уже знали, что за отказомъ принца датскаго, шли переговоры о бракосочетаніи принцессы Елизаветы съ внукомъ короля Фридриха II, принцемъ прусскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ, что Екатеринѣ еще извѣстно не было [4]).

Эти препятствія крайне раздражали Екатерину [5]), которая съ своей стороны старалась удовлетворить желанія Іосифа II. Наконецъ, получивъ согласіе родителей принцессы, она могла, 2 іюня 1781 года, сообщить ему, что дѣло это можно считать конченнымъ.

Извѣстіе это получено было Іосифомъ въ то время, когда онъ находился въ Голландскихъ Штатахъ, откуда онъ посѣтилъ

---

[1]) 22 января 1781. Arneth, Katharina, 40.

[2]) Письмо ея къ Іосифу 23 марта 1781 г. Ib., 63.

[3]) Донесеніе Гарриса 26 марта 1781. Harris, 354.

[4]) На этотъ бракъ не согласился принцъ виртембергскій отецъ. Іосифъ II къ Леопольду 20 мая 1781 г. Arneth, Joseph II, I, 33.

[5]) Депеша Гарриса, 27 апрѣля. Harris, 362.

Парижъ и на возвратномъ пути заѣхалъ въ Монбельяръ, дабы познакомиться съ принцессою Елизаветою. Получивъ въ то же время извѣстіе о путешествіи, которое Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна намѣрены были совершить за границу, Іосифъ пригласилъ принца Фридриха Евгенія виртембергскаго съ супругою и съ принцессою Елизаветою прибыть въ Вѣну, желая сдѣлать этимъ пріятное Маріи Ѳедоровнѣ [1]).

Самая мысль о заграничномъ путешествіи Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны внушена была Екатеринѣ, если вѣрить разсказу Гарриса [2]), Іосифомъ II, во время его бытности въ Петербургѣ и вопросъ этотъ, вѣроятно, былъ рѣшенъ между имъ и Императрицею одновременно съ вопросомъ о бракѣ эрцгерцога Франца. Единственная, имѣвшаяся при этомъ цѣль состояла въ томъ, чтобы положить основаніе прочному союзу между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами, утвердить продолженіе дѣла, начатаго Императоромъ, ослабить сильное вліяніе, пріобрѣтенное королемъ прусскимъ и его партіею надъ малымъ дворомъ, побѣдить укоренившееся пристрастіе и расположеніе Цесаревича къ этому монарху и замѣнить ихъ чувствами, совершенно противуположными

Будучи хорошо знакома съ недовѣрчивымъ характеромъ Цесаревича и съ непріязненнымъ расположеніемъ къ ней всѣхъ его окружавшихъ, Екатерина знала, что еслибы предложеніе о его путешествіи явилось непосредственно отъ нея или отъ кого нибудь изъ довѣренныхъ ея лицъ, то сомнѣнія и подозрѣнія не только представились бы уму великаго князя, но были бы ему внушаемы и развиваемы тѣми личностями, которыя имѣли вліяніе на его дѣйствія и мнѣнія. Поэтому, слѣдуя совѣту Потемкина, и дѣйствуя чрезъ его посредство, она обратилась къ князю Репнину, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ Павла Петровича и, скрывъ отъ него свои дѣйствительныя побужденія и намѣренія, сказала ему, что чрезвычайно желала бы, чтобы ея сынъ предпринялъ путешествіе съ цѣлью пріобрѣтенія познанія и опытности, и что она имѣетъ

[1]) Письма къ Леопольду 8 и 16 августа, Arneth, Joseph II, I, 39.
[2]) Донесеніе 2 октября 1781. Harris, 400.

въ виду и то, что этимъ онъ отрѣшился бы отъ многихъ предразсудковъ, которыми былъ зараженъ. Но въ то же время она никакъ не желала предложить ему что-либо, что могло бы быть объяснено намѣреніемъ удалить его, и ей хотѣлось бы, чтобы это явилось его собственнымъ желаніемъ; вслѣдствіе чего она и поручила князю Репнину навести понемногу Павла Петровича на мысль о путешествіи, внушая какъ ему, такъ и Маріи Ѳедоровнѣ, что для лицъ, столь высокопоставленныхъ, не только полезно, но и необходимо взглянуть на характеръ разныхъ странъ и ознакомиться съ разными формами правленія. Въ заключеніе Екатерина обѣщала князю Репнину, въ случаѣ успѣха въ этомъ дѣлѣ, наградить его какимъ-либо особымъ доказательствомъ своей милости. Прежде же, чѣмъ дать ему это порученіе, Екатерина, вслѣдствіе самой ничтожной причины, сдѣлала видъ, будто чрезвычайно имъ недовольна, такъ что вышеупомянутая награда и возвращеніе его въ милость сдѣлались условіями, обѣщанными ему за успѣхъ.

Князь Репнинъ искусно выполнилъ данныя ему приказанія: безпрестанно говоря о чужихъ краяхъ и о выгодахъ, пріобрѣтаемыхъ отъ знакомства съ ними, онъ возбудилъ въ Цесаревичѣ сильное желаніе путешествовать и еще сильнѣйшее въ великой княгинѣ. Это сдѣлалось ихъ любимою мечтою и они постоянно жаловались на невозможность привести ее въ исполненіе.

Тогда они обратились за совѣтомъ къ графу Панину, а такъ какъ князь Репнинъ строго сохранялъ тайну Императрицы, то они и не встрѣтили въ Панинѣ того сопротивленія, котораго ожидали. Ему тотчасъ же представилась мысль обратить это путешествіе въ пользу союза съ Пруссіею и сдѣлать главною цѣлью ихъ поѣздки не Вѣну, а Берлинъ. Поэтому Ихъ Высочества около половины іюня 1781 года отправились къ Императрицѣ [1]) и въ сильномъ волненіи и подъ опасеніемъ отказа, высказали свою просьбу. Императрица, съ

[1]) О предположенномъ путешествіи Екатерина сообщила Іосифу II въ письмѣ 4 іюля 1781 г. Arneth, Joseph II, 96.

своей стороны, приняла ее какъ будто съ удивленіемъ и безпокойствомъ; она сказала имъ, что они чрезвычайно поразили ее, поставивъ ее въ необходимость, или, согласившись на ихъ просьбу, лишить себя на продолжительное время ихъ общества, или отказать имъ въ томъ, чего они желали и такимъ образомъ воспрепятствовать ихъ жаждѣ къ знанію и ученію, тогда какъ она сама не могла не одобрить этого чувства. Послѣ продолжительнаго разговора, во время котораго они сильно поддерживали свою просьбу, она постепенно согласилась на ихъ желаніе. Было рѣшено, что они отправятся въ путешествіе, но съ условіемъ, что Императрица начертитъ планъ ихъ поѣздки и изберетъ лицъ въ составъ ихъ свиты.

Императрица, которая уже къ этому приготовилась, въ теченіе нѣсколькихъ дней назначила ихъ свиту, продолжительность ихъ отсутствія и намѣтила страны, которыя имъ предстояло посѣтить. Ихъ Высочества, согласились со всѣми ея рѣшеніями, прося только, чтобы князь Куракинъ былъ включенъ въ число лицъ, ихъ сопровождающихъ, а Версаль въ число дворовъ, которые имъ предстояло посѣтить.

Первое было имъ охотно дозволено; во второмъ имъ также не отказали, хотя согласіе явилось лишь послѣ усиленныхъ просьбъ, да и тогда съ видимой неохотой. Когда же Берлинъ былъ упомянутъ великой княгиней, то на это она получила рѣшительный и даже гнѣвный отказъ Екатерины. Всѣ послѣдующія попытки короля прусскаго, какъ чрезъ посредство Ихъ Высочествъ, такъ и чрезъ его собственныхъ министровъ и другихъ агентовъ, не смотря на то, что онъ ихъ много разъ возобновлялъ и всякій разъ употреблялъ различные пріемы, остались совершенно безуспѣшными.

Въ свиту Ихъ Высочествъ назначены были: генералъ-адъютантъ Н. И. Салтыковъ и его жена; фрейлины великой княгини Н. С. Борщова и Е. И. Нелидова; камергеры: князь Н. Б. Юсуповъ, пользовавшійся репутаціею знатока искусствъ и древностей и князь А. Б. Куракинъ; камеръ-юнкеръ Ѳ. Ѳ. Вадковскій; подполковникъ Х. И. Бенкендорфъ и его жена; капитанъ-лейтенантъ С. И. Плещеевъ; поручикъ

Клингеръ, Лафермьеръ, Николаи, священникъ Самборскій и докторъ К. Ѳ. Крузе.

Въ письмѣ къ Іосифу II, 4 іюля, Екатерина говорила, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна отправятся въ концѣ сентября, потому что привитіе оспы ихъ сыновьямъ должно было предшествовать этой поѣздкѣ, а 12 іюля Павелъ Петровичъ писалъ Сакену [1]), что онъ отправится путешествовать лишь только его дѣтямъ привьютъ оспу. При этомъ онъ еще ничего не могъ сказать относительно посѣщенія Франціи, но выразилъ мнѣніе, что было бы стыдно, проѣзжая мимо, оставить ее безъ вниманія. Цѣль путешествія состояла въ томъ, чтобы употребить всѣ усилія, принести возможно больше пользы своей странѣ, а для этого надобно пріобрѣтать познанія, а не сидѣть сложа руки.

До тѣхъ поръ, пока графъ Панинъ оставался въ Петербургѣ, продолжаемъ разсказъ Гарриса, настроеніе и расположеніе ихъ высочествъ были подвержены постояннымъ перемѣнамъ.

Послѣ отъѣзда графа Панина [2]) обстоятельства перемѣнились: великій князь и великая княгиня стали очевидно расположены въ пользу Австріи, не разговаривали ни съ кѣмъ, кромѣ австрійскаго посла графа Кобенцеля и его жены и были вполнѣ заняты мыслью объ императорѣ. Еще никогда до тѣхъ поръ не находились они въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ императрицею, какъ въ этотъ періодъ времени; они были вѣжливы даже къ князю Потемкину. Это послѣдовательное и пріятное для императрицы поведеніе дѣйствительно приблизило ихъ къ ней и было причиною того, что въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ они были съ ней въ отношеніяхъ дружбы и искренности, неизвѣстныхъ имъ до того времени.

Но, съ возвращеніемъ графа Панина, ихъ дѣйствія измѣнились. Немедленно былъ составленъ заговоръ, произведшій

---

[1]) С. Р. И. О., XX, 429.

[2]) Графъ Панинъ уѣхалъ въ отпускъ $^{13}/_{24}$ мая и возвратился только въ первыхъ числахъ сентября 1781 г.

во дворцѣ временное броженіе, и который, по мнѣнію Гарриса, могъ сравниться лишь съ настоящею революціею. Панинъ велъ дѣло съ искусствомъ стараго и опытнаго мастера придворныхъ интригъ и не отставалъ отъ него до самой минуты ихъ отъѣзда.

Объяснивъ затѣмъ, что Панинъ дѣйствовалъ подъ сильнымъ вліяніемъ Фридриха II, Гаррисъ продолжаетъ, что тотчасъ же по возвращеніи въ Петербургъ онъ началъ возбуждать въ умѣ великой княгини сильнѣйшія опасенія на счетъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ иногда привитіе оспы. А такъ какъ она отличалась особенною материнскою нѣжностью и полнѣйшею преданностью семейнымъ обязанностямъ, то мысль о томъ, что ея дѣти находятся въ опасности, подняла въ ея умѣ самую трудную борьбу. Это отравило все удовольствіе ожидаемаго путешествія, а возможность нездоровья дѣтей возбудила въ ней сильнѣйшее желаніе отсрочить поѣздку. Ея докторъ Крузе, преданный графу Панину, своими неопредѣленными выраженіями только усиливалъ ея безпокойство и торжественныя увѣренія барона Димсдаля и доктора Рожерсона не могли ее успокоить. Великій князь вполнѣ раздѣлялъ эти чувства, но графъ Панинъ позаботился о томъ, чтобы подѣйствовать на него еще болѣе сильнымъ образомъ. Ему удалось овладѣть тайною князя Репнина и открыть великому князю, что то, что онъ считалъ собственнымъ и добровольнымъ рѣшеніемъ, составляло преднамѣренную и давно задуманную задачу другихъ; что, по всей вѣроятности, за нею скрывались самыя пагубныя намѣренія; что, можетъ быть, было опредѣлено, что онъ никогда не вернется въ Россію; можетъ быть, его дѣти будутъ отъ него отняты. И хотя онъ не утверждалъ ни одного изъ этихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе старался придать имъ правдоподобіе, чрезъ различныя намеки и предположенія. Онъ говорилъ о честолюбивомъ и безнравственномъ характерѣ князя Потемкина, обо всѣхъ окружающихъ императрицу, и даже сама она не избѣжала его осужденія. Затѣмъ онъ распространялся о томъ, что онъ выдавалъ за достовѣрныя свѣдѣнія относи-

тельно императора, увѣряя, что онъ никогда не имѣлъ искренняго намѣренія женить своего племянника на сестрѣ великой княгини; что какъ скоро она прибудетъ въ Вѣну, онъ можетъ распорядиться съ нею какъ хочетъ. Онъ при этомъ говорилъ такія вещи, которыя перо Гарриса невластно было передать даже шифромъ и черезъ курьера.

Подобная рѣчь, обращенная къ лицу столь опасливому, какъ великій князь, и притомъ человѣкомъ, котораго онъ привыкъ уважать и словамъ котораго всегда вѣрилъ, не могла не произвести самаго сильнаго впечатлѣнія. Это совершенно его смутило, и опасенія его были такъ сильны, что въ воскресенье, 12 сентября, великій князь и великая княгиня (такъ какъ великій князь имѣлъ слабость сообщить ей все, что слышалъ отъ графа Панина) объявили намѣреніе не уѣзжать до тѣхъ поръ, пока ихъ дѣти окончательно не выздоровѣютъ. Они твердо стояли на этомъ рѣшеніи; ихъ даже невозможно было уговорить назначить день, до котораго они желали отложить свой отъѣздъ, и Императрица не могла никакимъ способомъ добиться отъ нихъ дальнѣйшихъ объясненій. Во весь этотъ день, а также въ слѣдующіе за нимъ, понедѣльникъ и вторникъ, дѣла оставались въ этомъ колеблющемся положеніи. Почтовыя лошади были отказаны; лица, которымъ предстояло выѣхать впередъ, чтобы приготовить помѣщенія и т. д., остановлены. Великій князь и великая княгиня выказали такую рѣшимость, что даже Императрица не знала что дѣлать. Все, что она имъ ни говорила, оказывалось безполезнымъ, и ни ея просьбы, ни повелительныя выраженія не могли на нихъ подѣйствовать.

Мы привели этотъ разсказъ Гарриса, хотя онъ, по нашему мнѣнію, очень прикрашенъ и написанъ имъ съ цѣлію показать то сильное вліяніе, которое онъ будто бы имѣлъ, какъ онъ разсказываетъ далѣе, въ дѣлѣ разоблаченія какихъ-то интригъ Панина. Между тѣмъ, при самомъ разрѣшеніи, которое Екатерина дала Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ, въ началѣ іюля, на ихъ путешествіе, было уже условлено, что они отправятся въ это путешествіе не ранѣе сен-

тября, потому что привитіе оспы ихъ сыновьямъ должно было предшествовать ихъ поѣздкѣ [1]) и вполнѣ естественно, что Марія Ѳедоровна желала выждать результаты этой операціи.

Въ такомъ состояніи Гаррисъ нашелъ дворъ въ среду утромъ. По его словамъ, онъ раскрылъ Потемкину интригу Панина и совѣтовалъ ему дѣйствовать рѣшительно. Слова Гарриса,—продолжаемъ его разсказъ,—видимо подѣйствовали на Потемкина. Пройдя по свойственной ему привычкѣ, нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ и не давъ Гаррису никакого отвѣта, онъ отправился къ Екатеринѣ, и вернувшись оттуда черезъ часъ, сообщилъ, что все устроено. Отъѣздъ Ихъ Высочествъ былъ назначенъ на слѣдующее воскресенье, и лица, находившіяся въ Царскомъ Селѣ, должны были тотчасъ же съ ними проститься. Потемкинъ сказалъ Гаррису, что хотя Императрица настояла на этомъ рѣшеніи, но что въ то же время она говорила съ великимъ княземъ и великою княгинею такъ ласково и искренно, что слова ея значительно ихъ успокоили. Тѣмъ не менѣе они казались сильно растроганными; вечеромъ, когда Гаррисъ явился проститься съ ними, они были чрезвычайно взволнованы; глаза ихъ были красны и полны слезъ, а изъ пріема, который они ему оказали, онъ ясно увидѣлъ, что они наслушались рѣчей графа Панина.

Въ воскресенье, 19 сентября 1781 г., вечеромъ, около половины шестаго, Ихъ Императорскіе Высочества выѣхали изъ Царскаго Села.

Невозможно описать волненіе великой княгини въ минуту отъѣзда. Прощаясь съ дѣтьми, она упала въ обморокъ и была отнесена въ карету въ безпамятствѣ. Она хотѣла сказать что-то Императрицѣ, но голосъ ея оборвался, и вообще ея видъ и манеры болѣе напоминали положеніе особы, осужденной на изгнаніе, чѣмъ готовящейся къ пріятному и поучительному путешествію. Великій князь находился въ та-

[1]) То же сообщила Екатерина Гримму. С. Р. И. О., XXIII, 214.

комъ же состояніи. Сѣвъ въ карету, онъ опустилъ шторы и велѣлъ кучеру ѣхать какъ можно скорѣе [1]).

Князь Орловъ, князь Потемкинъ, графъ Панинъ и большая часть высшихъ и придворныхъ чиновъ проводили ихъ до кареты. Послѣдній изъ нихъ стоялъ ближе всѣхъ къ великому князю когда онъ садился въ экипажъ, и въ эту минуту прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ, на которыя не получилъ отвѣта. Императрица, проводившая ихъ до прихожей своихъ покоевъ, была сильна разстроена и, простившись съ ними, тотчасъ же отправилась къ своимъ внукамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что эта необыкновенная чувствительность Ихъ Высочествъ вызвана была не одною только разлукою съ дѣтьми. Графъ Панинъ наполнилъ ихъ умы опасеніями, и они уѣхали подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ ужаса.

Другой дипломатъ, французскій посланникъ Веракъ, описавъ эту трогательную сцену [2]), дополнилъ ее слѣдующими подробностями. На пути отъ Царскаго Села до первой станціи, Цесаревичъ и его супруга испытали тѣ же выраженія любви. Народъ толпами бѣжалъ къ нимъ на встрѣчу, привѣтствовалъ ихъ и едва не бросался подъ колеса ихъ экипажа. Императрица была чрезвычайно недовольна впечатлѣніемъ, которое произвелъ ихъ отъѣздъ. Она не думала видѣть такихъ общихъ и энергическихъ выраженій привязанности народа къ Ихъ Высочествамъ. Какъ бы то ни было, въ маршрутъ ихъ путешествія не желали включить Москву:— тѣ же сцены могли бы повториться тамъ съ тѣмъ бо́льшею силою, что ничто не могло бы стѣснить ихъ свободное проявленіе.

Прибывъ на первую станцію, Красное Село, Марія Ѳедоровна записала въ своей маршрутной книжкѣ: „Mon âme a été vivement affectée ce dimanche, 19 septembre. Le regret de quitter mes enfans, ma patrie, mes amis m'abat et m'anéan-

[1]) Депеша Гарриса, 21 сентября 1781. Harris, 393.
[2]) Cour, 362.

tit, mais qu'il m'est consolant de voir par les larmes de tout le monde qu'on est sensible à notre départ et qu'on nous aime; puissions nous par notre façon d'agir mériter les sentimens qu'on nous a témoignés; mes larmes ne tariront qu'à mon retour". [1]).

Послѣ отъѣзда Павла Петровича и его супруги, въ воскресенье, 26 сентября, отслужено было благодарственное молебствіе за исцѣленіе молодыхъ великихъ князей отъ оспы [2]).

[1]) Routes de différents pays de l'Europe pour le voyage de Madame la comtesse du Nord 1781, рукопись библіотеки академика А. А. Куника. Въ этой рукописи объяснены маршруты между разными городами Европы, писанныя, кажется, рукою Николая, и находятся нѣсколько отмѣтокъ Маріи Ѳедоровны.

[2]) Спб. Вѣдомости № 78. О приготовленіяхъ къ этому торжеству, см. повелѣніе Императрицы митрополиту Гавріилу въ Р. А. 1869, 1599.

XVII.

Императоръ Іосифъ II, въ гостяхъ у котораго въ Вѣнѣ Цесаревичъ и его супруга, принявшіе на время путешествія титулъ графа и графини Сѣверныхъ, провели шесть недѣль, сообщилъ своему брату, герцогу Леопольду тосканскому, слѣдующій о нихъ отзывъ:

„Великій князь и великая княгиня соединяютъ съ не совсѣмъ обыкновенными талантами и съ довольно обширными знаніями, желаніе обозрѣвать и поучаться и въ то же время имѣть успѣхъ и нравиться всей Европѣ. Такъ какъ можно разсчитывать на ихъ скромность и честность, то ничѣмъ нельзя болѣе обязать ихъ, какъ доставляя имъ возможность осматривать все безъ подготовки и безъ прикрасъ, говорить съ ними съ полною откровенностью, не скрывать отъ нихъ недостатковъ, которые и безъ того не ускользнули бы отъ ихъ проницательности и обращать ихъ вниманіе на добрыя намѣренія, которыми вы одушевлены, хотя бы они еще и не выразились фактически. Такъ какъ они, не столько по характеру, сколько по обстоятельствамъ, нѣсколько недовѣрчивы, то нужно заботливо избѣгать всего, что могло бы имѣть видъ уловки (finasserie) или играть предъ ними комедію.

„Непродолжительное время, которое они проведутъ у васъ, не слѣдуетъ терять въ представленіяхъ и комплиментахъ, которые обыкновенно дѣлаются при новыхъ знакомствахъ, но

должно немедленно предварить ихъ, что получивъ отъ меня свѣдѣнія объ ихъ образѣ мыслей на нашъ счетъ, вы желаете съ первой же минуты, говорить и обходиться съ ними съ полнымъ довѣріемъ и дружбою, какъ будто бы имъ предшествовало уже продолжительное знакомство, и согласно съ этимъ, употребить съ пользою немногія минуты, которыя вы съ ними проведете, на то, чтобы ознакомить ихъ съ вами и доставить себѣ полное удовольствіе обхожденіемъ съ ними и ихъ любезнымъ обществомъ.

„Вы можете говорить съ ними обо всемъ, но какъ они очень нѣжные и очень заботливые родители, то безъ сомнѣнія ихъ заинтересуетъ во всѣхъ подробностяхъ воспитаніе вашихъ дѣтей.

„Образъ ихъ жизни весьма правиленъ, а какъ притомъ здоровье великаго князя не такъ крѣпко, какъ бы то было желательно, то должно заботливо избѣгать продолжительныхъ вечеровъ и слишкомъ частаго утомленія. Желательно бы было устроить такъ, чтобы они не были поставлены въ необходимость выѣзжать ранѣе 9 или 10 часовъ утра, а тѣмъ болѣе чтобы къ 10 или 11 часамъ вечера они могли удаляться къ себѣ, такъ какъ значительную часть утра и даже вечера они употребляютъ на занятія и на переписку.

„Ихъ весьма интересуютъ всѣ предметы, дѣйствительно замѣчательные по ихъ древности, рѣдкости въ природѣ, размѣру или богатству сооруженія; поэтому не слѣдуетъ утомлять ихъ обозрѣніемъ нѣсколькихъ предметовъ въ одинъ день, но предоставить имъ возможность осмотрѣть въ подробности все наиболѣе любопытное и замѣчательное.

„Они съ интересомъ изучаютъ общественныя учрежденія, какъ благотворительныя, такъ и учебныя, и какъ притомъ желаютъ обратить на пользу все, что обозрѣваютъ, то не только не слѣдуетъ отказывать имъ въ сообщеніи письменныхъ свѣдѣній, со всею подробностью и точностью, которую они могутъ потребовать, но напротивъ того, предлагать имъ эти свѣдѣнія, потому что и безъ того всѣ эти учрежденія устроены не для того, чтобы оставаться въ тайнѣ, а подобные

знаки довѣрія и предупредительности очень имъ понравятся, доказывая желаніе ваше содѣйствовать полезности и пріятству ихъ путешествія.

„Знакомство съ лицами, наиболѣе просвѣщенными и извѣстными, составляетъ главный предметъ ихъ любознательности и какъ въ то же время они желаютъ видѣть избранное и притомъ немногочисленное общество и пользоваться имъ, необходимо устроить соотвѣтственно этому обѣды и бесѣды, среди которыхъ Ихъ Высочества будутъ имѣть удовольствіе познакомиться со всѣми, которые выдвигаются изъ ряду не только по рожденію, но и по уму и по знаніямъ. Въ то же время Ихъ Высочества будутъ имѣть случай выказаться разговорами, любезностью и образованностью передъ лицами, наиболѣе способными судить объ этомъ и которые, воздавъ имъ справедливость, привлекутъ на ихъ сторону общественное мнѣніе.

„Цесаревичъ не танцуетъ; великая княгиня принимаетъ участіе въ танцахъ, но они ее не занимаютъ; поэтому балы пригодны лишь какъ средство соединить вокругъ нихъ, безъ стѣсненія, дворянство или вообще болѣе обширное общество, въ которомъ они могли бы оставаться, сколько имъ заблагоразсудится, или какъ средство показать имъ хорошо убранныя залы или иллюминованный театръ. Это даже лучшее средство представить имъ всѣхъ одновременно и безъ чиновъ.

„Они соблюдаютъ очень строго и точно свое инкогнито; даже въ частномъ разговорѣ не слѣдуетъ называть ихъ иначе, какъ графомъ и графинею Сѣверными. Они не примутъ помѣщенія, развѣ у васъ на дачѣ или если найдется какой-нибудь домъ, которому можно бы было придать видъ наемнаго отеля. Обѣдать и ужинать будутъ они только у васъ, не принимая никакихъ праздниковъ отъ частныхъ лицъ или иностранныхъ посланниковъ, но посѣщаютъ общественныя собранія и даже частныхъ лицъ, дѣлая визиты лично какъ мужчинамъ, такъ и дамамъ. Чѣмъ строже будетъ соблюдено ихъ инкогнито, даже при дворѣ, тѣмъ лучше.

„Хорошая музыка и хорошій спектакль, въ особенности если они непродолжительны и не затягиваются до поздняго вечера, доставляютъ имъ, кажется, удовольствіе. Военное и морское дѣло, конечно, составляетъ одинъ изъ любимыхъ предметовъ ихъ занятій, точно также какъ и торговля, промышленность и мануфактуры. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ предоставить имъ всѣ удобства и облегченія, которыя они пожелаютъ имѣть.

„Относительно стола они вовсе не требовательны; они любятъ простыя, но хорошія блюда и, въ особенности, компоты изъ фруктовъ; ничего не пьютъ, кромѣ воды, а великая княгиня привыкла къ употребленію воды зельтерской. Ужинаютъ они чѣмъ Богъ пошлетъ и не любятъ обѣдать позже двухъ часовъ. Равнымъ образомъ они не любятъ никакой игры.

„Великая княгиня прекрасно играетъ на фортепьяно; нужно постараться, чтобы въ ея комнатахъ былъ хорошій инструментъ; она очень любитъ цвѣты,—позаботьтесь, чтобы каждое утро ей былъ представляемъ свѣжій букетъ“.

Переходя затѣмъ къ лицамъ свиты графа и графини Сѣверныхъ, Іосифъ II такъ отозвался о нихъ:

„Фрейлины Борщова и Нелидова имѣютъ шагъ передъ Салтыковою и Бенкендорфъ; поэтому во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ должны проходить или быть приглашаемы ранѣе послѣднихъ. Салтыкова женщина болѣзненная и очень рѣдко выѣзжаетъ; Бенкендорфъ же, довѣренное лицо великой княгини, преимущественно сопровождаетъ ее повсюду и къ ней слѣдуетъ обращаться за совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ, когда нужно сдѣлать что либо угодное великой княгинѣ. Бенкендорфъ женщина рѣдкихъ достоинствъ и вполнѣ заслужила вниманіе, которое Ихъ Высочества ей оказываютъ: она его чувствуетъ и никогда имъ не злоупотребляетъ.

„Салтыковъ, генералъ-адъютантъ Императрицы, т. е. облеченъ такимъ званіемъ, которое онъ заслужилъ своими военными подвигами и своею честностью. Къ нему слѣдуетъ обращаться за всѣми подробностями относительно путешествія

Ихъ Высочествъ и ихъ намѣреній, но какъ онъ не всегда бываетъ при нихъ и слѣдуетъ за ними днемъ позже, то всѣ подробности по путешествію и производство расходовъ возложены на подполковника Бенкендорфа, очень разумнаго молодого человѣка. Морской офицеръ Плещеевъ посылается обыкновенно впередъ, для выбора помѣщеній и остановокъ.

„Князь Куракинъ, сопутствующій Ихъ Высочествамъ по чувству личной преданности, состоитъ при нихъ уже въ теченіи многихъ лѣтъ. Будучи племянникомъ графа Панина, онъ уже этимъ имѣетъ право на признательность великаго князя и пользуется довѣріемъ и отмѣннымъ вниманіемъ Ихъ Высочествъ. Онъ человѣкъ любезный и съ обращеніемъ высшаго общества.

„Князь Юсуповъ, очень образованный молодой человѣкъ, чрезвычайно хорошо воспользовался своими путешествіями. Онъ прекрасно говоритъ по итальянски и большой знатокъ древностей, искусствъ и живописи. Поэтому слѣдуетъ приглашать его въ удобныхъ случаяхъ для сопутствованія Ихъ Высочествамъ.

„Вадковскій очень милый молодой человѣкъ.

„Докторъ Крузе долженъ быть поставленъ на ряду со всѣми кавалерами, которыхъ я только-что поименовалъ, такъ какъ онъ всегда обѣдаетъ съ Ихъ Высочествами. Какъ врачъ, онъ обладаетъ не часто встрѣчающимися талантами и пользуется въ этомъ отношеніи заслуженнымъ довѣріемъ Ихъ Высочествъ.

„Секретарь Николаи принадлежитъ къ числу тѣхъ драгоцѣнныхъ людей, которые служатъ своему Государю, никогда не дѣлая этого на показъ или изъ желанія отличиться.

„Всѣ остальныя, состоящія въ свитѣ лица, не исключая и священника [1]), хорошо выбраны и еще лучше поставлены Ихъ Высочествами, такъ что чувствуютъ только ихъ доброту, никогда не забывая своего положенія“.

Эта характеристика, сдѣланная Іосифомъ II въ откровен-

[1]) Протоіерея Самборскаго.

помъ письмѣ къ брату исключительно для его руководства [1]), и которая поэтому не можетъ быть заподозрѣна въ пристрастіи, показываетъ какіе интересы Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна преслѣдовали во время своего путешествія. Цѣлью этого путешествія было желаніе обогатиться познаніями.

Въ Россіи путь великаго князя и его супруги лежалъ на Псковъ, Полоцкъ, Могилевъ, Черниговъ и Кіевъ.

Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, графъ З. Г. Чернышовъ великолѣпно угостилъ великаго князя въ принадлежавшемъ ему мѣстечкѣ Чечерскѣ: былъ благородный театръ, была дана опера „Новое Семейство“, для сего случая сочиненная бывшимъ тогда полковникомъ Вязмитиновымъ, а музыка оной — адъютантомъ графа Фрейлихомъ, и французская комедія „Anglomanie“. Спектакль кончился прологомъ, игранномъ дѣтьми и сочиненномъ секретаремъ графа, Ѳ. П. Ключаревымъ. По окончаніи театра актеры представлены были Ихъ Высочествамъ. Великій князь спросилъ у отца одного изъ нихъ, Энгельгардта, записанъ ли его сынъ въ службу, и когда тотъ отвѣчалъ, что записанъ въ преображенскомъ полку сержантомъ, Цесаревичъ сказалъ: „пожалуйста не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобы онъ развратился“. Послѣ ужина сожженъ былъ фейерверкъ. Ихъ Высочества посѣтили Шкловъ, принадлежавшій бывшему фавориту Зоричу, и Гомель, мѣстечко, принадлежавшее фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву, гдѣ также были угощаемы [2]).

Современное описаніе пребыванія ихъ въ Кіевѣ слѣдующее:

11 октября генералъ-губернаторъ графъ Румянцевъ встрѣтилъ ихъ у городской черты и препровождалъ, ѣдучи подлѣ ихъ кареты, и какъ только пріѣхали къ первой верстѣ по ту сторону моста чрезъ Днѣпръ, то данъ былъ сигналъ ракетою и съ крѣпости выпалено изъ 51 пушки, доколѣ мостъ переѣхали; переѣхавши же мостъ, изволили остановиться передъ тріум-

[1]) Письмо 12 февраля 1782, Arneth, Joseph II, I, 332.

[2]) Энгельгардтъ, 25.

фальными воротами, въ каретѣ, а на сихъ воротахъ играла музыка. Тутъ подошли къ каретѣ войтъ съ членами и принесли подданническое свое поздравленіе съ счастливымъ прибытіемъ въ Кіевъ, а бургомистръ и городской голова поднесли хлѣбъ и соль, на что Ихъ Высочества, поблагодаря, изволили проѣхать ворота и тамъ, выйдя изъ дорожной своей кареты, сѣсть въ парадную графскую и слѣдовать за передовыми конвойными такимъ порядкомъ: въ самомъ передѣ магистратская реестровая конница съ 130 человѣкъ въ единокалиберныхъ и единоформатныхъ черкесскахъ, зеленаго сукна съ золотымъ галуномъ, и красныхъ шелковыхъ кафтанахъ; шапки малиновыя, бархатныя съ серебряными кистями; сабли на голо; ѣхали шеренгами, по четыре человѣка въ рядъ съ знаменемъ, прапоромъ, трубами и литаврами; за ними три эскадрона легкоконнаго Кіевскаго, Сѣверскаго и Ахтырскаго гусарскаго полковъ подъ командою барона А. А. Бенингсена; за ними карета Ихъ Высочествъ, подлѣ которой съ боку ѣхалъ верхомъ графъ Румянцовъ. За нею другія парадныя графскія кареты, со свитою. И какъ подъѣхали со взвозу ко второй верстѣ отъ крѣпости, данъ былъ другой сигналъ ракетою къ пушечной пальбѣ и за симъ выпалено съ крѣпости изъ 101 пушки и начался колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ. Въѣхавши же на гору къ другимъ тріумфальнымъ воротамъ, Ихъ Высочества встрѣчены были оберъ-комендантомъ Кохіусомъ съ батальоннымъ штабомъ. На сихъ воротахъ на верху играла музыка. Тутъ, не останавливаясь, проѣхали ворота. Отъ тріумфальныхъ воротъ до крѣпости поставлены были въ двѣ шеренги 12 цеховъ подъ ружьемъ, съ знаменами до 1000 человѣкъ, между которыми въ срединѣ изволили ѣхать Ихъ Высочества. Въѣхавъ въ крѣпость, отправились прямо въ Лавру, гдѣ, у Троицкихъ воротъ, ожидалъ освященный соборъ, во всемъ богатѣйшемъ священномъ облаченіи, состоящій изъ двухъ митрополитовъ, кіевскаго Гавріила и греческаго Серафима, съ многочисленнымъ духовенствомъ. Какъ только Ихъ Высочества изволили изъ кареты выйти, митрополитъ кіевскій подошелъ со святымъ крестомъ, къ которому изволили приложиться и,

проговоря краткое привѣтствіе, впереди шествовалъ къ церкви сей соборъ. Послѣ поклоненія мощамъ въ лаврской церкви, Ихъ Высочества отправились во дворецъ, гдѣ графъ Румянцевъ представлялъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ, а вечеромъ того же дня представлялись великой княгинѣ знатныя дамы города. Въ тотъ же вечеръ иллюминованъ былъ во всѣхъ частяхъ Кіевъ, а во дворцѣ весь садъ, особливо передъ дворцомъ на площади холщевою трехчастною картиною, изображающею на одной Плутона и Прозерпину, на другой Нептуна съ купидонами. Печерская колокольня иллюминована была фигурою пирамиды.

На другой день великій князь осматривалъ Печерскую крѣпость, былъ въ обѣихъ пещерахъ и въ лаврской ризницѣ. Отсюда съ супругою отправился онъ въ Михайловскій и Софійскій монастыри. Потомъ поѣхали крещатицкимъ взвозомъ на Подолъ, гдѣ у тріумфальныхъ воротъ встрѣчены были войтомъ и знатнѣйшими гражданами съ хлѣбомъ и солью. За симъ Ихъ Высочества посѣтили Флоровскій монастырь, гдѣ обласкали нѣкоторыхъ монахинь изъ лучшихъ фамилій и потомъ отправились во дворецъ. Того же дня высочайшіе гости изволили ужинать въ магистратѣ, предъ коимъ была устроена иллюминація. Въ верху изображено было въ лучахъ подъ коропою вензелевое имя Императрицы, по сторонамъ Ихъ Высочествъ, по срединѣ, пониже, Александра и Константина Павловичей; внизу во храмѣ жертвенникъ, а на немъ 13 пылающихъ сердецъ, знаменующія по числу чиновъ, присутствующихъ въ магистратѣ.

13 октября осчастливленъ былъ высочайшимъ посѣщеніемъ Братскій монастырь съ духовною академіею. Ихъ Высочества изволили прибыть туда въ 11 часовъ утра. Ректоръ Кассіанъ съ префектомъ и учителями встрѣтили ихъ у воротъ монастыря и провожали въ большую церковь. Студенты стояли въ два ряда отъ воротъ до церкви. Пѣвчіе въ бѣлыхъ платьяхъ, съ лаврами на головахъ, держа въ рукахъ пальмы, пѣли кантъ. Отъ воротъ до церкви путь устланъ былъ сукномъ. Въ церкви пропѣты были: достойно, эктенья и многолѣтіе. Ихъ Вы-

сочества изволили прикладываться къ чудотворной иконѣ Божіей матери. Архимандритъ Кассіанъ говорилъ рѣчь. Послѣ сего въ предшествіи архимандрита съ духовенствомъ, Ихъ Высочества изволили пойти изъ церкви серединными дверьми, при пѣніи студентами канта, на верхнія школы до студентской церкви, называемой конгрегаціей; сошли внизъ другимъ ходомъ въ келліи префекта. Тутъ академисты говорили рѣчи на разныхъ языкахъ. По сказаніи сихъ рѣчей, архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ: графу Понятовскому (племяннику короля польскаго) и Румянцеву и генералитету, бывшему тутъ, зеленою тафтою, и за симъ изволили отбыть изъ монастыря.

14 октября, въ день рожденія Маріи Ѳедоровны, Ихъ Высочества слушали обѣдню въ Софійскомъ монастырѣ, гдѣ проповѣдь говорилъ михайловскій архимандритъ Тарасій, а по окончаніи литургіи и молебствія привѣтствовалъ Ея Высочество поздравительною рѣчью митрополитъ. Вечеромъ была иллюминація во всѣхъ частяхъ города, а передъ дворцомъ сожженъ фейерверкъ.

На другой день, 15 октября, высочайшіе гости, поклонившись лаврской святынѣ, выѣхали чрезъ Васильковскую заставу, сопровождаемые митрополитомъ съ духовенствомъ и множествомъ народа [1]).

Для привѣтствованія Павла Петровича явились въ Кіевъ генералъ Гаппахъ, отъ имени императора Іосифа II, и генералъ Комаржевскій, отъ имени короля польскаго Станислава Августа.

Въ Васильковѣ высокіе путешественники покинули русскіе предѣлы и вступили во владѣнія Польши. Генералъ Комаржевскій, сопровождавшій ихъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать ихъ путь пріятнымъ. На каждой продолжительной остановкѣ для великой княгини приготовлены были фортепьяно.

---

[1]) Закревскій. Описаніе Кіева. Москва, 1868, I, 95; Аскоченскій, Кіевъ съ его академіею. Кіевъ, 1856, II, 308; Кіев. Губ. Вѣд. 1858 г., № 33, 34, 36 и 37.

Въ Вишневцѣ, имѣніи графовъ Мнишекъ, гдѣ графъ и графиня Сѣверные провели четыре дня, ихъ встрѣтилъ король Станиславъ Августъ.

Переѣхавъ въ Австрію, графъ и графиня посѣтили знаменитыя соляныя копи Велички и прибыли въ Троппау, гдѣ были неожиданно встрѣчены Іосифомъ II, который сопровождалъ ихъ до Вѣны, куда они пріѣхали 10 ноября [1]).

Вѣнскія газеты привѣтствовали пріѣздъ графа и графини Сѣверныхъ слѣдующими стихотвореніями:

1.

Die Freude Wiens ist unbegrenzt,
Seit uns das Glück zu Theil geworden,
Dass selbst der grosse Stern aus Norden
In voller Majestät in unsern Mauern glänzt.

2.

Da schon der Himmel selbst die Götter dieser Erden
Mit ew'gen Freundschaftsbanden knüpft,
Kann der wohl noch als Patriot erfunden werden,
Dem nicht das Herz für Freuden hüpft?

Въ Вѣнѣ ожидали Марію Ѳеодоровну ея родители, прибывшіе туда подъ именемъ графа и графини Гренингенскихъ, братъ ея Фердинандъ и сестра Елизавета, вступленіе которой въ бракъ съ эрцгерцогомъ Францомъ было уже въ это время окончательно рѣшено.

Первое свиданіе графини Сѣверной съ родителями произошло въ загородномъ дворцѣ императора, откуда они прибыли въ Амаліенгофъ, а вечеромъ вмѣстѣ съ императоромъ посѣтили національный театръ. Лишь только графиня Сѣверная показалась въ ложѣ, публика выразила свое удовольствіе восклицаніями и рукоплесканіями, которыя, по окончаніи спектакля, троекратно были повторены.

На другой день пріѣзжали къ Амаліенгофъ знатнѣйшіе чины и иностранные министры съ визитами. Въ тотъ же день былъ при дворѣ многолюдный балъ, начавшійся около семи

[1]) Числа означены нами по старому стилю.

часовъ вечера. На этомъ балѣ первоначально императоръ Францъ представлялъ графу и графинѣ нѣкоторыхъ лицъ, послѣ чего знатнѣйшія особы и члены дипломатическаго корпуса были представлены имъ русскимъ посломъ, княземъ Д. М. Голицынымъ. Чрезъ эти представленія, которыя въ продолженіе бала императоръ нѣсколько разъ бралъ на себя, графъ и графиня ознакомились со всѣмъ вѣнскимъ обществомъ. Затѣмъ графиня и ея родительница играли въ пикетъ съ княгинею Лихтенштейнъ, графинею Букоа и французскимъ посломъ барономъ Бретелемъ, а графъ Сѣверный продолжалъ бесѣдовать съ разными лицами.

12 ноября утромъ князь Голицынъ сопровождалъ графа Сѣвернаго за городъ, для обозрѣнія его окрестностей, послѣ чего графъ и Н. П. Салтыковъ посѣтили императорскую библіотеку. Вечеромъ графъ Сѣверный былъ на раутѣ князя Кауница.

14 ноября, въ воскресенье, графъ и графиня Сѣверные слушали обѣдню въ русской посольской церкви, а по окончаніи оной отправились съ императоромъ въ Шенбрунъ, гдѣ въ тотъ день (Св. Екатерины по римскому календарю) былъ большой праздникъ.

Послѣ парадnаго обѣда, на придворномъ театрѣ представлена была итальянская опера Альцеста, а затѣмъ начался маскарадъ. Приглашено было до 3500 лицъ. Къ этому маскараду приготовлены были три кадрили: римская, венгерская и татарская. Въ одной изъ нихъ принялъ участіе принцъ Фердинандъ виртембергскій. Балъ окончился, послѣ ужина, около 2-хъ часовъ по полуночи.

15 ноября императоръ съ высокими своими гостями ѣздилъ на охоту въ загородный звѣринецъ.

21 ноября праздновался кавалерскій день ордена Золотаго Руна. Императоръ съ кавалерами ордена въ орденскихъ одѣяніяхъ слушалъ обѣдню въ придворной церкви, послѣ чего съ тѣми же кавалерами имѣлъ публичный обѣденный столъ. Графъ и графиня Сѣверные смотрѣли на эти церемоніи въ церкви изъ ораторіи, а за обѣдомъ на приготовлен-

номъ въ сторонѣ, парочно для этого случая, возвышенномъ мѣстѣ. Вечеромъ они посѣтили князя Кауница.

22 ноября графъ и графиня Сѣверные присутствовали при публичной инвеституръ, которую моденскій посланникъ, маркизъ Фрозини, именемъ герцога принималъ отъ императора на моденское герцогство, а по окончаніи обряда были на фарфоровомъ заводѣ. Здѣсь поднесенъ имъ былъ прекрасный фарфоровый сервизъ. Марія Ѳедоровна удивила присутствовавшихъ тѣмъ, что сама нарисовала, на представленной ей чашкѣ, нѣсколько цвѣтковъ.

23 ноября былъ при дворѣ камерный балъ (Kammer-Fest) на которомъ находилось до 300 лицъ. На немъ повторены были маскарадныя кадрили, о которыхъ говорено выше.

Въ воскресенье, 28 ноября, графъ и графиня слушали обѣдню въ греческой привилегированной церкви, а вечеромъ были на маскарадномъ балѣ, гдѣ было такое множество публики, что они болѣе часа не могли за тѣснотою тамъ остаться.

29 ноября императоръ съ графомъ и графинею прогуливались въ экипажахъ за городомъ въ Пратерѣ и въ императорскомъ саду Аугартенъ.

30 ноября въ деревнѣ Зиммерингѣ произведенъ былъ, подъ командою генерала Руврoа, артиллерійскій маневръ. Императоръ, по болѣзни, на немъ не присутствовалъ; но графъ Сѣверный, не смотря на холодную и вѣтряную погоду, пробылъ на ученьи все время, обсуждая маневры съ фельдмаршаломъ графомъ Ласси, генераломъ княземъ Лихтенштейномъ, графомъ Коллоредо, Пеллегрини, Клерфеемъ и Ностицемъ.

Въ день новаго года, кромѣ двухъ императорскихъ гвардій, венгерской и нѣмецкой, въ первый разъ представилась передъ императорскими покоями въ парадѣ и въ весьма богатыхъ польскихъ мундирахъ новоучрежденная конная гвардія, состоявшая изъ сорока человѣкъ польскаго дворянства. По окончаніи публичнаго императорскаго обѣденнаго стола, за которымъ императоръ присутствовалъ лишь для церемо-

нін, былъ обѣдъ у императора въ Амаліенгофѣ, а вечеромъ придворный балъ.

Кромѣ визитовъ, которые графъ и графиня Сѣверные сдѣлали лично нѣкоторымъ членамъ высшаго общества, они посѣтили старца композитора Метастазіо.

На 22 декабря назначенъ былъ день формальнаго сговора принцессы Елизаветы съ эрцгерцогомъ Францомъ, но какъ принцесса виртембергская мать внезапно заболѣла, то сговоръ этотъ отложенъ былъ до времени.

24 декабря по утру графъ и графиня Сѣверные оставили Вѣну. Императоръ, эрцгерцогъ Максимиліанъ и принцы Фридрихъ-Евгеній и Фердинандъ виртембергскіе проводили ихъ до Винеришъ-Нейштадта, гдѣ они имѣли первый почлегъ, а 9 января 1782 г. оставило Вѣну и виртембергское семейство, которое пользовалось вниманіемъ какъ Іосифа II, такъ и Екатерины. Императоръ произвелъ принца Фердинанда въ подполковники, а Императрица прислала принцессѣ Елизаветѣ драгоцѣнный уборъ [1]).

Во все время пребыванія въ Вѣнѣ графа и графини Сѣверныхъ, императоръ Іосифъ старался быть съ ними какъ можно любезнѣе и предупредительнѣе. Онъ оказалъ графу Сѣверному довѣріе, сообщивъ ему о своемъ союзѣ съ Екатериною, о чемъ Павелъ Петровичъ не имѣлъ, до того времени, точныхъ свѣдѣній, и Екатерина выразилась по этому случаю [2]) „j'ose croire, puisque mon fils l'a promis, qu'il en gardera selon les désirs de V. M. J. le secret le plus strict, quelque peu impénétrable que soit d'allieurs sa jeunesse pour ceux qui sont accoutumès à faire le métier de scrutateurs de pareils secrets".

Не смотря однако на любезность Іосифа II, шестинедѣльное пребываніе въ Вѣнѣ было, кажется, не совсѣмъ пріятно графу и графинѣ Сѣвернымъ. Въ Петербургѣ ходили слухи, что они хотѣли покинуть Вѣну, пробывъ въ ней только двѣ недѣли и если продолжили свое пребываніе, то,

[1]) С. Р. И. О., IX, 93, 94.

[2]) Письмо къ Іосифу 3 января 1782, Arneth, Joseph und Catharina, 117.

кажется, потому только, что Императрица сообщила имъ, что такъ какъ они были приняты очень хорошо, и какъ сверхъ того издержки, которыя были сдѣланы для ихъ пріема, были громадны, то вѣроятно они не пожелаютъ огорчить ни хозяина, ни вѣнскую публику, такъ радушно ихъ принявшую, внезапнымъ отъѣздомъ [1]).

До Венеціи сопровождали графа и графиню Сѣверныхъ австрійскій генералъ графъ Хотекъ, жена котораго оставила въ своихъ запискахъ нѣсколько свѣдѣній о высокихъ путешественникахъ [2]).

„Великій Князь, говоритъ она, благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ своего дневника, замѣчательно хорошо написаннаго... Однажды Великая Княгиня прервала, по счастью, чтеніе газетъ и разсказала намъ много въ высшей степени занимательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію. Въ другой разъ она читала намъ въ слухъ нѣкоторыя мѣста похвальнаго слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ума ея и сердца“.

Осмотрѣвъ въ подробности портъ и адмиралтейство въ Тріестѣ, графъ и графиня прибыли 7 января 1782 года въ Венецію, гдѣ ихъ ожидалъ старшій братъ графини, принцъ Фридрихъ виртембергскій.

Оставивъ прусскую службу [3]), принцъ Фридрихъ, въ декабрѣ 1781 г. пріѣхалъ въ Венецію, для сопутствованія сестрѣ въ ея путешествіи по Италіи.

Пребываніе ихъ въ Венеціи съ 7 по 13 января представляло рядъ праздниковъ, о которыхъ въ то время говорили какъ о чемъ то необычайно-великолѣпномъ.

Встрѣченные въ Конельяно прокурорами республики Пезаро и Гримани и принцомъ Фридрихомъ, они 7 января

[1]) С. Р. И. О., IX, 94—96 и 98. Письмо къ Салтыкову. Р. А. 1864, 938.
[2]) Напечатаны, въ отрывкахъ, въ Р. А., 1873, X, 1970.
[3]) Письмо Лафермьера 17 декабря 1781: А. к. В. XXIX, 315.

вступили въ Венецію по большому каналу, сопровождаемые множествомъ разукрашенныхъ судовъ. Принявъ въ отведенномъ для нихъ домѣ поздравленія иностранныхъ министровъ, графъ и графиня Сѣверные поѣхали въ гондолахъ въ помѣщеніе филармоническаго общества, гдѣ имъ представлены были почетнѣйшія лица Венеціи. Потомъ посѣтили они театръ Св. Венедикта. Графиня Сѣверная принимала въ своей ложѣ многихъ дамъ и кавалеровъ, а ея супругъ и принцъ Фридрихъ посѣтили нѣкоторыхъ дамъ въ ихъ ложахъ.

8 января графиня Сѣверная, въ венеціанскомъ костюмѣ и въ цендадѣ а ея супругъ въ венеціанскомъ плащѣ (tabarro) осматривали церковь Св. Марка, публичную библіотеку и георгіевскій монастырь. Вечеромъ былъ балъ въ филармонической залѣ и послѣ того опера Глука въ театрѣ пророка Самуила.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни въ греческой церкви Георгія, графъ съ супругою посѣтили большой совѣтъ, который имѣлъ засѣданіе для выборовъ въ нѣкоторыя должности. Потомъ, навѣстивъ кавалера Пезаро, осмотрѣли картинную галлерею Барберини, а вечеромъ былъ данъ концертъ, въ которомъ приняли участіе до ста дѣвушекъ, послѣ чего путешественники посѣтили театръ Св. Венедикта.

10 января, они въ подробности осмотрѣли, въ сопровожденіи кавалера Эмо, бывшаго генералъ-адмирала республики, адмиралтейство, арсеналъ и бученторо, которое было спущено на воду. Вечеромъ были въ театрѣ Св. Луки, гдѣ Сакки и Бригелли старались превзойти самихъ себя въ импровизированной оперѣ-буфъ.

Утро 11 января посвящено было осмотру разныхъ достопримѣчательностей города, а вечеръ — большому балу въ театрѣ Св. Венедикта.

Отъѣздъ графа и его супруги назначенъ былъ на слѣдующій день, но, по просьбѣ представителей города, они его отложили.

12 числа осмотрѣли они зеркальную и стеклянную фабрики и всходили на колокольню Св. Марка, полюбовались панорамою окрестностей, и затѣмъ присутствовали на гонкѣ судовъ.

13 января утромъ путешественники посѣтили Анжелику Кауфманъ, а вечеромъ присутствовали на площади Св. Марка, на большомъ праздникѣ, изображеніе котораго сохранилось въ нѣсколькихъ современныхъ гравюрахъ. Предъ зданіемъ прокураторіи выстроено было прекрасное двухэтажное деревянное помѣщеніе съ тремя комнатами, богато убранными, съ позолотою и зеркалами, какъ будто все это построено было на продолжительное время, а не на нѣсколько часовъ. Остальная часть площади была обстроена амфитеатромъ и приготовлена для иллюминаціи и фейерверка. Праздникъ начался проѣздомъ пяти аллегорическихъ колесницъ, послѣ чего былъ бѣгъ быковъ, преслѣдуемыхъ собаками. Затѣмъ началась иллюминація и фейерверкъ, зажженный лично графинею, причемъ публика допущена была на арену. Видъ площади былъ очаровательный и восхитительный. Публика гуляла не толпясь, не тѣснясь, безъ шума и нимало не безпокоя сидѣвшихъ въ амфитеатрѣ. Графиня Сѣверная уѣзжала ужинать домой, а въ ея отсутствіе данъ былъ великолѣпный ужинъ всему дворянству. Когда она возвратилась, начались танцы, продолжавшіеся до поздней ночи. Графиня Сѣверная осчастливила кавалера Пезаро, протанцовавъ съ нимъ менуетъ.

На слѣдующій день высокіе путешественники оставили Венецію [1]) и чрезъ Парму, Болонью и Римъ, гдѣ встрѣтили княгиню Дашкову съ дѣтьми, прибыли 28 января въ Неаполь, гдѣ ихъ встрѣтилъ русскій посланникъ, бывшій другъ Павла Петровича, графъ А. К. Разумовскій, котораго онъ не видѣлъ съ 1776 года. Обхожденіе Павла Петровича съ Разумовскимъ, было, какъ и слѣдовало ожидать, холодно и только Разумовскій могъ приписать его не своей собственной винѣ, а тому, что отравленное дуновеніе двора испортило всё [2]).

Графъ и графиня Сѣверные встрѣчены были королемъ и королевою въ Скамбіи, въ трехъ миляхъ отъ Неаполя, вмѣстѣ

[1]) Въ тогдашнихъ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (№ 15) замѣчено было, что въ семь дней пребыванія ихъ въ Венеціи, на праздники издержано было республикою 80 т. червонныхъ.

[2]) Письмо его у Васильчикова, III, 62. Тамъ же донесенія Разумовскаго о пребываніи графа и графини Сѣверныхъ въ Неаполѣ.

съ ними прибыли туда и поселились въ частномъ домѣ, отказавшись отъ предложеннаго имъ отъ двора помѣщенія. Въ тотъ же день они удостоили своимъ присутствіемъ карусель и маскарадъ въ театрѣ Св. Марка. 1 февраля было „пристаніе“ и опера, а потомъ балъ у французскаго посланника, праздновавшаго рожденіе дофина; 3 февраля осматривали они Помпею и Геркуланумъ; 5 древности въ Баѣ и Пуццолѣ; 7 февраля всходили на Везувій; 10 ѣздили въ Казерту осматривать водопроводъ и новый дворецъ, гдѣ обѣдали съ королемъ и королевою и 12 февраля оставили Неаполь.

Король Фердинандъ III и королева Марія Каролина, сестра императора Іосифа II, дѣлали все возможное, чтобы занять высокихъ путешественниковъ, но послѣдніе преимущественно обратили свое вниманіе на посѣщеніе окрестностей города и изученіе древностей. Имъ большею частью сопутствовалъ англійскій посланникъ Гамильтонъ, извѣстный знатокъ древностей.

Однажды графъ Сѣверный и его супруга ѣхали вмѣстѣ съ Гамильтономъ въ каретѣ. Графиня сказала что-то ласковое своему супругу; этотъ послѣдній, въ отвѣтъ, поцѣловалъ кончики ея пальцевъ и вдругъ замѣтилъ на серьезномъ лицѣ Гамильтона выраженіе неодобренія. Онъ понялъ, что невольно поразилъ строгую щепетильность англичанина и рѣшился подшутить надъ нимъ. Продолжая веселый разговоръ, графъ поцѣловалъ свою супругу. Сэръ Гамильтонъ, растерявшійся, выставилъ голову въ окно кареты и началъ любоваться пейзажемъ. Когда онъ опять усѣлся на свое мѣсто, графъ Сѣверный сказалъ ему:

— Я очень люблю мою жену.

— Это чувство вполнѣ законно, отвѣтилъ все еще не совсѣмъ оправившійся Гамильтонъ.

— Не правда ли? возразилъ графъ Сѣверный и съ этими словами вторично поцѣловалъ графиню.

Гамильтонъ окончательно растерялся, а графъ Сѣверный, успокоивалъ его, повторяя:

— Я очень люблю мою жену.

Эти проявленія дружескихъ и сердечныхъ отношеній между царственными супругами могли поразить Гамильтона не только какъ чопорнаго англичанина, но и потому еще, что при неаполитанскомъ дворѣ супружеская вѣрность не была въ почетѣ. Связь королевы Каролины съ графомъ Разумовскимъ была всѣмъ извѣстна.

Въ Неаполѣ русскіе путешественники встрѣтились съ энциклопедистомъ аббатомъ Галіани, который, кажется, не произвелъ на нихъ пріятнаго впечатлѣнія [1]).

Въ первый свой проѣздъ чрезъ Римъ, по дорогѣ въ Неаполь, они провели тамъ только два дня, но на возвратномъ пути пробыли въ Римѣ три недѣли (12 февраля—3 марта). Все это время посвящено было ими на изученіе во всѣхъ подробностяхъ памятниковъ вѣчнаго города и его художественныхъ сокровищъ. Они имѣли нѣсколько свиданій съ папою Піемъ VI, причемъ графъ Сѣверный подарилъ ему, въ виду предстоящаго путешествія его въ Вѣну, драгоцѣнную шубу.

7 марта прибыли они во Флоренцію, въ сопровожденіи великаго герцога Леопольда и его супруги Маріи Лунзы, выѣхавшихъ на встрѣчу къ нимъ въ Сіену.

Великій герцогъ Леопольдъ въ слѣдующихъ словахъ далъ своему брату, императору Іосифу II, отчетъ о знакомствѣ своемъ съ графомъ и графинею Сѣверными:

„Я не могу не похвалиться откровенностью, дружбою и довѣріемъ, которыя оказали мнѣ какъ графъ, такъ и графиня. Сначала графиня чувствовала какую-то неловкость относительно меня и въ особенности относительно моей жены и

[1]) Это можно заключить изъ письма Екатерины къ Павлу Петровичу (С. Р. И. О., IX). Самъ же Галіани писалъ: „Nous possédons les comtes du Nord, vendredi au soir. Nos souverains allèrent à leur rencontre et les reçurent autant dans leurs bras que dans leur coeur. Ce que je vous dis là est vrai au pied de la lettre, et si je ne persuade pas de cette vérité tout le monde, vous le croirez surement, puisque vous connaissez le caractère du roi et de la reine. J'eus l'honneur de leur être présenté samedi par la reine même, et j'en ai reçu un accueil si gracieux que la tête m'en tourne. Mais comme il n'y a pas de roses sans épines, je m'attends à ce que certains beaux-esprits de ma chère patrie ne me pardonneront jamais cet honneur". Письмо къ И. П. Шувалову. L'abbé Galiani. Correspondance. ed. de Pereyet Maugras. Paris, 1881, II, 629.

призналась намъ, что это происходило отъ того, что какъ въ Россіи, такъ въ особенности во время пребыванія ея въ Вѣнѣ, ей писали и хотѣли увѣрить ее въ томъ, что мы, и въ особенности моя жена, были совершенно противъ предположеннаго брака нашего сына съ ея сестрою и уступили въ этомъ, повинуясь только силѣ. Она имѣла и еще нѣсколько противу насъ предубѣжденій, въ ошибочности которыхъ, впрочемъ, созналась и которыя, на сколько я могъ догадаться, имѣли источникомъ письма, полученныя ею отъ ея родныхъ изъ Берлина, такъ какъ она находится въ правильной перепискѣ съ принцемъ Генрихомъ, къ которому въ особенности привязанъ графъ Сѣверный, также какъ къ другому его дядѣ и двумъ теткамъ въ Берлинѣ, хотя они и поссорились съ ними по случаю выхода въ отставку, изъ прусской службы, старшаго брата графини. Графъ Сѣверный совѣтовалъ и другимъ двумъ ея братьямъ [1]) также оставить прусскую службу, принявъ дѣло ихъ старшаго брата близко къ сердцу и очень свысока. Но оба принца не послѣдовали его совѣту и остались на прусской службѣ, послѣ чего графъ Сѣверный объявилъ, что не желаетъ болѣе вмѣшиваться въ ихъ дѣла, а принцъ Генрихъ, его братъ и его невѣстка написали по этому случаю графинѣ Сѣверной очень высокомѣрныя и рѣзкія письма, которыя она мнѣ показала, получивъ ихъ во время своего здѣсь пребыванія. Эти письма очень ихъ обидѣли, въ особенности графа, который объявилъ, что перестанетъ писать принцу Генриху.

„Графъ Сѣверный, кромѣ большаго ума, дарованій и разсудительности, обладаетъ талантомъ вѣрно постигать идеи и предметы и быстро обнимать всѣ ихъ стороны и обстоятельства. Изъ всѣхъ его рѣчей видно, что онъ исполненъ желаніемъ добра. Мнѣ кажется, что съ нимъ слѣдуетъ поступать откровенно, прямо и честно, чтобы не сдѣлать его недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Я думаю, что онъ будетъ очень дѣятеленъ; въ его образѣ мыслей видна энергія. Мнѣ онъ кажется очень твердымъ и рѣшительнымъ, когда остановится

[1]) Принцамъ Людвигу и Евгенію.

на чемъ-нибудь и, конечно, онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою. Вообще онъ кажется не особенно жалуетъ иностранцевъ и будетъ строгъ, склоненъ къ порядку, безусловной дисциплинѣ, соблюденію установленныхъ правилъ и точности. Въ разговорахъ своихъ онъ ни разу и ни въ чемъ не касался своего положенія и Императрицы, но не скрылъ отъ меня, что не одобряетъ всѣхъ обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи, которые въ дѣйствительности впослѣдствіи оказываются имѣющими болѣе пышности и названія, чѣмъ истинной прочности. Только упоминая о планахъ Императрицы относительно увеличенія русскихъ владѣній на счетъ Турціи и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрылъ отъ меня своего неодобренія этому проекту и вообще всякому плану увеличенія монархіи, уже и безъ того очень обширной и требующей заботы о внутреннихъ дѣлахъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ эти безполезныя мечты о завоеваніяхъ, которыя служатъ лишь къ пріобрѣтенію славы, не доставляя дѣйствительныхъ выгодъ, а, напротивъ, ослабляя еще болѣе государство. Я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи онъ говорилъ со мною искренно. Изъ многихъ другихъ его разговоровъ я могъ заключить, что, не взирая на его пребываніе въ Вѣнѣ, ни онъ, ни графиня не отрѣшились еще отъ идей и впечатлѣній, противныхъ нашему дому, вѣнскому двору и въ особенности его кабинету, и противу плановъ расширенія предѣловъ, приписываемыхъ вѣнскому двору на счетъ Италіи, Римской Имперіи и Турціи. Идеи эти навѣяны имъ, вѣроятно, прусскимъ дворомъ и принцами этого дома, въ особенности принцемъ Генрихомъ и наслѣднымъ принцемъ, къ которымъ какъ графъ, такъ и графиня очень привязаны. Они въ особенности хвалятъ наслѣднаго принца, какъ человѣка, который будетъ играть большую роль въ Европѣ и утверждаютъ, что обширность его талантовъ, способностей и ума еще не признаны. Они не скрыли, что часть Польши, доставшаяся по раздѣлу на долю Россіи, самая дурная изъ трехъ и что та, которая

досталась намъ, самая лучшая, богатая и плодородная. Постоянно тревожила ихъ участь ихъ писемъ и графъ всегда думалъ, что ихъ вскрывали и читали въ Мантуѣ [1]). Онъ даже нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ разнымъ лицамъ, хотя я и старался отвлечь отъ него всякое подозрѣніе. Они были очень обезпокоены тѣмъ, что со времени ихъ отъѣзда изъ Вѣны не получали болѣе писемъ отъ графа Панина, хотя писали ему каждую почту и что также рѣдко получали письма отъ князя Репнина, человѣка имъ преданнаго. Постоянно и чрезвычайно хвалили они вашу дружбу и доброту къ нимъ, но не смотря на это я не думаю, чтобы они вполнѣ отрѣшились отъ идей берлинскаго двора и все еще нѣсколько подозрительны.

„Пребываніе въ Вѣнѣ очень понравилось графинѣ; что же касается графа, онъ не скрылъ, что былъ доволенъ выѣздомъ оттуда и желалъ бы поскорѣе вернуться домой... Могу тебя увѣрить, что о Вѣнѣ, о всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чинахъ, высшемъ генералитетѣ, о семейныхъ отношеніяхъ, объ отдѣльныхъ личностяхъ они имѣютъ такія свѣдѣнія, что я часто приходилъ въ удивленіе и изумленіе; о дѣлахъ они также имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія. По этому случаю я долженъ предупредить тебя, что, разсуждая о дѣлахъ, графъ Сѣверный сказалъ мнѣ, что вѣнскій дворъ имѣетъ въ Петербургѣ хорошаго слугу въ лицѣ графа Кобенцеля, который, равно какъ и его жена, старается привлечь на свою сторону всѣхъ и вкрасться въ довѣріе, но что съ тѣхъ поръ, какъ Кобенцеля нашли неправдивымъ даже въ его донесеніяхъ своему двору, ему болѣе не довѣряютъ. При этомъ графъ Сѣверный разгорячился и кончилъ, сказавъ, что мнѣ, вѣроятно, извѣстно, кто изъ петербургскихъ должностныхъ лицъ купленъ вѣнскимъ дворомъ; что это мерзко, но что извѣстны всѣ подробности, сколько и когда и что именно получилъ каждый. Когда я началъ его увѣрять, что ничего объ этомъ не знаю, онъ отвѣчалъ: „такъ я знаю и могу назвать вамъ ихъ имена. Это князь Потемкинъ,

[1]) Что ихъ корреспонденція перлюстрировалась, видно и изъ писемъ Екатерины. С. Р. И. О., IX, 141 и 172.

статсъ-секретарь Императрицы Безбородко, первый членъ иностранной коллегіи Бакунинъ, оба графа Воронцовы, Семенъ и Александръ, и Морковъ, теперь посланникъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ: я буду доволенъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ отстегаю (je les ferai ausruthen), уничтожу и выгоню. Графиня подтвердила мнѣ то же самое. Графъ сказалъ мнѣ потомъ, что Императрица желала назначить воспитателемъ его дѣтей графа Семена Воронцова, но оба они увѣряютъ, что лучше дойдутъ до послѣдней крайности, но не допустятъ ввѣрить дѣтей подобному человѣку [1]). Я счелъ нелишнимъ передать тебѣ этотъ замѣчательный разговоръ, и сверхъ того, долженъ тебя предупредить, что графъ и графиня не только ведутъ обстоятельный дневникъ своего путешествія, по каждый изъ нихъ особенно отмѣчаетъ въ своей записной книжкѣ все, что слышитъ и считаетъ почему-либо важнымъ. Напримѣръ, когда рѣчь зашла о будущемъ бракѣ моего сына, они отыскали свои записныя книжки и прочли мнѣ, что „императоръ сказалъ намъ то-то и то-то, подлинными словами, въ такой-то день и часъ, при такихъ-то лицахъ, въ такой-то комнатѣ“. Признаюсь, это меня удивило и заставило быть осторожнѣе въ разговорахъ, тѣмъ болѣе, что по ихъ же словамъ, они отмѣчаютъ все это въ видахъ будущаго, дабы въ случаѣ надобности, доказать, предъявя эти замѣтки, если кто-либо вздумалъ перетолковать смыслъ ихъ словъ или отказаться отъ своихъ. Они увѣряли меня, что у нихъ записано все, что ты говорилъ имъ, не только во время путешествія, но и въ бытность твою въ Петербургѣ. Притомъ графъ Сѣверный человѣкъ рѣшительныхъ мѣръ и будетъ ихъ поддерживать твердо, разъ что на нихъ остановится. Характеръ графини ты, конечно, знаешь лучше меня; ты вѣрно очарованъ ея кротостью, умомъ, талантами, прилежаніемъ, расположеніемъ къ добру, привязанностью къ мужу и тою взаимною дружбою и искренностью, которая по-истинѣ примѣрно выражается въ

[1]) О назначеніи Воронцова воспитателемъ великихъ князей ходили слухи и въ Петербургѣ. См. письмо Никара къ князю Куракину. Р. С., I. 309.

ихъ супружескихъ отношеніяхъ. Во время своего здѣсь пребыванія, она приложила все стараніе и заботы, чтобы постъ и обряды страстной недѣли соблюдались строго и правильно, выражая полное усердіе къ православной вѣрѣ".

Пребываніе во Флоренціи въ особенности интересовало Марію Ѳедоровну тѣмъ, что здѣсь познакомилась она съ молодымъ эрцгерцогомъ Францомъ, женихомъ ея сестры, принцессы Елизаветы. „Она нашла моего сына, писалъ великій герцогъ Леопольдъ, меньше ростомъ, нежели ожидала; замѣтно было, что это ее очень опечалило, потому что она утверждаетъ, что ея сестра очень развита для своихъ лѣтъ. Кажется, она желаетъ, чтобы бракъ ихъ состоялся какъ можно скорѣе. Она чрезвычайно привязана къ своему семейству, принимаетъ этотъ бракъ близко къ сердцу, потому что очень любитъ сестру и опасается, что поѣздка принцессы Елизаветы въ Вѣну очень опечалитъ какъ ея мать, такъ и принцессу, потому что, считаясь дома уже взрослою, ей трудно будетъ подчиниться въ Вѣнѣ какъ бы новому воспитанію, въ особенности не имѣя при себѣ никого изъ знакомыхъ лицъ. Марія Ѳедоровна нѣсколько разъ и съ особенною силою указывала на эту любезность ея родителей, которые согласились на отправленіе дочери въ Вѣну, потому что думали, что мы этого требуемъ преимущественно въ виду перехода ея въ католичество. Что касается Павла Петровича, онъ никогда не хотѣлъ вступать въ разговоры объ этомъ дѣлѣ, покидая комнату лишь только начинали объ этомъ говорить и утверждалъ, что хотя онъ и доволенъ этимъ бракомъ, но не желаетъ никоимъ образомъ вмѣшиваться въ переговоры объ ономъ и входить въ какія-либо подробности. По его словамъ, — это не его дѣло" [1]).

Покинувъ Флоренцію, путешественники чрезъ Ливорну, гдѣ Павелъ Петровичъ осмотрѣлъ русскую эскадру подъ начальствомъ адмирала Сухотина, Парму, гдѣ они были отлично приняты герцогомъ Фердинандомъ и его супругою Амаліею, сестрою императора Іосифа, Миланъ и Туринъ, прибыли 26 апрѣля въ Ліонъ.

[1]) Arneth, Joseph II, I, 120.

Проведя здѣсь нѣсколько дней въ обществѣ родителей Маріи Ѳедоровны, прибывшихъ въ Ліонъ и сопутствовавшихъ имъ до Дижона, графъ и графиня Сѣверные отправились далѣе. На послѣдней станціи предъ Парижемъ встрѣтила ихъ баронесса Оберкирхъ. Судя по разсказу баронессы, Марія Ѳедоровна съ восторгомъ бросилась въ объятія подруги своего дѣтства, которая и сдѣлалась съ этого времени спутницею ея въ дальнѣйшемъ путешествіи.

Уже въ то время, какъ и нынѣ, Парижъ служилъ цѣлью, къ которой стремились русскіе путешественники. Среди пировъ и забавъ доживала свой вѣкъ старая французская монархія и

Армида молодая
Къ веселью, къ роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтреныхъ дворомъ окружена.

Королева Марія Антуанета, сестра императора Іосифа II, съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда графа и графини Сѣверныхъ и выразилась, что „je me mettrai jusqu'aux oreilles pour leur rendre le séjour d'ici agréable“ [1]). Она очень безпокоилась, чтобы нездоровье ея, послѣ рожденія дофина, не помѣшало ей достойнымъ образомъ принять гостей.

Въ Парижѣ, куда графъ и графиня Сѣверные прибыли 7 мая, они остановились въ домѣ русскаго посланника, князя Барятинскаго, бывшаго нѣкогда кавалеромъ при Павлѣ Петровичѣ. Толпа народа встрѣтила ихъ.

На слѣдующій день графиня оставалась дома, чувствуя себя утомленною, но графъ Сѣверный отправился инкогнито въ Версаль, гдѣ въ отдѣльной трибунѣ присутствовалъ при обѣдѣ и затѣмъ при процессіи кавалеровъ ордена Св. Духа. Онъ вернулся очарованный великолѣпіемъ Версаля, костюмами, изяществомъ всѣхъ устройствъ и въ особенности красотою Маріи Антуанеты.

9 мая графъ и графиня Сѣверные и ихъ свита были представлены королю и королевѣ. Графъ Сѣверный былъ введенъ въ кабинетъ короля княземъ Барятинскимъ и мини-

[1]) Донесеніе князя Барятинскаго.

стромъ иностранныхъ дѣлъ Верженомъ. „Какъ я счастливъ, сказалъ онъ, обращаясь къ королю, имѣя честь видѣть ваше величество; въ этомъ состоитъ главная цѣль пріѣзда моего во Францію. Императрица, моя родительница, будетъ завидовать моему счастію, потому что въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, наши чувства согласны".

Людовикъ XVI былъ нѣсколько застѣнчивъ и всегда чувствовалъ себя какъ бы стѣсненнымъ въ оффиціальныхъ представленіяхъ. Онъ отвѣчалъ на привѣтствіе графа Сѣвернаго нѣсколькими неопредѣленными фразами. Графъ Сѣверный нашелъ это первое свиданіе съ королемъ холоднымъ.

Затѣмъ графъ Сѣверный прошелъ въ комнаты дофина, нѣсколько разъ поцѣловалъ его и сказалъ его гувернанткѣ: „напоминайте почаще дофину о посѣщеніи, которое я ему сегодня сдѣлалъ; напоминайте о привязанности, которую я чувствую къ нему въ колыбели; да будетъ она залогомъ союза и вѣчной связи между нашими государствами".

Эти слова немедленно облетѣли Парижъ. Король и королева были очень польщены ими.

Между тѣмъ графиня Вержень представила графиню Сѣверную королевѣ и принцессамъ. Королева была очаровательна; она встрѣтила графиню какъ будто бы давно ее знала и просила почаще видѣться съ нею во время ея пребыванія въ Парижѣ.

Послѣ этого представлены были графу и графинѣ нѣкоторыя лица и въ числѣ ихъ маршалъ Биронъ, во главѣ офицеровъ французской гвардіи.

Въ тотъ же день путешественники и ихъ свита обѣдали у короля, а вечеромъ былъ концертъ у королевы въ залѣ Мира. Весь дворецъ былъ иллюминованъ.

Марія Антуанета, принимавшая въ Версали своихъ гостей съ такимъ любезнымъ и очаровательнымъ величіемъ, смутилась, входя въ комнату, гдѣ должна была обѣдать съ русскими путешественниками. Она попросила стаканъ воды, признаваясь, что гораздо труднѣе исполнять роль королевы въ присутствіи другихъ государей, чѣмъ простыхъ придвор-

пыхъ [1]). Скоро оправившись отъ этого перваго смущенія, она—вся была грація и очарованіе. Она все воодушевляла своимъ блескомъ.

Графиня Сѣверная взяла себѣ въ спутницы во Францію, какъ мы уже сказали, баронессу Оберкирхъ. Не будучи русскою, г-жа Оберкирхъ не могла быть представлена ко двору ни Маріею Ѳедоровною, ни русскимъ посланникомъ. Но королева послала камеръ-лакея къ баронессѣ съ приглашеніемъ на концертъ, освобождая ее отъ церемоніала представленія, и сказала графинѣ Сѣверной: „мнѣ было бы неловко лишить васъ вашего друга; напротивъ того, мнѣ хотѣлось бы собрать вокругъ васъ все, что можетъ вамъ нравиться“. Потомъ, обратясь къ г-жѣ Оберкирхъ, она прибавила: „вы очень счастливы, пользуясь такою блестящею дружбою: я вамъ завидую, но я не могу также не завидовать графинѣ Сѣверной, имѣющей такого друга, какъ вы“. Марія Антуанета обращалась нѣсколько разъ къ баронессѣ Оберкирхъ во время концерта. „Вы изъ той страны, сказала она, которую я во время своего проѣзда нашла очень красивою и очень преданною (Эльзасъ); я никогда не забуду, что тамъ я встрѣтила первыя привѣтствія французовъ. Тамъ они начали называть меня королевою“.

Было бы утомительно описывать всѣ праздники, данные въ Парижѣ графу и графинѣ Сѣвернымъ. Вкусъ и великолѣпіе характеризуетъ ихъ. Мы приведемъ лишь самый краткій ихъ очеркъ.

12 мая была опера въ большой залѣ Версальскаго театра, въ этой волшебной залѣ, очаровательной по своему наружному виду и по богатству своихъ украшеній, своей позолоты и красотѣ декорацій. Давали большую оперу „Алина или царица голкондская“, заимствованную изъ повѣстей шевалье де-Буфлера.

26 мая Марія Антуанета давала блестящій праздникъ въ Маломъ Тріанонѣ. Въ театральной залѣ, настоящей игрушкѣ, представляли Земиру и Азора Гретри. Здѣсь была истин-

[1]) M-me Campan, Mémoires. Paris, 1823, I, 240

ная выставка брилліантовъ, блескъ которыхъ ослѣплялъ глаза. Графиня Сѣверная имѣла на головѣ маленькую птичку изъ драгоцѣнныхъ камней, на которую едва можно было прямо смотрѣть: такъ она блестѣла. Она качалась на пружинѣ и хлопала крыльями по розовому цвѣтку. Въ этотъ вечеръ испытаны были въ первый разъ маленькія бутылочки, гладкія и согнутыя по формѣ головы, въ которыхъ было немного воды, для того, чтобы намачивать кончики натуральныхъ цвѣтовъ и поддерживать ихъ свѣжими въ головномъ уборѣ: „это, говоритъ г-жа Оберкирхъ, не всегда удавалось, но когда удавалось, было очаровательно. Весна на головѣ среди снѣга пудры производила удивительный эффектъ“. По окончаніи ужина прогуливались въ саду. Бенгальскіе разноцвѣтные огни сообщали деревьямъ, растеніямъ и озеру нѣчто волшебное. Зеленыя лужайки дѣлались перемѣнно красными, синими, желтыми. Въ каждомъ кустѣ было пламя. Блестящая лѣтняя ночь сообщала свою прелесть и свою поэзію празднику. На землѣ иллюминація, на небѣ луна и звѣзды соперничали въ блескѣ. Оркестръ, скрытый въ зелени, наполнялъ гармоніею этотъ прекрасный садъ Армиды. Марія Антуанета въ своей красотѣ казалась богинею.

28 мая былъ балъ въ Версали въ Зеркальной галлереѣ. Эта галлерея въ 73 метра длины, въ 10 метровъ ширины и 13 метровъ вышины, со сводомъ въ формѣ колыбели, расписанная во всю свою длину Лебреномъ, съ 17 большими окнами въ видѣ арокъ, которымъ соотвѣтствуютъ арки, наполненныя во всю свою высоту зеркалами, отражающими предметы, представляла удивительное мѣсто для праздника. Сколько канделябровъ, люстръ, жирандолей! Король вошелъ чрезъ залу Войны (salon de la Guerre), королева—чрезъ залу Мира (de la Paix). Въ этихъ случаяхъ вельможи и знатныя дамы ставили дѣломъ чести одѣваться какъ можно роскошнѣе и даже русскіе были удивлены этимъ безпримѣрнымъ великолѣпіемъ

На этомъ балу Павелъ Петровичъ употребилъ счастливое выраженіе, которое создало ему столько извѣстности во вре-

мя пребыванія его во Франціи. Людовикъ XVI, окруженный толпою придворныхъ, съ которыми смѣшался графъ Сѣверный, выразилъ жалобу, что его слишкомъ тѣснятъ. Тогда какъ всѣ были испуганы этимъ замѣчаніемъ короля, Павелъ Петровичъ сказалъ: „Государь, извините меня, я на столько сдѣлался французомъ, что думаю, какъ и они, что не могу довольно близко подойти къ вашему величеству“. Онъ танцовалъ съ королевою. Марія Антуанета, бывшая тогда въ апогеѣ своей красоты, никогда не была болѣе граціозна. Во время бала она обратилась къ баронессѣ Оберкирхъ со своею обычною благосклонностью.

„Поговорите со мною немного по-нѣмецки, сказала она ей, я желаю знать, помню ли я еще свой языкъ. Кромѣ языка своего новаго отечества я не знаю никакого“. Баронесса произнесла нѣсколько нѣмецкихъ словъ. Королева оставалась въ мечтательномъ состояніи нѣсколько секундъ. „Ахъ, сказала она, я какъ бы очарована, слыша этотъ старый нѣмецкій языкъ. Вы говорите какъ саксонка, безъ эльзасскаго акцента, что меня удивляетъ. Нѣмецкій языкъ очень хорошъ, но французскій!.. въ устахъ моихъ дѣтей онъ кажется мнѣ самымъ пріятнымъ нарѣчіемъ въ мірѣ“.

29 мая былъ смотръ французской гвардіи на Марсовомъ полѣ, въ честь великаго князя. Старый маршалъ Бирон шелъ во главѣ этого прекраснаго полка, столь популярнаго въ столицѣ. Парижане, всегда жадные до военныхъ зрѣлищъ, не помнили себя отъ радости. Они чуть не падали въ обморокъ отъ удовольствія, любуясь мундирами французскими и русскими. Крикамъ, виватамъ, рукоплесканіямъ, веселію не было конца.

На другой день графъ Сѣверный и его супруга отправились въ Шантильи, гдѣ принцъ Конде сдѣлалъ имъ великолѣпный пріемъ. Шантильи, говоритъ г-жа Оберкирхъ, прекраснѣйшее мѣсто въ мірѣ: фонтаны, лѣса, сады прелестны; наяды фонтановъ опираясь на свои урны имѣютъ очаровательный видъ, и усыпанныя пескомъ аллеи лѣса въ тысячу разъ прелестнѣе, чѣмъ аллеи цвѣтника. Принцы дома Конде всегда

отличались пышностью и рыцарствомъ, такъ что пріобрѣли несравненно болѣе симпатіи дворянства, чѣмъ старшіе принцы орлеанскаго дома. Принцъ Конде и герцогъ бурбонскій имѣли многочисленную свиту дворянъ, извѣстныхъ своею храбростью и вѣрностью. Напротивъ того, лица, близкія къ Палероялю, мало цѣнились и уважались; ихъ только тамъ и принимали. Это было дурное общество для молодаго человѣка; это почти дурная рекомендація. Причиною этого было то, что революціонныя идеи начали появляться въ Палероялѣ, тогда какъ Шантильи былъ маленькимъ святилищемъ вѣрности и монархическихъ убѣжденій. Павлу Петровичу очень нравилась эта прекрасная резиденція, гдѣ принцъ Конде, истинный представитель дворянства, сдѣлалъ ему самый пышный пріемъ. Обѣденный столъ былъ уставленъ богатѣйшею золотою и серебряною посудою. Послѣ каждаго блюда лакеи безъ шума и суматохи бросали въ окна эту превосходную посуду. Но при этомъ ничего не терялось; драгоцѣнныя вазы, кувшины, серебряная посуда падали во рвы, наполненные водой, гдѣ огромными сѣтями опять ихъ собирали. Послѣ театральнаго представленія, ужинали на островѣ Любви. На слѣдующій день происходила большая охота на оленей при освѣщеніи факелами всего парка, кончившаяся ужиномъ на мѣстѣ, называемомъ „les hameaux“.

Принцесса Конде, со своимъ отцомъ, дѣлала почетный пріемъ высокимъ путешественникамъ. Дѣвица высокаго ума, прекрасная какъ день и столь же добродѣтельная, сколько красивая, удивительно одаренная отъ природы, полная талантовъ, она пѣла, играла на фортепіано, рисовала, была поэтъ. Марія Ѳедоровна говорила, что послѣ королевы принцесса Конде нравилась ей больше всѣхъ придворныхъ дамъ и что она особенно желала бы имѣть ее своимъ другомъ. Оставляя Шантильи, графиня Сѣверная получила букетъ изъ рукъ прекраснаго ребенка. Этотъ ребенокъ былъ внукъ герцога Конде, герцогъ ангіенскій, будущая жертва Наполеона.

Много говорилось о празднествахъ, бывшихъ въ Шантильи, гдѣ съумѣли соединить, можетъ быть, еще лучше,

чѣмъ въ Версали, всю торжественность и роскошь стараго порядка. Парижане говорили: „король принялъ графа Сѣвернаго по-дружески, герцогъ орлеанскій — по-мѣщански, принцъ Конде — по-царски“.

Возвращаясь изъ Шантильи, графъ и графиня Сѣверные посѣтили могилу Руссо въ Эрменонвилѣ.

Другой пріемъ, сдѣланный Павлу Петровичу и его супругѣ въ Парижѣ, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, это пріемъ ихъ графомъ д'Артуа въ его дворцѣ въ булонскомъ лѣсу (château de bagatelle). Они присутствовали на превосходномъ концертѣ, по окончаніи котораго имъ поднесенъ былъ слѣдующій экспромтъ:

Il suffit de vous approcher,
Couple auguste, pour vous connaître.
Si vous voulez tout à fait vous cacher
Voilez donc les vertus que vous faites paraître.

Графъ д'Артуа, собиравшійся тогда въ испанскую армію, чтобы принять участіе въ осадѣ Гибралтара, произвелъ вообще благопріятное впечатлѣніе на Павла Петровича. Однажды графъ Сѣверный посѣтилъ графа д'Артуа въ ту минуту, когда послѣдній разсматривалъ принесенныя ему шпаги со стальными рукоятками новаго образца. „Какая счастливая случайность, сказалъ графъ д'Артуа графу Сѣверному, я долженъ ею воспользоваться и просить васъ принять отъ меня на память одну изъ этихъ шпагъ“.—„Принимаю ее охотно, возразилъ графъ Сѣверный, но я бы предпочелъ, чтобы вы сохранили для меня ту, съ которою въ рукахъ вы возьмете Гибралтаръ“.

Въ то время, никто, вѣроятно, не думалъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ и принцъ Конде и графъ д'Артуа и графъ Прованскій поставлены будутъ въ необходимость искать убѣжища въ Россіи и испрашивать у Павла Петровича покровительства и субсидій.

Изъ числа русскихъ, графъ Сѣверный встрѣтилъ въ Парижѣ графа и графиню Брюсъ и графиню Скавронскую.

Павелъ Петровичъ имѣлъ во Франціи большой успѣхъ. Гриммъ, говоря о немъ, сказалъ: „въ Версали онъ имѣлъ видъ,

что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Греза и Гудона онъ показалъ такія свѣдѣнія въ искусствѣ, которыя могли дѣлать его одобреніе для нихъ болѣе цѣннымъ. Въ нашихъ лицеяхъ, академіяхъ своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного таланта и рода работъ, который бы не имѣлъ права его интересовать, и что онъ давно зналъ всѣхъ людей, просвѣщенность или добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣда и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаруживали не только тонкій и образованный умъ, но и изящное пониманіе всѣхъ особенностей нашего языка".

Дѣйствительно, не одни праздники останавливали на себѣ вниманіе высокихъ путешественниковъ. Академіи, музеи, библіотеки, благотворительныя учрежденія, больницы, ничто полезное и поучительное не было оставлено ими безъ осмотра и подробнаго и тщательнаго изученія. Ученые, писатели, художники были постоянно членами ихъ общества [1]). Бомарше читалъ въ ихъ присутствіи свою „Свадьбу Фигаро", еще не появившуюся въ то время въ печати [2]). Описанія пребыванія ихъ во Франціи полны похвалъ ихъ познаніямъ, находчивости и умѣнью держать себя соотвѣтственно лицамъ и обстоятельствамъ. Въ этомъ отношеніи они превзошли даже французовъ, такъ гордящихся своею вѣжливостью.

Однажды до слуха графа Сѣвернаго долетѣло замѣчаніе,

---

[1]) Nous avons eu ici pendant un mois M. le comte et M-me la comtesse du Nord, писалъ Даламберъ Фридриху II. Ils sont partis il y a deux jours pour Brest, et paraissent fort contents de leur séjour à Paris et de l'accueil que tous les états se sont empressés de leur faire. Ils ont de leur côté très bien réussi par la politesse dont ils ont été pour tout le monde. M. le comte du Nord m'a fait l'honneur de venir chez moi, avant même que j'eusse pris la liberté de me présenter chez lui. Il m'a dit les choses les plus honnêtes sur le désir qu'on avait eu de me posséder à Pétersbourg; ce sont les termes dont il s'est servi, et sur les regrets qu'il avait eus en particulier de ne m'y point voir. Je suis très-touché de ses regrets, mais je ne me repens point du tout, et peut-être moins que jamais. Письмо 21 іюня 1782 года. Frédéric, XXV, 230.

[2]) См. подробности объ этомъ у Loménie, Beaumarchais et son temps. Paris, 1856, II, 300 и сл.

сдѣланное кѣмъ-то въ окружавшей его толпѣ, о томъ, что онъ некрасивъ.

Если французы любезны, въ ту же минуту сказалъ графъ Сѣверный сопровождавшему его князю Барятинскому, то ихъ нельзя упрекать и въ недостаткѣ откровенности [1]).

Это замѣчаніе, сдѣланное кѣмъ-то изъ толпы, конечно, могло только разсмѣшить графа Сѣвернаго, но иногда даже представители французской литературы и искусства и высшаго общества не отличались передъ нимъ и предъ его супругою тактомъ.

Такъ, напримѣръ, литературный корреспондентъ Павла Петровича, Лагарпъ, читая въ его присутствіи, въ засѣданіи французской академіи, посланіе къ нему, называлъ его въ этомъ стихотвореніи только по отчеству, безъ имени, „Петровичемъ“, а въ другомъ стихотвореніи, читанномъ тамъ же, нашелъ приличнымъ дурно отозваться о германскихъ поэтахъ, что естественно не должно было быть пріятнымъ Маріи Ѳедоровнѣ [2]).

Архитекторъ Клериссо, исполнившій, по заказу Императрицы Екатерины, нѣсколько работъ, вообразилъ себѣ, что въ силу этого, Павелъ Петровичъ обязанъ былъ принять его отличительнѣе отъ другихъ. Онъ нѣсколько разъ являлся къ Цесаревичу, который не имѣлъ времени и возможности принять его. Наконецъ великій князь посѣтилъ домъ ла-Реньера, славившійся тогда въ Парижѣ изяществомъ отдѣлки и убранства. Къ этому посѣщенію приглашены были и всѣ художники, работавшіе по заказамъ ла-Реньера, и въ числѣ ихъ и Клериссо.—Я нѣсколько разъ былъ у васъ, графъ, сказалъ онъ, обратясь внезапно къ великому князю, и ни разу не заставалъ васъ.—Мнѣ это очень прискорбно, возразилъ Павелъ Петровичъ, но я надѣюсь что вы меня вознаградите за это.—Нѣтъ, графъ, вы меня не приняли, потому что вы меня

[1]) Oberkirch, I, 306. Что Цесаревичъ не былъ хорошъ собою замѣтилъ и Людовикъ XVIII. См. Mémoires de Louis XVIII. Bruxelles, 1832, v. II.

[2]) Grimm, Correspondance littéraire. Paris, 1830, XI, 155. Другой разсказъ о Лагарпѣ, см. въ запискахъ Тьебо. Рус. Стар. XX, 517.

не хотѣли принять и это съ вашей стороны очень нехорошо; я напишу объ этомъ государынѣ, вашей родительницѣ.— Прошу меня извинить, продолжалъ съ необычайнымъ хладнокровіемъ великій князь, я вполнѣ чувствую все то, что я потерялъ, не имѣвъ удовольствія принять васъ, но, впрочемъ, прибавилъ онъ, попрошу васъ написать также государынѣ, моей родительницѣ и то, что вы мнѣ мѣшаете теперь проходить [1]).

Марія Ѳедоровна была очарована сестрою короля, принцессою Елизаветою. Выходя однажды отъ нея, великая княгиня не могла удержаться, чтобы не выразить сопровождавшей ее графинѣ Полиньякъ похвалъ красотѣ принцессы Елизаветы.

— Да,—отвѣчала графиня Полиньякъ,—принцесса хороша собою, но ея полнота все портитъ.

Это замѣчаніе, по словамъ баронессы Оберкирхъ, Марія Ѳедоровна, которая также была довольно полна, приняла очень дурно и сухо возразила графинѣ:

— Я нахожу, что принцесса Елизавета красавица и нисколько не была поражена тѣмъ недостаткомъ, о которомъ вы говорите.

И въ Парижѣ Павелъ Петровичъ не измѣнилъ своему постоянному взгляду на законность и уваженіе къ власти. Однажды, когда въ его обществѣ разсказывали о разнаго рода выходкахъ герцога шартрскаго, онъ замѣтилъ, что „король Франціи очень терпѣливъ. Еслибы моя мать имѣла подобнаго двоюроднаго брата, онъ недолго бы остался въ Россіи. Послѣдствія подобныхъ глухихъ интригъ (rébellions sourdes) въ царственномъ семействѣ всегда болѣе важны, чѣмъ думаютъ“ [2]).

По отзыву Маріи Антуанеты, Марія Ѳедоровна не отрѣшалась отъ нѣкоторой холодной сдержанности и любила высказывать, при всякомъ случаѣ, свои познанія. Что же касается Павла Петровича, то онъ показался человѣкомъ пыл-

[1]) Ib., 156 и Oberkirch, I, 304. Ср. объ этомъ письмо Екатерины къ Гримму, С. Р. И. О. XXIII, 265, и отвѣтъ его, тамъ же, XLIV, 283 -286.

[2]) Oberkirch. I, 236 и 254.

кимъ и стремительнымъ, который, хотя и сдерживался, но иногда невольно высказывался. Однажды, на вопросъ короля, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого бы онъ могъ положиться, Цесаревичъ отвѣчалъ:—„Ah bien, je serais bien fâché qu'il y eût auprès de moi le moindre caniche fidèle à ma personne dans ma suite; ma mère l'aurait fait jeter à l'eau avant que nous ayons quitté Paris“ [1]).

8 іюня 1782 года великій князь и княгиня оставили Версаль. Въ минуту ихъ отъѣзда кавалеръ дю-Кудре обратился къ нимъ со слѣдующими стихами:

Par votre agréable présence
Vous avez comblé nos souhaits.
Par votre départ, votre absence,
Princes, vous excitez nos sensibles regrets.
Tels sont, en ce moment, les adieux de la France.
Il fallait y rester, ou n'y venir jamais.

Можно бы составить цѣлый альбомъ стихотвореній, поднесенныхъ графу и графинѣ Сѣвернымъ во время ихъ пребыванія въ Парижѣ [2]). Мы не будемъ приводить ихъ, слѣдуя совѣту, даннаму Павлу Петровичу въ одномъ изъ представленныхъ ему куплетовъ:

La Renommée annonce vos bienfaits;
Prince, armez-vous de grande patience
Pour lire les rondeaux, les odes, les couplets,
Que forgeront pour vous les rimailleurs de France.

Оставивъ 7 іюня Парижъ, высокіе путешественники простились въ этотъ день со всѣми членами королевскаго семейства за завтракомъ въ Шоази и черезъ Орлеанъ, Туръ и Анжеръ прибыли въ Брестъ, гдѣ посвятили два дня на осмотръ флота и морскихъ учрежденій перваго портоваго города Франціи. Павелъ Петровичъ старался очевидно восполнить недостатокъ свѣдѣній по морской части, которыя ему были необходимы какъ генералъ-адмиралу и которыхъ онъ не могъ

[1]) Письма къ Маріи Христинѣ Саксенъ-Тешенской и къ Іосифу II. Comte Vogt d'Hunolstein, Correspondance de Marie Antoinette. Paris, 1864, 124 и 128. Тоже разсказываетъ и M-me Campan, I, 241.

[2]) Значительная ихъ часть собрана въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки.

пріобрѣсти на родинѣ, гдѣ находился вдали отъ флота, никогда не посѣщая даже Кронштадта, куда, кажется, ему не было дозволено ѣздить.

Затѣмъ чрезъ Реннъ, Аміенъ и Лилль графъ и графиня Сѣверные переѣхали въ Австрійскіе Нидерланды, гдѣ штатгальтеръ, принцъ Альбрехтъ саксенъ-тешенскій и его супруга, Марія Христина, сестра императора Іосифа II, оказали имъ знаки самаго искренняго расположенія. Въ Брюссель выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу русскій посланникъ въ Гагѣ, князь Д. А. Голицынъ и товарищъ его А. И. Морковъ. Мы уже говорили, что Павелъ Петровичъ былъ предубѣжденъ противъ Моркова и, кажется, оказалъ ему неласковый пріемъ. „Касательно до слуху, дошедшаго къ Вашему Величеству, доносилъ Императрицѣ Н. И. Салтыковъ [1]), о холодности въ пріемѣ г. Моркову, исполняя повелѣніе Ваше я донести долженъ, что въ пріѣздъ Ихъ Высочествъ въ Брюссель, гдѣ съѣздъ изъ Гаги министровъ Вашихъ Ихъ Высочества нашли, различіе, съ каковымъ великій князь принялъ князя Голицына и Моркова, конечно, заставило г. Моркова почувствовать оное, хотя послѣ и поправлено нѣсколько было“ [2]).

Въ Голландіи графъ и графиня Сѣверные не преминули посѣтить Саардамъ. Они пожелали видѣть тѣ два элинга, на которыхъ Петръ Великій работалъ простымъ плотникомъ и домъ, въ которомъ онъ жилъ; въ этомъ домѣ жилъ тогда внукъ того хозяина, который отдавалъ его въ наймы царю. Графъ и графиня осмотрѣли въ подробности домъ, и, покидая его, оказали скромному хозяину знаки своей щедрости.

Въ Лейденѣ Павелъ Петровичъ посѣтилъ университетъ. Обращаясь къ встрѣтившимъ его профессорамъ, онъ сказалъ, что имъ обязанъ тѣмъ, что, благодаря ихъ трудамъ, многіе изъ его соотечественниковъ сдѣлались способными служить съ

---

[1]) 7 (18) августа 1782 г.

[2]) Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи Моркова въ 1784 году, въ Петербургъ, онъ былъ не очень ласково принятъ Цесаревичемъ. Письмо Безбородко къ Воронцову. А. к. В., XIII, 59.

пользою своей родинѣ. Присутствіе князя Куракина, воспитывавшаго въ Лейденскомъ университетѣ, придало особое значеніе этому отзыву [1]).

Изъ генеральныхъ штатовъ графъ и графиня отправились чрезъ Маастрихтъ въ Спа, гдѣ эрцгерцогиня Марія Христина и герцогъ Альбрехтъ снова встрѣтились съ ними. Здѣсь также хранились воспоминанія о пребываніи Петра Великаго, пользовавшегося тамъ минеральными водами. Множество принцевъ, принцессъ и знатныхъ особъ находились въ это время въ Спа и празднества, данныя тамъ, были очень блестящи.

Проведя два дня въ этомъ прелестномъ городѣ, графъ и графиня Сѣверные направились въ Германію и во Франкфуртѣ встрѣчены были братьями Маріи Ѳедоровны, принцами Людвигомъ и Евгеніемъ и ея теткою, ландграфинею гессенъ-кассельскою и русскимъ путешественникомъ, княземъ А. И. Вяземскимъ [2]).

Во Франкфуртѣ собралось множество мелкихъ германскихъ владѣтелей. Гессенъ-Дармштадтъ, Ганау, Гомбургъ, Мекленбургъ, Саксенъ-Кобургъ, Нассау-Узингенъ и т. д. имѣли своихъ представителей. Въ числѣ ихъ находился и принцъ Людвигъ, бывшій женихъ Маріи Ѳедоровны [3]). Всѣ они были въ родственныхъ отношеніяхъ и Маріи Ѳедоровнѣ стоило большаго труда не потеряться между ними, въ особенности, если припомнить, что въ то время правила этикета нигдѣ не соблюдались съ такою точностью и строгостью, какъ среди нѣмецкихъ фюрстовъ. Но этимъ церемоніальнымъ представленіямъ, визитамъ и пріемамъ положенъ былъ скоро конецъ. 21 іюля 1782 года Марія Ѳедоровна прибыла въ родной Этюпъ.

Пріѣздъ Маріи Ѳедоровны составилъ событіе въ княжествѣ Монбельярѣ. Супруга наслѣдника великой державы была гордостью семейства и всѣхъ жителей края. Гордость эта

[1]) Письмо Моркова, А. к. В., XIV, 214.
[2]) Архивъ к. Вяземскаго. Спб. 1881, 340.
[3]) См. объ этомъ письмо Екатерины въ С. Р. И. О., IX, 174.

была тѣмъ болѣе закопна, что пышность русскаго двора ни мало не измѣнила Марію Ѳедоровну; она вернулась на родину съ тѣми же чувствами любви къ семейству и къ родному очагу, которыя ее никогда не покидали. Надзирательница всего монбельярскаго дворцоваго хозяйства, г-жа Гендель, боготворившая свою принцессу Софію Доротею, пріобрѣла карту Россіи и въ минуты, остававшіяся у ней свободными отъ хлопотъ, вызванныхъ съѣздомъ множества гостей, разсматривала эту карту, восклицая:—„И она будетъ Государыней всего этого!“ Но для Маріи Ѳедоровны эта блестящая будущность не затмила скромнаго прошедшаго и мы охотно вѣримъ г-жѣ Оберкирхъ, свидѣтельствующей, что великая княгиня часто обращалась мыслью къ воспоминаніямъ своей тихой дѣвичьей доли.

Вокругъ принца Фридриха Евгенія и его супруги собрались всѣ ихъ дѣти, въ томъ числѣ женатый сынъ и двѣ замужнія дочери. Въ память этого, въ саду Этюпа воздвигнутъ былъ небольшой памятникъ со слѣдующею надписью, сочиненною кавалеромъ Флоріаномъ:

Ici la plus heureuse et la plus tendre mère
Réunit seize enfants, idoles de son coeur,
Et voulut consacrer cette époque si chère
De son amour, de son bonheur.
Passant, repose-toi sous cet épais ombrage,
Et si tu chéris les enfants,
Respire ici quelques instants,—
Tu les aimeras davantage.

Проведя ровно мѣсяцъ въ семейномъ кругу въ Этюпѣ и въ Монбельярѣ [1]), графъ и графиня Сѣверные, въ обществѣ принца голштинскаго и его супруги посѣтили нѣкоторыя мѣстности Швейцаріи, гдѣ познакомились съ Лафатеромъ и 6 сентября прибыли въ Штутгардтъ, столицу герцога Карла виртембергскаго, дяди графини Сѣверной.

Герцогъ Карлъ виртембергскій принадлежалъ къ числу тѣхъ владѣтельныхъ германскихъ князей, которые, увлекаясь

[1]) См. письмо къ Сакену 8 августа 1782. С. Р. И. О., XX, 435.

внѣшностью французскаго двора, думали перенести на родину нравы и образъ жизни Версаля. Онъ жилъ въ открытой связи съ графинею Гогенгеймъ, на которой впослѣдствіи женился, выстроилъ нѣсколько увеселительныхъ дворцовъ, Гогенгеймъ, Людвигсбургъ, la Solitude, Bären-See, держалъ актеровъ и музыкантовъ, великолѣпныя конюшни на 300 лошадей и т. д. Графъ и графиня провели въ гостяхъ у него недѣлю въ обществѣ герцога цвейбрюкенскаго, его брата принца Максимиліана, князя Фюрстенберга, принца гессенъ-дармштадтскаго и его супруги, принца голштинскаго и двухъ принцевъ гессенъ-кассельскихъ и познакомились съ графинею Гогенгеймъ.

Затѣмъ, наотрѣзъ отказавшись посѣтить курфюрста баварскаго въ Мюнхенѣ [1]), графъ и графиня Сѣверные начали обратный путь на родину: 23 сентября прибыли они въ Вѣну, вмѣстѣ съ принцомъ Фердинандомъ и принцессою Елизаветою, которая должна была остаться въ Вѣнѣ и воспитываться въ католической религіи. Тамъ же долженъ былъ остаться и принцъ Фердинандъ, пожалованный полковникомъ и шефомъ прусскаго пѣхотнаго полка [2]).

Въ Вѣнѣ графъ и графиня Сѣверные пробыли до 7 октября, а затѣмъ чрезъ часть прусской Силезіи, гдѣ ихъ привѣтствовали, отъ имени Фридриха II, генералы Дальвигъ и Верперъ, Краковъ, Бѣлостокъ, Гродно, Митаву и Ригу направились въ Петербургъ [3]).

---

[1]) Письмо Румянцова въ А. к. В., XXVII, 95.

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1782 г. № 28. Ср. письмо Екатерины. С. Р. И. О., XXVII, 228 и IX, 101.

[3]) Подробности о пребываніи Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны за границею можно читать въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Du séjour des Comtes du Nord à Venise, par la comtesse des Ursins s. l. 1782; 2) Descrizione degli spettacoli... datesi in Venezia per occasione della venuta delle Conti del Nort. Venezia, 1782. 3) J Conte del Nord a Venezia. Lettere di L. Ballarini a D. Dolfin. Venezia, 1870. 4) Du Coudray, Le Comte et la Comtesse du Nord à Paris. Paris, 1782. 5) Графъ и графиня Сѣверные въ Нидерландахъ въ 1782 г., статья Гашара въ переводѣ Л. Н. Майкова въ Р. А., 1876, V, с. 45. 6) Павелъ Петровичъ въ Версали въ Древн. и Нов. Россіи, 1879, № 11. 7) Отрывки изъ журнала Башомона. Р. С. 1882, № 11. 8) Сынъ Отечества. Сверхъ того довольно много свѣдѣній въ запискахъ Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ и баронессы Оберкирхъ и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1782 года.

Повидимому, Екатерина не желала, чтобы ея сынъ и невѣстка посѣтили короля Станислава Августа. По крайней мѣрѣ она дала знать русскому посланнику въ Варшавѣ, графу Стакельбергу, что самая ближайшая и удобнѣйшая для нихъ дорога отъ Кракова прямо на Полоцкъ, оставляя Варшаву въ лѣвой сторонѣ, а какъ дорога эта оказалась, по осмотру, вовсе непроѣздимою, то путь ихъ назначенъ былъ на Гродно, но минуя Варшаву [1]).

Переписка Іосифа II съ Леопольдомъ даетъ понятіе о томъ, что могло ожидать ихъ по возвращеніи на родину. „Внутреннія интриги продолжаются въ Петербургѣ, писалъ Іосифъ II брату, 7 августа 1782 г., и вѣроятно, что по возвращеніи великій князь встрѣтитъ быть можетъ еще болѣе непріятностей, чѣмъ онъ имѣлъ ихъ до своего путешествія". „Мнѣ весьма прискорбно, что вы мнѣ сообщаете, отвѣчалъ на это Леопольдъ, что вслѣдствіе интригъ, существующихъ при русскомъ дворѣ, положеніе великокняжеской четы, по ея возвращеніи, будетъ еще хуже прежняго. Они этого ожидали и очень этого опасались, и въ этомъ отношеніи вполнѣ достойны сожалѣнія, такъ какъ, въ виду ихъ качествъ и добрыхъ намѣреній, заслуживали бы, конечно, болѣе пріятной участи".

Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ неизвѣстны ни дневники, которые Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна вели во время заграничнаго путешествія, ни ихъ письма. Они объяснили бы многое и вмѣсто сухого нашего изложенія, читатель имѣлъ бы вѣрное изображеніе ихъ впечатлѣній и взглядовъ.

Императоръ Іосифъ II въ Вѣнѣ и члены его семейства въ Неаполѣ, Флоренціи, Пармѣ, Парижѣ и Голландскихъ Штатахъ, слѣдуя его наставленіямъ [2]), употребляли всѣ усилія

См. также: Начертаніе путешествія... графа и графини Сѣверныхъ. Спбгъ, 1783, гдѣ исчислено, что путешествіе ихъ продолжалось 428 дней, въ томъ числѣ собственно на проѣздъ употреблено 190 дней. Проѣхали они 13,115 верстъ.

[1]) P. C., III, 324.

[2]) Arneth, Joseph II, 332.

привлечь Павла Петровича на сторону Австріи и охладить его любовь къ Пруссіи. Но въ этомъ отношеніи путешествіе Цесаревича нисколько его не измѣнило. Онъ остался вѣренъ Фридриху II, не смотря на то, что, къ крайнему своему сожалѣнію, лишенъ былъ возможности еще разъ его посѣтить и по возвращеніи на родину занялся составленіемъ записки о мѣрахъ на случай войны съ Австріею [1]). Значеніе двукратнаго его путешествія за границу такъ характеризуетъ Н. А. Саблуковъ въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ о временахъ Павла Петровича [2]): „Въ Вѣнѣ, Неаполѣ и Парижѣ Павелъ Петровичъ пропитался тѣми высоко-аристократическими идеями и вкусами, впослѣдствіи столь мало согласными съ духомъ времени, которые довели его до большихъ крайностей въ его усиліяхъ поддержать нравы и обычаи стараго порядка, въ то время какъ французская революція стирала все съ лица Европы. Но какъ ни пагубно подѣйствовали эти вліянія на чуткую, легко воспламеняемую душу Павла Петровича, вредъ, причиненный ими, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который произвели въ Берлинѣ прусская дисциплина, выправка, мундиры, кивера и т. д., словомъ все, что напоминало о Фридрихѣ Великомъ. Павелъ Петровичъ подражалъ Фридриху въ одеждѣ, въ походкѣ, въ посадкѣ на лошади. Потсдамъ, Сансуси, Берлинъ преслѣдовали его, какъ кошмаръ. Къ счастью Павла Петровича и его родины, онъ не заразился бездушною философіею и упорнымъ безбожіемъ Фридриха. Но этого Павелъ Петровичъ не могъ терпѣть и хотя врагъ насѣялъ много плевелъ, но доброе сѣмя удержалось“.

[1]) Напечатана въ Р. С., X, 60.
[2]) Р. А., 1869, 1878.

XVIII.

Вернувшись въ родной Монбельяръ послѣ шестилѣтней разлуки, Марія Ѳедоровна встрѣтила въ своемъ семействѣ перемѣны.

Старшій ея братъ, принцъ Фридрихъ, былъ уже въ это время женатъ на принцессѣ Августѣ брауншвейгской, а сестра ея, Фридерика, была замужемъ за принцемъ Петромъ голштинскимъ.

Эти родственные союзы членовъ виртембергскаго дома были, кажется, не совсѣмъ пріятны Екатеринѣ. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Мы уже упоминали выше, что по смерти Императора Петра III, Екатерина назначила администраторомъ Голштиніи роднаго своего дядю и двоюроднаго дѣда Павла Петровича, принца Георгія.

Принцъ Георгій умеръ въ 1763 году. „Какъ по сей кончинѣ опорожнилось мѣсто администраторское, писала Екатерина Панину [1]), которое, я думаю, никакъ не можетъ остаться порожнимъ, то, кажется, ближе нѣтъ никого, какъ принца Августа [2]), епископа любскаго, которому лучше послать, не мѣшкавъ, отъ меня полномочіе, дабы ни онъ самъ, ни Цесарь, не успѣли въ то вступиться. Осиротѣвшихъ принцевъ,

---

[1]) Сбор. Р. И. О. VII, 330.

[2]) Фридриха Августа, брата умершаго принца Георгія.

думаю я, что благопристойность требуетъ взять сюда, а то пить, ѣсть негдѣ имъ взять будетъ".

Вслѣдствіе этого принцъ Фридрихъ Августъ сдѣлался администраторомъ Голштиніи, но сыновья принца Георгія, осиротѣвшіе принцы Августъ и Петръ, почему-то въ Россію привезены не были. Панину поручено было Екатериною [1]) достать кого-нибудь приставить къ молодымъ принцамъ, потому что Екатерина сколько ни навѣдывалась, но сыскать не могла такого человѣка, и въ 1765 году къ нимъ назначенъ былъ полковникъ Стааль. Во время ихъ путешествія по Европѣ, они, по волѣ Екатерины, назывались графами ольденбургскими. Замѣчательно, что Стааль представлялъ въ началѣ путешествія, отправиться съ принцами въ Лозанну или Женеву, но Екатерина написала противъ этого: „отправиться только не въ Лозанну и не въ Женеву, чтобъ не быть въ близости отъ Вольтера, а лучше ѣхать въ Бернъ".

Въ мартѣ 1767 года Стааль подалъ Императрицѣ записку, въ которой, хваля принцевъ, представлялъ, между прочимъ, о надобности путешествіи въ Туринъ для опредѣленія принцевъ въ тамошнюю академію, что и было одобрено Екатериною [2]).

Принцы получили въ этой академіи отличное воспитаніе; въ нихъ не было того воинскаго духа, отъ котораго, по словамъ Екатерины, многіе, имъ подобные, одичали (abruti). Приписывая себѣ хорошіе результаты ихъ воспитанія, Екатерина хвалилась этимъ передъ Ассебургомъ, когда предлагала ему уговорить принца виртембергскаго ввѣрить ей воспитаніе одной изъ его дочерей [3]).

Не задолго до свадьбы Павла Петровича съ Натальею Алексѣевною принцы прибыли, 18 сентября 1773 года [4]) въ Петербургъ.

---

[1]) Сбор. Р. И. О., X, 57—58.

[2]) Сб. Р. И. О. X., 73.

[3]) Письма Екатерины къ г-жѣ Бьелке, 21 мая 1770 и къ Ассебургу 14 мая 1771 г. Сб. Р. И. О., XIII, 21 и 93.

[4]) Кам. Фур. Журн. 1773 г.

Они явились прежде къ Павлу Петровичу, который уже, въ качествѣ главы голштинскаго дома, представилъ ихъ Императрицѣ.

Принцъ Августъ поступилъ на службу въ русскій флотъ и 3 іюля 1774 года утонулъ близъ Ревеля [1]), а принцъ Петръ служилъ подъ начальствомъ графа Румянцова въ дунайской арміи [2]). Онъ, по словамъ Екатерины, обѣщалъ гораздо болѣе старшаго брата; всѣ согласны были, что онъ очень любезный молодой человѣкъ, привѣтливъ, веселъ и живъ. Екатерина находила въ немъ поразительное сходство съ своею матерью и утверждала, что если уже онъ не будетъ имѣть успѣха въ свѣтѣ, то она и не знаетъ, кто бы могъ на него разсчитывать; не было возможности упрекнуть его въ самомъ ничтожномъ недостаткѣ [3]).

Въ началѣ 1775 года, передъ отъѣздомъ Екатерины въ Москву, принцъ оставилъ Россію [4]).

За границею онъ продолжалъ пользоваться въ обществѣ хорошимъ мнѣніемъ и сдѣлался желаннымъ женихомъ нѣмецкихъ принцессъ, потому что для него предвидѣлась герцогская корона. Его дядя администраторъ Голштиніи принцъ Фридрихъ Августъ, сдѣлался въ 1773 году, какъ мы говорили выше, за обмѣномъ Голштиніи на Ольденбургъ, первымъ герцогомъ ольденбургскимъ. У него былъ единственный сынъ, Петръ Фридрихъ Вильгельмъ, съ дѣтства слабоумный и уже тогда имѣли въ виду, что онъ не въ состояніи будетъ управлять герцогствомъ, и что оно должно будетъ перейти къ его двоюродному брату Петру, который въ 1776 году и былъ назначенъ коадъюторомъ любскимъ [5]).

Въ числѣ его невѣстъ находились принцесса Августа брауншвейгская, покровительствуемая, вслѣдствіе рекомендаціи

---

[1]) Сбор. Р. И. О., XIII, 413.

[2]) Петровъ. Война Россіи съ Турціей. Спб. 1874, V, 35.

[3]) Письма къ г-жѣ Бьелке. Сб. Р. И. О., XIII, 438 и XXVII, 23—24 и 30—31 Ср. письма къ Гримму, 67, 104, 106 и 113.

[4]) Въ послѣдній разъ имя его встрѣчается въ Кам. Фур. Журн. 11 января.

[5]) Сб. XIII, 24 и XXVII, 12, 47, 54, 67 и 119. Vehse, IV, 10.

Гримма, Екатериною и о которой, извѣстной подъ именемъ Зельмиры, мы еще будемъ имѣть случай говорить, и принцесса Фридерика виртембергская, покровительствуемая своею сестрою, Маріею Ѳедоровною.

Le coadjuteur, писала Екатерина Гримму 25 декабря 1778 г. [1]) m'a la mine de devenir le coq du village de l'Allemagne: toutes les princesses mariables ou leurs parents aspirent à son alliance; morgué, elles ont le bon nez. Le roi de Suède le veut pour sa soeur, la grande duchesse pour la sienne; vous voilà aussi sur le tapis. Je vous avoue que vos propositions seront celles qui me plairont le plus, parce que j'estime infiniment le prince héréditaire de Brunswick [2]). Mais jamais je ne gênerai le choix du prince coadjuteur, qui a déjà fait, je crois, quelque legère proposition par persuasion de perruques au pr. de Würtemberg sous la clause que si dans deux ans après s'être vus on se convenait, il faudrait lui faire voir la vôtre, et peut-être Pâris donnerait-il la pomme à la plus aimable, sauf toute ressemblance d'oncle, de tante, de maman et grand'maman Flotes".

Возвращаясь къ этому же дѣлу въ письмѣ 11 апрѣля 1779 г. Екатерина продолжаетъ: „Je suis très fachée que le choix de Télémaque ne soit point tombé sur Zelmire; vous verrez avec qui les grandes perruques l'ont appareillée; il va devenir un bon citoyen ayant à ses cotés une bonne citoyenne, et faisant des Octavius. Or, c'est la faute du frère G. [3]), qui vient toujours partout trop tard; j'ai eu l'honneur de vous le mander, vu que Télémaque est entre les mains des bons citoyens qui lui donnent une bonne citoyenne, de laquelle il aura de bons citoyens, grands, gros et épais, et puis c'est tout; c'est dommage, car le portrait de Zelmire est ravissant".

Затѣмъ принцесса Августа брауншвейгская вышла 27 октября 1780 г. за старшаго брата Маріи Ѳедоровны, принца Фри-

---

[1]) Стр. 122 и 132.
[2]) Герцогъ Карлъ Вильгельмъ Фердинандъ брауншвейгскій.
[3]) Т. е. Густавъ III, король шведскій.

дриха, а принцъ Петръ голштинскій женился, 26 іюня 1781 года, на ея сестрѣ, принцессѣ Фридерикѣ.

Не смотря на уступку Ольденбурга младшей линіи голштинскаго дома, Екатерина была того мнѣнія, что доколѣ будетъ здравствовать главная линія этого дома, всѣ распоряженія по нечаяннымъ происшествіямъ относятся къ ея шефу [1]) Павлу Петровичу. Поэтому бракъ принца Петра голштинскаго, котораго она считала своимъ воспитанникомъ, совершенный, кажется, по совѣту членовъ прусскаго королевскаго дома, не былъ ей особенно пріятенъ.

Подобно старшему брату Маріи Ѳедоровны, второй и третій ея братья, принцы Людвигъ и Евгеній, состояли на прусской службѣ.

Четвертый ея братъ, принцъ Вильгельмъ, поступилъ въ 1781 году на датскую службу. Марія Ѳедоровна и Павелъ Петровичъ горячо рекомендовали его и хлопотали объ устройствѣ его положенія въ Копенгагенѣ [2]).

Пятый ея братъ, принцъ Фердинандъ, поступилъ въ 1781 году, какъ сказано выше, въ австрійскую службу.

Остальныя ея братья, принцы Карлъ, Александръ и Генрихъ, не вышли еще въ то время изъ отроческихъ лѣтъ.

Съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ читатели встрѣтятся еще на страницахъ нашего разсказа.

Наконецъ, нелишне упомянуть, что во время своего путешествія Павелъ Петровичъ встрѣтилъ въ Базелѣ жену своего дяди, принца Фридриха Августа ангальтъ-цербстскаго, брата Императрицы Екатерины.

Въ годъ вступленія на престолъ Екатерины, принцъ Фридрихъ Августъ хотя и владѣлъ маленькимъ своимъ княжествомъ, но въ Цербстѣ не жилъ и переѣхалъ въ Базель. Женатъ онъ былъ съ 1764 года (вторымъ бракомъ) на своей двоюродной сестрѣ, принцессѣ Фридерикѣ Августѣ Софіи ангальтъ-бернбургской [3]).

---

[1]) Резолюція ея на докладѣ Безбородки. Сб. Р. И. О., XXVII, 357.
[2]) Письма къ Сакену, С. Р. И. О., XX, 397 и слѣд.
[3]) С. Р. И. О., LI, № 947, 952, 960 и 1012.

Въ первые годы по воцареніи Екатерины онъ, кажется, имѣлъ намѣреніе пріѣхать въ Россію, но Екатерина послала уговаривать его отложить эту поѣздку [1]). Порученіе это возложено было на полковника Ребиндера, но принцъ Фридрихъ Августъ принялъ его очень дурно и затѣмъ пересталъ даже отвѣчать на письма сестры [2]).

Живя въ Базелѣ, принцъ вовсе не занимался своимъ княжествомъ, требуя оттуда лишь денегъ. Интересы его владѣній болѣе принимала къ сердцу его жена. Въ 1772 году, во время неурожая и голода, она просила Екатерину о помощи жителямъ края въ 30 т. р., но Екатерина велѣла купить на эту сумму хлѣба и послать его въ княжество, ибо, говорила она, „если деньгами дать, то братецъ мой оныя возьметъ къ себѣ въ Швейцарію, а обыватели его земли останутся въ нуждѣ“ [3]).

Въ 1780 году, вслѣдствіе ссоры съ базельскимъ магистратомъ, принцъ уѣхалъ въ Люксембургъ, оставивъ жену въ Базелѣ. Воспользовавшись проѣздомъ Павла Петровича, княгиня ангальтъ-цербстская передала ему письмо къ Екатеринѣ, съ жалобою на мужа. Письмо это не привело ни къ чему. Екатерина хотя и пожалѣла о томъ, что не смотря на свою кротость, доброту и достоинства, принцесса такъ несчастлива, но заявила, что будетъ очень трудно улучшить ея судьбу, не поссоривъ ея съ мужемъ навсегда. По словамъ Екатерины, она давно и лучше чѣмъ кто-либо знала личность, съ которою принцесса имѣла дѣло [4]).

---

[1]) Письмо къ Волконскому, безъ даты. XVIII вѣкъ, I, № 186, стр. 161. Ср. письмо къ вице-канцлеру Голицыну 7 мая 1764 г. Р. С. VIII, 885.

[2]) Письма къ Панину, 85 и 87. О женѣ присланнаго принцемъ въ Петербургъ Капельмана Порошинъ упоминаетъ подъ 5 и 8 декабря 1764. Ср. замѣчаніе о немъ Екатерины въ С. Р. И. О., XIII, 187.

[3]) Письмо къ Вяземскому 13 мая 1772. Р. А., 1866, № 1, 63.

[4]) С. Р. И. О., IX, 183. О наслѣдствѣ послѣ брата, см. письмо Панина 31 іюля 1776 г., А. к. В., XXVI, 115.

XIX.

Павелъ Петровичъ путешествовалъ за границею въ качествѣ частнаго лица. Его образованность, познанія и интересъ къ наукѣ, литературѣ и искусствамъ были замѣчены всѣми. Также оцѣнена была всѣми и его безупречная супружеская жизнь. Во всѣхъ отношеніяхъ могъ онъ служить образцомъ для другихъ русскихъ путешественниковъ. Въ то время за границу ѣздили лишь богатые и знатные русскіе и поведеніе многихъ изъ нихъ, нельзя не сознаться, не давало иностранцамъ высокаго понятія о Россіи и о русскихъ. Въ доказательство этого разскажемъ пребываніе за границею молодаго Бобринскаго, который, по своему происхожденію, принадлежалъ къ высшему русскому обществу и для воспитанія котораго не щадили никакихъ средствъ.

Въ это время высокое происхожденіе Бобринскаго перестало уже быть тайною. Представляя, въ 1780 году, наслѣдному принцу прусскому записку о петербургскомъ дворѣ, графъ Герцъ обращалъ, между прочимъ, вниманіе его на то, что И. И. Бецкому, ввѣренъ былъ сынъ Императрицы, находившійся въ числѣ кадетъ, и что небольшое отличіе ему не было бы излишнимъ [1]).

Въ 1782 году Бобринскій окончилъ свое воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ. Въ апрѣлѣ этого года Императрица по-

[1]) Записка Герца въ русскомъ переводѣ въ Древ. и Нов. Россіи 1879 г. X, 86. Ср. отзывъ о Бобринскомъ князя Долгорукова, 182.

жаловала ему особый гербъ, замѣчательный тѣмъ, что въ него вошли части англійскаго, т.-е. лично-Екатерининскаго, и русскаго государственнаго герба [1]), и объявила ему, что съ 2 апрѣля 1782 г. по 1792 годъ онъ имѣетъ получать проценты съ положеннаго ею въ воспитательномъ домѣ для него капитала, а съ 11 апрѣля 1792 г., т.-е. въ день его тридцатилѣтія и весь тотъ капиталъ будетъ ему принадлежать, какъ неотъемлемая собственность [2]).

Съ начала того же года начались приготовленія къ путешествію Бобринскаго и 23 февраля И. И. Бецкій привезъ его къ Императрицѣ. „Государыня была уже въ Эрмитажѣ, разсказываетъ Бобринскій [3]); я имѣлъ счастье поцѣловать у нея руку и привѣтствовать ее. Она играла въ биліардъ съ Ланскимъ, выиграла партію, начала другую и опять стала выигрывать. Она мнѣ сказала, чтобы я окончилъ за нее партію, и я ее выигралъ. Ея Величество сѣла въ кресла и стала говорить со мною о предстоящемъ мнѣ путешествіи по Россіи и о томъ, что слѣдуетъ сначала узнать свой край, а уже потомъ смотрѣть чужіе. Она милостиво сказала мнѣ, что надѣется, что я доволенъ распоряженіями, сдѣланными относительно меня. У меня выступили слезы и я едва удержался, чтобы не расплакаться. Черезъ нѣсколько времени она встала и ушла. Я имѣлъ счастіе въ другой разъ поцѣловать ей руку. Бецкій позвалъ меня и началъ говорить о приготовленіяхъ къ путешествію. Онъ показалъ мнѣ бумагу, въ которой означена сумма, доходомъ съ которой я буду пользоваться; этотъ доходъ слишкомъ въ 15 т. руб. Бецкій говорилъ о своей искренней дружбѣ ко мнѣ, на которую я никогда не считалъ его способнымъ. Я ему безконечно обязанъ за то. Разговоръ мой съ Бецкимъ продолжался болѣе часу, послѣ чего Государыня ушла къ себѣ. Ея Величество раза два, три спрашивала меня, какъ я себя чувствую и сообщила, что по сло-

[1]) Красная городская стѣна съ идущимъ по ней медвѣдемъ въ золотой коронѣ. По срединѣ герба русскій двуглавый орелъ.

[2]) Два письма Екатерины къ Бобринскому въ Р. А., 1876, IX, 13.

[3]) Дневникъ его въ Р. А., 1877, X, 134.

вамъ доктора Рожерсона я полнокровенъ, и надо мнѣ отворить кровь".

Молодой Бабринскій въ кадетскомъ корпусѣ находился подъ главнымъ наблюденіемъ И. И. Бецкаго и ближайшимъ надзоромъ О. М. Рибаса.

Трудно было найти человѣка, менѣе пригоднаго къ дѣлу воспитанія, какъ Рибасъ. Онъ поступилъ въ русскую службу лейтенантомъ въ 1772 году и начало карьеры ознаменовалъ тѣмъ, что помогъ графу А. Г. Орлову захватить, въ бытность его въ Ливорно, въ февралѣ 1775 г., извѣстную самозванку Тараканову [1]). Благодаря покровительству Орловыхъ онъ и устроился въ Россіи и упрочилъ свое положеніе женитьбою на незаконной дочери И. И. Бецкаго, извѣстной А. И. Соколовой [2]).

Изъ дневника А. Г. Бобринскаго за время бытности его въ кадетскомъ корпусѣ видно, до какой степени общество, его окружавшее, было непригодно молодому человѣку. Чтеніе этого дневника [3]) даетъ объясненіе тому, какъ съ юношескихъ лѣтъ онъ былъ испорченъ.

Еще въ бытность его въ корпусѣ, взяты были въ казенное управленіе волости Тульской губерніи, Богородицкая и Бобриковская и Московской—Кіяновская, которыя предназначались ему въ собственность. Волостями этими управлялъ А. Т. Болотовъ, извѣстный авторъ любопытныхъ записокъ, подъ главнымъ надзоромъ сенатора князя Сергѣя Васильевича Гагарина [4]). Неожиданно для Болотова, въ концѣ 1778 года получилъ онъ ордеръ князя, коимъ ему давалось знать, что Императрицѣ угодно было уволить его, князя, отъ правленія означенными волостями и ввѣрить оное его сыну, князю Сергѣю Сергѣевичу Гагарину [5]).

---

[1]) Мельниковъ. Княжна Таракапова. Спб. 1868, 124.

[2]) Свадьба ихъ происходила 27 мая 1776 г. Рибасъ въ это время былъ капитаномъ. См. Камеръ-фуръерскій журналъ за этотъ годъ.

[3]) Напечатанъ въ Рус. Архивѣ 1877 г., № 10, стр. 116—136.

[4]) Князь С. В. Гагаринъ, д. т. с. и шталмейстеръ † 1782 г.

[5]) Князь С. С. Гагаринъ, д. т. с. и гофмейстеръ (1745—1798).

Причину этого распоряженія такъ объясняетъ Болотовъ [1]):

„О волосѣхъ нашихъ хотя и не было никому съ достовѣрностью извѣстно, кому онѣ собственно назначались и на какой конецъ заводились въ нихъ разныя и великаго иждевенія стоющія зданія, однако, по всеобщей молвѣ, никто почти не сомнѣвался въ томъ, что онѣ назначались господину Бобринскому, мальчику, воспитанному въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и съ отмѣннымъ прилежаніемъ обучаемому... Поелику мальчикъ сей около сего времени достигалъ уже до такого возраста, что могъ быть вскорѣ уже и женатымъ, то бывшій въ сіе время у насъ въ Россіи первымъ и знаменитѣйшимъ бояриномъ и Императрицынымъ любимцемъ и бывшій потомъ свѣтлѣйшимъ княземъ, Г. А. Потемкинъ, мужъ, дышущій любочестіемъ и любовластіемъ безпредѣльнымъ и простирающій замыслы и намѣренія свои почти за самыя облака, обратилъ между прочимъ виды свои и на сего знаменитаго юношу. Онъ имѣлъ у себя нѣсколько родныхъ племянницъ, которыя, ежели вѣрить носившейся тогда всеобщей молвѣ, были вкупѣ и его любовницы“ [2]), всѣхъ ихъ породалъ онъ кой за кого и пристроилъ къ мѣстамъ знаменитымъ, и оставалась одна младшая, имъ болѣе прочихъ любимая, да и лучшенькая. Сію то младшую племянницу свою, госпожу Энгельгардтъ [3]), назначалъ онъ въ мысляхъ своихъ за помянутаго знаменитаго юношу и хотѣлъ, женивъ его на ней, сдѣлать богатѣйшею и знаменитѣйшею госпожею

---

[1]) Жизнь и приключенія Болотова. Спб. 1872, III, 812 и слѣд.

[2]) Это подтверждаетъ и сардинскій посланникъ. Григоровичъ. С. Р. И. О., XXVI, 317 и письмо С. Р. Воронцова къ Николаи А. к. В., XXII. 497.

[3]) Младшая изъ пяти сестеръ, Татьяна Васильевна Энгельгардтъ, вышла замужъ за М. С. Потемкина 11 сентября 1786 года; послѣ его смерти (1791 г.) вступила во второй бракъ съ княземъ Н. Б. Юсуповымъ и умерла 27 мая 1841 г. Рус. Стар. IV, 392 и дневникъ Храповицкаго подъ 11 сентября 1786 г.

Остальныя племянницы Потемкина вышли замужъ:

а) Екатерина, 10 ноября 1781 г., за гр. Скавронскаго;

б) Александра, 12 ноября1781 г., за гр. Браницкаго (Пикаръ, Рус. Стар., 1 309);

в) Надежда, 12 ноября 1779 г., за Измайлова (Дневникъ Бобринскаго, Р. А. 1877, № 10, 116).

въ Россіи, и онъ надѣялся безсомнѣнно убѣдить къ сонзволенію на то и самую Императрицу.

„Теперь надобно знать, что въ самое то время молодой князь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ служилъ при дворѣ камергеромъ и былъ по сему случаю князю Потемкину не только знакомъ, но находился у него въ особливой любви и милости. И какъ ему, по сему обстоятельству, случалось бывать часто у него и видѣть его племянницу, то, будучи проворнымъ, хитрымъ и любовнымъ дѣламъ преданнымъ молодымъ человѣкомъ, вошелъ онъ какъ-то съ нею въ тайныя связи и былъ взаимно любимъ и ею. И какъ ему помянутой замыслъ князя Потемкина не могъ быть неизвѣстнымъ, какъ отъ самой ей, такъ и потому, что князь ему въ томъ открылся,— какъ другу своему, то, будучи не въ состояніи сему воспрепятствовать, рѣшился онъ не только ему въ томъ всячески вспомоществовать, что ему какъ находившемуся тогда въ милости у Императрицы, и можно было дѣлать, но и для себя выгадать притомъ особливую выгоду; почему и сталъ онъ тотчасъ замышлять и обработывать съ любимцемъ своимъ Верещагинымъ [1]), бывшемъ тогда при немъ въ Петербургѣ и ему во всемъ рабски прислуживающимся, особой планъ, достойный не уваженія, а истиннаго презрѣнія. Гнусной планъ сей состоялъ въ слѣдующемъ. Какъ оба они не сомнѣвались что какъ скоро женится г. Бобринской, такъ отдадутся ему во владѣнія и обѣ наши волости. Объ немъ же они знали, что онъ, будучи еще очень молодъ и къ распутствамъ и веселостямъ очень склоненъ, самъ собою управлять ими будетъ не въ состояніи, да они ему въ полное управленіе отъ Императрицы тотчасъ и не отдадутся, и что нуженъ будетъ къ нему приставъ и помощникъ; то и полагали они, чтобъ симъ приставомъ и помощникомъ въ правленіи не иному кому быть, какъ сему молодому князю Гагарину и при немъ Верещагину, и чтобъ обоимъ постараться увезть тогда сего молодаго господина съ молодою его женою въ волости, и за-

[1] Петръ Алексѣевичъ Верещагинъ, бобриковскій управляющій.

ведя его во всѣ забавы и увеселенія, самимъ между тѣмъ воцариться въ волостяхъ и хозяйствовать въ нихъ по своему произволенію. Словомъ, они замышляли все распорядить такъ, чтобъ тогда младой Бобринской носилъ только на себѣ званіе мужа и господина надъ волостями, а тѣмъ и другимъ быть бы въ самомъ дѣлѣ помянутому князю Гагарину, а при милости его Верещагину, который великимъ пришлецомъ, хитрецомъ и картежникомъ ласкался надеждою найтить и для себя тутъ выгодной счетъ и пообыгравъ сего молодаго и богатаго человѣка поправить и свое состояніе.

„Въ семъ состояло главное существо дальновиднаго ихъ замысла и заговора. Но единое затрудненіе находили они въ томъ, что волости наши не находились еще въ управленіи сего молодаго князя и не прежде могли находится, какъ развѣ по смерти старика его отца, управляющаго ими, но которая скоро ли или не скоро воспослѣдуетъ, то они не знали и знать не могли. И какъ опасались они, чтобъ упомянутая женитьба не воспослѣдовала еще при жизни стараго князя, то озабочивались они тѣмъ, и долго не знали, какъ бы пособить себѣ въ семъ случаѣ и какимъ бы образомъ доставить власть и управленіе волостями скорѣе въ руки молодому князю. Наконецъ, хитрые и богатые умы ихъ и развратныя сердца помогли имъ выдумать и къ тому одно удобное, хотя крайне безсовѣстное и дурное средство. Они распустили слухъ и молву что старикъ-князь такъ состарѣлся, что выжилъ уже изъ ума и мѣшался въ мысляхъ. И сынъ не устыдился не только подтверждать сію ложную и имъ самимъ выдуманную молву, но старался еще довесть стороною слухъ сей до самой Императрицы и небывальщину сію объ отцѣ своемъ утвердить собственнымъ увѣреніемъ. Что оставалось тогда монархинѣ дѣлать? И какъ можно было не повѣрить свидѣтельству сыновню. Однако онъ въ семъ случаѣ не совсѣмъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи и не все получилъ, чего онъ ожидалъ и надѣялся. Императрица хотя и дѣйствительно намѣрена была сдѣлать его послѣ отца въ правленіи волостьми преемникомъ, но по мудрости и добродушію своему не хо-

тѣла вдругъ огорчить и живаго еще старика князя, отца его, и потому на первой случай сдѣлала его только ему въ правленіи сими волостьми помощникомъ.

Такимъ образомъ гнусный и коварный умыслъ сей не совсѣмъ удался, и молодой князь самъ не весьма былъ доволенъ; но черезъ нѣкоторое время послѣ того огорчился онъ и болѣе еще, когда прочій его обширной и дальновидной замыслъ получилъ страшной толчекъ и какъ вихрь по воздуху разсѣялся. Одинъ нечаянной и бездѣльной случай опровергъ вдругъ всѣ его замыслы и затѣи и разрушилъ однимъ разомъ всѣ зданія и замки, воздвигаемые имъ съ г. Верещагинымъ на воздухѣ. Излишняя любовная запальчивость и маленькая неосторожность испортило все дѣло. Ему случилось нѣкогда, будучи у князя Потемкина, сидѣть наединѣ съ помянутой тайною любовницею своею, племянницею княжею и будущею невѣстою г. Бобринскаго въ одномъ покоѣ на софѣ. Въ самое то время и совсѣмъ неожиданно входитъ туда же самъ князь Потемкинъ, любившій также сію молодую красавицу, и усматриваетъ ее въ такомъ положеніи, которое вдругъ открыло ему глаза. Взволновалось вдругъ сердце его и преисполнилось ревностію и досадой. Будучи весьма хитръ и коваренъ, онъ хотя и ничего тогда не сдѣлалъ, а захохотавъ, притворно сказалъ: „Ну братъ, князь хорошо! право, хорошо!“ и потомъ хлопнувъ дверью ушелъ; но послѣдствія отъ сего нечаяннаго усмотрѣнія были великія и важныя. Князь хотя и скрылъ свою досаду въ глубинѣ своего сердца и наружно не показалъ никакого вида и перемѣны, но въ самомъ дѣлѣ лишилъ съ сего времени князя Гагарина всей своей искренней любви и милости, и вмѣсто прежняго друга и благодѣтеля сдѣлался ему тайнымъ врагомъ и гонителемъ [1]). Но сего было недовольно, а послѣдствіемъ отъ сего было и то, что онъ перемѣнилъ вдругъ и оставилъ всѣ мысли свои о женитьбѣ Бобринскаго на своей племянницѣ, но паче самъ

[1]) Храповицкій подъ 12 апрѣля 1789 года: о камергерѣ кн. Сер. Гагаринѣ сказано, что всюду втирался, но никуда не опредѣленъ и нѣтъ мѣста, на которое бы онъ не просился.

помогъ послѣ къ тому, что сей молодой человѣкъ отправленъ былъ съ приставомъ въ чужіе краи путешествовать. А чтобъ поудалить отъ племянницы своей и князя Гагарина, то внушилъ Императрицѣ самъ желаніе поручить сему князю наши волости въ полное управленіе, отженя старика отца его, яко совсѣмъ съ ума уже рехнувшагося, отъ всей прежней довѣренности къ нему Императрицы и правленія оными.

„Симъ образомъ разрушился весь планъ молодаго князя Гагарина, и онъ, вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ блаженствъ, не получилъ ничего кромѣ довѣренности Императрицыной относительно управленія сими волостями. Но за то принужденъ былъ на нѣсколько времени отлучиться отъ двора, и для принятія отъ отца всѣхъ дѣлъ, до сихъ волостей относящихся, пріѣхать въ Москву, но что все уже его не весьма веселило, ибо онъ, кромѣ излишнихъ хлопотъ, заботъ и попеченій, не предусматривалъ отъ того никакой себѣ пользы и выгоды“.

Этотъ разсказъ, хотя быть можетъ и не вполнѣ точный въ подробностяхъ, имѣетъ однако достовѣрную основу. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Бретель, доносилъ, въ октябрѣ 1780 г. [1]), что Императрица имѣла въ виду женить Бобринскаго на одной изъ племянницъ Потемкина и сообщила объ этомъ князю Орлову, который, будто бы, отвѣчалъ: „qu'il ne consentirait jamais que son batard épousat la p—d'un drôle aussi méprisable que Potemkin“. Императрица была этимъ очень огорчена и оставила мысль объ этомъ бракѣ Бобринскаго.

По выходѣ Бобринскаго изъ корпуса, рѣшено было отправить его въ путешествіе и 20 мая 1782 года И. И. Бецкій далъ Бобринскому, произведенному въ томъ же году изъ капитановъ арміи въ конную гвардію поручикомъ [2]), и отправленнымъ съ нимъ тремъ корпуснымъ его товарищамъ особую инструкцію [3]). Путешествіе ихъ должно было продол-

[1]) Raumer, Beiträge zur neueren Geshichte. Leipzig, 1839, V, 402.

[2]) Анненковъ. Исторія л.-г. коннаго полка, Спб., 1849, IV, 89.

[3]) Напечатана въ Сѣверномъ Архивѣ 1823, V, № 4, 327 и въ Ч. М. О. И. и Д., 1863, IV, 143. Въ то же время Бецкій отнесся ко всѣмъ губернаторамъ объ оказаніи путешественникамъ содѣйствія. См. Р. А., 1865, VIII, 951, въ біографіи Мельгунова.

жаться три года. Въ Россіи ихъ сопровождали академикъ Озерецковскій и полковникъ Бушуевъ, а за границею только сей послѣдній.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ іюнѣ 1782 г., молодые люди посѣтили Москву, Ярославль, Нижній-Новгородъ, Казань, Екатеринбургъ, Симбирскъ, Астрахань, Кизляръ, Ставрополь, Черкаскъ и Таганрогъ. На пути въ Херсонъ, Бобринскій получилъ извѣстіе о смерти князя Орлова [1]).

Въ Херсонѣ они были приняты Потемкинымъ очень сухо. Онъ освѣдомился у Бобринскаго, удобно ли онъ путешествовалъ, и на слова его, что онъ не терпѣлъ особенно много неудобствъ, хотя большая часть дороги пролегала по пустынѣ, отвѣтилъ: „да и здѣсь только пустыня и вода и видѣть больше нечего“ [2]). Вслѣдствіе этого путешественники пробыли въ Херсонѣ только два дня, а затѣмъ, чрезъ Кіевъ, прибыли въ Васильковъ, гдѣ переѣхали, 4 іюля 1783 года, русскую границу.

Въ Варшавѣ Бобринскій былъ принятъ королемъ, а въ Вѣнѣ императоромъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Венецію, Миланъ и Пизу, куда прибылъ въ одно время съ путешествовавшимъ тогда по Европѣ королемъ шведскимъ, Густавомъ III, который, встрѣтивъ тамъ русскаго агента, графа Моценниго, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Бобринскомъ. „Un soir, писалъ объ этомъ графъ Моценниго [3]), à la conversation, le roi, étant avec le marquis Hautefort, m'aborda et me demanda, si j'avais des nouvelles du voyage de m-r Bobrinskoy, quelle est sa suite, si j'avais des ordres, et ayant répondu que je n'en savais rien, m-r le marquis demanda quel personnage il était. J'ai répondu que c'est un seigneur russe. Le roi me regarda fixe entre les yeux et ne voyant de ma part aucun signe, ajouta que c'est un seigneur, dont on avait soigné l'éducation, et donna un coup de coude au marquis qui s'éloigna de moi. Il fut instruit

---

[1]) Дневникъ его 15 мая 1783. Р. А., 1877, X, 156.
[2]) Ib. 157.
[3]) 21 декабря 1783, А. к. В., XVI, 173.

dans le moment par le roi et répandit aussitôt la nouvelle dans la ville“ [1]).

Во время этого путешествія за границею, Бобринскій проявлялъ дурныя стороны своего характера: наклонность къ разгульной жизни и неномѣрной расточительности. Сопровождавшій его полковникъ Бушуевъ горько на это жаловался. Бецкій рекомендовалъ Бушуеву „за лучшее средство оставить Бобринскаго слѣдовать развращенной вольности своей, не показывать ни малаго вида безпокойства и вести себя такъ, какъ бы ни малаго примѣчанія не дѣлалъ онъ за его поведеніемъ“. Жаль только, не безъ иронін замѣтилъ по поводу этого наставленія Бушуевъ, что употребляли оное въ корпусѣ во время его молодости, а тѣмъ самымъ сдѣлали нравъ его необузданнымъ, прихотливымъ и умѣренности чуждымъ [2]).

Положеніе Бушуева сдѣлалось, наконецъ, до того труднымъ, что въ мартѣ 1785 года П. И. Бецкій предложилъ ему и спутникамъ Бобринскаго вернуться въ Россію, предоставляя послѣднему остаться одному за границею [3]).

Бобринскій, получивъ желанную имъ свободу, основался въ Парижѣ.

Если для меньшинства русскихъ людей того времени, образованныхъ, нравственныхъ и желавшихъ учиться, Парижъ представлялъ обширное поле для занятій, то для огромнаго большинства русской молодежи, увлекавшейся только внѣшностью французской цивилизаціи, полуучившейся и плохо

[1]) Въ Италіи очень хорошо знали происхожденіе Бобринскаго. Генуэзскій агентъ въ Петербургѣ, Риварола, писалъ 18 мая 1784 г. „Такъ какъ въ настоящее время путешествуетъ по Италіи одно почетное лицо, носящее имя Бобринскаго, и вѣроятно будетъ, если уже не было, въ Генуѣ, то я считаю долгомъ своимъ предупредить, что это сынъ... и князя Г. Г. Орлова. Его сопровождаютъ дядька и четверо офицеровъ, его сверстниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь произведетъ пріятное впечатлѣніе хорошій пріемъ ихъ за границею, ибо извѣстно, что Императрица очень любитъ помянутое лицо, получающее отъ нея 40,000 р. ежегоднаго содержанія“. См. Памятники. Спб., 1873, III, 35.

[2]) Письмо къ С. Р. Воронцову 26 іюля 1784 изъ Флоренціи. А. к. В., XXIV, 221.

[3]) Р. А., 1876, IX. 21—23.

дисциплинированной на родинѣ, Парижъ являлся мѣстомъ очень опаснымъ.

Еще въ пятидесятыхъ годахъ, когда, по возстановленіи сношеній между Франціею и Россіею, начались путешествія русскихъ за границу, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ обращалъ вниманіе на то, что посылать туда молодыхъ русскихъ не слѣдуетъ. Какое бы смотрѣніе ни было, молодой человѣкъ здѣсь испортится и измотается, говорилъ онъ;— Парижъ для молодыхъ людей можно назвать адомъ [1]).

Извѣстный Фонвизинъ, посѣтивъ Парижъ въ 1778 году и подробно описывая его, говоритъ [2]): „русскихъ здѣсь множество и всѣ живутъ, какъ одна семья, но образъ жизни ни мнѣ, ни женѣ моей не нравится. Никакого въ распоряженіи времени порядка нѣтъ; день дѣлаютъ ночью, а ночь днемъ. Игра и le beau sexe занимаютъ каждую минуту. Кто не подвергается всякую минуту опасности потерять свое имѣніе и здоровье, тотъ называется здѣсь философъ. Изъ русскихъ здѣсь, смѣло скажу, только два философа. Прочіе всѣ живутъ по-французски, чего насъ избави Боже! Чтобъ дать идею, какъ живутъ здѣсь всѣ вообще чужестранцы, разскажу всѣ часы дня, какъ они его проводятъ. По утру, вставъ очень поздно, мужчина надѣваетъ фракъ съ камзоломъ, или, справедливѣе сказать, съ душегрѣйкою весьма неблагопристойною. Весь растрепанъ, побѣжитъ au Palais-Royal, гдѣ, нашедъ цѣлую пропасть дѣвокъ, возьметъ одну или нѣсколькихъ съ собою обѣдать. Сіе непотребное сонмище поведетъ съ собою въ спектакль на свои деньги, а изъ спектакля возьметъ съ собою свою дѣвку и теряетъ свои деньги съ здоровьемъ невозвратно. Такъ здѣсь живутъ не только холостые, но почти всѣ женатые, а разница въ томъ, что женатые нанимаютъ особенные дома для своихъ шалостей. Чтожъ надлежитъ до дамъ, то наши русскія знаются между собою, но сіе могли бы онѣ дѣлать точнехонько и въ Россіи; слѣдственно Парижъ тутъ не входитъ ни во что. Надобно сказать, что дамъ чуже-

[1]) Письмо Бехтѣева къ Воронцову 18 августа 1757 г., А. к. В., III, 307.
[2]) Фонвизинъ, 434 и 440.

странныхъ здѣсь очень не много, а мужчинъ, особливо же молодыхъ, пропасть. Ихъ двѣ вещи въ Парижъ привлекаютъ: спектакли да дѣвки. Отними сіи двѣ приманки, то цѣлыя двѣ трети чужестранцевъ тотчасъ уѣдутъ изъ Парижа".

Бобринскій весь отдался этому образу жизни. У него, повторимъ выраженіе Фонвизина, игра и le beau sexe также занимали каждую минуту.

Графъ Е. Ѳ. Комаровскій, посѣтившій Парижъ въ 1787 г., подтверждая въ своихъ запискахъ разсказъ Фонвизина, говоритъ [1]), что въ Парижѣ были тогда, изъ русскихъ, княгиня Н. П. Голицына съ мужемъ и со всѣмъ ея семействомъ, Р. А. Кошелевъ съ женою, В. Н. Зиновьевъ, А. П. Ермоловъ, бывшій фаворитъ, и Бобринскій. Этотъ послѣдній велъ жизнь развратную, проигрывалъ цѣлыя ночи въ карты и надѣлалъ множество долговъ. Онъ находился подъ присмотромъ нашего посланника Симолина и барона Гримма. Бобринскій, у котораго Комаровскій иногда бывалъ (но не иначе, прибавляетъ онъ, когда онъ самъ заходилъ за мной, и я не въ состояніи былъ отъ него отговориться), не могъ понять, что послѣдній, на 18-мъ году, не находилъ удовольствія въ его обществѣ, и называлъ его le très-sage M. Komarowsky.

Самъ русскій посланникъ въ Парижѣ, Симолинъ, смѣнившій тамъ въ мартѣ 1784 г. князя Барятинскаго, едва ли способенъ былъ наблюдать за молодымъ Бобринскимъ. Говоря о немъ, графъ С. Р. Воронцовъ выразился [2]): что „ses moeurs ne repondent pas à son habilité: il a vecu içi (въ Лондонѣ) et continue de vivre à Paris dans la plus mauvaise compagnie possible, ne fréquentant que des filles et des mauvais lieux. Il a perdu son propre neveu en le conduisant souper avec lui chez les filles, et après l'avoir habitué à ses mauvaises compagnies, il s'emportait quand le jeune homme faisait des dépenses, ce qui obligea ce pauvre neveu, qui, à ce qu' on dit, ne manquait pas de talents, à faire des mauvaises affaires, et à la fin il se perdit totalement par la vie

[1]) О. В., 1868, I, 321.
[2]) А. к. В., IX, 92.

crapuleuse dans laquelle il fut entrainé par celui-là même qui devait l'en empêcher.

Слухи о поведеніи Бобринскаго дошли до Императрицы и она въ апрѣлѣ 1785 года поручила Гримму разузнать положеніе его дѣлъ въ Парижѣ [1]). Въ подобнаго рода дѣлахъ Гриммъ былъ человѣкъ опытный. Онъ доказалъ свое усердіе, выручивъ изъ Парижа брата фаворита Лапскаго.

По убѣжденію Екатерины, дурное поведеніе Бобринскаго было результатомъ продѣлокъ Фридриха II, котораго она называетъ Иродомъ, и, по ея словамъ, „проклятая шайка бывшаго прусскаго посланника въ Петербургѣ Герца создала въ головѣ Бобринскаго несуществующій призракъ, который онъ считалъ своимъ врагомъ, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничьимъ врагомъ не былъ“ [2]).

Отзывы, которые Екатерина даетъ о Бобринскомъ Гримму, весьма замѣчательны. Вотъ они: „Бобринскій юноша крайне безпечный, но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ; онъ молодъ и можетъ быть вовлеченъ въ очень дурное общество; онъ вывелъ изъ терпѣнія тѣхъ, кто былъ при немъ; словомъ, ему захотѣлось пожить на своей волѣ и ему дали волю... Думаю, что было бы недурно приставить къ нему кого-нибудь, но если онъ объ этомъ догадается, то не знаю, недовѣрчивость не заставитъ ли его надѣлать новыхъ проказъ. Это немножко своеобразная голова; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ. Но онъ не глупъ, не безъ свѣдѣній и даже не безъ дарованій [3]). Онъ происходитъ отъ очень странныхъ людей и во многомъ уродился въ нихъ [4]). Странно, что такой скряга далъ себя увлечь до того, что такъ разстроилъ свои средства. Я, пожалуй, прислала бы кого-нибудь, чтобы вызвать его изъ Парижа, но онъ такой недотрога и скрытникъ, что, пожалуй, не захочетъ довѣриться: скажется больнымъ и увернется. При большомъ умѣ и смѣлости, нашъ баринъ слыветъ за отъяв-

---

[1]) С. Р. И. О., XXIII, 332.
[2]) Письмо къ Гримму 21 апрѣля 1786. Ib., 376.
[3]) Письмо 15 апрѣля 1785. Ib., 332.
[4]) 22 іюля 1786. Ib., 380.

ленпаго лѣнтяя и даже нажилъ славу человѣка рѣдкой безпечности, но на всѣ эти недостатки, которые могутъ разомъ измѣниться къ лучшему, не слѣдуетъ обращать вниманія. Нужда, быть можетъ, его исправитъ, потому что основа хороша, только мы не на своемъ мѣстѣ“ [1]).

Приведемъ и еще любопытный отзывъ Екатерины о Бобринскомъ [2]): „не правда ли, вотъ еще голова, которая всегда умираетъ со страха, какъ бы кто нибудь не присвоилъ себѣ права руководить ею, и которая изъ боязни, какъ бы ее не повели на право, вѣчно сбивается на лѣво и потомъ говоритъ про себя: я-таки никому не позволилъ себя учить; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть“.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1787 года [3]), Екатерина предложила Гримму, чтобы удалить Бобринскаго изъ Парижа, внушить ему съѣздить въ Англію. Она надѣялась, что, заставъ тамъ русскія военныя суда, Бобринскій совершитъ на нихъ морскую прогулку. Съ тѣмъ вмѣстѣ предложено было Гримму не оставлять его безъ денегъ [4]).

Въ концѣ 1787 года Бобринскій уѣхалъ въ Лондонъ въ обществѣ какого-то маркиза Вертильяка и г-жи Элліотъ.

Можно допустить предположеніе, что Бобринскому наскучилъ надзоръ Гримма [5]) и преслѣдованія кредиторовъ. Легкомысліе его въ денежныхъ дѣлахъ превосходило всякое вѣроятіе. Онъ выдалъ маркизу де Феррьеру обязательство въ 1,140,000 ливровъ [6]), съ уплатою въ 1792 году, т.-е. въ срокъ, когда, по распоряженію Екатерины, приведенному выше, онъ могъ надѣяться получить назначенный ему капиталъ.

Наконецъ терпѣніе Императрицы истощилось. Она рѣшилась прекратить сношенія по дѣламъ Бобринскаго съ И. И. Бецкимъ, бывшимъ его любезнымъ опекуномъ, дабы не имѣть

---

[1]) 1 апрѣля 1787. Ib., 401—402.

[2]) 20 ноября 1787. Ib., 424—425, 436 и 447.

[3]) 5 апрѣля 1787. Ib., 401.

[4]) Письмо 16 февраля 1787. Ib., 405.

[5]) Ср. отзывы его о Гриммѣ въ его дневникѣ, 22 августа, 12 сентября и 18 октября 1785. Р. А. 1877. X. 161—162.

[6]) Донесеніе графа С. Р. Воронцова 19 ноября. С. Р. И. О., XXVII, 405.

дѣла съ невыносимыми придирками, которыя происходили отъ старческой дряхлости, самодурства и недостатка доброй воли [1]). Нашему посланнику въ Лондонѣ графу С. Р. Воронцову приказано было выслать Бобринскаго въ Россію, и опекуномъ къ нему Екатерина назначила одного изъ бывшихъ своихъ фаворитовъ, П. В. Завадовскаго [2]).

По дошедшимъ сюда извѣстіямъ, писалъ Завадовскій графу С. Р. Воронцову 4 января 1788 г. [3]), что Бобринскій надѣлалъ ужасные долги, благоугодно было Ея Величеству отдать его съ имѣніемъ въ опеку мою. Нельзя лучшаго и ожидать было, пустя юношу на свою волю и приготовя его еще здѣсь быть развратнымъ. Впрочемъ, особливой горячности, о которой, можетъ быть, ты воображаешь, отнюдь не видно. Я не могъ не принять сихъ хлопотъ на себя въ угодность волѣ и помня любовь ко мнѣ покойнаго князя [4]).

Благодаря усиліямъ графа Воронцова, Бобринскій. въ апрѣлѣ 1788 года, вернулся въ Россію. На границѣ ему объявлено было повелѣніе отправиться въ Ревель.

---

[1]) Письмо къ Гримму 25 іюня 1787. С. Р. И. О., XXIII, 412. Отвѣтъ Гримма, который называетъ Бобринскаго: „le jeune voyageur“ въ С. Р. И. О., XLIV, 360—362.

[2]) С. Р. И. О., XXVII, 52. Письмо къ Павлу Петровичу. Рескриптъ Воронцову и отвѣтъ его въ А. к. В., XXVIII, 76 и 567 и С. Р. И. О., т. XLII, 232.

[3]) А. к. В., XII, 52.

[4]) Г. Г. Орлова.

XX.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и его супруга возвратились въ Петербургъ въ воскресенье, 20 ноября 1782 года.

Немедленно по ихъ пріѣздѣ произошло, совершенно семейнымъ образомъ, безъ постороннихъ лицъ, свиданіе ихъ съ Императрицею. Свиданіе это продолжалось не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Въ тотъ же день Императрица возложила на великаго князя орденъ Св. Владиміра, учрежденный ею во время его отсутствія изъ Россіи [1]).

Великій князь и великая княгиня остановились въ ихъ дворцѣ на Каменномъ островѣ [2]).

На слѣдующій день ихъ пріѣзда при дворѣ былъ куртагъ [3]); на немъ были представлены имъ иностранные министры, между которыми особенно отличены были посланники французскій и австрійскій. Послѣ того у Цесаревича былъ обѣдъ чинамъ первыхъ трехъ классовъ. Вечеромъ великій князь съ супругою навѣстилъ графа Н. И. Панина и невѣстку великой княгини, принцессу Августу виртембергскую, не за долго предъ тѣмъ пріѣхавшую съ своимъ мужемъ въ Петербургъ, и провелъ минутъ двадцать съ Императрицею.

---

[1]) Донесеніе англійскаго посланника Гарриса, 22 ноября 1782. Harris, 484.

[2]) См. Павловскъ, 39.

[3]) Въ память избавленія Императрицы отъ болѣзни, послѣ привитія оспы. Указъ 20 ноября 1768.

Какъ Павелъ Петровичъ, такъ и Марія Ѳедоровна одѣты были согласно только что изданнымъ Екатериною, передъ ихъ возвращеніемъ, постановленіямъ о томъ, какое платье должны носить особы, имѣющія пріѣздъ ко двору.

Донося своему кабинету о возвращеніи великаго князя и его супруги въ Петербургъ, тогдашній англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Гаррисъ, изъ всего, что онъ могъ узнать, вывелъ заключеніе, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна столь же недовольны были пріемомъ, имъ оказаннымъ, какъ Императрица сожалѣла о ихъ возвращеніи, и что взаимное неудовольствіе, преобладавшее съ обѣихъ сторонъ, должно было, вѣроятно, произвести непріятныя сцены.

Императрица была недовольна какъ тѣмъ, что, во время пребыванія Цесаревича и его супруги въ Вѣнѣ, они, вопреки ея желанію, были холодны съ императоромъ Іосифомъ II, а расположеніе ихъ къ Фридриху II, хотя они и лишены были возможности его посѣтить, не умалилось, такъ и значительными издержками, которыя стоило ихъ путешествіе [1]).

Сверхъ того, до Екатерины могли доходить и нѣкоторые отзывы о ея приближенныхъ, которые, не смотря на сдержанность Павла Петровича, иногда какъ бы невольно прорывались въ его разговорахъ съ разными лицами за границею. Іосифъ II, такъ радушно, повидимому, принимавшій Павла Петровича и Марію Ѳедоровну во время двукратнаго пребыванія ихъ въ Вѣнѣ, сообщая Екатеринѣ объ ихъ отъѣздѣ, позволилъ себѣ, хотя и самъ предвидѣлъ, что Павелъ Петровичъ, по возвращеніи въ Петербургъ, встрѣтитъ еще болѣе непріятностей, чѣмъ сколько онъ ихъ испытывалъ до выѣзда [2]), заключить свое письмо слѣдующими словами [3]): „путешествіе, которое Ихъ Высочества совершили, кажется мнѣ, принесло имъ дѣйствительную пользу и я думаю, что не ошибусь, если осмѣлюсь удостовѣрить Ваше Императорское Величество, что

---

[1]) Донесеніе Гарриса, 25 ноября 1782. Harris, 486

[2]) Письмо къ Леопольду Тосканскому 7 августа 1782. Arneth, Joseph II I, 128.

[3]) Arneth, Katharina, 162.

они возвратятся съ обращеніемъ, гораздо болѣе пріятнымъ и что недовѣріе, подозрительность и мелочный образъ дѣйствій будутъ ими изгнаны, на сколько то позволятъ привычка и лица, которыя ихъ будутъ окружать и которыя одни только и породили ихъ. Выборъ этихъ лицъ и удаленіе тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ принципы противоположные, мнѣ кажутся настоятельными для спокойствія и домашней тишины трехъ лицъ, которымъ я дѣйствительно преданъ".

Эти слова Іосифа II были какъ бы пророческими. Немедленно по возвращеніи Павла Петровича въ Петербургъ, удаленъ былъ отъ его двора сопровождавшій его въ заграничномъ путешествіи князь А. Б. Куракинъ.

Во время этого путешествія князь Куракинъ получалъ отъ флигель-адъютанта П. А. Бибикова, изъ Петербурга, письма, въ которыхъ послѣдній сообщалъ ему разныя новости и слухи и, какъ говорили, осуждалъ дѣйствія князя Потемкина. Одно изъ такихъ писемъ было задержано и представлено Екатеринѣ.

„На сихъ дняхъ, писала она сыну и невѣсткѣ 25 апрѣля 1782 года[1]), когда они были еще за границею, приказала я арестовать флигель-адъютанта моего, Бибикова, по причинѣ продерзостныхъ его поступковъ, кои суть примѣръ необузданности, развращающей всѣ обязательства. Изъ письма его, писаннаго къ князю Куракину, можете усмотрѣть сіе пространно. Онъ самъ уже признался вралемъ неблагодарнымъ и совершеннымъ невѣждою военныхъ регулъ и дисциплины, которая однако есть душа арміи. Я увѣрена, что вы, увидя вышерѣченное письмо, наполненное столь черными выраженіями, будете имѣть къ таковой корреспонденціи должное презрѣніе". О дѣлѣ Бибикова, продолжаетъ Екатерина въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ[2]): „я должна вамъ сказать, что этотъ человѣкъ, осыпанный моими благодѣяніями, равно какъ и все его семейство, — человѣкъ неблагодарный, умъ котораго наполненъ озлобленіемъ противъ вашей матери. Уличенный въ неблагодарности и во лжи, онъ рѣшился

[1]) С. И. Р. И. О., IX, 115.
[2]) 7 іюня 1782. Ib., 157.

на единственный, остававшійся ему исходъ; онъ раскаялся, просилъ прощенія и выказалъ умъ и душевную силу ребенка, заслужившаго розгу... Мои принципы вытащили этого юношу за волосы изъ пропасти, въ которую онъ погрузился, потому что тонъ мой не такъ трагиченъ, какъ тонъ моихъ предшественниковъ. Говорю это вамъ, милыя дѣти, потому, что по нѣжности моей къ вамъ, желаю, чтобы вы извлекли изъ этого пользу для настоящаго и будущаго".

По возвращеніи Куракина въ Петербургъ, ему приказано было отправиться на жительство въ его имѣніе, село Борисоглѣбское (Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи). Впослѣдствіи Павелъ Петровичъ исходатайствовалъ у Екатерины разрѣшеніе принимать князя Куракина въ своихъ загородныхъ дворцахъ каждые два года.

Бибиковъ, заключенный въ крѣпость, преданъ былъ суду особо учрежденной коммиссіи и сосланъ въ Астрахань[1]).

Гнѣвъ матери и разлука съ близкимъ человѣкомъ, въ первые же дни возвращенія на родину, были чувствительнымъ ударомъ для Павла Петровича. Другое распоряженіе направлено было противъ Маріи Ѳедоровны.

23 октября и 6 ноября 1782 года[2]) повелѣно было придворнымъ дамамъ, чтобы онѣ не носили на платьяхъ никакихъ накладокъ, сдѣланныхъ изъ разныхъ лоскутковъ, или шире двухъ вершковъ; Ея Величеству угодно впрочемъ будетъ, говорилось далѣе въ указѣ, когда онѣ, такъ и другія дамы, коимъ дозволенъ пріѣздъ ко двору, наблюдая болѣе простоту и умѣренность въ образѣ одежды, не станутъ употреблять такихъ вещей, коимъ одна только новость даетъ всю цѣну. На головѣ уборы велѣно было носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя отъ лба. Въ большіе праздники дозволено было дамамъ носить платья изъ московскихъ парчей съ шитьемъ или безъ шитья, съ накладками или безъ накладокъ, наблюдая, что касается ширины шитья, тоже самое, какъ ска-

[1]) Бантышъ Каменскій, Словарь. II, 209. Записки князя Ѳ. Н. Голицына. Р. А. 1874, I, 1285. Разсказъ Сумарокова, тамъ же, 1870, 2125; Oberkirch; I, 371.

[2]) П. С. З., XXI, 15556, 15557 и 15569.

зано о накладкахъ. Въ прочіе праздничные и другіе дни имъ разрѣшалось употреблять всякія шелковыя матеріи съ шитьемъ или съ накладками, съ такимъ же наблюденіемъ въ разсужденіи ширины накладокъ. Дворянамъ разрѣшено было носить платье одинаковаго цвѣта и въ немъ имѣть пріѣздъ ко двору. По словамъ указа, сіе должно было служить къ сбереженію собственнаго дворянскаго достатка на лучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію раззорительной роскоши.

Дѣйствительно, роскошь въ одеждѣ при дворѣ Екатерины была чрезмѣрна. Не приводя объ этомъ свидѣтельствъ иностранныхъ путешественниковъ, ограничимся показаніемъ князя Щербатова, который разсказываетъ[1]): что „Императрица, хотя въ молодости и не любила златотканныхъ одѣяній и осуждала Императрицу Елизавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое воинство одѣть, сама стала, съ лѣтами, стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенный, ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и богатому ихъ украшенію страсть свою оказывать, а симъ не токмо женамъ, но и мужчинамъ подала случай къ таковой же роскоши. Я помню, продолжаетъ онъ, что, вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитый золотомъ красный кафтанъ у В. И. Бибикова. Въ 1769 году Императрица разгнѣвалась на графа И. Г. Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кафтанѣ въ Царское Село пріѣхалъ, а въ 1777 году уже и въ простые дни златотканные съ шитьемъ одѣянія носили и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье“.

Главнымъ поводомъ къ изданію приведенныхъ указовъ было громадное увеличеніе привоза модныхъ издѣлій изъ-за границы, но въ дѣйствительности, указы эти, какъ говорили въ то время[2]), направлены были противъ Маріи Ѳедоровны, которая возвращалась изъ путешествія въ восторгѣ отъ Франціи и французовъ, отъ ихъ костюмовъ и манеръ, и установила сношенія съ извѣстною модисткою m-lle Bertin и другими

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, 86.
[2]) Донесеніе Гарриса 1 ноября 1782. Harris, 478.

подобными ей личностями въ Парижѣ. Сверхъ того, она везла съ собою не менѣе 200 сундуковъ, наполненныхъ газомъ, лентами и другими принадлежностями дамскаго туалета и имѣла различные планы на счетъ самыхъ новомодныхъ головныхъ уборовъ. Императрица не могла обидѣть великую княгиню болѣе чувствительнымъ образомъ, и англійскій посланникъ Гаррисъ былъ увѣренъ, что извѣстіе о приведенныхъ указахъ должно было сильно ее огорчить [1]).

Позволительно, впрочемъ, выразить сомнѣніе въ основательности этого предположенія англійскаго дипломата. Что Марія Ѳедоровна, молодая двадцатипятилѣтняя женщина, блиставшая красотою и очаровывавшая всѣхъ граціею, могла на минуту увлечься изяществомъ французскаго двора, законодательствовавшаго въ то время въ дѣлѣ моды, это вполнѣ естественно, но и по благоразумію и по нравственному своему чувству она не могла придавать большого значенія внѣшности, и на второй же день своего пріѣзда въ Россію подчинилась, наравнѣ съ прочими подданными Екатерины, новымъ правиламъ одежды, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ ея скромнымъ привычкамъ и требованіямъ.

Если же и допустить, что распоряженіе о дамскихъ уборахъ могло, на минуту, огорчить Марію Ѳедоровну, то конечно, оно было скоро забыто ею. Въ Петербургѣ ожидала ее въ это время радость свиданія съ старшимъ ея братомъ, принцемъ Фридрихомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ съ своею женою.

Принцъ Фридрихъ, какъ мы говорили выше, находился до 1781 года въ прусской службѣ, командуя однимъ изъ драгунскихъ полковъ Фридриха II. Предположенный бракъ его сестры, принцессы Елизаветы, съ племянникомъ императора Іосифа II, эрцгерцогомъ Францомъ, былъ непріятенъ Фридриху II. Мѣры, которыя онъ принималъ, чтобы его разстроить, не удались; тѣмъ не менѣе принцъ Фридрихъ виртембергскій долженъ былъ оставить прусскую службу, хотя онъ едва ли и зналъ о переговорахъ, которые велись по этому дѣлу.

[1]) Ср. разсказъ Даля въ Р. А., 1877, XI, 338.

Тогда Екатерина предложила принцу Фридриху должность выборгскаго и финляндскаго генералъ-губернатора [1]). Предложеніе это было имъ принято и въ октябрѣ 1782 года принцъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Екатерина лично знала принца Фридриха, такъ какъ онъ уже былъ однажды въ Россіи въ 1779—1780 годахъ, она нашла, что въ этотъ второй пріѣздъ онъ очень похудѣлъ и значительно перемѣнился, но что эта перемѣна была въ его пользу. Въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ съ своею женою, Августою, рожденною принцессою брауншвейгскою, съ которою вступилъ въ бракъ въ октябрѣ 1780 года. Бракъ этотъ былъ несчастливъ; супруги жили между собою несогласно. Эти ихъ домашнія несогласія были извѣстны Екатеринѣ чрезъ прусскаго посланника графа Герца, жена котораго состояла при принцессѣ Августѣ, когда эта послѣдняя жила съ мужемъ въ Любенѣ, въ прусской Силезіи [2]). На первое время Екатерина расположена была принять сторону принца Фридриха, потому что во время перваго его пребыванія въ Россіи онъ не только не показался ей жестокимъ или безчеловѣчнымъ, но напротивъ того, въ своемъ образѣ мыслей выказывалъ много сострадательности, добродушія и благородства.

Несогласія принца Фридриха съ женою проявились съ первой же минуты пріѣзда ихъ въ Россію. „Виртембергская принцесса пріѣхала, писала Екатерина Потемкину [3]), и въ четвергъ у ней въ эрмитажѣ глаза были такъ распухши и расплаканы, что жалко было смотрѣть; они, сказываютъ, живутъ какъ кошка съ собакою“.

Отношенія Павла Петровича къ матери служили въ это время предметомъ постоянныхъ наблюденій англійскаго посланника Гарриса. Все подтверждаетъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, доносилъ онъ 25 ноября 1782 г., которыя я уже сообщалъ о великомъ князѣ и его супругѣ. Громадный долгъ, сдѣланный

[1]) Письмо Екатерины къ Маріи Ѳедоровнѣ 26 декабря 1781 г. С. Р. И. О., IX, 108.

[2]) Письмо Екатерины къ Гримму 2 апрѣля и 7 іюля 1782. С. Р. И. О., XXIII, 234 и 249.

[3]) 8 октября 1782. С. Р. И. О., XXVII, 218

ими во время путешествія, который имъ невозможно будетъ долго скрывать отъ Императрицы, немало способствуетъ усиленію того раздраженія и, если смѣю такъ выразиться, той неестественной вражды, которая существуетъ между ними.

Образъ дѣйствій великаго князя и великой княгини, продолжаетъ Гаррисъ, съ самаго ихъ возвращенія въ Петербургъ, былъ гораздо сдержаннѣе, чѣмъ можно было предполагать. Они ведутъ почти уединенный образъ жизни, исключили изъ своего общества всѣхъ своихъ прежнихъ любимцевъ и, повидимому, желаютъ впредь руководиться въ своихъ поступкахъ одною только волею Императрицы. Трудно опредѣлить, чему слѣдуетъ приписать эту неожиданную перемѣну. Она отчасти объяснялась тѣмъ, что они нашли графа Панина слишкомъ ослабѣвшимъ для того, чтобы оказать имъ поддержку или подать совѣтъ. Отчасти она могла быть приписана и тому, что они убѣдились, что почти всѣ лица, сопровождавшія ихъ во время путешествія, ихъ выдали и, наконецъ, тѣмъ страннымъ слухомъ, который дошелъ до нихъ, будто бы Императрица намѣревалась, по возвращеніи ихъ, устранить Цесаревича отъ наслѣдованія и послѣ своей смерти передать престолъ старшему своему внуку. Какими бы причинами оно ни было вызвано, во всякомъ случаѣ поведеніе ихъ было благоразумно и основательно. Но, къ несчастью, Императрица такъ сильно предубѣждена была противъ нихъ, что ихъ образъ дѣйствій нисколько не встрѣчалъ съ ея стороны того одобренія, котораго заслуживалъ. Она называла ихъ сдержанными, молчаливыми и разсѣянными; говорила, что ихъ испортили заграничныя связи и что они уже не могутъ вернуться къ обычаямъ своей страны. Словомъ, она заранѣе рѣшила, что будетъ ими недовольна, а потому имъ и невозможно уже было угодить ей [1]).

Положеніе Павла Петровича было дѣйствительно отягчено тѣмъ, что, по возвращеніи своемъ въ Россію, онъ не могъ, или, какъ предполагали въ то время, не желалъ обращаться за совѣтами къ графу Н. И. Панину. Здоровье Панина примѣт-

[1]) Донесеніе Гаррисса 6 декабря 1782 года. Harris, I, 488.

нымъ образомъ разстроилось въ 1782 году. На второй день своего пріѣзда Павелъ Петровичъ посѣтилъ его; старикъ былъ въ полномъ удовольствіи. Потомъ вдругъ, безъ всякой извѣстной причины, по крайней мѣрѣ около мѣсяца, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна не только не ѣздили къ нему, но и не навѣдывались о его здоровьѣ. Это небреженіе нанесло Панину чувствительный ударъ. Въ то время разсказывали [1]): „что при свиданіи въ чужихъ краяхъ съ принцессою виртембергскою, матерью великой княгини, много говорено было о графѣ Панинѣ, по нѣкоторымъ сношеніямъ съ петербургскимъ дворомъ и что принцесса, въ угожденіе Императрицѣ Екатеринѣ, совѣтовала Павлу Петровичу не столько уже быть подвластному наставленіямъ графа Панина. Крайне удивило и оскорбило всѣхъ родныхъ Панина такое странное, по возвращеніи великаго князя, поведеніе. Наконецъ, за нѣсколько дней до кончины Панина, пожаловалъ къ нему на вечеръ великій князь. Тутъ было объясненіе о всемъ предыдущемъ“.

Но болѣзнь графа Панина шла быстро впередъ и 31 марта 1783 года онъ скончался.

Павелъ Петровичъ такъ разсказываетъ объ этой тяжелой для него утратѣ [2]): „мы лишились графа Н. И. Панина,— судите о моемъ чувствѣ. За два дни, разговаривая межъ себя о немъ, пришли въ несказанную чувствительность и положили ѣхать къ нему въ тотъ вечеръ; онъ веселъ и свѣжъ былъ такъ, какъ я его уже года съ три не видывалъ; на другой день, сказываютъ, онъ таковъ же былъ и не хотѣлъ идти спать. Я у себя, сидя за картами и будучи веселъ, говорилъ, что я примѣтилъ за собою, что когда сей родъ веселости на меня найдетъ, всегда передъ печалью,— чтобъ вспомнили мои слова. Въ пятницу, проснувшись, меня тѣмъ встрѣтили, что сказали о болѣзни графа Никиты Ивановича; мы одѣвшись поѣхали, но уже не нашли его въ памяти, ибо, ложась спать въ чет-

[1]) Записки князя Ѳ. Н. Голицына, Р. А., 1874, I, 1284.

[2]) Р. А., 1864, IX, 943. Письмо къ Н. И. Салтыкову. Ср. письмо къ архіепископу Платону у Снегирева, I, 140.

вертомъ часу, онъ сказалъ, что ему тошно и уже тотчасъ былъ безъ чувствъ, хотя дыханіе продолжалось еще при насъ часа съ два; все возможное вокругъ него дѣлали, но уже поздно было; оставилъ онъ по себѣ общее сожалѣніе, заставляющее молчать и непріятелей его, стыдящихся не одного быть мнѣнія съ публикою, чему доказательствомъ былъ день похоронъ его, гдѣ, будучи на выносѣ, наѣхалъ я такихъ, которыхъ съ роду у него не видалъ".

Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Панина, умеръ 12 апрѣля 1783 года, въ мрачномъ умопомѣшательствѣ, постоянный его соперникъ, князъ Г. Г. Орловъ. Надъ свѣжею еще могилою этихъ двухъ сподвижниковъ первой половины своего царствованія, Екатерина произнесла свой замѣчательный приговоръ, заключенный ею слѣдующими словами [1]): „я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ каждый свое, и, однако, дѣла шли и шли полнымъ ходомъ. За то часто была я вынуждена поступать какъ Александръ съ гордіевымъ узломъ, и тогда мнѣнія приходили къ согласію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другаго и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ важности величайшей. Вы спросите меня: какъ быть теперь? На это я отвѣчу: какъ сможемъ. Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла, а такъ какъ все на свѣтѣ есть дѣло человѣческое, то стало быть люди могутъ и съ этимъ управиться".

Екатерина, конечно, могла надѣяться найти взамѣнъ графа Панина другаго сотрудника, но этой надежды не было для Павла Петровича: въ Панинѣ потерялъ онъ не только совѣтника и руководителя, но и человѣка, котораго всегда называлъ своимъ другомъ [2]).

---

[1]) Письмо къ Гримму 20 апрѣля 1873. С. Р. И. О., XXIII, 275.

[2]) Панинъ похороненъ въ Невской лаврѣ, но Павелъ Петровичъ воздвигъ ему особый памятникъ въ церкви Павловска.

XXI.

Бракъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны осчастливленъ уже былъ рожденіемъ сыновей, Александра и Константина. Затѣмъ Марія Ѳедоровна подарила супругу дочерей: Александру (29 іюля 1783 г.), Елену (13 декабря 1784 г.) и Марію (4 февраля 1786 г.).

Съ минуты ихъ рожденія, оба великіе князя, Александръ и Константинъ, были взяты Екатериною на свое попеченіе и родители не имѣли вліянія на ихъ воспитаніе. Они жили въ покояхъ Екатерины и, подъ непосредственнымъ, ежедневнымъ ея наблюденіемъ, надзоръ за ними ввѣренъ былъ вдовѣ генералъ-лейтенанта Софьѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ.

Въ сентябрѣ 1783 года, когда Александру Павловичу шелъ шестой годъ, а Константину Павловичу едва минуло четыре года, С. И. Бенкендорфъ умерла и Екатерина нашла, что „время приспѣло, чтобы отъ нихъ отнять женскій присмотръ“. Главное надзираніе при воспитаніи внуковъ она рѣшилась поручить Н. И. Салтыкову [1]). Разлука съ Салтыковымъ была непріятна для Павла Петровича, тѣмъ болѣе, что въ званіи гофмейстера должно было замѣнить Салтыкова, кажется, по рекомендаціи Потемкина [2]), лицо, совершенно ему неизвѣстное, графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ.

[1]) Письмо Екатерины къ Салтыкову 4 сентября 1783. Р. А., 1864, IX, 945. О смерти Бенкендорфъ А. к. В., XXIX, 242.

[2]) Письмо къ нему Екатерины. С. Р. И. О., XLII, 418.

„За нѣсколько дней до смерти графа Панина, разсказываетъ самъ Павелъ Петровичъ въ письмѣ къ Салтыкову [1]), будучи поутру у Государыни, съ большою похвалою о тебѣ, любезный другъ, сказала мнѣ о намѣреніи своемъ васъ приставить къ дѣтямъ. Вы сами можете сказать себѣ, что́ я на то отвѣчалъ; послѣ чего стала говорить о наполненіи вашего мѣста и вдругъ назвала графа Валентина Платоновича; признаюсь, что я сего не ожидалъ. Я съ удивленіемъ, которое она во мнѣ примѣтила, сказалъ, что я его не знаю никакъ, а слышалъ всегда, какъ о честномъ человѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отзывомъ, что сіе не разлука и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься, но не меньше другой, а не ты у насъ. Черезъ четыре дня присланъ былъ Пушкинъ къ намъ при запискѣ, на которую я тотчасъ отвѣчалъ, что я отъ нея все принимаю по увѣренію о ея милости, но что примѣчу на то, что если ты о семъ не будешь увѣдомленъ, то будетъ тебѣ прискорбно, какъ и мнѣ. Въ семъ получилъ успокоеніе, что къ тебѣ будетъ писано [2]), а Пушкинъ ad interim. Онъ принялъ домъ нашъ, и ведетъ себя къ удовольствію нашему: что Богъ дастъ впередъ! Дружба моя заставила меня тебѣ о семъ писать; теперь узналъ я, что я тебя прямо люблю: ибо первыя двѣ о семъ экспликаціи, да и дни, не безъ слезъ прошли; ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть“.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ родился въ 1735 году и, по обыкновенію того времени, съ дѣтства записанъ былъ въ гвардію, участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, въ день коронаціи Императрицы Екатерины пожалованъ камеръ-юнкеромъ, а въ 1769 году камергеромъ. Во время первой турецкой войны служилъ во второй арміи подъ начальствомъ своего тестя князя Долгорукаго, завоевавшаго Крымъ. Затѣмъ пожалованъ былъ въ 1782 году генералъ-аншефомъ и въ 1783 году генералъ-адъютантомъ.

Но если увольненіе Салтыкова отъ должности при Павлѣ

[1]) 5 апрѣля 1783. Р. А., 1864, IX, 944.

[2]) Письмо Екатерины къ Салтыкову, тамъ же, 945.

Петровичѣ было для послѣдняго непріятно, то, быть можетъ, оно вызывалось тѣмъ, что Салтыковъ былъ особенно пригоденъ къ предназначенной ему новой дѣятельности, къ дѣлу воспитанія?

На этотъ вопросъ едва-ли не слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Не останавливаясь на отзывѣ саксонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Гельбига, что Салтыковъ былъ самый неспособнѣйшій воспитатель царственныхъ дѣтей въ Европѣ [1]), потому что къ отзывамъ иностранцевъ, мало знакомыхъ съ русскими людьми, слѣдуетъ относиться съ осторожностью, приведемъ характеристику Салтыкова, сдѣланную статсъ-секретаремъ Екатерины, Грибовскимъ [2]): „Салтыковъ, говоритъ онъ: былъ роста очень малаго; весьма худощавъ; имѣлъ носъ небольшой, острый; глаза каріе, неглупые; лицо всегда осклабленное; тупей высокій, причесанный по тому времени съ пудрою и помадою; носилъ на ногѣ фонтанель и отъ того, ходя прихрамывалъ; когда стоялъ, то часто нижнее свое платье съ лѣвой стороны подергивалъ; мундиръ носилъ военный, зеленый, равно какъ и камзолъ; былъ всегда на распашку; вмѣсто сапоговъ носилъ черные штиблеты и подпирался костылькомъ. Былъ очень набоженъ и долго по утрамъ молился. Почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное; однако же, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уваженіе, но я не помню, чтобы хотя по одному далъ онъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же собственно ему порученныхъ, управляемъ былъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ, супругою неограниченно; писалъ собственною рукою по старинному, затруднительно. Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго: случайнымъ раболѣпствовалъ, а упадшихъ чуждался“...

Характеристика эта вполнѣ подтверждается П. П. Дми-

[1]) Herrman. Ergänzungsband, 656. Ср. 626, 634 и 652.

[2]) Записки. Москва, 1864, 6. Характеристика эта относится, впрочемъ, къ нѣсколько позднѣйшему времени, именно къ 1792 году.

тріевымъ. „Въ обѣихъ столицахъ, говорилъ онъ [1]), особенно же въ Москвѣ, почитали Салтыкова весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его наружное смиреніе. Это заключеніе основывалось болѣе на томъ, что онъ при трехъ правленіяхъ пользовался въ равной силѣ царскимъ благоволеніемъ. Не отрицаю приписываемыхъ ему достоинствъ, но, разсматривая его, какъ государственнаго человѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое о немъ мнѣніе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны съ турками, оконченной Кайнарджійскимъ миромъ, онъ былъ, такъ сказать, рядовымъ генераломъ, ни въ одной реляціи не шумѣло имя его, подобно именамъ Вейсмана, Каменскаго и Суворова. Предсѣдательствуя потомъ въ военной коллегіи, имѣя случай во всемъ пространствѣ развить способности государственнаго ума, онъ держался того хода въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предмѣстникомъ его, княземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе подписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобъ онъ когда-нибудь сказалъ въ совѣтѣ или комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣніе: брося нѣсколько словъ, ничего незначущихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто на его счету важнѣе прочихъ, т.-е. случайнѣе. Послѣ сего трудно ли было такъ долго держаться на своемъ мѣстѣ“.

Впрочемъ, что касается собственно отношеній Салтыкова къ Павлу Петровичу, то, по другимъ отзывамъ, Салтыковъ былъ посредникомъ въ семейныхъ неудовольствіяхъ между державною матерью и царственнымъ сыномъ; благоразумный, хладнокровный, прекрасно исполнялъ онъ свою щекотливую обязанность [2]), и этотъ отзывъ долженъ имѣть долю основанія, ибо Павелъ Петровичъ сожалѣлъ, какъ мы видѣли, о его удаленіи.

Ближайшими помощниками Салтыкова въ дѣлѣ воспитанія великихъ князей были: при Александрѣ Павловичѣ А. Я. Протасовъ, человѣкъ добрый, но ограниченный и безхарак-

[1]) Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, стр. 203.

[2]) Изъ рукописи Вейкова [въ статьѣ Карновича, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ Р. С., 1877, XIX, 228.

терный [1]), а при Константинѣ Павловичѣ, К. И. Сакенъ, бывшій въ числѣ кавалеровъ при воспитаніи Павла Петровича, и заплатившій ему, за его вниманіе и расположеніе, неблагодарностью; главное же участіе въ воспитаніи молодыхъ великихъ князей принялъ извѣстный Лагарпъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ 1783 году и рекомендованный Екатеринѣ корреспондентомъ ея Гриммомъ.

Затѣмъ назначены были состоять при Александрѣ Павловичѣ полковники Кушелевъ и Будбергъ и поручикъ Хрущовъ, а при Константинѣ — полковникъ Ламздорфъ, капитанъ Кошелевъ и поручикъ Балдани [2]).

Конечно, выборъ наставниковъ при воспитаніи Александра и Константина Павловичей могъ быть не особенно строгъ, потому что Екатерина сохраняла за собою постоянный, ежедневный надзоръ за ихъ ученіемъ и поведеніемъ и снабдила Салтыкова очень подробнымъ о ихъ воспитаніи наказомъ. Конечно, было бы естественнѣе оставить ихъ воспитаніе на обязанности родителей, но Екатерина этого не желала и какъ бы боялась участія ихъ въ этомъ дѣлѣ. Говоря объ успѣхахъ старшаго своего внука, Александра Павловича, она выразилась (въ письмѣ къ Гримму 28 марта 1784 года), что изъ него выйдетъ превосходнѣйшая личность, лишь бы родители не задержали его успѣховъ [3]).

Эти опасенія были едва ли основательны. Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей прежде всего необходимы заботы матери, а великая княгиня Марія Ѳедоровна всею своею послѣдующею дѣятельностью доказала, что она вполнѣ понимала задачи воспитанія: сотни тысячъ воспитанныхъ подъ ея надзоромъ и по ея указаніямъ дѣтей во очію о томъ свидѣтельствуютъ.

Разсматривая однажды одно частное дѣло, Императрица Екатерина выразилась: „что мать всегда имѣетъ болѣе права

---

[1]) Богдановичъ, I, 17.

[2]) Приложеніе къ К. Ф. Ж. 1784 года, 63 и 65.

[3]) С. Р. И. О., XXIII, 298. Екатерина не называетъ въ этомъ письмѣ Павла Петровича и Марію Ѳедоровну, но употребляетъ выраженіе „la secondaterie“.

надъ своими дѣтьми, нежели бабка“ [1]). Правило это было ею оставлено въ сторонѣ, какъ неудобное въ примѣненіи къ себѣ самой.

Въ ноябрѣ 1783 года, вслѣдъ за назначеніемъ Салтыкова воспитателемъ сыновей Павла Петровича, для воспитанія его дочери Александры приглашена была Екатериною вдова генералъ-маіора, Шарлотта Карловна Ливенъ (1743—1828). Оставшись, послѣ смерти своего мужа, матерью шестерыхъ дѣтей, Ш. К. Ливенъ поселилась въ небольшомъ своемъ имѣніи близъ Риги и предалась всецѣло заботамъ о дѣтяхъ и о ихъ обученіи. Получивъ предложеніе Екатерины пріѣхать въ Петербургъ и занять должность при дворѣ, Ливенъ упорно отъ этого отказывалась; почти противу воли привезли ее въ Петербургъ. Во дворцѣ встрѣтилъ ее одинъ изъ статсъ-секретарей Екатерины, и Ливенъ начала передавать ему свое горе, объясняя, какъ ей трудно разстаться съ собственными дѣтьми. Екатерина слышала этотъ разговоръ, стоя за занавѣскою и, внезапно выйдя, окончательно рѣшила свой выборъ словами: „вы именно та женщина, которая мнѣ нужна“ [2]). Помощницею Ливенъ при воспитаніи старшей дочери Павла Петровича назначена была Софія Ивановна Вилламова.

И если эти выборы оказались дѣйствительно удачными, то и Марія Ѳедоровна, не смотря на то, что выборы были сдѣланы не ею, съ первой же минуты оцѣнила Ш. К. Ливенъ, приблизила ее къ себѣ и не разставалась уже съ нею до конца жизни. „Жаль, что генеральша Ливенъ не мужчина, выразился однажды Безбородко, она многихъ бы удобнѣе нашлася воспитывать князей молодыхъ“ [3]).

Если Екатерина освободила Павла Петровича отъ обязанности воспитывать своихъ дѣтей, то вовсе не потому, чтобы желала сохранить ему свободу и время для участія въ дѣлахъ государственныхъ. Въ описываемую нами эпоху, также какъ и до того, онъ совершенно былъ устраненъ отъ этихъ дѣлъ,

[1]) Письмо къ Волконскому 5 апрѣля 1772 г. XVIII вѣкъ, I, 77.
[2]) Blum, II, 458.
[3]) А. к. В., XIII, 361.

присутствуя только при чтеніи Императрицею почты. Екатерина даже рѣдко вела съ нимъ простую объ этихъ дѣлахъ бесѣду, такъ что когда однажды, 12 мая 1783 года, она заговорила съ нимъ о занятіи Крыма и о дѣлахъ польскихъ, то Павелъ Петровичъ, записавъ этотъ разговоръ, отмѣтилъ: „довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная“ [1]).

Будучи такимъ образомъ совершенно свободнымъ, Павелъ Петровичъ имѣлъ въ виду отправиться, въ 1783 году, волонтеромъ въ армію [2]), которая въ то время организовалась на югѣ, въ виду затрудненій, возникавшихъ при переговорахъ съ Турціею по поводу присоединенія Крыма. Но затрудненія эти были устранены и предположеніе о поѣздкѣ Павла Петровича въ армію не осуществилось.

Тогда великій князь обратился къ устройству домашнихъ своихъ дѣлъ. Въ этомъ ему вполнѣ содѣйствовала его супруга, одаренная замѣчательнымъ организаторскимъ талантомъ и умѣвшая, при ограниченныхъ, относительно, средствахъ, достигать очень хорошихъ результатовъ.

Въ это время Павлу Петровичу принадлежали: домъ въ Милліонной улицѣ и два загородные дворца—одинъ на Каменномъ островѣ, а другой въ Павловскѣ, который онъ уступилъ Маріи Ѳедоровнѣ.

Въ 1783 году, послѣ смерти князя Орлова, Екатерина купила у его братьевъ Гатчинскую мызу. Гатчинскій домъ съ мебелью, оранжереею, разными строеніями и матеріалами, также какъ съ оружейною, оцѣненъ былъ въ 150,000 рублей [3]).

О первоначальной судьбѣ Гатчины извѣстно немного.

Въ писцовой книгѣ вотской пятины 1499 г. въ погостѣ дягилевскомъ, въ числѣ великокняжескихъ волостей, селъ и деревень значится „село Хотчино надъ озеркомъ надъ Хотчиномъ“ [4]). Съ вѣроятностью можно допустить, что это село было началомъ нынѣшней Гатчины, потому что многія изъ

[1]) Р. С. 1873, VIII, 653.
[2]) Тамъ же, 856.
[3]) Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, Спбгъ, 1878, II, 29.
[4]) Неволинъ, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ. Спбгъ, прим. 1, 34.

другихъ селеній, упоминаемыхъ въ той же писцовой книгѣ въ сосѣдствѣ съ Хотчиномъ, существуютъ и нынѣ въ окрестностяхъ города.

Въ царствованіе Петра Великаго мыза Гатчина подарена была царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ [1]), а послѣ ея кончины эта мыза съ деревнями и съ мельницею, что на Ижорѣ, отдана была въ 1719 году во владѣніе архіатеру Ивану Блюментросту, указомъ же 8 іюля 1732 г. взята отъ него обратно и приписана къ дворцовой канцеляріи [2]). Затѣмъ, въ 1734 году, Императрица Анна пожаловала Гатчину тайному совѣтнику князю Куракину [3]), по смерти котораго въ 1764 году она вновь куплена въ дворцовое вѣдомство.

Императрица Екатерина II подарила Гатчину графу Г. Г. Орлову. Кромѣ Гатчины, Орлову принадлежали Кипень, Лигово, Шунгурово и Ропша, т.-е. огромное земельное пространство, которое дорого было ему преимущественно тѣмъ, что давало ему полную возможность предаваться любимому его удовольствію, охотѣ.

Въ первую половину своего царствованія, Императрица каждое лѣто посѣщала Гатчину и проводила тамъ иногда по нѣсколько дней.

Такъ, напримѣръ, въ камерфуръерскомъ журналѣ 1766 года записано: что 15 мая, по утру въ десятомъ часу, Ея Величество, имѣя на себѣ мундиръ гвардіи пѣхотнаго полка, изволила предпріять отсутствіе изъ Царскаго Села въ мызу Гатчину, въ малой свитѣ, и тамъ кушать обѣденное кушанье. По окончаніи стола, Ея Величество изволила нѣсколько прогуливаться по озеру, потомъ въ построенной тамъ галерейкѣ съ кавалерами забавляться въ карты, а въ обыкновенное время кушать вечернее кушанье. 16 мая, по утру, Ея Величество изволила изъ опочивальнаго своего покоя выйти въ набережную отъ озера рощу, которая по сторонамъ обнесена

---

[1]) Пушкаревъ, Описаніе С.-Петербурга и уѣздовъ, IV, 149; Городскія поселенія въ Россійской Имперіи. Спбгъ., 1864, VII, 559.

[2]) П. С. З., VIII, № 6122.

[3]) Барановъ, П., № 4850. Записки кн. Дашковой въ А. к. В., XXI, 114.

холстомъ, и тамъ съ кавалерами забавляться въ карты; потомъ кушать обѣденное кушанье; по окончаніи стола одѣться въ мундиръ гвардіи пѣхотнаго полка и въ провожаніи свиты отправиться верхомъ съ егерною охотою, трактомъ къ Царскому Селу, и пробыть въ оной по нѣсколько время; тамъ пересѣсть въ карету и продолжать путь въ Царское Село.

Въ томъ же году, 21 іюля, въ пятомъ часу пополудни, Ея Величество изволила предпріять отсутствіе изъ села Краснаго въ мызу Гатчину и проѣзжала чрезъ мызу Скворицы [1]). Въ продолженіе шествія до Гатчины, для увеселенія, продолжалась соколья охота, въ мызу же Гатчину изволила прибыть въ 9 часовъ. По прибытіи проходила въ состоящіе въ той мызѣ покои, потомъ вечернее кушанье кушала съ прибывшими въ свитѣ персонами. Іюля 22, по утру въ 9 часовъ, Ея Величество изволила выйти изъ покоевъ и со всѣми персонами прогуливаться по увеселительнымъ около той мызы мѣстамъ, при томъ смотрѣть новостроимаго каменнаго дома, отъ котораго проходила берегомъ подлѣ той мызы лежащаго озера, называемаго Бѣлое, и по оному прогуливалась нѣсколько въ маленькомъ ботикѣ; потомъ, возвратясь обратно въ покои, изволила кушать обѣденное кушанье въ поставленной предъ тѣми покоями своей ставкѣ, а въ 5 часовъ пополудни имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для прогуливанія отъ мызы до 8 верстъ и въ проѣздъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота. По возвращеніи оттуда мимо слѣдующей деревни Колпино [2]), отъ которой въ одной верстѣ лежащее не малое озеро, называемое Колпинское, и отъ помянутой деревни до онаго озера идти изволила пѣшкомъ и на ономъ прогуливалась въ ботѣ съ распущенными парусами; потомъ, возвратясь обратно, въ каретахъ, шествовала къ мызѣ и прибыть изволила въ 9-мъ часу. По прибытіи, вечернее кушанье

---

[1]) Нынѣ староскворицкая мыза, близъ рѣчки Пудости, по правую сторону шоссе изъ Гатчины въ Кипень. Списки населенныхъ мѣстъ петербургской губерніи. Сибгъ., 1864, № 4506.

[2]) Большое и малое Колпино, деревни удѣльнаго вѣдомства. Списки населенныхъ мѣстъ, № 5154 и 4212.

изволила кушать, въ покояхъ. 23 іюля, по утру въ 9 часовъ, Ея Величество изъ мызы Гатчины изволила предпріять отсутствіе въ село Красное.

Въ этомъ году приступлено было къ сооруженію каменнаго дома Г. Г. Орлова въ Гатчинѣ. Этотъ домъ, нынѣшній гатчинскій дворецъ, строился, подъ наблюденіемъ егермейстера Польмана [1]), архитекторомъ Ринальди, который произвелъ въ Петербургѣ нѣсколько построекъ и между прочимъ участвовалъ въ сооруженіи стараго Исаакіевскаго собора [2]).

Вилимъ Романовичъ Польманъ, голштинскій генералъ-маіоръ, пожалованъ былъ Екатериною, 22 сентября 1765 г., камергеромъ [3]); затѣмъ назначенъ былъ главнопачальствующимъ надъ Царскимъ Селомъ и егермейстеромъ, а 5 августа 1778 года уволенъ, по прошенію, отъ службы [4]).

Императрица Екатерина, любившая созидать постройки, интересовалась сооруженіемъ гатчинскаго дома и при посѣщеніяхъ Гатчины всегда осматривала работы по дому и саду [5]).

Домъ этотъ оконченъ былъ только къ 1777 году и 23 мая того же года, Императрица, вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и его супругою, въ послѣдній, кажется, разъ посѣтила князя Орлова въ Гатчинѣ. Въ іюнѣ того же 1777 года Орловъ женился на своей двоюродной сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой, совершенно удалился отъ дѣлъ и довольно долго жилъ за границею.

Послѣ его смерти Екатерина купила у его братьевъ Гатчину и въ самый день подписанія манифеста о рожденіи великой княжны Александры Павловны, пожаловала Гатчину Цесаревичу, слѣдующимъ указомъ 6 августа 1783 года [6]): „Изъ купленныхъ Нами у графовъ Орловыхъ деревень, состоя-

---

[1]) Campenhausen, Topographische Merkwürdigkeiten. Riga, 1797.
[2]) Серафимовъ и Фоминъ. Описаніе Исаакіевскаго собора. Спбгъ., 1865, 6.
[3]) Записки Порошина, подъ 22 сентября 1766 г.
[4]) Яковкинъ, Исторія села Царскаго. Спбгъ., 1831, III, 205.
[5]) Ср. письма къ Чернышеву въ Р. А. 1871, 1317.
[6]) П. С. З., XXI, № 15808.

щихъ въ вѣдомствѣ нашего флигель-адъютанта Буксгевдена [1]), повелѣваемъ отдать во владѣніе Нашему любезному сыну, великому князю, мызу Гатчино съ тамошнимъ домомъ, со всѣми находящимися мебелями, мраморными вещами, оружейною, оранжереею и матеріалами и съ 20 принадлежащими къ той мызѣ деревнями, мызу новую Скворицкую и мызу старую Скворицкую съ приписанными къ нимъ деревнями, пустошами и землями. Помянутый флигель-адъютантъ Буксгевденъ долженствуетъ все оное по описи отдать тому, кому пріемъ отъ Его Высочества порученъ будетъ, а между тѣмъ имѣть то въ своемъ смотрѣніи".

Менѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ пожалованія Павлу Петровичу Гатчины послѣдовалъ, 17 мая 1784 г., слѣдующій любопытный указъ сената всѣмъ губернскимъ правленіямъ [2]). „Изъ представленія санктпетербургскаго губернскаго правленія сенату извѣстно учинилось, что по разсѣянному слуху отъ людей, мыслящихъ во вредъ только себѣ и ближнему, яко бы мыза Гатчина, лежащая въ софійскомъ уѣздѣ, превращена будетъ въ городъ, и что ко умноженію въ немъ купечества и мѣщанства примутся безъ разбора всѣ, кто только пожелаетъ, почему многіе дворовые люди сдѣлали побѣги, въ томъ намѣреніи, что они будутъ уже граждане, и хотя въ самомъ началѣ правительство, узнавъ, привело все въ законный порядокъ, но вѣроятно, что таковые лживые слухи могутъ распространяться и далѣе, то сенатъ долгомъ своимъ поставляетъ предписать всѣмъ правленіямъ, дабы въ поимкѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, также и въ разсужденіе пени за небреженіе, непремѣнно поступаемо было по сплѣ учрежденія о губерніяхъ".

[1]) Полковникъ Оедоръ Ѳедоровичъ (впослѣдствіи графъ) Буксгевденъ съ 1772 года былъ адъютантомъ князя Орлова и покровительство сильнаго вельможи способствовало скорому возвышенію его (Восп. Энц. Лек. II. 538). Женатъ былъ на Натальѣ Александровнѣ Алексѣевой (Рос. Род. Книга II, 186) которая, по словамъ Гельбига (Russiche Günstlinge) была дочерью Орлова. Ср. Р. С., V, 236.

[2]) П. С. З., XXII, № 15997. О стремленіи бѣглыхъ въ Гатчину см. донесеніе генуэзскаго агента Риварола. Памят. III, 35 и Burja, Observations d'un voyageur. 1787, p. 119.

Кажется, что стремленіе крѣпостныхъ людей во владѣнія Цесаревича было довольно сильно, и самъ великій князь, владѣлецъ Гатчины и Павловска, вынужденъ былъ въ 1784 году подтверждать своимъ управляющимъ о принятіи мѣръ противъ появленія въ окрестностяхъ этихъ двухъ мѣстъ бродягъ и безпаспортныхъ [1]).

Уже съ осени 1783 года Цесаревичъ и его супруга переѣхали въ Гатчину и стали именовать себя „гатчинскими помѣщиками“ [2]).

Гатчинскій округъ входилъ въ составъ трехъ уѣздовъ: софійскаго, ораніенбаумскаго и рожественскаго и былъ раздѣленъ на три волости [3]). Почва округа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холмиста, но въ общемъ плодородна, богато орошена, удобна для земледѣлія и въ особенности для скотоводства. Близъ деревни Пудости находятся извѣстныя каменоломни, изъ которыхъ въ обиліи извлекали немного мягкій, бѣлый и желтоватый известнякъ. Многія зданія, не только въ Гатчинѣ, но и въ Павловскѣ, Царскомъ Селѣ и т. д., сооружены изъ этого камня. Обжиганіемъ превращаютъ его въ бѣлильную известь, которая считается особенно пригодною для окраски домовъ и въ большомъ количествѣ привозится въ Петербургъ. Близъ Черницы, на югъ отъ дворца, по порховской дорогѣ, выламываютъ болѣе твердый известнякъ, который также часто употребляется для построекъ: цвѣтъ его смѣшанный, въ разныхъ слояхъ различный, то желтый какъ солома, то съ красноватымъ и сѣроватымъ оттѣнками, мѣстами въ крапинахъ и жилкахъ.

Число всѣхъ жителей округа простиралось, приблизительно, до 7000 человѣкъ, не считая стоявшихъ тамъ войскъ; приписанныхъ къ Гатчинѣ крестьянъ находилось свыше 3000 душъ мужскаго пола. Они почти всѣ финны; принадлежали къ люте-

---

[1]) Павловскъ, 42—43.

[2]) См. письма къ нимъ Екатерины въ С. Р. И. О., XV, 8, 9 и 17.

[3]) Нижеизложенное описаніе Гатчины заимствовано, съ незначительными дополненіями, изъ книги Кампенгаузена: Topographische Merkwürdigkeiten, Riga, 1797.

ранскому вѣроисповѣданію и распредѣлены были на два прихода: Колпино и Скворицы.

По дорогѣ изъ Петербурга, въ пяти верстахъ отъ дворца, ведутъ въ гатчинскій округъ большіе каменные ворота. Порховская дорога изъ Петербурга въ Бѣлоруссію проходитъ чрезъ значительную часть округа. Главныя дороги содержались въ замѣчательной исправности и по обѣимъ сторонамъ ихъ насажены были аллеи.

Гатчинскій дворецъ лежитъ въ южной части бывшаго софійскаго уѣзда, въ 22 верстахъ отъ Царскаго Села и въ 44 отъ Петербурга, не вдалекѣ отъ порховской дороги, въ очень пріятной, богатой водою и нѣсколько холмистой мѣстности. Среднее трехъ-этажное главное зданіе дворца, съ балкономъ къ сторонѣ двора, въ основаніи своемъ имѣетъ видъ параллелограмма; отъ двухъ четырехъ-угольныхъ, нѣсколько превышающихъ главное зданіе и притупленныхъ башенъ, которыя, поднимаясь отъ земли, примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ къ главному зданію, оно со стороны сада получаетъ сходство съ замкомъ. Два дугообразные флигеля, выгнутые въ стороны отъ двора, соединяютъ главное зданіе съ двумя одноэтажными пристройками, изъ которыхъ каждая образовывала обширное карре, съ четырьмя подобными же, только менѣе высокими башнями по угламъ. Великолѣпная колоннада, съ пепельнаго цвѣта мраморными столбами и съ неменѣе красивою бронзовою балюстрадою, образовала во второмъ этажѣ этихъ флигелей, со стороны двора, двойной корридоръ, ниши котораго украшены были бюстами римскихъ императоровъ и т. п. Какъ вблизи, такъ и издали, дворецъ представлялъ величественный и разнообразный видъ, различный съ разныхъ точекъ зрѣнія, что происходило отъ различія въ стилѣ и формѣ главныхъ частей зданія и ихъ сочетанія. Приведемъ для поясненія нѣсколько примѣровъ.

Со стороны сада стоитъ на первомъ планѣ главное среднее зданіе; флигеля отклоняются въ стороны, почему и представляются очень сокращенными; боковыя карре крайними своими концами такъ значительно отступаютъ назадъ, что почти

исчезаютъ изъ глазъ. При этомъ мѣстность съ этой стороны постепенно понижается, по мѣрѣ удаленія отъ дворца. Съ какой точки ни смотрѣть на дворецъ, изъ сада, или изъ частей за садомъ, дворецъ кажется укрѣпленнымъ, стоящимъ на холмѣ замкомъ, глава котораго высится надъ всѣми лежащими предъ нимъ предметами. Совершенно инымъ является этотъ видъ, если перейти къ переднему фасаду дворца. Здѣсь средняя часть главнаго зданія отодвигается на дальній планъ, флигеля выступаютъ впередъ и отъ крайнихъ концовъ ихъ далеко выдвигаются боковыя карре, такъ что общее получаетъ видъ амфитеатра, красотѣ котораго не мало способствуетъ великолѣпная колоннада, видимая здѣсь на всемъ ея протяженіи. Передъ дворомъ далеко тянулся въ даль обширный лугъ, который представлялъ прекраснѣйшій видъ съ балкона главнаго зданія, галереи и почти всѣхъ обращенныхъ во дворъ оконъ. Еще прелестнѣе видъ съ дворцовыхъ башенъ. Съ высоты ихъ можно осмотрѣть не только большую часть сада, но и посадъ Гатчину, Ингербургъ и вообще мѣстности, лежащія близъ дворца.

Внутренность дворца хотя и не могла заслуживать упрека въ переполненіи его предметами роскоши, но по вкусу и великолѣпію вполнѣ соотвѣтствовала внѣшности. Даже при поверхностномъ осмотрѣ возбуждали удивленіе: большая зала, которую украшаетъ одно изъ рѣдкихъ собраній мраморныхъ и базальтовыхъ бюстовъ и барельефовъ и особенно красивый плафонъ, расписанный однимъ изъ знаменитѣйшихъ мастеровъ; мраморная зала, съ колоннадою изъ бѣлаго итальянскаго мрамора; концертная зала, въ которой особенный эффектъ производитъ сводчатый потолокъ въ готическомъ стилѣ, украшенный арабесками во вкусѣ Рафаэля и нѣсколькими прекрасными картинами, и двѣ залы, стѣны которыхъ обиты замѣчательно красивыми тканными обоями. Изображеніе, найденное въ Геркуланумѣ, написанное на части стѣны, принадлежитъ къ замѣчательнымъ рѣдкостямъ этой залы [1]). Съ удвоен-

[1]) Съ этой картины существуетъ гравюра.

нымъ вниманіемъ вступаемъ во внутренніе покои Павла Петровича. Благородная, соединенная со вкусомъ простота составляетъ достоинство ихъ меблировки. Между картинами, которыя здѣсь размѣщены, столь же ради своеобразной красоты, какъ и ради руки, которая ихъ произвела, заслуживаютъ особеннаго вниманія нѣсколько картинъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ вкусу и таланту Маріи Ѳедоровны. Далѣе видны различнаго рода картины историческаго содержанія; мастерское произведеніе, изображающее похищеніе Сабинянокъ, принадлежитъ къ наиболѣе замѣчательнымъ; далѣе изображены нѣсколько волшебныхъ видовъ въ Шантильи, картины, возобновлявшія въ ихъ царственныхъ собственникахъ воспоминаніе объ испытанныхъ тамъ удовольствіяхъ.

Затѣмъ идутъ портреты великихъ мужей: Петра I, Фридриха II, Сюлли и другихъ, и бюстъ Генриха IV. Не простая случайность привела во внутренніе покои Павла Петровича бюстъ короля Генриха; онъ питалъ всегда особенное уваженіе къ добродѣтелямъ этого государя. Такое же уваженіе питалъ онъ и къ Сюлли, записки котораго тщательно изучалъ. Однажды онъ подарилъ экземпляръ этихъ записокъ адмиралу Н. С. Мордвинову и сказалъ: „когда я буду царемъ, ты будешь при мнѣ моимъ Сюлли [1])“.

Въ комнатахъ верхняго этажа жили дежурные придворные чины, фрейлины и т. д. Эти комнаты украшены многими прекрасными картинами знаменитаго живописца животныхъ Шнейдера. Всюду господствовала величайшая чистота и нигдѣ не встрѣчалось тѣхъ темныхъ ходовъ, которые производятъ такое тяжелое впечатлѣніе въ другихъ дворцахъ. Лѣвое боковое карре занимали: библіотека, богатая избранными сочиненіями, число которыхъ простиралось до 40,000 томовъ, театръ, оружейная комната, которая заключала въ себѣ коллекцію оружія почти всѣхъ вѣковъ, манежъ съ помѣщеніемъ для конюшенной прислуги и квартира смотрителя Гатчины. Въ правомъ карре находилась дворцовая часовня, квартира

[1]) Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ. Спбгъ, 1873, 21.

коменданта, нѣсколько придворныхъ оффиціантскихъ, кухня и т. д.

На гатчинскій дворецъ сочинена была Рубаномъ слѣдующая стихотворная надпись [1]):

Огромно зданіе изъ камня именита,
Которымъ Пудостка окружность знаменита,
Величіемъ равно величью тѣхъ громадъ,
При нильскихъ берегахъ которыя стоятъ;
Но вкусомъ, зодчествомъ, искусствомъ, красотою,
Садовъ, луговъ, прудовъ съ прозрачною водою,
Превозвышая ихъ являютъ Павловъ дворъ,
Вмѣщающи въ себѣ всѣхъ рѣдкостей соборъ;
И тако Гатчина со именемъ согласна,—
Ея и внутренность и внѣшность есть прекрасна [2]).

Гатчинскіе сады очень обширны и разнообразны. Англійскій садъ за дворцомъ, можетъ быть единственный въ своемъ родѣ въ Россіи, занимаетъ значительное пространство и устроенъ въ истинномъ вкусѣ англійскихъ садовъ. Здѣсь искусство пришло лишь въ помощь прекрасной природѣ, не насилуя ея. И эта искусственная помощь была большею частію дѣломъ Павла Петровича. До него садъ былъ только въ починѣ; ему онъ обязанъ большимъ числомъ устройствъ, которыя его украшаютъ и вообще почти всею своею красотою. Англійскій садъ въ Павловскѣ также исполненъ прелести и вкуса, но совершенно въ другомъ стилѣ: отдѣльныя части сада разработаны тамъ необыкновенно хорошо, но общее имѣетъ въ Гатчинѣ почти недосягаемое выраженіе изящества и величія. Ижора, протекающая чрезъ гатчинскій садъ и нѣсколько прозрачныхъ, какъ хрусталь, родниковъ, давали такую массу превосходной воды, что ею могло быть наполнено множество водоемовъ, каналовъ, большихъ и малыхъ искусственныхъ озеръ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до девяти саженъ глубины и при этомъ прозрачны до самаго дна [3]). Отдѣльныя

---

[1]) Растущій виноградъ на 1786 г., январь, 17.

[2]) Гатчина происходитъ отъ нѣмецкихъ словъ hat Schöne, которыя значатъ „имѣетъ красоту“. Примѣчаніе Рубана.

[3]) О командированіи горныхъ инженеровъ для отысканія ключей въ окрестностяхъ Гатчины, см. письма Аракчеева къ Попову въ Р. А., 1865, 217.

части сада, въ которыхъ преобладаетъ вода, чрезвычайно пріятно чередуются съ островами, холмами, возвышеніями, кустарниками, лужайками, цвѣточными клумбами и представляютъ прелестнѣйшіе и разнообразнѣйшіе виды. Самый прекрасный видъ открывается, если стать за самымъ большимъ озеромъ. Взору представляется отсюда вся зеркальная поверхность этого озера; на первомъ планѣ — нѣсколько покрытыхъ зеленью острововъ; по обѣимъ сторонамъ озера — рощи и архитектоническія украшенія сада; на заднемъ планѣ — большая каменная пристань, надъ которою видпѣется дворецъ, стоящій на возвышенности. Какъ ни старались воспроизвести подобный видъ при искусственномъ большомъ озерѣ въ Царскомъ Селѣ, но на тамошней ровной мѣстности цѣль далеко не могла быть достигнута. Черезъ каналы перекинуты мостики разнообразной архитектуры, и при Павлѣ Петровичѣ большая ихъ часть сооружена изъ камня. Одинъ изъ главныхъ острововъ именовался островомъ Любви; на немъ разбитъ былъ садъ съ дорожками, живыми изгородями, статуями, цвѣточными клумбами и т. п. На самомъ возвышенномъ его мѣстѣ стоялъ прекрасный павильонъ, съ надписью „Островъ Любви — Храмъ Венеры“. Внутри его былъ большой залъ съ рядомъ фонтановъ по двумъ сторонамъ. Другую часть сада украшалъ полупокрытый храмъ въ древне-греческомъ вкусѣ съ мраморными колоннами. Новая каменная пристань, которую можно бы даже назвать каменною береговою террасою, есть одно изъ великолѣпнѣйшихъ и красивѣйшихъ украшеній озера. Нельзя покинуть эту пристань безъ сожалѣнія о прекрасномъ видѣ, открывающемся съ нея на сторону, противоположную дворцу, чрезъ большое озеро. Кто желаетъ вполнѣ ознакомиться со всѣми прелестями сада и разнообразіемъ его видовъ, долженъ сѣсть съ этой пристани въ лодку и, проѣзжая по всѣмъ водамъ, будетъ безъ устали любоваться всѣми частями сада. Лишь только начинается эта прогулка, съ лѣвой стороны дворца въ концѣ широкой аллеи, на возвышеніи, открывается турецкая палатка. По мѣрѣ приближенія, очарованіе исчезаетъ и, къ удивленію, вмѣсто раскинутой палатки, является непо-

движное зданіе, имѣющее лишь форму палатки. Мѣстность вокругъ ея предназначена для игръ, качелей, кеглей. За большимъ лугомъ видѣнъ, на сосѣднемъ озерѣ, покрытый кустарниками и зеленью островъ, а за нимъ возвышается храмъ острова Любви. Новые каменные ворота со стороны дороги также замѣчательны по своей вышинѣ и по прекрасной архитектурѣ. Нѣсколько обелисковъ, урнъ и т. п. украшаютъ отдѣльныя части сада. Въ одной изъ отдаленныхъ его частей Марія Ѳедоровна сдѣлала своему супругу пріятный сюрпризъ своеобразною постройкою. Среди небольшаго кустарника, видпѣется необыкновенной величины груда нагроможденныхъ одинъ на другой толстыхъ березовыхъ обрубковъ, но среди этой груды есть дверь и она ведетъ въ прекрасно убранную диванную комнату съ зеркальными стѣнами. Купальня Маріи Ѳедоровны не велика, но лежитъ въ пріятной лѣсистой мѣстности. Оранжереи очень обширны. Для самыхъ высокихъ деревъ выстроено было, въ лѣсистой части сада, колоссальное зданіе изъ глыбъ черницкаго известняка.

Подъ самыми окнами дворца устроенъ былъ Павломъ Петровичемъ прелестный цвѣтникъ съ клумбами, террасами, статуями и аллеями.

Роща Сильвія, которую отъ англійскаго парка отдѣляетъ каменная ограда и рѣшетка, содержитъ въ себѣ много пріятныхъ мѣстъ для прогулокъ и каменный домикъ для содержанія фазановъ.

Звѣринецъ очень обширенъ, хотя онъ и не занимаетъ всего того пространства, которое ему предназначалось прежнимъ владѣльцемъ Гатчины, княземъ Орловымъ. Нѣсколько романтическихъ домиковъ для лѣсничихъ, много пріятныхъ мѣстъ для прогулокъ, звѣздообразныя аллеи и цвѣточныя клумбы составляютъ его прелесть. Одна изъ этихъ аллей направляется къ самой высокой изъ дудергофскихъ горъ, на вершинѣ которой видпѣется кирка. Въ звѣринцѣ содержалось много краснаго звѣря.

Одно изъ интереснѣйшихъ сооруженій Гатчины, воздвигнутыхъ Цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ, это обелискъ,

который такъ высокъ, что его видно издали, съ которой стороны ни подъѣзжать къ Гатчинѣ. Онъ имѣетъ, вмѣстѣ съ фундаментомъ, 17 саженъ вышины, такимъ образомъ онъ выше всѣхъ извѣстныхъ обелисковъ, въ томъ числѣ и знаменитаго римскаго. Главная его часть выстроена изъ прочнаго известковаго камня; на верху поставленъ большой позолоченный шаръ. Мѣсто для постановки колонны не могло быть выбрано удачнѣе; она стоитъ на скрещеніи дворцовой и большой дорогъ, и на одномъ изъ самыхъ высокихъ мѣстъ. Каменная ограда этого мѣста есть счастливое подраженіе той оградѣ, которая окружала памятникъ конетабля Монморанси въ Шантильи.

Посадъ Гатчина, лежащій въ сторонѣ отъ дворца, по обѣ стороны порховской дороги, былъ правильною слободкою, въ которой, кромѣ деревянныхъ, было и нѣсколько каменныхъ домовъ. Въ немъ жили придворнослужители, ремесленники и купцы. На площади стоялъ новый госпиталь, съ церковью, большое прекрасное двухъ-этажное зданіе, съ желѣзною кровлею. Въ немъ помѣщались аптека, лабораторія и т. п. Дома врачей и фельдшеровъ расположены были по обѣимъ сторонамъ площади. Наконецъ, къ лучшимъ зданіямъ посада принадлежали: школа, суконная фабрика и артиллерійскія казармы.

Собственно деревня Гатчина, населенная большею частью крестьянами-финнами, граничила съ посадомъ далѣе отъ дворца къ сторонѣ Петербурга. Она состояла изъ двухъ рядовъ красиво выстроенныхъ деревянныхъ домиковъ. Посреди улицы стояла новая общая для лютеранъ и католиковъ молельня.

По той же дорогѣ, но еще далѣе отъ дворца, лежалъ городокъ Ингербургъ, состоявшій изъ многоэтажныхъ каменныхъ домовъ. Самъ владѣлецъ Гатчины, многіе высшіе придворные чины и нѣкоторые фабриканты и купцы построили здѣсь для себя дома. Первое основаніе этому городку положено было въ 1794 году.

Посадъ Гатчина, деревня Гатчина и Ингербургъ расположены вдоль дороги такъ близко другъ къ другу, что обра-

зовывали какъ бы одно мѣстечко. Тамъ учреждена была стража, для которой построены были особые дома; улицы были освѣщаемы, вымощены и обсажены по обѣимъ сторонамъ деревьями.

Малая Гатчина, деревня, состоявшая изъ землебитныхъ, по тогдашнему выраженію, строеній, предназначена была для кантонированія войскъ.

По улицѣ, ведущей вправо отъ дворца, кромѣ каменнаго придворнаго строенія, расположены были весьма удобныя и бросающіяся въ глаза своими военными арматурами казармы пѣхотнаго баталіона.

Стоянки для кавалеріи были устроены частію вблизи звѣринца, частію по деревнямъ.

Мѣстечко Маріенбургъ вблизи дворца съ правой стороны было при Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ еще въ зародышѣ.

Въ почтовомъ и торговомъ мѣстечкѣ Колпино, въ трехъ верстахъ на югъ отъ дворца по порховской дорогѣ, бывала ежегодно, въ день Петра и Павла, довольно многолюдная ярмарка. Здѣсь была первая почтовая станція на дорогѣ изъ Софіи и при Павлѣ Петровичѣ началась постройка большой каменной церкви для финновъ.

Православное богослуженіе для русскихъ обывателей Гатчины производилось въ дворцовой и госпитальной церквахъ. Для нѣмецкихъ лютеранъ, число которыхъ въ Гатчинѣ было не мало, былъ пасторъ, жившій въ Гатчинѣ и къ приходу котораго принадлежали Павловскъ и Царское Село. Даже нѣсколько католическихъ семействъ, жившихъ въ Гатчинѣ, имѣли для духовныхъ ихъ потребностей особаго священника, который служилъ также и для католиковъ Павловска. Лютеранское и католическое богослуженіе производилось какъ въ Гатчинѣ, такъ и въ Павловскѣ, поочередно, въ одномъ молитвенномъ домѣ.

Августѣйшій владѣлецъ Гатчины занимался, однако, не однимъ только украшеніемъ дворца и садовъ. Онъ былъ, если такъ можно выразиться, добрымъ хозяиномъ.

Павелъ Петровичъ всегда старался облегчить крестьянину бремя его повинностей. Онъ помогалъ ссудами тѣмъ, у кото-

рыхъ не по ихъ винѣ хозяйство приходило въ разстройство и старался разверстаніемъ и прирѣзкою достаточнаго количества земли обезпечить труженику безбѣдное существованіе [1]). Лучшимъ устройствомъ полиціи и пожарной части въ Гатчинѣ онъ обезпечилъ безопасность личности и собственности. Часто онъ самъ противодѣйствовалъ пагубному ростовщичеству торгашей и ремесленниковъ.

Въ видахъ сохраненія здоровья жителей Гатчины, крестьянъ и солдатъ, Цесаревичъ озаботился устройствомъ медицинскихъ учрежденій, которыми всѣ могли пользоваться безплатно. Гатчинскій госпиталь устроенъ былъ свыше чѣмъ на 100 кроватей и открытъ для постороннихъ. На хорошій уходъ за больными и на чистоту обращено было особенное вниманіе. Порча воздуха была по возможности устранена тѣмъ, что госпиталь былъ очень просторенъ; въ каждой палатѣ располагалось лишь немного больныхъ, и для страждущихъ прилипчивыми болѣзнями имѣлись отдѣльныя комнаты. Смертность въ этомъ госпиталѣ была необыкновенно мала. Тѣ больные въ уѣздѣ, которые не могли быть доставлены въ госпиталь, пользовались на дому услугами фельдшеровъ, которыхъ было въ каждой волости по одному, подъ главнымъ надзоромъ окружнаго врача. Опытная повивальная бабка обучала деревенскихъ повитухъ искусству, столь важному.

Не менѣе заботился Павелъ Петровичъ объ ученіи и умственномъ развитіи живущихъ въ гатчинскомъ имѣніи. Дѣти гатчинскихъ жителей обоего пола безплатно обучались въ гатчинскомъ училищѣ всему, что имъ нужно было знать по ихъ званію. Въ небольшомъ пансіонѣ, соединенномъ съ этимъ училищемъ, великій князь имѣлъ нѣсколько пансіонеровъ. Въ маріенбургскомъ сиротскомъ домѣ солдатскіе дѣти обучались не только чтенію, письму и т. д., но и рукодѣліямъ, земледѣлію и садоводству, такъ что это учрежденіе могло быть названо ремесленнымъ училищемъ [2]).

[1]) Ср. Семевскій, Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины. Спбгъ, 1881, I, 114, прим.

[2]) Мельницкій, Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ. Спбгъ, 1857, I, 119.

На его счетъ были построены церкви: православная въ госпиталѣ, общая лютеранская, католическая и финская въ Колпинѣ. Онъ содержалъ и духовенство этихъ церквей.

Точно также старался онъ содѣйствовать процвѣтанію Гатчины устройствомъ мануфактуръ и фабрикъ. Мануфактуристамъ дарилъ онъ земли для ихъ заведеній, строилъ для нихъ дома и разсрочивалъ выдаваемыя имъ ссуды. Такъ образовались стекляпный и фарфоровый заводы, суконная фабрика, шляпная мастерская, которые, въ соединеніи съ сукновальнею, возвели Гатчину на степень не незначительной промышленной мѣстности.

И всѣ эти учрежденія, которыя безъ той поддержки и участія, которыя имъ оказывалъ ихъ августѣйшій основатель, быть можетъ современемъ и закрылись бы, почерпали силу въ постоянномъ вниманіи, съ которыми къ нимъ относился великій князь, который самъ за всѣмъ смотрѣлъ, самъ все повѣрялъ, самъ все одушевлялъ.

XXII.

Въ мартѣ 1785 года пріѣхалъ въ Петербургъ вновь акредитованный французскій посланникъ графъ Сегюръ. Павелъ Петровичъ и его супруга приняли его очень привѣтливо. Почести, съ какими они встрѣчены были въ 1782 году во Франціи, расположили ихъ къ французамъ. Когда графъ Сегюръ былъ ближе допущенъ въ ихъ общество, онъ имѣлъ случай узнать ихъ рѣдкія свойства, которыми они въ то время снискали общее уваженіе. Исключая торжественныхъ дней, кругъ ихъ, хотя довольно многочисленный, походилъ болѣе на частное общество, чѣмъ на церемоніальный дворъ, особенно когда они жили на дачѣ. Никогда семейство частнаго лица не принимало своихъ гостей съ бо́льшею любезностью, простотою и непринужденностью; обѣды, балы, спектакли и праздники, все было запечатлѣно благородствомъ, достоинствомъ и вкусомъ. Великая княгиня, величавая, ласковая и естественная, прекрасная безъ желанія нравиться, непринужденно любезная, представляла собою изящное воплощеніе добродѣтели. Павелъ Петровичъ желалъ нравиться; онъ былъ образованъ, въ немъ замѣтна была живость ума и благородное великодушіе. Тѣмъ не менѣе графъ Сегюръ безъ труда подмѣтилъ въ его обращеніи и особенно въ разговорахъ о настоящемъ и будущемъ его положеніи, какую-то чрезвычайную щекотливость.

Эта щекотливость была естественнымъ послѣдствіемъ того положенія, въ которое былъ поставленъ Павелъ Петровичъ. Не принимая участія въ дѣлахъ и въ воспитаніи дѣтей, проводя большую часть года въ Гатчинѣ или въ Павловскѣ, онъ казался отчужденнымъ отъ двора Екатерины.

Жизнь петербургскаго двора въ 1783 году такъ обрисована въ запискахъ Л. Н. Энгельгардта.

„Въ каждое воскресенье и большой праздникъ былъ выходъ Ея Величества въ придворную церковь; всѣ, какъ должностные, такъ и праздные, собирались въ тѣ дни во дворецъ; тѣ, которые имѣли входъ въ тронную залу, ожидали Ея Величество тамъ; имѣющіе входъ въ кавалергардскую залу, въ сей залѣ и тутъ болѣе всѣхъ толпились; а прочіе собирались въ залѣ, гдѣ стояли на часахъ уборные гвардіи сержанты. Военные должны были быть въ мундирахъ и шарфахъ; статскіе во французскихъ кафтанахъ или губернскихъ мундирахъ и башмакахъ; всѣ должны были быть причесаны съ буклями и съ пудрою; оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалы, заранѣе до выхода Императрицы, ходили по кавалергардской залѣ и, ежели усматривали кого неприлично одѣтымъ, то просили таковаго вѣжливо выйти. За нѣсколько времени Наслѣдникъ съ великою княгинею, изъ своей половины, проходили во внутреннія комнаты государыни, которая въ половинѣ одиннадцатаго часа выходила въ тронную, гдѣ чужестранные министры, знатные чиновники и придворные ее ожидали. Тамъ представлялись пріѣзжіе, или по инымъ какимъ причинамъ имѣющіе входъ за кавалергардовъ; тамъ она удостоивала со многими разговаривать. Въ одиннадцать часовъ отворялись двери; первый выходилъ оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, за нимъ пажи, камеръ-пажи, камеръ-юнкеры, камергеры и кавалеры, по два въ рядъ, передъ самою Императрицею князь Потемкинъ. Государыня всегда имѣла милый, привлекательный и веселый, небесный взглядъ. Ежели были пріѣзжіе или отъѣзжающіе, или благодарить за какую милость, но не имѣющіе входа въ тронную, то представляемы были тутъ оберъ-камергеромъ и Государыня жаловала

цѣловать имъ руку. За Императрицею шелъ великій князь, рядомъ съ великою княгинею; за ними статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины, по двѣ въ рядъ. Тѣмъ же порядкомъ Государыня возвращалась во внутреннія комнаты. Императрица кушала въ часъ. Ежели кто хотѣлъ быть представленъ великому князю и великой княгинѣ, то представлялся на ихъ половинѣ въ день, когда Ихъ Высочества сами назначатъ.

„Каждое воскресенье былъ при дворѣ балъ или куртагъ. На балъ Императрица выходила въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ церковь; передъ залою представлялись дамы и цѣловали ея руку. Балъ всегда открывалъ великій князь съ великою княгинею менуетомъ; послѣ ихъ танцовали придворные и гвардіи офицеры; изъ армейскихъ ниже полковниковъ не имѣли позволенія; танцы продолжались: менуеты, польскіе и контрдансы. Дамы должны были быть въ русскихъ платьяхъ, то-есть особливаго покроя парадныхъ платьяхъ, а для уменьшенія роскоши былъ родъ женскихъ мундировъ по цвѣтамъ, назначенныхъ для губерній. Кавалеры всѣ должны быть въ башмакахъ. Все дворянство имѣло право быть на оныхъ балахъ, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи, только въ дворянскихъ мундирахъ.

„Императрица игрывала въ карты съ чужестранными министрами или кому прикажетъ; для чего карты подавали тѣмъ по назначенію камеръ-пажи; великій князь тоже игралъ за особливымъ столикомъ; часа черезъ два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тѣмъ же порядкомъ отходила во внутреннія комнаты. Послѣ нея спѣшили всѣ разъѣзжаться.

„Въ новый годъ и еще до великаго поста бывало нѣсколько придворныхъ маскарадовъ. Всякій имѣлъ право получить билетъ для входа въ придворной конторѣ. Купечество имѣло свою залу, но обѣ залы имѣли между собою сообщеніе и не запрещалось переходить изъ одной въ другую. По желанію могли быть въ маскахъ, но всѣ должны были быть въ маскарадныхъ платьяхъ: домино, венеціанкахъ, капуцинахъ и проч. Императрица сама выходила маскированная, одна, безъ

свиты. Въ буфетахъ было всякаго рода прохладительное питье и чай; ужинъ былъ только по приглашенію оберъ-гофмаршала, человѣкъ на сорокъ въ кавалерской залѣ. Гвардіи офицеръ паряжался для принятія билетовъ; ежели кто пріѣзжалъ въ маскѣ, долженъ былъ передъ офицеромъ маску снимать. Кто первый пріѣзжалъ и кто послѣдній уѣзжалъ, подавали Государынѣ записку; она была любопытна знать весельчаковъ. Какъ балы, такъ и маскарады начинались въ шесть часовъ, а маскарадъ оканчивался за полночь.

„Одинъ разъ въ недѣлю было собраніе въ эрмитажѣ, гдѣ иногда бывалъ и спектакль; туда приглашаемы были люди только извѣстные; всякая церемонія была изгнана; Императрица, забывъ, такъ сказать, свое величество, обходилась со всѣми просто. Были сдѣланы правила противъ этикета; кто забывалъ ихъ, то долженъ былъ въ наказаніе прочесть нѣсколько стиховъ изъ Телемахиды.

„У великаго князя по понедѣльникамъ были балы, а по субботамъ на Каменномъ островѣ, по особому его приглашенію, лично каждаго, чрезъ придворнаго его половины лакея; а сверхъ того, паряжались по два офицера отъ каждаго полка гвардіи. На балы великаго князя и на Каменный островъ князь Потемкинъ въ это время ни одного раза не миновалъ“.

Такъ описываетъ дворъ Л. Н. Энгельгардтъ, „какимъ образомъ онъ по наружности всѣмъ былъ извѣстенъ“ [1]), но въ замѣткахъ другихъ современниковъ сохранились указанія на иныя стороны этой жизни.

Въ первые годы своей жизни въ Гатчинѣ Цесаревичъ и его супруга часто давали вечера и нѣкоторые изъ гостей оставались тамъ по нѣсколько дней сряду, пользуясь гостепріимствомъ Наслѣдника: эти вечера нисколько не были стѣснительны для посѣтителей; хозяева были привѣтливы и добры. Но не смотря на это были лица, которые избѣгали эти вечера. Къ числу таковыхъ принадлежала княгиня Е. Р. Дашкова, оставившая въ своихъ запискахъ объясненіе причины, побуждавшей ее уклоняться отъ посѣщенія Гатчины.

[1]) Энгельгардтъ, 44–47 и 50.

Когда Павелъ Петровичъ настоятельно просилъ ее посѣтить одинъ изъ его вечеровъ, княгиня отвѣтила ему, что свобода и общество гатчинскихъ собраній доставляли бы ей величайшее удовольствіе, но что у нея мало досужаго времени и что есть на то и другая причина. Все, что происходитъ въ Гатчинѣ, сказала она, дѣлается извѣстнымъ въ Царскомъ Селѣ и, обратно, великому князю сообщаютъ о всемъ, что происходитъ въ Царскомъ [1]). Такимъ образомъ, отдалившись отъ гатчинскихъ собраній, княгиня Дашкова желала отнять у Императрицы право ее разспрашивать, а у Цесаревича право подозрѣвать ее какъ перепосчицу, потому что никакія деньги не могли бы соблазнить ее стать между матерью и сыномъ; княгиня надѣялась, что великій князь долженъ былъ согласиться съ уважительной причиной ея поведенія. Согласно этому, княгиня поступала въ продолженіе десяти лѣтъ, никогда не посѣщая великаго князя, за исключеніемъ тѣхъ торжественныхъ случаевъ, когда у него собирался весь дворъ. Императрица, зная это, никогда не разспрашивала ее о своемъ сынѣ, и если осуждала,—это иногда случалось,—его поведеніе, княгиня Дашкова всегда прекращала рѣчь оговоркою, что третье лицо въ этихъ дѣлахъ лишнее и она можетъ быть увѣренною, что великій князь окажетъ ей повиновеніе, если только она сообщитъ ему свои намѣренія [2]).

Княгини Дашкова воздерживалась отъ посѣщенія малаго двора по собственному побужденію, но нѣкоторыя другія лица, посѣщавшія этотъ дворъ, должны были терпѣть за это непріятности.

Цесаревичъ былъ расположенъ къ епископу римско-католическихъ церквей въ Россіи, Сестренцевичу, извѣстному своею борьбою съ іезуитами. Онъ былъ такъ милостивъ къ Сестренцевичу, что когда послѣдній, во время своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Гатчинѣ, захворалъ, то великій князь часто присылалъ къ нему, то своего доктора, то офицера

[1]) Тоже подтверждаетъ и саксонскій резидентъ Сакенъ въ донесеніи 4 декабря 1786. Hermann, Ergänzungsband. 644.

[2]) Кн. Дашкова, Mon histoire. А. к. В., XXI, 263.

своего штаба справляться о его здоровьѣ. На это смотрѣлъ неблагосклонно князь Потемкинъ, а особенно на приглашенія Сестренцевича на субботніе балы великаго князя въ Петербургѣ и на понедѣльниковые балы и спектакли на Каменномъ островѣ, и М. С. Потемкинъ однажды по секрету сказалъ Сестренцевичу, что свѣтлѣйшій совѣтуетъ ему не ѣздить ни на балы, ни на спектакли къ великому князю, потому что это неприлично его званію. Когда же Сестренцевичъ отвѣтилъ отказомъ на такіе совѣты князя Потемкина и продолжалъ посѣщать дворъ Цесаревича, не находя въ этомъ ничего неприличнаго для себя и имѣя на то соизволеніе Императрицы, то Потемкинъ сдѣлался большимъ недругомъ Сестренцевича и всячески старался вредить, ему не только при дворѣ Екатерины, но даже при папскомъ [1]).

Понятно, поэтому, что кругъ лицъ, составлявшихъ постоянное общество Павла Петровича и его супруги, былъ довольно ограниченъ [2]). Но въ этомъ небольшомъ кружкѣ время протекало свободно и весело.

Однимъ изъ любимѣйшихъ занятій придворнаго и высшаго общества XVIII вѣка были спектакли. Екатерина дѣятельно занималась своимъ эрмитажнымъ театромъ и сама писала для него пьесы. Точно также театральныя представленія были очень часты и при маломъ дворѣ, съ тѣмъ только, что въ этихъ представленіяхъ принимали участіе любители, что и придавало имъ особенную прелесть и служило къ оживленію гатчинскаго общества.

Главнымъ распорядителемъ домашнихъ спектаклей при маломъ дворѣ былъ графъ Григорій Ивановичъ Чернышовъ [3]), сынъ вице-президента адмиралтействъ-коллегіи, графа Ивана Григорьевича. Онъ былъ не только актеромъ-любителемъ, но и довольно плодовитымъ составителемъ пьесъ для гатчинскаго театра. Всѣ пьесѣ писаны имъ были по-французски и нѣ-

[1]) Разсказъ Сестренцевича у Морошкина, Іезуиты въ Россіи. Спбгъ, 1867, I, 208.

[2]) Oberkirch, II, 5.

[3]) Екатерина считала его интриганомъ. Храповицкій, подъ 4 сентября 1788 г.

которыя въ стихахъ и впослѣдствіи изданы имъ были подъ заглавіемъ: „Théâtre de l'arsenal de Gatchina“.

Другимъ придворнымъ авторомъ малаго двора былъ Лафермьеръ, съ 1768 года находившійся при Павлѣ Петровичѣ въ должности библіотекаря, секретаря и лектора. Онъ сочинилъ двѣ оперы: „Le faucon“ и „Don Carlos“, которыя съ успѣхомъ и всевозможною пышностью разыграны были на Каменномъ островѣ и въ Павловскѣ [1]).

Изъ прочихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ представленіяхъ, извѣстны графъ Аполлосъ Аполлосовичъ Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи предавшійся естествоиспытанію и умершій во время ученаго путешествія по Грузіи, князь Павелъ Михайловичъ Волконскій, князь Николай Алексѣевичъ Голицынъ, владѣлецъ знаменитаго села Архангельскаго, гдѣ домъ былъ имъ построенъ по планамъ, присланнымъ ему Павломъ Петровичемъ изъ Италіи [2]) и, наконецъ, любимецъ Цесаревича, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Вадковскій. Товарищъ дѣтскихъ игръ великаго князя, Вадковскій долгое время первенствовалъ при немъ, по выраженію современника, по комнатнымъ дѣламъ. Павелъ Петровичъ былъ очень высокаго о немъ мнѣнія, находя, что это человѣкъ съ такими отмѣнными дарованіями, что нѣтъ той должности въ свѣтѣ, которую бы ему поручить нельзя было [3]).

Женскія роли исполняли Екатерина Ивановна Нелидова, воспитанница перваго выпуска Смольнаго института и фрейлина Маріи Ѳедоровны, и еще двѣ смольнянки, жившія при дворѣ Цесаревича: Варвара Николаевна Аксакова, вышедшая замужъ за Шаца, ротмистра кираспрскаго Цесаревича полка и Евгенія Сергѣевна Смирная, вышедшая замужъ за князя Ивана Михайловича Долгорукаго.

Этотъ князь Долгорукій, въ то время молодой семеновскій офицеръ, нынѣ забытый русскій писатель, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ гатчинскаго драматическаго круж-

[1]) Ср. письмо Лафермьера въ А. к. В., XXIX, 271.
[2]) Серчевскій, Записки о родѣ князей Голицыныхъ. Спбгъ, 1853, 219.
[3]) Записки Гарновскаго. Р. С., 1876, XVI, 3 и 7.

ка [1]). Одаренный сценическимъ талантомъ, онъ развилъ его подъ руководствомъ актера Офрена и капельмейстера Бортнянскаго и пріобрѣлъ нѣкоторую въ Петербургѣ извѣстность, играя на домашнихъ спектакляхъ княгини Барятинской (рожденной принцессы Голштейнъ-Бекъ). Первый дебютъ его въ Гатчинѣ произошелъ слѣдующимъ образомъ: въ 1784 году Марія Ѳедоровна готовила сюрпризъ своему супругу, ко дню его рожденія: предположено было разыграть драму „l'honnête criminel", въ которой есть роль престарѣлаго отца. Никому изъ молодыхъ людей исполненіе этой роли не нравилось и княгиня Барятинская предложила Маріи Ѳедоровнѣ пригласить для этой роли князя Долгорукаго. Великая княгиня изъявила на это согласіе; Долгорукій пріѣхалъ въ Гатчину и дабы Павелъ Петровичъ не догадался, увидя Долгорукаго, о готовившемся сюрпризѣ, его помѣстили въ квартирѣ смотрителя гатчинскаго дворца, маіора Ермолая Ивановича Бенкендорфа, гдѣ онъ прожилъ цѣлую недѣлю, выходя только на репетиціи, которыя дѣлались послѣ ужина, когда всѣ расходились, будто бы, спать. „Долго помнилъ я потомъ, разсказывалъ впослѣдствіи князь Долгорукій, ту комнату, въ которой училъ свою роль по цѣлымъ суткамъ, тотъ картофель, которымъ кормился, и ту, въ три сажени длины, ужасную нѣмку, жену Бенкендорфа [2]), которая меня имъ подчивала".

Но этотъ искусъ, который претерпѣлъ князь Долгорукій, былъ вознагражденъ успѣхомъ, который онъ имѣлъ на сценѣ и который открылъ ему доступъ въ общество Цесаревича

Въ это время Павелъ Петровичъ не принималъ уже лично участія въ театральныхъ представленіяхъ, но любезный, умный, насмѣшливый, не чуждался общества и былъ любителемъ театра и всякой забавы. Однажды приготовляли къ постановкѣ на гатчинской сценѣ оперетку „Rose et Colas". Роль любовника игралъ князь Долгорукій, а роль Розы—Не-

[1]) Нашъ разсказъ о гатчинскихъ театральныхъ представленіяхъ основанъ на книгѣ князя Долгорукаго „Капище моего сердца".

[2]) Урожденная Бревернъ.

лидова. Въ опереткѣ этой есть извѣстная арія: „c'est ici que Rose respire“. Долгорукій пѣвалъ ее изрядно. Въ одномъ куплетѣ, когда Colas въ восторгѣ цѣлуетъ веретено и прясло своей возлюбленной, есть восклицаніе: „que je la baise (т. е. la quenouille) et cette chaise, — ici tout, tout est charmant“. Павелъ Петровичъ хаживалъ на репетиціи оперетки и послѣ одной изъ репетицій, входитъ на сцену, подзываетъ Долгорукаго и говоритъ ему „мнѣ кажется ты въ одномъ пунктѣ своей аріи не такъ слова произносишь“. Когда же Долгорукій, въ оправданіе, повторилъ арію, Павелъ Петровичъ остановилъ его на приведенныхъ словахъ: „вотъ гдѣ ошибка; ce n'est pas comme cela qu'il faut chanter: il faut dire: que je la baise sur cette chaise“, относя слова, принадлежащія къ веретену, къ той, которая за него садилась. Сказавъ это, Павелъ Петровичъ разсмѣялся, Долгорукій также, и оба пошутили надъ Нелидовою, которая дѣйствительно мало походила на Розу, ибо, по словамъ Долгорукаго, была „лицомъ отмѣнно дурна и черна какъ жукъ“.

Даже небольшіе подарки, которые хозяева Гатчины раздавали иногда своимъ гостямъ-актерамъ, раздавались имъ въ оригинальной формѣ. Однажды имъ розданы были перстни: дамамъ съ вензелемъ Маріи Ѳедоровны, а мужчинамъ съ вензелемъ Павла Петровича. Для этого былъ приглашенъ въ Гатчину фокусникъ, забавлявшій всѣхъ опытами замѣчательной ловкости и проворства. По окончаніи представленія, онъ выпустилъ девять щегленковъ, изъ которыхъ каждый сѣлъ на плечо къ тому, къ кому онъ несъ во рту подарокъ.

Если къ числу лицъ, которыхъ мы поименовали, прибавить Ш. К. Ливенъ и ея дочь [1]), Вилламову, Бенкендорфъ, Николаи и С. И. Плещеева, то кажется ими и ограничится весь составъ гатчинскаго общества. Лица, часто посѣщавшія его, не пользовались благоволеніемъ Императрицы. Когда происходилъ выборъ кавалеровъ для великихъ князей Александра

[1]) Въ 1785 году фрейлина Борщова вышла замужъ за Ховена и на ея мѣсто назначена, 28 марта, дѣвица Мина фонъ-Ливенъ. Прил. къ К. Ф. журналу 1785 г., стр. 34.

и Константина, и Цесаревичемъ представлены были кандидатами Плещеевъ и полковникъ Поликарповъ, то Екатерина отклонила ихъ назначеніе, сказавъ: „сіи люди нужны Его Высочеству, да сверхъ сего они великіе въ свѣтѣ знатоки, и болѣе знаютъ, нежели подобаетъ знать кавалерамъ, назначаемымъ къ молодымъ воспитанникамъ“ [1]).

Кромѣ сценическихъ представленій, играли въ Гатчинѣ во всевозможныя игры, не исключая и свайки. Молодые люди при этомъ узнавали другъ друга, сближались между собою. Долгорукій наивно разсказываетъ, что когда до него доходила, во время игры въ жмурки, очередь ловить съ завязанными глазами, онъ все искалъ дѣвицу Смирную, въ которую былъ влюбленъ, а ему все попадалась дѣвица Гартфельдъ, фрейлина принцессы виртембергской, потому что принцесса изволила ее подталкивать въ его объятія; однако онъ ускользнулъ отъ этой напасти: Гартфельдъ была нѣмочка непригожая и въ лѣтахъ.

Кромѣ спектаклей, время посвящаемо было въ Гатчинѣ чтенію. Литературный кореспондентъ Павла Петровича, извѣстный критикъ Лагарпъ, а затѣмъ Бленъ де-Сенъ-Моръ постоянно доставляли ему свѣдѣнія о новостяхъ французской словесности и литературные интересы прочно привились при маломъ дворѣ. Надзирательница при дочеряхъ великой княгини, Вилламова, испытывала свои силы во французской литературѣ и едва ли справедливъ отзывъ Екатерины про Марію Ѳедоровну: что „sie liest viel, auch was sie vielleicht nicht versteht“ [2]).

Марія Ѳедоровна обладала замѣчательнымъ художественнымъ талантомъ: она очень любила музыку, прекрасно рисовала, занималась, подъ руководствомъ Леберехта, медальернымъ искусствомъ, рѣзала на твердыхъ камняхъ и на кости, работала на токарномъ станкѣ. Многія изъ сохранившихся ея произведеній свидѣтельствуютъ о несомнѣнной ея даровi-

---

[1]) Записки Гарновскаго, Р. С., XV, 707.
[2]) Письма къ Гримму, С. Р. И. О., XXIII, 659.

тости и имя ея должно занять не послѣднее мѣсто въ спискѣ русскихъ художниковъ.

Было бы, кажется, излишне повторять, что Марія Ѳедоровна служила образцомъ супружеской и семейной добродѣтели. Безгранично преданная мужу, она была ему другомъ и совѣтникомъ въ трудныя минуты его жизни. Среди общества, нравы котораго не отличались строгостью, свѣтлый образъ Маріи Ѳедоровны остался недоступнымъ даже злословію [1]).

Эти высоконравственныя черты Маріи Ѳедоровны не нравились Екатеринѣ. Шутливо сообщая Гримму предположенія о будущей судьбѣ дочерей Маріи Ѳедоровны, Екатерина говоритъ: „мнѣ бы хотѣлось назвать всѣхъ ихъ, хотя бы народилось ихъ десять, именемъ Маріи. Тогда, мнѣ кажется, онѣ будутъ держать себя прямо, заботиться о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣсть за четверыхъ, благоразумно выбирать книги для чтенія и напослѣдокъ изъ нихъ выйдутъ отличныя гражданки для какой угодно страны“. Нельзя не согласиться съ г. Бартеневымъ, что въ этихъ строкахъ чувствуется самолюбивая, державная свекровь, съ оттѣнкомъ злорадства относившаяся къ семейнымъ доблестямъ невѣстки, коими судьба обдѣлила ее самое [2]).

Прискорбное существованіе фаворитовъ, тяжело отзывавшееся на положеніи Павла Петровича, причиняло и Маріи Ѳедоровнѣ тяжелыя минуты.

25 іюня 1784 года умеръ фаворитъ А. Д. Ланской, къ которому Екатерина была очень привязана. Здоровье его, при употребленіи кантаридъ, не выдержало пятилѣтняго исполненія обязанностей фаворита [3]). Смерть его тяжело на нее подѣйствовала [4]). „Здоровье Ея Величества, писалъ Безбородко князю Потемкину 28 іюня, продолжаетъ быть въ такомъ состояніи, какъ я доносилъ вашей свѣтлости послѣднимъ моимъ

[1]) Даже такой писатель какъ Массонъ, I, 330, съ негодованіемъ опровергаетъ разсказъ извѣстнаго Мирабо въ его Histoire secrète de la cour de Berlin. Paris, 1789, I, 168.

[2]) Р. А., 1878, IX, 51.

[3]) Р. А. 1886, № 3, стр. 244 и слѣд.

[4]) См. письмо къ Гримму, 2 іюля 1784. С. Р. И. О., XXIII, 316.

письмомъ. Кровопусканіе вчерашнее сдѣлало, кажется, облегченіе. Изъ выпущенной крови первыя двѣ чашки были чрезвычайно инфламированныя. Боль въ горлѣ еще не проходитъ, но, по увѣренію Рожерсона, она не опасна. Сію ночь проводила Ея Величество весьма безпокойно, чувствовала вѣтры и стѣсненіе въ груди; съ помощію лекарства, обыкновенно ею въ такихъ случаяхъ употребляемаго, боль сія утушена была; сегодня поутру приняла соль для очищенія груди и желудка. Рожерсонъ увѣряетъ, что при извѣстномъ Ея Величества отъ пищи воздержаніи, физическое состояніе вскорѣ поправится; но нужнѣе всего находитъ стараться объ истребленіи печали и всякаго душевнаго безпокойства, кои и понынѣ въ самой высшей степени продолжаются. Къ сему одно намъ извѣстное есть средство—скорѣйшій пріѣздъ вашей свѣтлости, прежде котораго не можемъ мы спокойны быть. Государыня меня спрашивала, увѣдомилъ ли я васъ о всемъ прошедшемъ, и всякій день навѣдывается сколь ожидать васъ возможно. По сію пору еще Ея Величество, кромѣ великаго князя, великой княгини, Н. И. Салтыкова, графа А. П. Шувалова и меня, никого къ себѣ допускать не изволитъ; большею же частію хочетъ все одна оставаться. Погребеніе вчера по утру въ городѣ Софіи совершено. Сколько мы ни старались отправить его, взявъ всѣ распоряженія на себя и не о чемъ не докладывая, но безпрерывно о томъ выспрашивали, и сіе только умножало болѣе печаль“ [1]).

Екатерина воздвигла надъ могилою Ланскаго церковь, а Марія Ѳедоровна нарисовала его портретъ [2]), который съ этого рисунка вырѣзанъ былъ Валькеромъ.

Князь Потемкинъ, находившійся въ то время на югѣ, по дѣлу о присоединеніи Крыма, поспѣшилъ пріѣхать въ Петербургъ. „Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя, разсказываетъ адъютантъ его Энгельгардтъ [3]); потерею любимца своего она огорчилась; на нѣкоторое время при дворѣ останов-

[1]) Григоровичъ С. Р. И. О., 281.
[2]) Жизнь Маріи Ѳедоровны. Москва, 1829, 61.
[3]) Энгельгардтъ, 54—58. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ 1784 г. о Потемкинѣ упоминается въ первый разъ подъ 14 іюля.

лены были увеселенія. Въ придворной церкви у обѣдни, сколько молодыхъ людей вытягивались, кто сколько нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну. Частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ они были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и не получившіе тщательнаго образованія. Наконецъ выборъ палъ на гвардіи офицера А. П. Ермолова. Касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, особливо въ сравненіи съ прежними фаворитами, а еще болѣе съ послѣднимъ Ланскимъ; тотъ былъ большаго роста, станъ имѣлъ прекрасный, мужественный, черты лица правильныя, цвѣтъ лица показывалъ здороваго и крѣпкаго сложенія человѣка, а Ермоловъ былъ женоподобенъ, умомъ же не превосходилъ послѣдняго, котораго считали не слишкомъ дальновиднымъ. Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивъ облегченіе, пріѣхалъ къ князю и увѣдомился, что Мамоновъ пожалованъ былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, а на мѣсто его взятъ въ адъютанты Ермоловъ и живетъ во дворцѣ, въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему знакомиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: „какъ прикажете о себѣ доложить?“ Я былъ столько простъ, что не догадался, къ чему готовится мой товарищъ и сказалъ: „что это за странность, что безъ доклада войти не можно?“. Однакожъ далъ время о себѣ доложить. Ермоловъ принялъ меня очень вѣжливо, но свысока; я простодушно рекомендовалъ себя въ его знакомство. Онъ былъ знакомъ съ моею матерью въ Москвѣ и считалъ за милость, что она его хорошо принимала, почему обошелся со мною ласково и обѣщалъ при случаѣ оказывать мнѣ свои услуги.

„Князь Потемкинъ приготовилъ большой праздникъ въ аничковскомъ своемъ домѣ, или, лучше сказать, павильонѣ. Въ день сего великолѣпнаго маскарада, приказано было всему его свѣтлости штату быть въ мундирахъ легкой конницы и шарфахъ. Собравшись еще до пріѣзда князя, увидѣлъ Ермолова въ драгунскомъ мундирѣ и въ башмакахъ; по добро-

душію своему, подошедъ къ нему, сказалъ: „Александръ Петровичъ, развѣ вы не знаете, что велѣно всѣмъ намъ быть въ мундирахъ легкой конницы, въ сапогахъ и въ шарфахъ?“ —Я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, но думаю, что его свѣтлость на мнѣ не взыщетъ.—„Остерегитесь, лучше поѣзжайте домой и переодѣньтесь“.—Не безпокойтесь, сказалъ онъ, однакожъ не менѣе я вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ доброе расположеніе. Вскорѣ его свѣтлость пріѣхалъ, и представьте себѣ мое удивленіе, когда онъ взялъ Ермолова подъ руку и сталъ ходить съ нимъ по залѣ, чего онъ и самыхъ знатныхъ бояръ не удостоивалъ.

„Когда всѣ съѣхались, прибыла Императрица съ великими князьями и сѣла играть въ карты, а Ермолова поставили отъ нея шагахъ въ четырехъ впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ Государыни. Тогда только я догадался, къ чему сего адъютанта готовили.

„На другой день новый фаворитъ занялъ во дворцѣ обыкновенныя компаты, гдѣ они пребывали; пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ и станиславскимъ кавалеромъ, чрезъ нѣсколько дней генералъ-маіоромъ и кавалеромъ Бѣлаго орла [1]). Таковъ былъ ходъ всѣхъ фаворитовъ!“

Но Ермоловъ не былъ рожденъ для выпавшей на его долю дѣятельности. „Онъ человѣкъ весьма изрядный, писалъ Безбородко 8 іюля 1785 г., благонравный, незаносчивый, развѣ избалуется. Онъ радъ искать знакомства и обхожденія съ людьми серьезными и знающими. Я боюсь только, чтобы тихій его нравъ, отвращеніе отъ рѣзвости и нѣсколько строгое наблюденіе декорумъ, а притомъ подозрѣваемая въ немъ ревность, свойства отчасти сходныя съ свойствами П. В. Завадовскаго, не сократили фаворъ его. Публика здѣшняя, видя, что онъ себя не слишкомъ впередъ выдвигаетъ и не лжетъ ни на кого, говоритъ, что онъ при дворѣ не ловокъ; но мнѣ кажется, его за сіе хвалить должно. Ермоловъ продолжаетъ вести себя весьма пристойно и нимало не похожъ на сво-

[1]) О Ермоловѣ впервые упоминается въ К. Ф. Ж. подъ 22 апрѣля 1785 г., а маскарадъ у Потемкина былъ 27 февраля.

ихъ антецессоровъ", сообщаетъ Безбородко въ другомъ письмѣ 3 марта 1786 года [1]).

Дѣйствительно, Ермоловъ, котораго Потемкинъ прозвалъ „бѣлымъ арапомъ", оказался при дворѣ не ловокъ и случай его продолжался менѣе полутора года [2]).

Лѣтомъ 1786 года А. П. Ермоловъ отпущенъ былъ за границу и посѣтилъ, между прочимъ, Англію. „Pendant son court séjour dans ce pays, писалъ изъ Лондона графъ С. Р. Воронцовъ, j'ai tâché de lui faire toutes les prévenances possibles. J'ai été bien fâché qu'il a voulu se faire présenter à la cour; je lui avais dit que venant pour si peu de temps, cela ne méritait pas la peine; mais il l'a voulu absolument, ce qui a occasionné des commérages de la part du roi et de la reine, qui sont tous les deux fort commères. Le roi, quelque temps après cette présentation, avait voulu plaisanter avec moi sur son compte; mais j'ai fait semblant de ne pas comprendre et j'ai pris un air si sérieux que je l'ai dégouté et l'ai forcé de changer de discours; mais je sais qu'avec d'autres, lui et sa chère épouse, qui est fort méchante, ils se sont moqués de M. Ermolow et de l'Impératrice. Le roi a surtout trouvé ridicule que dans deux ans, sans servir, on puisse devenir chez nous de sergent général-major. Il est vrai que cela saute aux yeux dans un pays où on n'est général qu'à force de vieillesse et après avoir servi 30 ans au moins. Au reste, je trouve M. Ermolow un fort bon homme, très-peu instruit, mais assez modeste, de manière qu'excepté à la cour il ne m'a embarassé nulle part" [3]).

Но не только въ Англіи, въ самой Россіи современниковъ поражало быстрое возвышеніе новыхъ и щедрое награжденіе старыхъ фаворитовъ.

---

[1]) А. к. В., XIII, 82 и 111.

[2]) Ермоловъ уѣхалъ за границу 16 іюля 1786 года. (Храповицкій и С. Р. И. О., XXVII, 372). Но еще въ декабрѣ 1785 г. М. С. Потемкинъ писалъ: что „о Ермоловѣ много слуховъ, только не самовѣрны, что его женятъ". Р. А. 1879, II, 186. О пожалованіи ему Бѣлаго Орла, см. рескриптъ Стакельбергу 17 іюня 1786 г. въ Р. С., III, 476.

[3]) А. к. В., IX, 109.

„Ты, можетъ быть, уже знаешь, писалъ Н. А. Львовъ Державину 26 іюля 1786 года [1]), что А. П. Ермоловъ поѣхалъ въ чужіе края, что ему дано 4,300 душъ, 130,000 рублей денегъ и сервизъ; можетъ быть и то знаешь, что гвардіи офицеръ Мамоновъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. А если не знаешь—такъ знай". И Державинъ понялъ, что значило это назначеніе Мамонова. Другой современникъ разсказываетъ такъ о его случаѣ [2]). „Потемкинъ рекомендовалъ Мамонова; онъ былъ прекрасный мужчина, ловкой, статной и въ нѣсколько дней Мамоновъ явился у двора флигель-адъютантомъ". Возвышеніе Мамонова шло очень быстро. „Графиня С. В. Скавронская пріѣхала сюда, писалъ Циціановъ 3 сентября 1786 г. [3]); княземъ Потемкинымъ очень хорошо принята, или, лучше сказать такъ, какъ прежде была любимою племянницею, и недѣли двѣ тому пожалована статсъ-дамой [4]). Я думаю, что такой молодой статсъ-дамы никогда или рѣдко бывало, и, по своей догадкѣ, я считаю что А. М. Мамоновъ много участвовалъ въ ономъ, для того, что она нѣкогда выпроспла его изъ сержантовъ въ флигель-адъютанты къ князю. Потомъ Мамонова отецъ пожалованъ въ сенаторы съ старшинствомъ, а въ александровъ день кавалеромъ того ордена; сынъ его въ корнеты кавалергардскаго корпуса, то есть въ генералъ-маіоры. Ты знаешь мою съ нимъ связь; ты самъ знаешь, какъ я о немъ хлопоталъ, какъ онъ былъ сержантомъ; совсѣмъ тѣмъ я не только, по наружности, не отличенъ отъ другихъ, но еще и наравнѣ долженъ ѣздить, и для того, что онъ пеняетъ, если два дни пропущу, и для того, чтобъ не счелъ, что я сержусь за то, что онъ не помогаетъ, а ѣздить духа нѣтъ; лесть и подлость таковыхъ бояръ (хотя и новопроизведенныхъ бояръ) окружаетъ". И этотъ юноша, котораго камердинеръ Екатерины, извѣстный Захаръ Зотовъ, фамиліарно называлъ „паренькомъ", возбуждалъ ревность Екатерины.

[1]) Державинъ, V, 521. Письмо Циціанова 24 іюля въ Р. А. 1872, III, 2145.
[2]) Долгорукій, 109.
[3]) Р. А. 1872, III, 2147.
[4]) Пожалована статсъ-дамою 17 августа 1876 г.

Однажды въ концѣ 1786 года, случилось, что Мамоновъ поднесъ Государынѣ купленные ею тысячъ въ 30 руб. серьги, въ то время, когда Государыня съ великимъ княземъ и великою княгинею разговаривала. Государыня, взявъ серьги отъ Мамонова и показавъ ихъ великой княгинѣ, спросила ее: „Madame, comment les trouvez—Vous“, и какъ онѣ великой княгинѣ весьма поправились, то и были подарены ея высочеству. Великая княгиня была чрезвычайно рада, благодарила Императрицу и тотчасъ, снявъ старыя серьги, вложила новыя. Это было передъ обѣдомъ въ воскресенье. Послѣ обѣда великая княгиня приказала звать Мамонова на другой день къ себѣ. Мамоновъ просилъ на сіе позволенія у Ея Величества, но Государыня была симъ крайне недовольна и сказала: „ты! къ великой княгинѣ? зачѣмъ? Ни подъ какимъ видомъ! Какъ она смѣла тебя звать“.

Послѣ сего, призвавъ графа В. П. Мусина-Пушкина, Екатерина приказала ему: поди тотчасъ къ великой княгинѣ, — скажи, какъ она смѣла звать Александра Матвѣевича къ себѣ? зачѣмъ? чтобъ этого впредь не было“.

Марія Ѳедоровна такъ сильно была этимъ огорчена, что горько плакала и, наконецъ, занемогла. Послѣ сего прислана была отъ великаго князя въ подарокъ Мамонову прекрасная, осыпанная брилліантами, табакерка, которую онъ показалъ Екатеринѣ. Государыня, посмотрѣвъ оную, сказала: „ну, теперь ты можешь идти благодарить великаго князя, но съ графомъ Валентиномъ Платоновичемъ, а не одинъ“. Однако же великій князь отъ принятія сего визита отказался [1]).

Въ другой разъ, въ екатерининъ день 1788 года, Императрица была невесела: при выходѣ къ лицамъ, ожидавшимъ ее въ уборной, застала она графа Мамонова въ разговорахъ съ великою княгинею. Ревность и досада имѣли сильныя свои дѣйствія, но прошло все, слава Богу, благополучно [2]).

---

[1]) Записки Гарновскаго 14 декабря 1787. Р. С., 1876, XV, 17.

[2]) Тамъ же, XVI, 233.

XXIII.

Тихая и счастливая супружеская жизнь Маріи Ѳедоровны съ Павломъ Петровичемъ служила рѣзкимъ контрастомъ жизни ея брата, принца Фридриха виртембергскаго, пріѣхавшаго въ Петербургъ, какъ сказано выше, въ 1782 году, вмѣстѣ съ своею женою, принцессою Августою.

Почти весь 1783 годъ принцъ Фридрихъ провелъ въ Херсонѣ, при арміи князя Потемкина, гдѣ онъ командовалъ дивизіею и былъ временнымъ губернаторомъ Херсона. Онъ былъ охотникъ служить, но къ сожалѣнію, написалъ своему тестю, принцу брауншвейгскому, что будто бы онъ одну часть Херсона охранилъ отъ чумы, а другую—не могъ, но что впрочемъ съ корпусомъ своимъ цѣлъ остался [1]). Письмо это, почему то сдѣлавшееся извѣстнымъ Екатеринѣ, возстановило ее противу принца; она увидѣла въ его словахъ, и не безъ основанія, нѣкоторое хвастовство.

Въ концѣ 1783 года принцъ вернулся къ исправленію должности финляндскаго генералъ-губернатора и 21 января 1784 года открылъ, съ надлежащимъ торжествомъ, засѣданія въ выборгскомъ намѣстническомъ правленіи и въ палатахъ, по новому учрежденію о губерніяхъ [2]).

---

[1]) Письма Екатерины къ Потемкину 20 іюля и 16 октября 1874. С. Р. И. О., XXVII, 270 и 277. Ср. Воспоминанія Вигеля. Москва, 1864, I, 30—32.

[2]) П. С. З. XXII, № 15921.

Принцесса Августа, по словамъ Екатерины, которая постоянно называла ее Зельмирой [1]), не произвела въ Петербургѣ пріятнаго впечатлѣнія; никто не могъ составить о ней опредѣленнаго мнѣнія, потому что она постоянно мечтала и никогда не раскрывала рта.

Въ первое время Екатерина, кажется, была одинаково расположена какъ къ принцу, такъ и къ принцессѣ. Ему пожаловала она аренду въ Финляндіи, а ей екатерининскій орденъ и большой домъ въ Петербургѣ [2]), но, мало по малу, отношенія ея къ принцу Фридриху измѣнились. Во вниманіи, которое ему оказывали нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Павлу Петровичу лицъ, она видѣла желаніе ихъ угодить Маріи Ѳедоровнѣ. Однажды князь Н. В. Репнинъ былъ приглашенъ къ ея столу вмѣстѣ съ принцемъ Фридрихомъ. Идя въ комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ, князь Репнинъ желалъ въ дверяхъ пропустить впередъ принца. Принцъ, потому что былъ чиномъ моложе Репнина, не хотѣлъ пройти первымъ, но видя, что Репнинъ не идетъ, а Императрица дожидается, прошелъ первымъ и сѣлъ возлѣ нея. За обѣдомъ Екатерина разговаривала съ принцемъ, а Репнину не сказала ни слова. Вечеромъ она позвала Репнина и сказала ему: „зачѣмъ вы сперва пустили принца; вы генералъ-аншефъ и старше его; вы должны были пройти первый. Это потому, что онъ братъ великой княгини? Я этихъ подлостей не люблю“ [3]).

Затѣмъ Екатерина рѣшительно взяла сторону принцессы въ ея несогласіяхъ съ мужемъ, которыя возобновились съ возвращеніемъ его изъ южной арміи въ концѣ 1783 года [4]).

---

[1]) Въ письмахъ къ Гримму, С. Р. И. О., XXIII, изъ которыхъ заимствованы нѣкоторыя подробности настоящаго разсказа.

[2]) Письмо Екатерины къ Маріи Ѳедоровнѣ 4 сентября 1784. С. Р. И. О., XV, 17. Указъ о пожалованіи дома, купленнаго у графа Скавронскаго, въ Моховой, отъ 27 января 1785 въ С. Р. И. О., XXVII, 349. Домъ этотъ устраивалъ Львовъ. См. сочиненія Хемницера, изд. Гротомъ, стр. 69.

[3]) Разсказъ кн. С. М. Голицына. Р. А., 1869, IV, 639.

[4]) Въ письмахъ своихъ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ изъ путешествія въ Фридрихсгамъ, для свиданія съ шведскимъ королемъ въ іюнѣ 1783, Екатерина постоянно передаетъ поклоны принцессѣ, въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Р. С., 1873, VIII, 654 и слѣд. или С. Р. И. О., XV, 2 и слѣд.

Причины этихъ несогласій объяснить трудно. Сохранилось, впрочемъ, свѣдѣніе, что принцесса Августа была кокетка и женщина непослѣдовательная и что мужъ ея вынужденъ былъ неоднократно давать ей совѣты и предостереженія. Но какъ бы то ни было, семейныя ихъ несогласія дошли до того, что въ апрѣлѣ 1785 года между супругами произошла страшная сцена: принцъ билъ свою жену, таскалъ ее за волосы, и наконецъ, заперъ ее подъ ключъ въ отдѣльную комнату. Тогда Екатерина приказала принцу отправиться къ мѣсту его служенія, въ Выборгъ, гдѣ онъ пробылъ, впрочемъ, только два мѣсяца. Уже въ это время Екатерина подумывала о томъ, чтобы возвратить принца въ Виртембергъ, но не желая отпустить съ нимъ его жену, вошла въ переговоры съ ея отцомъ объ устройствѣ ея будущности. Пока шли переговоры, принцесса, въ сентябрѣ того же года, отправилась вмѣстѣ съ мужемъ въ Выборгъ, гдѣ должна была быть привита ея дѣтямъ оспа. Здѣсь между ними установилось нѣкоторое согласіе, которое продолжалось и послѣ ихъ возвращенія въ Петербургъ, въ ноябрѣ того же года [1]).

Но это было затишье передъ бурею. Въ слѣдующемъ году рѣшенъ былъ отъѣздъ Императрицы Екатерины, на продолжительное время, на югъ, для обозрѣнія пріобрѣтенныхъ отъ Турціи мѣстностей. Вѣроятно принцесса Августа опасалась остаться въ Петербургѣ съ мужемъ въ отсутствіе Екатерины и сдѣлала рѣшительный шагъ.

17 декабря 1786 г., послѣ спектакля въ эрмитажѣ, принцесса Августа прошла въ комнаты Императрицы, бросилась къ ея ногамъ и стала умолять о защитѣ отъ мужа. Она объявила, что не можетъ болѣе сносить обидъ и насилія, которыя могли усилиться по отъѣздѣ Императрицы. Екатерина оставила принцессу въ эрмитажѣ, гдѣ ей было отведено по-

[1]) Въ это время учрежденъ былъ за принцемъ нѣкотораго рода надзоръ. См. переписку Екатерины съ лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ Броуномъ объ адъютантѣ принца Гердорфѣ, въ Сборникѣ О. В., I, 403. Ср. о немъ С. Р. И. О., XXIII, 434, XXVII, 423 и XLII, 271 и 430, письмо къ Эку.

мѣщеніе и въ тотъ же вечеръ написала письмо принцу Фридриху, въ которомъ, увѣдомивъ его, что она дала его супругѣ убѣжище у себя и намѣрена отослать ее къ родителямъ, разрѣшала ему годовой отпускъ, совѣтовала какъ можно скорѣе имъ воспользоваться и освободила его отъ прощанья съ нею [1]).

Вслѣдствіе этого принцъ Фридрихъ немедленно покинулъ Петербургъ, взявъ съ собою и своихъ дѣтей.

Впрочемъ, въ то время ходили слухи, что принцъ Фридрихъ навлекъ на себя гнѣвъ Екатерины еще и какими-то сношеніями своими, въ бытность свою въ Выборгѣ, съ шведскимъ правительствомъ, о чемъ первое извѣстіе далъ Екатеринѣ шведскій полковникъ Спренгпортенъ, впослѣдствіи перешедшій въ русскую службу, и для повѣрки чего посланъ былъ въ Финляндію генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ [2]). Судя по негодованію, съ которымъ впослѣдствіи Екатерина отзывалась о принцѣ Фридрихѣ, можно думать, что въ этомъ слухѣ была извѣстная доля правды.

Это несчастное происшествіе причинило Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ большое огорченіе, въ особенности, отъ нескромности принцессы Августы, которая, какъ говорили, много поразсказала всего слышаннаго на вечерахъ у великаго князя, хотя тамъ большую всегда осторожность въ рѣчахъ употребляли и Павелъ Петровичъ этого чрезвычайно остерегался [3]).

Даже при удаленіи принца Фридриха, Павелъ Петровичъ явилъ себя почтительнымъ сыномъ. Когда послѣ описанной нами сцены въ эрмитажѣ, графъ В. П. Пушкинъ представилъ Павлу Петровичу, Маріи Ѳедоровнѣ и принцу Фридриху, что случилось вечеромъ, передъ самымъ ихъ ужиномъ,

---

[1]) Письмо это въ С. Р. И. О., XV, 26. Ср. письмо Екатерины къ Потемкину 18 декабря 1786. С. Р. И. О., XXVII, 395; Храповицкій, подъ 17 декабря; Oberkirch, II, 207.

[2]) Записки Гарновскаго, Р. С., XV, 19. Графъ Ангальтъ ѣздилъ въ Финляндію въ 1786 году, три раза. См. Анекдоты о графѣ Ангальтѣ 1789. Спбгъ, 40.

[3]) Записки князя Голицына. Р. А., 1874, 1327.

письмо Екатерины [1]), то принцъ усильно просилъ великаго князя о показаніи ему полученнаго имъ письма, къ чему и великая княгиня просьбу свою присовокупила. Однако же Павелъ Петровичъ отозвался такъ: „я—подданный россійскій и сынъ Императрицы россійской: что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому“. Сказавъ это, Павелъ Петровичъ удалился въ кабинетъ и приказалъ принца къ себѣ не допускать.

Желая поскорѣе заставить всѣхъ забыть объ этомъ дѣлѣ, Екатерина не оставила и принцессу Августу въ Петербургѣ. 30 декабря принцесса, въ сопровожденіи отставнаго егермейстера Польмана и состоявшей при ней г-жи Вильде, отправилась въ Ревель.

Польманъ, бывшій въ то время уже болѣе восьми лѣтъ въ отставкѣ, былъ нарочно вытребованъ въ Петербургъ изъ деревни, для сопутствованія принцессѣ въ Эстляндію. Екатерина хорошо знала Польмана, потому что въ теченіе долгаго времени онъ былъ главноуправляющимъ Царскимъ Селомъ.

Еще ранѣе этого несчастнаго событія, второй братъ Маріи Ѳедоровны, принцъ Людвигъ, причинилъ ей также не мало заботъ. Въ 1784 году влюбился онъ въ княжну Марію Анну Чарторижскую, дочь князя Алама, предводителя враждебной королю Станиславу партіи, и не дождавшись позволенія родителей и Императрицы Екатерины, къ которой они обратились за совѣтомъ, вступилъ съ нею въ бракъ 28 октября 1784 года. Бракъ этотъ былъ непріятенъ Екатеринѣ. Русскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Стакельбергъ, получилъ отъ Императрицы строгій выговоръ за недонесеніе о немъ и ему приказано было, наблюдая за поступками князя Чарторижскаго и его родственниковъ, стараться отвращать всякое дѣйствіе, которое бы могло клониться къ проложенію

[1]) Гарновскій, изъ записокъ котораго (Р. С., XV, 19), мы заимствовали этотъ разсказъ, говоритъ, что Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ были каждому особыя отъ Екатерины письма. Это, кажется, невѣрно и Екатерина адресовала имъ общее письмо. С. Р. И. О., XV, 25.

дороги ему, или новобрачному, къ выбору на престолъ польскій, въ случаѣ вакансіи онаго, ибо это отнюдь не согласовалось съ видами Екатерины [1]). Марія Ѳедоровна, несмотря на неблаговоленіе Екатерины, должна была, по любви къ брату, взять на себя старанія о примиреніи его съ родителями [2]). Заботы ея объ этомъ увѣнчались успѣхомъ, но къ сожалѣнію и бракъ принца Людвига былъ несчастливъ. Въ 1792 году онъ развелся съ женою.

Въ томъ же году, въ чинѣ генералъ-лейтенанта польскихъ войскъ, принцъ Людвигъ принялъ участіе, командуя дивизіею, въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, но уволенный по болѣзни въ отпускъ, въ іюнѣ того же 1792 года перешелъ въ прусскую службу [3]).

Здѣсь мы должны на время прервать послѣдовательность нашего изложенія и досказать судьбу принцессы Августы.

Отъѣзжая въ то время въ Крымъ, Екатерина не имѣла возможности окончательно устроить положеніе принцессы Августы. Лишь въ началѣ 1787 года получены ею были условія, на которыхъ отецъ ея, принцъ брауншвейгскій предполагалъ возможнымъ допустить разлученіе ея (amicabile divortium) съ мужемъ [4]).

Вполнѣ естественно, что отецъ принцессы Августы желалъ убѣдиться въ ея положеніи и узнать отъ нея самой причины ея несогласій съ мужемъ. Но были приняты мѣры къ тому, чтобы пресѣчь ей сношенія съ заграницею и когда ея отецъ прислалъ въ Россію своего агента Шредера, то этотъ послѣдній не былъ допущенъ до свиданія съ принцессою.

Впрочемъ принцесса была, повидимому, довольна пребываніемъ своимъ въ Эстляндіи. Зиму проводила она въ Ревелѣ,

---

[1]) Р. С., III, 324. Письмо Екатерины въ С. Р. И. О., XXVII, 344. Костомаровъ. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спбгъ 1870, 138.

[2]) Письмо ея къ баронессѣ Оберкирхъ, 17 декабря 1784. Oberkirch, II, 167.

[3]) С. Р. И. О., XLVII, по указ. Ср. тамъ же XVI, 328 и XLII, 252 и 325.

[4]) Часть переписки объ этомъ въ А. к. В., XII, 744. Письмо Екатерины къ Салтыкову 19 марта 1787. Р. А. 1864, 959.

лѣто въ замкѣ Лоде [1]). Переговоры Екатерины съ ея отцемъ и мужемъ не приводили ни къ какому результату, какъ вдругъ получено было въ Петербургѣ извѣстіе, что принцесса скончалась 16 сентября 1788 года.

Объ этой смерти ходило въ то время много разнообразныхъ и невѣрныхъ слуховъ. Говорили, что принцесса сослана была въ Сибирь, что она умерла неестественною, драматическою смертію [2]) и т. п. Статсъ-секретарь Екатерины, Храповицкій, въ своемъ безыскуственномъ дневникѣ, записалъ нѣсколько словъ Императрицы, уясняющихъ это событіе.

5 іюня 1788. Писали къ Польману и къ принцессѣ виртембергской и послали французскія книги. Она любитъ чтеніе и время проводитъ съ Польманомъ и его семьею; ежелибъ не было ему 60-ти лѣтъ, то бы его сочли ея любовникомъ. Не говорятъ ли сего? — Я не слыхалъ.

21 сентября 1788. Спрошенъ послѣ обѣда и посланъ на дачу къ графу Безбородкѣ, по случаю полученнаго по эстафетѣ увѣдомленія отъ Польмана о смерти принцессы виртембергской. Сказывали, что она умерла отъ остановившихся кровей; съ нею и прежде то случалось. Жаль ее. Осмѣлился сказать, что она, въ несчастіи своемъ, кромѣ Вашего Величества, иной защиты не имѣла.

10 октября 1788. Разговоръ о смерти принцессы виртембергской, и что нѣтъ отвѣта отъ Польмана на письмо Ея Величества отъ 21 сентября. Я сказалъ, что начинаютъ говорить о томъ въ городѣ, чаятельно, по слухамъ изъ Ревеля. Написали письма къ отцу ея и къ матери, поставя 23 сентября [3]).

19 ноября 1788. Спрошенъ послѣ обѣда для отправленія курьера къ Польману, съ тѣмъ, дабы онъ, по желанію родителей покойной принцессы, прислалъ обстоятельное описаніе

---

[1]) Замокъ этотъ принадлежалъ князю Орлову. Land-Rolle Esthlands Reval, 1776. Письма Екатерины къ Польману. Blum, II, 478, 544 и 557.

[2]) Переписку объ этомъ гр. С. Р. Воронцова, см. въ А. к. В., XVII, 397.

[3]) Письма эти отправлены были съ камергеромъ княземъ Путятинымъ, донесеніе котораго см. въ Р. А., 1879, I, 112.

о всемъ, относящемся къ болѣзни ея и преждевременной смерти [1]). Тутъ говорено о обоюдной ихъ другъ къ другу привязанности, очень похожей на любовь. Вопросъ у меня?—Здѣсь не было слышно, развѣ были рѣчи въ тѣхъ мѣстахъ, кои ближе, и притомъ г-жа Вильде должна знать. — Она не смѣетъ говорить и мнѣ только сказала, что когда онъ не велитъ, то и гулять не поѣдетъ.

Императрица Екатерина однажды замѣтила, что членамъ брауншвейгскаго дома, бывшимъ въ Россіи, судьба не благопріятствовала. Судьба была безжалостна и къ принцессѣ Августѣ. Проживъ четыре года въ Петербургѣ въ постоянной размолвкѣ съ мужемъ, она уѣхала въ Эстляндію и тамъ, вдали отъ родины и родныхъ, скончалась на чужихъ рукахъ. Простая гранитная плита въ убогой сельской церкви прихода Гольденбекъ, въ Лоде, указываетъ мѣсто ея вѣчнаго успокоенія.

[1]) Письмо Екатерины къ Безбородко. С. Р. И. О., XLII, 275.

XXIV.

Обстоятельства, сопровождавшія отъѣздъ принца Фридриха виртембергскаго изъ Петербурга, въ декабрѣ 1786 года, тяжело подѣйствовали на Павла Петровича и Марію Ѳедоровну. До новаго (1787) года они изъ своихъ покоевъ никуда не выходили, да и къ себѣ, кромѣ графа Мусина-Пушкина и г-жи Бенкендорфъ, никого не допускали. Марія Ѳедоровна заболѣла [1]).

Въ это же время другое обстоятельство заставило трепетать ихъ родительскія сердца.

Императрица Екатерина приготовлялась къ своему таврическому путешествію. Кромѣ многочисленной свиты, которая должна была ее сопровождать, она намѣрена была взять съ собою и своихъ внуковъ, Александра и Константина Павловичей. Воспитатель ихъ, Н. И. Салтыковъ, дѣлалъ приготовленія къ ихъ поѣздкѣ, и только по этимъ приготовленіямъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна узнали о предполагаемомъ отъѣздѣ сыновей. Екатерина хранила объ этомъ предъ ними молчаніе [2]).

Тогда Павелъ Петровичъ и его супруга обратились къ Екатеринѣ съ письмомъ, въ которомъ умоляли ее оставить

---

[1]) Записки Гарновскаго, январь 1787, Р. С., 1876, XV, 19. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. Воронцову 1 января 1787, А. к. В., XXI, 468.

[2]) Oberkirch, II, 207; Григоровичъ, С. Р. И. О., XXVI, 231.

сыновей при нихъ. Они указывали на то, что долгій и притомъ зимній путь могъ ихъ утомить, что они еще не испытали свойственныхъ ихъ возрасту болѣзней и что предположенная поѣздка и соединенныя съ нею развлеченія могли бы задержать успѣхи ихъ ученія.

На эту просьбу послѣдовалъ отказъ.

Тогда Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна обратились къ Екатеринѣ съ другою просьбою: дозволить имъ вмѣстѣ съ ихъ сыновьями сопровождать ее въ путешествіи, хотя бы только до Кіева.

Но и на эту просьбу послѣдовалъ отзывъ не только непріятный, но даже неудовольствіе [1]).

Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ оставалось одно только средство повліять на рѣшеніе Императрицы, средство, которое должно было быть тяжело Наслѣднику престола и его супругѣ, — обратиться ко всемогуществу Потемкина. Но любовь ихъ къ дѣтямъ была такъ велика, что они рѣшились и на это средство. Письма ихъ, отправленныя 16 декабря [2]), пришли, однако, по назначенію поздно и Потемкинъ, бывшій въ то время въ Симферополѣ, отвѣтилъ 7 января 1787 г., что по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ не оставитъ употребить все, что въ его возможности будетъ, съ крайнею осторожностью, чтобы не прогнѣвать Императрицу и тѣмъ не нанести Павлу Петровичу непріятности.

Между тѣмъ молодые великіе князья заболѣли и Екатерина принуждена была оставить ихъ въ Петербургѣ.

6 января 1787 года, наканунѣ дня своего отъѣзда, Императрица была противу обыкновенія молчалива и задумчива. Ее огорчала невозможность взять съ собою внуковъ. Екатерина, какъ замѣтилъ графъ Сегюръ, пріѣхавшій въ этотъ день въ Царское Село для сопутствованія ей въ ея путешествіи, ощущала то, что обыкновенно ощущаютъ люди,

[1]) Эти четыре письма (sine dato), въ Р. С., 1873, VIII, 662—666 или С. Р. И. О., XV, 37—41.

[2]) Письмо Павла Петровича къ Потемкину, въ Р. С., 1873. VIII, 666 отвѣтъ Потемкина, тамъ же, 668; письмо Маріи Ѳедоровны къ Потемкину, въ Р. А., 1879, I, 369.

которымъ судьба постоянно благопріятствовала: малѣйшая неудача составляетъ для нихъ предметъ неожиданнаго горя.

Какъ бы не довѣряя заботливости Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны объ ихъ сыновьяхъ, Императрица, наканунѣ своего отъѣзда, письменно подтвердила Н. И. Салтыкову, чтобы онъ, во время ея отсутствія, непремѣнно наблюдалъ, слѣдовалъ и выполнялъ данный ему наказъ о воспитаніи Александра и Константина Павловичей. Она приказала ему, именемъ ея подтвердить Протасову и Сакену, и всѣмъ, находившимся при великихъ князьяхъ, что она ожидаетъ отъ нихъ непремѣннаго и усерднаго исполненія ею предписаннаго [1]).

Въ Петербургѣ водворилась тишина. „Все пошло порядочно и такъ покойно, что примѣтить нельзя было, правитъ ли кто городомъ. Низкость, подлости, лицемѣріе, ласкательство, ложь и хитрость, вѣчные сопребыватели двору, отъ невскихъ береговъ на струю днѣпровскую переселились“ [2]).

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна остались въ Петербургѣ независимыми. До начатія поста были у нихъ по два раза въ недѣлю балы въ городѣ и на Каменномъ острову, а въ послѣднее воскресенье предъ масляницею совершилась въ Каменноостровскомъ дворцѣ свадьба князя Долгорукаго съ Смирновою [3]).

Князь Долгорукій въ одномъ изъ своихъ стихотвореній вспомнилъ о томъ, какъ при дворѣ Цесаревича онъ былъ счастливъ, —

...Когда въ дворянску шайку
Попалъ театрить во дворцѣ!..
Съ богатыремъ играли въ свайку
Или въ воланы на крыльцѣ;
Ходилъ за столъ къ его обѣду,
И на вечернюю бесѣду
Никто дверей не затворялъ!
А какъ женился я, то право,
Такой былъ балъ, огонь, забава,
Какихъ я вѣчно не давалъ!

---

[1]) Письмо Екатерины къ Салтыкову 5 января 1787, Р. А., 1864, IX, 948.
[2]) Изъ письма Завадовскаго къ гр. Воронцову 8 марта 1787, А. к. В. XII, 38.
[3]) Письмо Страхова къ гр. Воронцову 12 февр. 1787, А. к. В., XIV, 474.

Въ половинѣ апрѣля Цесаревичъ и его супруга переѣхали въ Царское Село съ сыновьями и двумя старшими дочерьми. Младшая дочь, Марія, оставлена была ими, на время, въ Петербургѣ на попеченіи ея приставницы, полковницы Нейдгардтъ и лейбъ-хирурга Блока, дабы она не могла имѣть общенія съ сестрами, которымъ была привита въ это время оспа, на привитіе которой Марія Ѳедоровна испрашивала разрѣшеніе Екатерины [1]).

Эта предосторожность не заслужила, однако, одобренія Екатерины: она нашла, что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна напрасно выбрали, для привитія дочерямъ оспы, гофмаршальскій въ Царскомъ Селѣ домъ: „потому что домъ этотъ лишь въ прошломъ году былъ надстроенъ и стѣны едва ли сухи, и что меньшую дочь они равномѣрно за городъ умѣстить бы могли“ [2]).

Равнымъ образомъ не заслужили одобренія Екатерины и заботы Маріи Ѳедоровны о томъ, чтобы ея дочери, конечно, ея рукою, писали бабушкѣ. „Ce sont des commérages великой княгини, говорила она по этому поводу своему статсъ-секретарю Храповицкому: заставляетъ ихъ писать то, чего онѣ еще не понимаютъ, и послѣдній разъ пѣняли, что не отвѣчаю. О чемъ можно къ такимъ ребятамъ писать?“ Екатерина и не хотѣла даже отвѣчать имъ, потому что онѣ не умѣли читать [3]), но однакоже написала нѣсколько записочекъ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ [4]).

Марія Ѳедоровна еженедѣльно писала Екатеринѣ о своихъ дѣтяхъ [5]); съ внуками, Александромъ и Константиномъ, Екатерина вела сама переписку [6]), и о всемъ, что происходило въ Петербургѣ, доносилъ ей Н. П. Салтыковъ, который свою

[1]) Письма Екатерины, 1 и 3 апрѣля, Р. С., 1873, VIII, 685 и 687 или С. Р. И. О., XV, 70 и 75.

[2]) Письмо Екатерины къ Салтыкову 1 мая 1787, Р. А., 1864, IX, 966.

[3]) Письма Екатерины къ Маріи Ѳедоровнѣ 28 января, Р. С. 1873, VIII, 670. Храповицкій, 22 іюня 1787.

[4]) Напечатаны въ Р. С. 1874, IX, 285.

[5]) Переписка эта въ XV т. С. Р. И. О. или въ Р. С., 1873, VIII.

[6]) Письма ея къ послѣднему въ письмахъ и бумагахъ Екатерины въ И. Пуб. Библіотекѣ, изд. Бычковымъ, Спбгъ, 1873, 36 и слѣд.

переписку съ Императрицею хранилъ такъ секретно, что никто объ оной ничего не зналъ [1]).

Кромѣ этихъ сношеній, Екатериною приняты были и другія мѣры для того, чтобы знать, что дѣлаетъ Павелъ Петровичъ. Въ свитѣ ея находился, въ числѣ прочихъ лицъ, графъ И. Г. Чернышевъ, съ которымъ Цесаревичъ состоялъ въ перепискѣ. Письма къ нему Цесаревича постоянно „перлюстрировались“ и представлялись Екатеринѣ [2]).

Но Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ таить было нечего; они продолжали свою семейную жизнь въ Гатчинѣ, куда переѣхали въ іюнѣ 1787 года, на виду у всѣхъ, и гдѣ съѣздъ гостей былъ чрезвычайно великъ; многіе жаловались, что жить было негдѣ [3]).

29 іюня праздновалось въ Павловскѣ маскарадомъ, на которомъ было великое множество разнаго званія людей. Весь Павловскій садъ былъ подъ вечеръ иллюминованъ, а въ 11 часу сожженъ небольшой фейерверкъ. Во время иллюминаціи видны были въ огняхъ разные, нарочно для сего праздника сооруженные предметы, изъ коихъ главнѣйшимъ былъ тотъ, на которомъ стояла надпись: „храмъ супружеской любви“ [4]). И этотъ храмъ не былъ для Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны суетнымъ аллегорическимъ вымысломъ: чувство, которому онъ былъ посвященъ, они понимали и берегли свято.

Между тѣмъ Екатерина не оставила мысли о путешествіи своихъ внуковъ. 22 мая они отправились къ ней на встрѣчу и послѣ мѣсячнаго путешествія встрѣтили ее въ с. Коломенскомъ и вмѣстѣ съ нею пріѣхали въ Москву. Вполнѣ довольные тѣмъ, что провели почти полгода съ своими сыновьями, родители ихъ легче перенесли эту разлуку [5]).

11 іюля 1787 года Екатерина возвратилась въ Царское

---

[1]) Записки Гарновскаго, апрѣль 1787, Р. С., XV, 23. Письма къ нему Екатерины напечатаны въ Р. А., 1864 948.

[2]) Храповицкій, 27 февраля и 22 марта 1787.

[3]) Записки Гарновскаго, Р. С., 1876, XV, 28.

[4]) Тамъ же, XVI, 2.

[5]) Письмо Завадовскаго, 1 мая 1787, А. к. В., XII, 43.

Село и была встрѣчена у дворцоваго крыльца Павломъ Петровичемъ, Маріею Ѳедоровною и высшими чинами двора. На третій день по пріѣздѣ Екатерины, они переѣхали въ свой Павловскъ, гдѣ тезоименитство великой княгини, 22 іюля, отпраздновано было маскарадомъ. Императрица не присутствовала на этомъ праздникѣ и Павелъ Петровичъ былъ очень не веселъ [1]).

Замѣчательно, что по возвращеніи своемъ изъ таврическаго путешествія, Императрица вновь обратилась къ обсужденію вопроса о престолонаслѣдіи въ Россіи. Въ дневникѣ Храповицкаго читается объ этомъ слѣдующее:

„19 августа 1787 г. Читалъ предъ Ея Величествомъ предисловіе Морского Устава, откуда, для примѣра въ наслѣдіи, хотѣли взять неудобство, отъ раздѣла Владимірова происшедшее.

20 августа. Читать мнѣ изволила пасажъ изъ „Правды воли монаршей“. Тутъ, или въ манифестѣ Екатерины I, сказано: что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ.

25 августа. Спрошены указы о наслѣдникахъ, къ престолу назначенныхъ, со временъ Екатерины I и въ изъясненіи оказанъ родъ неудовольствія“.

[1]) Записки Гарновскаго, Р. С., 1876, XV, 30—31.

XXV.

Было бы, однако же, большою ошибкою думать, что въ описываемое нами время (1783—1787) Павелъ Петровичъ исключительно наслаждался супружескимъ счастіемъ и предавался общественнымъ удовольствіямъ. Въ тишинѣ своей жизни въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, Цесаревичъ не переставалъ вдумываться въ положеніе Россіи и обсуживалъ мѣры къ ея благоустройству.

Павелъ Петровичъ обладалъ познаніями разносторонними; путешествіе по Европѣ еще болѣе расширило его кругозоръ, а общеніе съ такими государственными дѣятелями, какъ графы Никита и Петръ Панины, графъ И. Г. Чернышевъ, графъ Румянцовъ и князь Репнинъ дало ему возможность пользоваться ихъ свѣдѣніями и опытностью.

Приготовляясь къ отъѣзду въ дѣйствующую армію, о чемъ мы будемъ говорить ниже, Павелъ Петровичъ, въ виду могущихъ произойти, въ его отсутствіе, случайностей, составилъ въ январѣ 1788 года слѣдующіе документы: духовное завѣщаніе, три письма къ супругѣ, письмо къ дѣтямъ и особый наказъ, въ которомъ изложилъ свои мысли объ управленіи государствомъ. Въ то же время онъ обще съ Маріею Ѳедоровною составилъ актъ о престолонаслѣдіи.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что къ положеніямъ, развитымъ въ наказѣ объ управленіи государствомъ, Павелъ

Петровичъ пришелъ лишь послѣ долгихъ и глубокихъ размышленій. Мысли, въ немъ изложенныя, онъ, впослѣдствіи, привелъ частію въ исполненіе. Поэтому изученіе наказа Павла Петровича должно идти параллельно съ изученіемъ законоположеній, изданныхъ имъ въ его царствованіе [1]) и въ настоящей главѣ мы лишь вкратцѣ укажемъ на нѣсколько мыслей этого наказа.

Перечисливъ сословія въ государствѣ, Павелъ Петровичъ съ любовью останавливается на крестьянствѣ, которое „содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его“. Въ частности Павелъ Петровичъ находилъ, что „надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить. Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахатные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу“.

Слова эти въ особенности замѣчательны въ устахъ сына Императрицы Екатерины II. Въ теченіе ея царствованія, не только ничего не сдѣлано было въ пользу крестьянства, но огромное число крестьянъ было обращено въ крѣпостные по пожалованіямъ, и крѣпостное право утверждено въ Малороссіи.

Не менѣе любопытны отзывы Павла Петровича о двухъ главнѣйшихъ статьяхъ государственнаго дохода: винѣ и соли. Послѣдняя часть, по его словамъ, запущена, а первая основана на злоупотребленіи, ибо коронная монополія развратительна для нравовъ; и такъ искать сей доходъ не прибавлять, а убавлять, замѣняя прилежаніемъ въ другихъ отрасляхъ.

„Доходы государственные—государства, а не государя, продолжаетъ Павелъ Петровичъ, и составляя богатства его, составляютъ цѣлость, знакъ и способъ благополучія земли. Поэтому расходы должно соразмѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными и для того вѣрно

[1]) Это сравненіе отчасти сдѣлано г. Семевскимъ, напечатавшимъ всѣ означенные документы въ Вѣстникѣ Европы 1867 I.

однажды росписать такъ, чтобы никакъ не отягчать земли, и изъ двоякихъ доходовъ: съ земли или съ промысла, первые держать соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ лицъ; другіе поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдашнихъ средствахъ силы и могущества земли".

Что касается политическаго внѣшняго положенія Россіи, то Павелъ Петровичъ находилъ: „что намъ большой нужды нѣтъ въ чьей-либо помощи; мы довольно сильны сами собою, если захотимъ пользоваться своею силою. Поэтому великій князь указывалъ на необходимость поддерживать политическое равновѣсіе, которое должно быть сообразно съ физическимъ и моральнымъ положеніемъ всякаго государства, въ разсужденіе сосѣдей своихъ, которымъ стараться наибольше дѣлать добра. Достичь этого можно доброю вѣрою въ поведеніе, которое на первые должно быть основано на честности, и союзами на сѣверѣ съ державами, которыя больше въ насъ нужды, а мѣстничества съ нами имѣть не могутъ".

Въ этихъ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть вліянія идей воспитателя Павла Петровича, графа Панина, постояннаго партизана такъ называемой сѣверной системы.

Но главный пунктъ наказа Павла Петровича выраженъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „надлежитъ положить законъ, кому именно быть Государемъ".

Въ то время не существовало еще положительнаго закона о престолонаслѣдіи въ Россіи и въ силу начала, принятаго Петромъ Великимъ, царствующій Государь могъ избрать себѣ преемника по усмотрѣнію и устранить избраннаго. Правило это повторено было и Императоромъ Петромъ III, который не объявилъ своего сына Цесаревича Павла Петровича наслѣдникомъ, а установилъ формулу присяги, по которой наслѣдникъ подлежалъ еще его избранію. Затѣмъ, хотя по вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины присяга приносилась и Павлу Петровичу, какъ законному наслѣднику престола, но и въ ея царствованіе возникала мысль о возможности отмѣны этого объявленіемъ наслѣдникомъ ве-

ликаго князя Александра Павловича. Эта неопредѣленность одного изъ важнѣйшихъ началъ государственной жизни озабочивала Павла Петровича и въ равной мѣрѣ Марію Ѳедоровну. Поэтому, въ развитіе только что указаннаго начала, они, общимъ ихъ добровольнымъ и взаимнымъ согласіемъ, по зрѣломъ обсужденіи и съ спокойнымъ духомъ, постановили общій актъ, которымъ, по любви къ отечеству, избрали наслѣдникомъ, по праву естественному, сына ихъ старшаго, Александра, а по немъ все его мужеское поколѣніе и затѣмъ точно опредѣлили, во всѣхъ случаяхъ, порядокъ престолонаслѣдія. Положивъ правила наслѣдства, Цесаревичъ и его супруга объяснили, въ томъ же актѣ, и причины оныхъ. Онѣ суть слѣдующія: „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать и дабы сохранить право родовъ въ наслѣдіи, не нарушая права естественнаго и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ“.

Актъ этотъ, обнародованный только въ день коронованія Павла Петровича, 5 апрѣля 1797 г. [1]), составленъ былъ имъ и Маріею Ѳедоровною 4 января 1788 года.

Взглядъ Павла Петровича на порядокъ престолонаслѣдія былъ противуположенъ взглядамъ Екатерины. По ея мнѣнію, въ случаѣ несовершеннолѣтія сына умершаго государя, на престолъ должна бы вступить его мать и царствовать во всю жизнь [2]).

Составивъ этотъ актъ, Павелъ Петровичъ, въ двухъ письмахъ къ супругѣ, указалъ на то, что во время его отсутствія изъ Петербурга, Россію могли поразить два несчастія: смерть Императрицы и кончина его самого. Въ виду этихъ несчастныхъ случайностей, Цесаревичъ преподалъ своей супругѣ наставленія относительно ея образа дѣйствій. Въ первомъ случаѣ Марія Ѳедоровна должна была, прежде всего,

[1]) П. С. З., XXIV, № 17910.
[2]) Проектъ манифеста о престолонаслѣдіи, Р. С., XII, 384.

потребовать принесенія присяги Павлу Петровичу и его сыну Александру, какъ наслѣднику. Во второмъ случаѣ, то есть если бы кончина Императрицы послѣдовала послѣ смерти Цесаревича, Марія Ѳедоровна должна была немедленно объявить Императоромъ старшаго ея сына Александра и въ случаѣ его малолѣтства быть правительницею, до совершеннолѣтія Императора, которое начинается въ шестнадцать лѣтъ.

Эта предусмотрительность показываетъ, до какой степени Павелъ Петровичъ убѣжденъ былъ во вредѣ, которое отсутствіе точнаго закона о престолонаслѣдіи приносило Россіи въ теченіе всего XVIII вѣка. Отказываясь, по собственному побужденію, отъ права, которое ему принадлежало, Павелъ Петровичъ на себѣ подалъ примѣръ того, что для главы государства на первомъ мѣстѣ долженъ стоять неизмѣнный и твердый законъ.

Одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ при дворѣ Екатерины, генуэзскій министръ Риварола, оставилъ слѣдующій отзывъ о Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ. „Достоинъ удивленія стойкій характеръ великаго князя. Удаленный отъ государственныхъ дѣлъ, ограниченный въ средствахъ, онъ искренно признателенъ своимъ воспитателямъ и неизмѣнно почтителенъ къ августѣйшей своей матери. Онъ свято чтитъ память своего перваго наставника, покойнаго графа Панина, постоянно покровительствуетъ его друзьямъ и не довѣряетъ его врагамъ. Его добродѣтель, свѣтлый умъ и трудолюбіе извѣстны въ его кругѣ. Кто можетъ дать лучшія доказательства любви къ домашнему миру и непобѣдимаго отвращенія къ государственнымъ переворотамъ, замедляющимъ успѣхи просвѣщенія“ [1]).

Это отвращеніе къ государственнымъ переворотамъ, это чувство законности, служитъ единственнымъ объясненіемъ дѣятельности Цесаревича Павла Петровича и той страстности, съ которою онъ относился ко всему, въ чемъ видѣлъ неправду и неисполненіе закона.

---

[1]) Макушевъ, Россія въ XVIII вѣкѣ. по реляціямъ Риваролы. Памятники. Спбгъ, 1873, III, 33.

И не напрасно Павелъ Петровичъ чтилъ память своего воспитателя: развитіемъ и укрѣпленіемъ въ себѣ чувства законности онъ именно обязанъ былъ графу Панину, мечтавшему перевести въ Россію законныя формы шведскаго государственнаго устройства.

Наконецъ, въ томъ же наказѣ, говоря о военныхъ силахъ, морскихъ и сухопутныхъ, Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что ихъ слѣдуетъ привести въ непоколебимое сильное состояніе пропорціональнымъ количествомъ и дисциплиною и что войска и флотъ надлежитъ учить, а Государю смотрѣть.

Эти послѣднія начала Павелъ Петровичъ имѣлъ возможность привести въ исполненіе еще въ бытность свою Наслѣдникомъ.

По возвращеніи его изъ-за границы составлены были въ 1783 году, 6 марта, двѣ постоянныя команды, каждая въ числѣ 30 человѣкъ, взятыхъ изъ флотскихъ батальоновъ, бывшихъ въ подчиненіи Павлу Петровичу, какъ генералъ-адмиралу, для караула на Каменномъ островѣ и въ Павловскѣ, взамѣнъ назначавшихся туда, по очереди, карауловъ.

Въ 1784 году каждая команда, вѣроятно въ виду наплыва въ Гатчину и Павловскъ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей, о чемъ мы говорили выше, увеличена до 80 человѣкъ. Начальство надъ обѣими поручено было барону Штейнверу.

Въ 1785 году сформировано уже пять ротъ, получившихъ наименованіе батальона Его Высочества.

Въ 1785 году, Павелъ Петровичъ принялъ въ непосредственное свое вѣдѣніе кираспрскій своего имени полкъ [1]).

Въ 1787 г., команды эти увеличились до 360 человѣкъ, составлявшихъ три батальона: Его Высочества, поручика Мея и капитана Штейнвера [2]).

Основаніемъ къ устройству артиллеріи при гатчинскомъ отрядѣ послужило опредѣленіе въ 1786 году, изъ морской артиллеріи, 7 рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ. По учрежден-

[1]) Барановскій, Исторія кираспрскаго полка. Спбгъ, 1872, 112.

[2]) Гарновскій утверждаетъ (Р. С., 1876, XVI, 3) что батальоны воспріяли свое начало въ бытность Екатерины въ Кіевѣ.

ному порядку, въ мѣстопребываніи Павла Петровича даваемо было ежедневно по два сигнала пушечными выстрѣлами: одинъ, когда подлежало идти за кушаньемъ для обѣда и другой, когда садились за столъ.

Крѣпость Маріенталь, въ Павловскѣ, вооружена была, въ 1787 году, 20 орудіями; орудія эти было употребляемы при всѣхъ ученьяхъ и маневрахъ пѣхоты и по неимѣнію артиллерійскихъ лошадей, впрягаемы были лошади изъ придворной конюшни. Въ томъ же году, изъ артиллерійской команды, увеличенной въ своемъ составѣ, часть отдѣлена была на учрежденіе конной артиллеріи при кирасирскомъ Цесаревича полку.

Въ то же время положено было основаніе гатчинской флотиліи, которою завѣдывали Плещеевъ и Г. Г. Кушелевъ, поступившій къ Цесаревичу въ 1783 году, по рекомендаціи бывшаго его наставника въ морскихъ наукахъ, адмирала Голенищева-Кутузова.

Таково было начало гатчинскихъ войскъ, обмундированныхъ по особой формѣ, обучаемыхъ по особому уставу и на которыхъ гвардейцы временъ Екатерины смотрѣли не безъ нѣкоторой ироніи.

XXVI.

Между тѣмъ отношенія наши къ Турціи усложнялись все болѣе и болѣе. 9 сентября 1787 года обнародованъ былъ манифестъ о второй турецкой войнѣ.

Лишь только Павелъ Петровичъ, жившій въ то время въ Гатчинѣ, получилъ этотъ манифестъ, онъ немедленно обратился къ Екатеринѣ съ просьбою о дозволеніи ему отправиться въ армію въ качествѣ волонтера.

На это послѣдовалъ со стороны Императрицы отказъ. Она описывала затруднительное и оборонительное положеніе нашихъ армій въ позднее время года, заботы, въ коихъ находились оба командовавшіе ими фельдмаршала, Румянцевъ и Потемкинъ, и которыя еще увеличивались отъ болѣзней и недостатковъ въ продовольствіи войскъ, и наконецъ тѣмъ, что въ виду осени кампанія не могла быть продолжительна.

Павелъ Петровичъ повторилъ свою просьбу, но и на вторичное ходатайство не получилъ разрѣшенія [1]).

Екатерина утверждала, что получивъ этотъ ея рѣшительный отказъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна „были весьма довольны остаться, разславляя только, что хотѣли ѣхать“ [2]),—но это едва ли справедливо. Отказъ Екатерины

[1]) Письма эти, 10 и 11 сентября 1787, въ Р. С., 1873, VIII, 856 и слѣд.
[2]) Письмо къ Потемкину 24 сентября, С. Р. И. О., XXVII, 428.

былъ имъ весьма непріятенъ, и одинъ изъ современниковъ замѣтилъ, что въ это время Императрица, съ частію двора, въ Гатчинѣ пребывающею, опять въ несогласіи [1]).

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе настоянія Павла Петровича и, какъ кажется, вслѣдствіе просьбы Потемкина [2]), въ ноябрѣ того же года Екатерина разрѣшила Павлу Петровичу отъѣздъ въ армію, но съ тѣмъ, чтобы Марія Ѳедоровна, которая выразила желаніе сопровождать супруга, оставалась въ Петербургѣ.

„Отдавая полную справедливость вашимъ чувствамъ, скажу вамъ, писала ей Екатерина 29 ноября 1787 г., что никакой долгъ, никакая обязанность не заставляютъ вашего мужа ѣхать въ армію; онъ самъ добровольно заявилъ о своемъ желаніи отправиться въ качествѣ волонтера, на что я согласилась, безъ всякой необходимости или обязанности, а единственно по снисхожденію, и если бы онъ не ѣхалъ, или не выразилъ своего желанія ѣхать, то поступилъ бы такъ, какъ поступаютъ тысячи лицъ одинаковаго съ нимъ происхожденія, а противъ турокъ и татаръ даже не бывало тому и примѣровъ... Я вамъ совѣтовала не думать объ этомъ путешествіи, уже сказала это и повторяю; могу только къ этому прибавить, что если вамъ такъ трудно разстаться и быть другъ безъ друга, то вмѣсто безконечныхъ степаній, всего лучше обоимъ вамъ остаться въ Петербургѣ, вамъ и моему сыну; тогда исполнятся желанія и ваши, и мои, и имперіи; да и не вижу я никакой надобности въ поѣздкѣ моего сына, находя въ томъ болѣе опасности, нежели существенной пользы. Такъ какъ во всякомъ случаѣ порицаніе падетъ на меня, то весьма охотно подвергаюсь оному, говоря сама, что я не пустила васъ обоихъ“ [3]).

Какъ Екатерина смотрѣла на эти просьбы сына и невѣстки видно изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ ею Гримму

[1]) Записки Гарновскаго, октябрь 1787, Р. С., 1876, XV, 264.

[2]) Это мы основываемъ на словахъ гр. Мусина-Пушкина, записанныхъ Гарновскимъ, Р. С., XV, 484.

[3]) Письма эти 29 ноября 1787, Р. С., 1873, VIII, 862. Oberkirch, II, 384 и 388.

того же 29 ноября. „Въ теченіе трехъ сутокъ я страннымъ образомъ осаждена и получаю по два и по три письма отъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны [1]), которые во что бы то ни стало желаютъ ѣхать въ армію; ему я это позволяю, но ей,—какъ на то согласиться? это невозможно, а милая женщина (la bonne dame), сказать правду, обладаетъ головою, не подчиняющеюся разсудку и очень неудобною. Вотъ что помѣшало мнѣ сегодня заняться дальнѣйшимъ сочиненіемъ настоящей огромной депеши. Но, впрочемъ, ей необходимо будетъ подчиниться разсудку“.

Едва ли огромная депеша къ Гримму имѣла особую важность сравнительно съ горемъ, которое отказъ Екатерины причинилъ Маріи Ѳедоровнѣ. Предстоящая разлука съ мужемъ крайне ее безпокоила: великая княгиня находится отъ печали внѣ себя; недѣля уже тому, какъ Ея Высочество никакой пищи вкушать не изволитъ, замѣтилъ современникъ [2])

Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ началъ приготовляться къ отъѣзду. Ему было назначено, на время нахожденія его въ арміи, содержаніе по 10,000 р. въ мѣсяцъ; онъ представилъ просьбу о разрѣшеніи имѣть при себѣ, кромѣ графа Мусина-Пушкина, который долженъ былъ его сопровождать, трехъ офицеровъ: Вадковскаго, Бенкендорфа и Маркова [3]); экипажи его и лошади были уже отправлены изъ Петербурга, какъ новое обстоятельство отсрочило его отъѣздъ.

У Маріи Ѳедоровны оказались признаки беременности, и Екатерина посовѣтовала Павлу Петровичу отложить отъѣздъ до разрѣшенія супруги.

Павелъ Петровичъ подчинился этому совѣту, но когда онъ, въ январѣ 1788 года узналъ, что Екатерина приказала вернуть его экипажи и лошадей, уже бывшихъ на пути въ армію, то увидѣлъ въ этомъ распоряженіи намѣреніе совершенно отмѣнить его отъѣздъ. „Лучше бы было сказать, что не хотятъ меня пустить, нежели волочить“, писалъ онъ въ письмѣ

[1]) De M-r et M-me Secondat.
[2]) Записки Гарновскаго, декабрь 1787, Р. С., 1876, XV, 495.
[3]) Ib., 498 и 688.

къ графу Мусину-Пушкину, которое разрѣшилъ ему представить Императрицѣ.

Это неосторожное выраженіе, хотя и могло быть оправдано тѣмъ нетерпѣніемъ, которое испытывалъ Павелъ Петровичъ, встрѣчая постоянныя препятствія къ отъѣзду, раздражило Екатерину. „Я вижу,—отвѣтила она графу Пушкину,—что судятъ и въ семъ случаѣ криво и косо о моихъ намѣреніяхъ. Мнѣ осталось предать оное забвенію;—пусть лошади идутъ впередъ, но можетъ ли онъ ѣхать за ними послѣ женинихъ родовъ, на сіе ни я, ни вы, никто, кромѣ единаго Бога, ручаться не можетъ, понеже будущія обстоятельства, возможности и случаи Ему единому, а не намъ, извѣстны“ [1]).

Не смотря на это, Павелъ Петровичъ, не будучи въ состояніи заглушить въ себѣ чувствъ, его одушевлявшихъ и основанныхъ на чести и непоколебимомъ убѣжденіи, продолжалъ настаивать на увольненіе его въ армію, оставляя свою супругу въ Петербургѣ. При этомъ онъ указалъ и на то, что въ Европѣ сдѣлались уже извѣстными его приготовленія къ походу.

На это Екатерина отвѣтила ему слѣдующими словами, пріобрѣтшими историческую извѣстность: „касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса, на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы? отвѣчать вовсе не трудно. Вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я настоятельно васъ просила“ [2]).

Павлу Петровичу не оставалось ничего другого, какъ подчиниться этому требованію. Вмѣсто отъѣзда въ армію, онъ, въ январѣ 1788 года переѣхалъ въ Петербургъ, и все кончилось „оказаніемъ, съ одной стороны, покорности и изъявленіемъ снисхожденія съ другой“ [3]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ промедленія въ отъѣздѣ Павла Петровича въ армію происходили отъ того, что Екате-

---

[1]) Письмо Павла Петровича 2 января 1788 и письмо Екатерины къ гр. Мусину-Пушкину 2 января 1788, Р. С., 1873, VIII, 866.

[2]) Письмо Екатерины къ Павлу Петровичу 18 января 1788, ib., 870.

[3]) Записки Гарновскаго. Р. С., 1876, XV, 697.

рина не желала его туда отпустить: она выражала опасеніе, что пребываніе его въ арміи причинитъ затрудненіе главнокомандовавшему, князю Потемкину [1]). Эту причину отказа очень хорошо понимали современники [2]).

6 мая 1788 г. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна переѣхали наскоро изъ Павловска въ Царское Село, и 10 числа Марія Ѳедоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною. Роды великой княгини были очень тяжелы; Екатерина присутствовала при нихъ, и только благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ, жизнь Маріи Ѳедоровны была сохранена [3]).

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна были полны благодарности къ своей матери. При семъ случаѣ родители оказались противу прежняго ко мнѣ гораздо ласковѣе, писала Екатерина [4]). Обѣ половины двора живутъ теперь въ наилучшемъ согласіи. Великій князь отмѣнно Государынѣ послушенъ, а притомъ и къ А. М. Мамонову толикоже ласковъ, замѣтилъ Гарновскій [5]).

Всѣ препятствія къ отъѣзду Павла Петровича въ армію были, казалось, устранены. Екатерина дала ему столь долго жданное разрѣшеніе словами: „vous êtes maître de partir quand vous voulez“, какъ неожиданное обстоятельство вновь измѣнило его планы.

Война съ Турціею отвлекала все наше вниманіе и всѣ наши силы на югъ; даже часть балтійскаго флота отправлена была къ Средиземному морю. Этимъ положеніемъ желалъ воспользоваться шведскій король Густавъ III.

Не входя въ подробности переговоровъ, предшествовавшихъ объявленію войны Швеціею, скажемъ только, что открытіе военныхъ дѣйствій со стороны шведовъ застало насъ мало подготовленными. Войскъ было недостаточно и Императрица затруднялась назначеніемъ главнокомандующаго. Наконецъ выборъ ея остановился на графѣ В. П. Мусинѣ-Пуш-

[1]) Письмо Екатерины къ Потемкину 11 января 1788, С. Р. И. О., XXVII, 466.

[2]) Письмо графа Румянцова 19 октября 1797, А. к. В., XXVII, 158.

[3]) Храповицкій 6—11 мая.

[4]) Къ Потемкину 27 мая, С. Р. И. О., XXVII, 492.

[5]) Гарновскій, май 1788, Р. С., 1876, XVI, 10—12.

кипѣ, которому о новомъ его назначеніи Екатерина объявила 28 мая.

Павелъ Петровичъ предпочелъ, конечно, принять участіе въ войнѣ противъ шведовъ, и чрезъ мѣсяцъ послѣ назначенія Пушкина обратился съ просьбою отправиться въ армію, формируемую подъ его начальствомъ. Но Екатерина и на этотъ разъ приказала ему (24 іюня) повременить, ссылаясь на то, что война еще не объявлена и военныя дѣйствія не открылись [1]). Но это была уже послѣдняя отсрочка и то лишь на нѣсколько часовъ. Военная гроза надвигалась къ самому Петербургу. Въ тотъ же день рѣшено было, что Павелъ Петровичъ поѣдетъ въ армію вмѣстѣ съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Въ составъ дѣйствующихъ войскъ назначенъ былъ и кираспрскій Цесаревича полкъ. 25 іюня полкъ этотъ, подъ личнымъ предводительствомъ Павла Петровича, проходилъ мимо зимняго дворца. Штабы оставлены при столѣ Императрицы и на полкъ пожаловано 1000 р. Тутъ, говоритъ статсъ-секретарь Храповицкій, изъ дневника коего заимствованы эти подробности, прослезилась великая княгиня и примѣтное смущеніе сокрывала Императрица [2]).

30 іюня 1788 года Екатерина подписала манифестъ о шведской войнѣ. Затѣмъ, послѣ обѣда, простилась, со слезами, съ Павломъ Петровичемъ, который, переночевавъ въ своемъ дворцѣ на Каменномъ острову, на слѣдующее утро отправился въ Выборгъ [3]).

Мы уже упомянули, что, приготовляясь къ отъѣзду въ армію, Павелъ Петровичъ, въ виду могущихъ произойти случайностей, оставилъ духовное завѣщаніе и письмо къ супругѣ. Слова, съ которыми онъ обращается къ ней въ этомъ письмѣ,

[1]) Письмо ея 24 іюня 1788, С. Р. И. О., XV, 136.

[2]) Ср. Oberkirch, II, 392.

[3]) Старикъ графъ П. И. Панинъ тогда же снарядилъ въ походъ и отправилъ къ Цесаревичу своего единственнаго сына, гр. Никиту Петровича, едва вышедшаго тогда изъ отроческихъ лѣтъ. О. В., III, 411. Эрцгерцогиня Елизавета писала своему мужу 3 августа 1788 года, что Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ армію, которою будетъ командовать. Archiv für österreichische Geschichte. Wien, 1871, XXIV, 127.

исполнены чувствъ любви, уваженія и благодарности, запечатлѣнныхъ тихою грустію. „Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа предъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты мнѣ была первою отрадою и подавала лучшіе совѣты. Симъ признаніемъ долженъ предъ всѣмъ свѣтомъ о твоемъ благоразуміи. Привязанность къ дѣтямъ, залогомъ привязанности и любви ко мнѣ была. Однимъ словомъ, не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня и по человѣчеству случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія, о которыхъ прошу у тебя прощенія“. Преподавъ далѣе супругѣ своей нѣсколько совѣтовъ и наставленій, Павелъ Петровичъ заключилъ свое письмо къ ней слѣдующими словами: „Богъ да благословитъ всю жизнь твою. Прости другъ мой, помни меня, но не плачь о мнѣ; повинуйся волѣ Того, Который къ лучшему все направляетъ. Прими мою благодарность“ [1])...

Война со Швеціею 1788 года покрыла новыми лаврами русскій флотъ, бывшій подъ начальствомъ славнаго участника архипелагской экспедиціи, адмирала Грейга. Напротивъ того, военныя дѣйствія на сухомъ пути велись медленно и вяло. Причиною тому были малочисленность войскъ съ той и съ другой стороны; неблагопріятное положеніе шведской арміи въ Финляндіи, жители которой не сочувствовали войнѣ, и наконецъ, нерѣшительность русскаго главнокомандующаго графа Мусина-Пушкина.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1857 г., кн. 1. См. также, стр. 309, письмо Павла Петровича къ дѣтямъ. Духовное его завѣщаніе помѣщено тамъ же, а объ исполненіи его, см. Ч. О. И. и Д. Р., 1867, II. Представляемъ списокъ лицъ, о которыхъ Павелъ Петровичъ упомянулъ въ своемъ завѣщаніи: Н. И. Салтыковъ, графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, князь Н. В. Репнинъ, митрополитъ Платонъ, Остервальдъ, князь П. С. Барятинскій, Сакенъ, Пастуховъ, Эпинусъ, Лафермьеръ, Николаи, Ш. К. Ливенъ, князья Александръ и Алексѣй Куракины, Кушелевъ, Вадковскій, Христоферъ Бенкендорфъ и его жена, Плещеевъ, подполковникъ Кнорринъ, капитанъ Штейнверъ, доктора: Крузе Блокъ и Бекъ, экипажмейстеръ Марковъ, камердинеры: Жванцовъ, Бендерскій, Василій и Иванъ Кутайсовы.

Прибывъ 1 іюля 1788 года въ Выборгъ, великій князь переѣхалъ оттуда 20 августа въ Фридрихсгамъ, дабы быть ближе къ театру военныхъ дѣйствій и 22 августа участвовалъ въ рекогносцировкѣ шведскихъ укрѣпленій Гекфорса. Шведы, примѣтя приближеніе русскихъ развѣдчиковъ, открыли огонь, и великій князь, заслышавъ свистъ пуль, съ удовольствіемъ проговорилъ: „теперь я окрещенъ“ [1]).

Нерѣшительность графа Мусина-Пушкина, очевидно, не могла нравиться пылкому великому князю, съ нетерпѣніемъ стремившемуся на войну. Съ первыхъ же дней пребыванія его въ арміи, между нимъ и графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ произошли несогласія. Марія Ѳедоровна, получившая объ этомъ извѣстіе, выразила опасеніе, не было ли кого нибудь, кто бы раздражалъ противу Пушкина Павла Петровича и заподозрила въ этомъ сопровождавшаго его капитана Штейнвера. Но, кажется, причина ихъ несогласій лежала глубже; она заключалась въ „разнообразіи ихъ мыслей въ разсужденіи мѣръ, принимаемыхъ къ пораженію шведовъ“. Павелъ Петровичъ былъ крайне раздраженъ и нѣсколько дней не говорилъ съ Пушкинымъ [2]).

Между тѣмъ, 24 августа шведскій главнокомандующій, герцогъ Карлъ зюдерманландскій, прислалъ къ Павлу Петровичу маіора Егергорна, дабы увѣрить его въ дружбѣ и передать ему желаніе герцога имѣть съ нимъ свиданіе. Великій князь отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на то, что ему неизвѣстна воля Императрицы. Екатерина одобрила этотъ отвѣтъ Павла Петровича и нашла, что ему не слѣдуетъ имѣть свиданіе съ герцогомъ, такъ что когда послѣдній прислалъ къ Цесаревичу, 27 августа, полковника Монгомери, повторить свое предложеніе, то Павелъ Петровичъ вторично отказалъ ему въ этомъ, ссылаясь уже на приказаніе матери. Тѣмъ не менѣе 1 сентября герцогъ зюдерманландскій вновь прислалъ

[1]) Записки Гарновскаго, Р. С., 1876, XVI, 214.

[2]) Записки Гарновскаго, Р. С., 1876, XVI, 31 и 209. Письмо Маріи Ѳедоровны къ Вадковскому, О. В., III, 412; письмо къ нему же кн. Куракина, ib. 409; неправильно приписанное г. Бартеневымъ, въ другомъ мѣстѣ, Лидовой, Р. А., 1870, II, 327.

Монгомери, уже съ письменною къ Павлу Петровичу просьбою о свиданіи, для переговоровъ. Цесаревичъ сослался на прежній свой отвѣтъ, что принять свиданія не можетъ.

Екатерина похвалила этотъ поступокъ своего сына [1]), но въ виду настойчивыхъ требованій герцога зюдерманландскаго о свиданіи съ Павломъ Петровичемъ, которое, въ виду того, что послѣдній не командовалъ никакою частію войскъ и не имѣлъ никакихъ полномочій, было бы практически безполезно, признала нужнымъ отозвать его изъ арміи. 12 сентября Павелъ Петровичъ осмотрѣлъ Гекфорсъ, оставленный шведами и наши посты, расположенные на границѣ, и 18 сентября возвратился въ Петербургъ.

Мы уже говорили выше, что Екатерина неохотно соглашалась на отъѣздъ Павла Петровича въ армію. О его тамъ пребываніи ничего публиковано не было. Въ тогдашнихъ петербургскихъ вѣдомостяхъ, гдѣ помѣщено много свѣдѣній о разрывѣ и о войнѣ съ Швеціею, не упоминается ни объ отъѣздѣ его въ армію, ни о его возвращеніи. Въ оффиціальныхъ реляціяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ имя его упомянуто одинъ только разъ [2]).

Ожидали, что Павлу Петровичу пожалованъ будетъ, за сдѣланную кампанію, георгіевскій орденъ [3]), но этого не послѣдовало; еще раньше, когда Марія Ѳедоровна выразила желаніе сдѣлать мужу сюрпризъ, повидаться съ нимъ и съѣздить для этого, дня на два, въ Выборгъ [4]), она получила въ этой просьбѣ отказъ; наконецъ, какъ въ то время говорили, Екатерина относилась къ участію Павла Петровича въ шведской войнѣ съ насмѣшкою.

Не смотря на военныя и дипломатическія заботы 1788 года,

[1]) Храповицкій 25 августа, 3 и 8 сентября 1788 и письма Екатерины къ Павлу Петровичу, С. Р. И. О., XV, 150 и сл. Арх. Госуд. Совѣта. Спбгъ, 1869, т. I, ч. I, стр. 604.

[2]) Состоявшій при Павлѣ Петровичѣ Кушелевъ велъ дневникъ его пребыванія въ арміи. О. В. III, 411. Рукопись его находится въ дворцовой библіотекѣ Павловска.

[3]) Записки Гарновскаго, Р. С., 1876, XVI, 219. Павелъ Петровичъ, будучи Императоромъ, никого орденомъ Георгія не жаловалъ.

[4]) Письмо Маріи Ѳедоровны къ Екатеринѣ 31 іюля 1788, Р. С., 1873, VIII. 874.

Екатерина продолжала заниматься сочиненіемъ пьесъ для эрмитажнаго театра, и въ тотъ самый моментъ, когда рѣшено было возвращеніе великаго князя изъ арміи, приступила къ сочиненію новой оперы: „Горе-богатырь“.

Опера эта написана ею на шведскаго короля Густава III, но нѣкоторые изъ современниковъ думали видѣть въ ней намеки и на Павла Петровича [1]). Дѣйствительно, герой оперы, сынъ, не царствующій, просящійся на войну, отпускаемый и возвращаемый матерью, равно какъ и нѣкоторыя другія подробности пьесы, могутъ служить подтвержденіемъ этого предположенія. Справедливо ли оно или нѣтъ, это вопросъ, разрѣшеніе котораго не имѣетъ, впрочемъ, особенной важности. Достаточно того, что современники видѣли въ этой оперѣ намеки на Павла Петровича. Подобнаго рода слухи,—будь они даже невѣрны,—служатъ доказательствомъ того, что тогдашнее общество видѣло и понимало, что отношенія матери къ сыну были анормальны.

Тѣмъ не менѣе мысль объ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ не покидала Павла Петровича. Въ апрѣлѣ слѣдующаго 1789 года онъ, въ виду возобновленія военныхъ противъ шведовъ дѣйствій, испрашивалъ, относительно себя, приказаній, но Екатерина выразила мнѣніе, что война будетъ оборонительная, аванпостная, и еще нѣсколько скучнѣе кампаніи 1788 года. Поэтому она совѣтовала ему, вмѣсто того, чтобы вызывать слезы и горькую печаль, раздѣлить, въ средѣ его дорогого и любезнаго семейства, радость успѣхамъ, которыми, какъ она надѣялась, Всемогущему угодно будетъ благословить наше правое дѣло [2]).

На этотъ разъ предсказанія Екатерины оправдались: война противу шведовъ на сухомъ пути продолжалась по прежк-

[1]) Р. С., 1874, XI, 154. Записки Греча.

[2]) С. Р. И. О., XV, 156. Марія Ѳедоровна пожертвовала въ Московскій Успенскій Соборъ драгоцѣнный потиръ, рукоятіе и поддонъ котораго и три блюдца выточены ею самою изъ слоновой кости. На поддонѣ надпись: „На память благополучнаго возвращенія моего любезнаго супруга изъ похода противъ шведовъ, сентября 18-го, 1788 года, собственныхъ трудовъ монхъ. Марія“. Снегиревъ, Успенскій Соборъ. Москва, 1856, 34.

нему вяло и нерѣшительно. Екатерина измѣнила свое мнѣніе о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ и въ началѣ 1790 года назначила вмѣсто него главнокомандующимъ барона Игельстрома. Въ этомъ же году заключенъ былъ, 14 августа, въ Верелѣ, мирный съ Швеціею договоръ.

Не смотря на нѣкоторые успѣхи русскихъ надъ шведами въ войну 1788—1790 гг., война была въ результатѣ выгоднѣе для Швеціи, чѣмъ для Россіи. Войною этою Густавъ отсрочилъ для Швеціи уступку остальной части Финляндіи Россіи. Преобразованіемъ шведской конституціи, результаты котораго были наконецъ признаны и Россіею, онъ обезпечилъ на время цѣлость шведской монархіи и навсегда самостоятельность ея политической жизни. Со времени войны 1788—1790 года, политика Россіи въ отношеніи къ Швеціи должна была измѣниться, и хотя при Императорѣ Александрѣ I присоединеніемъ всей Финляндіи къ Россіи балтійскій вопросъ былъ доведенъ до извѣстнаго окончанія въ пользу Россіи, однако, и Швеція могла быть довольна тѣмъ, что смѣлыя дѣйствія Густава III какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ заставили сосѣдей Швеціи отказаться отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ ея дѣла и спасти ее отъ участи, постигшей Польшу.

Таково было въ особенности значеніе войны 1788—1790 года [1]). Императрица Екатерина часто указывала на мужество, съ которымъ она оставалась въ Петербургѣ, гдѣ слышенъ былъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Однако же, какъ свидѣтельствуетъ Растопчинъ въ представленной Императору Павлу Петровичу въ 1800 году запискѣ о политическомъ состояніи Европы, Екатерина „со всею твердостью своего духа, близка была оставить постыдно мѣсто своего пребыванія отъ набѣга короля Шведскаго“. „И лошади готовы были“ собственноручно отмѣтилъ противъ этихъ словъ Павелъ Петровичъ.

---

[1]) Брикнеръ. Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790 гг. Спбгъ, 1869, 298.
[2]) Памятники, I, 107.

XXVII.

Мы уже говорили, что Императрица рѣшительно отклонила просьбу Павла Петровича о поѣздкѣ его въ армію, дѣйствовавшею противъ турокъ. Должно признать, что при томъ положеніи, въ которое поставленъ былъ командовавшій этою арміею, князь Потемкинъ, пребываніе въ ней Цесаревича было бы крайне неудобно.

Для веденія военныхъ противу Турціи дѣйствій, предпринятыхъ нами въ союзѣ съ Австріею, образованы были первоначально двѣ арміи: украинская, подъ начальствомъ графа Румянцова, которая должна была вступить въ Польшу и приблизиться къ Днѣстру, и екатеринославская, подъ начальствомъ князя Потемкина, для обороны Крыма и дѣйствій около Кинбурна и Очакова. Сверхъ того предположено было направить русскій флотъ въ Средиземное море и начальство надъ войсками, на судахъ отправленными, поручить Г. П. Заборовскому [1]).

При самомъ началѣ кампаніи, осенью 1787 г., Потемкинъ, чувствуя себя нездоровымъ, желалъ пріѣхать въ Петербургъ, сдать команду Румянцову и даже думалъ оставить Крымъ, выведя оттуда наши войска [2]). Императрица постоянно отговаривала его отъ этихъ предположеній и интересовалась его болѣзнью, разспрашивая о подробностяхъ ея и давая ему

---

[1]) Инструкція ему 7 марта 1788 г., въ Р. А., 1866, 1373.
[2]) С. Р. И. О., XXVII, 429, 430, 433, 434, 491.

совѣты. „О твоихъ спазмахъ, — писала она 9 сентября 1787 г. [1]), я такой вѣры, что онѣ не что иное какъ вѣтры, et qu' en chassant les vents vos spasmes seront soulagés; essayez, je vous prie, et faites vous donner des choses qui chassent les vents; j'ose croire que les spasmes s'en iront avec les vents; je suis d'opinion que tout spasme est causé par les vents. Я знаю, каковы онѣ мучительны, наипаче чувствительнымъ и петерпѣливымъ людямъ, какъ мы съ тобою".

Тѣмъ не менѣе, съ перваго же момента, война эта начала тяготить Екатерину. „Я сама того мнѣнія, писала она 6 ноября 1787 года, что войну сію укоротить должно, колико возможно" [2]).

Намѣреніе Потемкина оставить армію нравилось многимъ въ Петербургѣ. „Признаюсь, что я былъ радъ, писалъ Безбородко 4 апрѣля 1788 г. [3]), когда князь Потемкинъ вздумалъ было сюда пріѣхать и армію графу Румянцову оставить. Я тутъ предвидѣлъ, что и дѣла военныя пошли бы своимъ порядкомъ и здѣсь многое скорѣе и рѣшительнѣе потекло бы его содѣйствіемъ; да и своимъ искусствомъ обуздалъ бы онъ многихъ непстовство. Но я подозрѣваю, что тутъто и была интрига, чтобъ его тамъ удержать".

Кампанію 1788 г., положено было начать осадою Очакова и до того времени дѣйствіемъ арміи графа Румянцова къ сторонѣ Бендеръ стараться, привлекши тутъ силы турецкіе, разбить ихъ, потомъ и далѣе распространить поиски, а къ сторонѣ Хотина отдѣленъ былъ у насъ корпусъ на соединеніи съ австрійскимъ генераломъ принцомъ Кобургскимъ. Между тѣмъ, генералъ Фабрисъ изъ Трансильваніи долженъ былъ занять Банатъ краіовскій, а главная австрійская армія начать осаду Бѣлграда.

Открытыя австрійцами военныя дѣйствія велись вяло и неудачно [4]), а въ іюнѣ 1788 г., какъ мы говорили выше, началась война наша со Швеціею.

[1]) Тамъ же, 437.
[2]) Тамъ же, 446.
[3]) А. к. В., XIII, 144.
[4]) Отзывы Екатерины, С. Р. И. О., XXVII, 476 и 478

Вслѣдствіе этого обѣ южныя арміи наши должны были разсчитывать только на собственныя свои силы, и князь Потемкинъ поневолѣ медленно велъ осаду Очакова. Только 6 декабря крѣпость была взята послѣ кровопролитнаго штурма съ значительными потерями. Взятіе Очакова должно было, по мнѣнію Екатерины, послужить къ генеральной развязкѣ дѣлъ [1]), потому что еще до этого, мы мыслили, какъ выразилъ Безбородко, чтобъ ускорить миромъ съ турками и тѣмъ развязать себѣ руки противъ шведовъ и прусскаго короля [2]). 21 декабря подписанъ былъ рескриптъ послу въ Вѣнѣ, князю Голицыну, о мирныхъ условіяхъ съ Турціею [3]), но до мира было еще далеко.

Послѣ взятія Очакова, Потемкинъ отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 4 февраля 1789 г.

Главною цѣлью его пріѣзда было желаніе удалить Румянцова, въ чемъ онъ и успѣлъ совершенно. Обѣ арміи, екатеринославская и украинская, соединены были подъ начальствомъ Потемкина.

„Фельдмаршалъ Румянцовъ, писалъ Завадовскій 1 іюня 1789 г. [4]), десять лѣтъ сряду угнетаемъ будучи, имѣлъ терпѣніе переносить вся непріятныя, забившись въ свою вишенскую нору. Въ началѣ нынѣшней войны упослѣженъ онъ былъ начальствомъ малаго числа войскъ. Всякъ думалъ, да и дѣлано было съ тѣмъ, что онъ не приметъ команды, несоразмѣрной его славѣ и заслугамъ. Пожертвовалъ однакоже онъ благороднымъ честолюбіемъ слабостямъ духа, или страсти къ военному ремеслу. При открытіи кампаніи, когда дѣла наши не лучше шли, можно было думать, что сіе онъ учинилъ по предвидѣнію вещей, но взятіе Очакова свершило его жалкую долю. Тутъ уже пропало къ нему всякое уваженіе. Отъ неудовольствія онъ не хотѣлъ наступать на турокъ, которыхъ сволочи всякой небольшая куча цѣлое лѣто на посу

[1]) Письмо 16 декабря 1788 г., тамъ же, 536.
[2]) Письмо 9 декабря 1788 г. А. к. В., XIII, 158.
[3]) Храповицкій, 21 декабря 1788.
[4]) А. к. В., XII, 60.

его простояла въ окольчности Рябой Могилы. По взятіи Очакова (чего онъ никакъ не ждалъ) хотя двинулъ онъ свои войска и въ Галацахъ одержалъ значительную побѣду, но уже сіе поздно было, ибо соперникъ его, прибавя славу дѣла къ своей силѣ, получилъ его армію и отмстилъ за критику, которую безъ пощады онъ произносилъ, не чая быть тому, что случилось. Когда не видѣли надежды, чтобъ самъ отошелъ, то его отозвали. Въ семъ случаѣ онъ отозвался прилично, съ духомъ довольно чувствующимъ свои качества; просился къ водамъ, но, получа на сіе дозволеніе, онъ былъ болѣе тронутъ и огорчился, чѣмъ отнятіемъ команды. Вмѣсто того, чтобы ѣхать и пользоваться въ Европѣ своею репутаціею, которая независима отъ неудовольствія своего двора, онъ сидитъ по сію пору въ Яссахъ, къ стыду, а не для своей пользы. Итакъ, видимъ въ наши времена состарѣвшагося Помпея и торжествующаго надъ нимъ Цезаря, исключая, что не въ республикѣ и не по одинакимъ предметамъ идутъ вещи. Видимъ Россійскаго Сципіона, загнаннаго въ деревню на смерть. Сей примѣръ во всемъ похожъ. Сообрази его и не удивляйся, что въ наши дни тоже случилось, что бывало въ просвѣщеннѣйшемъ народѣ лѣтъ двѣ тысячи назадъ, въ доказательство несправедливости человѣческой.

„Князь Потемкинъ, возвратясь побѣдителемъ, весьма былъ ласковъ и привѣтливъ; раза два гостилъ въ моемъ домѣ. Однажды, ведя со мною разговоръ, сказалъ, что ежели бы онъ вѣрилъ тому, что къ нему писано, то считать бы долженъ меня первымъ себѣ врагомъ. Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство и сія добродѣтель въ немъ со излишествомъ. Все стоячее онъ валитъ и лежачее подымаетъ; врагамъ отнюдь не мстителенъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу, но сіе надобно исполнять бы другимъ. Словомъ, премного добраго, но общая ненависть къ нему выбираетъ только худое. Достигая все покорить подъ свою пяту, не дорожитъ способами, но и величайшій мужъ Юлій Цезарь былъ in omnia

praeceps. Не уподобляю однакоже ни успѣховъ, ни конца, ибо сфера не одинакова. Довѣренность могуществу его равна. Не одержалъ онъ титула генералиссимуса, каковъ ему начали давать иностранные, а власть его болѣе, чѣмъ сія; ибо не одни дѣла военныя, но всѣ идутъ по его волѣ. Онъ пользуется вещью, а не именемъ.

„Безпрерывныя перемѣны въ войскахъ; то новое, то изъ новаго старое; странныя издержки безъ хозяйства; все вышло изъ порядка; нѣтъ связи и соображенія; до крайняго приходимъ истощенія. Въ началѣ войны я воображалъ всю славу нашу и послѣднюю гибель турокъ. Познавъ теченіе вещей, прошу Бога, чтобъ даровалъ миръ. Подумай, счетъ нашихъ боевыхъ силъ до 500 т. простирается! Съ таковымъ ополченіемъ кого возможно страшиться? Но сія машина требуетъ умственной силы. Судьба еще отдаляетъ время вступить Россіи на степень величія, соразмѣрную ея могуществу. Ты пожелаешь узнать многія причины. Удовольствуйся одною, которую скажу: несчастіе въ избраніи людей. Всходило ли тебѣ когда на мысль, чтобы Заборовскій признанъ за способнаго потрясти Архипелагомъ или Войновичъ предводить флотомъ большимъ на Черномъ морѣ? Далѣе самъ толкуй Енеевъ стихъ: „heu, quantum mutata est illa“. Люблю отечество, сердцемъ привязанъ къ славѣ, благодѣющей мнѣ, по живу въ такое время, когда льстецы пріемлются, а благонамѣренные молча воздыхаютъ. Нѣтъ способа говорить, что думаешь“.

Въ это пребываніе Потемкина въ Петербургѣ онъ началъ ухаживать за дочерью Л. А. Нарышкина, Марьею Львовною, воспѣтою Державинымъ въ его одѣ къ Евтерпѣ. Князь Потемкинъ у Л. А. Нарышкина всякій вечеръ провождаетъ, писалъ Безбородко марта 1789 г., въ городѣ говорятъ, что онъ женится на Марьѣ Львовнѣ; принимаютъ туда теперь людей съ разборомъ, а молодежь исключаютъ [1]).

Однакоже М. Л. Нарышкина вскорѣ вышла замужъ за князя Любомірскаго, и только отцу ея достался домъ По-

[1]) Григоровичъ, I, 498.

темкина, который, по мнѣнію одного изъ его современниковъ [1]), „лучше бы ему сжечь до основанія, чтобы не служилъ монументомъ безславія, въ разсужденіи цѣны, за какую онъ достался нынѣшнему хозяину“.

Въ это же время Потемкину пришлось быть свидѣтелемъ размолвки Екатерины съ ея фаворитомъ Мамоновымъ. Еще въ іюлѣ 1788 г. Мамоновъ говорилъ, что ему скучно; „нѣтъ; мнѣ долго здѣсь быть нельзя“, причемъ извѣстный Гарновскій, донося объ этомъ Потемкину, находилъ, что если это сбудется, то не отъ чего иного, кромѣ „физическихъ причинъ“ [2]).

Происшедшая между Екатериною и Мамоновымъ, въ февралѣ 1789 г., размолвка записана у Храповицкаго слѣдующимъ образомъ:

11 февраля. Послѣ обѣда ссора съ графомъ А. М. Мамоновымъ, слезы. Вечеръ проводили въ постелѣ... просился онъ.

12 февраля. По причинѣ слезъ меня не спрашивали; вице-канцлера не приняли; ходилъ одинъ только графъ Безбородко. Послѣ обѣда князь Потемкинъ миротворствовалъ.

16 февраля. Сказывалъ З. К. Зотовъ, что паренекъ считаетъ житье свое тюрьмою, очень скучаетъ, и будто послѣ всякаго публичнаго собранія, гдѣ есть дамы, къ нему привязываются и ревнуютъ.

21 февраля. Слезы. Не выходили; меня не спрашивали и какъ почтовые пакеты, такъ и прочія бумаги, присланы ко мнѣ чрезъ З. К. Зотова; легли на канапе.

22 февраля. Выходили, но смутность предолжается.

23 февраля. З. К. Зотовъ сказывалъ, что изволили ему жаловаться на графа Мамонова, примѣчая холодность и задумчивость близь четырехъ мѣсяцевъ, т.-е. съ того времени, какъ начались прогулки.

Хотя Потемкинъ и миротворствовалъ между Екатериною и Мамоновымъ, но миръ установился не надолго. 6 мая 1789 г. Потемкинъ уѣхалъ изъ Петербурга, но лишь только

---

[1]) Письмо Трощинскаго, А. к. В., XII, 392.
[2]) Р. С., XVI, 26.

вернулся въ армію, какъ получилъ извѣстіе, что Мамоновъ испросилъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ съ фрейлиною княжною Д. Ф. Щербатовою, и послѣ свадьбы, бывшей 1 іюля, уѣхалъ въ Москву. Въ должности фаворита онъ былъ немедленно замѣненъ П. А. Зубовымъ.

Возвратясь къ арміи, Потемкинъ перенесъ военныя дѣйствія въ Бессарабію и Молдавію, для соединенія съ дѣйствующею австрійскою арміею. Этотъ второй періодъ войны ознаменованъ былъ побѣдою при Рымникѣ, 11 сентября, сдачею Бендеръ 4 ноября 1789 г. и взятіемъ Измаила 11 декабря 1790 г.

Несмотря на эти успѣхи и на примиреніе наши со Швеціею, турецкая война крайне тяготила насъ и въ особенности наши финансы. Положеніе сдѣлалось еще тяжелѣе, когда послѣ смерти Іосифа II, его преемникъ Леопольдъ сталъ склоняться къ заключенію отдѣльнаго съ Турціею мира.

Императоръ Іосифъ II умеръ 9 февраля 1790 г. Еще за нѣсколько дней до его смерти Екатерина писала Потемкину [1]): о союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единаго вѣрнаго человѣка, который бы ему говорилъ: пустяками не раздражать подданныхъ: теперь онъ умираетъ, ненавидимъ всѣми".

Іосифъ II, —говорила Екатерина въ другой разъ, — отъ того занемогъ, что любилъ много говорить, и обо всемъ говоря, не зналъ о бунтѣ въ Нидерландахъ [2]).

Даже болѣе чѣмъ чрезъ два года послѣ его смерти, Екатерина утверждала, что [3]) она не можетъ еще прійти въ себя отъ удивленія: соотвѣтственный, рожденный и воспитанный для своего почетнаго положенія, полный ума, талантовъ и познаній, какъ могъ онъ сдѣлать, чтобы царствовать дурно и не только безуспѣшно, но и быть приведеннымъ къ несчастію, въ которомъ умеръ.

---

[1]) 6 февраля, Р. С., XVII, 406.
[2]) Храповицкій, подъ 25 апрѣля 1790 г.
[3]) Къ Гримму, С. Р. И. О., XXIII, 509.

Успѣхи, одержанные нами надъ турками въ 1789—1790 гг. принадлежатъ, главнымъ образомъ, Суворову. Потемкинъ принималъ лишь малое въ нихъ участіе, проводя время въ пирахъ и забавахъ.

Главная квартира пышностью отличалась противъ бывшей подъ командою графа Румянцова. [1]) Множество пріѣхало женъ русскихъ генераловъ и полковниковъ. Изъ числа знатнѣйшихъ были: П. А. Потемкина (р. Закревская) которой его свѣтлость великое оказывалъ вниманіе [2]), графиня Самойлова (р. княжна Трубецкая), княгиня С. Ѳ. Долгорукова (р. княжна Барятинская) графиня Головина, княгиня Гагарина, де-Виттъ, жена польскаго генерала, славившаяся красотою, бывшая потомъ замужемъ за графомъ Потоцкимъ [3]). Безпрестанно были праздники, балы, театры, балеты. Хоръ музыки инструментальной, роговой и вокальной былъ до 300 человѣкъ; извѣстный сочинитель музыки, Сарти, всегда былъ при князѣ. Онъ положилъ на музыку побѣдную пѣснь: „Тебѣ Бога хвалимъ“ и къ оной музыкѣ приложена была батарея изъ десяти пушекъ, которыя по знакамъ стрѣляли въ тактъ; когда же пѣли „святъ! святъ!“, тогда производилась изъ оныхъ орудій скорострѣльная пальба. Его свѣтлость одѣвался нерѣдко въ гетманское платье, которое сшито было щегольски и фасона, который онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ екатеринославскихъ и черноморскихъ казаковъ.

До какой степени дерзости доходилъ князь Потемкинъ, видно изъ слѣдующаго разсказа:

„Когда шведскій флотъ былъ запертъ, генералъ Кречетниковъ, управлявшій тогда малороссійскими губерніями, услышалъ отъ какого-то проѣзжаго изъ Петербурга, что будто

---

[1]) Энгельгардтъ 105, 106, 118, 114.

[2]) Письма къ ней Потемкина въ Р. С., XIII, 164.

[3]) Виттъ принятъ былъ въ русскую службу 28 февраля 1790 г. С. Р. И. О., XLII, 60. Князю стало у двора хорошо и по запискамъ его все сдѣлали и Витшѣ на аренду бѣлорусскія 1400 душъ безъ платежа пожалованы. Письмо М. С. Потемкина отъ 23 іюля 1790 г. Р. А. 1879, № 6, 197. Портнаго, за то, что хорошо сшилъ платье на кн. Долгорукову Потемкинъ пожаловалъ въ поручики. Р. С., XIV, 237.

шведскій флотъ сдался. Съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ Кречетниковъ прислалъ къ свѣтлѣйшему князю курьера. Не только во всей арміи стрѣляли викторію, но свѣтлѣйшій князь о сей мнимой побѣдѣ отправилъ курьера къ австрійскому императору. Черезъ нѣсколько дней Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ о томъ ложно. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прибылъ во время обѣда; князю чрезвычайно было прискорбно, но долженъ былъ послать курьера къ императору о таковой скороспѣшной неосмотрительности. Князь сталъ бранить Кречетникова; князь В. В. Долгоруковъ, сидѣвшій подлѣ самаго князя, сталъ его защищать. Свѣтлѣйшій князь до того разсердился, что вышелъ изъ себя, схватилъ Долгорукова за георгіевскій крестъ; сталъ его дергать и сказалъ: „какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма очаковскаго струсилъ“ [1]). Вставъ изъ-за стола, подошелъ князь къ австрійскимъ генераламъ, на тотъ разъ тутъ бывшимъ и сказалъ: „pardon, messieurs, je me suis oublié; je connais ma nation, et je l'ai traité comme il mérite“.

Это случилось въ Яссахъ, при самомъ отбытіи въ Бендеры, но ссора эта продолжалась не долго. „Долгоруковъ, думаю, съ княземъ помирился. Барятинскій [2]) сказывалъ, что князь у него ужиналъ; это служитъ въ примѣръ другимъ“, писалъ М. С. Потемкинъ 20 іюля 1790 г. [3]). Вѣроятно, на это повліяла жена Долгорукова, потому что, какъ свидѣтельствуетъ Энгельгардтъ, его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія княгинѣ С. Ѳ. Долгоруковой. Между прочими уваженіями сдѣлана была землянка противъ Бендеръ за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что только роскошь можетъ выдержать. Изъ ве-

[1]) Князю Долгорукову пожалованъ былъ орденъ Георгія 2 степ. 16 декабря 1788 г. О поведеніи Долгорукова при взятіи Очакова см. замѣчаніе Екатерины у Храповицкаго подъ 2 января 1789 г.; о донесеніи Кречетникова см. письмо М. С. Потемкина въ Р. А. 1879, № 6, 196.

[2]) Тесть Долгорукова.

[3]) Р. А. 1879 г., № 6, 195.

ликолѣпной сей подземельной залы, особый былъ будуаръ, въ который только входили тѣ, кого князь самъ приглашалъ. Вокругъ землянки кареемъ поставлены были полки: екатеринославскій и конногвардейскій, имѣя ружья, заряженныя холостыми патронами и въ сумахъ по 40 патроновъ на каждаго человѣка; близъ онаго каре поставлена была батарея изъ 100 пушекъ; обоихъ полковъ барабанщики собраны были къ землянкѣ. Однажды князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому какъ полками, такъ и изъ батарей произведенъ былъ батальный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ. Однажды княгиня сказала, что любитъ цыганскую пляску. Князь Потемкинъ узналъ, что бывшіе въ конной гвардіи вахмистры, два брата Кузьмины, выпущенные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать по-цыгански, приказалъ послать за ними и когда ихъ привезли, одѣли одного изъ нихъ цыганкою, а другаго цыганомъ. На одномъ балѣ сдѣланъ былъ для княгини сюрпризъ и должно отдать справедливость мастерству гг. Кузьминыхъ; я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ. Такъ, поплясали они недѣли съ двѣ и отпущены были въ свои полки на Кавказъ, съ тою только для нихъ пользою, что проѣздъ имъ ничего не стоилъ“.

Какія чувства могъ питать князь Долгоруковъ къ Потемкину, предоставляемъ рѣшить читателю, но чувства благодарности едва ли отъ него можно было ожидать. А между тѣмъ когда, уже послѣ смерти Потемкина, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Императрицѣ, то Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ, что „худо принятъ князь В. В. Долгоруковъ и говорено много насчетъ его трусости и неблагодарности къ свѣтлѣйшему князю“ [1]).

Другой современникъ писалъ изъ Бендеръ въ ноябрѣ 1790 г. [2]): „мы живемъ довольно весело. Разнаго рода собранія продолжаются у князя довольно часто. Число дамъ у насъ прибавилось пріѣздомъ Татьяны Васильевны (жены М. С.

[1]) Храповицкій, 22 февраля 1792.
[2]) Письмо Киселева 23 ноября, Р. А. 1876, II. 138.

Потемкина), которою здѣсь всѣ очень довольны, ибо она со всѣми очень учтива. Теперь остается сказать объ игрѣ. Я съ начала кампаніи былъ въ выигрышѣ почти 100,000; въ сентябрѣ всѣ было оныя проигралъ назадъ, но теперь всѣ возвратилъ и съ большими процентами и, кажется, уже эту кампанію въ проигрышѣ не буду. Василій Васильевичъ всякій день дѣлаетъ банкъ и кромѣ меня, и князя Николая Сергѣевича, всѣхъ обыгрываетъ, то-есть, Головина, генерала Косиковскаго, Рахманова, Разумовскаго, который былъ въ выигрышѣ до 60,000, но кажется, что уже теперь своихъ не досчитывается, и князь Василій Васильевичъ, который третьяго дня пропонтировалъ 50,00, очень крехтитъ по своей непривычкѣ къ оному. Вотъ вамъ положеніе всѣхъ нашихъ понтеровъ."

Наконецъ, третій современникъ, графъ Г. И. Чернышовъ, котораго мы видѣли устроителемъ гатчинскихъ домашнихъ спектаклей, служившій въ 1790 г. волонтеромъ при арміи Потемкина, писалъ про тамошнюю жизнь слѣдующее [1]): „Кромѣ общественныхъ баловъ, бывающихъ еженедѣльно по два или по три раза, у князя каждый день собирается немноголюдное общество, въ двухъ маленькихъ компатахъ, великолѣпно убранныхъ; въ нихъ красуется вензель той дамы, въ которую князь влюбленъ. Тамъ бываютъ одни приглашенные; даже адъютанты и приближенные князя въ это время не могутъ засѣдать въ пріемной: до такой степени важно это святилище. Впрочемъ, Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится; ибо ждутъ Браницкую и уже посланъ офицеръ встрѣчать ее. Г-жа Л. должна немедленно пріѣхать и везетъ съ собою молоденькую дѣвушку, лѣтъ 15 или 16, прелестную какъ амуръ. Говорятъ, что это П., но не знаю, которая: не П. ли это, жившая при дворѣ вмѣстѣ съ М.? Какъ бы то ни было, князю готовятъ жертву, которую добылъ генералъ Львовъ. Онъ въ большей милости".

Понятно, что подобная жизнь и образъ дѣйствій тяжело

---

[1]) Р. А. 1871, № 5, 386. Письмо 20 ноября 1790.

отзывались на хозяйствѣ арміи. „Графиня Браницкая, Энгельгардтъ, князь Сергій Голицынъ, графъ Виттъ и тому подобные, которые набрали еще премножество прислужниковъ, драли съ казны цѣны пребольшія. Напримѣръ, гр. Браницкая подрядилась поставить хлѣбъ въ таврическіе магазины, четверть по 7 р. 50 к., имѣла уже на семъ подрядѣ барыша до 180,000 р., кромѣ что фуры ея на обратномъ пути должны были вывесть полный грузъ соли за обыкновенную тамъ цѣну, т. е. за пудъ по 10 коп.; но симъ не удовольствовалась; требовала еще, чтобъ платежъ учиненъ былъ за все червонными, полагая каждый по 3 рубля, когда они гораздо выше 4-хъ рублей приходятъ. Отъ сего вышла у нея ссора съ правителемъ канцеляріи князя Поповымъ“ [1]).

Передъ графинею Виттъ Потемкинъ расточалъ самыя изысканныя любезности. Однажды, желая подарить ей кашемировую шаль безумно высокой цѣны, онъ далъ праздникъ, на которомъ было до 200 дамъ и послѣ обѣда устроилъ лотерею, но такъ, что каждой досталось по шали, а лучшая изъ нихъ выпала на долю самой прекрасной изъ дамъ. Графиня Виттъ была даже виновницею взятія Измаила. Однажды она гадала передъ Потемкинымъ на картахъ и сказала, что Измаилъ сдастся черезъ три недѣли. Я умѣю гадать лучше васъ, отвѣчалъ Потемкинъ и въ ту же минуту послалъ Суворову приказаніе взять Измаилъ приступомъ во что бы то ни стало [2]).

Приказаніе это было исполнено. Измаилъ взятъ былъ 11 декабря 1790 г. Посылая объ этомъ донесеніе въ Петербургъ, Потемкинъ просилъ разрѣшеніе государынѣ пріѣхать туда же. Однако, несмотря на радость, которую это извѣстіе произвело въ Императрицѣ, она, подпавшая въ это время подъ вліяніе Зубова, не желала, повидимому, пріѣзда Потемкина и писала ему [3]), чтобъ онъ выждалъ вѣстей объ имрессіи, кою сдѣлаетъ въ Царьградѣ взятіе Измаила и ежели онѣ будутъ та-

[1]) Письмо Безбородко, А. к. В., XIII, 223; тоже говоритъ и Каменскій въ письмѣ къ Салтыкову, Р. А. 1873, I, стр. LXX.

[2]) Надеждинъ, Свѣтлѣйшій князь Таврическій. Одесса. 1839.

[3]) 22 января 1791, Р. С., XVII, 646.

ковы и самъ Потемкинъ усмотритъ, что его пріѣздъ въ Петербургъ не испортитъ дѣла, не отдалитъ мирные переговоры, либо не остановится тѣмъ раннее открытіе кампаніи, тогда дозволяла ему пріѣхать „съ нами“ бесѣдовать; въ противномъ же случаѣ просила его не отлучаться.

Но обстоятельства были такъ важны, что Потемкину казалось необходимымъ быть въ Петербургѣ. Съ одной стороны веденіе войны становилось труднымъ. Еще въ 1789 г. Безбородко [1]) находилъ, что нашъ интересъ теперь въ томъ состоитъ, чтобы скорѣе сдѣлать миръ хотя нѣсколько честный, ибо мочи уже нѣтъ продолжать войну. Отъ неурожая хлѣбнаго и возвышенія цѣнъ и отъ худой экономіи въ войскахъ такъ возрасли расходы, что намъ нынѣшній годъ станетъ на войну 30 слишкомъ милліоновъ, и чтобъ быть въ состояніи протянуть будущую кампанію, дошло дѣло до наложенія новыхъ податей. Заключеніе мира съ Швеціею облегчило наше положеніе, но составило первую лишь половину дѣла: одну лапу мы изъ грязи вытащили, говорила Екатерина; какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуія [2]).

Но кромѣ вопроса о мирѣ съ Турціею Потемкина побуждало пріѣхать въ Петербургъ и возрастающее значеніе Зубова. Въ январѣ 1791 г. ожидали уже въ Москвѣ его проѣзда. Цѣль его сюда пріѣзда, писалъ Бантышъ-Каменскій 29 января, никому неизвѣстна, но большая часть вѣритъ, будто для удостовѣренія, такъ ли хороша Ваксселева жена, какъ объ ней вездѣ гремятъ [3]).

Потемкинъ прибылъ въ Петербургъ 28 марта и съ первой же минуты увидѣлъ, что бороться съ Зубовымъ ему невозможно; онъ пробылъ здѣсь четыре мѣсяца, но поколебать значенія Зубова не успѣлъ.

Князь, сюда заѣхавши, писалъ Завадовскій 1 іюня 1791 г. [4]) нимъ не занимался, какъ обществомъ женщинъ, ища имъ

---

[1]) Письмо 1 ноября 1789, А. к. В., XIII, 168.
[2]) Р. С., XVII, 423.
[3]) Р. А., 1876, № 11, стр. 258.
[4]) А. к. В., XII, 68.

правиться и ихъ дурачить и обманывать. Влюбился онъ еще въ арміи въ княгиню Долгорукову. Женщина превзошла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце [1]). Онъ мечется какъ угорѣлый. Уязвленное честолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ. Пороки Аннибала, пороки Александра видимъ, безъ ихъ великихъ дарованій. До сихъ послѣднихъ достигнуть труднѣе, чѣмъ претворить нашу столицу въ Капую, въ Вавилонъ... Утомилъ бы я твое вниманіе и мое перо, еслибы все описывать, что скорбь дѣлаетъ усердному сыну отечества. Ни одно государство такъ скоро въ долги не ринулось, нигдѣ такъ быстро не возобладала роскошь и не внесло въ нравы гибельныхъ пороковъ, какъ у насъ. Расширяй свое воображеніе отъ сихъ пунктовъ: сколько ни дашь воли, не превзойдешь мѣру, а потому желай вседушно, какъ и я прошу Бога, чтобъ былъ миръ, дабы хотя съ одной стороны меньше страдала общая польза".

Впрочемъ, княгиня Долгорукова, какъ и многіе другіе, поняла, что центръ тяжести лежалъ въ это время уже не въ Потемкинѣ, а въ Зубовыхъ. Пріѣхавшая въ Петербургъ графиня Виттъ разсказывала при всѣхъ громко, какъ княгиня Долгорукова дурно въ арміи себя вела и какъ она цѣловалась на диванахъ, говоря: въ первый разъ отъ роду; сказывала какъ Фокнеръ засталъ ночью Валеріана (Зубова) у ней [2]).

Потемкинъ началъ въ это время получать отказы на свои ходатайства, чего съ нимъ прежде не случалось. Князь весьма былъ въ неудовольствіи, писалъ М. С. Потемкинъ 1 августа 1791 г. [3]), что камеръ-юнкеръ Голицынъ, князь Михайла, по просьбѣ его не переименованъ въ оберштеръ-кригсъ-комисары инспекторскіе инспекторомъ и оной экспедиціи вышелъ новый статъ" [4]). Вѣроятно къ этому дѣлу относится письмо Екатерины къ Потемкину

[1]) Ср. письмо Лупиной 24 марта 1791, Р. А. 1876, II, 140.

[2]) Письмо Потемкина 1 августа 1791 г., Р. А. 1879, № 6, 202.

[3]) Р. А. 1879, II, 201. Ср. записки Храповицкаго подъ 25 октября 1792 г. Рѣчь идетъ вѣроятно, о Михаилѣ Андреевичѣ Голицынѣ (1765—1812) женатомъ съ 1787 г. на гр. Прасковьѣ Андреевнѣ Шуваловой (1767—1828).

[4]) См. штаты армейскаго инспекторскаго департамента и инспекторской экспедиціи при военной коллегіи 18 іюля 1791 г. П. С. З., № 16972.

слѣдующаго содержанія: „Не по красотѣ, не по уму, еще менѣе по знанію и по опрятности тѣлесной представляешь человѣка къ арміи въ инспекторы! Онъ же столь взбалмошный, что болѣе двухъ мѣсяцевъ по городу хвастается, что онъ тебя поймалъ и за носъ водитъ, сбираясь въ гофмаршалы, ибо дуракъ сей столь лѣнивъ, что кромѣ ѣды да нѣтуховой драки и въ головѣ ничто не помѣщается. По богатству своему онъ ни къ чему не прилежитъ, и ни въ чемъ, думаетъ, что и нужды не имѣетъ; онъ тебѣ чести въ арміи не принесетъ; несчастлива бы армія была, ежели въ ней не найдется единаго человѣка достойнѣе того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоитъ того, чтобъ ты себя обременялъ такимъ человѣкомъ, который въ короткое время тебѣ будетъ въ тягость, тутъ же не возьмешъ ничего, car madame est charmante, mais on ne gagne pas la moindre chose en lui faisant la cour; c'est une chose reconnue, et une famille immense veille à sa réputation; ainsi il se pourrait encore que vous resteriez chargé du mari, qui est vraiment une charge et une charge lourde, sans attirer personne à sa suite que lui même. Ты самъ знаешь, что богачи у насъ рѣдко прилежатъ къ чему, а сей гордъ и пышенъ, но при дворѣ весьма рядовой камеръ-юнкеръ съ богатымъ кафтаномъ по праздникамъ... Извини меня, ежели скажу, что и мужъ и жена тебя обманываютъ“ [1]).

Потемкинъ увидѣлъ, что время его прошло безвозвратно. Въ послѣдній разъ удивилъ онъ Петербургъ богатствомъ и роскошью своего знаменитаго таврическаго праздника и 24 іюля 1791 года покинулъ на-вѣки столицу. За мѣсяцъ предъ тѣмъ, командовавшій въ его отсутствіи, арміею, князь Репнинъ разгромилъ, 28 іюня, главныя турецкія силы подъ Мачинымъ и 31 іюля подписалъ предварительныя условія мира съ Турціею.

Всякій, кто внимательно изучалъ переписку Императрицы Екатерины съ Потемкинымъ, не можетъ не признать, что

---

[1]) С. Р. И. О., XLII, 141.

переписка эта, по тону и интимности, есть переписка жены съ мужемъ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ Екатерина прямо называетъ Потемкина „владыко и cher époux, или mon très cher époux“ [1]) и принимать эти выраженія не въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ основанія.

Въ русской исторической литературѣ еще не былъ подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ о томъ, состоялъ ли Потемкинъ въ бракѣ съ Екатериною, хотя на это и встрѣчаются нѣкоторыя указанія. Кастера разсказываетъ, что Потемкинъ желалъ вступить въ бракъ съ Екатериною еще въ 1775 году, что для этого онъ привлекъ на свою сторону духовника Екатерины, который былъ и его духовникомъ, но что Императрица отказалась тогда отъ вступленія въ бракъ. То же говоритъ и графъ Сиверсъ [2]).

Если это справедливо, то отказъ Екатерины можетъ быть объясненъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1775 году были еще живы Г. Г. Орловъ, самъ желавшій въ 1763 году жениться на Екатеринѣ и Н. И. Панинъ, бывшій въ то время главнымъ противникомъ этого брака. Затѣмъ чрезвычайныя награды, данныя Потемкину въ 1775 — 1776 гг., могутъ быть объяснены именно желаніемъ Екатерины уменьшить въ Потемкинѣ непріятность полученнаго имъ отказа.

Далѣе Кастера повѣствуетъ, что Потемкинъ вступилъ въ бракъ съ Екатериною въ 1784 году, послѣ смерти Ланского, скончавшагося 25 іюня того года. Въ это время Орлова и Панина уже не было въ живыхъ и противодѣйствія ко вступленію ея въ бракъ ожидать было не отъ кого.

Конечно, сочиненіе Кастеры представляетъ источникъ, къ которому слѣдуетъ обращаться съ большою осторожностью. Тѣмъ не менѣе разсказъ его подтверждается нѣкоторыми другими указаніями.

Дѣйствительно, послѣ смерти Ланского Екатерина была опечалена и только пріѣздъ Потемкина разсѣялъ ея грусть. Въ этомъ же году она пріобрѣла имѣніе Пеллу, близъ Пе-

[1]) Р. С., XXXII, 195, 197 и 199, №№ 54, 75 и 98.
[2]) Denkwürdigkeiten, II, 68.

тербурга, гдѣ по преданію и совершено было бракосочетаніе ея съ Потемкинымъ. Сохранились до-нынѣ два вѣнца съ изображеніемъ Екатерины великомученицы и Григорія Богослова, которые были употреблены при обрядѣ вѣнчанія. [1])

Наконецъ, въ послѣднее время найдено донесеніе австрійскаго посла въ Петербургѣ, Кобенцеля, который свидѣтельствуетъ, что бракъ Императрицы Екатерины съ Потемкинымъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто. [2])

---

[1]) Р. А. 1881.

[2]) Въ Neue Freie Presse (1883 г. № 6111 и сл.) явилась статья „Fürst Potemkin und seine Beziehungen zu den Frauen“, въ которой шла рѣчь и о письмахъ Екатерины къ Потемкину, напечатанныхъ въ Р. С., т. XXXII. За тѣмъ въ № 6114 той же газеты профессоръ Вертгеймеръ сообщилъ извлеченія изъ неизданной депеши Кобенцеля 15 апрѣля 1789 г., въ которой онъ, со словъ графа Сегюра, говоритъ о бракѣ Екатерины и Потемкина, какъ о положительномъ фактѣ.

XXVIII.

По возвращеніи изъ шведскаго похода, Павелъ Петровичъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, вновь удалился въ любезную ему Гатчину. Образъ его жизни сдѣлался сосредоточеннѣе и уединеннѣе прежняго. Когда, въ сентябрѣ 1789 г., другъ его Вадковскій назначенъ былъ постояннымъ къ нему камергеромъ, Цесаревичъ, выразивъ свое по этому случаю удовольствіе, выразилъ однако и опасеніе, чтобы его образъ жизни не наскучилъ женѣ Вадковскаго [1]). Съ марта 1790 года современники стали замѣчать, что Павелъ Петровичъ съ нѣкотораго времени сдѣлалъ сильную привычку къ задумчивости. Мысль о смерти явилась въ его воображеніи [2]).

Настроеніе его духа въ это время обрисовалъ въ своихъ запискахъ графъ Сегюръ [3]). Окончивъ свою миссію въ Россіи, Сегюръ выѣхалъ 11 октября 1789 г. изъ Петербурга въ Гатчину, чтобы проститься съ великимъ княземъ и великою княгинею, которые уговорили его провести у нихъ дня два.

Въ первую пору пребыванія въ Россіи Сегюра, Павелъ Петровичъ оказывалъ ему расположеніе, походившее на оча-

---

[1]) Письмо 10 сентября 1789, О. В., III, 416. Вадковскій женился 2-го того же сентября на графинѣ Е. И. Чернышовой.

[2]) Гарновскій, Р. С., 1876, XVI, 428. Письмо къ Вадковскому 11 марта 1790, О. В., III, 416.

[3]) Mémoires Paris, 1827, III, 456. Ср. отзывъ Гельбига 14 февраля 1788; Herrmann, Ergänzungsband, 652.

рованіе его особою. Это продолжалось недолго: онъ охладѣлъ къ Сегюру, когда увидѣлъ, что къ нему стала добра и любезна Императрица. Давно уже не изъявлялъ онъ никакого желанія сблизиться съ Сегюромъ, но передъ его отъѣздомъ онъ вновь оказалъ Сегюру довѣріе. Нѣсколько часовъ онъ почти исключительно говорилъ ему о своихъ неудовольствіяхъ съ Императрицею, Потемкинымъ, о непріятностяхъ своего положенія и о страхѣ, который къ нему питали. Напрасно Сегюръ старался его увѣрить, что онъ заблуждается въ своихъ предубѣжденіяхъ; что его мать, нисколько его не опасаясь, дозволяла ему держать его дворъ по его усмотрѣнію и имѣть при себѣ, недалеко отъ Царскаго Села, два батальона, офицеры которыхъ назначались имъ самимъ, которыхъ онъ училъ, вооружалъ и одѣвалъ по своему усмотрѣнію, между тѣмъ какъ она, нисколько не опасаясь за себя, охранялась одною только гвардейскою ротою. Если Императрица, продолжалъ Сегюръ, не приглашаетъ васъ въ совѣтъ и не даетъ вамъ никакого участія въ дѣлахъ, то позвольте мнѣ замѣтить, что ей трудно дѣйствовать иначе: она знаетъ, что вы осуждаете ея образъ жизни, связи, систему управленія и политику.

Сегюръ не убѣдилъ Павла Петровича. Осуждая министровъ и лицъ, приближенныхъ къ Государынѣ, онъ старался доказать Сегюру, что, не смотря на его пятилѣтнее пребываніе въ Россіи, онъ ее очень мало узналъ.

Объясните мнѣ, наконецъ, сказалъ между прочимъ великій князь, отчего въ другихъ европейскихъ монархіяхъ государи царствуютъ и вступаютъ на престолъ спокойно одинъ вслѣдъ за другимъ, а въ Россіи иначе.

„Причину этихъ неустройствъ, отвѣчалъ Сегюръ, указать нетрудно и вѣроятно она не ускользнула отъ вашего вниманія. Повсюду наслѣдственность престола въ мужскомъ поколѣніи служитъ охраною народамъ и обезпеченіемъ государямъ. Въ этомъ заключается основное различіе между монархіями варварскими и монархіями европейскими; можетъ быть, успѣхами образованности обязаны мы этой твердости престоловъ. Въ Россіи же, напротивъ того, въ этомъ отношеніи ничего

не установлено, все сомнительно. Государь избираетъ себѣ наслѣдника по своей волѣ, а это служитъ источникомъ постоянныхъ замысловъ честолюбія, козней и заговоровъ".

„Согласенъ, возразилъ Павелъ Петровичъ, но что же дѣлать? здѣсь къ этому привыкли; обычай господствуетъ. Измѣнить это можно только съ опасностью для того, кто это предприметъ: русскіе лучше любятъ видѣть на престолѣ юбку, нежели мундиръ".

„Однако я полагаю, сказалъ на это Сегюръ, что такая перемѣна къ лучшему могла бы совершиться въ какую-нибудь завѣтную пору новаго царствованія, напримѣръ, по случаю торжественнаго въѣзда или коронаціи, когда народъ расположенъ къ надеждѣ, радости, довѣрію".

„Да, я понимаю, отвѣчалъ Павелъ Петровичъ, цѣлуясь съ Сегюромъ, это можно бы испытать".

Мы не безъ намѣренія привели эту выдержку изъ записокъ Сегюра; если вполнѣ вѣрить его разсказу, то можно придти къ заключенію, что едва ли не Сегюръ подалъ великому князю первую мысль закона о престолонаслѣдіи [1]). Между тѣмъ мы уже видѣли, что, за два года до этого разговора, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна зрѣло обсудили этотъ вопросъ и изложили въ особомъ актѣ волю свою по этому предмету.

Равнымъ образомъ односторонень взглядъ Сегюра и на важность гатчинскихъ войскъ. Войска эти, безспорно, были не страшны Екатеринѣ, но не потому, что были малочисленны, а потому, что ихъ учредитель, Павелъ Петровичъ, былъ всегда вѣрнымъ подданнымъ своей матери. Гатчинскія войска служили ему не инымъ чѣмъ, какъ небольшимъ опытомъ тѣхъ преобразованій, которыя онъ обдумывалъ заблаговременно, прежде чѣмъ ввести ихъ, въ свое время, во всей русской арміи. Но и на учрежденіе гатчинскихъ войскъ Екатерина смотрѣла не безъ недовѣрія. Передъ началомъ шведской войны, морской батальонъ Цесаревича велѣно было отдать во флотъ, хотя онъ и просилъ, чтобы батальонъ этотъ употре-

[1]) Сегюръ даже самъ выражаетъ это предположеніе. Mémoires, III, 459.

бленъ былъ въ дѣло на сухомъ пути и только стараніями Мамонова разрѣшено было людей сего батальона такъ употребить, чтобы его послѣ собрать было можно. Въ 1793 году изъ его баталіоновъ много убавили [1]).

Разговоръ Павла Петровича съ графомъ Сегюромъ, только что нами приведенный, представляетъ, однако же, любопытную сторону, доказывая, что Павелъ Петровичъ выражалъ откровенно свои мнѣнія, когда онъ имѣлъ къ тому возможность. А подобная возможность рѣдко выпадала ему на долю. Шведскій посланникъ графъ Стедингъ, пріѣхавшій въ Петербургъ послѣ Верельскаго мира, и котораго Павелъ Петровичъ зналъ еще во время бытности своей въ Парижѣ, въ 1782 году, разсказывалъ, что Павелъ Петровичъ оказалъ ему большое вниманіе. Его бесѣды со Стедингомъ были такъ продолжительны, что иногда Стедингу становилось неловко. Часто въ его рѣчахъ слышалась тоска. Стедингу казалось, что великій князь нѣсколько слабъ характеромъ. Его упрекали въ неискренности, что по мнѣнію Стединга и было вѣроятно, благодаря положенію, въ которомъ онъ находился. Сверхъ того, съ нимъ почти невозможно было говорить безъ того, чтобъ кто-нибудь не подслушивалъ, и разговоръ никогда не могъ обратиться на предметы особенно важные.

Цесаревичъ присутствовалъ на всѣхъ придворныхъ праздникахъ, но, казалось, они не доставляли ему большаго удовольствія. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ очень любимъ былъ народомъ. Стединтъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ на публичныхъ празднествахъ, которыя давались по случаю заключенія мира. Всюду, гдѣ показывался великій князь, за нимъ слѣдовала толпа; быть можетъ, это участіе возбуждалось его положеніемъ, а быть можетъ оно вызывалось зрѣлищемъ его многочисленной семьи, отличавшейся красотою и здоровымъ видомъ дѣтей.

Отзывы обоихъ этихъ дипломатовъ о Маріи Ѳедоровнѣ полны сочувствія къ ней. Довольно было знать ее, говоритъ

[1]) Записки Гарновскаго, Р. С., 1876, XVI, 21. Письмо Завадовскаго, А. к. В., XII, 96.

Сегюръ, чтобы, видя и слушая ее, почувствовать живѣйшее очарованіе и почтительное къ ней уваженіе. Великая княгиня, по замѣчанію Стединга, занималась исключительно воспитаніемъ дѣтей и ей было пріятно, когда заводили объ этомъ рѣчь. Она всегда очень ухаживала за великимъ княземъ; онъ же, повидимому, обращался съ нею довольно холодно.

Кроткое и любящее сердце Маріи Ѳедоровны испытало въ это время много горя. Стединтъ замѣтилъ, что великая княгиня очень постарѣла [1]).

Одна за другою приходили къ ней съ родины печальныя вѣсти.

Въ 1786 году, дядя ея, герцогъ Карлъ, женился на своей любовницѣ. Герцогъ виртембергскій, писалъ графъ Румянцовъ 15 іюня [2]), при оглашеніи своего супружества весьма неосторожный и непохвальный поступокъ учинилъ, обвѣнчавшися въ присутствіи брата и невѣстки и, объявя, что вѣнчается, какъ говорятъ по-французски, de la main gauche, и, единственно для успокоенія совѣсти своей, вдругъ объявилъ, что сіе супружество почитать должно за настоящій законный бракъ и мнимую супругу называть повелѣлъ герцогинею. Все сіе съ досады, что императоръ не тотчасъ возвелъ въ княжеское достоинство сію его супругу. Императоръ не принялъ нотификаціальной герцоговой грамоты, сказывая, что сей бракъ не можетъ никогда почесться законнымъ, понеже мужъ графини Гогенгеймъ еще живъ. Государыня грамоты оставить изволила безъ всякаго отвѣта и я сію супругу герцогинею не признаю. Король прусскій тоже учинилъ. Король французскій отвѣчалъ учтиво на грамоту герцогову, не упоминая о герцогинѣ; министръ же сего двора величаетъ ее однакоже герцогинею, сказывая, что говоритъ сіе въ свою голову.

Великая революція во Франціи быстро шла къ развязкѣ. Въ 1789 году вооруженныя толпы возставшаго народа оса-

[1]) Stedingk, Mémoires posthumes. Paris. 1844, I, 303 и III, 306, донесенія 22 сентября и 1 ноября 1790 г.

[2]) А. к. В., XXVII, 137.

дили Монбельяръ и разграбили его окрестности. Мать Маріи Ѳедоровны принуждена была удалиться оттуда [1]).

7 февраля 1790 г. скончалась въ Вѣнѣ сестра Маріи Ѳедоровны, эрцгерцогиня Елизавета, въ устройствѣ участи которой великая княгиня принимала, какъ мы видѣли, такое теплое и живое участіе. Пріѣхавъ въ Вѣну еще въ 1782 году, она только 6 января 1788 года вступила въ бракъ съ эрцгерцогомъ Францомъ. Недолго продолжалось ея супружеское счастіе. Она скончалась отъ родовъ. „Le même sort m'attend", съ грустію проговорила Марія Ѳедоровна, получивъ извѣстіе о смерти любимой сестры [2]).

Негостепріимно приняла Россія и братьевъ Маріи Ѳедоровны, поступившихъ въ русскую службу.

Старшій ея братъ, принцъ Фридрихъ, въ концѣ 1786 года оставилъ Петербургъ. По объявленіи Турціею войны, онъ, въ сентябрѣ слѣдующаго года, какъ уволенный только въ отпускъ, просилъ разрѣшенія Императрицы принять участіе въ кампаніи, но Екатерина не нашла возможнымъ удовлетворить эту просьбу. Тогда принцъ прислалъ прошеніе объ увольненіи его вовсе отъ службы и Екатерина, уволивъ его, отказала въ выдачѣ ему указа объ отставкѣ за собственноручною подписью, не смотря на самыя усиленныя просьбы Маріи Ѳедоровны, которая умоляла ее не лишать ея брата этой милости [3]).

Участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ принялъ другой братъ Маріи Ѳедоровны, принцъ Карлъ-Фридрихъ-Александръ.

Въ чинѣ генералъ-маіора командовалъ онъ кираспрскою дивизіею, отличился въ сраженіи подъ Кіліею, былъ раненъ и въ маѣ 1790 года пріѣхалъ въ Петербургъ для операціи. Главнокомандующій, князь Потемкинъ, сочувствовалъ поло-

---

[1]) Письмо принца виртембергскаго къ Маріи Ѳедоровнѣ, Р. С., 1873, VIII, 877.

[2]) Храповицкій, 24 февраля 1790 г.

[3]) Переписка объ этомъ въ С. Р. И. О., XV, 28—36. Ср. письмо Екатерины къ Потемкину 24 сентября 1787, С. Р. И. О., XXVII, 428 или Р. С., 1876, XVI, 247, Храповицкій, подъ 17 сентября и Гарновскій, Р. С., XV, 258.

женію принца и по его ходатайству Екатерина пожаловала ему ленту [1]).

Въ этой же войнѣ принялъ участіе и младшій братъ Маріи Ѳедоровны, принцъ Карлъ, молодой человѣкъ, обладавшій прекрасною душою [2]).

Пріѣхавъ въ 1791 году въ Петербургъ, принцъ очаровалъ всѣхъ своею любезностью и привѣтливостью. На извѣстномъ праздникѣ, данномъ Потемкинымъ 28 апрѣля 1791 года, въ Таврическомъ дворцѣ, принцъ предводительствовалъ одною изъ двухъ кадрилей, въ которыхъ приняла участіе самая избранная молодежь. Другую кадриль велъ великій князь Александръ Павловичъ [3]). Вскорѣ послѣ этого, принцъ, одновременно съ княземъ Потемкинымъ, отправился, въ сопровожденіи Ѳ. В. Ростопчина, въ армію [4]). Марія Ѳедоровна простилась съ братомъ, простилась съ нимъ навсегда.

Прискакавшій изъ арміи, въ ночь на 24 августа 1791 г., курьеръ доставилъ донесеніе Потемкина Екатеринѣ. Императрица уже почивала и только на слѣдующее утро узнали неожиданную вѣсть.

Едва пріѣхавъ въ армію, принцъ, оттого ли, что спѣшилъ и очень безпокоился, или оттого, что не успѣлъ пріѣхать къ баталіи, огорчился, занемогъ и 13 августа скончался въ Галацѣ [5]).

Не смотря на то, что Марію Ѳедоровну старались приготовить къ этому печальному извѣстію, оно страшно ее поразило. Великая княгиня заболѣла [6]).

---

[1]) Письмо Екатерины къ Маріи Ѳедоровнѣ 11 мая 1790, С. И. О., XV, 167—168. Записки Гарновскаго, іюнь 1790, Р. С., 1876, XVI, 424 и 433. Письма Екатерины къ Потемкину 14 мая и 12 ноября 1790, Р. С., 1876, XVII, 415 и 643 или С. Р. И. О., XLII, 80 и 125 и письма Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны къ нему же, у Лебедева, 274—276.

[2]) Письма Лафермьера, А. к. В., XIX, 279 и слѣд.

[3]) Описаніе праздника въ Р. А., 1867, V, 673.

[4]) Потемкинъ уѣхалъ изъ Петербурга 24 іюля 1791 года.

[5]) Энгельгардтъ, 123.

[6]) Письма Екатерины къ Салтыкову 24 августа 1791, Р. А., 1864, IX, 981; къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ 25 августа 1791, Р. С., 1873, VIII, 881; къ Гримму, 2 сентября 1791, С. Р. И. О., XXIII, 557; къ Потемкину, тамъ же XLII, 196; Храповицкій, 24—26 августа. Ср. А. к. В., IX, 213 и XIII, 207.

По странной игрѣ случая, смерть принца виртембергскаго была какъ бы причиною смерти Потемкина. Онъ присутствовалъ на похоронахъ принца, и когда, по окончаніи отпѣванія, вышелъ изъ церкви, то, вмѣсто его кареты, которую приказано было подать, подвезли погребальныя дроги. Потемкинъ съ ужасомъ отступилъ: онъ былъ чрезвычайно мнителенъ. Послѣ этого онъ вскорѣ захворалъ и умеръ 5 октября 1791 года.

Изученіе отношеній Павла Петровича къ Потемкину представляетъ не малый историческій интересъ. Къ сожалѣнію, въ массѣ разнорѣчивыхъ, еще не провѣренныхъ и хронологически не установленныхъ данныхъ, довольно трудно опредѣлить правильную на эти отношенія точку зрѣнія. При первоначальномъ возвышеніи Потемкина (1774—1776) отношенія эти были крайне натянуты, но съ теченіемъ времени, особенно съ конца 1784 года, когда положеніе Потемкина достигло своего апогея, они нѣсколько сгладились, такъ что въ 1786 году Павелъ Петровичъ, если вѣрить донесенію англійскаго посла Фицъ Герберта, питалъ даже нѣкоторое расположеніе къ Потемкину [1]). Изъ того, что нами разсказано было выше, видно, что Потемкинъ дѣйствительно старался дѣлать угодное Павлу Петровичу [2]), но послѣднему не легко было забыть обиды фаворита и для характеристики его воззрѣній на Потемкина, приведемъ слѣдующій разсказъ, не ручаясь за полную его достовѣрность.

Послѣ смерти Потемкина, бывшій при немъ камердинеромъ Секретаревъ взятъ былъ въ ту же должность ко двору. Вскорѣ послѣ этого, въ день рожденія Маріи Ѳедоровны,

---

[1]) Григоровичъ, С. Р. И. О., XXVI, 134.

[2]) Получивъ во время пребыванія Екатерины, въ 1787 г., въ Кременчугѣ титулъ Таврическаго, Потемкинъ донесъ о томъ Павлу Петровичу который очень благосклонно ему отвѣчалъ. Р. С., 1873, VIII, 855. Потемкинъ то представлялъ Маріи Ѳедоровнѣ работы своего стекляннаго завода (записки Гарновскаго 1787, Р. С., 1876, XV, 22), то левантское кофе (ib, XVI, 427). Марія Ѳедоровна княземъ Потемкинымъ очень довольна, записалъ Гарновскій въ іюлѣ 1789 (ib., 408). Ср. донесеніе Гельбига іюля 1791. Herrmann, Ergänzungsband, 101.

Екатерина послала къ ней Секретарева поздравить ее съ днемъ рожденія и съ добрымъ утромъ.

„Благодарю, отвѣчала великая княгиня, почтительно вставъ съ кресель, доложите матушкѣ Императрицѣ о моей чувствительнѣйшей благодарности; здорова ли Ея Величество?“ Потомъ, взявъ со стола янтарныя пуговки къ манишкѣ, выточенныя ею самою, и отдавая ихъ Секретареву, прибавила: „прошу васъ принять это отъ меня на память“.

Павелъ Петровичъ стоялъ въ той же компатѣ, у окна, едва взглядывая на Секретарева изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Когда послѣдній выходилъ, онъ слышалъ, какъ на вопросъ Маріи Ѳедоровны, „кто этотъ камердинеръ? Я прежде не замѣчала его у Императрицы“, Павелъ Петровичъ сурово отвѣтилъ: „это бывшій холопъ ея Алкивіада“ [1]).

Смерть Потемкина не только не улучшила, но скорѣе ухудшила отношенія Павла Петровича къ Екатеринѣ.

Извѣстно, что предсмертная болѣзнь Потемкина отягчена была неудовольствіемъ на чрезмѣрное возвышеніе послѣдняго ея фаворита, П. А. Зубова, смѣнившаго въ іюлѣ 1789 года графа Мамонова.

„Мамоновъ отходитъ отъ двора новымъ образомъ, писалъ И. В. Завадовскій 1 іюня 1789 г., женится на фрейлинѣ, княжнѣ Щербатовой, дѣвкѣ весьма обыкновенной, ни красы, ни прочихъ дарованій не имѣющей, въ которую больше года онъ влюбился, и тайна въ томъ только была для одной [2])... Интрига и вѣнецъ совершаются при дворѣ препокойно. Измѣна не менѣе награждается, какъ и сердечная привязанность. Одинакія преступленія въ различное время, не одинаковое имѣютъ возмездіе. Представь сей и примѣръ Корсакова и Брюсши! Какъ ни есть, но всѣ рады, что сей человѣкъ пересталъ быть фаворитомъ. Надменное и самолюбивое животное, исполненъ былъ злости и коварства. Лицомъ похожъ онъ на калмыка или башкирца, только глаза выпуклые и

[1]) Р. С., 1874, XI, 153.
[2]) Точки въ подлинномъ письмѣ.

больше обыкновенныхъ сей породѣ. Взятъ будучи изъ офицеровъ, достигъ онъ такой силы, что всѣ дѣла проходили чрезъ его руки, которыхъ онъ и разумѣть не могъ. Лица кичливаго и надменнаго не слагалъ онъ ни на минуту. Говорилъ по-французски, занимался театромъ и по симъ признакамъ приписывали ему и воспитаніе, и универсальный умъ. Малѣйшій лучъ смысла въ фаворитѣ, кажется горящимъ солнцемъ. Не бывши въ состояніи по слѣдамъ идти князя Потемкина, подражалъ только онъ его лѣни и увальчивости... Графа А. А. Безбородко навсегда дискредитировалъ... Мѣсто свято пусто не бываетъ. Восходитъ новый фаворитъ—офицеръ конной гвардіи, мальчикъ двадцатилѣтній, котораго наружность и внутренность не обѣщаютъ долготы“ [1]).

Также и Безбородко отзывался объ этой перемѣнѣ: „прошедшую у насъ перемѣну не описываю пространно. Она конечно, была нечаянна, ибо Мамоновъ всѣмъ столько уже утвердившимся казался, что, исключая князя Потемкина, всѣ предмѣстники его не имѣли подобной ему власти и силы, кои употреблялъ онъ на зло, а не на добро людямъ. Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ. Онъ имѣлъ друзей, не усливался слишкомъ вредить ближнему, о многихъ старался, а сей ни самимъ пріятелямъ своимъ, никому ни въ чемъ помочь не хотѣлъ. Я не забочуся о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично, но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ прошедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобъ только мнѣ причинять досады. Государыня видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его искренній, продавалъ и его, и насъ пруссакамъ, и что Келлеръ [2]) чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши прусскія служили намъ самымъ лучшимъ аттестатомъ, что насъ купить нельзя; онѣ тѣмъ наполнены были, что и мы одинѣхъ мыслей съ Государынею, а ей тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны. Все сіе перепесено было великодушно, а мы только

[1]) Письмо къ графу С. Р. Воронцову, А. к. В., XII, 63.
[2]) Графъ Келлеръ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ.

были жертвою усердія своего и страдали за то, что насъ не любилъ Мамоновъ. Свадьба его совершилась въ воскресенье, 1-го іюля, въ присутствіи немногихъ. Невѣста убрана была по обычаю у Государыни, но сама Ея Величество на бракѣ не присутствовала. Третьяго дня почью они уѣхали въ подмосковную. Объ немъ написанъ указъ въ отпускъ на годъ. Всѣмъ онъ твердилъ, что еще служить и дѣлами править возвратится, но не такъ, кажется, разстался. Здѣсь умѣлъ онъ увѣрить всю публику, что онъ все самъ распоряжаетъ; а я божуся, что онъ кромѣ пакостей ничего не дѣлалъ, и я тотъ же трудъ, съ тою только разностью, что безъ всякой благодарности и уваженія, исправлялъ, перепося то для блага отечества въ дурномъ его положеніи и имѣя твердое намѣреніе, конча хлопоты настоящіе, на себя употребить остатокъ времени своего. Вице-канцлеръ [1]) доказалъ при семъ случаѣ, что онъ презлой скотъ: искалъ вкрасться въ милость сего бывшаго фаворита, жалуясь на меня и иногда успѣвалъ; но то бѣда, что когда за руль брался, худо правилъ, и надобно было ко мнѣ же обращаться. Онъ забывалъ, что онъ, по слову покойнаго Верженя, былъ une tête de paille.. Вѣрьте, что Вяземскій, который на насъ золъ, не дѣлалъ подобныхъ исканій, какъ сей глупый человѣкъ. Перемѣною пораженъ онъ былъ одинъ, можно сказать, изъ всего города, который вообще не хвалами превозноситъ уѣхавшаго. О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобы былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ“ [2]).

Но и Завадовскій и Безбородко ошиблись въ своихъ предсказаніяхъ о недолговѣчности Зубова: онъ остался фаворитомъ до самой смерти Екатерины и достигъ при ней такого значенія, что превзошелъ во вліяніи Потемкина. Избалованный и заносчивый юноша, Зубовъ причинилъ Павлу Петровичу много огорченій.

---

[1]) Графъ Остерманъ.

[2]) Письмо графу С. Р. Воронцову, А. к. В., XIII, 163.

XXIX.

Мы имѣли случай неоднократно упоминать, что Павелъ Петровичъ постоянно и неуклонно проводилъ одну мысль,— союзъ Россіи съ Пруссіей. Привязанность эту поддерживалъ въ немъ графъ Н. И. Панинъ [1]) и она окончательно окрѣпла во время пребыванія его въ 1782 году въ Германіи, гдѣ великій князь видѣлъ себя окруженнымъ нѣмецкими фюрстами.

Въ бытность его за границею начались уже между германскими владѣтелями толки о союзѣ князей, съ участіемъ въ союзѣ Пруссіи, для противодѣйствія императору Іосифу II, напугавшему Германію разнаго рода предложеніями объ обмѣнѣ земель.

Императрица Екатерина II, хотя и не придавала значенія союзу князей, своимъ глубокимъ государственнымъ умомъ, понимая, что этотъ союзъ не могъ имѣть практическаго значенія, но желая поддержать своего союзника императора Іосифа II, предписала русскому посланнику во Франкфуртѣ на Майнѣ, графу Н. И. Румянцеву, стараться препятствовать, сколь можно, образованію этого союза.

Графъ Румянцевъ дѣйствовалъ не только согласно этому приказанію, но даже, быть можетъ, съ большею, чѣмъ отъ

[1]) Кауницъ совѣтовалъ Іосифу II осторожнѣе писать въ Петербургъ, потому что Панинъ „иногда сообщаетъ перехваченное прусскому королю“. Beer, Joseph II, Leopold II und Kaunitz, 27.

него требовалось, энергіею, хотя это не соотвѣтствовало видамъ Павла Петровича, который обѣщалъ ему въ будущемъ званіе министра иностранныхъ дѣлъ [1]).

Прусскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Герцъ, постоянно и весьма похвально отзывался Фридриху II о „прошлогоднемъ другѣ“, какъ между ними условлено было называть Павла Петровича [2]). Этотъ другъ настраивалъ саксонскаго посланника въ Петербургѣ, Сакена, въ пользу союза князей, и не разъ заявлялъ Фридриху, черезъ Герца, что „больше всего на свѣтѣ желаетъ соединенія князей, которое кажется ему весьма важнымъ для интересовъ прусскаго короля“. „Прошлогодній другъ“ сообщилъ ему, что извѣстіе о союзѣ князей было „столь же непріятно“ Екатеринѣ, какъ и Іосифу: „она оцѣнила средства, изысканныя геніемъ и высокою мудростью короля, чтобы не только воспрепятствовать обмѣну земель, но еще извлечь изъ него пользу для своей славы и для своего великаго значенія“. Павелъ Петровичъ намекалъ этимъ на то, что Фридрихъ „принудилъ два честолюбивые императорскіе двора формально отпираться и отречься отъ плана, который они считали столь важнымъ и легкимъ“. Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) признаются, прибавлялъ „прошлогодній другъ“, что не ожидали этого и не предвидѣли послѣдствій... Эти дворы сами доказываютъ, какъ необходима ассоціація князей. И еслибы, къ несчастью, она не удалась, то не было бы хуже прежняго. Вѣдь у этихъ дворовъ осталось бы желаніе отмстить за опасный ударъ, который нанесли-было честолюбію Императора“.

Но планъ союза князей удался, благодаря настойчивости Фридриха II [3]). Этотъ союзъ былъ лебединою пѣснью великаго короля. Онъ скончался 17 августа 1786 года.

---

[1]) Письмо Гогенфельса къ Герцбергу 16 октября 1784. Schmidt, Unionsbestrebungen. I, 109 и Трачевскій, Союзъ князей. Спбгъ, 1877. 138.

[2]) Schmidt, I, 222, Трачевскій, 281. Въ 1784 году Фридрихъ II писалъ своему брату Генриху, что Павелъ Петровичъ упорно продолжаетъ быть крѣпко привязаннымъ къ Пруссіи. Oeuvres, XXVI, 508.

[3]) Первое начало союзу положено было трактатомъ 23 іюля 1785 г. Трачевскій, 287.

Его племянникъ и наслѣдникъ Фридрихъ Вильгельмъ не пользовался, какъ мы видѣли, расположеніемъ Екатерины [1]) и, напротивъ того, былъ очень друженъ съ Павломъ Петровичемъ. Сношенія съ нимъ Павла Петровича постоянно продолжались, не смотря на то, что Герцъ тогда уже не былъ посланникомъ въ Петербургѣ [2]). Эти сношенія шли чрезъ стариннаго друга Герца, Алопеуса, состоявшаго на русской службѣ. „Алопеусъ, сказано въ запискахъ Герца, пользовался особеннымъ довѣріемъ великаго князя, который, зная его отношенія къ Герцу, прибѣгалъ къ ихъ перепискѣ, чтобы сообщать извѣстія и намеки прусскому королю и, въ свою очередь, получать то же отъ него. Чтобы эти сношенія не были вполнѣ поняты и чтобы они представляли менѣе опасности, еслибы неутомимые агенты Екатерины открыли ихъ, придумали особенныя названія для разныхъ лицъ и предметовъ. Такъ великій князь былъ мейстеръ Гренъ, прусскій король—фонъ Д...б...г., Алопеусъ—Штралькорнъ, данцигское дѣло—работа г-на Палласа и т. д. Этимъ-то путемъ, неизвѣстнымъ ни берлинскому министерству, ни прусскому посольству въ Петербургѣ, оба принца поддерживали между собою дружественныя связи и взаимное довѣріе. Когда въ сентябрѣ 1787 года король спросилъ, между прочимъ, какой союзъ предпочитаетъ великій князь, французскій или англійскій, Павелъ Петровичъ высказался въ пользу послѣдняго и прибавилъ: „Богъ знаетъ, какъ сложатся обстоятельства, когда я пріобрѣту вліяніе на дѣла; пока могу сказать только, что неизмѣнна моя приверженность къ системѣ, связующей меня съ прусскимъ королемъ и что я отъ всего сердца буду согласоваться съ его намѣреніями“. Подобныя признанія, узнай о нихъ Императрица, навлекли бы непріятныя послѣдствія для великаго князя и сдѣлали бы несчастнымъ его довѣренное лицо, Алопеуса. И какъ близки были къ разоблаченію всѣ тайныя сно-

[1]) См. отзывы ея о немъ въ разборѣ сочиненія Денины. Храповицкій, 483.

[2]) Герцъ получилъ отпускъ и сюда уже конечно не будетъ; паслу его выжили. Письмо Безбородко 24 октября 1785. А. к. В., XIII, 91.

шенія между великимъ княземъ и королемъ. Австрійскому кабинету, зорко слѣдившему за отношеніями Пруссіи къ русскому двору, удалось добыть всѣ, какъ шифрованныя, такъ и разобранныя депеши прусскаго посланника въ Петербургѣ, съ апрѣля по августъ 1787 года, а также всѣ инструкціи ему изъ Берлина. Онъ препроводилъ копіи съ нихъ своему посланнику въ Петербургѣ, отчасти для надлежащаго ихъ употребленія, отчасти же, чтобы лучше разъяснить ихъ. Изъ этихъ депешъ вытекало, что существуетъ тайное соглашеніе между великимъ княземъ и прусскимъ королемъ и что первый назывался въ нихъ другомъ Аттикомъ; однако не напали ни на какой другой слѣдъ и дѣло не имѣло никакихъ другихъ послѣдствій“ [1]).

Эта привязанность Павла Петровича къ Пруссіи была чертою, наслѣдованною имъ отъ его родителя, и образъ его дѣйствій напоминаетъ поведеніе великаго князя Петра Ѳедоровича, въ бытность его наслѣдникомъ, во время семилѣтней войны.

Между тѣмъ отношенія Пруссіи къ Россіи ухудшились въ 1788 году, когда Пруссія предложила свое посредничество въ шведской войнѣ. Вмѣшательство Пруссіи принято было Екатериною такъ дурно, что въ 1790 году оно едва не привело къ разрыву. Разумѣется, что это было крайне тяжко Павлу Петровичу. Онъ заболѣлъ и по словамъ современника „здоровье его разстроилъ не одинъ физическій припадокъ, происшедшій отъ простуды, но къ оному присовокупился и нравственный, навлеченный угрозеніемъ прусской войны“ [2]).

Понятно, что подобный образъ дѣйствій Павла Петровича имѣлъ вліяніе на русскую политику. Многіе русскіе дипломаты были убѣждены, что король прусскій имѣлъ у насъ друзей, которые ему все сообщали и пристрастіе Цесаревича къ Пруссіи заставляло нѣкоторые иностранные дворы воздерживаться, въ виду могущихъ произойти въ будущемъ

[1]) Görtz, II, 204; Трачевскій, 407.
[2]) Записки Гарновскаго 9 октября 1790, Р. С., 1876, XVI, 438.

перемѣнъ, въ ихъ политическихъ комбинаціяхъ [1]), потому что хотя „Императрица и не склонна была къ прусской системѣ, но меньшой дворъ въ рукахъ тамъ совершенно“ [2]).

Очевидно, что и Екатерина очень хорошо знала о пристрастіи ея сына къ Пруссіи и однажды, послѣ бесѣды съ нимъ замѣтила: „вижу, въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти. Изъ насъ сдѣлаютъ провинцію, зависящую отъ воли Пруссіи“ [3]). Это можетъ служить объясненіемъ того, что Павелъ Петровичъ мало по малу терялъ и то небольшое участіе въ дѣлахъ, какое еще имѣлъ. Онъ болѣе и болѣе сталъ уединяться въ своихъ загородныхъ дворцахъ.

Содержаніе этихъ дворцовъ и придворнаго штата, тѣ праздники, которые Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна давали въ первые годы ихъ жизни въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, наконецъ содержаніе небольшаго отряда войскъ, требовали очень значительныхъ расходовъ. Не смотря на крайнюю бережливость Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, средства ихъ оказывались недостаточными. „Kommt Zeit, kommt Rath“, говаривалъ про это иногда великій князь [4]), но время не приходило долго, а расходы росли.

Естественно, что за помощью великій князь и его супруга обратились къ Императрицѣ, но Екатерина, вообще столь щедрая, не нашла возможнымъ удовлетворить ихъ просьбу. „Вы, конечно, можете хорошо судить о томъ, писала она имъ, что мнѣ непріятно видѣть васъ въ нуждѣ; можно предполагать, что васъ постоянно обкрадываютъ, откуда и происходитъ нужда, хотя у васъ и нѣтъ ни въ чемъ недостатка“ [5]).

---

[1]) Письма гр. С. Р. Воронцова изъ Лондона, А. к. В., IX, 47, 165 и XVI, 193 и 201.

[2]) Письмо Безбородко 10 февраля 1788, А. к. В., XIII, 143.

[3]) Гаррисъ у Herrman, VI, 451.

[4]) Долгорукій, 72.

[5]) Письмо Екатерины (sine anno) въ Р. С., 1874, IX, 54. Екатерина вообще очень строго относилась къ расходамъ Павла Петровича. Такъ въ 1788 году она приказала давать строгій отчетъ въ деньгахъ, издерживаемыхъ на прогоны во время присутствія его въ Гатчинѣ, находя, что на это много издерживается. Р. С., 1876, XV, 704.

Тогда Марія Ѳедоровна обратилась съ просьбою о ссудѣ къ отцу, и кажется съ бо̀льшимъ успѣхомъ [1]). Но тѣмъ не менѣе наслѣднику престола приходилось, по необходимости, прибѣгать къ займамъ у частныхъ лицъ. Его снабжалъ деньгами Вадковскій [2]); князь Куракинъ заложилъ однажды одно изъ своихъ имѣній, чтобы добыть нужную для Павла Петровича сумму [3]) и, какъ говоритъ преданіе, даже Потемкинъ заплатилъ однажды его долги [4]).

Другое преданіе разсказываетъ, что въ первые дни по воцареніи Павла Петровича, пришелъ во дворецъ, съ хлѣбомъ и солью, простой ямщикъ. Когда, по настоятельной его просьбѣ, его допустили къ Императору, онъ принялъ его милостиво и какъ случилось тутъ же быть и Маріи Ѳедоровнѣ, то спросилъ у нея, узнала ли она мужичка; когда же Марія Ѳедоровна отвѣчала, что не знаетъ, то Павелъ Петровичъ возразилъ: „какъ это матушка, ты позабыла! Не помнишь ли какъ этотъ мужикъ намъ однажды на 2,000 рублей лошадей повѣрилъ“ [5]).

Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ былъ тѣмъ чувствительнѣе для Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, что препятствовалъ имъ въ ихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Когда великій князь дѣлалъ у себя на Каменномъ островѣ свадьбу князя Долгорукаго, то для приданаго его невѣстѣ онъ занялъ 4,000 рублей у графа Пушкина [6]). Однажды, когда любимица Маріи Ѳедоровны, Бенкендорфъ, разрѣшилась отъ бремени, то Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна, не имѣя наличныхъ денегъ, пожаловали ей въ подарокъ вексель въ 10,000 рублей, кои обѣщались заплатить въ три мѣсяца [7]). Въ другой разъ, когда въ Петербургъ пріѣхалъ для операціи принцъ виртембергскій и нужно было отправить обратно сопровож-

---

[1]) Письмо къ отцу 30 мая 1784 г. С. И. Р. И. О., XV, 13.
[2]) Письмо къ нему Павла Петровича, О. В., III, 418.
[3]) Павловскъ, 16 и Р. А., 1868, 23.
[4]) Р. С. 1874, XI, 153.
[5]) Разсказъ Болотова, Р. А., 1864, V, 602.
[6]) Долгорукій, 275.
[7]) Записки Гарновскаго, октябрь 1788, Р. С., 1876, XVI, 222.

давшаго его изъ арміи доктора Массота, то недостатокъ въ Павловскѣ въ деньгахъ понудилъ Марію Ѳедоровну взять у повѣреннаго князя Потемкина, Гарновскаго, 1,000 руб. на дорогу Массоту и, какъ говоритъ Гарновскій, „было столько отъ великой княгини благодарности, сколько болѣе быть нельзя“ [1]).

Наконецъ не безъ затрудненія открытъ былъ Цесаревичу кредитъ придворнымъ банкиромъ Сутерландомъ, что и навлекло на Павла Петровича неудовольствіе Екатерины.

Осенью 1791 года въ Петербургѣ начали ходить слухи, что дѣла Сутерланда въ безпорядкѣ. Получая значительныя казенныя суммы, для производства заграничныхъ платежей, онъ задерживалъ эти деньги. Велѣно было произвести слѣдствіе и Сутерландъ, не дождавшись его окончанія, 2 октября 1791 г. отравился.

По слѣдствію оказалось, что изъ полученныхъ имъ до двухъ съ половиною милліоновъ казенныхъ суммъ, Сутерландъ роздалъ значительную часть въ ссуду разнымъ лицамъ: князю Потемкину, князю Вяземскому, графу Безбородкѣ, графу Остерману, Моркову и другимъ. Въ спискѣ его должниковъ состоялъ и Павелъ Петровичъ.

Императрица въ особенности была недовольна этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Когда статсъ-секретарь Державинъ, которому поручено было разсмотрѣть дѣло Сутерланда, докладывалъ его Екатеринѣ, и началъ читать реестръ должнымъ Сутерланду суммамъ, то первымъ явился князь Потемкинъ (тогда уже умершій), который взялъ 800,000 руб. Извинивъ, что онъ многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, Екатерина приказала принять его долгъ на счетъ государственнаго казначейства. Иные долги приказала взыскать, другіе небольшіе долги простить, но когда дошло до суммы, занятой Павломъ Петровичемъ, то, перемѣнивъ тонъ, начала жаловаться, что онъ мотаетъ, строитъ такія безпрестанно зданія, въ которыхъ нужды нѣтъ: „не

[1]) Р. С., 1876, XVI, 433.

знаю, что съ нимъ дѣлать", и такія продолжала рѣчи съ неудовольствіемъ. Державинъ, потупя глаза, не говорилъ ни слова. Екатерина, видя то, спросила: „что ты молчишь?" Державинъ тихо отвѣтилъ: что „Наслѣдника съ Императрицею судить не можетъ". Съ симъ словомъ Екатерина вспыхнула, закраснѣлась и закричала: „поди вонъ" [1])...

Еще не кончилось слѣдствіе по дѣлу Сутерланда, какъ возникло новое слѣдствіе, также непріятное для Павла Петровича. То было извѣстное дѣло о масонскомъ кружкѣ Новикова въ Москвѣ.

Павелъ Петровичъ, съ дѣтства склонный къ мистицизму и съ дѣтства же питавшій пристрастіе къ мальтійскому ордену, могъ дѣйствительно сочувствовать дѣятельности масонскихъ обществъ, которая не только не заключала въ себѣ ничего преступнаго, но, напротивъ того, была во многихъ случаяхъ полезною. Въ числѣ близкихъ къ нему людей было нѣсколько лицъ, какъ князь Репнинъ, князь Куракинъ, Плещеевъ, которые были членами масонскихъ ложъ, подобно многимъ другимъ лицамъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Сохранились преданія, что будто бы и великій князь былъ введенъ въ ложи или графомъ Панинымъ, бывшимъ членомъ нѣсколькихъ ложъ еще со времени бытности его посланникомъ въ Швеціи, или прусскимъ принцемъ Генрихомъ, или королемъ шведскимъ Густавомъ III, въ бытность ихъ въ Петербургѣ, или, наконецъ, Плещеевымъ и Куракинымъ, въ бытность Павла Петровича за границею въ 1782 году [2]). Всѣ эти разсказы оказываются неосновательными. Цесаревичъ не былъ членомъ ни одной масонской ложи и не посѣщалъ масонскихъ собраній.

Тѣмъ не менѣе, когда погромъ разразился надъ новиковскимъ обществомъ и Новиковъ, 24 апрѣля 1792 года, былъ арестованъ и подвергнутъ допросу, то производившій надъ нимъ слѣдствіе, извѣстный сыщикъ Шешковскій, напрягалъ всѣ усилія, чтобы разъяснить отношенія московскихъ масоновъ къ Павлу Петровичу.

[1]) Державинъ, VI, 652.

[2]) Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты. Москва, 1867 по указ.

По слѣдствію оказалось только, что архитекторъ Баженовъ, извѣстный великому князю какъ строитель его каменноостровскаго дворца, еще въ 1786 году пріѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ и сказалъ передъ отъѣздомъ Новикову, что по пріѣздѣ онъ будетъ у Цесаревича и что, какъ Павелъ Петровичъ знаетъ и Новикова, то не пошлетъ ли этотъ послѣдній какихъ-либо книгъ, прибавивъ, что онъ слышалъ, что для Павла Петровича искали въ книжныхъ лавкахъ новый переводъ сочиненія Арндта объ истинномъ христіанствѣ. Новиковъ отвѣчалъ, что Павелъ Петровичъ знаетъ его только потому, что онъ раза два или три подносилъ ему издаваемыя имъ книги и не думаетъ, чтобы онъ его помнилъ. Посовѣтовавшись съ своими друзьями, Новиковъ послалъ однако съ Баженовымъ книгу Арндта и избранную библіотеку для христіанскаго чтенія. По возвращеніи въ Москву, Баженовъ разсказывалъ кое-что „конфузно“, что онъ у великаго князя былъ принятъ милостиво и книги отдалъ. Послѣ того Баженовъ ѣздилъ въ Петербургъ въ 1787 или 1788 году и вновь просилъ, чтобы съ нимъ послать къ великому князю´ книгъ, что Новиковъ и исполнилъ,ославъ сочиненіе Оомы Кемпійскаго и книжку о таинствѣ св. креста. Павелъ Петровичъ, по словамъ Баженова, встрѣтилъ его милостиво и книги приняты были благосклонно. Разговоръ былъ о книгахъ и о томъ, что увѣренъ ли онъ, что между масонами нѣтъ ничего худаго. Баженовъ увѣрялъ Цесаревича, что ничего худаго нѣтъ, а Павелъ Петровичъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорилъ, что можетъ быть ты не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и самого тебя обманываютъ. Баженовъ увѣрялъ клятвенно, что нѣтъ ничего худаго и Павелъ Петровичъ заключилъ разговоръ словами: „Богъ съ вами, только живите смирно“. Наконецъ зимою 1791—1792 года Баженовъ былъ вновь въ Петербургѣ и на этотъ разъ принятъ былъ Цесаревичемъ съ великимъ гнѣвомъ на московскихъ масоновъ, о которыхъ Павелъ Петровичъ запретилъ ему и упоминать, сказавъ: „я тебя люблю и принимаю какъ художника, а не

какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай объ нихъ говорить".

Таково было показаніе Новикова, основанное на словахъ Баженова. Послѣдній остался недопрошеннымъ, а Павелъ Петровичъ, знавшій объ этомъ показаніи, заявилъ Императрицѣ, что: „il aurait fallu ou être fou, ou imbécile pour avoir été pour quelque chose dans tout ceci, autrement qu'avec des propos d'antichambre" [1]).

[1]) C. P. H. O., II, 117, XXVII, 398

XXX.

Не смотря на всѣ постигшія его невзгоды, Павелъ Петровичъ продолжалъ наслаждаться тихимъ супружескимъ счастіемъ. Марія Ѳедоровна служила ему опорою и многіе замѣчали, что „при своемъ многотерпѣливомъ нравѣ, она возьмѣтъ со временемъ поверхность надъ Павломъ Петровичемъ“ [1]).

Счастливый ихъ бракъ былъ благословенъ многочадіемъ. Въ 1790 году они видѣли себя родителями двухъ сыновей и четырехъ дочерей. „Право, сударыня, ты мастерица дѣтей на свѣтъ производить“, писала однажды Екатерина Маріи Ѳедоровнѣ [2]).

Марія Ѳедоровна оставила намъ изображеніе своихъ дѣтей: она нарисовала профильные ихъ портреты. Оригинальный ея рисунокъ „dessiné par leur mère et présenté au plus chéri des époux, au plus aimé des pères“, до сихъ поръ хранится въ общемъ кабинетѣ дворца въ Павловскѣ. Посылая гравюру этихъ портретовъ своему корреспонденту Гримму, Екатерина сдѣлала слѣдующую характеристику этихъ дѣтей [3]):

„Господинъ Александръ, какъ тѣломъ, такъ и сердцемъ, и умомъ, личность рѣдкая по красотѣ, добротѣ и смышлености;

---

[1]) Записки Гарновскаго, іюль 1787, Р. С., 1876, XVI, 408.
[2]) 9 октября 1789, С. Р. И. О., XV, 166.
[3]) Письмо къ Гримму 18 сентября 1790, С. Р. И. О., XXIII, 497.

онъ живъ и обдумчивъ, скоръ и разсудителенъ, съ глубокими идеями и замѣчательною легкостью во всемъ, что дѣлаетъ; можно бы сказать, что онъ только то и дѣлалъ на своемъ вѣку; для своихъ лѣтъ онъ высокъ и крѣпокъ и при этомъ ловокъ и проворенъ; словомъ, этотъ мальчикъ — соединеніе множества противуположностей, отчего и происходитъ то, что онъ чрезвычайно всѣми любимъ; его сверстники легко соглашаются съ его мнѣніемъ и охотно за нимъ слѣдуютъ. Относительно его я вижу одну только опасность: это женщины; за нимъ будутъ бѣгать и невозможно, чтобы этого не случилось, потому что у него такая наружность, которая всѣхъ увлекаетъ; впрочемъ онъ не знаетъ, что онъ красавецъ и даже до сихъ поръ не очень дорожитъ своею красотою: вы понимаете, что никто и не старается сдѣлать изъ него фата. Для своихъ лѣтъ онъ очень свѣдущъ; говоритъ на четырехъ языкахъ; хорошо знакомъ со всеобщею исторіею, охотно читаетъ; никогда не бываетъ праздникъ; всѣ удовольствія, свойственныя его возрасту, ему нравятся и приходятся по вкусу; если я съ нимъ говорю серьезно, онъ внимателенъ, слушаетъ и отвѣчаетъ одинаково мило; если я заставляю его играть въ жмурки, — онъ и на это готовъ. Вообще всѣ, а въ томъ числѣ и я тоже, имъ одинаково довольны; его наставникъ, Лагарпъ, говоритъ, что онъ превосходный юноша; въ настоящее время онъ занимается съ нимъ математикою, которая ему также легко дается, какъ и все прочее. Однимъ словомъ, представляю вамъ господина Александра, какъ личность, которую слѣдуетъ отличить отъ ему подобныхъ, потому что если онъ не будетъ имѣть успѣха, то я ужъ и не знаю, кто бы могъ разсчитывать на успѣхъ. Замѣтьте, что когда господинъ Александръ боленъ, или прихварываетъ, или утомленъ, что случается не часто, или когда время идетъ къ вечеру, онъ окружаетъ себя произведеніями искусствъ: забавляется эстампами, медалями и рѣзными камнями.

Вторая личность, изображенная на гравюрѣ — господинъ Константинъ; его рѣзвость близко подходитъ къ дерзости, у него доброе сердце и много ума, онъ все дѣлаетъ урывками

и въ характерѣ его нѣтъ столько послѣдовательности, какъ у старшаго его брата, который обладаетъ этимъ качествомъ вполнѣ; но онъ заставитъ о себѣ говорить. Онъ также болтаетъ на четырехъ языкахъ; но взамѣнъ того, что старшій знаетъ по-англійски, этотъ усвоилъ себѣ всѣ оттѣнки языка греческаго и говоритъ брату: „что за дурные французскіе переводы читаете вы, братецъ; я читаю подлинники“. Увидя въ моей комнатѣ Плутарха, онъ сказалъ: „такое-то и такое мѣсто переведены очень дурно; я переведу лучше и покажу вамъ“, и, дѣйствительно, принесъ мнѣ нѣсколько отрывковъ, которые перевелъ по своему и на которыхъ написалъ: переведено Константиномъ. Я чрезвычайно люблю бесѣду Константина; отъ природы онъ очень воинствененъ и преимущественно любитъ морское дѣло. Въ началѣ нынѣшней турецкой войны капитанъ Сакенъ, будучи окруженъ турками, взорвалъ свой бригъ; этотъ Сакенъ сдѣлался его героемъ и во многихъ случаяхъ я замѣчала, что геройскіе подвиги внушаютъ намъ чрезвычайное желаніе поступать также и тогда онъ воспламеняется; однимъ словомъ, это личность радующая.

Третья личность, изображенная на гравюрѣ,—дѣвица Александра, въ теченіе шести лѣтъ ни мало не казалось интересною, но года съ полтора сдѣлала чрезвычайные успѣхи; не только стала очень хорошенькою; но пріобрѣла осанку и выросла выше своихъ лѣтъ; она говоритъ на четырехъ языкахъ, тщательно пишетъ и рисуетъ, играетъ на фортепьяно, поетъ, танцуетъ, всему учится легко, проявляетъ въ характерѣ большую кротость, и,—сдѣлайте одолженіе - ея преобладающая страсть, это я, и мнѣ кажется, она готова бы броситься въ огонь, чтобы мнѣ понравиться и привлечь къ себѣ на мгновеніе мое вниманіе.

Четвертая головка — Елена. Кажется она будетъ красавицею въ полномъ смыслѣ этого слова; всѣ ея черты рѣдкой правильности, она стройна, ловка и проворна, граціозна отъ природы; шалунья и вѣтреница; сердце у ней доброе и за веселость она любима всѣми сестрами; вотъ все, что я могу о ней сказать.

Пятая головка—Марія. Она должна бы родиться мальчикомъ; оспа совершенно ее испортила, черты ея лица погрубѣли; она сущій драгунъ, ничего не боится, всѣ ея наклонности и игры мальчишечьи; не знаю, что изъ нея выйдетъ. Любимая ея поза—подбочениться обѣими руками. Такъ она и разгуливаетъ [1]).

Шестая, которой еще только два года [2]), слишкомъ мала, чтобы можно было что-либо о ней сказать, но кажется, она отстала отъ того, что были въ ея годы братья и сестры; это толстый, бѣлосоватый ребенокъ, съ хорошенькими глазками, который забьется въ уголъ, обложитъ себя игрушками и цѣлый день болтаетъ, не проронивая слова, достойнаго быть замѣченнымъ".

11 іюля 1792 года этотъ милый рой дѣтей увеличился. Марія Ѳедоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью Ольгою.

Позволимъ себѣ, для характеристики времени, выписать нѣсколько строкъ изъ дневника Храповицкаго:

„9 іюля въ 2 часа пополудни великая княгиня начала мучиться родами, а 11 іюля пополуночи въ исходѣ 2 часа родилась великая княжна Ольга Павловна. Во все то время Ея Величество почти безотлучно тамъ быть изволила, и не спавъ двѣ ночи, много обезпокоилась. Когда палили изъ пушекъ, при нареченіи имени, сказано: „faut-il faire tant de bruit pour une fichue demoiselle".

12 іюля. Я поздравлялъ поутру по обыкновенію; сказано мнѣ: „много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ, состарѣются въ дѣвкахъ". Я замѣтилъ, что императрица Марія Терезія всѣ союзы съ разными державами замужествомъ дочерей своихъ утвердила. Отвѣтъ: „я не такъ союзы дѣлаю. Приданое сестеръ пойдетъ на счетъ братьевъ, ou bien il ne faut pas songer si loin". Послѣ сей рѣчи, читалъ я просьбу Николая

---

[1]) Нѣсколько ранѣе Екатерина отозвалась о своихъ старшихъ внучкахъ слѣдующимъ образомъ: „1-я ни рыба, ни мясо, 2-я sera, je crois, jolie, а 3-я paraît avoir de l'esprit и всегда меня смѣшитъ". Храповицкій, подъ 27 декабря 1787.

[2]) Великая княжна Екатерина Павловна.

Пизани, у коего семеро дѣтей. Тотчасъ сказали: „не два ли сына и пять дѣвокъ? M'entendez-vous“?

18 іюля. Въ Царскомъ Селѣ крестины великой княжны Ольги Павловны. Никакого пронзвожденія не было [1]).

Согласіе и любовь Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны заслужили имъ приверженность петербургской публики, но возбудили нѣкоторымъ образомъ какую-то безпокойную зависть у большаго двора. Начали думать о средствахъ ослабить эту взаимную супружескую любовь; подвели, что называется, интригу. Баронъ К. И. Сакенъ подученъ былъ и настроенъ, чтобы отвлечь Павла Петровича отъ всѣхъ тѣхъ совѣтовъ, которые Марія Ѳедоровна ему нерѣдко подавала, будучи окружена, какъ она, такъ и онъ, людьми имъ преданными, какъ-то г-жа Бенкендорфъ и Лафермьеръ. Этихъ-то людей ему описали, что они владѣютъ Маріею Ѳедоровною, которая ихъ слушается, а отъ нея и онъ, нѣкоторымъ образомъ, долженъ безпрестанно поступать по чужимъ внушеніямъ, и ими совершенно водимъ. Его самолюбіе, уже и безъ того стѣсненное обыкновеннымъ его положеніемъ, будучи встревожено наущеніями, привело его не только въ неудовольствіе и не только разорвало этотъ драгоцѣнный союзъ, но первая возродившаяся въ немъ мысль и желаніе были доказать Маріи Ѳедоровнѣ, что она никакого вліянія имѣть надъ нимъ не можетъ. И на сей конецъ выбралъ онъ фрейлину Нелидову, и началъ къ ней имѣть особое вниманіе и отличать ее, а чрезъ это самое унижать, сколько возможно, свою добродѣтельную супругу. Эта перемѣна при ихъ дворѣ причинила удаленіе, въ концѣ 1791 года, г-жи Бенкендорфъ, а затѣмъ и Лафермьера [2]), а въ нравѣ Павла Петровича сдѣлала чрезвычайною къ худшему перемѣну [3]).

[1]) Что въ этотъ день не было никакихъ наградъ замѣтилъ и Кочубей. А. к. В., XVIII, 32.

[2]) Бенкендорфша уѣхала совсѣмъ въ Дерпть, а потомъ поѣдетъ въ Монбельяръ. Письмо Потемкиной къ мужу 21 ноября 1791 года. Р. А., 1879, VI, 208. Лафермьеръ уѣхалъ въ имѣніе гр. Воронцова (село Андреевское Владимірской губерніи). См. письма его объ этомъ событіи въ А. к. В., XIX, 279—282.

[3]) Ср. донесеніе Гельбига 12 декабря 1790. „Der Grossfürst ist theils ärgerlich über die Lebensart seiner Frau Mutter und über die Mühe, die sie

Если бы не самые почтенные люди меня тогда увѣряли, свидѣтельствуетъ князь Ѳ. Н. Голицынъ, изъ записокъ котораго мы заимствовали нашъ разсказъ [1]), и къ которымъ сама Марія Ѳедоровна объ ономъ писала, называя участниковъ въ сей подлой и мерзкой интригѣ, я, конечно, никогда не могъ бы повѣрить. Нелидова вела себя похвально и не причиняла Маріи Ѳедоровнѣ дальнихъ огорченій, но не менѣе того, лишась искренности и любви супруга, принуждена была вести себя совсѣмъ не по прежнему и въ обращеніи и въ рѣчахъ быть скромнѣе и воздержнѣе. Можно безпристрастно сказать въ похвалу Маріи Ѳедоровнѣ, что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла. Отъ того въ продолжительности она возвратила къ себѣ, если не любовь, такъ дружбу своего супруга. Онъ къ ней былъ всегда внимателенъ. Привязанность Павла Петровича къ Нелидовой никакъ нельзя было назвать страстью. Это его занимало, забавляло; а когда случалось, что она не пріѣзжала по вечерамъ во дворецъ, то я, говоритъ тотъ же князь Голицынъ, находилъ его еще веселѣе.

Фрейлина Муханова также свидѣтельствуетъ [2]), что Марія Ѳедоровна жила хорошо съ своимъ супругомъ и тогда, когда онъ сталъ заниматься Нелидовою. Марія Ѳедоровна въ горести сердца своего жаловалась Екатеринѣ. Та, вмѣсто отвѣта, подвела ее къ зеркалу, сказавъ: „посмотри, какая

---

sich immer giebt ihn mit der Grossfürstin auszusöhnen, theils giebt er dem Fräulein Nelidow den Vorzug öffentlich vor seiner Gemahlin und beträgt sich unhöflich gegen diese, theils bemerkt man endlich seit einiger Zeit an diesem Prinzen eine unnatürliche und unanständige Gleichgültigkeit gegen seine Kinder. Auf der anderen Seite ist die Grossfürstin zu der niedrigen Gefälligkeit herabgesunken, dem Fräulein Nelidow zu schmeicheln und sie um Gunstbezeigungen gegen den Grossfürsten zu bitten“ и 9 іюля 1791 г.: „Die eheliche Unzufriedenheit am jungen Hofe wächst mit jedem Tage. Die Kaiserin, je nachdem es die Klugheit erfordert, ist bald mit einem Theile, bald mit dem anderen gut. Das Kammerfräulein Protassow, die Vertraute der Kaiserin, muss sehr oft zu dem Fräulein Nelidow gehen, um zu erfahren, wie es am Hofe des Grossfürsten zugehet. Zu eben dieser Absicht wird auch der Graf Saltykow gebraucht“. См. Herrmann, Ergänzungsband, 102 и сл.

[1]) Записки его въ Р. А., 1874, I, 1288.

[2]) Р. А., 1878, III, 308.

ты красавица, а соперница твоя petit monstre; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ". И въ самомъ дѣлѣ сама Марія Ѳедоровна увѣрилась, что въ этой предполагаемой связи было только очарованіе умомъ Нелидовой, въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ. Она сдѣлалась ея другомъ и такою оставалась до конца жизни Маріи Ѳедоровны.

Дабы сохранить полное безпристрастіе нашего изложенія, приведемъ отзывъ о Нелидовой графа Н. П. Панина [1]).

„En 1791 je vins m'établir à Pétersbourg pour y faire mon service de gentilhomme de la chambre. Je ne trouvai plus dans la famille impériale l'heureuse union et la concorde dont j'avais eu le bonheur d'être le témoin à mon retour de l'armée [2]). La Nélidoff régnait déjà; la grande-duchesse était abandonnée, maltraitée, méprisée par tous ceux qui voulaient faire leur cour. Je ne suivis point cet exemple. Ma conduite devait déplaire. Le grand-duc employa d'abord les caresses, ensuite la froideur, puis les menaces pour me mettre dans le nombre des adorateurs de son idole. Les caresses ne me séduisirent pas, les menaces ne purent m'intimider. On se servit alors des discours insidieux et métaphoriques pour me faire comprendre que la bienveillance du prince serait le prix futur d'une obéissance aveugle à ce qu'on exigeait de moi, c'est-à-dire respect pour la Nélidoff, mépris pour la grande-duchesse. Je répondis que je ne comprenais rien au langage mystique, et la colère redoubla. Comme toutes les insinuations me venaient par une voie indirecte et par l'entremise de gens très-méprisables, je demandai une explication au grand-duc. Elle me fut accordée, et elle me perdit entièrement dans son esprit. Il m'est impossible de confier à la plume tout ce qui s'est passé dans cette entrevue, qui eut lieu au mois d'Août 1791; mais il me suffit de vous dire que ma résistance m'attira de la propre bouche de l'Empereur ces mots foudroyants: le chemin que vous tenez, monsieur,

---

[1]) Письмо къ Воронцову 19 апрѣля 1799, А. к. В., XI, 70.

[2]) Т. е. послѣ возвращенія со шведской войны 1788 г.

ne peut vous conduire qu'à la fenêtre ou à la porte. Je répondis que je ne m'écarterais pas de celui de l'honneur et je me retirai du cabinet sans attendre ce signe de tête des princes qui veut dire: allez-vous en".

Понятно, что при ограниченномъ составѣ гатчинскаго кружка, Павлу Петровичу часто приходилось бесѣдовать съ Нелидовою, и при этомъ не желать присутствія третьяго лица. Однажды Бенкендорфъ нечаянно входитъ въ одинъ изъ покоевъ дворца и застаетъ Павла Петровича, сидящаго на диванѣ рядомъ съ Нелидовою. Передъ ними столикъ съ двумя свѣчами; въ глубинѣ комнаты догораетъ огонь въ каминѣ. Разговоръ слышится живой, но въ полголоса. Третьему лицу тутъ мѣста нѣтъ: оставаться неловко, уйти неприлично. Бенкендорфъ въ недоумѣніи пересеменниваетъ съ ноги на ногу. Въ рѣдкія секунды молчанія, пытается онъ вставить какое-нибудь малозначительное слово, но на его попытки отвѣта нѣтъ. Наконецъ, великій князь говоритъ ему: „Eh bien, M-r de Benkendorff, vous ne vous occupez plus de politique?— Pourquoi pas, Votre Altesse,—отвѣчаетъ онъ.—Voici sur la cheminée la dernière gazette de Hambourg, et vous n'en prenez pas connaissance?"—Бенкендорфъ обрадовался этому поводу къ честному отступленію. Онъ идетъ къ камину и при слабомъ мерцаніи догорающаго огня, готовится углубиться въ чтеніе газеты. Что же оказывается? Самой газеты нѣтъ, а есть одно прибавленіе къ ней съ объявленіями о разныхъ продажахъ, вызовѣ прислуги, отысканіи сбѣжавшей собаки и пр. Дѣлать нечего: надобно было предаться чтенію и оно продолжалось около часа [1]).

Нелидова (родилась 12 декабря 1756 г.) состояла фрейлиною Маріи Ѳедоровны еще съ 1777 г. По общему отзыву она была не хороша собою, но ловка, благородной осанки, прекрасно танцовала, пѣла, умѣла вести увлекательно бесѣду и была чрезвычайно умна [2]). Встрѣчая ее ежедневно въ своемъ об-

[1]) Вяземскій, VIII, 306.

[2]) Некрологъ ея, Комовскаго, въ Сѣверной Пчелѣ 1839 года, № 37; перепечатанъ въ сборникѣ О. В., III, 457. Біографія въ Р. А., 1873, XI, 2160 и въ Р. С., III, 463.

ществѣ, Павелъ Петровичъ привыкъ къ ней, и уже давно злоязычники находили себѣ пищу, пересуживая отношенія его къ Нелидовой обычнымъ пошлымъ образомъ [1]). Великій Князь прежде терпѣть ее не могъ, считалъ ее страшно злою, но мало по малу она сблизилась съ нимъ и умѣла править умомъ и темпераментомъ его [2]). Наконецъ эти отношенія обратили на себя вниманіе Екатерины и о нихъ появилась даже корреспонденція изъ Петербурга во французскомъ Монитерѣ [3]).

Но умъ Нелидовой успѣлъ во время положить конецъ этимъ отношеніямъ.

25 іюня 1792 года [4]) она прислала графу А. А. Безбородкѣ письмо, съ приложеніемъ прошенія къ Императрицѣ, о дозволеніи ей переѣхать на жительство, по прежнему, въ Смольный монастырь, куда она, по ея выраженію, принесетъ свое сердце столь же чистымъ, какимъ оно было, когда она впервые оставила монастырь.

Въ то время многіе объясняли этотъ шагъ Нелидовой тѣмъ, что подъ нимъ таились хитрость и скрытыя намѣренія; думали, что Нелидова желала раздражить страсть великаго князя, еще болѣе его воспламенить; но все доказываетъ противное и разсѣеваетъ сомнѣнія на счетъ искренности ея намѣреній. Нелидова знала Павла Петровича; ей наскучило его ухаживаніе, она видѣла, что ему наскучило ея сопротивленіе и ея умъ подсказалъ ей средство пріобрѣсти уваженіе публики.

Павелъ Петровичъ, который, съ своей стороны, свидѣтельствовалъ, какъ предъ Богомъ, что его соединяла съ Нелидовою дружба нѣжная и священная, но невинная и чистая [5]),

[1]) Князь Долгорукій, 192, разсказъ котораго относится къ 1784—1787 годамъ, говоритъ, что уже въ то время Нелидова слыла любимицею Павла Петровича.

[2]) Записки Ржевской, Р. А., 1871, I, 41.

[3]) 24 апрѣля 1792, № 115.

[4]) Письмо гр. Растопчина къ гр. Воронцову 8 іюля 1792, А. к. В., VIII, 53. Храповицкій, 25 іюня 1792 г. Самое письмо ея въ С. Р. И. О., XLII 227.

[5]) Письмо его къ Екатеринѣ, О. В., III, 445.

былъ пораженъ, когда узналъ о рѣшеніи Нелидовой. Въ особенности ему непріятно было, что она обратилась къ Императрицѣ, не предваривъ его о томъ. Онъ старался удержать ее при своемъ дворѣ. Нелидова уступила.

Дѣло на время успокоилось. La cour parait être parfaitement bien, писалъ Кочубей 3 октября 1792 г. [1]), le grand duc a depuis quelque tems beaucoup d'égards pour la grande duchesse, et l'Impératrice les ménage l'un et l'autre. Elle s'est conduite avec infiniment de prudence pendant leurs démêlés.

[1]) А. к. В., XVIII, 59.

XXXI.

Старшій сынъ Павла Петровича, великій князь Александръ Павловичъ былъ любимый внукъ Екатерины Великой. Съ минуты его рожденія, Екатерина взяла его на свое попеченіе и сама наблюдала за его развитіемъ и воспитаніемъ.

Заботы объ этомъ Екатерины болѣе или менѣе извѣстны и разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ планъ нашего труда.

Александръ Павловичъ былъ чрезвычайно счастливо одаренъ отъ природы. Единственнымъ физическимъ его недостаткомъ была нѣкоторая глухота и привычка держать себя нѣсколько сгорбившись.

„Положеніе, въ которомъ провелъ свои юныя лѣта Александръ, говоритъ его историкъ, г. Богдановичъ [1]), дѣля время между Императрицею и стоявшимъ тогда во главѣ оппозиціи (?) наслѣдникомъ престола, было весьма затруднительно и оказало неблагопріятное вліяніе на его характеръ. Нерѣдко случалось ему, проведя утро на парадахъ и ученіяхъ въ Гатчинѣ, среди тамошнихъ, большею частью необразованныхъ и грубыхъ офицеровъ, въ неуклюжемъ на прусскій манеръ мундирѣ, являться въ тотъ же день вечеромъ, въ эрмитажъ, гдѣ дворъ Великой Монархини блисталъ столько же внѣшнимъ блескомъ, сколько

---

[1]) Богдановичъ, I, 20.

изящнымъ обращеніемъ, умомъ и талантами избранныхъ гостей ея. Необходимость примѣняться къ тону столь различныхъ обществъ взвѣшивать каждое слово, развила въ Александрѣ умѣнье хранить тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ скрытность, что впослѣдствіи подавало поводъ упрекать его въ двуличіи. Быть можетъ, эти же самыя обстоятельства поселили отъ самой юности въ Александрѣ недовѣрчивость къ людямъ, что̀, мѣшая открывать истинное достоинство, неразлучное съ скромностью, нерѣдко побуждало его удостоивать своимъ довѣріемъ искательную бездарность, либо лукавство, прикрытое личиною безлестной преданности. Подобно Екатеринѣ, онъ болѣе любилъ оказывать милости, нежели воздавать за заслуги.

Екатерина чрезвычайно рано задумала бракъ любимаго внука. Ему не было еще и 15 лѣтъ, когда прибыли въ Петербургъ, въ октябрѣ 1792 года, принцессы баденскія, Луиза Августа и Фридерика Доротея, изъ которыхъ первая вскорѣ сдѣлалась супругою Александра Павловича [1]).

По своей матери принцесса Луиза была племянницею великой княгини Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Петровича.

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна пріѣхали изъ Гатчины познакомиться съ юными принцессами и провели для этого въ Петербургѣ три дня. Принцессы произвели на Марію Ѳедоровну пріятное впечатлѣніе. Черты лица принцессы Луизы были очень хороши и соразмѣрны ея лѣтамъ; физіономія пресчастливая; она имѣла величественную пріятность, ростъ большой; всѣ ея движенія и привычки имѣли нѣчто особо привлекательное; она не только ходила, но и бѣгала, какъ это замѣчено было при играхъ, весьма пріятно. Въ ней видѣнъ былъ разумъ, скромность и пристойность во всемъ ея поведеніи; доброта души ея, равно и честность, написаны были на глазахъ. Всѣ ея движенія доказывали великую осторожность и благонравіе; она столько была умна, что нашлась со всѣми, ибо всѣхъ женщинъ, которыхъ ей

[1]) Принцесса Луиза родилась 13 января 1779 г.

представляли, умѣла обласкать, или лучше сказать, всѣхъ обоего пола людей, ее видѣвшихъ, къ себѣ привлечь [1]).

Припомнимъ слова Екатерины, что Александру Павловичу слѣдовало бояться женщинъ; понятно, что онъ скоро почувствовалъ влеченіе къ молодой принцессѣ, предназначенной ему въ супруги. Екатерина не безъ основанія могла сказать, что она сыграла съ юнымъ Александромъ Павловичемъ демонскую игру (un tour diabolique), вводя его въ искушеніе [2]).

9 мая 1793 года послѣдовало миропомазаніе принцессы Луизы, нареченной Елизаветою Алексѣевною; на другой день, обрученіе ея съ Александромъ Павловичемъ и 28 сентября отпраздновано было ихъ бракосочетаніе. Въ это время Александру Павловичу еще не было 16 лѣтъ, а супругѣ его шелъ 15-й годъ.

Для Александра Павловича образованъ былъ особый дворъ, гофмаршаломъ котораго назначенъ былъ полковникъ графъ Н. Н. Головинъ. Должность гофмейстерины молодой великой княгини заняла графиня Е. П. Шувалова, вдова графа А. П. Шувалова.

Не смотря на вступленіе Александра Павловича въ бракъ, онъ долженъ былъ, однако, продолжать курсы съ своими преподавателями, хотя, конечно, ему уже было не до ученья. Его воспитатель, А. Я. Протасовъ, горько жалуется въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы заимствовали ниже приведенныя подробности, на невниманіе и уклоненіе его отъ занятій, приписывая это ранней его женитьбѣ и тому, что его увѣрили, будто онъ можетъ располагать самъ собою. Еще будучи женихомъ, онъ началъ мало по малу отставать отъ занятій; немедленно же по вступленіи въ бракъ прилѣпился къ дѣтскимъ мелочамъ, а паче военнымъ, и слѣдуя прежнему, подражалъ брату, шалилъ непрестанно съ прислужниками въ своемъ кабинетѣ весьма непристойно. Всѣмъ таковымъ непристойностямъ, сходственнымъ его лѣтамъ, но не

[1]) Записки А. Я. Протасова, Древняя и Новая Россія, 1880, VIII, 768.
[2]) Письмо къ Гримму 31 октября 1792, С. Р. И. О., XXIII, 577.

состоянію, была свидѣтельницею супруга. Въ разсужденіе ея также поведеніе его было ребяческое: много привязанности, но нѣкоторый родъ грубости, не соотвѣтствующій нѣжности ея пола; онъ воображалъ, что надобно обходиться безъ чиновъ, а вѣжливость свободная, сопряженная съ нѣжностью, была будто бы не у мѣста и истребляла любовь. Равно и прилѣпленіе его къ нѣкоторымъ кавалерамъ его двора, съ которыми шептавъ, пріобрѣталъ онъ многія вредныя знанія, воспитатель его Протасовъ не могъ исправить съ прежнею точностью. Протасовъ приступилъ къ тому средству, чтобы говорить наединѣ съ видомъ дружества, но ученикъ его и отъ того уклонялся, выходя изъ кабинета въ уборную великой княгини, куда Протасовъ не всегда за нимъ могъ слѣдовать. Гофмейстерина великой княгини, графиня Шувалова явилась тогда безъ притвору, какова она была женщина пронырливая, имѣвшая нѣкоторую остроту, но безъ разсужденія, чужда не только добродѣтели, но и благопристойности, наполненная духомъ французскихъ щеголихъ, почитавшая скромность только въ томъ, чтобы лучше обмануть; впрочемъ обхожденія довольно пріятнаго, еслибъ не желала всегда первенствовать и спорить съ привязками. Первое ея стараніе было развратить молодыхъ супруговъ; нравоученіе ея въ томъ состояло, чтобы великой княгинѣ дѣлать всякія угожденія, замѣчать передъ женою всѣ мужнины ошибки, за всякое слово съ нимъ спорить, а въ большихъ сборищахъ показать его ревнивымъ и охуждать данное ему воспитаніе. Сперва, прежде и послѣ сговора, много она ласкалась къ великому князю, но нѣкоторое большой ея дочери на непорочность его покушеніе, противъ котораго добродѣтель его устояла, сдѣлала его матери и дочери ненавистнымъ.

Въ теченіе сего времени давались по случаю бракосочетанія балы у многихъ знатныхъ особъ. Александръ Павловичъ при оныхъ показывалъ много дѣтскости; оставляя людей почетныхъ, упражнялся въ разговорахъ съ молодыми модниками.

Къ концу 1793 года Александръ Павловичъ, совершенно отставъ отъ занятій, назначенныхъ съ учителями, упражнялся

съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ, разными шутками съ парикмахеромъ и прочими компатными, несвойственными никакъ съ даннымъ ему воспитаніемъ, чего Протасовъ не въ силахъ былъ прекратить, тѣмъ паче, что братъ меньшій давалъ ему къ тому способъ.

Въ началѣ 1794 года не было дальней перемѣны въ умоположеніи Александра Павловича, хотя и начались упражненія съ Лагарпомъ и прочими, но о россійскомъ ученіи совсѣмъ забыто. Настала работа, дѣлать маленькій театръ по старой привычкѣ. Сіе завело до того, что и великую княгиню оставилъ онъ одну.

Наконецъ маленькій театръ поспѣлъ и 23 марта Александръ Павловичъ показывалъ представленіе, куклами и машинками, балета Дидона, гдѣ были меньшой братъ, великая княгиня супруга, Протасовъ и графиня Шувалова. Эта пронырливая женщина всѣ способы употребляла развратить супруговъ, твердя обыкновенно, что нѣтъ вещи вѣчной и что самая любовь не можетъ быть навсегда.

Во время житья, лѣтомъ 1794 года, въ Царскомъ Селѣ, дворъ Александра Павловича наполнился интригами. Сдѣлался его другомъ Ѳ. В. Растопчинъ; явились двѣ партіи, Шуваловой, и Головиной обще съ Растопчинымъ. Наконецъ, сей послѣдній удалился на годъ въ деревню, а Головинъ заступилъ его мѣсто у великаго князя; пошелъ развратъ, зачали его ласкать и повреждать нравы разсказываніемъ соблазнительныхъ исторій, побужденіемъ бранить Шувалову бранными словами. Шувалова приходила къ великому князю объясняться; сказывала, что оставитъ мѣсто гофмейстерины, но не оставила. Головина и мужъ, вкравшись въ молодыхъ великихъ князей и великую княгиню, разстроили ихъ противъ всѣхъ.

Но если Александръ Павловичъ былъ вооруженъ противъ Шуваловой, то и было за что.

Фаворитъ Екатерины, Зубовъ, влюбился въ великую княгиню Елизавету Алексѣевну. Онъ привлекъ на свою сторону графиню Шувалову, но великая княгиня всегда дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ и своимъ холоднымъ и гордымъ

поведеніемъ отдаляла тѣхъ, которые имѣли дерзость намекать ей о страсти и страданіяхъ всемогущаго фаворита. Наконецъ, на поведеніе Зубова обратила вниманіе и Екатерина; между ними произошла сцена: поссорились и помирились. Тѣмъ не менѣе Зубовъ продолжалъ свое неприличное поведеніе, вспомоществуемый Шуваловою, но безъ всякаго успѣха. Твердость великой княгини положила конецъ этой интригѣ [1]).

Понятно, что при такой обстановкѣ великій князь съ радостью встрѣтилъ человѣка, съ которымъ могъ бы отвести душу въ бесѣдахъ, чуждыхъ окружавшей его средѣ. Такимъ явился для него князъ Адамъ Чарторыжскій.

Въ апрѣлѣ 1795 года онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ братомъ, въ Петербургъ, снабженный рекомендательными письмами князя Н. В. Репнина [2]). Понравившись великому князю онъ, безъ сомнѣнія, не мало повліялъ на перемѣну его образа мыслей, обративъ его къ болѣе серьезнымъ размышленіямъ [3]).

Мы уже упоминали выше, что еще въ 1783 году существовали слухи, что Екатерина имѣла, будто бы, намѣреніе устранить Павла Петровича отъ престолонаслѣдія, въ пользу старшаго ея внука, великаго князя Александра Павловича.

Слухи эти продолжали упорно ходить въ обществѣ [4]), и возобновились съ особенною силою въ 1793 году, когда, съ пріѣздомъ въ Петербургъ принцессъ баденскихъ, сдѣлалось очевиднымъ скорое вступленіе Александра Павловича въ бракъ.

Державинъ разсказываетъ, что въ 1793 году онъ имѣлъ поводъ думать, что не имѣла ли Екатерина, примѣтя его твердый характеръ, намѣренія поручить ему нѣкотораго важнаго

---

[1]) Письма Растопчина 20 іюля 1794, 20 августа и 8 декабря 1795 и 1 февраля 1796., А. к. В., VIII, 99, 105, 119 и 125.

[2]) Письма его къ Мерингу 8 апрѣля 1795 г., С. Р. И. О., XVI, 177 и къ И. И. Шувалову 31 марта, Р. А., 1876, I, 416.

[3]) Ср. Пыпина, Общественное движеніе при Александрѣ. Спбгъ. 1885 (2 изд.), стр. 29 и слѣд.

[4]) Разсказъ князя С. М. Голицына, Р. А., 1869, IV, 643; Записки Саблукова, тамъ же XI, 1882; Masson, I, 179—185, 231, II, 233. Энгельгардтъ, 195. Болотовъ, памятникъ претекшихъ временъ, М. 1875, № 76 и 252. Ср. письмо Екатерины къ Гримму о короновапіи, 14 августа 1792 г., С. Р. И. О., XXIII, 574.

намѣренія касательно наслѣдія послѣ ея трона. Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву, куда онъ уѣхалъ 3 іюня [1]), и откланявшись Императрицѣ, вышедъ изъ ея кабинета, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что Императрица приказала отдать ему нѣкоторыя секретныя бумаги, касательныя до великаго князя; то какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не приславъ, уѣхалъ въ Москву и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, прибавлялъ Державинъ, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ Павла Петровича, графъ Безбородко осыпанъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ [2]).

Другой разсказъ объ этомъ гораздо опредѣлительнѣе. Это свидѣтельство одного изъ наставниковъ Александра Павловича, Лагарпа, которое мы приведемъ съ буквальною точностью [3]).

Съ конца 1793 года шла рѣчь о лишеніи престолонаслѣдія Павла Петровича, возбудившаго всеобщую ненависть, и о возведеніи на престолъ, по кончинѣ Екатерины, старшаго внука ея, Александра Павловича. Злые совѣтники овладѣли умомъ Павла Петровича и наполнили душу его подозрѣніями. Онъ имѣлъ несчастіе довѣриться французскимъ эмигрантамъ, которые представляли врагами его всѣхъ тѣхъ, чей здравый смыслъ цѣнилъ по достоинству ихъ сумасбродныя притязанія. Во главѣ злонамѣренной лиги находились: бывшій французскій посланникъ въ Константинополѣ Шуазель-Гуфье, графъ Эстергази и принцъ Нассау-Зигенъ [4]). Совѣтники Екатерины полагали, что Лагарпу пріятно будетъ

[1]) Храповицкій.

[2]) Державинъ, VI, 365.

[3]) Сухомлиновъ, 51.

[4]) Что принцъ Нассау и Эстергази обратили вниманіе Екатерины на „неблагонамѣренность“ Лагарпа, подтверждаетъ и Растопчинъ. Письмо къ гр. Воронцову 6 іюля 1793, А. к. В. VIII, 76.

видѣть устраненіе человѣка, котораго сами же они называли заклятымъ врагомъ либеральныхъ идей и отъ котораго Лагарпъ лично не могъ ожидать ничего хорошаго. Такъ какъ Лагарпа считали въ то время ярымъ республиканцемъ, проникнутымъ самыми опасными началами, то составители заговора надѣялись, взявшись ловко за дѣло, вовлечь Лагарпа въ предпріятіе, имѣвшее цѣлью избавить Россію отъ новаго Тиверія и т. д. Цѣль, по ихъ мнѣнію, оправдывала средства. Втягивая Лагарпа въ свои сѣти, зачинщики весьма удобно могли, въ случаѣ надобности, взвалить всю бѣду на него. Если бы тайна открылась, вся отвѣтственность пала бы на беззащитнаго иностранца, лишеннаго довѣрія и ославленнаго якобинцемъ, и—кто знаетъ? — быть можетъ, съ воцареніемъ Павла Петровича, Лагарпъ былъ бы осужденъ на изгнаніе за участіе въ заговорѣ, отъ котораго онъ уклонился съ ужасомъ и негодованіемъ. Главная трудность состояла въ томъ, чтобы приготовить къ катастрофѣ великаго князя Александра Павловича. Лагарпъ одинъ могъ имѣть на него желаемое вліяніе и потому необходимо было или заручиться имъ, или удалить его. Екатерина, зная довѣріе и любовь къ Лагарпу своего внука, желала его испытать. Она неожиданно потребовала его къ себѣ 18 октября 1793 года [1]). Графъ Н. И. Салтыковъ, очевидно посвященный въ тайну, былъ озадаченъ вопросомъ Лагарпа о цѣли приглашенія, и отвѣчалъ ему: „я желалъ бы, чтобы сама Государыня объяснила вамъ, въ чемъ дѣло“. Разговоръ Лагарпа съ Императрицею продолжался два часа; говорили о разныхъ разностяхъ и время отъ времени, какъ бы мимоходомъ, Екатерина касалась будущности Россіи и не опустила ничего, чтобы дать Лагарпу понять, не высказывая прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись въ чемъ дѣло, Лагарпъ употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать Государынѣ открыть ему задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ проникъ въ ея тайну. Къ счастію, ему удалось и то, и дру-

[1]) Послѣ уже бракосочетанія Александра Павловича.

гое; но два часа, проведенные въ этой нравственной пыткѣ, принадлежали къ числу самыхъ тяжелыхъ въ его жизни и воспоминаніе о нихъ отравляло все остальное пребываніе его въ Россіи. Хотя совѣщаніе окончилось самымъ любезнымъ образомъ, однакоже, опасаясь дальнѣйшихъ объясненій, изъ которыхъ онъ не могъ бы никакимъ образомъ выпутаться также счастливо, Лагарпъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сосредоточился въ самомъ себѣ, осудивъ себя на строгое уединеніе. Екатерина два раза укоряла его за это, но, видя, что онъ упорствуетъ и является ко двору только для занятій съ своими учениками, убѣдилась, что онъ вовсе не расположенъ къ той роли, которую ему предназначали. Въ противоположность съ нею Лагарпъ не щадилъ ничего, чтобы поселить добрыя отношенія между Павломъ Петровичемъ и его сыновьями. Онъ, словно умышленно, отталкивалъ ихъ своими грубыми выходками; дѣти жаловались на отца и Лагарпу стоило большаго труда истолковать поведеніе его съ выгодной стороны и сохранить въ нихъ сыновнюю привязанность. Не смотря на приписываемый ему карбонаризмъ, Лагарпъ былъ возмущенъ до глубины души предстоящею насильственною мѣрою и ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла Петровича, постоянно окруженнаго шпіонами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія. Много затрудненій надо было преодолѣть, чтобы добиться свиданія съ Павломъ Петровичемъ, который былъ сильно вооруженъ противъ Лагарпа, около трехъ лѣтъ не говорилъ съ нимъ ни слова и даже отворачивался отъ него при встрѣчѣ. Наконецъ Лагарпу удалось достигнуть желаемаго. Не открывая Павлу Петровичу своихъ предположеній, Лагарпъ успѣлъ убѣдить его въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми; разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей и торжественно заклиналъ его имѣть къ нимъ полное довѣріе, сдѣлаться другомъ ихъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не черезъ третье лицо и т. д. Павелъ

Петровичъ попялъ Лагарпа и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать. Такой оборотъ дѣла заставилъ смотрѣть на Лагарпа какъ на препятствіе, отъ котораго надо было во что бы то ни стало избавиться.

Лагарпу было неожиданнымъ для него образомъ объявлено, что занятія его съ великими князьями должны прекратиться съ концомъ 1794 года, а въ маѣ слѣдующаго года онъ оставилъ Россію.

Свидѣтельство Лагарпа имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Въ данномъ случаѣ, когда надо было уговорить юношу, само собою представлялась необходимость обратиться къ его любимому наставнику. Немаловажно и то обстоятельство, что Салтыковъ не рѣшился объявить Лагарпу цѣль совѣщанія, и что Павелъ Петровичъ питалъ въ душѣ своей доброе чувство къ Лагарпу, не смотря на то, что въ теченіе нѣкотораго времени преслѣдовалъ его, какъ республиканца и революціонера. Наконецъ въ письмѣ къ самому Императору Павлу Петровичу изъ-за границы, Лагарпъ говоритъ: „обращаюсь къ вамъ, Государь, какъ къ человѣку, неподкупности котораго вы, по всей вѣроятности, обязаны своимъ существованіемъ, подвергавшимся сильной опасности въ 1793 и 1794 годахъ“ [1]).

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы великому князю Александру Павловичу сдѣлано было предложеніе, о которомъ говоритъ Лагарпъ, оно имъ было бы отвергнуто. Въ то время, когда Екатерина мечтала о возведеніи его на престолъ, въ умѣ молодаго великаго князя зарождалась мысль о суетѣ земнаго величія. Черезъ три года [2]), Александръ Павловичъ уже ясно формулировалъ эту мысль. „Мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ, говорилъ онъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ

[1]) Сухомлиновъ, 53.

[2]) Письмо къ В. П. Кочубею 10 мая 1796. Баронъ Корфъ, Восшествіе на престолъ Императора Николая I. Спбгъ., 1857, 228.

являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу, для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ, напр. кн. З..., П..., Б..., оба гр. С..., М... и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются предъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ. Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ и не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію. Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ этого отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы“ [1]).

[1]) Подобныя же мысли Александръ Павловичъ выразилъ въ письмѣ къ Лагарпу. С. Р. И. О., V, 23.

XXXII.

Годъ бракосочетанія Александра Павловича (1793) былъ, кажется, годомъ рѣшительнаго перелома въ характерѣ Павла Петровича. Уединяясь все болѣе и болѣе въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, удаляясь отъ лицъ, сохранявшихъ къ нему любовь, онъ становился мрачнымъ, подозрительнымъ и раздражительнымъ. Воображеніе его стало наполняться видѣніями; малѣйшее противорѣчіе вызывало его гнѣвъ; повсюду видѣлъ онъ революціонный духъ; во всѣхъ сталъ подозрѣвать недостатокъ къ себѣ уваженія.

Все, что было разсказано нами, можетъ служить, кажется, нѣкоторымъ объясненіемъ этой перемѣны въ характерѣ Павла Петровича. Причинъ, вызвавшихъ такую перемѣну, было не мало. Укажемъ и еще на нѣкоторыя изъ нихъ.

Кровавые успѣхи революціи во Франціи и страшная смерть Людовика XVI и Маріи Антуанеты, которые не такъ еще давно торжественно и весело принимали въ Парижѣ Павла Петровича, оставили въ его умѣ неизгладимое впечатлѣніе. Толпа французскихъ эмигрантовъ, нахлынувшая въ Россію искать покровительства и средствъ къ жизни, громко вопіяла противу революціи и проповѣдывала реакцію и абсолютизмъ. Во главѣ ихъ находился графъ Эстергази, пріѣхавшій въ Петербургъ въ сентябрѣ 1791 г. Человѣкъ очень ловкій, онъ

съумѣлъ отлично устроиться въ Петербургѣ и такъ проповѣдовалъ деспотизмъ и необходимость управлять желѣзомъ, что Павелъ Петровичъ принялъ его систему и началъ вести себя соотвѣтственно [1]). Великій князь сталъ видѣть повсюду отпрыски революціи. Онъ вездѣ думалъ встрѣтить якобинцевъ и однажды приказалъ посадить подъ арестъ четырехъ офицеровъ своего батальона за то, что у нихъ были нѣсколько коротки косички,—причина, признанная достаточною чтобы заподозрить въ нихъ революціонное направленіе.

Тѣ лица, которыя пользовались благоволеніемъ Екатерины, позволяли себѣ нарушать относительно Павла Петровича уваженіе, должное наслѣднику престола. Разсказы современниковъ полны свидѣтельствъ о столкновеніяхъ и пререканіяхъ, которыя Павелъ Петровичъ имѣлъ съ лицами, окружавшими Императрицу. Такъ, онъ имѣлъ столкновеніе съ адмираломъ Рибасомъ, явившимся къ нему въ новой морской формѣ, введенной въ черноморскомъ флотѣ безъ вѣдома Павла Петровича, носившаго званіе генералъ-адмирала [2]); съ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, за то, что въ подписи грамоты къ римскому императору не желалъ употребить выраженіе „servus“ [3]); съ Н. И. Салтыковымъ [4]), съ оберъ-гофмаршаломъ княземъ Барятинскимъ [5]), съ Зиновьевымъ, съ церемоніймейстеромъ Гурьевымъ и т. д. [6]). Не приводя подробностей этихъ столкновеній, такъ какъ причины многихъ изъ нихъ не вполнѣ ясны, нельзя не сознаться, что если они могутъ быть приписаны, съ одной стороны, вспыльчивости и раздражительности Павла Петровича, то, съ другой, нельзя не обвинить въ нихъ и тѣхъ, которые забывали въ немъ наслѣдника русскаго престола.

---

[1]) Письмо Растопчина 14 апрѣля и 6 іюля 1793, А. к. В., VIII, 67, 71 и 76; записки князя Голицына, Р. А., 1874, I, 1307.

[2]) Письмо Растопчина сентября 1792, А. к. В., VIII, 61 и Masson, III, 420.

[3]) Депеша Гельбига 14 октября 1793, Herrmann, 412.

[4]) Письмо Протасова 24 января 1796, А. к. В., XV, 71.

[5]) Письмо Татищева 21 февраля 1796, А. к. В., XVIII, 311 и Протасова 24 января 1796 г. тамъ же XV, 73.

[6]) Письмо Растопчина 6 іюля 1793, А. к. В., VIII, 76.

Конечно, подобныя выходки могли имѣть мѣсто потому, что придворные въ манерѣ заносчиваго фаворита Екатерины, Зубова, видѣли какъ нагло и безнаказанно можно было обращаться съ наслѣдникомъ. Павелъ Петровичъ былъ съ Зубовомъ въ очень дурныхъ отношеніяхъ; они старались доказать другъ другу, что одинъ былъ простой подданный, въ то время, когда другой былъ великій князь, но къ сожалѣнію насколько первый былъ могущественъ, настолько второй не имѣлъ никакого значенія [1]).

Однажды на обѣдѣ въ зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ Цесаревичъ съ семействомъ, зашелъ общій, оживленный разговоръ, въ которомъ наслѣдникъ не принималъ никакого участія. Императрица, желая пріобщить его къ бесѣдѣ, спросила его, съ чымъ мнѣніемъ онъ согласенъ по вопросу, составлявшему предметъ разговора?

— Съ мнѣніемъ Платона Александровича, отвѣчалъ Цесаревичъ.

— Развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость,—нагло отозвался фаворитъ [2]).

Разсказъ этотъ, можетъ быть, преувеличенъ, но мы рѣшились привести его здѣсь какъ образчикъ современныхъ воззрѣній на положеніе Цесаревича и фаворита. Такое же значеніе имѣетъ и слѣдующій анекдотъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины духовникъ ея, отецъ Савва, избранъ былъ также въ духовники къ наслѣднику. Онъ дерзнулъ на исповѣди спросить у Павла Петровича: „не имѣетъ ли чего на душѣ противъ Государыни-матери“ [3]).

Даже про великаго Суворова разсказываютъ слѣдующее. Однажды онъ позванъ былъ въ кабинетъ къ Цесаревичу и, войдя, началъ проказничать. Великій князь остановилъ его: „Безъ этого мы понимаемъ другъ друга“. Суворовъ въ раз-

[1]) Письмо Растопчина 1793, А. к. В., VIII, 84.
[2]) Р. С., 1876, XVII, 453.
[3]) Р. С., 1872, VI, 87.

говорахъ удивилъ остроуміемъ, а выходя побѣжалъ въ припрыжку и запѣлъ: „Prince adorable, despote implacable“ [1]).

Наконецъ и сама Екатерина была недовольна Павломъ Петровичемъ. Въ письмѣ ея къ Гримму отъ 9 апрѣля 1795 г. встрѣчается слѣдующій вопросъ: „что говорятъ въ Германіи о Павлѣ Петровичѣ? Здѣсь продолжаютъ говорить о немъ много дурнаго; да и правда, что онъ дѣлаетъ себѣ какъ можно болѣе враговъ“ [2]).

Положеніе Павла Петровича было тяжело еще и потому, что около него не было никого, кто бы могъ дать ему добрый совѣтъ и наставленіе. Старый его воспитатель и другъ, графъ Н. И. Панинъ и его братъ, графъ Петръ Ивановичъ, давно сошли въ могилу; князь Н. В. Репнинъ находился въ Вильно, гдѣ былъ генералъ-губернаторомъ, графъ И. Г. Чернышевъ больной, лечился за границею, а фельдмаршалъ графъ Румянцовъ доживалъ свой вѣкъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи.

Павелъ Петровичъ изрѣдка писалъ графу Румянцову, но съ какими предосторожностями велась эта переписка!

Однажды Павелъ Петровичъ предложилъ служившему въ гатчинскихъ войскахъ Кутлубицкому ѣхать въ отпускъ къ отцу. Великому князю было извѣстно чрезъ самого же Кутлубицкаго, что отецъ его, жившій въ своемъ имѣніи Полтавской губерніи, служилъ въ канцеляріи графа Румянцова и что по милости же Румянцова и молодой Кутлубицкій опредѣленъ былъ въ корпусъ. Почему, отпуская его домой, Павелъ Петровичъ поручилъ ему передать письмо Румянцову, самъ привязалъ его къ шнурку, на которомъ Кутлубицкій носилъ на груди крестъ и приказалъ вручить тайно самому графу, замѣтивъ притомъ, что тайнаго съ нимъ свиданія онъ можетъ добиться чрезъ его карлика.

Кутлубицкій исполнилъ порученіе и когда Румянцовъ отправлялъ его обратно, онъ также самъ привязалъ ему на крестъ свой отвѣтъ Цесаревичу, сказавъ: „смотри, я тебѣ вру-

[1]) P. C., 1872, V, 770.

[2]) De Secondat. C. P. II. O., XXIII, 627 и отвѣтъ Гримма, тамъ же, XLIV, 640.

чаю мою сѣдую голову; чтобы у тебя этого письма никто не видалъ; ежели, въ случаѣ, заболѣешь—съѣшь его“ [1]).

Съ лицами, ему сочувствовавшими, Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ обходиться, съ намѣреніемъ, холодно, дабы выраженіе его благоволенія не могло имъ повредить. Такъ, когда, знавшій его еще съ дѣтства, адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, съ 1792 года бывшій главнокомандующимъ черноморскимъ флотомъ и портами, пріѣхалъ въ Петербургъ, Императрица приняла его особенно ласково, что замѣтили всѣ ее окружавшіе. Они удвоили къ нему вниманіе, кромѣ Павла Петровича, который, казалось, удалялся его и въ обращеніи съ нимъ замѣтно былъ очень холоденъ. Мордвиновъ не могъ понять причины этой перемѣны. Проѣзжая изъ Петербурга обратно чрезъ Гатчину, Мордвиновъ остановился въ размышленьи: заѣхать ли къ Цесаревичу проститься или нѣтъ, но разсудилъ, что слѣдуетъ отдать долгъ почтенія будущему своему государю и счелъ обязанностью явиться къ нему.

Пріѣхавъ во дворецъ, онъ просилъ доложить о себѣ великому князю и получилъ въ отвѣтъ, что онъ далъ приказаніе, когда пріѣдетъ Мордвиновъ, принять его безъ доклада. Когда Мордвиновъ вошелъ въ кабинетъ къ Павлу Петровичу, великій князь обнялъ его и сказалъ: „другъ мой, никогда не суди меня по наружности. Я удалялся отъ тебя и казался съ тобою холоденъ не безъ причины: видя, какъ милостиво ты былъ принятъ у Государыни, я не хотѣлъ помѣшать тебѣ въ почести при большомъ дворѣ“ [2]).

А между тѣмъ, одинъ за другимъ удаляемы были отъ Павла Петровича послѣднія ему преданныя лица.

Въ 1793 году оставилъ его дворъ камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ [3]), слывшій за его любимца. Когда онъ удалился, Екатерина выразила надежду, что „теперь прекратятся всѣ глупости (toutes les folies) съ тѣхъ поръ, какъ

---

[1]) Разсказы Кутлубицкаго, Р. А., 1866, VIII, 1305.

[2]) Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ. Спбгъ, 1873, 21.

[3]) Сынъ извѣстнаго шутника, оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина, женатый на Маріи Алексѣевнѣ Сенявиной.

отослали этого толстаго барина“ (ce gros monsieur); а между тѣмъ Нарышкинъ былъ человѣкъ отличный, душой и сердцемъ преданный Цесаревичу [1]).

Въ слѣдующемъ 1794 году оставилъ его дворъ С. И. Плещеевъ. Онъ состоялъ при Павлѣ Петровичѣ по званію генералъ-адмирала и былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ достойный [2]). Можно предполагать, что причиною его удаленія было участіе его въ масонскихъ ложахъ, хотя Растопчинъ утверждаетъ, что причиною его немилости была его преданность великой княгинѣ.

Наконецъ въ іюлѣ того же года былъ высланъ, на жительство въ деревню, Ѳ. В. Растопчинъ. Этотъ послѣдній приблизился къ Павлу Петровичу только въ 1792 году [3]), но скоро съумѣлъ снискать его расположеніе и вошелъ въ довѣріе его слѣдующимъ образомъ.

Будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ, въ чинѣ поручика, отправился въ заграничное путешествіе. Въ Берлинѣ пристрастился онъ къ картамъ и обыгралъ одного стараго прусскаго маіора. Маіоръ отозвалъ его въ сторону и сказалъ: „Herr Lieutenant! Мнѣ заплатить вамъ нечѣмъ; у меня денегъ нѣтъ, но я честный человѣкъ. Прошу пожаловать завтра ко мнѣ на квартиру. Я могу предложить вамъ нѣкоторыя вещи; можетъ быть онѣ вамъ понравятся“.

Растопчинъ пришелъ къ маіору, который привелъ его въ комнату, всѣ стѣны которой были въ шкафахъ. Въ этихъ шкафахъ, за стекломъ, находились, въ маленькомъ видѣ, всевозможныя орудія и воинскія одѣянія: латы, шлемы, щиты, мундиры, шляпы, каски, кивера; однимъ словомъ, это было полное собраніе оружія и воинскихъ костюмовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, начиная съ древности. Тутъ же стояли и воины; одѣтые въ ихъ современные костюмы.

---

[1]) Письма графа Растопчина, апрѣль—декабрь 1793, А. к. В., VIII, 67, 77 и 84. Въ апрѣлѣ 1796 г. онъ женился на фрейлинѣ великой княгини, Вериганой. Ib., XV, 81 и 85.

[2]) Письмо Растопчина 28 мая 1794, А. к. В., VIII, 94.

[3]) Въ этомъ году, 14 февраля, Растопчинъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ.

Посреди комнаты стоялъ большой круглый столъ, на которомъ тоже было разставлено войско. Маіоръ тронулъ пружину и они начали дѣлать правильныя построенія и передвиженія. „Вотъ, сказалъ маіоръ, все, что мнѣ осталось послѣ моего отца, который былъ страстенъ къ военному ремеслу и всю жизнь собиралъ этотъ кабинетъ рѣдкостей. Возьмите это вмѣсто уплаты“.

Растопчинъ послѣ нѣкоторыхъ отговорокъ, согласился; уложилъ все это въ ящики и отправилъ въ Петербургъ. По возвращеніи въ Россію, онъ разставилъ все это на своей квартирѣ и офицеры гвардіи ежедневно любовались его собраніемъ.

Въ одно утро приходитъ къ нему адъютантъ Павла Петровича и говоритъ, что великій князь желаетъ видѣть его собраніе и для этого пріѣхать къ нему. Растопчинъ натурально отвѣчалъ, что самъ привезетъ это къ Его Высочеству. Привезъ и разставилъ всѣ свои игрушки.

Великій князь былъ въ восхищеніи. — Какъ вы могли составить такое полное собраніе въ этомъ родѣ? воскликнулъ онъ въ восторгѣ. — Жизни человѣческой мало, чтобы это исполнить.

— Ваше Высочество, отвѣчалъ Растопчинъ, усердіе къ службѣ все превозмогаетъ; военная служба моя страсть!

Съ этого времени Растопчинъ считался у Павла Петровича за знатока въ военномъ дѣлѣ.

Наконецъ великій князь началъ предлагать, чтобы Растопчинъ продалъ ему свою коллекцію. Растопчинъ отвѣчалъ, что продать ее не можетъ, но почтетъ за счастье, если Цесаревичъ позволитъ ему поднести ее Его Высочеству. Павелъ Петровичъ принялъ его подарокъ, бросился обнимать Растопчина, который съ этой минуты и пошелъ за преданнаго ему человѣка.

Растопчинъ, самъ разсказывавшій впослѣдствіи это начало своей карьеры, цинически прибавлялъ: „такъ вотъ чѣмъ выходятъ въ чины, а не талантомъ и не геніемъ“ [1]).

---

[1]) Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти. Москва, 1869, 230.

Причиною его удаленія послужило письмо, написанное имъ къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову, въ которомъ Растопчинъ жаловался на своихъ товарищей камеръ-юнкеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые не хотѣли исполнять дежурствъ въ гатчинскомъ дворцѣ. Растопчинъ въ письмѣ своемъ употребилъ относительно двухъ изъ нихъ не совсѣмъ лестныя для нихъ выраженія. „Что касается до меня, писалъ онъ, то такъ какъ у меня нѣтъ секретной болѣзни, чтобы лечиться, ни итальянской нѣвицы на содержаніи, чтобы заниматься ею, то я съ удовольствіемъ буду продолжать нести за нихъ службу при особѣ великаго князя“ [1]). Дѣло могло окончиться дуелью, но кончилось тѣмъ, что Растопчину приказано было выѣхать изъ Петербурга. Императрицу пытались даже увѣрить, что письмо свое къ Шувалову Растопчинъ написалъ по приказанію великаго князя.

Павелъ Петровичъ, очень расположенный къ Растопчину, отвѣтилъ на высылку его тѣмъ, что пересталъ допускать къ себѣ на дежурство камеръ-юнкеровъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые являлись для сего въ Гатчину, отсылалъ обратно.

Впрочемъ, удаленіе Растопчина продолжалось недолго. Черезъ годъ онъ возвратился въ Петербургъ.

Наконецъ и Нелидова, остававшаяся еще при дворѣ Павла Петровича, въ сентябрѣ 1793 года рѣшилась вновь повторить свою просьбу къ Екатеринѣ объ увольненіи и была уволена отъ должности фрейлины [2]).

Тѣмъ не менѣе еще нѣкоторое время оставалась она при дворѣ и только въ ноябрѣ того года, по переѣздѣ великаго князя въ Петербургъ, поселилась въ Смольномъ монастырѣ. Здѣсь мы должны повторить еще разъ, что отношенія Нелидовой къ Павлу Петровичу были отношеніями чистой дружбы;

---

[1]) Р. А. 1876, I, 377 и III, 393.

[2]) На этомъ второмъ письмѣ Нелидовой къ Екатеринѣ о разрѣшеніи переѣхать въ Смольный монастырь, Екатерина собственноручно написала: „увольняется“. См. письмо гр. Безбородки къ гр. Воронцову 3 сентября 1793, А. к. В., XIII, 281. Комовскій въ своемъ некрологѣ Нелидовой также свидѣтельствуетъ, что она переѣхала въ монастырь послѣ двукратной просьбы О. В., III, 457.

нѣсколько склонная, подобно Павлу Петровичу, къ мистицизму, Нелидова думала, что Богъ ставилъ ее въ положеніе, приближенное къ Цесаревичу, не смотря на всѣ ея рѣшенія провести остатокъ дней ея вдали отъ него [1]). То же находилъ и Павелъ Петровичъ, утверждавшій, что связи, существовавшія между ними, ихъ свойство, исторія этихъ отношеній, ихъ развитіе, наконецъ, всѣ обстоятельства, при которыхъ и онъ, и Нелидова провели свою жизнь, все это имѣло нѣчто особенное [2]).

Главными довѣренными лицами Павла Петровича стали въ это время его камердинеръ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ [3]), докторъ Фрейгангъ, который, наблюдая за физическимъ состояніемъ Павла Петровича, вмѣшивался и въ духовную сторону его жизни и отравлялъ ее, подполковникъ Линденеръ, человѣкъ пошлый, пропитанный самолюбіемъ, и наконецъ Аракчеевъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ наиболѣе прославился, своимъ быстрымъ возвышеніемъ въ царствованіи Павла, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ. Турокъ родомъ, изъ Кутаиса, онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими во время его малолѣтства и переданъ Императрицею Павлу Петровичу, который, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, отправилъ его въ Берлинъ и въ Парижъ, для изученія фельдшерскаго искусства, а потомъ поручилъ ему должность камердинера. Соединяя съ ловкимъ, оборотливымъ умомъ, проворство и искусство угождать, Кутайсовъ скоро пріобрѣлъ любовь и довѣріе великаго князя, и къ чести его, былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые не злоупотребляли ими.

Какъ бы по несчастію и тѣ лица, къ которымъ въ это

[1]) Письмо Нелидовой къ Павлу Петровичу. О. В., III, 443.

[2]) Письмо Павла Петровича къ Нелидовой, ib., 449. Ср. донесеніе англійскаго посла лорда Витворта. Herrmann, E. B., 526. Всѣ, вполнѣ достовѣрные свидѣтели (Шишковъ, Записки. Берлинъ, 1870, I, 31; Саблуковъ, Записки, Р. А., 1869, XI, 1879) единогласно утверждаютъ, что вліяніе Нелидовой на Павла Петровича было благотворно. Слухи о Нелидовой записаны Болотовымъ. Памятникъ протекшихъ временъ. М. 1875, № 199.

[3]) 19 августа 1794 г. камердинеру Кутайсову пожалованъ былъ участокъ земли въ Павловскѣ. Павловскъ, 552.

время Павелъ Петровичъ имѣлъ довѣріе, обманывали его. Статскій совѣтникъ баронъ Борхъ, поступившій къ нему управляющимъ гатчинскими волостями, вкрался въ его расположеніе и сдѣлался главнымъ распорядителемъ строительныхъ работъ. Черезъ два съ небольшимъ года онъ въ 1795 г. растратилъ до 300 т. р. и тѣмъ еще болѣе разстроилъ дѣла Цесаревича, такъ какъ Павелъ Петровичъ въ то время уже имѣлъ долговъ до 600 т. [1]).

Естественно, что подобная обстановка должна была дѣйствовать на образъ жизни Цесаревича. „Когда мы, придворные кавалеры, дежурили у ихъ высочествъ, въ Павловскѣ или въ Гатчинѣ, разсказываетъ князь Ѳ. Н. Голицынъ, надобно было иногда поостерегаться, хотя обхожденіе съ нами было милостивое. О Государынѣ Маріи Ѳедоровнѣ я смѣло скажу, что рѣдко я видывалъ особы благонравнѣе и добродѣтельнѣе. Терпѣніе же ея въ иныхъ случаяхъ было примѣрное. Она была всегда ровна. Я могу о себѣ сказать, что получалъ отъ нея нерѣдко знаки ея благоволенія. Она жаловала всегда читать и нерѣдко изволила брать у меня книги и со мною совѣтоваться. Распредѣленіе времени ея было такъ аккуратно, что она никогда безъ занятія не оставалась. Любимое ея упражненіе было гравировать на камняхъ и она до большаго совершенства изволила достигнуть въ семъ искусствѣ. Порядокъ, установленный у великаго князя, былъ, если можно сказать, въ такой уже точности, что все распредѣлено было по часамъ, и онъ самъ тому служилъ примѣромъ. Если изволитъ приказать притти въ четыре часа поутру, чтобы ѣхать верхомъ, то вѣрно, какъ скоро ударятъ часы, онъ уже готовъ и выйдетъ. Впрочемъ, придворнымъ было пріятно. Оба сіи увеселительные дворца отдѣланы съ большимъ вкусомъ; сады прекрасные, и даже чудно, что подъ такимъ суровымъ климатомъ и на такой неплодородной и болотистой землѣ, помощью ис-

[1]) Письма Растопчина 28 мая и 8 декабря 1795, А. к. В., VIII, 94 и 120. Два письма Павла Петровича къ генералъ-прокурору графу Самойлову о Борхѣ, см. въ Р. А., 1878, X, 244. Переписку Борха съ княземъ Репнинымъ въ С. Р. И. О., XVI, 417 и 422.

кусства и сбереженія, могли ихъ привесть до такого совершенства“ [1]).

По прежнему Марія Ѳедоровна старалась оживлять общество въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ. Она заботливо выбирала пьесы для спектаклей и входила во всѣ подробности предполагавшихся сценическихъ представленій. Но и эти представленія сдѣлались короче прежнихъ; сама великая княгиня наблюдала, чтобы они продолжались недолго, чтобы преимущественно давались небольшія оперетки, исключались живыя картины, которыхъ не любилъ ея супругъ [2]).

Праздники, которые устраивались въ это время великою княгинею, преимущественно сюрпризомъ для мужа, съ соблюденіемъ строгой экономіи, были постоянно запечатлѣны семейнымъ характеромъ. Ихъ скромная обстановка вызывала улыбку на лицахъ Екатерининскихъ магнатовъ, задававшихъ гомерическія пиршества или празднества, напоминавшія арабскія сказки, но самая ихъ скромность придавала имъ особенность тихой прелести. Нѣкоторыя изъ нихъ, съ исхода 1780 годовъ, носили на себѣ отпечатокъ воззрѣній Цесаревича на политическія событія и не чужды были намековъ на современныя событія, напримѣръ, на ужасы французской революціи [3]).

Никогда Марія Ѳедоровна не перемѣняла своихъ сердечныхъ отношеній къ супругу. Ни на шагъ не покидала она его, сопровождая его даже въ его продолжительныхъ прогулкахъ верхомъ, несмотря иногда на пятнадцатиградусный морозъ . Она присутствовала и при военныхъ упражненіяхъ Цесаревича, который иногда помѣщалъ ее на позицію, которую самъ защищалъ во время маневровъ. Однажды довелось ей помѣститься на открытомъ балконѣ полуразрушеннаго домика, составлявшаго ключъ позиціи, обороняемой Павломъ Петровичемъ съ частью его гатчинскаго

[1]) Записки Голицына, Р. А., 1874, 1319. Письмо Кочубея, А. к. В., XVIII, 36.

[2]) Письма ея къ князю Н. Б. Юсупову. О родѣ кн. Юсуповыхъ. Спбгъ, 1866, 288—292.

[3]) Павловскъ, 71.

[4]) А. к. В., VIII, 84.

отряда. Другая часть ввѣрена имъ была Линденеру, который намѣренъ былъ вести нападеніе по составленному имъ самимъ плану. Этотъ планъ долженъ былъ окончательно утвердить военную репутацію Линденера. Великая княгиня стояла на балконѣ; начался дождь. Павелъ Петровичъ безъ устали объѣзжалъ свой отрядъ, ожидая приближенія непріятеля. Между тѣмъ часы проходили за часами, дождь лилъ да лилъ, а непріятель не показывался. Павелъ Петровичъ, увѣренный въ знаніяхъ Линденера, утверждалъ, что онъ предпринялъ какое-нибудь обходное движеніе, надѣясь застать его врасплохъ: онъ удвоилъ предосторожности, самъ объѣзжалъ аванпосты и посылалъ рекогносцировки. Наконецъ, терпѣніе его истощилось. Оказалось, что Линденеръ, выступивъ съ ранняго утра, дѣйствительно предпринялъ какой-то дальній обходъ, но забрелъ въ огороженныя поля, разстроилъ свою колонну и не могъ найти дорогу. Офицеры, посылаемые къ нему Павломъ Петровичемъ съ приказаніемъ ускорить движеніе, торопили его. Линденеръ потерялъ голову, сказался больнымъ и оставилъ свой отрядъ. Тогда и великому князю ничего болѣе не оставалось, какъ вернуться во дворецъ, и Марія Ѳедоровна, измокшая, иззябшая, сопровождала его съ своею кроткою улыбкою, стараясь утишить справедливый его гнѣвъ [1]).

А между тѣмъ съ родины продолжали приходить къ Маріи Ѳедоровнѣ нерадостныя вѣсти. Въ 1792 году войска французской республики заняли Монбельяръ и княжество было присоединено къ Франціи [2]). Отецъ Маріи Ѳедоровны переселился въ Штутгартъ и въ 1795 году, послѣ смерти брата Карла, сдѣлался герцогомъ виртембергскимъ. Братья ея, которые почти всѣ были ей такъ много обязаны, забыли о своей сестрѣ. A l'exception de Ferdinand, писала она 20 іюля 1793 г. бывшему ихъ воспитателю Мауклеру [3]), aucun de mes frères ne m'écrit; il y a des années que je n'ai pas vu de l'écri-

[1]) Masson, I, 328.

[2]) Письма Кочубея 17 августа и 22 декабря 1791 г. А. к. В., XVIII 12 и 21; письмо Екатерины къ Маріи Ѳедоровнѣ С. Р. И. О., XLII, 228.

[3]) Stark, 107.

ture de Guillaume, et malgré mes instances réiterées et mes représentations sur son silence vis à vis de mes parents, il parait qu'il l'observe toujours. Le bon et cher Eugène m'écrit 3—4 fois l'année, sa jolie femme [1]) de même; il se trouve malheureux d'être en garnison et non aux champs de la gloire, mais moi, j'en suis charmée, quand je pense à sa faible santé, à sa femme et à ses enfants. Ferdinand a eu de nouveaux succès; la forteresse de Condé s'etant rendue à lui, mais ce pauvre garçon est mal récompensé de ses peines et de ses fatigues, et l'empereur [2]) n'agit pas fraternellement envers lui. Depuis près d'une année je ne sais rien d'Alexandre. Henri a été très mal, maintenant il est mieux. On m'assure que mes deux frères ainés [3]) se portent bien; c'est tout ce que j'en sais. Vous voyez que mes frères me négligent assez, mais je n'en serai ni plus ni moins bonne soeur pour eux. Il est trés-vrai que les promesses de mon cher Alexandre me comblent de satisfaction, parce que ma petite belle-fille réunit tous les agréments de la figure et du caractère, et quand à lui, c'est l'enfant de mon coeur, qui ne me laisse à désirer que la faveur du Ciel, de le conserver tel qu'il est. Je vous assure que mon petit groupe d'enfants fait mon bonheur; aussi tout le monde me nomme une bien heureuse mère.

Въ дѣтяхъ искала себѣ утѣшенія Марія Ѳедоровна. 7 января 1795 года родилась у ней дочь Анна, а 25 іюня 1796 года сынъ Николай. Но и семейныя несчастія не миновали ея. 15 января 1795 года скончалась трехлѣтняя великая княжна Ольга Павловна [4]).

Самому родительскому чувству Маріи Ѳедоровны не было свободы. Дѣти ея были удалены отъ нея, находясь безотлучно при Императрицѣ. Екатерина старалась молодиться, развлекаясь дѣтскими ихъ играми, и годы старости не измѣнили ея отъ природы веселаго характера.

[1]) Луиза, принцесса саксенъ-мейнингенская, рожденная принцесса Штольбергъ-Гедернъ.

[2]) Францъ II австрійскій.

[3]) Фридрихъ и Людвигъ.

[4]) О распредѣленіи ея имущества, см. Историческій Вѣстникъ, 1881, № 12.

„Я имѣю вамъ сказать, писала Екатерина Гримму 11 февраля 1794 г., во-первыхъ, что третьяго дня, 9 февраля, въ четвергъ, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, что я съ матушкою пріѣхала въ Москву. Это было въ четвергъ, 9 февраля, слѣдовательно вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, проведенныхъ здѣсь въ Россіи и изъ этихъ пятидесяти лѣтъ я, Божіею милостію, царствую тридцать два года. Во-вторыхъ, вчера было при дворѣ разомъ три свадьбы. Вы понимаете, что это уже третье или четвертое поколѣніе послѣ того, которое я застала и я думаю, что здѣсь въ Петербургѣ нѣтъ десяти человѣкъ, которые помнили бы этотъ мой пріѣздъ. Прежде всѣхъ слѣпой, дряхлый и болѣе чѣмъ заговаривающійся Бецкій, который спрашиваетъ у молодыхъ людей, знавали ли они Петра I. Потомъ графиня Матюшкина, которой 78 лѣтъ, и которая вчера танцовала на свадьбахъ. Затѣмъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, котораго я застала при дворѣ камеръ-юнкеромъ, и его жена. Далѣе его братъ, оберъ-шталмейстеръ, но онъ не сознается въ этомъ, потому что это его слишкомъ старитъ. Далѣе оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по дряхлости почти уже не выходитъ изъ дому и, наконецъ, старая моя горничная, которая все позабываетъ. Вотъ почти всѣ мои современники. Это, однако, странно; всѣ остальные могли бы быть моими дѣтьми и дѣтьми дѣтей моихъ. Вотъ какая я старая. Есть семейства, въ которыхъ я знаю пятое и шестое поколѣнія. Вотъ полныя доказательства старости и даже настоящій разсказъ, быть можетъ, свидѣтельствуетъ о томъ же, но что же дѣлать? И, не смотря на это, я до безумія и какъ пятилѣтній ребенокъ люблю смотрѣть на игру въ жмурки и на всевозможныя дѣтскія игры. Молодежь и мои внуки и внучки говорятъ, что я должна присутствовать, чтобы веселіе царило какъ имъ хочется и что они смѣлѣе и непринужденнѣе при мнѣ, чѣмъ безъ меня; значитъ я — le Lustigmacher“.

Но Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна не принимали участія въ этихъ развлеченіяхъ; они были „die schwere Bagage“, какъ ихъ называла Екатерина. „Я иду одѣваться, писала она тому же Гримму 6 апрѣля 1795 года, потому что

сегодня вечеромъ я должна присутствовать на любительскомъ концертѣ. Великій князь Александръ и графъ Платонъ Зубовъ будутъ играть на скрипкѣ; великія княжны Елизавета, Александра и Елена будутъ пѣть, а Марія, которой девять лѣтъ, но которая уже кончила съ Сарти изученіе генералъ-баса, такъ какъ она обладаетъ чрезвычайнымъ влеченіемъ къ музыкѣ, будетъ имъ акомпанировать на фортепьяно. Сарти говоритъ, что въ музыкѣ она геній. Сверхъ того она очень умна и способна ко всему и будетъ разумною дѣвицею. Она любитъ чтеніе и по словамъ генеральши Ливенъ, проводитъ за чтеніемъ цѣлые часы; притомъ очень весела и жива, и танцуетъ какъ ангелъ. Вообще это довольно красивая семья. Die schwere Bagage ist nach Gatschina seit drey Tage abgegangen. Basta. Wenn die Katze nicht zu Hause ist, so tanzen die Mäuse über die Tische und sind glücklich und vergnügt".

Въ обществѣ, окружавшемъ въ это время Екатерину, первенствовали молодые люди. Въ іюлѣ 1789 года, немедленно по отставкѣ Мамонова, фаворитомъ ея сдѣлался Зубовъ. Достаточно пробѣжать письма ея къ Потемкину [1]), чтобы убѣдиться, какую пылкую, юношескую страсть шестидесятилѣтняя Екатерина питала къ девятнадцатилѣтнему Зубову. Послѣ смерти Потемкина и во время отъѣзда графа Безбородки изъ Петербурга въ Яссы, для переговоровъ о турецкомъ мирѣ, Зубовъ достигъ при ней небывалаго, даже для фаворитовъ, значенія и менѣе чѣмъ въ два года сдѣлался полновластнымъ рѣшителемъ судебъ Россіи.

„Перемѣна людей перемѣняетъ образъ мыслей и теченія дѣлъ, писалъ Завадовскій Воронцову 27 января 1792 года, а главное, что солнце на закатѣ не тотъ свѣтъ имѣетъ, которымъ дѣйствуетъ при востокѣ и во время полдня. Прилагая разсужденіе къ симъ пунктамъ, вниманіе къ себѣ обращающимъ, меньше станешь удивляться настоящимъ происшествіямъ. Графъ Безбородко, разжигаяся честолюбіемъ, равно и легкомысленностью захватить весь кредитъ, когда не стало князя Потемкина, кинулся въ Яссы. При отъѣздѣ, изъ тру-

[1]) Напечатаны въ Р. С. и въ С. Р. И. О.

сости врожденной, поручилъ внутренній портфель Зубову, а иностранныхъ дѣлъ Моркову. Послѣдняго разумѣлъ себѣ первымъ другомъ, а у перваго думалъ тѣмъ найти связь. Возвратившемуся послѣ мира въ голубой лентѣ, при первой встрѣчѣ, дано ему почувствовать, что дѣла уже не въ его рукахъ. И такъ съ тѣхъ поръ, безъ изъятія, Зубовъ управляетъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами, Моркова имѣя подъ собою для письма иностраннаго. Ни одинъ изъ прежнихъ фаворитовъ, даже и самъ всемогущій князь Потемкинъ, не имѣлъ столько обширной сферы; ибо владычество простиралось токмо на одинъ департаментъ, а къ настоящему всѣ придвинуты. Молодой человѣкъ изъ всѣхъ силъ мучитъ себя надъ бумагами, не имѣя ни большаго ума, ни пространныхъ способностей, коими одними двигать бы можно широкое бремя. Душа въ немъ добра, но боязлива защищать правду или вещи полезныя, а непріятныя. Прилеженъ довольно и понятенъ, но безъ опытности посредственныя дарованія меньше успѣха, чѣмъ медленіе, въ разсужденіи дѣлъ приносятъ, чему однако никакъ не внемлетъ. Братъ его натуральной остроты больше имѣетъ, которому имя Валерьянъ, и онъ у двора на ногѣ отличной фамильярности, въ разсужденіи которой публика примѣтлива. Даже отзывы о немъ суть: „spes magna futuri“. Но какъ во время Зорича, и въ немъ и въ его братѣ Неранчичѣ видѣли великихъ фельдмаршаловъ, то и тутъ не что другое, какъ образъ свойственный великому счастію токмо повторяется“ [1]).

Естественно, что окружавшая Екатерину молодежь требовала и юношескихъ развлеченій и забавъ. Башиловъ, опредѣленный въ пажи ко двору въ 1793 году, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]), что тогда пажи служили за столомъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли счастіе быть приглашенными къ столу Ея Величества, а вседневный столъ не болѣе былъ 12 персонъ, а въ воскресенье персонъ 20 или 25; въ

[1]) А. к. В., XII, 75.
[2]) Памятники, III, 4 и слѣд.

этотъ день обѣдали фрейлины и равно дежурные камергеры и камеръ-юнкеры и форшнейдеръ, также камергеръ. Въ воскресенье всегда кушали Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна, и потому обѣдъ былъ церемонный.

„Всѣмъ извѣстно, какъ старики и старухи безобразны, но лицо Императрицы было такъ привлекательно, улыбка такая очаровательная, осанка такая важная, что вселяетъ любовь и такое уваженіе, какое мудрено видѣть. Она любила великаго князя Александра Павловича до неизъяснимости и въ правду было за что любить: кротость, красота, доброта, ласковость составляли черты прекраснаго его лица. Великій князь Константинъ Павловичъ былъ рѣзвѣе, предпріимчивѣе, похожъ чрезвычайно на Павла Петровича, и, слѣдовательно, не красавецъ, но всегда былъ стройный молодецъ. Царское семейство состояло изъ сихъ двухъ великихъ князей и изъ великихъ княженъ: Александры, портретъ живой Александра I, Елены, также очаровательной, прекрасной и Маріи, если не такой красавицы, но столько привлекательной, доброй, что на нее смотрѣли, какъ на ангела. Когда Императрица лѣтомъ жила въ Царскомъ Селѣ, то все семейство царское жило съ нею, а Павелъ Петровичъ жилъ съ супругой въ Павловскѣ. Видъ его былъ строгій, недовольный (и было чѣмъ). Онъ пріѣзжалъ съ почтеньемъ разъ въ недѣлю, въ назначенные дни. Пріѣздъ его вселялъ почтеніе и страхъ, когда, впрочемъ, страхъ не имѣлъ никогда мѣста при Императрицѣ; но для Павла Петровича все въ струнку. Мы, пажи, хотя и птенцы еще были и намъ политика не была извѣстна, однакоже ожиданное прибытіе заставляло насъ держать, какъ нынѣ говорятъ, руки по швамъ. Должность пажей состояла еще двери отворять; слѣдовательно, мы были первые видимы, и вы можете судить, какъ мы оправлялись, оглядывались, боялись и цѣпенѣли.

„Выходъ Императрицы на гулянье было торжество для знатныхъ, которые добивались благосклонности и взгляда. Для насъ она казалась богинею, и лицо ея сіяло какъ солнце. Тутъ во время прогулки на лугу, игрывали въ игры почти

военные, de barre и были двѣ стороны войска, одна подъ командою Александра, другая—Константина; офицеры все были ребята славные, веселые, а именно: графъ Чернышевъ, графъ Эльмптъ и многіе другіе; войско были великія княжны и амазонки-фрейлины. Императрица потѣшалась внуками и любовалась тою непринужденностью, какою всѣ пользовались, несмотря на царицу, обладательницу полушара земнаго. Тутъ брали въ плѣнъ стариковъ, какъ-то: князя Несвицкаго, графа Строгонова, Черткова, князя Барятинскаго. Они служили аманатами. Князь П. А. Зубовъ также бѣгалъ, воевалъ, и его сотрудникъ былъ С. Л. Львовъ [1]). Одинъ прекрасный вечеръ въ Царскомъ Селѣ, Императрица во время прогулки шла медленно; за нею вся свита, а въ концѣ кортежа пажи. Разставленныя копны съ сѣномъ представляли собою деревню, съ тою только разницею, что луга Екатерины были эдемъ; цѣлыя поля розовыя. Князь Зубовъ, подозвавъ меня, сказалъ: возьмите генерала Львова и бросьте на копну. Повиноваться должно было, но какъ схватить Львова: генералъ въ лентѣ, старикъ, любимый царицею; ну—какъ осердится: бѣда, опять розги! Что-же? Чтобы гулянье сдѣлать веселѣе и царицу посмѣшить, князь Зубовъ осмѣлился взять клочекъ сѣнца и очень вѣжливо положилъ на плечо царицѣ. Это было сигналомъ штурма; безначаліе, и кто во что горазъ — пошли разметывать копны, бросать на фрейлинъ и кавалеровъ, а насъ стая пажей бросилась на Львова, повалили на копну и ну его заваливать сѣномъ; онъ кричитъ, бранится, а князь Зубовъ съ великими князьями ну его тащить за ноги. Копны всѣ разметали, Императрица сѣла на скамейку, смѣялась. Тутъ досталось и другимъ, старухамъ статсдамамъ, камеръ-фрейлинѣ Протасовой и графинѣ Ливенъ; но всѣ шутили, бѣгали, не сердились, за нами гонялся Львовъ и наши вержеты растрепались и мы Барятинскому [2]) также услужили: царица кив-

[1]) Храповицкій подъ 24 апрѣля 1787 г. „Вычерченъ изъ свиты Сергѣй Львовъ. Безчестный человѣкъ въ моемъ сообществѣ быть не можетъ".

[2]) Оберъ-гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій, главный начальникъ пажей, обращеніе коего съ нами, говоритъ Башиловъ, было драть насъ за уши и величать щенками.

нула, мы забыли страхъ, и князь Барятинскій былъ обсыпанъ сѣномъ.

„Иногда, лучше сказать, весьма часто, Императрица любовалась великими княжнами, и онѣ въ русскомъ сарафанѣ плясали по-русски подъ двѣ скрипки, на которой на одной игралъ старикъ капельмейстеръ Паскевичъ, полковничьяго ранга, въ большомъ пудреномъ парикѣ, въ шитомъ кафтанѣ, при шпагѣ, а secondo игралъ тоже какой-то 70-лѣтній дѣтина. Судите сами, съ какимъ мы восторгомъ смотрѣли на умилительное лицо Великой Екатерины, на ея радость, и наконецъ, на обниманіе двухъ ангеловъ въ сарафанахъ. Недостаетъ силъ все описать, и памяти не станетъ, когда вспомнишь, что это было въ 1794 или 95 году".

Державинъ, этотъ poeta laureatus двора, воспѣвшій русскую пляску въ стихотвореніи своемъ „Хариты", также принималъ участіе въ юношескихъ забавахъ двора. 15 іюля 1793 года, разсказываетъ онъ, по наступленіи седьмаго часа, въ который обыкновенно Государыня хаживала съ придворными въ Царскомъ Селѣ въ саду прогуливаться, пошелъ въ садъ, дабы имѣть участіе въ прогулкѣ. Статсъ-секретарь П. И. Турчаниновъ, встрѣтя его, говорилъ: „Государыня нѣчто скучна, и придворные какъ-то никакихъ не заводятъ игръ; пожалуй, братецъ, пойдемъ и заведемъ хотя горѣлки. Державинъ послушался. Довелось ему съ своею нарою ловить двухъ великихъ князей, Александра и Константина Павловичей; онъ погнался за Александромъ, и догоняя его на скользкомъ лугу, покатомъ къ пруду, упалъ, и такъ сильно ударился о землю, что сдѣлался блѣденъ какъ мертвецъ. Онъ вывихнулъ въ плечѣ изъ сустава лѣвую руку. Великіе князья и прочіе придворные подбѣжали къ нему и, поднявъ, едва живаго отвели его въ его комнату. Хоть вправили руку, но онъ не могъ одѣться и долженъ былъ оставаться дома обыкновенныя шесть недѣль, пока нѣсколько рука въ суставѣ своемъ не затвердѣла. Въ сіе-то время недоброжелатели умѣли такъ расположить противъ него Императрицу, что онъ, по вы-

здоровленіи, когда явился къ ней, то нашелъ ее уже совсѣмъ перемѣнившеюся [1]).

Такимъ же точно образомъ старикъ Стакельбергъ, играя въ эрмитажѣ въ жмурки, переломилъ себѣ руку [2]).

„Не могу не разсказать еще одинъ вечеръ въ Царскомъ Селѣ,—продолжаемъ лѣтопись Башилова.—Государыня, нагулявшись, всегда садилась играть въ шахматы вчетверомъ, а иногда въ вистъ. Кавалеры все были дѣти по 80 лѣтъ, и это всегда было въ билліардной комнатѣ. Великіе князья, великія княжны играли всегда въ фанты, а главные коноводы были, любезнѣйшій изъ придворныхъ графъ Чернышевъ и любезно-дерзкій графъ Эльмптъ. Всегда бывало играли въ муфти „par ordre de moufti“ и муфти всегда былъ Эльмптъ. Онъ дурачился, обманывалъ, ловилъ и фантовъ всегда набиралась цѣлая шляпа. Фанты вынимала А. С. Протасова, и достался фантъ „le docteur et le malade“; больной былъ А. П. Нащокинъ, а лѣкарь графъ Эльмптъ. Сняты были чахлы съ креселъ, устлали билліардъ, положили Нащокина, оборотили стулъ вмѣсто подушки, повязали голову салфеткой, убрали тѣло чахлами бѣлыми и сдѣлали халатъ. Повели передъ царицею кругомъ билліарда; всѣ шли по два въ рядъ, а графъ Эльмптъ сзади шелъ. Привязали къ петлицамъ нѣсколько пустыхъ бутылокъ, длинные бумажные ярлыки, каминная кочерга, коротенькая вмѣсто клистирной трубки; положили Нащокина, и ну ему ставить клистиръ. Государыня такъ хохотала, что почти до слезъ. Я думаю, каково было и Нащокину. Онъ сердился, вертѣлся, но повиновался, какъ тотъ вельможа въ „Горе отъ ума“. Потомъ опять фантъ: „ambassade turque“; камергеръ Олешевъ избранъ; онъ былъ очень тихъ, скроменъ, родня Суворову, и желалъ такъ веселиться, какъ иному весело лѣзть на висѣльницу; но дѣлать нечего: il fallait des plastrons. Эльмптъ, главный церемоніймейстеръ, а пажи всегда были его прислужники и все мигомъ достанутъ. Опять

---

[1]) Державинъ, VI, 653.

[2]) Письмо Бантышъ-Каменскаго 5 апрѣля 1794 г. Р. А., 1876, III, 386.

чахлы съ креселъ, сдѣлали на Олешева чалму, нажгли пробку, намарали брови, сдѣлали бороду черною, одѣли въ чахлы и навѣшали шалей. Онъ морщился, просилъ пощады, но безъ этой процессіи веселья бы не было. Шутка эта впослѣдствіи имѣла весьма непріятное окончаніе. Олешевъ, котораго Павелъ Петровичъ любилъ, бывши дежурнымъ въ Павловскѣ, говорилъ объ этой насмѣшкѣ и когда государь Павелъ Петровичъ вошелъ на престолъ, то графъ Эльмптъ выключенъ былъ изъ службы и отосланъ къ отцу въ Ригу".

Вообще молодые люди тогдашняго времени не очень стѣснялись при дворѣ.

Въ 1790 году велѣно было вернуть въ Россію изъ Парижа молодого графа Павла Строгонова, который съ своимъ гувернеромъ Роммомъ поступилъ въ члены клуба якобинцевъ и Propaganda Libertate [1]). Возвратясь на родину и получивъ званіе камеръ-юнкера, молодой якобинецъ примѣнилъ на родной ладъ идеи вольности. „Въ февралѣ 1796 г., будучи въ свитѣ придворной во время масляничнаго катанья государыни, отсталъ онъ какъ-то назади и по входѣ Ея Величества въ загородный домъ великаго князя Александра Павловича, гдѣ сдѣланы горы, нашелъ уже разставленныхъ полицейскихъ офицеровъ, чтобъ, по тѣсному дому, никого болѣе не пускали. Молодой человѣкъ не хотѣлъ послушаться офицера, а сей, не признавая въ немъ придворнаго человѣка, потому что онъ былъ во фракѣ и, понынѣшнему англійскому манеру, растрепанъ, не хотѣлъ пропустить. Но конецъ спора завершился двумя или тремя государскому стражу пощечинами, хотя не въ присутствіи самой государыни, однакожъ въ глазахъ молодаго великаго князя, и сіе только удержало офицера взаимною обороною произвесть народную драку. По донесеніи объ томъ Государынѣ, Ея Величество, съ великимъ сожалѣніемъ къ отцу, въ поученіе сына, слоесно повелѣть изволила обидчику, при собраніи всего полицейскаго корпуса офицеровъ въ домѣ

[1]) Храповицкій подъ 26 августа 1790 г.; Арх. Госуд. Сов., т. I, ч. II, 729.

здѣшняго начальника, просить у обиженнаго офицера прощенія, а потомъ на годъ удалиться въ деревню [1]).

Естественно, что Павелъ Петровичъ избѣгалъ этихъ шумныхъ, юношескихъ удовольствій. Стараясь сколь можно рѣже покидать Павловскъ и Гатчину, онъ жилъ какъ бы въ удаленіи отъ двора.

Въ подобномъ же удаленіи отъ двора жило въ это время и другое лицо, нѣкогда очень близкое Екатеринѣ—Бобринскій.

Мы уже говорили, что стараніями русскаго посланника въ Лондонѣ, графа С. Р. Воронцова, устроено было въ 1788 году возвращеніе Бобринскаго въ Россію. На русской границѣ объявлено ему было повелѣніе отправиться на житье въ Ревель.

Прибывъ туда, онъ обратился къ Императрицѣ, испрашивая прощеніе и Екатерина отвѣтила ему письмомъ, въ которомъ любопытно слѣдующее ея о немъ мнѣніе [2]): „У васъ доброе сердце; вы умны и одарены бодростью духа, которую французы называютъ словомъ valeur. Вы любите справедливость и уважаете истину. Вы принимаете горячее участіе въ общественномъ благоденствіи и ревностно желаете служить вашему отечеству. Въ сущности вы бережливы, но небрежете порядкомъ и часто дѣйствуете безъ оглядки. Къ этому присоединяется въ васъ значительная недовѣрчивость, вслѣдствіе которой вы очень падки къ доброму мнѣнію другихъ. Между тѣмъ разныя посѣщаемыя вами общества увлекаютъ васъ въ крайности и вы сокрушаетесь въ глубинѣ сердца, коль скоро видите, что вы не на прямомъ пути. Вы молоды и такъ какъ основа вашего характера вовсе не дурна, то вы разсчитываете исправить со временемъ ваши недостатки. Въ настоящую минуту безучастное равнодушіе и отчаяніе попеременно владѣютъ вами, потому что вы страдаете нѣкоторою необузданностью... Я очень хорошо знаю, что Ревель не Парижъ или Лондонъ и что вы въ немъ скучаете, но вамъ

[1]) Письмо Алексѣева 5 марта 1796, С. Р. И. О., XVI, 404 и письмо Протасова 3 марта А. к. В., XV, 78.

[2]) Оба письма ея Р. А., 1876, IX, 13 и 16.

полезно пожить такъ. Придите въ себя и нѣсколько поисправьтесь и вамъ будетъ лучше. Желаю отъ всего сердца, чтобы здоровье ваше было въ удовлетворительномъ состояніи, дабы вы могли служить съ честью... Изъ сказаннаго вы видите, что я покойно и безъ всякаго гнѣва смотрю на ваши увлеченія, что мнѣ извѣстны ваши добрыя качества и ваши недостатки. Я знаю, что у каждаго есть свои. Я вовсе не предубѣждена противу васъ. Напротивъ, что я дѣлаю и буду дѣлать, все это всегда будетъ сдѣлано для вашего блага".

Бобринскій остался подъ попечительствомъ Завадовскаго [1]), запявшагося устройствомъ его запутанныхъ денежныхъ дѣлъ. Когда достигнувъ совершеннолѣтія, онъ въ концѣ 1791 года выразилъ желаніе получить въ свое распоряженіе назначенный ему капиталъ, ему въ этомъ было отказано. Точно также отказано ему было въ свиданіи съ Императрицею, о которомъ онъ просилъ въ декабрѣ слѣдующаго 1792 года [2]). Тогда онъ окончательно основался въ остзейскомъ краѣ, купилъ въ 1794 году имѣніе Оберъ-Палепъ въ Лифляндіи [3]), свелъ знакомство съ мѣстнымъ дворянствомъ и подъ вліяніемъ скромной, но высокообразованной германской среды, добрыя его природныя свойства взяли верхъ надъ распущенностью и расточительностью. 16-го января 1796 года Бобринскій женился на баронессѣ Аннѣ Владиміровнѣ Унгернъ-Штернбергъ. Когда опекунъ его, Завадовскій, поднесъ Императрицѣ письмо Бобринскаго о разрѣшеніи ему уступить въ бракъ, то получилъ резолюцію въ сихъ словахъ: „пусть женится; напишите къ нему, что всякъ женится для себя, и ему не запрещено". Больше ни вопросовъ, ни разговора не было [4]).

Екатерина окончательно охладѣла къ Бобринскому и онъ

[1]) Завадовскій ѣздилъ къ нему въ маѣ 1788 г. и въ сентябрѣ 1794 г. Р. С., XVI, 7 и А. к. В., XII, 132.

[2]) Храповицкій, подъ 13 декабря и письма Екатерины къ графу А. Г. Орлову 27 апрѣля 1792 г. С. Р. И. О., I, 112 и къ Безбородко 13 декабря ibid, XLII, 232.

[3]) За это имѣніе было заплочено 242,550 р. Hagemeister, Materialien zu einer Geschichte der Landgüter Livlands Riga. 1836—1837, II, 192.

[4]) Письмо Завадовскаго къ Бобринскому 5 августа 1795, Р. А., 1876, IX, 36.

оставался въ Лифляндіи до вступленія на престолъ Павла Петровича, который, немедленно по воцареніи, вызвалъ его въ Петербургъ и осыпалъ милостями. Бобринскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, пожалованъ орденомъ св. Анны 1 ст., графомъ, ему подаренъ былъ домъ въ Петербургѣ, нѣкогда принадлежавшій князю Орлову и переданы большія имѣнія въ Тульской и Московской губерніяхъ, которыя давно уже предназначались ему Екатериною [1]).

Уже ученый издатель Русскаго Архива, г. Бартеневъ замѣтилъ, что предметомъ любопытнаго психологическаго изученія можетъ быть Бобринскій, у котораго не только во внѣшнемъ обликѣ, но и въ характерѣ замѣтно было сходство съ Павломъ: та же высота и стремительность благородныхъ побужденій, тоже противодѣйствіе окружающей средѣ и оттого неудача въ жизни [2]).

Нельзя не согласиться, что замѣчаніе это отчасти справедливо.

---

[1]) См. объ этомъ наивный разсказъ Болотова въ Р. А., 1864, VII, 751. Указъ Императора Павла о Бобринскомъ отъ 12 ноября 1796, г. въ Р. С., VIII, 739.

[2]) Примѣч. къ дневнику Бобринскаго, Р. А., 1877, X, 165.

XXXIII.

Второй сынъ Павла Петровича, великій князь Константинъ Павловичъ былъ моложе своего старшаго брата на одинъ годъ и семь мѣсяцевъ. Разница эта болѣе или менѣе незамѣтная въ юношескихъ годахъ, была очень чувствительна въ томъ дѣтскомъ возрастѣ, въ которомъ находились оба брата, когда воспитаніе ихъ поручено было Салтыкову. На разницу эту не было, однако, обращено особаго вниманія съ педагогической точки зрѣнія. Оба брата учились совмѣстно, а такая совмѣстность естественно должна была неблагопріятно отражаться на младшемъ изъ нихъ, даже при совершенномъ равенствѣ ихъ врожденныхъ способностей. Константинъ Павловичъ учился слабо и постоянно отставалъ отъ старшаго брата [1]), а между тѣмъ Екатерина готовила ему блестящую будущность. Не даромъ учили его греческому языку—мысль о возстановленіи для него византійскаго престола серьезно занимала Екатерину.

Съ раннихъ лѣтъ Константинъ Павловичъ сталъ приготовлять себя къ военной службѣ [2]). Когда однажды Салтыковъ, дѣлая ему замѣчаніе, поставилъ ему въ примѣръ подражанія его старшаго брата, „онъ царь, а я солдатъ; что мнѣ пере-

---

[1]) Свѣдѣнія о воспитаніи Константина Павловича собраны въ статьѣ Карновича въ **Р. С.**, 1877, XIX, 217 и слѣд.

[2]) Вѣроятно этимъ вызвано было распоряженіе Екатерины о томъ, чтобы дѣти не занимались солдатствомъ, Р. А. 1865, VIII, 1031.

нимать у него?“ отвѣчалъ Константинъ на внушеніе своего воспитателя.

Тотъ самый князь Долгорукій, котораго мы видѣли подвизавшимся на гатчинскихъ театральныхъ подмосткахъ, обучалъ нѣсколькихъ солдатскихъ дѣтей военной экзерциціи для забавы малолѣтнихъ Александра и Константина Павловичей. Съ ними онъ являлся къ великимъ князьямъ не только въ Петербургѣ, но неоднократно возилъ ихъ въ лѣтнее время въ Царское Село и живалъ тамъ по недѣлѣ, занимаясь одною толпою этихъ ребятъ, дабы ею забавлять порфирородныхъ дѣтей. Константину Павловичу доставляло всегда большое удовольствіе, когда его ставили съ солдатскими ребятишками въ одну шеренгу и учили маршировать [1]).

Изъ него хотѣли сдѣлать воина. Къ этому ремеслу онъ имѣлъ рѣшительную склонность, и когда ему дали, въ 1794 году, пятнадцать человѣкъ гренадеровъ, онъ ихъ помѣстилъ въ своемъ домѣ въ Царскомъ Селѣ и занимался ими цѣлый день. Къ такимъ занятіямъ направлялъ его Павелъ Петровичъ, хваливній его вкусы и выражавшій ему свое расположеніе, будучи недоволенъ тѣмъ отличіемъ, съ которымъ Екатерина обращалась съ старшимъ его сыномъ [2]). Военное ремесло вскружило ему голову и онъ сталъ даже иногда жестоко обращаться съ солдатами своей роты.

Понимая въ военной службѣ одно только повиновеніе, молодой Константинъ Павловичъ утверждалъ, что офицеръ есть не иное что какъ машина и что все, что начальникъ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы то было жестокость (atrocité) [3]).

Живость его характера, достигавшая, по выраженію Екатерины, дерзости, часто ставила его воспитателей въ трудное положеніе. Имъ случалось страдать отъ его выходокъ, иногда переходившихъ предѣлы приличія. Съ грустію должны

---

[1]) Долгорукій, 257.
[2]) Письмо Растопчина къ Воронцову 28 мая 1794, А. к. В., VIII, 95.
[3]) С. Р. И. О., V, 23 и 58.

мы привести нѣсколько свидѣтельствъ, что и обращеніе его съ родителями, конечно заочное, далеко было отъ почтительности. Когда Марія Ѳедоровна была беременна сыномъ Николаемъ, то Константинъ Павловичъ позволилъ себѣ замѣчаніе что „de sa vie il n'a vu ventre pareil et qu'il y a là place pour quatre personnes“, и Екатерина не только не остановила этого замѣчанія, но, напротивъ того, нашла его столь забавнымъ, что поспѣшила въ тотъ же день сообщить его своему другу Гримму [1]). Это позволяетъ дать вѣру и разсказу Растопчина, что Екатерина, въ обществѣ Зубова, заставляла Константина Павловича передразнивать отца и что онъ чудесно исполнялъ это возмутительное порученіе [2]).

Прошли годы и Константинъ Павловичъ, возвратясь однажды къ воспоминаніямъ дѣтства, воздалъ справедливость отцу и бабушкѣ въ слѣдующихъ словахъ: „не смѣю обвинять отца и не могу, однако, не сказать, что Императрица Екатерина, обративъ все свое вниманіе на брата Александра Павловича, вовсе не занималась мною“ [3]).

Бракъ Александра Павловича соблазнилъ Константина и Екатерина поспѣшила пріискать и ему невѣсту, пригласивъ въ Петербургъ герцогиню саксенъ-кобургскую съ тремя дочерьми. 15 февраля 1796 года, не имѣя еще 17 лѣтъ, Константинъ вступилъ въ супружество съ пятнадцатилѣтнею принцессою саксенъ-кобургскою, Юліяною Генріеттою Ульрикою, нареченною Анною Ѳедоровною [4]).

Извѣстный цѣнитель красоты, Безбородко, такъ описалъ трехъ принцессъ. „Всѣ три очень изрядны и притомъ очень хорошъ тонъ. Большая черноволосая была бы весьма хороша, если бы ея ротъ отвѣтствовалъ верхней части лица; средняя весьма видная blonde, но въ физіономіи имѣетъ много германизма, а третья chataigne; этой только наступилъ 15-й

[1]) Письмо 15 іюня 1796, С. Р. И. О., XXIII, 678—679.

[2]) А. к. В., VIII, 106.

[3]) Давыдовъ, Записки. Нѣсколько не лишенныхъ интереса анекдотовъ о Константинѣ Павловичѣ записаны Болотовымъ. Памятникъ протекшихъ временъ. М. 1875, № 76, 121, 125, 126, 197 и 252.

[4]) Родилась 23 сентября 1781 г.

годъ, довольно видна и пріятнѣе другихъ; я думаю только, что она скоро толстѣть станетъ“ [1]).

Уже въ то время предсказывали, что супруга Константина Павловича не будетъ съ нимъ счастлива. Черезъ четыре года великая княгиня Анна Ѳедоровна уѣхала въ Германію и разсталась съ мужемъ.

Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна принимали малое участіе въ устройствѣ брака Константина Павловича. Мать его супруги, герцогиня саксенъ-кобургская, описывая пребываніе свое въ Петербургѣ [2]), лишь вскользь упоминаетъ о Павлѣ Петровичѣ и Маріи Ѳедоровнѣ. На обратномъ пути изъ Петербурга, 8 ноября 1795 года, герцогиня заѣзжала къ нимъ въ Гатчину, гдѣ была принята очень любезно, но гдѣ очутилась въ атмосферѣ, совсѣмъ не похожей на петербургскую. Вмѣсто непринужденности, царствовавшей при императорскомъ дворѣ, писала она мужу, „здѣсь все связано, формально и безмолвно. Великій князь уменъ и когда захочетъ можетъ быть пріятенъ, но у него много непонятныхъ странностей, и между прочимъ та, что около него все устроено на прусскій ладъ и еще по старинным образцамъ прусскимъ; какъ только въѣзжаешь въ его владѣнія, такъ появляются трехцвѣтные (черные, красные и бѣлые) шлагбаумы, съ часовыми, которые на прусскій манеръ окликаютъ проѣзжающихъ. Всего хуже то, что эти солдаты — русскіе, обращенные въ пруссаковъ и одѣты по старинной формѣ Фридриха Вильгельма I“.

Приведенныя слова герцогини саксенъ-кобургской даютъ намъ случай возвратиться къ устройству гатчинскихъ войскъ, которые, какъ мы уже говорили, приняли участіе въ шведской войнѣ 1788—1790 гг.

По недостатку военныхъ свѣдѣній, мы ограничимся исключительно историческою стороною образованія этихъ войскъ, не входя вовсе въ оцѣнку ихъ значенія [3]).

[1]) Тамъ же, XIII, 361.

[2]) Съ 17 октября по 7 ноября 1795, Р. А., 1869, VII, 1059.

[3]) См. объ этомъ статью „Преобразователи русской арміи въ царствованіе Павла Петровича“ въ Р. С., 1877, XVIII, 227 и Петрушевскій. Генера-

Что касается гатчинской пѣхоты, то по возвращеніи батальона Его Высочества, въ октябрѣ 1791 года въ Гатчину, онъ былъ переформированъ въ шестиротный составъ (изъ 140 человѣкъ каждая), въ числѣ коихъ было 5 гренадерскихъ и одна флигель-рота.

Затѣмъ изъ этого батальона сформированы были: батальоны № 2 и № 3; каждый состоялъ изъ пяти ротъ, второй находился подъ начальствомъ маіора Штейнвера 2; третьимъ командовалъ маіоръ Сорокинъ. Сначала оба эти батальона были мушкетерскими.

Въ 1793 году, къ каждому батальону приформировано было по 6 ротъ, и изъ каждой роты командировано на сформированіе егерской роты по семи человѣкъ, которые черезъ нѣсколько времени опять возвращены въ батальоны.

Въ апрѣлѣ 1794 года, батальонъ № 3 былъ расформированъ и составлена была гренадерская рота въ 60 человѣкъ. Прочіе нижніе чины поступили частію во флотъ, частію на укомплектованіе батальоновъ № 1 и № 2, но въ октябрѣ того же года изъ гренадерской роты вновь сформированъ мушкетерскій батальонъ, съ дополненіемъ людей изъ вербованныхъ и прежнихъ, поступившихъ въ батальоны № 1 и № 2.

Въ началѣ 1795 г. батальонъ этотъ былъ снова уничтоженъ, и изъ него сформирована рота въ 128 человѣкъ; остальные нижніе чины распредѣлены въ батальоны № 1 и № 2.

Еще въ 1793 году подполковникъ Ратъ сформировалъ батальонъ № 4 въ пять ротъ, но прежде полученія знаменъ, батальонъ былъ расформированъ и люди распредѣлены въ батальоны № 1, 2 и 3, а нѣкоторые возвращены во флотъ.

Въ 1794 году означенный батальонъ вторично сформированъ изъ гатчинскихъ кантонистовъ.

Въ началѣ 1795 г. нижніе чины, поступившіе въ этотъ батальонъ, опять распредѣлены въ другіе батальоны; но въ

лисимусъ князь Суворовъ, Спбгъ, 1884, ч. II, глава XXIII. Ср. Свѣдѣнія о гатчинскихъ войскахъ. Спбгъ, 1836 и Ратъ. Свѣдѣнія объ артиллеріи гатчинскихъ войскъ, Спбгъ, 1851.

іюлѣ того же года батальонъ № 4 снова сформированъ въ пять ротъ, изъ людей назначенныхъ отъ батальоновъ № 1, 2 и 3. Въ исходѣ года сформирована была и гренадерская флигель-рота, изъ мастеровыхъ людей военнаго департамента.

Въ 1796 году изъ батальоновъ № 1 и 4 взяты были гренадерскія флигель-роты, и по двѣ другихъ роты, съ прибавленіемъ къ онымъ 30 рекрутъ и 14 человѣкъ, переведенныхъ изъ артиллеріи, сформированъ былъ батальонъ № 5 въ три роты (въ 62 человѣка, кромѣ 3 сверхкомплектныхъ каждая).

Въ одно время съ онымъ сформированъ батальонъ № 6 изъ гренадерской флигель-роты и двухъ мушкетерскихъ 2-го батальона, изъ двухъ гренадерскихъ ротъ 3-го, съ дополненіемъ 36 рекрутъ. Составъ этого батальона былъ одинаковый съ предыдущимъ.

Выше упомянуто было о временномъ учрежденіи въ 1793 году егерской роты. Въ апрѣлѣ 1794 г., изъ батальоновъ № 1, 2 и 3 поступили вторично на сформированіе егерской роты 60 человѣкъ. Въ 1795 году передано изъ оной 20 человѣкъ въ батальонъ № 5, а составъ роты опредѣленъ въ 32 человѣка комплектныхъ и 2 сверхкомплектныхъ.

Впослѣдствіе сформированія батальоновъ № 5 и 6, составъ батальоновъ № 1, 2, 3 и 4 долженъ былъ измѣниться, послѣ чего каждый состоялъ изъ трехъ ротъ по 62 рядовыхъ комплектныхъ и по 3 сверхкомплектныхъ.

Составъ гатчинской кавалеріи былъ слѣдующій:

1) Жандармскій полкъ, подъ начальствомъ маіора Давыдова. Всѣ чины сего полка были назначаемы изъ кирасирскаго Цесаревича полка.

2) Драгунскій полкъ состоялъ въ вѣдѣніи того же маіора Давыдова; старшимъ по немъ былъ графъ Минихъ. Онъ сформированъ былъ въ 1792 году изъ кирасирскаго эскадрона и изъ разныхъ малороссійскихъ карабинерныхъ полковъ.

3) Гусарскій полкъ, сформированный въ 1792 г. также изъ разныхъ малороссійскихъ карабинерныхъ полковъ, подъ начальствомъ маіора Кологривова.

Всѣ три полка были въ двухэскадронномъ составѣ.

4) Казачій эскадронъ, прибывшій съ Дона въ 1793 году.

По спискамъ за 1796 годъ въ гатчинскомъ отрядѣ состояло:

въ пѣхотѣ четыре батальона и егерская рота:	офицеровъ	74	нижнихъ чиновъ	1,601
въ кавалеріи четыре полка	„	40	„ „	584
въ артиллеріи	„	14	„ „	214
	Всего	128		2,399

Ежегодно весною или осенью производимы были въ Гатчинѣ или въ Павловскѣ маневры. Не считая нужнымъ описывать ихъ въ подробности, упомянемъ только о маневрахъ 1796 года, извѣстныхъ подъ именемъ „маневра на гатчинскихъ водахъ“.

Маневръ этотъ произведенъ былъ слѣдующимъ образомъ:

Флотъ былъ раздѣленъ на три эскадры: авангардъ, коръ-де-баталію и аріергардъ.

Коръ-де-баталія, подъ командою генералъ-маіора Плещеева, состояла: изъ яхты Надежной, яликовъ: Залета, Забіяки, Ходкаго, Тихаго и Указующаго. Авангардъ, подъ начальствомъ полковника Кушелева, изъ трешхаута Твердаго, яликовъ: Скораго, Легкаго, Поспѣшнаго и Быстраго. Аріергардъ, подъ начальствомъ полковника Аракчеева, изъ трешхаута Храбраго, яликовъ: Летучаго, Проворнаго, Удалаго и Смѣлаго. На этихъ судахъ находился егерскій батальонъ, одинъ дивизіонъ батальона Цесаревича и нѣсколько орудій.

Весь флотъ собрался на маломъ озерѣ и двинулся въ большое, по эскадрамъ, чрезъ три пролива. Выйдя въ большое озеро, флотъ продолжалъ движеніе тремя линіями мимо храма Венеры; пройдя оный, выстроился въ одну линію, одно судно за другимъ, поворачивая въ кильватеръ передоваго судна, и открылъ пальбу.

Достигнувъ зеленыхъ мостовъ, флотъ повернулъ назадъ и выстроилъ линію фронта. Доходя вторично до храма Венеры, на главномъ суднѣ, яхтѣ Надежной, былъ поднятъ сигналъ,

чтобы авангардъ искалъ удобнаго для десанта мѣста. Въ продолженіе этого, флотъ лежалъ въ дрейфѣ и производилъ огонь по берегу. Когда авангардъ исполнилъ данное ему приказаніе, то поднялъ сигналъ, по которому весь флотъ приблизился къ берегу. Флагманскія суда продолжали огонь, а малыя въ это время свозили десантъ на берегъ.

Какъ скоро суда пристали къ берегу, то егеря, выйдя изъ оныхъ, встрѣтили непріятеля, занявшаго позицію на высотѣ. Батальонъ маіора Малютина, долженствовавшій дѣйствовать противъ десанта, находился въ первой линіи, имѣя два орудія по флангамъ и цѣпь ведетовъ впереди. Эскадронъ жандармовъ находился во второй линіи. Часть егерей, разсыпавшись по лѣсу, открыла перестрѣлку съ ведетами, которые начали отступать. Между тѣмъ прибылъ транспортъ съ фашинами и другими потребностями для устройства укрѣпленія. Тогда другая часть егерей устроила ретраншементъ, который и былъ занятъ дивизіономъ батальона Цесаревича и двумя фалькопетами, свезенными съ судовъ.

Непріятельская кавалерія, атаковавъ егерей, заставила ихъ отступить; но замѣтивъ на своемъ флангѣ батарею, съ которой полковникъ Кушелевъ открылъ огонь, поспѣшно отступила. Между тѣмъ дивизіонъ батальона Цесаревича, оставивъ укрѣпленіе, двинулся впередъ. Полковникъ Малютинъ, долженствовавшій идти на встрѣчу его съ своимъ батальономъ, не могъ этого исполнить, по причинѣ тѣсноты мѣста, почему и отрядилъ одинъ дивизіонъ для взятія во флангъ означеннаго дивизіона батальона Цесаревича, который, замѣтивъ это движеніе, отступилъ къ берегу и, прикрываемый егерями, сѣлъ на суда, съ которыхъ немедленно открытъ былъ огонь. Дивизіонъ, отряженный отъ батальона полковника Малютина, занялъ укрѣпленіе и, поставивъ на оное свою артиллерію, продолжалъ дѣйствовать по удалявшимся на судахъ войскамъ.

Павелъ Петровичъ лично и постоянно занимался своимъ маленькимъ отрядомъ [1]). Сохранилось мнѣніе, что онъ ввелъ

[1]) Письмо гр. Растопчина 1793, А. к. В., VIII, 76.

въ немъ суровую дисциплину, доходившую до жестокости. Мнѣніе это преувеличено. Оно основано частію на томъ, что изъ отдѣльныхъ, единичныхъ случаевъ, слишкомъ поспѣшно дѣлали общіе выводы, частію на томъ, что гвардейскіе офицеры того времени, избалованные легкою полупридворною службою и не поступавшіе въ гатчинскія войска, смотрѣли на нихъ какъ на что-то ужасное. Павелъ Петровичъ, быстрый во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, былъ дѣйствительно строгъ, но всегда готовъ былъ исправить свои ошибки.

Однажды маіоръ Фрейгангъ, по какому-то недоразумѣнію, опоздалъ къ разводу. Великій князь встрѣтилъ его такъ, что тотъ, просидѣвъ на сѣдлѣ нѣсколько минутъ предъ нимъ молча съ опущеннымъ палашомъ, вдругъ свалился, какъ снопъ, наземь. Великій князь требовалъ отъ врача ежедневно по два раза устнаго донесенія о положеніи пораженнаго ударомъ и призвалъ тотчасъ къ себѣ оправившагося больнаго. Встрѣтивъ его, онъ подалъ ему ласково руку и посадивъ его, спросилъ по-нѣмецки: „Bin ich ein Mensch?“ и на молчаніе Фрейганга, повторилъ свой вопросъ, а на отвѣтъ: „да“, продолжалъ:

„So kann ich auch irren“.

И далѣе: „sind Sie Mensch“, — человѣкъ, Ваше Высочество. „Dann können Sie auch verzeihen,“ — и обнялъ его [1]).

Сверхъ того, Павелъ Петровичъ близко зналъ всѣхъ офицеровъ гатчинскаго отряда, входилъ въ ихъ домашнія и семейныя нужды, часто ходатайствовалъ по ихъ дѣламъ [2]). Поэтому-то гатчинскіе офицеры очень любили Цесаревича, гордились своимъ мундиромъ и многіе изъ нихъ до глубокой старости съ удовольствіемъ вспоминали о своей гатчинской службѣ.

Мы уже упоминали, что Павелъ Петровичъ, какъ герцогъ голштинскій, жаловалъ орденъ св. Анны. Но какъ пожалованіе этимъ орденомъ зависѣло отъ Императрицы, то онъ почти всегда доставался не тѣмъ, которымъ желалъ бы

[1]) Разсказъ доктора Даля, Р. С., 1870, II, 294.

[2]) См. письмо къ Нелюбову, Р. С., 1875, XII, 628 и къ Измайлову, Р. А., 1876, I, 5.

дать его Павелъ Петровичъ, что было ему очень досадно. Чрезвычайно хотѣлось ему пожаловать имъ кого нибудь изъ своихъ любимцевъ, но имъ то и не давала его Екатерина. Наконецъ, придумалъ онъ вотъ что. Онъ призываетъ къ себѣ Растопчина и Свѣчина, который въ одно время съ Растопчинымъ былъ любимцемъ Павла Петровича, подаетъ имъ два аннинскіе крестика съ винтами и говоритъ: „жалую васъ обоихъ аннинскими кавалерами; возьмите эти кресты и привинтите ихъ къ шпагамъ, только на заднюю чашку, чтобы не узнала Императрица“ [1]).

Свѣчинъ привинтилъ, хотя и со страхомъ, а Растопчинъ, думая, что это будетъ плохая шутка, если узнаетъ объ этомъ Императрица, рѣшился сказать объ этомъ А. С. Протасовой, которая была теткою его жены и была любима Екатериною,

Протасова обѣщала доложить объ этомъ Екатеринѣ, чтобы узнать ея мнѣніе и дѣйствительно передала это Императрицѣ, сказавъ, что Растопчинъ очень опасается носить орденъ, а между тѣмъ боится оскорбить великаго князя.

Императрица улыбнулась и промолвила: „Ахъ, онъ горе-богатырь! И этого то получше не выдумалъ! Скажи Растопчину, чтобъ онъ носилъ свой орденъ и не боялся; а я не буду замѣчать“.

Послѣ этого отвѣта Растопчинъ смѣло привинтилъ свой орденъ, не къ задней, а къ передней чашкѣ шпаги и явился во дворецъ.

Павелъ Петровичъ замѣтилъ это, подходитъ къ нему и говоритъ: „Что ты дѣлаешь? Я велѣлъ привинтить къ задней чашкѣ, а ты привинтилъ къ передней! Императрица увидитъ!

— Милость Вашего Высочества такъ мнѣ драгоцѣнна, отвѣчалъ Растопчинъ, что я не могу ее скрывать!

— Да ты себя погубишь!

— Готовъ погубить себя, но докажу этимъ преданность Вашему Высочеству“.

---

[1]) Орденъ св. Анны на шпагу учрежденъ былъ Цесаревичемъ въ 1795 году. Ратчъ. Свѣдѣнія о гр. Аракчеевѣ. Спбгъ, 1864, 103 и Р. С., XII, 483.

Павелъ Петровичъ чрезвычайно удивился этой преданности и твердости, а Растопчинъ остался при своемъ.

Вышло, что Свѣчинъ дрожалъ отъ страха за себя; Павелъ Петровичъ за себя и за обоихъ кавалеровъ, а Растопчинъ остался героемъ твердости и преданности и одинъ безъ опасенія [1]).

Не смотря однако на всѣ хорошія стороны характера Павла Петровича, искупавшія его раздражительность, военная служба въ Гатчинѣ сдѣлалась подъ конецъ очень тяжелою, благодаря тому, что судьба послала ему сотрудника въ лицѣ пріобрѣвшаго столь печальную славу Аракчеева.

Павелъ Петровичъ желалъ имѣть свѣдущаго артиллерійскаго офицера для гатчинской артиллеріи. Онъ обратился къ генералу Мелиссино, который командировалъ къ нему своего адъютанта и преподавателя въ артиллерійскомъ корпусѣ, подпоручика Аракчеева.

4 сентября 1792 г. Аракчеевъ пріѣхалъ въ Гатчину. Караулъ у заставы, вопросъ караульнаго офицера, кто и куда ѣдетъ, сразу указали ему, что онъ попалъ въ другой міръ, что служба въ Гатчинѣ не была такъ патріархальна, какъ въ Петербургѣ. Первое представленіе великому князю новаго артиллериста было коротко и сухо. Цесаревичъ сказалъ ему чтобы онъ явился къ ротѣ и ознакомился съ порядкомъ службы.

Офицеры, поступавшіе въ гатчинскія войска, не зная порядковъ, введенныхъ въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ, подвергались неоднократнымъ замѣчаніямъ за разные служебные промахи. Аракчеевъ на первый же вахтъ-парадъ явился какъ бы вѣкъ служившій въ Гатчинѣ и соблюдалъ до тонкости установленныя формы. Гатчинскіе офицеры, большею частію бѣдняки, всегда были одѣты хотя и по формѣ, но только внимательный глазъ могъ замѣтить, что поношенные ихъ мундиры не были слѣдствіемъ неряшества. Самъ Павелъ Петровичъ, одѣваясь безукоризненно, любилъ видѣть щегольскую

[1]) Дмитріевъ, 232.

одежду на его окружавшихъ и не дешево обходился Аракчееву его костюмъ. У него былъ одинъ мундиръ и одни лосинные панталоны. Въ ночь спиму я ихъ съ себя, разсказывалъ онъ впослѣдствіи, выбѣлю и поутру рано мокрые надѣваю опять; лѣтомъ это было сносно, но зимою доходило почти до слезъ, когда панталоны примерзали къ тѣлу и жестокій холодъ проницалъ всѣ мои первы [1]).

Павелъ Петровичъ посѣтилъ порученныя Аракчееву лабораторныя работы и на вопросъ о причинахъ новаго порядка размѣщенія людей и распредѣленія работъ получилъ самыя удовлетворительныя объясненія. Аракчеевъ доложилъ при этомъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ. Цесаревичъ отвѣчалъ: „дѣльно“. Сентябрь 1792 г. Павелъ Петровичъ присматривался къ нему и замѣтилъ, что онъ служака. Желая испытать свѣдѣнія Аракчеева на дѣлѣ, Цесаревичъ приказалъ ему приготовить снаряды и стрѣлять въ редутъ изъ двухпудовой мортиры. Утромъ 8 октября поставили мортиру. При стрѣльбѣ присутствовалъ великій князь: изъ трехъ выпущенныхъ бомбъ, двѣ попали въ цѣль.

Великій князь, при пылкомъ своемъ характерѣ, былъ склоненъ немедленно изъявлять свое благоволеніе и награждать за усердную службу, но болѣе мѣсяца удерживался онъ и не выказывалъ ни малѣйшаго одобренія Аракчееву; когда же павѣсная стрѣльба доказала, что новый артиллеристъ былъ знатокъ и въ главной отрасли артиллерійскаго дѣла, то онъ тотчасъ же выразилъ Аракчееву, что онъ вполнѣ снискалъ его расположеніе. Въ тотъ же самый день, 8 октября 1792 г., Цесаревичъ назначилъ Аракчеева командиромъ артиллерійской роты, пожаловалъ его капитаномъ и объявилъ ему, что съ этого дня, безъ всякаго другаго приглашенія, онъ даетъ ему право находиться постоянно при обѣденномъ его столѣ.

Слѣдя за служебною дѣятельностью Аракчеева, остановимся нѣсколько на гатчинской артиллеріи и на тѣхъ учрежденіяхъ и событіяхъ, въ которыхъ проявилось его участіе.

[1]) Р. С., 1873, VIII, 779. Воспоминанія генерала Маевскаго.

Вслѣдъ за прибытіемъ Аракчеева, гатчинская артиллерія начала пополняться офицерами. Въ теченіе 1793 года поступили въ нее офицеры изъ бывшихъ воспитанниковъ артиллерійскаго корпуса: Кутлубицкій, Капцевичъ, Бреверпъ и Апрѣлевъ. Изъ петербургскаго арсенала было доставлено 12 орудій; рота была раздѣлена на 4 капральства, три пѣшихъ и одно конное.

Въ 1795 году гатчинская артиллерія была названа полкомъ, а капральства — ротами. Въ концѣ того же года Аракчеевъ составилъ подробныя инструкціи для всѣхъ должностныхъ чиновъ артиллеріи.

Въ гатчинскихъ войскахъ только нѣкоторые артиллерійскіе офицеры, въ томъ числѣ и Аракчеевъ, числились въ сухопутной артиллеріи; прочіе числились въ составѣ частей морскаго вѣдомства или кирасирскаго полка, именовались не чинами, которые они имѣли, а установленными въ Гатчинѣ, гдѣ въ артиллеріи чины были уравнены съ прочими войсками, почему артиллерійскіе офицеры именовались чиномъ выше противъ своихъ дѣйствительныхъ чиновъ. Аракчеевъ въ чинѣ капитана назывался бомбардиръ-капитаномъ; но въ слѣдующемъ году его службы (5 августа 1793 г.) Цесаревичъ пожаловалъ его артиллеріи маіоромъ, и съ этого времени Аракчеевъ въ гатчинскихъ войскахъ назывался подполковникомъ, хотя въ перепискѣ внѣ Гатчины подписывался артиллеріи маіоромъ.

Кромѣ завѣдыванія артиллеріею, первое порученіе, данное Цесаревичемъ Аракчееву, было устройство классовъ для младшихъ офицеровъ, подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Для лекцій отведены были комнаты въ гатчинскомъ дворцѣ; преподавателями назначены были артиллерійскіе офицеры: Капцевичъ, Апрѣлевъ и Сиверсъ; ежедневныя занятія продолжались отъ 4 до 6 часовъ. Классы распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: въ одномъ, юнкерамъ пѣхоты и кавалеріи, преподаваемы были: чистописаніе, русскій языкъ, ариѳметика и начала геометріи; въ другомъ, артиллерійскимъ юнкерамъ: русскій языкъ, математика и артиллерія, и въ третьемъ, всѣмъ офицерамъ вообще: тактика и фортификація.

Цесаревичъ внимательно слѣдилъ за устройствомъ этихъ классовъ и за преподаваніемъ.

Въ концѣ 1794 года великій князь возложилъ на Аракчеева устройство хозяйственной части гатчинскихъ войскъ, части провіантскую и коммисаріатскую, соединенныя въ вѣдѣніи учрежденнаго тогда въ Гатчинѣ военнаго департамента [1]). Онъ завѣдывалъ этимъ департаментомъ до августа 1796 года, когда онъ переданъ былъ Г. Г. Кушелеву. Учрежденіе военнаго департамента имѣло цѣлью составить правильныя и точныя постановленія для пріема и отпуска всѣхъ снабженій. Для гатчинскихъ войскъ эти распоряженія были тѣмъ сложнѣе, что предметы обмундированія поступали натурою отъ тѣхъ частей, въ которыхъ числились нижніе чины; затѣмъ всѣ предметы, которые не входили въ принятое обмундированіе гатчинскихъ войскъ, оставались въ излишествѣ или поступали въ продажу и на вырученныя деньги покупалось недостающее.

Гатчинскія войска раздѣлялись на инспекціи. Инспекторомъ кавалеріи былъ маіоръ Кологривовъ, пѣхоты—подполковникъ Баратынскій, артиллеріи—Аракчеевъ. Въ началѣ 1796 года, Цесаревичъ, недовольный Баратынскимъ, смѣнилъ его и должность его также поручилъ Аракчееву [2]).

Въ Гатчинѣ были всѣ учрежденія для военнаго управленія: она имѣла своего коменданта (барона Штейнвера) и плацъ-маіора, потомъ еще и губернатора (подполковника Баратынскаго, бывшаго въ то же время и инспекторомъ пѣхоты).

Назначивъ Аракчеева инспекторомъ своей пѣхоты, великій князь поручилъ ему, вмѣсто Баратынскаго, и должность гатчинскаго губернатора.

Аракчеевъ, во время пребыванія великаго князя въ Петербургѣ и въ Павловскѣ, подробно доносилъ ему о всѣхъ

---

[1]) Существовала тамъ и особая военная коммисія, уничтоженная 18 января 1795 г., Р. С., 1882, XXXVI, 386.

[2]) Нѣсколько писемъ Павла Петровича къ Баратынскому напечатаны въ Р. А., 1870, VIII, 1438. Письмо Воронцова къ Павлу Петровичу о молодыхъ Баратынскихъ въ А. к. В., IX, 400 и XXVIII, 159—161.

происшествіяхъ и о занятіяхъ строевыхъ и административныхъ.

Дѣятельность его была весьма разнообразна [1]).

Аракчеевъ усердно хлопоталъ о снабженіи гатчинской артиллеріи полезными нижними чинами. При маломъ составѣ гатчинскихъ войскъ, недостатокъ людей былъ очень ощутителенъ. Поэтому въ Гатчинѣ, какъ и въ Пруссіи, начальники частей старались увеличить число ихъ вербовкою. Въ составъ морскихъ батальоновъ и кирасирскаго полка перечислялись изъявившіе желаніе служить въ Гатчинѣ: разные отпускные, командированные, охотники, иногда случалось и бѣглые. Въ драгунскомъ и гусарскомъ полкахъ было много хохловъ и сербовъ изъ малороссійскихъ карабинерныхъ полковъ. Аракчеевъ старался переводить въ Гатчину изъ полевой артиллеріи расторопныхъ людей, въ особенности изъ числа мастеровыхъ, портныхъ и шорниковъ, въ томъ числѣ и изъ временно-прикомандированныхъ къ кадетскому корпусу, которыхъ ему удавалось узнавать.

Аракчеевъ сурово принялся въ Гатчинѣ за новыя свои обязанности инспектора и губернатора и ученья продолжались часовъ по 12 въ день. Во время ученій онъ не сходилъ съ поля, и современникъ тогда выразился о немъ: „jamais poète pyndarique ne fut plus impérieusement tourmenté de son Apollon, que cet homme n'est obsédé de son démon martial“.

Великій князь, посѣтивъ Гатчину, отозвался, что находящіеся тамъ три батальона перещеголяли тѣ три, которые находились для содержанія карауловъ въ Павловскѣ. Поэтому одинъ изъ этихъ послѣднихъ былъ отправленъ въ Гатчину, на выучку Аракчееву, а затѣмъ самъ онъ вызванъ былъ въ Павловскъ, чтобы вывести изъ остальныхъ двухъ батальоновъ „духъ“, который ввелся въ нихъ при Баратынскомъ.

Въ день тезоименитства Цесаревича, 29 іюня 1796 года, Аракчеевъ произведенъ былъ въ артиллерійскіе подполковники.

---

[1]) Рескрипты къ нему Цесаревича въ Р. С., VII, 477.

Въ Гатчинѣ служба была тяжелая, но пріятная, разсказывалъ впослѣдствіи самъ Аракчеевъ, потому что усердіе всегда было замѣчено, а знаніе дѣла и исправность отличены. Наслѣдникъ престола жаловалъ Аракчеева, но иногда и журилъ крѣпко, всегда почти за неисправность другихъ. Однажды, когда Аракчееву крѣпко досталось за упущеніе по службѣ караульнаго офицера, онъ побѣжалъ, съ горя, въ церковь, сталъ молиться, класть земные поклоны, чувствовалъ свою безвинность, но думалъ, что лишился навсегда милости Наслѣдника, не могъ удержать слезъ и даже зарыдалъ. Въ церкви не было никого, кромѣ пономаря, который тушилъ свѣчи. Вдругъ послышались шаги и звукъ шпоръ. Аракчеевъ вскочилъ, утеръ слезы, оглянулся и увидѣлъ Цесаревича. О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ Аракчеева ласково. — Мнѣ больно лишиться милости Вашего Императорскаго Высочества.—Да ты вовсе не лишился ея!—промолвилъ Наслѣдникъ, положивъ ему руку на плечо—и никогда не лишишься, если будешь вести себя и служить такъ, какъ до сихъ поръ. Молись Богу и служи вѣрно: ты знаешь, за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ! Аракчеевъ бросился на колѣни передъ Наслѣдникомъ и, въ избыткѣ чувствъ, воскликнулъ: у меня только и есть, что Богъ да вы! Цесаревичъ велѣлъ ему встать и итти за собою изъ церкви. Аракчеевъ шелъ за нимъ въ молчаніи; наконецъ, Павелъ Петровичъ остановился, быстро посмотрѣлъ на него и сказалъ: „ступай домой; со временемъ я сдѣлаю изъ тебя человѣка“.

XXXIV.

По заключеніи въ 1790 году Верельскаго мира, между Екатериною II и Густавомъ III установились, по крайней мѣрѣ наружно, добрыя отношенія, вызванныя, главнымъ образомъ, ненавистью ихъ обоихъ къ французской революціи. Для противодѣйствія ей, въ Дротнингольмѣ заключенъ былъ между Россіею и Швеціею союзный трактатъ, по которому Россія обязалась выплачивать Швеціи субсидію съ тѣмъ, чтобы она употреблена была для дѣйствій противъ французской республики. Густавъ III началъ приготовленія къ походу противъ Франціи, но они были прерваны его смертію. Въ ночь съ 15 на 16 марта 1792 года онъ былъ раненъ, на придворномъ маскарадѣ, капитаномъ Анкарштремомъ и чрезъ двѣ недѣли скончался.

Одновременно съ заключеніемъ Верельскаго мира возникло предположеніе о бракосочетаніи наслѣдника Густава III, Густава IV Адольфа, съ внукою Императрицы Екатерины, великою княжною Александрою Павловною.

Саксонскій резидентъ въ Петербургѣ, Гельбигъ, доносилъ 20 сентября 1790 года, что отправлявшемуся въ Стокгольмъ генералу Палену поручены были между прочимъ и предварительныя распоряженія этого бракосочетанія. Чрезъ таковый бракъ, съ домомъ столь сильнымъ и съ государствомъ столь сосѣдственнымъ, наслѣдникъ шведскій былъ бы въ разсужденіи своего рожденія, о которомъ клевета много говорила,

признанъ нѣкоторымъ образомъ законнымъ и владѣніе его шведскимъ престоломъ утвердилось бы. По мнѣнію Гельбига даже и православное вѣроисповѣданіе великой княжны не сдѣлаетъ никакого тому препятствія, потому что можетъ быть въ Швеціи будутъ столь равнодушны, что не потребуютъ перемѣны вѣроисповѣданія, а если сіе и не послѣдуетъ, то Императрица слишкомъ разсудительна, чтобы захотѣла положить съ сей стороны препону счастію своихъ внучекъ. Гельбигу разсказывали при семъ случаѣ слѣдующій странный анекдотъ. Когда великая княгиня Марія Ѳедоровна разрѣшилась отъ бремени младшею великою княжною, то плакала и разговаривая съ Императрицею сказала ей: „Боже мой, безпрестанно княжны, замужеству которыхъ будетъ препятствовать законъ“, на что Императрица отвѣтила: „Къ чему это? Всегда сыщутся для нихъ мужья; я перемѣнила законъ, вы перемѣнили, также перемѣнятъ оный и княжны“ [1]).

Мы увидимъ ниже, что именно вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей супруги шведскаго короля послужилъ камнемъ преткновенія къ заключенію брака между Александрою Павловною и Густавомъ Адольфомъ; что же касается слуховъ о рожденіи Густава Адольфа, на которое намекаетъ Гельбигъ, то извѣстно было, что наслѣдникъ Густава III былъ сыномъ графа Монка.

Король и королева шведскіе, чада своего вѣка, платили дань духу времени, относясь къ супружеской вѣрности съ обычною тогда легкостью. Густавъ III былъ вѣтренъ, непостояненъ; супруга его платила ему за невѣрность тѣмъ же. Однакоже, ея сына Густавъ III призналъ за своего роднаго, оказывая ему знаки отеческой нѣжности, восхищаясь самъ и заставляя и другихъ восхищаться его, будто бы, блистательными способностями.

Происхожденіе Густава Адольфа было очень хорошо извѣстно и Императрицѣ Екатеринѣ. Le feu roi m'avait recommandé en mourant son fils, писала она Гримму 10 апрѣля

[1]) А. к. В., XXVI, 455.

1795 года [1]), „avant cela j'avais appuyé à haute voix la cause de cet enfant contre ses ennemis; j'avais dit au feu roi lui-même et à qui voulait l'entendre que dès qu'un père dit: cet enfant est à moi, personne n'a droit de dispute et un roi outre cela a plus de pouvoir encore qu'un père ordinaire".

Съ извѣстіемъ о смерти Густава III прибылъ въ Петербургъ шведскій генералъ Клингспоръ. Онъ вновь повторилъ Екатеринѣ желаніе короля породниться съ русскимъ царственнымъ домомъ и она начала настойчиво стремиться къ осуществленію этой мысли [2]).

Наслѣдникъ Густава III, Густавъ Адольфъ IV родился 1 ноября 1778 г. и за несовершеннолѣтіемъ его регентомъ объявленъ былъ его дядя, герцогъ Карлъ зюдерманландскій, о которомъ мы уже упоминали, говоря о шведской войнѣ. Переговоры о предполагаемомъ бракѣ продолжались слишкомъ четыре года и не привели ни къ какому результату, кромѣ того, что русскому посланнику барону А. Я. Будбергу, который передъ этимъ велъ переговоры о бракѣ Константина Павловича, удалось уговорить шведскаго короля посѣтить Петербургъ, гдѣ Екатерина надѣялась привести это дѣло къ концу. Во время этихъ переговоровъ затронутъ былъ и вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей королевы, но шведское правительство и его уполномоченные не выражали на этотъ счетъ ничего опредѣлительнаго. Такимъ образомъ, Екатерина и Густавъ IV должны были встрѣтиться, не связанные никакими предварительными условіями [3]).

---

[1]) С. Р. И. О., XXIII, 629; Храповицкій подъ 23 мая 1789 г. и рескриптъ гр. Стакельбергу 14 марта 1792, въ Р.С., III, 692.

[2]) См. письмо графа Моркова къ гр. С. П. Румянцову 17 апрѣля 1794, Р. А., 1869, 869. Переговоры о предполагавшемся бракѣ великой княжны Александры Павловны можно читать въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) король шведскій Густавъ IV Адольфъ въ С.-Петербургѣ въ 1796 г. Памятники. Спбгъ, 1871, I, 317; 2) шведскій король въ Петербургѣ, Р. С., IX, 277, гдѣ помѣщена и переписка Екатерины съ Маріею Ѳедоровною; 3) переписка относительно несостоявшагося брака Густава Адольфа IV съ В. К. Александрою Павловною въ С. Р. И. О., IX, 195. Ср. статью Карновича, Александра Павловна, въ его книгѣ: Замѣчательныя личности. Спбгъ, 1884, стр. 305,

[3]) Письмо Моркова къ гр. Воронцову 10 августа 1796, А. к. В., XX. 72 и письмо Екатерины къ герцогу зюдерманландскому 17 января 1794 г., Р. С., XXIV, 538.

Несомнѣнно однако, что великую княжну Александру Павловну воспитывали въ надеждѣ видѣть ее со временемъ королевою Швеціи; всѣ окружавшіе ее старались поддерживать въ ней эту мысль и занимали ее разсказами о привлекательной наружности и образованности молодаго Густава Адольфа. Императрица часто съ улыбкою говорила ей о немъ. Однажды, великая княжна раскрыла портфель, въ который вложены были портреты нѣсколькихъ женіховъ царственнаго происхожденія и ей предложили выбрать себѣ кого-нибудь изъ нихъ въ супруги; юная великая княжна, краснѣя, указала на того, о комъ насказали ей такъ много хорошаго, и кто успѣлъ уже занять ея невинное воображеніе. Добрая бабушка рѣшила, что предпочтеніе великой княжны основывалось на необъяснимой симпатіи, и еще усерднѣе стала преслѣдовать мысль о ея бракѣ.

Въ іюлѣ 1796 года окончательно рѣшенъ былъ пріѣздъ Густава Адольфа въ Петербургъ и Императрица, сообщивъ объ этой новости московскому главнокомандующему Измайлову, прибавила: что „буде услышите, что у насъ много плясокъ и забавъ, прошу не дивиться, понеже молодежи много“ [1]).

Шведскій король, подъ именемъ графа Гага, прибылъ въ Петербургъ въ сопровожденіи своего дяди-регента (графаВаза) и довольно многочисленной свиты 13 августа 1796 года. Весь городъ пришелъ въ движеніе; всѣ желали видѣть молодаго короля. Съ перваго же свиданія съ нимъ, Екатерина, казалось, почувствовала къ нему влеченіе. Онъ хотѣлъ поцѣловать у нея руку; она воспротивилась. „Нѣтъ“, сказала она, „я не забуду, что графъ Гага—король“. „Если вы, отвѣчалъ онъ, не желаете дозволить мнѣ это какъ Императрица, то дозвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ женщина, къ которой я питаю полное уваженіе и удивленіе“. Свиданіе короля съ великою княжною было еще занимательнѣе: и она, и онъ были въ замѣшательствѣ, и взоры всѣхъ, устремленные на нихъ, еще болѣе увеличивали ихъ смущеніе. Никто не имѣлъ столько

[1]) Р. А., 1868, 878.

правъ на счастіе, какъ Александра Павловна; въ четырнадцать лѣтъ она уже совсѣмъ сложилась и казалась взрослою; у нея была благородная и величественная осанка, которую ея лѣта и полъ дѣлали еще привлекательнѣе; черты ея лица самыя правильныя, цвѣтъ лица ослѣпительный; на челѣ ея отпечатокъ чистоты, непорочности и невинности; пепельнаго цвѣта волосы украшали ея прелестную головку. Ея умъ, дарованіе и сердце вполнѣ соотвѣтствовали ея обаятельной наружности. Воспитательницы ея, Ливенъ и Вилламова, развили въ ней самыя возвышенныя и чистыя чувства. Благоразуміе, здравомысліе и тонкая чувствительность отличали ее съ дѣтства и приковывали къ ней обожаніе всѣхъ, кто ее окружалъ [1]).

Королю шведскому было 17 лѣтъ; онъ, по словамъ Екатерины [2]), былъ высокъ, строенъ, имѣлъ благородный, умный, пріятный и въ то же время важный видъ, что заставляло его уважать, не смотря на молодые его годы; онъ обладалъ юношескою прелестью, но безъ обычной юношеской неловкости. Его учтивость была проста и предупредительна: все, что онъ ни говорилъ, было обдуманно; къ серьезнымъ вещамъ онъ относился съ полнымъ вниманіемъ, котораго трудно было ожидать отъ его молодости; онъ выказывалъ знанія, свидѣтельствовавшія объ его основательномъ образованіи; нѣкоторая серьезность, соотвѣтствовавшая его сану, никогда не покидала его. Блескъ двора русской Императрицы, обнаруженный предъ нимъ, повидимому не ослѣпилъ его. При этомъ блестящемъ и многочисленномъ дворѣ онъ казался болѣе развязнымъ, чѣмъ молодые великіе князья. Сама Екатерина должна была съ горестью замѣтить всю разницу между королемъ и ея вторымъ внукомъ, котораго она принуждена была посадить подъ домашній арестъ во время пребыванія короля въ Петербургѣ [3]).

[1]) Что въ портретѣ этомъ великая княжна нисколько не польщена, доказывается тѣмъ, что характеристика эта сдѣлана Массономъ, писателемъ, вовсе не расположеннымъ къ Россіи.

[2]) Письмо къ Гримму 30 августа 1796, С. Р. И. О., XXIII, 690.

[3]) Письмо Татищева къ гр. А. Р. Воронцову 4 сентября 1796, А. к. В. XVIII, 317, письмо графа Панина къ князю Репнину, 26 августа, С. Р. И. О., XVI, 496, Р. С., 1874, IX, 474—480.

Король и регентъ посѣтили Павла Петровича и Марію Ѳедоровну въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, гдѣ для нихъ сдѣланы были маневры гатчинскихъ войскъ. Сначала Павелъ Петровичъ не одобрялъ предположенный брачный союзъ своей дочери, но потомъ онъ казался имъ доволенъ [1]). Вся русская знать спѣшила раздѣлить радость Екатерины. Нарышкинъ, графы Остерманъ, Самойловъ, Строгоновъ и Безбородко старались превзойти другъ друга богатствомъ своихъ праздниковъ.

Можно себѣ представить, что во время празднествъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, королю и великой княжнѣ часто представлялся случай видѣться, танцовать и говорить другъ съ другомъ; они освоились между собою и, казалось, были въ восхищеніи другъ отъ друга. Екатерина какъ бы помолодѣла: ее давно уже ничто такъ не занимало и не оживляло. Предстоящій бракъ уже ни для кого не былъ тайною; онъ сдѣлался предметомъ ежедневныхъ разговоровъ. Екатерина обращалась къ юному королю и къ своей внучкѣ, какъ къ жениху и невѣстѣ и какъ бы поощряла ихъ любить другъ друга [2]).

Между тѣмъ переговоры объ окончательномъ заключеніи брачнаго союза продолжались. Единственное препятствіе заключалось въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи будущей королевы. Личное объясненіе объ этомъ Екатерины съ Густавомъ произошло на балѣ у генералъ-прокурора Самойлова (26 августа) и король тогда же заявилъ Екатеринѣ, что основные законы Швеціи требуютъ, что бы королева исповѣдывала одну религію съ королемъ [3]). Тѣмъ не менѣе Екатерина, 6 сентября, благословила любезную внучку [4]) и убѣжденная, что

[1]) Письмо Татищева, 4 сентября 1796, А. к. В., XVIII, 318.

[2]) 23 августа, черезъ 10 дней послѣ пріѣзда короля, назначенъ былъ балъ у Л. А. Нарышкина. Екатерина нашла нужнымъ, „чтобы этотъ день былъ совершенно свободенъ, въ которомъ бы аттенція никакъ не раздѣлялась отъ главнаго объекта между двумя чрезвычайно молодыхъ особъ“. Поэтому она предложила Павлу Петровичу и Маріи Ѳедоровнѣ сказаться больными и на балъ не пріѣзжать; сама же во все время его занимала регента. Письмо Екатерины къ Н. И. Салтыкову. Р. А., 1864 г., стр. 982.

[3]) Письмо Екатерины къ Павлу Петровичу 17 (это вѣрно 27) августа, Р. С., 1874, IX, 291 и къ барону Будбергу 17 сентября, С. Р. И. О., IX, 301.

[4]) Письмо великой княжны Александры къ Маріи Ѳедоровнѣ и сей послѣдней къ Павлу Петровичу 7 сентября, Р. С., 1874, IX, 290 и 479.

не слѣдуетъ болѣе откладывать это дѣло, предоставила князю Зубову и графу Моркову изготовить брачный договоръ. День и часъ обрученія были назначены на четвергъ, 11 сентября 1796 года вечеромъ [1]).

Дню этому суждено было стать самымъ печальнымъ, самымъ прискорбнымъ, какой только пережила всегда счастливая Императрица. Двору назначено было собраться на торжество въ тронную залу: юная великая княжна явилась въ сопровожденіи родителей, сестеръ и братьевъ съ ихъ супругами. Духовенство, дипломатическій корпусъ и дворъ были на лицо въ семь часовъ вечера; недоставало только короля, котораго долгое отсутствіе удивляло всѣхъ. Частыя отлучки князя Зубова и нетерпѣніе, которое выражала Императрица, мгновенно возбудили общее любопытство; придворные стали перешептываться между собою: что же случилось? Не заболѣлъ ли король? Какъ можно заставлять ожидать Императрицу, посреди всего двора? Но король не появлялся.

Вотъ что было причиною этого замедленія. По непростительной небрежности или самонадѣянности Зубова и Моркова, подписаніе договора было отложено до самаго этого дня. По прочтеніи проекта, Густавъ Адольфъ не согласился принять той отдѣльной статьи онаго, въ которой постановлено было, что королева сохраняетъ свое вѣроисповѣданіе и будетъ пользоваться правомъ свободнаго отправленія богослуженія по обрядамъ церкви, въ которой родилась. Можно себѣ вообразить неловкость положенія Зубова и Моркова; они должны были доложить Императрицѣ, что король отказывается подписать проектъ. Тогда ему предложено было, вмѣсто подписанія отдѣльной статьи договора, дать, отъ своего имени, обязательство въ томъ, что онъ разрѣшитъ своей супругѣ полную свободу совѣсти и отправленіе религіи, въ которой она родилась

[1]) Замѣчательно, что 9 того же сентября, Синодъ, по повелѣнію Императрицы, разрѣшилъ вопросъ, о возможности совершать заочно чрезъ повѣренныхъ обрученіе и бракосочетаніе особъ Императорскаго дома съ особами, въ другой религіи состоящими, если въ брачномъ контрактѣ означена будетъ довѣренность, избраннымъ отъ нихъ другимъ лицамъ присутствовать, вмѣсто ихъ, при обрядахъ обрученія и бракосочетанія. П. С. З., № 17, 505.

и воспитана; но король отказался подписать и этотъ актъ, утверждая, что какъ онъ далъ уже Екатеринѣ честное слово въ томъ, что совѣсть великой княжны никогда не будетъ стѣсняема, что касается религіи, то всякое письменное въ этомъ обѣщаніе уже излишне [1]). Напрасно русскіе уполномоченные представляли королю, что Императрица ожидаетъ его; что дворъ уже собрался, что теперь не время вести переговоры и что всѣ льстятъ себя надеждою, что король не захочетъ нанести оскорбленія ни Государынѣ, ни великой княжнѣ, ни Россіи. Всѣ шведы, которые были приглашены къ посредничеству, уже готовы были уступить; регентъ ограничился словами, что дѣло зависитъ отъ короля; потомъ, отведя его въ сторону, началъ ходить съ нимъ по комнатѣ и, какъ казалось, увѣщевалъ его согласиться. Но король громко отвѣчалъ ему: „нѣтъ, я не хочу, я не могу, я ни за что не подпишу“. Онъ воспротивился всѣмъ убѣжденіямъ, всѣмъ просьбамъ, наконецъ, раздраженный, еще разъ повторилъ свой отказъ и торжественно объявивъ, что не подпишетъ ничего противнаго законамъ своей страны, удалился въ свою комнату.

Переговоры между русскими уполномоченными и королемъ длились съ двѣнадцати часовъ дня почти до десяти часовъ вечера. Екатерина и ея дворъ все еще ждали: наконецъ, пришлось доложить Государынѣ, что все кончено. Зубовъ таинственно подошелъ къ ней и началъ говорить ей что-то на ухо; Екатерина встала, произнесла нѣсколько невнятныхъ

---

[1]) С. Р. И. О., IX, 315. Представляемъ эти документы въ подлинномъ французскомъ текстѣ: 1) проектъ, предложенный Императрицею къ подписи короля: Je promets formellement de laisser à S. A. I. M-me la Grande-Duchesse Alexandra Pavlovna, ma future épouse et reine de Suède, la liberté entière de conscience et d'exercice de la religion dans laquelle Elle est née et élevée et je prie Votre Majesté Impériale de regarder cette promesse comme l'acte le plus obligatoire et le plus solennel que j'ai pu passer. 2) Отвѣтъ короля: Ayant déjà donné ma parole d'honneur à S. M. I. que M-me la Grande-Duchesse ne serait jamais gênée dans sa conscience en ce qui regarde sa religion et Sa Majesté m'en ayant paru contente, je suis assuré qu'Elle ne doute nullement que je connais assez les lois sacrées que cet engagement m'impose pour que tout autre écrit ne soit entièrement superflu.

словъ и почувствовала себя дурно; съ нею даже сдѣлался легкій ударъ. Оберъ-гофмаршалъ князь Барятинскій вышелъ въ залу, гдѣ собранъ былъ дворъ, и смущенный объявилъ, что балъ отлагается по случаю внезапнаго нездоровья Императрицы. Между тѣмъ вскорѣ всѣмъ стало извѣстно въ чемъ было дѣло; одни были поражены смѣлостью маленькаго шведскаго короля, другіе неосторожностью русскихъ уполномоченныхъ, которые подвергли свою Государыню такой непріятности; всѣ вообще негодовали на высокомѣріе и небрежность Зубова и Моркова.

Жертвою этого неумѣлаго веденія дѣла, наиболѣе приковывавшею къ себѣ общее сочувствіе, была великая княжна Александра Павловна. Она едва имѣла силы добрести до своей комнаты, и здѣсь, не будучи въ состояніи сдерживать слезы, предалась своему горю, которое совершенно разстроило ее и тронуло всѣхъ ее окружавшихъ. На слѣдующій день послѣ этой непредвидѣнной развязки, приходился день рожденія великой княгини Анны Ѳедоровны. Назначенъ былъ балъ; Марія Ѳедоровна не желала быть на этомъ балѣ, но должна была покориться приказаніямъ Екатерины [1]).

Между тѣмъ пріѣхалъ и король; Павелъ Петровичъ съ нимъ не говорилъ [2]); Екатерина появилась на одну минуту; неловкое положеніе чувствовалось всѣми присутствовавшими; никто не желалъ принять участія въ танцахъ. Заболѣвшая Александра Павловна вовсе не присутствовала на балѣ. Король танцовалъ съ другими великими княжнами, поговорилъ нѣсколько минутъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и вскорѣ удалился. Этотъ вечеръ былъ его послѣднимъ появленіемъ при русскомъ дворѣ. Рядъ праздничныхъ дней внезапно смѣнился днями скучными и тихими.

Всѣми мѣрами старались поправить дѣло; король вмѣстѣ съ регентомъ еще разъ видѣлся съ Екатериною наединѣ, а уполномоченные не разъ собирались на конференціи. Густавъ наконецъ объявилъ, что, по шведскимъ законамъ, онъ не

[1]) Письмо Екатерины въ Р. С., 1874, IX, 487.
[2]) Письмо Завадовскаго, А. к. В., XII, 173.

имѣетъ права согласиться на желаніе Императрицы, но что будетъ совѣщаться по этому предмету съ государственными чинами, которыхъ соберетъ при вступленіи въ совершеннолѣтіе и что если государство согласится имѣть королеву греко-россійскаго вѣроисповѣданія, онъ не замедлитъ просить руки великой княжны. 17 сентября, благодаря усиліямъ гр. Безбородки [1]), подписанъ былъ предварительный объ этомъ договоръ, но подъ условіемъ ратификаціи его королемъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

Таково было пребываніе въ Петербургѣ Густава IV. Онъ выѣхалъ 20 сентября, въ день празднованія рожденія великаго князя Павла Петровича [2]).

До несчастнаго дня несостоявшагося обрученія, Павелъ Петровичъ принималъ участіе почти во всѣхъ праздникахъ, пріѣзжая для этого изъ Павловска и Гатчины, но на слѣдующій день вечеромъ уѣхалъ и болѣе не видѣлся съ Густавомъ IV. Единственнымъ хорошимъ результатомъ пребыванія Густава IV въ Петербургѣ было то, что оно произвело нѣкоторое сближеніе Павла Петровича съ Екатериною [3]). Почти ежедневные переѣзды изъ загородныхъ дворцовъ въ Петербургъ и обратно чрезвычайно утомляли Марію Ѳедоровну. Великая княгиня говорила: „если всѣ мои дочери при ихъ замужествѣ будутъ мнѣ также дорого стоить, какъ Александра, я умру на дорогѣ“.

Не простясь съ королемъ шведскимъ, Павелъ Петровичъ вновь уединился въ Гатчинѣ. Онъ принялся за свои обычныя занятія, благодаря Бога за каждый конченный день. Время становилось ему въ тягость. Одинокій, полузабытый, онъ проводилъ тамъ свои однообразные дни [4]).

---

[1]) Письма Екатерины, Р. С., 1874, IX, 494, Татищева 18 сентября, А. к. В., XVIII, 322 и графа Панина, С. Р. И. О., XVI, 495, 506 и 524.

[2]) Городскіе слухи объ этомъ событіи записаны Болотовымъ. См. Памятникъ протекшихъ временъ. М. 1875, №№ 351, 375 — 383, 385 и 386. Ср. письмо Екатерины къ В. А. Зубову 4 октября Р. А., 1886, № 3, 275.

[3]) Письмо Растопчина 7 сентября 1796, А. к. В., VIII, 145

[4]) Письма Растопчина 22 февраля и 5 ноября 1796, А. к. В., VIII, 145 и 155.

А между тѣмъ въ обществѣ продолжали ходить зловѣщіе о немъ слухи. Говорили, что 1 января 1797 г. будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ Александра Павловича; что Павелъ Петровичъ будетъ заключенъ въ замокъ Лоде [1]).

Не легка была школа жизни, которую Павелъ Петровичъ провелъ въ бытность свою Наслѣдникомъ. Не въ разсчетѣ стоявшихъ въ главѣ администраціи было впустить новаго дѣятеля, который стоялъ бы внѣ всякихъ коалицій, былъ бы внѣ партій, ни родствомъ, ни связями, ни сохраненіемъ своей должности не обязанный потворствовать неустройству и самоволію, которыя гнѣздились въ слояхъ администраціи, сверху прикрытыхъ блистательною мантіею; она ослѣпляла современниковъ, тѣмъ менѣе способныхъ видѣть неуряды, что за давностью времени чувство притупилось. Царствованіе Екатерины II безсмертно; она обладала геніемъ угадывать людей aux grandes idées, а высокими личными своими достоинствами умѣла направить и согласовать ихъ дѣла, которыя возвысили Россію и увеличили ея могущество. Но всѣ эти люди были поглощены каждый своею главною мыслью и мало вникали въ подробности исполненія; они были съ колоссальными способностями, находчивые и энергическіе, но существенно мало подготовленные къ практической жизни. Да и въ какой школѣ могли они и образоваться? Одни быстро возвысились, и имъ нѣкогда было вникнуть въ подноготную; другіе, долговременною службою изучая эту подноготную, свыклись съ мыслью, что постановленія формализмъ, и что на неисполненіе ихъ нужно смотрѣть сквозь пальцы.

Эти слова знаменитаго А. П. Ермолова показываютъ, какъ воистину русскіе люди смотрѣли на положеніе Цесаревича Павла Петровича. Не служатъ ли они доказательствомъ, что лучшіе люди того времени хорошо понимали то, что самъ Цесаревичъ выразилъ въ своихъ словахъ, избранныхъ нами эпиграфомъ нашего труда. Онъ скорбѣлъ о томъ, что дѣла

[1]) Саблуковъ Р. А., 1869, 1883; записки де-Санглена, Р. С., 1882, № 12, 469—471.

шли вкривь и вкось и въ особенности о томъ, что причиною этого были небрежность и личные виды, а содѣйствовать исправленію зла, не имѣлъ возможности и средствъ.

Но долгіе и томительные часы душевной его скорби были уже на исходѣ.

5 ноября 1796 года Цесаревичъ обѣдалъ на гатчинской мельницѣ, въ пяти верстахъ отъ дворца. Передъ обѣдомъ, когда собрались дежурныя и прочія особы, составлявшія гатчинское общество, великій князь и великая княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, графу Віельгорскому и Бибикову случившееся съ ними тою почью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ, что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и опять былъ разбужаемъ повтореніемъ того же самаго сновидѣнія; наконецъ, примѣтивъ, что великая княгиня не почивала, сообщилъ ей о своемъ сновидѣніи, и узналъ къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была разбужена.

По окончаніи обѣда, когда Наслѣдникъ со свитою возвращался во дворецъ, прискакалъ къ нему на встрѣчу одинъ изъ его гусаровъ съ донесеніемъ, что въ Гатчину пріѣхалъ шталмейстеръ графъ Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Не разслышавъ доклада, Цесаревичъ переспросилъ, много ли пріѣхало Зубовыхъ и получивъ въ отвѣтъ, что только одинъ, перекрестился и, сказавъ: „ну, съ однимъ можно справиться“, приказалъ ѣхать скорѣе [1]).

Извѣстіе, привезенное графомъ Зубовымъ, было дѣйствительно весьма важно. Утромъ того же дня была поражена апоплексическимъ ударомъ Императрица Екатерина Великая.

---

[1]) Письмо Растопчина, А. к. В., VIII, 160. Разсказъ Кутлубицкаго, Р. А., 1866, VIII, 1309.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ настоящемъ трудѣ я старался собрать и привести въ порядокъ явившіяся уже въ печати, но разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ извѣстія о жизни и дѣятельности Цесаревича и великаго князя Павла Петровича до вступленія его на престолъ.

Жизнь Цесаревича, какъ вѣроятно замѣтили читатели, дѣлится на два періода. Первый обнимаетъ собою тридцатилѣтіе со дня его рожденія до пожалованія ему, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, Гатчины; второй заключаетъ въ себѣ остальные двѣнадцать лѣтъ его жизни до вступленія его на престолъ. Въ этотъ второй періодъ жизни Цесаревича вырабатывался его характеръ, который ко времени его воцаренія сложился окончательно и проявился во всей своей силѣ въ его царствованіе.

Это кратковременное, но обильное событіями царствованіе не можетъ быть изучаемо безъ предварительнаго ознакомленія съ характеромъ и свойствами Павла Петровича и настоящій трудъ имѣетъ лишь цѣлію, представивъ данныя для изученія его личности, служить введеніемъ въ исторію его царствованія.

„Императоръ Павелъ, говоритъ Н. А. Саблуковъ [1]), одинъ изъ немногихъ лицъ, прослужившихъ при немъ все время его царствованія, былъ человѣкъ доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться въ своихъ ошибкахъ, любитель правды, ненавистникъ лжи и обмана,

[1]) Р. А., 1869, 1902.

заботливъ о правосудіи и гонитель всякаго злоупотребленія власти, въ особенности лихоимства и взяточничества. Къ несчастію, всѣ эти добрыя и похвальныя качества становились совершенно безполезными и для него, и для государства, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія мѣры, крайней раздражительности и неразумной и нетерпѣливой требовательности безусловнаго повиновенія. Малѣйшее колебаніе въ исполненіи его приказаній, малѣйшая неправильность по службѣ влекли за собою строжайшій выговоръ и даже наказаніе, и это безъ всякаго различія лицъ. На Павла не легко было имѣть вліяніе; ибо, считая себя всегда правымъ, онъ весьма упорно держался своихъ мнѣній и былъ до того раздражителенъ и такъ легко приходилъ въ гнѣвъ отъ малѣйшаго противорѣчія, что часто казался совершенно внѣ себя. Онъ вполнѣ сознавалъ это и глубоко этимъ огорчался, оплакивая собственную вспыльчивость, но не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы побѣдить себя".

Эта характеристика подтверждается разсказомъ другаго лица, нравственныя качества котораго устраняютъ всякое сомнѣніе въ добросовѣстности его свидѣтельства. Я говорю объ И. В. Лопухинѣ. „Въ Императорѣ Павлѣ, пишетъ онъ [1]), можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва его никогда, однакоже, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ его предубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравѣ его дѣлало, конечно, то, что отъ самаго дѣтства напоенъ онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ и что безмѣрная дѣятельность его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать

[1]) Записки. Москва, 1860, 59.

добра для государства, если бы окружавшіе его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти".

Наконецъ, къ дѣятельности Павла Петровича можетъ быть отнесенъ отзывъ, мною уже приведенный [1]), которымъ онъ самъ характеризовалъ царствованіе своего родителя, Императора Петра III. — „Когда вступилъ покойный отецъ мой на престолъ, говоритъ Павелъ Петровичъ въ запискѣ, составленной имъ еще въ бытность его Цесаревичемъ, въ 1779 году, онъ принялся заводить порядокъ; но стремительное его желаніе завести новое, помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ; и отъ ней дѣлалъ многія вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интриги не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ?.."

Приводя эти отзывы, я не могу, однако, не замѣтить, что едва ли имѣется достаточно данныхъ, чтобы произнести окончательное сужденіе о чрезвычайно сложномъ и исполненномъ крайнихъ противоположностей и странностей характерѣ Павла Петровича. Я старался лишь выяснить причины, подъ вліяніемъ которыхъ измѣнялся, и къ сожалѣнію, измѣнялся не къ лучшему, его характеръ и вслѣдствіе которыхъ, по выраженію одного изъ преданныхъ ему людей, князя И. М. Долгорукаго, разсудокъ его былъ потемненъ, сердце наполнено желчи, и душа гнѣва. Можно съ увѣренностью сказать, что эти причины дѣйствовали бы съ большею силою, если бы Павелъ Петровичъ не находилъ въ лицѣ своей супруги постоянной радости, укрѣпленія и утѣшенія. Дѣятельность Маріи Ѳедоровны на поприщѣ просвѣщенія и благотворенія извѣстна достаточно; менѣе извѣстно было спасительное и умиротворяющее вліяніе ея на супруга. Доколѣ вліяніе это существовало, оно сдерживало порывы раздражительности и гнѣва

[1]) См. выше, стр. 177.

Императора; когда же, въ половинѣ его царствованія (осень 1798 года) вліяніе это ослабѣло, то въ характерѣ, политикѣ и образѣ дѣйствій Императора Павла произошелъ окончательный, гибельный переломъ. Въ исторіи его царствованія я надѣюсь подробнѣе развить и доказать это положеніе, въ настоящее же время ограничусь лишь указаніемъ на то, что благотворное на него вліяніе Императрицы Маріи Ѳедоровны удостовѣрено многими изъ его современниковъ въ ихъ отзывахъ, писанныхъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ внезапной его кончины. Приведу подлинныя ихъ слова:

„Trente bienfaits répandus sur moi pendant un règne de quatre ans me ferment la bouche en remplissant mon âme d'une reconnaissance éternelle, писалъ Растопчинъ Воронцову [1]); d'ailleurs mon éloge sur ses bonnes qualités pourrait être suspect. L'histoire ne le jugera que trop sévèrement, mais ce que je peux attester, c'est que ce souverain, avec tous les moyens de régner glorieusement et de se faire adorer, n'a jamais goûté un seul instant de bonheur et a fini tout aussi malheureusement qu'il avait vécu.

Au milieu des craintes perpétuelles où nous vivions, писалъ тому же Воронцову баронъ Николаи [2]) je n'avais cependant jamais oublié ni la fidélité que je devais à mon maître, ni la reconnaissance que je devais à mon bienfaiteur. J'avais toujours reconnu en lui la combinaison la plus étrange de l'être le plus aimable et de l'être le plus violent. Son mauvais sort a fait à la fin prévaloir constamment le dernier sur le premier. Un des regrets les plus amers que me donnait ma position, était l'éloignement presque total de cette bonne impératrice, auquel sa prudence et la mienne me forçait. Hélas! c'est dans un bien terrible moment que j'ai pu enfin me rapprocher d'elle. Je crois vous donner une nouvelle bien intéressante et bien agréable en vous assurant que sa santé, qui n'a pu qu'être violemment altérée par les coups redoublés dont la Providence vient de frapper une âme si sensible, se rétablit cependant

[1]) 30 іюля 1801 г. А. к. В., VIII, 292.
[2]) 10 апрѣля 1801, ibid., XXII, 108.

à vue d'oeil, et la raison et la religion prennent aussi peu à peu le dessus sur la douleur dont son coeur a été déchiré".

Отвѣчая на это послѣднее письмо, графъ С. Р. Воронцовъ выразился [1]), что „ce que vous me dites sur le caractère de feu l'empereur, que c'était un mélange des qualités les plus aimables avec la plus grande violence de caractère et que ces violences ont prit à la fin le dessus, est bien vrai; mais je crois que vous devriez ajouter que ces violences sont allées toujours croissantes et ont monté au point d'aliéner son esprit: car il est visible que dans les derniers 8 à 10 mois il était dans une démence visible. Le défit fait par lui à plusieurs souverains d'un combat en champ clos, publié par son ordre dans les gazettes [2]), et plusieurs autres traits prouvent invinciblement que son esprit était dérangé. Aussi je n'attribue pas à son mauvais coeur les actes de tyrannie et de cruauté qui ont terni les derniers temps de son règne. Je le plains plus que je ne le blâme, et je n'oublierai jamais les bontés qu'il m'a témoignées les deux premières années de son règne... Je vois la douleur de l'impératrice douairière: sa douleur n'est que trop juste. Il y a plus de deux ans que je compatis à ses malheurs, ses souffrances me faisaient souffrir. Bonne, vertueuse et charitable comme elle est, elle n'aurait jamais dû essuyer de chagrin, mais la Providence a voulu éprouver sa constance et sa résignation. La raison, la vertu, la religion ont soutenu jusqu'à présent l'âme de cette auguste et infortunée princesse. Je prie Dieu qu'il la soutienne dans le dernier et terrible coup par lequel sa résignation vient d'être éprouvée. Je prie Dieu aussi qu'il inspire à ses enfants le respect, la tendresse, l'attachement et la déférence qu'une si bonne et si vertueuse mère a droit d'attendre d'eux. Que le Ciel nous la conserve"!

[1]) Письмо 6 мая 1801., ibid., 531—532.

[2]) Намекъ на вызовъ, обращенный Императоромъ Павломъ къ государямъ Европы, о чемъ см. Р. А., 1870, 1960 и 1871, 195.

УКАЗАТЕЛЬ.

Августа, принцесса баденская, 395.
Августа, принцесса виртембергская, рожденная брауншвейгская, 244, 246, 247, 265. 271, 314—321.
Августъ, принцъ голштинскій, 50, 94, 245, 246.
Адріанъ, архимандритъ, 21.
Аксакова, Варвара Николаевна, 303.
Александра Павловна, великая княжна, 275, 280, 284, 325, 386, 419, 421, 445—454.
Александръ Павловичъ, великій князь, 12, 155, 160, 162, 163, 165, 275, 278, 279. 305, 322, 324. 325, 331, 332, 345, 369, 384, 385, 394 401, 403, 405, 417, 419, 421, 422, 423, 425, 429, 430. 431, 453, 455.
Александръ, принцъ виртембергскій, 248, 417.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 1, 327.
Алопеусъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, 376.
Алымова, фрейлина, въ замужествѣ Ржевская, 133, 134, 157, 160, 165.
Альбрехтъ, принцъ саксенъ-тешенскій, 238, 239.
Амалія, принцесса гессенъ-дармштадтская, 80, 98, 110.
Амалія, герцогиня пармская, 226.
Ангальтъ, графъ, генералъ-адьютантъ, 70, 317.
Анкарштремъ, капитанъ, 445.
Анна Леопольдовна, герцогиня брауншвейгская, 1.
Анна Павловна, великая княжна, 417.
Анна Петровна, великая княжна, 4, 5.
Анна Петровна, герцогиня голштейнъ-готторпская. 2.
Анна Федоровна, великая княгиня, рожд. Юліана Генріетта Ульрика, принцесса саксенъ-кобургская, 431, 432, 453.
Антонъ Ульрихъ, принцъ брауншвейгскій, 1.
Апрѣлевъ, офицеръ, 441.
Аракчеевъ, 413, 435, 439—444.
Арндтъ, 382.
Арсеній Мацеевичъ, 21,
Артуа, графъ, 233.
Ассебургъ, датскій посланникъ, 50, 68, 77, 79, 80, 81, 82, 86, 87, 89, 93, 120, 136, 245.

Баженовъ, архитекторъ, 163, 382, 383.
Бакунинъ, 104, 225.
Балдани, поручикъ, 279.
Балкъ, г-жа, рожденная Шереметева, 91.
Баратынскій, подполковникъ, 442, 443.
Барятинская, княгиня, 91, 304.
Барятинскій, князь Иванъ Сергѣевичъ, 10, 14, 19, 77, 91, 227, 235, 261.
Барятинскій, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, 91, 354, 406, 422, 453.
Безбородко, графъ Александръ Андреевичъ, 187, 225, 320, 348, 358, 372, 373, 380, 392, 400, 419, 450.
Бекетовъ, 17.
Бекъ, хирургъ, 134.
Бенингсенъ, баронъ, 210.
Бенкендорфъ, Софья Ивановна, 162, 275.
Бенкендорфъ, Анна, 207, 305, 322, 379, 388.
Бенкендорфъ, маіоръ Ермолай Ивановичъ, 304.
Бенкендорфъ, Христоферъ Ивановичъ, 136, 165, 197, 208, 337, 391.
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ, канцлеръ, 21, 60, 62, 163.
Бехтѣевъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ, церемоніймейстеръ, 6, 7.
Бецкій, Иванъ Ивановичъ, 28, 64, 71, 73, 124, 127, 133, 250, 251, 252, 257, 259, 263, 418.

Бибиковъ, 91, 456.
Бибиковъ, В. И., 269.
Бибиковъ, флигель-адьютантъ, 267, 268.
Бирономъ, герцогиня, 147.
Бирономъ, герцогъ Петръ, 139.
Бирономъ, французскій маршалъ, 228, 231.
Блезъ де Сенъ-Моръ, 306.
Блокъ, лейбъ-хирургъ, 325.
Блюментростъ, Иванъ, архіатеръ, 282.
Бобринскій, Алексѣй Григорьевичъ, 10, 63, 67, 126, 127, 250—264, 426—428.
Бомарше, писатель, 234.
Бомонъ, актеръ, 14.
Бомонъ, актриса, 43.
Борхъ, баронъ, 414.
Борхъ, графиня, 91.
Борщова, фрейлина, 133, 134, 165, 197, 207.
Браницкая, графиня, 356, 357.
Брауншвейгскій, принцъ, 319.
Бревернъ, офицеръ, 441.
Бретель, баронъ, 214.
Брискорнъ, 69.
Брюсъ, графиня, 89, 91, 233, 371.
Брюсъ, графъ, 72, 233.
Будбергъ, баронъ, русскій посланникъ въ Швеціи, 447.
Будбергъ, полковникъ, 279.
Букоа, графиня, 214.
Буксгевденъ, флигель-адьютантъ, 285.
Бушуевъ, полковникъ, 258, 259.
Бѣлосельская, княжна Авдотья Михайловна, фрейлина, 110, 111.
Бѣлосельскій, князь, 72.

Вадковская, рожденная графиня Чернышева, 363.
Вадковскій, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, 33, 164, 197, 208, 303, 337, 363, 379.
Ваза, графъ, смотри Карлъ Зюдерманландскій.
Вакселъ, г-жа, 358.
Валькеръ, граверъ, 308.
Васильчиковъ, камеръ-юнкеръ, 71, 72, 73, 112, 126, 150, 151.
Ведель, Анна Родіоновна, фрейлина, 43.
Великій, Семенъ, 69—70.
Верещагинъ, Петръ Алексѣевичъ, 254, 255, 256.
Вержень, графиня, 228.
Вержень, графъ, 228.
Веригина, фрейлина, 164.
Вернеръ, прусскій генералъ, 241.
Вертильякъ, маркизъ, 263.
Вестманъ, 70.
Вилламова, Софья Ивановна, 280, 305, 306, 449.
Вилламовъ, Григорій Ивановичъ, 70.
Вильгельмъ, принцъ виртембергскій, 248, 417.
Вильде, г-жа, 318, 321.
Виттъ-де, графиня, 353, 357.
Виттъ-де, графъ, 357.
Віельгорскій, графъ, 456.
Войновичъ, 350.
Волконскій, князь Павелъ Михайловичъ, 74, 303.
Вольтеръ, 11, 24, 35, 150, 245.
Воронцова, графиня, оберъ-гофмейстерина, 97.
Воронцовъ, графъ Александръ Романовичъ, 225.
Воронцовъ, графъ Михаилъ Ларіоновичъ, канцлеръ, 6, 15, 55, 426.
Воронцовъ, графъ Семенъ Романовичъ, 225, 261, 264, 311.
Вурмсеръ, 97, 98.
Вяземскій, князь Александръ Алексѣевичъ, генералъ-прокуроръ, 72, 116, 373, 380
Вяземскій, князь Андрей Ивановичъ, 239.
Вязмитиновъ, полковникъ, 209.

Гавріилъ, троицкій архимандритъ, 21.
Гавріилъ, кіевскій митрополитъ, 210.
Гагарина, княгиня, 353.
Гагаринъ, князь Сергѣй Васильевичъ, 252.
Гагаринъ, князь Сергѣй Сергѣевичъ, 252, 254—257.
Гагаринъ, князь, камеръ-юнкеръ, 111.
Галіани, аббатъ, 221.
Гамильтонъ, англійскій посланникъ, 220, 221.
Гаппахъ, австрійскій генералъ, 212.
Гарновскій, 339, 351, 380.
Гаутфельдъ, дѣвица, 306.
Гендель, г-жа, 240
Генрихъ, принцъ виртембергскій, 248, 417.
Генрихъ, принцъ прусскій, 58, 59, 82, 87, 92, 124, 128, 129, 132, 134, 139, 140, 141, 144, 182, 222, 381.
Георгій, принцъ голштинскій, 18, 50, 242, 245.
Герцъ, графъ, полковникъ, 99, 143.
Герцъ, графъ, прусскій посланникъ, 190, 191, 262, 271, 375, 376.
Гильфердингъ, 14.
Глѣбовъ, генералъ-прокуроръ, 9.
Гогенгеймъ, графиня, 241, 367.
Голенищевъ-Кутузовъ, Иванъ Логиновичъ, адмиралъ, 57, 334.
Голицына, княгиня, 111.
Голицына, княгиня Наталья Петровна, 261.
Голицынъ, князь, вице-канцлеръ, 72.
Голицынъ, князь, гофъ-маршалъ, 29.
Голицынъ, князь, фельдмаршалъ 72, 116, 125.
Голицынъ, князь Дмитрій Алексѣевичъ, 238.

Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичъ, посолъ въ Вѣнѣ, 55, 214, 348.
Голицынъ, князь Михаилъ, камеръ-юнкеръ, 359.
Голицынъ, князь Николай Алексѣевичъ, 303.
Голицынъ, князь Сергѣй, 357.
Голицынъ, князь Ѳедоръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ, 160, 389, 414.
Голландъ, 185.
Головина, графиня, 353, 398.
Головинъ, графъ Николай Николаевичъ, полковникъ, 356, 396.
Гранжс, 14.
Грейгъ, Самуилъ Карловичъ, адмиралъ, 166, 341.
Грековъ, Андрей Ангилеевичъ, 14, 21.
Гриммъ, 95, 111, 126, 127, 247, 261, 262, 263, 279, 337, 384, 408.
Гурьевъ, церемоніймейстеръ, 406.
Густавъ III, король шведскій, 182, 183, 184, 185, 258, 339, 344, 345, 381, 445, 446, 447.
Густавъ IV Адольфъ, король шведскій, 445—454.

Давыдовъ, маіоръ, 434.
Даламберъ, 11, 12, 55, 127.
Дальвигъ, прусскій генералъ, 241.
Дашкова, княгиня Екатерина Романовна, 103, 219, 300, 301.
Девіеръ, графъ, камеръ-пажъ, 44, 45.
Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, 380, 381, 399, 400.
Дидро, 12, 55, 111.
Димедаль, врачъ, 52, 53, 199.
Долгополовъ, купецъ, 117.
Долгорукій, князь Василій Михайловичъ, 275.
Долгорукій, князь Иванъ Михайловичъ, 303, 304, 305, 306, 324, 379, 430.
Долгорукова, княгиня, 353, 354, 359.
Долгоруковъ, князь Василій Васильевичъ, 354, 355, 356.
Долгоруковъ, князь, камеръ-юнкеръ, 134
Долгоруковъ, князь, полковникъ, 99.
Домашневъ, камеръ-юнкеръ, 149.
Дружининъ, Яковъ Александровичъ, 69.
Дюмарескъ, пасторъ, 29.

Евгеній, принцъ виртембергскій, 223, 239, 248, 417.
Егергорнъ, маіоръ, 342.
Екатерина I, императрица, 327.
Екатерина Павловна, великая княжна, 339.
Елагинъ, писатель, 35, 72, 73.
Елагинъ, вице-полковникъ, 120.
Елена Павловна, великая княжна, 275, 386, 419, 421.
Елизавета Алексѣевна, великая княгиня, 396, 398, 419.
Елизавета Петровна, императрица, 1—8, 16, 25, 49, 60, 61, 75.
Елизавета-Христина, королева прусская, 141.
Елизавета, принцесса виртембергская, 193, 194, 195, 213, 216, 226, 241, 270.
Елизавета, принцесса французская, 236.
Елизавета, герцогиня тосканская, 368.
Ермоловъ, Александръ Петровичъ, 150, 151, 261, 309—312.

Жеребцовъ, Алексѣй Григорьевичъ, 6.

Заборовскій, 346, 350.
Завадовскій, графъ Петръ Васильевичъ, 126, 150, 151, 152, 264, 310, 348, 371, 373, 427.
Засѣ, Анна Павловна, фрейлина, 17.
Зиновьева, Екатерина Николаевна, 284.
Зиновьевъ, Владиміръ Николаевичъ, 261.
Зиновьевъ, оберъ-прокуроръ, 72.
Зиновьевъ, 406.
Зорничъ, 150, 151, 209, 420.
Зотовъ, Захаръ Константиновичъ, 312, 351.
Зубовъ, графъ Валерьянъ Александровичъ, 359, 420.
Зубовъ, графъ Николай Александровичъ, 456.
Зубовъ, князь Платонъ Александровичъ, 24, 25, 151, 352, 357, 358, 371, 373, 398, 399, 407, 419, 420, 422, 431, 451, 452.

Игельстромъ, баронъ, главнокомандующій, 345.

Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, 2.
Іоаннъ Антоновичъ, императоръ, 1.
Іосифъ II, императоръ римскій, 152, 186—195, 204, 207, 208, 212—216, 220, 242, 258, 266, 270, 352, 374, 375.

Кадишъ, актриса, 39.
Каменскій, полковникъ, 57.
Канцевичъ, офицеръ, 441.
Карлъ, герцогъ зюдерманландскій, 342, 343, 447, 448, 450, 452.
Карлъ, принцъ виртембергскій, 240, 248, 369, 416.
Карлъ-Теодоръ, курфюрстъ пфальцскій, 186.
Карлъ Фридрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій, 2, 13.
Карлъ-Фридрихъ-Александръ, принцъ виртембергскій, 368, 379.
Каролина, ландграфиня гессенъ-дармштадтская, 77, 80, 82—99, 110.
Каролина, принцесса гессенъ-дармштадтская, 80.
Кассіанъ, ректоръ Кіевской духовной академіи, 211, 212.

Кауницъ, австрійскій канцлеръ, 143, 186, 214, 215.
Кауфманъ, Анжелика, 219.
Кашкинъ, Евгеній Петровичъ, 134.
Кейтъ, англійскій посолъ, 66.
Келлеръ, прусскій посланникъ, 372.
Клериссо, архитекторъ, 235.
Клингеръ, Ѳедоръ Ивановичъ, писатель, 165, 178.
Клингспоръ, шведскій генералъ, 447.
Клопманъ, 147.
Ключаревъ, Ѳедоръ Петровичъ, 209.
Кобенцель, графъ, австрійскій посолъ, 198, 224, 362.
Кобургскій, принцъ, австрійскій генералъ, 347.
Козьминъ, Сергѣй Матвѣевичъ, статсъ-секретарь, 35.
Кологривовъ, маіоръ, 435, 436.
Комаржевскій, польскій генералъ, 212.
Комаровскій, графъ, 261.
Конде, принцесса, 232.
Конде, принцъ, 231, 232, 233.
Кондоиди, врачъ, 6.
Константинъ Павловичъ, великій князь, 163, 275, 279, 306, 322, 324, 325, 385, 386, 421, 422, 423, 429, 430, 431, 432, 447.
Корсаковъ, 150, 151, 371.
Корфъ, баронъ, посланникъ въ Копенгагенѣ, 49, 165.
Косиковскій, генералъ, 356.
Кохіусъ, кіевскій оберъ-комендантъ, 210.
Кошелевъ, 261.
Кошелевъ, капитанъ, 279.
Кречетниковъ, генералъ, 353, 354.
Крузе, врачъ, 14, 30, 124, 198, 199, 208.
Крузъ, капитанъ, 83, 84.
Куракинъ, князь Александръ Борисовичъ, 33, 41, 56, 110, 111, 134, 149, 164, 167, 168, 169, 197, 208, 239, 267, 268, 379, 381.
Куракинъ, князь, тайный совѣтникъ, 282.
Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ, 413.
Кутлубицкій, 408, 441.
Кушелевъ, Григорій Григорьевичъ, 334, 435, 436, 442, 456.
Кушелевъ, полковникъ, 279.

Лагарпъ, Фридрихъ Цезарь, 279, 306, 398, 400, 401, 402, 403.
Лагарпъ, французскій писатель, 111, 148, 235.
Ламздорфъ, полковникъ, 279.
Ланской, Александръ Дмитріевичъ, 150, 151, 251, 262, 307, 308, 309, 361, 372.
Лафатеръ, 240.
Лафермьеръ, Францъ-Германъ, 54, 55, 56, 164, 165, 198, 388
Леберехтъ, 306.
Левекъ, 54.
Левенъ-фонъ, 97.
Левшина, фрейлина, 133.
Лептулусъ, прусскій генералъ, 139.
Леонтьева, фрейлина, 110.
Леопольдъ, герцогъ тосканскій, впослѣдствіи императоръ римскій, 193, 194, 204, 221, 352.
Ливенъ, Шарлотта Карловна, 280, 305, 419, 422, 449.
Линдеманъ, врачъ, 124.
Линденеръ, подполковникъ, 305, 413, 416.
Лихтенштейнъ, княгиня, 214.
Ломоносовъ, 4, 35.
Луиза, принцесса баденская, 395.
Луиза, принцесса гессенъ-дармштадтская, 80, 98.
Львовъ, генералъ, 356, 422.
Любомірскій, князь, 350.
Людвигъ,ландграфъ гессенъ-дармштадтскій, 80, 93, 94.
Людвигъ, принцъ виртембергскій, 222, 239, 248, 318, 319, 417.
Людвигъ, принцъ гессенъ-дармштадтскій, 94, 95, 99, 100, 111, 126, 129, 137, 148, 239.
Людовикъ XVI, король Франціи, 227, 228, 230, 231, 232, 235, 367, 405.

Майковъ, писатель, 67.
Максиміліанъ, эрцгерцогъ, 216.
Максиміліанъ-Іосифъ, курфюрстъ баварскій, 186.
Малютинъ, маіоръ, 436.
Мамоновъ, графъ Александръ Матвѣевичъ, 150, 151, 309, 312, 313, 339, 351, 352, 366, 371, 372, 373, 419.
Манфредини, 14.
Марія-Антуанета, королева французская, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 236, 405.
Марія-Каролина королева неаполитанская, 219, 220, 221.
Марія-Луиза, герцогиня тосканская, 221.
Марія Павловна, великая княжна, 275, 325, 387, 419, 421.
Марія-Терезія, императрица, 65, 186, 187, 192, 387.
Марія-Христина, принцесса саксенъ-тешенская, 238, 239.
Мармонтель, 12.
Массотъ, докторъ, 380.
Матюшкина, графиня, 418.
Матюшкинъ, графъ, 33, 102.
Мауклеръ, 137, 416.
Мей, поручикъ, 333.
Мелиссино, 17.
Мелиссино, генералъ, 439.
Метастазіо, композиторъ, 216.
Миллеръ, 69.
Минихъ, графъ, 91, 434.

Мирбахъ, 147.
Мозеръ, дармштадтскій уполномоченный, 93, 94.
Молчанова, фрейлина, 133, 165.
Монгомери, полковникъ, 342, 343.
Монкъ, графъ, 446.
Мордвиновъ, адмиралъ, Николай Семеновичъ, 33, 72, 289, 409.
Морковъ, графъ, 225, 238, 337, 380, 420, 451.
Моцениго, графъ, 258.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ Аполлосъ Аполлосовичъ, 303.
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, 275, 276, 313, 317, 322, 337, 338, 340, 341, 342, 345, 379.
Муханова, фрейлина, 389.

Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, камергеръ, 134, 409, 410, 418.
Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, 350, 450.
Нарышкина, Марія Львовна, 350.
Нассау-Зигенъ, принцъ, 400.
Наталія Алексѣевна, царевна, 282.
Нащокинъ, А. П. 424.
Нейдгардтъ, г-жа, 325.
Нелединская-Мелецкая, 111.
Нелединскій-Мелецкій, камергеръ, 134.
Нелидова, Екатерина Ивановна, фрейлина, 133, 165, 197, 207, 303, 304, 305, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 412, 413.
Неранчичъ, 420.
Несвицкій, князь, 422.
Николаи, Генрихъ-Людвигъ, 54, 55, 134, 164, 198, 208, 303, 305.
Николай Павловичъ, великій князь, 417, 431.
Новиковъ, Николай Ивановичъ, 381, 382, 383.

Оберкирхъ, баронесса, 136, 142, 167, 227, 229, 231.
Одаръ, 11.
Озерецковскій, академикъ, 258.
Олешевъ, камергеръ, 424, 425.
Ольга Павловна, великая княжна, 387, 388, 417.
Орловъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ, 91, 97, 164, 252.
Орловъ, князь Григорій Григорьевичъ, 39, 40, 45, 46, 62, 63, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 88, 91, 97, 104, 116, 126, 150, 155, 202, 257, 258, 264, 274, 280, 282, 284, 292, 361, 428.
Орловъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ, 73.
Остенъ-Сакенъ, баронъ Карлъ Ивановичъ, 14, 19, 78, 134, 198, 279, 324, 388.
Остервальдъ, Тимофей Ивановичъ, 14, 16, 17, 18, 20, 48, 77.
Остерманъ, графъ, вице-канцлеръ, 380, 406, 450.

Паленъ, генералъ, 445.
Панинъ, графъ Никита Ивановичъ, 7, 9, 12, 14, 15, 16, 21, 22, 25, 27, 28, 29, 31, 34, 36, 37, 38, 40, 42, 44, 48, 50, 51, 53, 55, 56, 61, 62, 63, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 81, 86, 89, 95, 98, 100, 103, 104, 112, 113, 115, 116, 117, 133, 156, 164, 186, 189, 190, 191, 192, 196, 198, 199, 200, 201, 202, 208, 224, 265, 272, 273, 274, 276, 328, 330, 332, 333, 361, 374, 381, 390, 408.
Панинъ, графъ Петръ Ивановичъ, 33, 56, 74, 103, 118, 171, 173, 174, 175, 180, 181, 328, 408.
Паскевичъ, капельмейстеръ, 423.
Пассекъ, генералъ-поручикъ, 72.
Пастуховъ, Петръ Ивановичъ, 14, 20, 77, 134, 147.
Перфильевъ, Степанъ Васильевичъ, 10, 14, 19, 20, 78.
Петръ I, императоръ, 1, 2, 13, 60, 167.
Петръ III, императоръ, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 18, 19, 33, 49, 50, 60, 61, 64, 65, 69, 75, 115, 177, 244, 330, 377.
Петръ, принцъ голштинскій, 50, 66, 94, 193, 244, 245, 246, 247, 248.
Петръ-Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ голштинскій, 246.
Пизани, Николай, 388.
Пій VI, папа, 241.
Платонъ, митрополитъ московскій, 14, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 92, 93, 124, 126, 162.
Плещеевъ, Сергѣй Ивановичъ, 164, 197, 208, 305, 306, 334, 381, 410, 435, 456.
Поликарповъ, подковникъ, 306.
Полиньякъ, графиня, 236.
Польманъ, Вилимъ Романовичъ, гермейстеръ, 284, 318, 320.
Полянская, фрейлина, 44, 89.
Понятовскій, графъ, 212.
Поповъ, 357.
Порошинъ, Семенъ Андреевичъ, 10, 14, 18, 19, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 45, 46, 47, 48.
Потемкина, Прасковья Александровна, 353.
Потемкина, Татьяна Васильевна, 355.
Потемкинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, 302, 354, 359.
Потемкинъ, князь Григорій Александровичъ, 100, 112, 113, 114, 115, 116, 119, 120, 126, 150, 151, 152, 155, 156, 189, 195, 198, 199, 201, 202, 224, 253, 254, 256, 257, 258, 266, 275, 278, 298, 302, 308, 309, 311, 312, 314, 323, 335, 336, 339, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 364, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 379, 380, 419.
Протасова, 89, 422, 424, 438.
Протасовъ, Александръ Яковлевичъ, 278, 324, 396, 397, 398.
Пугачевъ, 115, 117, 118.

Разумовскій, 17.
Разумовскій, графъ Алексѣй Кириловичъ, 55.
Разумовскій, графъ Андрей Кирилловичъ, 33, 56, 83, 84, 85, 91, 95, 110, 111, 113, 114, 115, 119, 125, 219, 221.
Разумовскій, графъ Кириллъ Григорьевичъ, 53, 55, 72, 116.
Разумовскій, графъ Петръ Кирилловичъ, 69, 356.
Растопчинъ, Оедоръ Васильевичъ, 369, 398, 400, 411, 412, 438, 439.
Ратъ, подполковникъ, 433.
Рахмановъ, капитанъ, 149, 356.
Ребиндеръ, генералъ-маіоръ, 83, 85.
Ребиндеръ, полковникъ, 249.
Рекке, камергеръ, 146.
Репнинъ, князь Николай Васильевичъ, 103, 164, 171, 173, 174, 187, 195, 196, 199, 224, 315, 328, 360, 381, 399, 408.
Рибасъ, адмиралъ, 252, 406.
Рибопьеръ, 372.
Ридезель, 97, 98.
Ринальди, архитекторъ, 284.
Рожерсонъ, врачъ, 124, 199, 252, 308.
Роммъ, 425.
Рубановскій, 102.
Румянцова, графиня Екатерина Михайловна, статсъ-дама, 110, 124, 134, 147, 157, 165.
Румянцова, графиня, 91, 98.
Румянцовъ, графъ Николай Петровичъ, 91, 126, 149, 374.
Румянцовъ, графъ Петръ Александровичъ, фельдмаршалъ, 116, 132, 133, 134, 141, 171, 209, 210, 211, 212, 246, 328, 335, 346, 347, 348, 353, 408.
Румянцовъ, графъ Сергѣй Петровичъ, 89, 91, 126.
Руссо, 135, 233.

Савва, духовникъ Екатерины II-ой, 407.
Сакенъ, капитанъ, 386.
Сакенъ, саксонскій посланникъ, 375.
Саксенъ-Кобургская, герцогиня, 431.
Салтыкова, графиня Дарья Петровна, 110, 111, 197, 207.
Салтыковъ, Николай Ивановичъ, 100, 101, 102, 110, 134, 164, 197, 207, 214, 275, 276, 177, 278, 280, 308, 322, 324, 325, 401, 403, 406, 429.
Салтыковъ, Сергѣй Васильевичъ, камергеръ, 3, 11.
Сальдернъ, голштинскій министръ, 33, 49, 51, 52, 56, 72, 73, 75, 76, 77, 103, 104.
Самборскій, священникъ, 198, 208.
Самойлова, графиня, 353.
Самойловъ, графъ, 450.
Сарти, композиторъ, 353, 419.
Свистуновъ, 17.
Свѣчинъ, 438, 439.
Сегюръ, графъ, французскій посланникъ, 297, 323, 363, 364, 365, 366, 367.
Секретаревъ, 370, 371.
Серафимъ, греческій митрополитъ, 210.
Сестренцевичъ, митрополитъ, 301, 302.
Скавронская, графиня, 233, 312.
Скавронскій, графъ, Мартынъ Карловичъ, 6.
Сиверсъ, баронъ, камергеръ, 3, 45.
Сиверсъ, офицеръ, 441.
Симолинъ, посланникъ въ Курляндіи, 147.
Симолинъ, посланникъ въ Парижѣ, 261.
Смирная, Евгенія Сергѣевна, 303, 306, 324.
Сольмсъ, прусскій посланникъ, 83, 85, 86.
Сорепъ, французскій писатель, 12.
Сорокинъ, маіоръ, 433.
Спиридовъ, камеръ-юнкеръ, 89, 91.
Спренгпортенъ, шведскій посланникъ, 317.
Стааль, полковникъ, 245.
Стакельбергъ, графъ, посланникъ въ Варшавѣ, 242, 318, 424.
Станиславъ Августъ, король польскій, 212, 219, 242, 258, 318.
Стединкъ, графъ, шведскій посланникъ, 366, 367.
Строганова, графиня Анна Михайловна, 37, 38.
Строгановъ, графъ Александръ Сергѣевичъ, 23, 33, 37, 422.
Строгановъ, графъ Павелъ Александровичъ, 425.
Суворовъ, графъ Александръ Васильевичъ, 278, 353, 357, 407.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ, писатель, 35.
Сутерландъ, банкиръ, 380, 381.
Сухотинъ, адмиралъ, 226.

Тарасій, михайловскій архимандритъ, 212.
Тедъ, 14.
Тепловъ, Григорій Николаевичъ, статсъ-секретарь, 44, 53, 54, 63.
Тоде, врачъ, 124.
Тремамундо, 14.

Унгернъ-Штернбергъ, баронесса Анна Владиміровна, 424.
Ушаковъ, Степанъ Федоровичъ, сенаторъ, 6, 9.

Фабрисъ, генералъ, 347.
Фалкенштейнъ, графъ, смотри Іосифъ II.
Фердинандъ, герцогъ пармскій, 226.
Фердинандъ III, король неаполитанскій, 219, 220.
Фердинандъ, принцъ виртембергскій, 213, 216, 241, 248, 417.
Фердинандъ, принцъ прусскій, 129 144, 146.
Феррьеръ-де, маркизъ, 263.
Философовъ, посланникъ въ Даніи, 51.

Фокперъ, англійскій агентъ, 359.
Фонвизинъ, 67, 104, 260.
Франсуа, 14.
Францъ-Стефанъ, римскій императоръ, 50.
Францъ, эрцгерцогъ австрійскій, 193, 195, 213, 216, 226, 270.
Фрейгангъ, докторъ, 413.
Фрейгангъ, маіоръ, 437.
Фрейлихъ, 209.
Фридерика-Августа-Софія, принцесса ангальтъ-цербстская, 218, 249.
Фридерика-Доротея, принцесса баденская, 395.
Фридерика, принцесса виртембергская, 129, 193, 244, 247, 248.
Фридерика-Доротея-Софія, принцесса виртембергская, 129, 130, 131, 135, 137, 138, 213, 214, 216, 227, 240, 273.
Фридерика, принцесса гессенъ-дармштадтская, 80, 99.
Фридрихъ II, король прусскій, 82, 83, 85, 99, 128, 129, 130, 131, 135, 137, 139, 140, 141, 144, 145, 146, 153, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 194, 199, 241, 243, 262, 266, 270, 375.
Фридрихъ, принцъ, впослѣдствіи король виртембергскій, 185, 217, 218, 244, 247, 270, 271, 314, 315, 317, 332, 368, 417.
Фридрихъ-Августъ, принцъ ангальтъ-цербстскій, 218, 249.
Фридрихъ-Августъ, коадъюторъ любскій, 76, 244, 245, 246.
Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ, впослѣдствіи король прусскій, 80, 155, 190, 191, 194, 367, 376.
Фридрихъ-Генрихъ, маркграфъ бранденбургъ-шведтскій, 146.
Фридрихъ-Евгеній, принцъ виртембергскій, 135, 138, 141, 142, 195, 213, 216, 227, 240, 245.
Фросини, маркизъ, 214.
Фусадье, врачъ, 14, 30, 53.

Хованская, княжна, 42.
Хотекъ, графъ, 217.
Храповицкій, Александръ Васильевичъ, 12.
Хрущовъ, капитанъ, 3.
Хрущовъ, поручикъ, 279.
Христіанъ VII, король датскій.

Чарторижская, княгиня Марія-Анна, 318.
Чарторижская, Софья Степановна, 69.
Чарторижскій, князь Адамъ, 318, 399.
Чарторижскій, Михаилъ, 69.
Черкасовъ, баронъ, 72, 73, 84, 85, 86, 87, 88.
Чернышева, графиня, 91.
Чернышевъ, графъ Григорій Ивановичъ, 302, 422, 424.
Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, 33, 72, 73, 116, 209.
Чернышевъ, графъ Иванъ Григорьевичъ, 33, 56, 58, 84, 85, 91, 269, 302, 326, 356, 408.
Чертковъ, 422.
Чоглокова, Вѣра Николаевна, фрейлина, 40—45, 62.
Чоглокова, Елизавета Николаевна, фрейлина, 40, 42.
Чоглокова, Марья Симоновна, 40.
Чоглоковъ, Николай Наумовичъ, 40.

Шацъ, ротмистръ, 303.
Шереметева, графиня Анна Петровна, фрейлина, 46, 53.
Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ, 33, 42, 111.
Шешковскій, Степанъ Ивановичъ, 381.
Шкуринъ, Василій Григорьевичъ, гардеробмейстеръ, 10, 63.
Шредеръ, 319.
Штакельбергъ, фрейлина, 44.
Штейнверъ, баронъ, 333, 342, 433, 442.
Штелинъ, академикъ, 33.
Штраутенбахъ, г-нъ, 97, 98.
Штраутенбахъ, г-жа, 97, 98.
Шуазель-Гуфье, графъ, 409.
Шубинъ, лейтенантъ, 83.
Шувалова, графиня Екатерина Петровна, 396, 397, 398.
Шуваловъ, графъ Андрей Петровичъ, 72, 111, 308, 396.
Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, оберъ-камергеръ, 4, 15, 38, 61, 412, 418.

Щербатова, княжна Дарья Осдоровна, фрейлина, 352, 371.

Юсуповъ, князь Николай Борисовичъ, 91, 197, 208.

Элліотъ, г-жа, 263.
Эльмптъ, графъ, 422, 424, 425.
Энгельгардтъ, 209, 357.
Энгельгардтъ, Татьяна Васильевна, 253.
Эпинусъ, Францъ Ивановичъ, 14, 20, 26, 27, 32.
Эстергази, графъ, 400, 405.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

Младенчество великаго князя Павла Петровича. — Заботы о немъ Императрицы Елизаветы Петровны. — Великая княжна Анна Петровна. — Начало ученія. — Бехтѣевъ. — Панинъ. — Императоръ Петръ III.—Бобринскій.—Воцареніе Екатерины II.—Приглашеніе Даламбера.—Назначеніе Павла Петровича генералъ-адмираломъ. 1

II.

Дворъ Цесаревича Павла Петровича и его наставники.—Панинъ.—Остервальдъ. — Порошинъ.—Эпинусъ.—Архимандритъ Платонъ.—Первый періодъ ученія.—Порядокъ его и предметы 14

III.

Здоровье и характеръ Павла Петровича. — Его общество. — Чтеніе и театръ. — Панинъ и графиня Строгонова. — Дѣтская привязанность Павла Петровича.—Фрейлина Чоглокова 30

IV.

Удаленіе Порошина.—Взглядъ на первый періодъ ученія.—Голштинскій вопросъ. — Привитіе Павлу Петровичу оспы. — Второй періодъ ученія. — Новые наставники. — Никола и Лафермьеръ.—Принцъ прусскій Генрихъ въ Петербургѣ. 46

V.

Мысли о возведеніи Павла Петровича на престолъ. — Канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ.—И. И. Шуваловъ.—Панинъ.—Младенчество Бобринскаго. — Отношенія Павла Петровича къ Екатеринѣ. — Его болѣзнь. — С. А. Чарторижская и Семенъ Великій. — Положеніе графа Н. И. Панина. — Графъ П. И. Панинъ и Сальдернъ.—Окончаніе воспитанія 60

VI.

Переговоры объ избраніи Павлу Петровичу невѣсты.—Ассебургъ.—Фридрихъ II.—Графъ А. К. Разумовскій.—Ландграфиня гессенъ-дармштадтская Каролина и ея дочери въ Петербургѣ 79

VII. стран.

Бракосочетаніе Павла Петровича и Наталыи Алексѣевны.—Принцъ Людвигъ гессенъ-дармштадтскій. — Назначеніе къ Павлу Петровичу Н. И. Салтыкова. — Отзывъ объ этомъ графа Матюшкина.— Занятія Павла Петровича — Его разсужденіе о государствѣ и о военныхъ силахъ 96

VIII.

Супружеская жизнь Павла Петровича и Натальи Алексѣевны.— Начало возвышенія Потемкина.—Пугачевскій бунтъ.—Пребываніе двора въ Москвѣ.—Характеръ великой княгини Натальи Алексѣевны.—Ея кончина.—Бобринскій и Гриммъ. 109

IX.

Вторичный пріѣздъ принца Генриха въ Петербургъ.—Переговоры о вступленіи Павла Петровича во второй бракъ.—Отношенія его къ графу Н. И. Панину.—Отъѣздъ его въ Берлинъ. 128

X.

Принцесса Софія Доротея виртембергская въ Монбельярѣ 135

XI.

Пребываніе Павла Петровича въ Берлинѣ.—Отзывъ о немъ Фридриха II.—Слова Павла Петровича о своей дѣятельности. — Пріѣздъ принцессы Софіи Доротеи въ Петербургъ.—Бракосочетаніе Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны. 139

XII.

Первые годы пребыванія великой княгини Маріи Ѳедоровны въ Петербургѣ.- Свидѣтельство англійскаго посланника Гарриса.—Воспоминанія Алымовой и князя Голицына 150

XIII.

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи.—Начало Павловска.—Общество Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны. — Рыцарскія стремленія Павла Петровича.—Таинственное видѣніе . . 162

XIV.

Мнѣніе Павла Петровича объ устройствѣ военныхъ силъ въ Россіи.— Сношенія его съ княземъ Н. В. Репнинымъ и переписка съ графомъ П. И. Панинымъ. 171

XV.

Царственные гости въ Петербургѣ. — Графъ Готландскій. — Принцъ Фридрихъ виртембергскій. — Перемѣна отношеній Россіи къ Ав-

стран.

стріи и къ Пруссіи.—Графъ Фалькенштейнъ.—Принцъ Фридрихъ Вильгельмъ прусскій. 182

XVI.

Переговоры о бракосочетаніи принцессы Елизаветы виртембергской съ эрцгерцогомъ тосканскимъ Францомъ.—Приготовленія къ заграничному путешествію Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны.—Ихъ отъѣздъ. 193

XVII.

Путешествіе графа и графини Сѣверныхъ. 204

XVIII.

Братья и сестры великой княгини Маріи Ѳедоровны.—Невѣстка Императрицы Екатерины, принцесса ангальтъ-цербтская 244

XIX.

Путешествіе Бобринскаго 250

XX.

Возвращеніе Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны въ Петербургъ.—Отзывъ Императора Іосифа II.—Удаленіе князя А. Б. Куракина.—Указы о придворныхъ уборахъ.—Вторичный пріѣздъ въ Петербургъ принца Фридриха виртембергскаго.—Отношенія Павла Петровича къ Екатеринѣ.—Смерть графа Н. И. Панина. 265

XXI.

Воспитаніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Назначеніе Н. И. Салтыкова ихъ воспитателемъ, а графа В. И. Мусина-Пушкина состоящимъ при Павлѣ Петровичѣ.—Ш. К. Ливенъ.—Начало гатчинской жизни.—Исторія и описаніе Гатчины. 275

XXII.

Гатчинское общество.—Тамошній драматическій кружокъ.—Спектакли.—Великая княгиня Марія Ѳедоровна, Императрица Екатерина и фаворитъ Мамоновъ. 297

XXIII.

Принцъ Фридрихъ виртембергскій и его супруга, принцесса Августа.—Отъѣздъ принца изъ Россіи.—Жизнь принцессы Августы въ Ревелѣ и въ Лоде.—Ея кончина. 314

XXIV.

Таврическое путешествіе Императрицы Екатерины.—Жизнь Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны съ дѣтьми 322

XXV.

Законодательные проекты Павла Петровича.—Наказъ объ управленіи государствомъ.—Актъ о престолонаслѣдіи.—Начало гатчинскихъ войскъ 328

СТРАН.

XXVI.

Начало второй турецкой войны.—Просьбы Павла Петровича объ отъѣздѣ въ армію.—Начало шведской войны.—Отъѣздъ Павла Петровича въ Финляндію. — Духовное его завѣщаніе. — Обращеніе къ супругѣ.—Участіе Павла Петровича въ шведской войнѣ. — Опера Екатерины Горе-богатырь 335

XXVII.

Вторая турецкая война.—Потемкинъ въ арміи.—Образъ его жизни.—Былъ ли бракъ Екатерины II и Потемкина? 346

XXVIII.

Начало уединенной жизни Павла Петровича.—Разговоръ его съ графомъ Сегюромъ.—Эрцгерцогиня Елизавета.—Принцы Генрихъ и Карлъ виртембергскіе въ Петербургѣ.—Смерть Потемкина.—Зубовъ . . 363

XXIX.

Отношенія Россіи къ Пруссіи.—Дѣйствія Павла Петровича въ пользу прусскаго союза. — Денежныя его средства. — Банкиръ Сутерландъ.—Дѣло о мартинистахъ 374

XXX.

Великая княгиня Марія Ѳедоровна и ея дѣти. — Удаленіе Бенкендорфъ и Лафермьера.—Фрейлина Нелидова 384

XXXI.

Бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича. — Предположеніе о назначеніи его наслѣдникомъ. — Разсказы Державина и Лагарпа. Письмо Александра Павловича къ В. П. Кочубею . . 394

XXXII.

Перемѣна въ характерѣ Павла Петровича. — О. В. Растопчинъ. — Удаленіе Нелидовой.—Новые любимцы.—Общество Императрицы Екатерины.—Бобринскій въ Лифляндіи 405

XXXIII.

Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича. — Гатчинскія войска.—Ихъ устройство.—Маневры.—Орденъ св. Анны.—Устройство гатчинской артиллеріи.—Начало аракчеевщины. . . 429

XXXIV.

Несостоявшійся бракъ великой княжны Александры Павловны.—Король шведскій Густавъ Адольфъ въ Петербургѣ. — Послѣдніе дни великокняжества.—Таинственный сонъ 445

Заключеніе. 457

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНІЙ,

ПРИНЯТЫХЪ ВЪ ССЫЛКАХЪ НА ГЛАВНѢЙШІЕ ИСТОЧНИКИ.

I. СОЧИНЕНІЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

А. Г. С.—Архивъ Государственнаго Совѣта. Спбгъ, 1869 и сл., 8 т.
А. к. В.—Архивъ князя Воронцова, изд. Бартенева, М. 1870 и сл., 26 кн.
Барановъ — Барановъ, Опись указамъ, хранящимся въ Архивѣ Правительствующаго Сената. Спбгъ, 1873 и сл., 3 т.
Богдановичъ — Богдановичъ, Исторія Императора Александра I. Спбгъ 1869, 6 т.
Бюлеръ — Баронъ Бюлеръ, Два эпизода изъ царствованія Императрицы Екатерины II, въ Русскомъ Вѣстникѣ.
Васильчиковъ—Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ. Спбгъ, 1880 и сл., 3 т.
Вяземскій — Князь Вяземскій, Полное Собраніе Сочиненій. Спбъ, 1878 и сл., 10 т.
Гарновскій—Гарновскій, Записки въ Русской Старинѣ.
Григоровичъ—Григоровичъ, Канцлеръ Князь Безбородко. Спбгъ, 1879—1881, въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Державинъ—Державинъ, Сочиненія, изд. Грота. Спбгъ, 1862 и сл., 7 т.
Дмитріевъ—Дмитріевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти. Изд. 2-е. Москва, 1869.
Долгорукій—Князь Долгорукій, Капище моего сердца. Москва, 1874.
К. Ф. Ж.—Камеръ-Фурьерскіе журналы. Спбгъ.
Лебедевъ—Лебедевъ, Графы Панины. Спбгъ, 1861.
О. В.—Осмнадцатый Вѣкъ, историческій сборникъ, изд. Бартеневымъ. Москва 1868, 4 книги.
Павловскъ—Павловскъ, Очеркъ исторіи и описаніе. Спбгъ, 1877.
Памятники — Памятники новой русской исторіи, изд. Кашпирева. Спбгъ 1871, 3 т.
Пекарскій — Пекарскій, Исторія Императорской Академіи Наукъ. Спбгъ, 1862, 2 т.
П. С. З.—Полное Собраніе Законовъ Россійской Исторіи. Спбгъ, 1832.
Порошинъ—Порошинъ, Записки. Спбгъ, 1844.
Р. А.—Русскій Архивъ, историческій журналъ, изд. Бартенева. Москва.

Р. С.—Русская Старина, историческій журналъ, изд. Семевскимъ. Спбгъ.
Снегиревъ—Снегиревъ, Жизнь Платона, митрополита московскаго. Москва, 1856.
Соловьевъ—Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Москва, 28 т.
С. Р. И. О.—Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Спбгъ.
Сухомлиновъ—Сухомлиновъ, Фридрихъ Цезарь Лагарпъ. Спбгъ, 1871.
Фонвизинъ—Фонъ-Визинъ, сочиненія, ред. Ефремова. Спбгъ, 1866.
Храповицкій—Дневникъ Храповицкаго, изд. Спбгъ, 1874.
Ч. О. И. и Д.—Чтеніе въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Москва.
Энгельгартъ—Энгельгартъ, Записки, изд. 2-е. Москва, 1866.

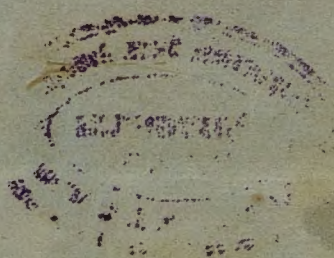
II. СОЧИНЕНІЯ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ:

Arneth—Arneth, Maria Theresia und Ioseph II. Wien, 1867—1868.
Arneth, Ioseph II—Arneth, Ioseph II und Leopold von Toscana. Wien, 1872.
Arneth, Katharina—Arneth, Ioseph II und Katharina von Russland. Wien, 1869.
Asseburg—Asseburg, Denkwürdigkeiten. Berlin, 1842.
Blum—Blum. Ein russischer Staatsmann. Leipzig, 1857—1858.
Campan—Campan, M-me, Mémoires. Paris, 1823.
Castère—Castère, Histoire de Catherine II. Paris, an VIII, 3 vol.
Catherine—Catherine II, Mémoires, Londres, 1859.
Cour—La Cour de Russie il y a cent ans. Berlin, 1858.
Daschkow—Daschkow, Princesse, Mémoires. Londres, 1840.
Dohm—Dohm, Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Lemgo, 1815.
Frédéric—Frédéric, oeuvres. Berlin.
Harris—Harris, Diaries and correspondance. London, 1844.
Helbig—(Helbig) Russische Günstlinge. Tübingen, 1809.
Herrmann—Herrmann, Geschichte des russischen Staates. Hamburg, 1852—1866.
Martens—Martens, Recueil des traités. Göttingen, 1857—1876.
Masson—Masson, Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1800, 4 vol.
Oberkirch—Oberkirch, La Baronne de, Mémoires. Paris, 1853, 2 vol.
Oelrichs—Oelrichs, ausführliche Beschreibung der Reise des Grossfürsten Paul Petrowitz von St-Petersburg nach Berlin. Berlin, 1876.
Stark-Stark, Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg. Stuttgart, 1876.
Vehse—Vehse, Geschichte der kleinen deutschen Höfe. Hamburg, 1853.
Walther—Walther, Briefwechsel der grossen Landgräfin Caroline von Hessen. Wien, 1877, 2 vol.

ПОРТРЕТЫ:

Цесаревича Павла Петровича, съ гравюры Скородумова и Великой княгини Маріи Ѳедоровны, съ гравюры, сдѣланной въ Парижѣ въ 1782 году.

Исполнены Г. Скамони въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Свердловская Высш. Комвуз.
Фундаментальная
библиотека
С/х. школа им. В. И. Ленина

Цѣна 3 рубля; съ пересылкою 3 р. 30 к.